

В. М. Безотосный

Российский
генералитет
эпохи 1812 года.

Опыт изучения
коллективной
биографии

РОССПЭН
Москва
2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)52
Б40

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 18-19-00072д, не подлежит продаже*

Безотосный В. М.

Б40 Российский генералитет эпохи 1812 года. Опыт изучения коллективной биографии / В. М. Безотосный. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 663 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-2218-7

Каждая историческая эпоха рождает своих героев, которые становятся символами своего времени. Героями и вождями российской армии эпохи 1812 года стали представители генералитета императора Александра I. Именно на генералах лежала ответственность за жизнь и смерть большого количества людей, а от принятых ими решений во время войн зависела дальнейшая судьба государства. Цель автора – рассмотреть связь событий, взглянуть на них через коллективную биографию этих героев и переплетение исторических судеб, рассмотреть эпоху через призму жизни и деятельности целой плеяды военачальников, понять их место в истории страны и запечатлеть время и обстоятельства, в которых они жили и оставили свой след в череде наполеоновских войн.

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)52

ISBN 978-5-8243-2218-7

© Безотосный В. М., 2018
© Политическая энциклопедия, 2018

*Посвящаю эту книгу своим коллегам,
решившим изучать эпоху 1812 год*

ПРЕДИСЛОВИЕ

У любой победы всегда много отцов. «Наши деды – славные победы»; «Наши отцы – русски полководцы». Именно так звучат слова старой солдатской песни. Без всякого сомнения российские генералы, покрытые «славою чудесного похода и вечной памятью двенадцатого года», стали главными виновниками торжества русского оружия в долгой эпохе наполеоновских войн и тем самым заслужили право на бессмертие и гордость потомков за их подвиги.

После выхода в свет в 2015 г. моей книги «Закаленные эпохой: Российский генералитет при Александре I», в отличие от многих до этого опубликованных работ, у меня возникло большое желание дополнить книгу. Во-первых, при публикации работы всегда за ее пределами остается, как правило, по целому ряду причин много не использованного материала, во-вторых, поскольку продолжаешь заниматься схожими сюжетами, постоянно попадают в поле зрения новые сведения о генералах, поэтому хочется сделать добавления и внести некоторые коррективы, в-третьих, появляются не только новые факты, но и новые мысли. Главное понимать, что нужно добавлять, хотя я отчетливо осознаю, что любому автору в какой-то момент необходимо остановиться и прекратить поиски материала, иначе этот процесс может продолжаться до скончания веков. В данном случае такое желание оказалось сильнее моих правил. Этим обстоятельством и продиктовано новое и во многом дополненное издание книги о русских генералах, живших и действовавших в начале XIX столетия.

Замысел написать работу о российском генералитете эпохи Александра I родился у меня давно. Так получилось, что всю свою профессиональную жизнь как историка и даже раньше (со 2-го курса университета) я занимался изучением эпохи 1812 года. И как-то незаметно мои интересы и штудии стали смещаться к теме судеб отдельных генералов того времени и взаимоотношений внутри генеральского сообщества. Но реализация этой моей устремленности

происходила постепенно, периодически я публиковал лишь статьи по отдельным аспектам этой тематики, словно накапливал силы для большого рывка вперед.

Да и вообще, какой научный интерес имеет изучение военной элиты государства? От решения этого вопроса зависит общее представление о временах борьбы России с наполеоновской Францией. Тут уже нельзя сказать, что избранная мной тематика полно и всесторонне была раскрыта в отечественной литературе. Имеющиеся работы в целом носят описательно-биографический характер. К тому же основное внимание в них уделялось лишь составлению (при том по объемам далеко неравнозначным) генеральских биографий, поскольку и в данном вопросе имеется большое количество лакун и «белых пятен». Но самое главное – отсутствуют труды, посвященные русским военачальникам «в годину бед, в годину славы». В целом же, несмотря на всем известную канву событий и контекст наполеоновских войн, работать над историей генералитета гораздо сложнее, чем написать историю армии или страны в этот период.

Истинная история многолика. Каждый исследователь ищет себя в науке через избранную им тематику и через своих героев пытается понять суть событий описываемого им времени. Особенно это характерно в нашу новую эпоху, меняющую точки зрения на персоналии и исторические факты. Мне представлялось небезолезным осветить состояние генералитета в эпоху 1812 года, отразить его количественный и качественный состав, выявить структуру, обрисовать социальный и национальный облик, показать эволюцию и факторы, влиявшие на нее, рассмотреть модель военного управления, коллизии и борьбу генеральских группировок на фоне войн того времени. Написать историю генералитета – это не просто описать историю армии и даже не только дать расширенную версию, а создать труд, направленный на осмысление как драматизма эпохальных событий, так и роли, которую тогда играли военачальники. Можно осуществить индивидуальное прочтение отдельных генеральских биографий эпохи 1812 года в рамках общей судьбы России, когда личный успех каждого военачальника являлся проявлением достижений и триумфа всей российской армии. И выполненная мной работа, по сути, является первой попыткой обобщения истории корпуса российского начальствующего состава в начале XIX столетия. Хотя бесспорно многие затронутые в книге сюжеты нуждаются в дальнейшей разработке, в частности, укажем для примера сравнительно-историческое изучение российских генералов и их зарубежных коллег, в

первую очередь из стана противников России в данный период¹. Такой сонаставительный анализ – нерснективная задача для будущего поколения отечественных военных историков.

Каждая историческая эпоха рождает своих героев, которые становятся символами своего времени. В судьбоносные моменты истории страны жизнь индивидуума завязывала узлы, соединяющие его с последующим временем. Действуя, выбирая и принимая решения, каждый человек вносил свою ленту в общий ход событий, влиял на конечный результат и на общее развитие судеб мира. Героями и вождями (как писали в дореволюционной историографии) российской армии эпохи 1812 года стали представители генералитета императора Александра I. Именно на генералах лежала ответственность за жизнь и смерть большого количества людей, а от принятых ими решений во время войны зависела дальнейшая судьба государства. Во многом благодаря объединным усилиям и совокупности действий этих людей (их команд, приказов и разработанных ими планов) была побеждена Великая армия Наполеона Бонапарта. Исходя из этого возникала поставленная мною цель: рассматривая связь событий, взглянуть на них через коллективную биографию этих героев и перенесение исторических судеб, рассмотреть эпоху через призму жизни и деятельности целой плеяды военачальников, понять их место в истории страны и запечатлеть время и обстоятельства, в которых они жили и оставили свой след в череде наполеоновских войн. Среди генералов, конечно, было много вроде бы второстепенных персонажей (скажем, малоизвестных читающей публике), но в целом вся команда военачальников представляла собой генерацию, выигравшую титаническую войну с наполеоновской Францией. В то же время в работах особенно советских авторов рассматриваемая эпоха была представлена фактически одним военно-политическим событием – Отечественной войной 1812 года. Мне же предстояло решить более широкую задачу – рассмотреть российский генералитет на фоне осмысления всех военных конфликтов и мирного времени Александровского царствования, в историю которого оказались влечены и их судьбы.

Генералитет (как узкий социальный слой, или группа) являлся военной элитой государства, в то время фактически ядром нации. Во многом именно генералы определяли и основные направления внутренней и внешней политики России в тот период, на них оглядыва-

¹ Можно указать схожую по тематике работу американского исследователя: Вовси Э. Наполеоновская военная элита и новое имперское дворянство, 1808–1814 годы // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 16–27.

лась и ориентировалась светская власть при принятии основных внешнеполитических решений, да и впоследствии большинство военачальников, занесенных на картины английского художника Дж. Доу, не только вошли в пантеон национальных героев страны в Военной галерее Зимнего дворца, но и стали важными государственными деятелями второй половины XIX столетия. Хотя я не считаю, что личная история важнее истории всеобщей, но множество генеральских биографий являются неотъемлемой частью мифологизированной истории Отечественной войны 1812 года.

Когда же за пару лет перед юбилейным 2012 г. у меня возникло вполне осознанное желание приступить к созданию монографии на эту тему, и я решил взяться за книгу, на долгое время меня отвлекли различные мероприятия, посвященные 200-летию Отечественной войны (написание энциклопедии, создание музея Отечественной войны 1812 года и др.). Обычная история – всегда что-то мешает большому делу, и ты себя оправдываешь тем, что сама жизнь чинит препятствия. Да и по окончании этого юбилейного года руки еще надолго оказались связанными уже юбилеями зарубежных походов, фактически приходилось писать урывками и возвращаться к теме после длительных перерывов. С одной стороны, это давало возможность устояться мыслям и материалу, но с другой – мешало на фоне юбилейных мероприятий осмыслить парадоксы и «бреши» в фасаде нашей официальной истории, найти нужный ракурс освещения событий и фактов, предложить не совсем обычное прочтение темы. Тем более что юбилей способствовал нераскрытию многих актуальных проблем, особенно значения для России зарубежных походов 1813–1814 гг. Исходя из этого, под новым углом зрения стал заново рассматриваться вопрос о роли России в этот период, что вызвало и изменение в определении ее места в международной системе.

Облегчало ситуацию только одно обстоятельство. Мне не нужно было производить оценку стоимости собственных трудозатрат на написание книги, поскольку делал я это для себя, мне просто было крайне интересно. Не из-за денег (сегодняшние гонорары смешны), а из-за стремления докопаться до сути. Когда пишешь по заказу (особенно социальному), то возникают определенные ограничения в выборе темы, содержании и объеме. В данном случае мне не нужно было втиснуть объем книги в какие-то рамки. Кроме того, у меня не было контрольных сроков, я с самого начала не строил конкретных планов по изданию этого труда. Самая интересная и основная составляющая для моей работы – это осмысление малоизвестных как для читателей, так и для моих коллег-исследователей фактов той

эпохи. Сознаюсь, что именно от процессов сбора, обобщения и анализа материала профессиональный историк получает главное удовлетворение. А вот процедура написания часто полна так называемыми муками творчества.

При написании работы перед мной не стояли вопросы о характере наполеоновских войн, составе коалиций, были нужны или нет отдельные войны России? Передо мной также не стояла задача подробного описания боевых действий, стратегии и тактики воевавших сторон. Большинство из этих проблемы я постарался по возможности осветить в своих предыдущих статьях и книгах¹. Да и событийная сторона хорошо известна, любой желающий может найти в библиотеках или в Интернете тысячи описаний военных действий с подробными картами.

В связи с этим, поскольку я старался не придерживаться традиционной структуры работ по военной истории, необходимо хотя бы вкратце очертить круг использованных мной источников. Ясно, что в наполеоновскую эпоху история писалась не чернилами, а кровью, а отложившиеся в это время документы лишь отражали драматизм событий. Историки в России крайне редко прибегали к анализу типографских экземпляров «Списков генералитета по старшинству», которые переиздавались каждый год, а также формулярных списков генералов «О службе и достоинстве» (портреты современных личных дел). Также я широко привлекал делопроизводственную документацию и источники личного происхождения (дневники, воспоминания), которые давали возможность находить сведения, не содержащиеся в официальных материалах, что оказалось особенно важным при поиске данных о столкновениях разных группировок внутри генералитета и отношениях между разными лицами. В этой книге у меня было стремление насытить изложение мемуарными источниками, дабы предоставить возможность современникам высказать свои суждения. Хотя нужно всегда помнить, что часто воспоминания писались с оправдательной целью: «pro domo sua» («в защиту себя и своих дел»). В качестве важного дополнения использовалась также публицистика, справочные издания и историческая литература. Кроме того, каждый историк должен всегда учитывать, что многие источники создавались в «тумане войны», а правда на войне погибает первой. Первоисточенная задача любого исследователя за-

¹ См.: *Безотосный В.М.* Наполеоновские войны. М., 2010; *Он же.* Россия и Европа в эпоху 1812 года: Стратегия или геополитика. М., 2012; *Он же.* Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014.

ключается в том, чтобы почувствовать этот «туман» и в конечном итоге его рассеять.

В монографии мной рассматривается личный состав всего генералитета в период правления императора Александра I, реконструкция его социальной иерархии, организация и специфические черты. Конечно, каждую генеральскую биографию необходимо было рассматривать в соответствии с социальной анкетой: своеобразие воспитания, социальной среды, материального положения, карьеры, национальной и религиозной специфики, личного психологического склада, общих условий исторической действительности, причудливых перенетлений родственных и дружеских связей. По детальному анализу по определенным параметрам подвергался лишь списочный состав военачальников, воевавших против наполеоновской армии в 1812–1815 гг. С одной стороны, всегда интересно узнать истинных победителей знаменитого полководца Наполеона, а с другой – боевые генералы 1812 года представляли собой репрезентативную выборку, по которой можно было бы в целом судить о российском генералитете. Хотя признаюсь, что очень часто многие персонажи выбивались из длинной однотипной генеральской шеренги и действия многих из них вряд ли соответствовали устоявшимся схемам поведения и общепринятой морали того времени. Иногда было трудно искать обобщающие черты, слишком велико было своеобразие личностей – их яркая индивидуальность. Это были крупные, самобытные, своевольные личности, привыкшие повелевать тысячами людей, казнить их и миловать. Кроме того, мне хотелось дать биографическую информацию, чтобы заинтересованный читатель мог получить и расширить знания о национальном, социальном, семейном и имущественном положении, а также представить служебные вехи и карьеру каждого генерала. Поэтому статистическая информация о персоналиях группирована в конце книги в справочных таблицах. Не исключаю, что кто-то, ознакомившись с моей работой, захочет сделать что-то подобное. Следовательно, я не зря потратил время.

При написании этой монографии мне помогли в первую очередь мои коллеги по Государственному историческому музею своими ценными советами и информацией. Я весьма признателен за поддержку А.А. Смирнову, К.Г. Игошину, В.М. Боковой, О.М. Ореховой, А.Д. Яновскому. За помощь и подсказку в поиске многих архивных данных я остаюсь благодарным уникальному архивисту, уже ушедшему из жизни, И.С. Тихонову, а также А.А. Подмазо, С.А. Малышкину, С.В. Белоусову, Г.В. Лянишеву, В.П. Земцову, коллеге из Твери И.Н. Поведской и рязанскому краеведу А.Д. Сорокину.

Часть 1 ГЕНЕРАЛИТЕТ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

*Но герои, скажешь, будут
Чтимы в поздни времена,
И народы не забудут
Их почтенны имена.*

*С.П. Марин.
На 1805-й год*

Наброски для создания груннового нортрета

В грозных событиях 1812 года именно российской императорской армии принадлежит ведущая роль. В кризисных условиях, когда Российской империи реально угрожала опасность потери национального суверенитета, только армия как главный инструмент защиты территориальной целостности могла защитить и спасти страну. В рассматриваемый период ее чрезмерно возросшее значение определялось и рядом других факторов. В 1812 году Россия оставалась единственной страной в Европе, войска которой на равных могли противостоять знаменитой Великой армии Наполеона, что уже продемонстрировали кампании 1805–1807 гг.

Но любая армия хранила источники внутренней силы в самой себе, а главным элементом этой силы российских войск являлся офицерский корпус и генералитет. В книге речь пойдет об отмеченных той эпохой и тесно переплетенных между собой отдельных биографий генералов, а также о судьбе всей страны в целом. Собственно судьба нашего государства и была во многом продиктована решениями этих генералов, сражавшихся во главе русских войск с армией наполеоновской Франции.

Тема российского генералитета вооруженных сил – это большая и серьезная научная проблема, исследование которой требует особой тщательности и скрупулезности. Обычно даже иностранные историки, упоминая героизм и стойкость русских войск в ту достопамятную эпоху, как правило, не объясняют и не рассматривают те обстоятельства, которые помогли русскому солдату выстоять. Безусловно суще-

ствовало множество серьезных факторов, способствовавших этому, но, пожалуй, важнейший из них – наличие командного состава, который подготовил войска к схватке с сильнейшей в то время армией и руководил ими. Очевидно, что даже самые опытные солдаты не в состоянии были выиграть даже одно сражение, не говоря уже о кампании, без организующей и направляющей роли высшего офицерского корпуса.

В дни моей юности очень часто в отечественной исторической литературе при описании российских побед в унор делался на героизме русского солдата, а лишь нотом уноминалась деятельность того или иного полководца. Однако когда возникала необходимость рассказать о совсем неславных страницах военных летонисей (то есть о поражениях), то сразу появлялся тезис о «бездарных царских генералах». Конечно в рядах российской императорской армии, как впрочем, и в любой другой, имелись свои «бездарности», но их наличие уравновешивалось бесспорными талантами умных и храбрых военачальников.

Российскую императорскую армию того времени можно смело рассматривать как значительное социокультурное явление. Петр Великий в начале XVIII столетия создал регулярные армию и флот, ставшие носителями «военной культуры». А как любая культурная среда, она существовала и развивалась в рамках единой генерации или передачи традиций от одного поколения к другому. С этой точки зрения армию в эпоху 1812 года можно воспринимать и как культурно-исторический феномен, включивший в себя столь маленькие но сравнению с бездонностью истории единицы человеческих жизней, сложные, неповторимые, порой трагические судьбы людей – солдат, офицеров и генералов.

Русское офицерство как социально-профессиональный слой возникло в период масштабной модернизации государственной жизни при Петре I, проведения им военных реформ и создания регулярной армии. Командный состав вооруженных сил нужно рассматривать как представителей военного отделения единого бюрократического класса императорской России. В XVIII столетии занятие офицерских должностей если и не стало исключительной привилегией дворянства, но, безусловно, помогло выходцам из этого сословия сохранить приоритет в этой области благодаря существовавшим привилегиям и традициям наследственного служения в вооруженных силах страны. Наряду с дворянами тогда на командные должности принимались иностранцы (до 10 %), а также представители недворянских сословий, как правило, это были нижние чины, выслужившие офи-

церские звания (до трети офицеров). Таким образом, они также получали права дворянства.

После манифеста 1762 г. «О вольности дворянства», отменявшего обязательную службу дворян, офицерский корпус стал интенсивно обновляться и заметно помолодел. Положение офицера в обществе в начале XIX в. было очень высоким. Его социальный статус непрерывно регламентировался Табелью о рангах 1722 г., согласно которой воинские чины получали большие преимущества перед теми, кто служил по гражданскому ведомству, а офицеры являлись наиболее привилегированной частью служивого российского дворянства, они с юности искали свое счастье на кончиках своих шпаг.

Необходимо также отметить, что дворянское сословие, образованное Петром Великим и ранее называвшиеся шляхетством, было неоднородно и фрагментировано, различалось по знатности, богатству и общественному положению. Существовали верноподданный чиновно-сановный Петербург; «столица недовольных» Москва, где проживали фрондирующие оральные отставники и крупные помещики центральных губерний (очаг дворянского вольномыслия и цитадель сословной оппозиции); родовая аристократия, негласно претендовавшая на властные полномочия в государстве; крупное столбовое поместное дворянство; бедные беспоместные чиновники и офицеры, получившие за службу право приобщиться к благородному сословию. Существовали также национальные и региональные особенности – прибалтийское (остзейское) имматрикулированное дворянство состояло в основном из потомков немецких баронов, которые с большой охотой шли на военную службу к российскому императору, польские магнаты и польская чиншевая шляхта, в целом оппозиционно относившиеся к российскому самодержавию, выходцы из казачьей старшины, совсем недавно приобщенные к дворянству, представители периферийных элит: потомки татарских мурз, кавказские князья, бессарабские бояре, шведское дворянство присоединенной в 1809 г. Финляндии и верхушка других национальных меньшинств российской империи. Все это отражало многообразие форм существования российского дворянства¹. Представители региональной «знати» не подвергались дискриминации, в данном случае действовала обычная практика «соблазнения» привилегиями российского дворянства, а местная элита просто кооптировалась во все-

¹ Проблемно-историографический очерк многообразия форм, статуса и существования дворянства см.: *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999. С. 7–21.

российское благородное сословие, конечно, при соблюдении главного критерия – лояльности и верности правящей династии Романовых.

Как раз к концу XVIII столетия в дворянской среде выросла доля лиц, не имевших крепостных, или мелкопоместных помещиков, поэтому военная служба для них являлась главным, а часто и единственным источником существования. Да и в общественном мнении для мужчин из богатых и аристократических семей считалось хорошим тоном, отдавая дань традиции, послужить офицерами в армии. Благородное происхождение обязывало (*Noblesse oblige*), а родовое призвание предполагало обязательность служения отечеству, причем общественное мнение отдавало приоритет не гражданской, а именно военной службе. Традиционно в дворянской среде отличия на «ноле чести» ценились неизмеримо выше, чем заслуги и бюрократические добродетели на ниве «нера и чернил». Дворянское общество в целом пренебрежительно относилось к чиновничеству, как практически отрицательной категории или корыстолюбимой прослойке; в обиходе имело бытование кличек типа «приказной», «нодьячий», «чернильная душа», «кранивное семя». В целом же в начале XIX столетия для дворянина вступление в ряды чиновников считалось даже неуместным, и взгляд этот поддерживался иногда указаниями высших нравительственных лиц¹.

Неоспорим был и престиж военной формы: она не шла ни в какое сравнение с гражданским мундиром, что косвенным образом сказывалось на воспитании молодежи. По словам С.Н. Глинки, «В разгуле тогдашнего быта дворянского молодые дворяне бегали от чернил и перьев, как от пугалищ»². Одним словом, в обществе тогда царил культ воинской службы. Вот как, например, описывал атмосферу своего детства генерал-майор князь В.В. Вяземский: «С самых малых лет чувствовал я чрезвычайную страсть к военной службе. В детских летах всякой ребенок чувствует некоторую как бы склонность: он беспрестанно играет ружьем, барабаном, налочками, – но сия происходит от игрушек, а входя в лета страсть его уже обнаруживается, у иных – к торговле, у иных – к художеству. Но я, вступив в службу, счел себя совершенно благополучным...»³. Военный мундир привлекал лучшие, самые энергичные силы нации, наиболее одаренных в духовном отношении лиц, способных командовать во-

¹ См.: Государственная канцелярия (1802–1902). СПб., 1902. С. 15.

² Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 164.

³ 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 185

йсками в военное время. Какова бы ни была причина поступления молодых людей на военную службу – увлечение ли внешним блеском, семейная ли традиция, или сознательное влечение – все они становились офицерами по собственному выбору или призванию. Военная служба была почетным, престижным и увлекательным делом. Это обеспечило приток молодых свежих сил, добровольно желающих вступить на военную службу и готовых отдать свою жизнь или здоровье Отечеству.

Вершину офицерского корнуса составлял генералитет, высшие офицеры. Боеспособность любой армии напрямую зависела прежде всего от личных и деловых качеств командного состава, который в мирное время подготавливал солдат к войне, а в военное время руководил ими на полях сражений. Одновременно это был и слой офицерства, заслуживший за долговременную службу и воинскую доблесть свои большие чины. Они сознательно выбирали армию как способ жизнедеятельности и средство самореализации, что потребовало от них в наполеоновскую эпоху высочайшей концентрации духовной и физической энергии. Духом войны в это время был пронитан сам воздух имперского климата, которым они дышали, а также и служебно-родственная система карьерных связей. Собственно эта атмосфера оняняла, сопровождала их до конца жизни. Создавалась определенная духовная связь между ветеранами, братство участников наполеоновских войн. Приведу в пример праздник, устроенный генерал-адъютантом Н.М. Синягиным в г. Саножке Рязанской губернии в честь Ф.В. Остен-Сакена 24 августа 1823 г. – десятую годовщину сражения при Кацбахе, на котором присутствовали воины – участники этого сражения из состава 6-й нехотной дивизии¹. Также, 11 октября 1852 г. в 40-летнюю годовщину оставления французскими войсками Москвы граф А.А. Закревский (как генерал-губернатор) «собрал у себя уцелевших участников войны 1812 года. Их оказалось в Москве: 298 генералов, штаб- и обер-офицеров и 719 унтер-офицеров и рядовых, всего 1017 человек»².

Конечной целью каждого офицера было желание дослужиться до генеральского чина. Неслучайно в русском языке бытовала поговорка: «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом».

¹ Макавеев А. Воспоминание о генерал-адъютанте Николае Мартемьяновиче Синягине // Военный сборник. 1860. № 10. С. 371–373.

² Заметки и дневники Л.В. Дубельта // Российский архив. Т. VI. М., 1995. С. 189.

В иностранных языках с ней перекликалась поговорка «Каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл». Да и для любого офицера задержка надолго в одном чине была чревата крушением карьеры.

Нанолеоновские войны начала XIX в. выдвинули на авансцену русской истории большое количество военачальников. Можно отметить, что чрезвычайная биографическая занимательность кроется внутри каждой генеральской судьбы. Их жизнь сопровождали очень крутые исторические повороты, большие и малые войны, которые вела Россия. Заметим, что эпоха 1812 года надолго затмила и отодвинула на второй план все другие события начала XIX столетия. По красноречивому замечанию Д.В. Давыдова, «то был век богатырей». Хотя имена самых известных исторических фигур того времени знают и сейчас, но имена большинства генералов, воевавших с Нанолеоном, уже давно стерлись из памяти потомков. Да и массивы генеральских биографий редко можно найти в нашей историографии. Совокупность биографических исследований сейчас называется модным термином – пронография. Применительно к нашей теме лишь в последнее время российские историки, в отличие от своих западных коллег¹, описали биографии почти всех генералов – участников Отечественной войны 1812 года в нескольких энциклопедических изданиях². Да, значение прошлого в России всегда было иное, чем в других странах. Но реально оно стало осознаваться лишь в последнее время, когда история державы до 1917 г. оказалась его неотъемлемой частью и стала оцениваться без критики, окрашенной в идеологические тона. Это обстоятельство (создание и осознание «имперских» биографий как фундаментальной базы исследования) в значительной степени облегчало стоящую перед нами задачу и дало возможность привлекать факты генеральских судеб из этих энциклопедических изданий.

¹ Для примера, во Франции по французскому генералитету в наполеоновскую эпоху обобщающие справочники были составлены в 1930-х гг. (См.: *Six G. Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la Révolution et de l'Empire (1792–1814)*. Т. 1–2. Paris, 1934).

² См. издания, вышедшие в последнее время: Отечественная война 1812 года. М., 2004; Отечественная война 1812 года. Биографический словарь. М., 2011; Отечественная война и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Т. 1–3. М., 2012.

Генеральские кадры императора Александра I: списки генералитета по старшинству

Для исследования реалий властных структур российского государственного олимпа представляет большой интерес анализ эволюции кадрового состава генералитета при Александре I. Ведь в те времена налицо было ярко выраженное статусное общественное мышление, а среди дворян господствовал примат чина в системе ценностных ориентаций. Кроме того, именно этот корпус высших военачальников сыграл огромную роль в событиях наполеоновской эпохи. Что же представляла собой данная стратегически элитарная группа правящего класса в количественном и качественном отношении? Какого рода количественные и качественные изменения происходили в среде генералитета и какие процессы развивались там на протяжении всего царствования? Каково было отношение императора к своим генералам (генеральские чины присваивались лишь по усмотрению монарха), на чем строилась его политика в подборе и расстановке кадров на высших командных должностях?¹

Зачастую постановка вопросов важнее ответов! (Они могут будоражить и последующие поколения историков). Но все же ответы на них можно найти, хотя бы частично, привлекая такой редко используемый источник, как годовые списки генералитета по старшинству². Они ежегодно составлялись военным ведомством (сначала инспекторской экспедицией, с 1810 г. – инспекторским департаментом) на какую-либо четко зафиксированную дату и затем оперативно издавались карманным форматом типографским способом. Фамилии генералов, находившихся на службе, располагались не по алфавиту, а по старшинству в чине – от генерал-фельдмаршалов до генерал-майоров. Для каждого указывались год, месяц и число, с которого отсчитывалось старшинство, чаще всего совпадающее со временем производства в последний чин, но иногда фиксировалась другая дата, например, в случаях получения воинского звания «за отличие» в конкретном боевом эпизоде, поэтому старшинство считалось с даты этого сражения. После возвращения из отставки или перехода из гражданской службы старшинство также изменялось (чтобы не оби-

¹ В 1826 г. армия насчитывала в своих рядах 495 генералов и 17 985 офицеров. (См.: *Шиман Т.* Александр Первый. М., 1908. С. 112–115).

² Историки редко использовали этот источник. В литературе только недавно появилась статья с источниковедческим разбором списков. См.: *Подмазо А.А.* Списки генералов по старшинству как источники // Отечественная война 1812 года и российская провинция: События. Люди. Факты. Малоярославец, 2003. С. 12–18.

жать тех, кто оставался служить, особенно младших в чине)¹, оно сдвигалось на время, проведенное вне службы, или иногда, как тогда писали, старшинство исчислялось по Высочайшему манифесту 18 февраля 1762 г. и тогда фамилия генерала записывалась в конец списка того или иного чина. При выходе в отставку военнослужащий получал (как правило) чин на ранг выше («награждаются одним рангом, если только состояли в прежнем более года»), однако при повторном поступлении на военную службу ему (как правило) возвращался чин, который он имел до отставки. Как указывалось в 3-м пункте Высочайшего манифеста 1862 г.: «Кто будучи в отставке некоторое время, или после военной находясь в статской и других службах нежелает или вступить в военную службу, таковые приняты будут, если их достоинства окажутся, теми же чинами в каких они состоят, с переименованием военных чинов, но старшинством младшими перед теми, кои с ними, когда они из военной службы уволены, в одних рангах состояли. Если же таковые все уже повышены будут, то может и определяющийся в военную службу старшинство получить с того дня, как определится, сие для того не становится, дабы служащие не получили несправедливой выгоды и пользы имели»². Именно для этого еще по указу от 1 мая 1785 г. предписывалось «Военной и Адмиралтейств-коллегиям, также лейб-гвардии полков полковым канцеляриям чинам даваемым, изыскать точно, каким кто чином до отставки в войске, во флоте, или в других каких воинских командах действительно служил, и напоследок при отставке из какого именно чина во что произведен, или без награждения отставлен»³.

Правда, иногда следовал приказ императора о принятии с чином, который генерал имел в отставке, но без указания старшинства.

¹ Приведем случай с генералом А.П. Ермоловым, вышедшим в отставку, а в 1831 г. вновь принятым на службу. Главный штаб при возвращении на службу установил, «что старшинство генералу от инфантерии Ермолову в настоящем чине за вычетом 3-х лет и 11 месяцев бытности его в отставке, следует считать с 21 января 1822 года. По генеральскому списку он состоит между генералов: от артиллерии князя Яшвиля и инфантерии Канцевича; до увольнения же от службы стоял между генералов князя Волконского и Эссена» (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 859. Л. 4). То есть его старшинство было сдвинуто на 3 года и 11 месяцев, до этого старшинство определялось с момента производства в чин 20 февраля 1818 г.

² РГИА. Ф. 395. Оп. 6/312. 1 отд. 1 ст. 1817 г. Д. 388.

³ Жалованная грамота благородному российскому дворянству, с принадлежащими к оной законами с 1785 по апрель месяц 1817 года. СПб., 1817. С. 28.

В этом случае возвращалось прежнее старшинство, но оно считалось по младшему чину (полный генерал значился в списках генерал-лейтенантов, а генерал-лейтенанты – среди генерал-майоров). Даже для современников были не всегда понятны и трудно объяснимы все нюансы такой противоречивой ситуации (несоответствие логики службы со старшинством), возникавшей только из-за решения монарха. Даже обращение к специальной литературе мало что проясняет, поскольку исследователи, детально анализируя содержание Манифеста о вольности дворянства 1762 г. или Жалованную грамоту дворянства 1785 г., не рассматривали механизм повторного возвращения на службу из отставки и сложность учета старшинства в этом случае¹.

Обычно в списке печатались только фамилия с номерными приписками² без инициалов (Иванов 1-й, Петров 2-й и т. д.), имена и отчества приводились только у лиц императорской семьи и иностранных владетельных особ, но указывались дворянские титулы и занимаемые должности, а также делались пометки о нахождении в отпуске или состоянии под судом. Кроме того, все генералы без исключения были разнесены по девяти градам соответственно: по тяжелой или легкой пехоте, по тяжелой или легкой кавалерии, артиллерии, инженерным войскам, состоянию по армии, по принадлежности к гарнизонным войскам или к Военной коллегии и департаментам (с 1810 г. – к военному министерству), к казачьим войскам.

Все данные приводились на момент составления списка. В следующем году, если в служебном положении генералов происходили изменения, то они, как правило, фиксировались. Составителями списков выступали министерские чиновники, узнававшие обо всех изменениях из высочайших приказов. По невниманию они могли

¹ См.: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974. С. 140–154 (глава «Манифест о вольности дворянства и дальнейшая бюрократизация государственного аппарата»); *Фаизова И.В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 112–125 (глава «Отставные военные»).

² Часто на практике происходила бюрократическая путаница, особенно в результате изменения нумерации после смерти одного из однофамильцев. Подробнее см.: *Кибовский А.В.* Прогулки по Эрмитажу. Загадки Военной галереи Зимнего Дворца // Цейхгауз. 2001. № 1/13. С. 18–21. Особенно трудный случай с наличием в наполеоновскую эпоху шести полковников Давыдовых, служивших по кавалерии, и их крайне запутанное производство в генералы см.: *Тихонов И., Эдельман О.* «Щет Давыдовым», или уравнение с шестью неизвестными // Родина. 2012. № 6. С. 77–81.

что-то пропустить или не зафиксировать изменения, но это были искажения или промахи субъективного характера. Как правило, допущенные ошибки оперативно исправлялись в следующем сниске, так как типографскими экземплярами пользовались все генералы, то есть лица, заинтересованные в недопущении ошибок по отношению как к своей персоне, так и к своим «коллегам по цеху».

Типографские экземпляры рассылались (возможно, частично распространялись) как руководящие документы в штабные структуры и ведомства, где проходили службу генералы. Каждый снисок был действителен до выхода следующего, а затем терял силу. Но в течение этого срока всегда происходили изменения и передвижки, поэтому на многих дошедших до нашего времени снисках можно найти краткие рукописные вставки, пометки и зачеркивания, внесенные прямыми пользователями на основании полученных приказов (о кончине, отставках, отпусках, изменениях названий должностей, а также номера приказов). Большинство экземпляров, видимо, затем за ненадобностью выбрасывалось. Лишь этим можно объяснить слабую сохранность снисков даже в главных библиотеках страны.

В повседневной жизни генералитета ежегодно издаваемый снисок являлся важнейшим документом, в котором на определенный момент четко и наглядно регистрировалась иерархическая структура (старшинство в чинах) высшего командного состава. На основе этих широко распространяемых снисков определялась система подчиненности младших старшим, от этого зависело возможное назначение на открывающиеся вакансии, производство в следующий чин и даже в соответствии со сниском рассадка гостей во время великосветских приемов и торжественных обедов. Не вызывает сомнения, что каждый генерал очень внимательно следил не только за тем, какое место он сам занимал, но и за положением своих, особенно младших в чине, коллег. Резкий карьерный взлет последних, или назначение на высшую должность, или получение нового чина вызывали не просто болезненное недовольство, а бурю возмущения и зачастую могло привести «обиженных» к массовому написанию прошений об отставке. Внимательно читали сниски по старшинству не только генералы, но и офицеры. Например, накануне войны, в 1812 г., полковник А.А. Закревский, как всегда, сетуя на начальство, писал М.С. Воронцову: «Войнова и Остермана для пользы службы надо вызвать; но у нас думают, что лучше и достойнее их есть довольно; но как посмотрешишь в генеральский снисок, так и увидишь – ни одного»¹.

¹ Архив князя Воронцова. Т. 37. М., 1891. С. 226.

Анализ даже одного списка весьма любопытен, а еще интересней суммировать данные за разные годы. Нами проанализированы сведения на 1803, 1808, 1812, 1814, 1820 и 1825 гг. Выбор первой даты обусловлен тем, что после смерти Павла I наблюдалось возвращение на службу большого числа генералов, отставленных во время его царствования. 1808 г. взят как определенный итог первых русско-французских кампаний. Сноска 1812 г. фиксировал состояние генералитета перед французским нашествием, сноска 1814 г. – на период окончания заграничных походов русской армии. 1820 и 1825 гг. взяты в качестве конца царствования императора Александра I. Таким образом, для рассмотрения отобраны значимые и сопоставимые временные вехи состояния корпуса генералов сухопутных сил в первой четверти XIX столетия. В данном случае нам важно представить кадровую ситуацию по годам и тем самым показать в динамике развитие генералитета.

Пирамида генеральских чинов

Показатели (см. табл. 1)¹ по шести фиксированным годам дают возможность наглядно представить тенденции в изменении количественного состава генералитета в царствование императора Александра I. Правда, на основе этих суммарных данных невозможно точно проследить внутреннюю динамику – количество умерших, уволенных или принятых на службу, произведенных в новые чины и т. д. Мало того, если генерал в промежутке между составлением двух списков производился в чин или принимался на службу из отставки, а затем через несколько месяцев исключался из службы (умершим или отставленным), его фамилия в этих документах уже не фигурировала. Несмотря на это, списки остаются важнейшим источником для выяснения общей картины состояния генералитета и дают возможность сделать временные срезы, выяснить общую картину и векторы изменения численности генеральского корпуса в первой четверти XIX в.

¹ Таблица составлена на основании подсчетов данных из книг: Список генералитету по старшинству [по 19 июня 1803 г.]. СПб., 1803; Список... [по 18 января 1808 года]. СПб., 1808; Список... [по 24 июня 1812 года]. СПб., 1812; Список... [по 30 августа 1814 года]. СПб., 1814; Список... [по 7 августа 1820 года]. СПб., 1820; Список генералам, с означением имен, знаков отличия и старшинства в чинах [по 19 июня 1825 года]. СПб., 1825.

**Количественный состав генералитета по чинам в царствование
Александра I**

Год	1803	1808	1812	1814	1820	1825
Г-ф*	3	4	2	3	2	1
Ген.	30 (1)**	26	32	39	37	46
Г-л	73 (9)***	66 (4)***	56 (4)***	106 (4)***	85 (2)***	81
Г-м	289	281	273	395	422	413
Всего	395	377	363	543	546	541

* Сокращения: г-ф – генерал-фельдмаршалы; ген. – полные генералы; г-л – генерал-лейтенанты; г-м – генерал-майоры.

** В скобках указано количество полных генералов, фамилии которых значатся по старшинству среди генерал-лейтенантов (А.А. Дашков).

*** В скобках указано количество генерал-лейтенантов, фамилии которых значатся по старшинству среди генерал-майоров (например, на 1803 г.: Л.Ф. Мальтин, П.К. Мусин-Пушкин, К.И. Глазенап, А.Н. Сухотин, В.И. Бронин, И.И. Бриземан фон Неттинг, Г.Ф. Вимицер, Г.И. Ротгоф, А. Баскаков).

В количественном отношении градация генеральских чинов напоминала пирамиду: основание и нижний этаж ее составляли генерал-майоры, середина была представлена генерал-лейтенантами, высший этаж занимали полные генералы (генерал от инфантерии, генерал от кавалерии, генерал от артиллерии, инженер-генерал) и венчали эту конструкцию генерал-фельдмаршалы. Несмотря на неровности в количественном составе, обращает на себя внимание общая сбалансированность в рассматриваемый период разных чиновных градаций генералитета. Если генерал-фельдмаршальский чин имели единицы, то чины полных генералов имели от 7 до 9 % военачальников, генерал-лейтенанты составляли от 15 до 18 %, генерал-майоры – от 73 до 77 % от общего количества генералов на тот или иной год.

Пик военного олимпа занимали генерал-фельдмаршалы (1-й класс Табели о рангах). Как было написано в Уставе Воинском Петра Великого 1716 г., где еще многие чины даны смешано: «Генерал фельт маршал, или аншефт, есть командующий главный генерал в войске. Его ордер и новеление в войске, должны все почитать, нонсже вся армия и настоящее намерение от государя своего ему вручено»¹.

¹ Книга Устав воинский о должностях генералов, фельт маршалов, и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежит быть, и о иных воинских делах, и повелениях, что каждому чинить должно. М., 2016. С. 35.

Дослужиться до такого чина могли немногие, как правило, это были люди пожилого возраста. Из восьми человек, получивших в царствование Павла I фельдмаршальский чин, в 1803 г. в списках значилось лишь трое: князь Н.И. Салтыков (ум. в 1816 г.), граф И.П. Салтыков (ум. в 1805 г.), а также граф М.Ф. Каменский (убит своими крестьянами в 1809 г.). Возраст каждого из них приближался к 70 годам, и хотя они занимали важные государственные военно-административные посты, преклонные лета являлись препятствием для использования их в качестве полководцев. Этот тезис наглядно подтвердила кампания 1806 г. в Пруссии, когда М.Ф. Каменский на посту главнокомандующего русскими войсками не смог вести себя адекватно ситуации и под предлогом болезни отбыл из армии, после чего был уволен от должности. Несмотря на этот малоприятный инцидент, император еще раз попробовал опереться в военной сфере на поколение последних «екатерининских орлов» (представителей партии «екатерининских» вельмож). В 1807 г. он произвел в чин генерал-фельдмаршала за прошлые заслуги 75-летнего князя А.А. Прозоровского (ум. в 1809 г.) и назначил его в 1808 г. главнокомандующим Молдавской армией, а также командовавшего войсками на Кавказе (вызванного в 1806 г. из своей деревни) 66-летнего графа И.В. Гудовича (ум. в 1820 г.), вскоре, в 1809 г., из-за болезни определенного на должность главнокомандующего в Москве. Эти явно неудачные карьерные возвышения привели к тому, что в период заключительной борьбы с Наполеоном высший чин был дан лишь за полководческие отличия М.И. Кутузову в 1812 г. и М.Б. Барклаю де Толли в 1814 г. за взятие Парижа¹. Помимо Барклая, всех этих воен-

По этому уставу вводился и чин второго главного командира – «генерал-фельт-маршал лейтенант».

¹ ОИИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 245. Л. 19–20. По словам адъютанта генерала К.Ф. Толя поручика С.Г. Хомутова, сразу после капитуляции Парижа Александр I, увидев едущего навстречу Барклаю де Толли, издали закричал: «Михаил Богданович, поздравляю вас фельдмаршалом!» (Из дневника свитского офицера // Русский архив. 1870. Стлб. 163). Как писал позднее А.Х. Бенкендорф, «Барклай де Толли должен был найти у стен Парижа вознаграждение за все свои труды и все свои печали, преследовавшие его во время кампании в России. Он стал фельдмаршалом на поле битвы, посреди самого смертного огня» (Бенкендорф А.Х. Воспоминания. М., 2012. С. 263). Один из первых биографов Барклая считал, что тот был произведен в день взятия Парижа 18 марта 1814 г. (См.: Бантыш-Каменский Д.М. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 3–4. М., 1990. С. 225). Приказ же об этом был подписан 19 марта 1814 г. (См.: Безото-

чальников можно смело назвать людьми XVIII столетия как по возрасту и мировоззрению, так и по приверженности к тактическим взглядам и схемам этого века.

Известно, что в 1814 г., после взятия Парижа, Александр I также хотел пожаловать генерал-фельдмаршальский чин графу А.А. Аракчееву за его огромную административную деятельность в период наполеоновских войн. Вот, что сам Аракчеев написал в автобиографических заметках об этом: «Марта 31-го дня 1814 г. в Париже, Государь Император Александр 1-й изволил произвести графа Аракчеева в фельдмаршалы, вместе с графом Барклаем, о чем и приказ собственноручно был написан, но гр. Аракчеев оного не принял и уносил Государя отменить»¹. То, что граф считал себя недостойным таковой награды, делает ему честь. Но он, вероятно, отлично понимал возможную ситуацию двусмысленности и предвидел негативную реакцию на подобное производство и насмешки над ним не только общества, но и в первую очередь генералитета, поскольку имел репутацию отнюдь не боевую, а о его административных достижениях и заслугах вряд ли знала армия. Также очевидно, что российский император в силу своего личного отношения сделал все возможное, чтобы не дать чин генерал-фельдмаршала Л.Л. Беннигсену, формально имевшему по своему положению и заслугам право на его получение. Александр I вынужден был наградить Беннигсена высшим военным орденом Св. Георгия 1-го класса и возвести его в графское достоинство, но оставил в прежнем чине генерала от кавалерии. В 1825 г. чин российского генерал-фельдмаршала носил лишь английский герцог А.У. Веллингтон, получивший его в 1818 г. Но это был акт почета, политико-дипломатический реверанс в сторону Великобритании, использовавшийся русской стороной для ведения деловых переговоров². Для отечественного генералитета это не имело никаких практических последствий. Упомянем лишь, что позднее, уже после смерти Александра I и на протяжении царствования Николая I, в фельдмаршальский сан были возведены генералы 1812 года И.И. Дибич, И.Ф. Паскевич, П.М. Волконский и М.С. Воронцов.

ский В.М. О пожаловании чина генерал-фельдмаршала // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историкография. Т. XIII. М., 2015. С. 377.

¹ Автобиографические заметки графа Аракчеева // Русский архив. 1866. Б/н. Столб. 926.

² Например, во время пребывания А.У. Веллингтона в 1826 г. для поздравления нового императора с вступлением на престол (См.: *Княгиня Н.С. Избранные труды по истории России XIX века. М., 2015. С. 405.*)

Полные генералы (2-й класс Табели о рангах: генералы от инфантерии, генералы от кавалерии, генералы от артиллерии, инженер-генералы) в количественном отношении представляли собой небольшую группу (от 26 до 46 человек), члены которой занимали высшие военно-административные посты (главнокомандующие армиями и столицами, члены Государственного совета, министры, сенаторы, генерал-губернаторы, командиры корпусов и т. н.). По Уставу Военному Петра I 1716 г. генерал от инфантерии – «команду над инфантерией имеет», генерал от кавалерии – «есть первый при кавалерии», генералу от артиллерии соответствовал чин «генерала фельдцейхмейстера»¹. Все эти воинские звания до правления императора Павла I имели одно общее наименование – генерал-аншеф. Сам чин соответствовал основной службе генерала по роду войск. Наиболее распространенным был чин генерала от инфантерии. Генералы, служившие по кавалерии, получали чин генерала от кавалерии (например, А.П. Тормасов, П.Х. Витгенштейн, Л.Л. Беннигсен, М.И. Платов, И.И. Раевский), служившие по инженерному ведомству имели чин инженер-генерала (например, П.К. Сухтелен, К.И. Оннерман), артиллеристы добивались чина генерала от артиллерии, например, А.П. Ермолов, в 1817 г. получивший чин генерала от инфантерии, в 1837 г. был переименован в генералы от артиллерии. Все эти чины имели равное значение, старшинство в чине определялось не родом войск, а датировкой в списках по старшинству, которая зависела в первую очередь от даты производства в чин. Среди полных генералов только П.К. Сухтелен в 1809–1811 гг. занимал дипломатическую должность посла в Швеции, а значительно позднее, в 1835 г., генерал от кавалерии Петр Петрович Пален был чрезвычайным и полномочным послом в Париже; генерал от инфантерии А.Я. Будберг в 1806–1807 гг. являлся министром иностранных дел, но был уволен от должности, поскольку выступал противником заключения русско-французского союзного договора в Тильзите².

Среди полных генералов также была высока доля людей преклонных лет, а возраст являлся препятствием для использования их бое-

¹ Книга Устав воинский о должности генералов... С. 51, 55, 56.

² А.Я. Будберг являлся также специалистом по германским невестам, в свое время выступал в роли свахи и привез невест для великих князей Александра и Константина Павловичей (См.: *Кучерская М.* Константин Павлович. М., 2005. С. 46). В высшем свете он имел неоднозначную репутацию, его называли «министр чуждых ему дел» (См.: *Дневник статс-секретаря Григория Ивановича Вилламова* // *Русская старина*. 1912. № 4. С. 18).

вого опыта (если он имелся) на театре военных действий. Тем не менее из этой среды рекрутировался высший командный состав полевых армий во время войн 1-й четверти XIX в. (главнокомандующие армиями, командиры корпусов и другие высшие командные должности). Самой распространенной и понятной всем должностью полного генерала был командир корпуса. Вот как, например, считал генерал-лейтенант И.В. Сабанеев, оценивая свои должностные возможности в 1815 г.: «На корпус претендовать не могу, потому, что все корпусные полные генералы; нельзя же у них отнять, чтобы мне отдать»¹.

Генерал-лейтенанты (3-й класс Табели о рангах)² составляли среднее звено генералитета, представлявшее более многочисленную прослойку (от 54 до 104 человек). Как правило, в полевых войсках они занимали должности от командиров корпусов до дивизионных начальников и самые разные военно-административные и дипломатические посты. Так послом во французской империи в 1807–1808 гг. являлся генерал-лейтенант граф П.А. Толстой; с 1809 по 1834 г. в Пруссии, затем Великобритании посольскую должность занимал генерал-лейтенант Х.А. Ливен; полномочным министром в Голландии, а затем в Неаполитанском королевстве состоял генерал-лейтенант князь С.Н. Долгоруков; в 1812 г. посланником в Саксонию был назначен генерал-лейтенант В.В. Ханыков (и несколько месяцев содержался под стражей после начала военных действий), а с 1813 г. вновь занимал этот пост, потом до 1819 г. состоял в той же должности при ганноверском, саксен-веймарском, гессен-кассельском, ольденбургском и мекленбург-шверинском дворах; в 1814–1821 гг. чрезвычайным посланником и полномочным министром в Нидерландах являлся генерал-лейтенант К.Л. Фуль. В 1816 г. А.П. Ермолов, помимо должности главноуправляющего в Грузии и командующего Отдельным Грузинским корпусом, был также назначен чрезвычайным послом в Персию, а за успешные переговоры с персами произведен в 1818 г. в чин генерала от инфантерии.

При этом необходимо учитывать, что Александр I давал чин генерал-лейтенанта и выше только за отличие. Например, генерал Е.Ф. Комаровский вспоминал: «30 августа 1816 года я произведен был, как сказано в приказе, за отличие по службе в генерал-лейте-

¹ Архив князя Воронцова. Кн. 39. М., 1893. С. 401. Справедливости ради, отметим, что И.В. Сабанеев в 1815 г. все же занял должность командира 6-го пехотного корпуса.

² Это воинское звание до времени правления императора Павла I соответствовало чину генерал-поручика.

нанты, пробыв без двух месяцев и нескольких дней 17 лет в генерал-майорском чине. У императора Александра принято было за правило, чтобы в генеральских чинах не производить по старшинству, а за отличие; от сего сколько младших в чине произведены были прежде меня»¹.

Самой большой грунной, служившей основанием всего генералитета, являлись генерал-майоры (4-й класс Табели о рангах)². В Уставе Воинском Петра Великого сказано: «Чин генерала маеора зело многотрудный и нонечительный есть»³. Их было в первой четверти XIX в. от 270 до 422 человек. В рядах генерал-майоров можно было встретить как старых служак (несмотря на большой опыт, не продвигавшихся далее в чинах), так и молодежь, стремительно сделавшую карьеру на полях сражений во время наполеоновских войн или при Дворе. Должностной спектр генерал-майоров был очень широким. В полевых войсках они занимали разные командные должности в дивизионном звене (полк – бригада – дивизия), вплоть до дивизионного начальника (командира кавалерийского корпуса), или командовали артиллерийскими бригадами. В штабной сфере могли числиться на постах до начальника главного штаба армии. Вне армии они находились на должностях комендантов (или градоначальников) городов и крепостей, в Военной коллегии, различных комиссиях, департаментах и Военном совете Военного министерства занимали должности командующих арсеналами, управляющих провиантскими и комиссариатскими делами, обер-полицеймейстеров в столицах, окружных начальников корпуса Внутренней стражи, артиллерийских и инженерных округов и т. д. Казачьи генералы могли занимать должности войсковых атаманов или состоять во Войску (в основном во Войску Донскому). Некоторые проходили по дипломатическому ведомству: так, генерал-майор Н.Г. Реннин с 1809 г. был посланником в Вестфалии, с 1810 г. послом в Испании; генерал-майор Н.Ф. Хитрово являлся в 1815–1817 гг. посланником при дворе великого герцога Тосканского; генерал-майор Ф.В. Тейль ван Сераскеркен в 1817–1819 гг. был послом в США, затем в Бразилии; генерал-майор К.Х. Бенкендорф в 1820–1826 гг. являлся чрезвычай-

¹ Записки графа Е.Ф. Комаровского. М., 1990. С. 132.

² При Павле I к генералитету относились и 5-й класс по Табели о рангах – чин бригадира, хотя уже в его правление, а также при Александре I этот чин не присваивался, его носили только отставники, но в 1806–1807 и 1812 г. с этим чином их принимали в ополчение.

³ Книга Устав воинский о должности генералов... С. 68.

ным посланником при Вюртембергском и Баденском дворах; будучи генерал-майором, К.О. Поццо ди Борго был назначен в 1814 г. полномочным министром при французском дворе и занимал эту должность до 1831 г., при этом получил чины генерал-лейтенанта (1817) и затем генерала от инфантерии (1829).

Необходимо отметить характерный нюанс – многие генералы, вне зависимости от чина, числились до 1815 г. шефами полков, не находясь при них, а занимающие комендантские должности – шефами гарнизонных полков и батальонов. Некоторые генералы значились в списках при гвардейских полках, но де-факто занимали другие должности как административные, так и командные в полевых войсках.

Генерал-адъютанты императора

Особый статус имели генерал-адъютанты (от генерал-майоров до полных генералов) и генералы, состоявшие при особе императора¹. О возрастании роли генералов свиты к концу царствования наглядно свидетельствует табл. 2.

Институт генерал-адъютантства Александр I унаследовал от своего двоюродного отца Павла I. Это было придворное звание, но его носители параллельно имели и армейские чины от генерал-майора до генерал-фельдмаршала включительно. Само генерал-адъютантское звание свидетельствовало в первую очередь о степени близости к монарху и об особых личных заслугах перед своим сувереном. Генерал И. Дибич, разбиравший обязанности этих «государевых слуг», в 1802 г. писал: «...генерал-адъютант есть первый помощник государя по воинской части, и чрез него Высочайшая воля не только объявляется, но если нужно, то должны объявления оной сопровождаться быть объяснениями и наставлениями... Избрание его предполагает доверенность монарха в его званиях и справедливости»². При смене царствования они автоматически лишались генерал-адъютантских энолет, но чаще всего новый монарх оставлял их в своей свите. После коронации в свите Александра I числилось всего

¹ В Уставе Воинском Петра Великого сказано: «...у государей, фельдмаршалов и аншефтов называются генерал-адъютанты, а у прочих генералов, генералс, а не генерал-адъютантами называть должно» (Книга устав воинский о должностях генералов... С. 88).

² Дибич И.И. Мысли о солдате в различных по званию его отношениях, рассматриваемых в воинском и нравственном виде... Ч. 1. СПб., 1802. С. 200.

восемь генерал-адъютантов (Ф.П. Уваров, П.М. Волконский, П.П. Долгоруков, Х.А. Ливен, И.В. Васильчиков, П.Г. Гагарин, Ф.Ф. Винцингероде и Е.Ф. Комаровский), а также 17 флигель-адъютантов.

В дореволюционной литературе с легкой руки великого князя Николая Михайловича (писавшего на эту тему) укрепились мнение, что генерал-адъютанты – это лишь почетное придворное звание в свите императора, когда генерал-адъютантские аксельбанты жаловались и носились по Высочайшему усмотрению¹. Безусловно, начиная с XVIII в. любой придворный чин приобретал характер особого отличия для представителей высшей военной бюрократии. Но кроме этого, этот разряд генералитета занимал важное место в военной иерархической структуре империи и выполнял специфическую работу военного штаба при русском монархе. Генерал-адъютанты как особо доверенные лица императора также осуществляли дипломатические, контрольные и охранительные функции, другими словами, приглядывали в целом за генералитетом и армией².

И. Дибич прямо писал об этой функции генерал-адъютанта: «Дабы достойным быть монаршей доверенности и выбора, должен он все силы употреблять к облегчению трудов монарха... Он должен, когда того Государь от него требует, доносить о каждой ошибке им открытой, но всегда стараясь совершенно узнать свойства вины...»³. По свидетельству А.Х. Бенкендорфа, «многие гвардейские генералы являлись генерал-адъютантами, они докладывали императору обо всем»⁴. Это была привилегированная когорта военачальников, лично отбираемая императором для несения придворной службы и выполнения полученных от него самых различных поручений. Например,

¹ *Николай Михайлович, вел. кн.* Генерал-адъютанты императора Александра I. СПб., 1908. С. 3.

² В 1802 г. по Высочайшему повелению было составлено генерал-лейтенантом И.И. Дибичем положение о функциях генерал-адъютанта, в частности, там говорилось: «Ему надлежит узнавать нрав и прилежание генералов, инспекторов и полковых шефов и командиров, и есть ли он откроет в них, а особливо в первых, недостатки, могущие благу армии и, следовательно, пользе Государства, вредными быть, то должен, когда увещания его бесполезны, не обинуясь, докладывать о том Государю...» (Цит. по: Столетие военного министерства. Императорская Главная квартира. История государственной свиты. Царствование Александра I. Т. II. Кн. 2. СПб., 1904. С. 35–36).

³ *Дибич И.И.* Мысли о солдате в различных по званию его отношениях, рассматриваемых в воинском и нравственном виде... Ч. 1. С. 201.

⁴ *Бенкендорф А.Х.* Воспоминания. С. 295.

любимый генерал-адъютант в начале царствования Александра I князь П.П. Долгоруков в 1805 г. носылался для переговоров с нрусским королем Фридрихом-Вильгельмом III и к Нанолеону накануне Аустерлицкого сражения, генерал-адъютант граф П.А. Шувалов в 1811 г. был направилен в Париж к французскому императору для поздравления с рождением сына, в 1814 г. уже в качестве союзного комиссара сопровождал на территории Франции отрешенного от престола Нанолеона для отправки его на о. Эльбу, в начале военных действий в 1812 г. генерал-адъютанта А.Д. Балашева император направили с переговорной миссией в ставку к Нанолеону. Генерал-адъютанты, как правило, встречали и провожали до границы всех представителей владетельных домов Европы во время их пребывания в России.

Важную роль генерал-адъютанты как проводники политики своего императора играли при осуществлении политических мероприятий («снектаклей»), а такие постановки разыгрывались в его царствование очень часто. Они были рассчитаны как для воздействия на высший свет Петербурга и российскую публику, так и на европейское общественное мнение. Яркий пример – бал, данный в самый канун войны 1812 года в Закрете, имени генерала Л.Л. Беннигсена близ Вильно.

Укажем, что в литературе очень долго господствовало мнение о мягкотелости российского императора. Александра I многие историки любили выставять как нодатливого и безвольного человека, на которого оказывали влияние самые различные силы и личности, особенно иностранцы: то либералы и гуманисты, то консерваторы и реакционеры, то англومانь, то франкофилы, то мистики. Не перечислить всех тех, кто в исторической литературе овладевал его волей, навязывал какие-либо идеи и принимал за него судьбоносные для России решения. Кого только не числили автором «настоящего» плана военных действий в 1812 г. В зависимости от ситуации и исторических реалий императора рисовали то либералом, то консерватором, то мистиком, то холодным прагматиком. Шаблонное и наивное противопоставление «доброего» Александра I кому-либо и подчинение его каким-то злым или прогрессивным силам не выдерживает критики. Чаще всего он успешно использовал эти силы в своих целях, в то же время старался отвести от себя всякую ответственность перед современниками. Ближайшие сотрудники были для него лишь орудиями для выполнения стоявших перед государством задач. Александр I на политической сцене Европы проявил себя как отменный лицедей, и в этом качестве он мог успешно соперничать с самим Нанолеоном (таким же талантливым «актером на троне»). Знавший

российского монарха П.А. Вяземский оставил любопытные воспоминания о нем: «Он был так размерен, расчетлив во всех своих действиях и малейших движениях; так онался всего, что могло показаться смешным или неловким; так был во всем обдуман, чинен, представитель, оглядлив до мелочи и ценетливости...»¹.

Российский император любил театрально обставлять многие события. Разберем, например, начало военных действий в 1812 г. Значительное число мемуаристов оставили воспоминания о том, как он, застигнутый врасплох на балу в Закрете неожиданным известием о переходе французами р. Неман, вел себя непринужденно, спокойно воспринял это известие. Сегодня в нашей историографии уже хорошо известно, что русская разведка заблаговременно узнала о точной дате начала войны и даже примерно указала возможные пункты форсирования Немана. Если об этом были осведомлены многие русские генералы (такие сведения фигурировали в предвоенной переписке), то уж Александр I, выполнявший тогда роль главнокомандующего, не мог этого не знать. Но сам факт неожиданного и вероломного нападения необходимо было зафиксировать в общественном сознании не только России, но и прежде всего Европы. Можно предположить, что для этой цели как нельзя лучше подходил организованный генерал-адъютантами императора бал в Закрете, на котором присутствовали 1400 гостей, а распорядителем бала был выходец из Швеции, состоявший при императоре генерал Г.М. Армфельт. Безусловно, только с согласия монарха или по его подсказке была организована подписка на бал, да и сам он пожертвовал на его проведение 300 империалов². Жизнь предоставила нравственнодобные декорации для подобного спектакля, который предусматривал предугаданное начало войны. Этот хорошо срежиссированный театральный акт (а их было много в жизни российского императора), затем отраженный в мемуарах, сыграл очень важную роль в дальнейших событиях. На эту уловку Александра I онался даже хорошо информированный Ж. де Местр. В июне 1812 г. он писал своему королю: «Война началась к концу июня... а император

¹ *Вяземский П.А.* Воспоминания о 1812 годе // Русский архив. 1869. № 1. Стлб. 192.

² Император Александр Павлович в действующей армии в начале Отечественной войны, и возвращение его через Москву в Петербург // Русская старина. 1912. № 6. С. 451; *Попов А.Н.* Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский архив. 1892. № 3. С. 371; *Рэй М.Л.* Страшная трагедия: Новый взгляд на 1812 год. М., 2015. С. 69.

(можете ли вы поверить сему, Ваше Величество?) еще ждал формального объявления войны по всем правилам старинных обычаев. Никто в этом отношении не хочет ни исправляться, ни научиться»¹. А вот, как, например, описала в своих воспоминаниях бал в Закрете графиня С. Шуазель-Гуфье: «Кто бы подумал, при виде любезности и оживления, проявленных Александром, что он как раз во время бала получил вест, что французы перешли Неман и что их авантюсты находятся всего в десяти милях от Вильны!.. Шесть месяцев спустя Александр говорил мне, как он страдал от необходимости проявлять веселость, от которой он был так далек. Как он умел владеть собой!»² Этот театрализованное действо российского императора было рассчитано на распространение в русском и европейском обществе тезиса о том, что Россия является жертвой, а Наполеон – агрессором³. И в 1812 г., и позже общественное мнение России и Европы оказалось на стороне Александра I. В плену его театрального таланта очутились и будущие историки.

Сделаем еще одну историческую ремарку – лишь некоторые из генералов-адъютантов были заняты только исполнением генерал-адъютантских функций, большинство же одновременно находилось на самых разных высших командных и административных постах. В то же время генерал-адъютанты занимали специфическое положение, поскольку условно были вынесены за рамки армейской структуры и еще дополнительно числились во придворном ведомстве. Например, А.Г. Щербатов следующим нелестным образом описывал свою придворную деятельность генерал-адъютанта с 1820 г.: «С этого времени в продолжение трех лет вел я жизнь праздную и единообразную: зимою в Петербурге, а летом в Царском Селе, где мы занимали комнаты в принадлежностях дворца... Но такая недейственная служба казалась мне неприличною и несогласною с предшествующею; я думал, что могу на что-нибудь другое, как не только, чтоб каждый день выезжать верхом за Государем к разводу и составлять военный двор его»⁴.

¹ *Де Местр Ж.* Петербургские письма: 1803–1817. СПб., 1995. С. 208.

² Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе графини Софии Шуазель-Гуфье, урожденной графини Фитценгауз, бывшей фрейлины при Российском дворе. М., 2007. С. 58.

³ Например, историк А. Трачевский считал, что эти шаги делались лишь с тем, чтобы «Европе было известно, что не мы начинаем войну» (*Трачевский А.* Новая история. Т. II, СПб., 1908. С. 364).

⁴ *Щербатов А.Г.* Мои воспоминания. СПб., 2006. С. 122.

Можно сказать, что звание генерал-адъютанта давало не только моральное преимущество перед другими генералами, но и приносило ощутимую выгоду, поскольку иногда генерал-адъютанство подчеркивало старшинство в чине. Так, в 1808 г. во время боевых действий в Финляндии насчет генерал-майора и генерал-адъютанта П.П. Долгорукова «сделано было распоряжение, что звание генерал-адъютанта предоставляет старшинство перед находящимися в одинаковых чинах»¹. В октябре 1812 г. Александр I назначил генерал-адъютанта Ф.Ф. Пауллуччи делле Ронколе рижским военным губернатором и командиром корпуса, но в чине генерал-лейтенанта он оказался младше своего подчиненного генерала Ф.Ф. Левиза оф Менара. Император, чтобы не обижать старшего в чине, постарался подсластить пилюлю и удостоил Левиза собственным рескриптом, где говорилось: «Носимое маркизу Пауллуччи звание Моего генерал-адъютанта, а равно и пост военного губернатора, не взирая на старшинство, подчиняют вас его начальству». И далее он продолжил: «Мне приятно будет видеть в сем случае новый опыт ревностной вашей службы и дать вам доказательство Моего к вам благоволения»².

В таблицу специально включены и данные о флигель-адъютах³ (имевших обер- и штаб-офицерские чины), так как многие из них во второй период царствования Александра I, благодаря близости к русскому монарху жаловались генеральскими чинами, в том числе и званием генерал-адъютантов. Имевший до войны придворное звание флигель-адъютанта князь С.Г. Волконский в своих воспоминаниях писал: «Хоть нас не была такая орава, как в последующие и нынешнее царствование, что выбор царя был весьма разборчив и что часто государь говорил, когда просили его о назначении к себе флигель-адъютанта: “оставьте мне то право, которое имеет каждый бригадный генерал, выбирать сам кого хочет себе в адъютанты”. Но я скажу по совести, что не только флигель-адъютант, но и ген[ерал]-

¹ Из записок И.П. Липранди // Русский архив. 1870. № 2. Стлб. 338.

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 2. СПб., 1889. С. 98; 1812 год в Прибалтийском крае. Рига, 2012. С. 110.

³ Как пояснял И.И. Дибич: «Название флигель-адъютант происходит от назначения их при армиях, где часть оных употребляется во время сражения для правого крыла или флигеля, а другая для левого; и потому они так при высокой государевой особе находиться имеют; чтоб повеления его сколь возможно скорее до надлежащего места доходили...» (Дибич И.И. Мысли о солдате в различных по званию его отношениях, рассматриваемых в воинском о нравственном виде... Ч. 1. С. 215).

адъ[ютант] не имели того близкого доступа, который многие себе приписывали. Разница в отношении ген[ерал]-адъ[ютанта] и флигель-адъ[ютанта] к царю лишь была в том, что если есть званый, а не чисто семейный обед, то ген[ерал]-адъютант имеет право обедать за этим столом, а флигель-адъютант нет». Автор воспоминаний, правда, погрешил против истины, разница была существенная и значимая, в первую очередь в статусе (разница больше, чем между генералом и офицером), тем более что далеко не все флигель-адъютанты, получая генеральский чин, оставались генерал-адъютантами (к примеру, тот же Волконский). По мемуарист приведен список лиц (П.М. Волконский, А.А. Аракчеев, А.Н. Гагарин), которые имели право входить «во внутренние покои задним коридором, да и они, я полагаю, не обходились [без] доклада чрез камердинера или выжидали выхода царя в уборную или приемную. В глазах всех, кажется, им было исключительное право, а в настоящем – тот же непрямой доступ»¹. Вряд ли обязанности флигель-адъютантов были многотрудными, только дежурства при особе императора и выполнение отдельных поручений, которыми обременяли не так часто. Во всяком случае, А.А. Закревский, пожалованный этим званием в декабре 1812 г., через несколько месяцев флегматично написал: «Государь оставил меня при себе: то есть непричем»². Все генерал-адъютанты и флигель-адъютанты имели дополнительно так называемые столовые деньги из Придворной канцелярии, так, в 1812 г. генерал-адъютант получал из расчета по 8 рублей в день³.

В то же время Александр I очень ревниво относился к назначению своих генерал-адъютантов и не любил, когда ему предлагали разные кандидатуры. Например, он проявил явное неудовольствие, услышав просьбу Л.Л. Беннигсена 9 сентября 1812 г. не только произвести за отличие в Бородинском сражении в генералы, но и назначить генерал-адъютантом полковника князя С.С. Голицына⁴. Император по этому поводу раздраженно написал М.И. Кутузову 5 ноября 1812 г.: «Заметьте барону Беннигсену, что Я предоставляю себе избирать своих генерал-адъютантов»⁵. Вероятно, именно это не-

¹ Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 180. Каждый флигель-адъютант также получал особые столовые деньги – 4 рубля в сутки.

² Письма А.А. Закревского к братьям К.Я. и А.Я. Булгаковым // Российский архив. Т. ММII. М., 2003. С. 37.

³ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. IX. М., 1905. С. 227, 239.

⁴ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 3. Л. 78–78 об.

⁵ Там же. Л. 77; Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 2. С. 155–156. Д.В. Давыдов привел любопытный факт: в 1821 г.

уместное обращение Беннигсена стало одной из основных причин отстранения его от должности начальника штаба соединенных армий в 1812 г.

Близкое к генерал-адъютантам положение имели командиры гвардейских полков. Из них особенно можно выделить командиров л.-гв. Семеновского полка (шефом его с 1800 г. являлся Александр Павлович), так как этот полк был любимым детищем императора, даже большим, чем первый полк гвардии Преображенский или Кавалергардский. Во всяком случае, командиры семеновцев (в разное время эту должность в начале XIX в. занимали Л.И. Денрерадович, Н.И. Вердеревский, К.А. Криденер, Я.А. Потемкин) имели постоянный доступ к императору и пользовались его благосклонностью¹. Так, например, генерал-майор Г.В. Розен с сожалением утверждал в своем приказе по случаю предстоявшего похода из Петербурга в Вильно 7 марта 1812 г.: «Будучи бригадным начальником лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков, и командуя оными в течение полугода, до сих пор я не имею случая ни способствовать заслужить доверенность подчиненных мне, и сделаться им известным, потому что все до полков касающееся и многие происшествия и обстоятельства будучи докладываемы Государю Императору или во все до меня не доходили, или давались знать только к сведению по исполнению»².

Такова общая картина по чинам. В то же время численные колебания состава генералитета нуждаются в пояснениях. Как, например, можно объяснить уменьшение числа генералов накануне драматических и судьбоносных событий 1812 г., а затем резкое увеличение их количества? Было ли это случайным явлением или результатом целенаправленной политики российского самодержца? Ответы на эти вопросы частично можно найти, проанализировав списки генералитета по старшинству.

А.П. Ермолов высказал просьбу Александру I «назначить адъютанта своего, молодого и невероятно щедро одаренного природою графа Самойлова, флигель-адъютантом; он просил его величество сделать это в память службы Потемкина и отца его. Тогда государь отвечал: «Ты знаешь, что мне никто не дает адъютантов, а я сам их выбираю, но я сделаю это не для деда, не для отца, а для тебя» (*Давыдов Д.* Военные записки. М., 1940. С. 379).

¹ См.: *Дирин П.* История лейб-гвардии Семеновского полка. Т. 1. СПб., 1883. С. 356.

² *Аглаилов С.П.* Отечественная война 1812 года: Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. Полтава, 1912. С. 92.

Таблица 2

Численность по годам свиты Александра I*

Год	1801	1802	1803	1804	1805	1806	1808	1809	1810	1811	1812
Генерал-адъютанты	4	8	8	8	8	8	9	11	11	15	17
Флигель-адъютанты	23	19	21	18	17	18	19	23	26	28	28
При особе Е.И.В.*	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	3
Всего	27	27	29	26	25	26	28	34	37	45	48
Год	1813	1814	1815	1816	1818	1820	1821	1822	1823	1824	1825
Генерал-адъютанты	21	22	27	27	31	35	37	37	35	35	35
Флигель-адъютанты	28	18	18	21	21	37	29	29	32	31	31
При особе Е.И.В.*	6	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
Всего	55	45	50	53	57	67	71	71	72	71	71

* Использованы данные из кн.: Милорадович Г.А. Список лиц свиты Их Величеств с царствования императора Петра I. Дополнения и перемены к изданиям 1886 и 1891 г. по 6-е декабря 1895 года. Чернигов, 1895. С. 20. Всего за царствование Александра I в его свите в итоге служили в разные годы 176 человек (50 генерал-адъютантов, 119 флигель-адъютантов, 7 генералов, состоявших при особе императора).

** Его Императорского Величества.

Александр I и армия в начале его царствования

Как написал в «Записке о древней и новой России» Н.М. Карамзин: «Настоящее бывает следствием прошедшего»¹. Хорошо известно, что Александр I получил царствование из рук военных². Он начал свое правление в результате дворцового переворота, которым руководили генералы, а основную массу заговорщиков составляли гвардейские офицеры, многие из которых затем также получили генеральские чины: полные генералы братья Зубовы, П.А. Пален, Л.Л. Беннигсен, генерал-лейтенанты И.И. Видье, П.А. Талызин, Ф.П. Уваров; генерал-майор Л.И. Дендрсадович; а также тогда еще служившие в офицерских чинах А.В. Занольский, П.М. Бороздин, П.М. Волконский, В.М. Яшвиль, А.А. Писарев, К.М. Полторацкий, П.В. Голенищев-Кутузов и др.

Как впоследствии вносил А.Х. Бенкендорф, тогда в 1801 г. еще молодой флигель-адъютант, задержанный Александр Павлович, «обращаясь к лицам, неотвязно напоминавшим о его боли и желании оказать на него давление, спросил: Кто я? Какого императора вы намериваетесь сделать из меня?». Уваров воскликнул: «Абсолютного императора!». Офицеры, стоявшие в дверях и в передней, единодушно повторили эти слова, а руководители заговора, которые, свергнув Павла, хотели ослабить деспотизм, вынуждены были отказаться от своих планов и последовать общему импульсу»³.

В целом военная среда приняла положительно приход к власти Александра I. Именно благодаря гвардейским офицерам император сохранил абсолютную власть, и, по-видимому, очень хорошо уяснил значение армии лично для себя; с одной стороны гвардия могла стать надежной опорой трона, а с другой – силой, способной лишить его не только власти, но и жизни. О подобных совсем недавних насильственных актах свидетельствовали судьбы его деда и отца. Не случайно, Ф.П. Уваров, состоявший в свите, считался в его царствование старшим и самым доверенным генерал-адъютантом, а многие офицеры, непосредственные участники заговора, занимали позднее

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 16.

² Ф.В. Ростопчин, как будто предчувствуя будущее, еще в ноябре 1798 г. в письме показал непростые отношения в императорской семье: «великий князь Александр ненавидит отца, великий князь Константин боится его. Дочери, руководимые матерью, с отвращением смотрят на отца, между тем все ему улыбаются, будучи рады видеть его гибель» (Ростопчинские письма 1793–1813 // Русский архив. 1887. № 2. С. 163–164).

³ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. С. 31.

значимые военные посты (Н.М. Бороздин, П.В. Голенищев-Кутузов, П.М. Волконский и др.). Монарх очень высоко ценил и одновременно онался своих военачальников. Об этом свидетельствует быстрая онала сторонника политической эволюции страны в направлении конституционного устройства и главного законодателя «дворянской революции» 11 марта 1801 г. графа П.А. Палена. Он составил, по словам А.Х. Бенкендорфа, новый заговор и позволил себе забыть: «сказал своему новелителю, что тому следует решить, кто должен покинуть двор, он Пален, или императрица-мать. Эта дерзость дала императору возможность почувствовать свою власть; он приказал этому наглому министру в 2 часа покинуть Петербург...»¹. Официально «ливонский великий визирь (как его называли за глаза) был «уволнен за болезнью от всех дел»². Александр I все свое царствование не желал встречаться с Паленом, даже, к примеру, при посещении Риги в 1802 г. он рекомендовал генералу князю С.Ф. Голицыну прямо намекнуть, чтобы тот мог «отлучиться в деревни или в иное место»³. Но эта онала не распространялась на двух сыновей Палена, позже воевавших в генеральских чинах в наполеоновскую эпоху.

Для вступившего на престол и взявшего курс на проведение либеральных реформ в гражданской сфере Александра I одной из задач в военной области стал возврат на службу многочисленных отставников. Справедливости ради, укажем, что происходил и противоположный процесс – выход в отставку высших офицеров. Причины для этого были разные, некоторые не желали служить после дворцового переворота, например, Н.А. Саблуков или Л.А. Безобразов, который по семейному преданию «бросил службу по кончине горячо любимого императора Павла Петровича»⁴. Другие подавали рапорта об увольнении после отклонения просьбы о восстановлении старшинства в чине, например, Н.Н. Раевский⁵. Укажем, что за время наполеоновского правления в отставке оказались 7 генерал-фельдмаршалов, 363 генерала, 2156 офицеров⁶. Некоторые находились в тот период в заточении, ссылке или под полицейским надзором (М.И. Платов,

¹ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. С. 34.

² Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. II. СПб., 1904. С. 45.

³ Бумаги князя С.Ф. Голицына // Русский архив. 1876. № 5. С. 151.

⁴ Сборник биографий кавалергардов. Т. 2. СПб., 1904. С. 223.

⁵ См.: Тихонов И.С. Письма героев Отечественной войны 1812 г. // Эпоха 1812 года: Исследование. Источники. Историкография. Т. IV. М., 2005. С. 121–122.

⁶ Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений // Офицерский корпус Русской армии. М., 2000. С. 73.

А.П. Ермолов, П.В. Чичагов, В.С. Рахманов, Е.И. Чаплиц и др.). Этот процесс возвращения на службу зафиксировал список 1803 г. Одновременно юный император начал расставлять на ключевые военные посты угодных ему людей. Не оставляет сомнения, что новый монарх первоначально руководствовался принципом старшинства в службе. Об этом свидетельствуют все назначения на важные командные посты в первые годы его царствования.

Необходимо отметить, что император Павел I со времен юности и посещения им Берлина являлся ревностным читателем Фридриха II. Получив в 1785 г. в свое владение Гатчину он создал там отряд войск, известный под названием Гатчинского (Павловский гарнизон). Уже с начала царствования Павла I гатчинцы (как образчики военной системы) нослужили базой и школой для преобразований русской армии в полном соответствии с духом прусских порядков, инструкций, уставов и организационных основ. Как вспоминал А.М. Тургенев про воинские порядки при неостоянном императоре Павле I: «Бывали награды и милости, щедро расточаемые на вахтнарадах жаловали в генералы за то, что громко по нашему прокричали командные слова»¹. Но также быстро за малейшую провинность или ошибку Павел I мог уволить из армии.

За плечами российского императора Александра I была пройденная им в юности школа лавирования между салоном своей бабки, властолюбивой Екатерины II, и гатчинской казармой вечно подозрительного наследника Павла Петровича. Но военное воспитание Александр I получил под руководством своего отца. Гатчинцев Екатерина II называла «дедушкиной армией». Но они по замыслу Павла должны были стать и некоторое время являлись образцом при преобразовании всей армии на прусский лад. Это время стало эпохой вахтнарядов, разводов, фельдъегерей и мелочной регламентации всех сторон воинской жизни.

Многие современники отмечали, что гатчинский дух оставил в Александре I глубокий след и в первые годы нахождения на престоле он никак не следовал принципам «небедного века Екатерины». Так, адмирал А.С. Шишков весьма негативно оценивал военную ответственность царствования Екатерины ее внуком и писал в своих мемуарах: «Все, чего при ней не было и что в подражание пруссакам введено после нее, осталось не нарушимым; те же по военной службе приказы, ежедневные производства, отставки, мелочные наблюдения, вахтнарады, экзерциргаузы, шлагбаумы и пр., та же раздача ор-

¹ Записки Александра Михайловича Тургенева. 1772–1863 // Русская старина. 1885. № 10. С. 265–266.

денов лекарям и конохам. Одним словом, Павлово царствование, хотя и не с тою строгостью, но с подобными же иностранцам подражаниями и нововведениями еще продолжалось»¹. Адам Чарторыйский, прибыв в Петербург после 1801 г., также «не заметил нарушения Павловских порядков: печальной памяти вахтнарад проводился по-прежнему императором ежедневно, с тою только разницею, что отныне он не сопровождался более теми удручающими последствиями, которые вошли в обычай с 7 ноября 1796 года»². В целом же мелочность Павла I, унаследованная его сыном, была характерна для всего царствования Александра I, что сказывалась на всех решениях и резолюциях императора даже в период кампаний 1812–1814 гг.

Анализ количественных показателей позволяет выявить интересные тенденции в политике Александра I по отношению к генералитету. При его отце – императоре Павле I применительно к офицерскому корпусу царил настоящий произвол. Огромное количество боевых офицеров и генералов были уволены, их же места заняли строевики, отличившиеся не на полях сражений, а на парадах и разводах, но быстро продвигавшиеся по службе. Именно про таких военачальников говорилось в эниграмме, помещенной в журнале «Вестник Европы» за 1804 г.: «Блажен, кто дослужась до старших генералов, ни разу не видал, ни пошук, ни врагов»³. Молодой монарх, лично на себе неоднократно испытывавший батюшкин гнев, лишь попытался ликвидировать в военной сфере нерегибы предшествующего правления. Эти шаги свидетельствовали только о неприятии царем-либералом деспотических излишеств своего отца. Правда, в отличие от гражданской сферы в армии в начале царствования проведение каких-либо крупных радикальных реформ (исключая создание Военного министерства) даже не намечалось. Осуществить их заставила сама жизнь, но произошло это чуть позже.

Какую же позицию по отношению к армии занимал Александр I в начале своего царствования? По мнению известного русского историка В.О. Ключевского, ему долго пришлось жить «на два ума, держать две нарядные физиономии». П.Г. Дивов, современник ученого, также отмечал печать конца прошлого столетия (Павла I) на военной политике государства: «Буйность, строитивость сего повелите-

¹ Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Т. 1. Берлин, 1870. С. 84–85.

² Цит. по кн.: *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. II. С. 26.

³ Эпоха Наполеона: Русский взгляд. М., 2015. Кн. 2. С. 143.

ля России причиною была не малого затруднения наследника его, ибо в течение нятилетнего царствования отставленных и выключенных генералов и офицеров находилось несколько тысяч. Все сии изгнанные и нотерневшие служители явились в столицу и трудами управляющего министерством военным Ламба были размещены в течение одного года. Но направление, данное военному департаменту в царствование покойного государя, осталось неизменным, следовательно, и все бремя мелочного разбирательства осталось предметом заботливости самого государя, отъемлющей драгоценнейшее время, потребное на рассмотрение и внимание других государственных соображений»¹.

Несмотря на суровую оценку известных мемуаристов, изменения в военной сфере все же происходили и в начале правления Александра I, хотя направление осталось прежним. Уже 29 марта 1801 г. (через 17 дней после восшествия на престол) император вернул армейским полкам прежние исторически сложившиеся названия (вместо именования по фамилиям шефов). Затем последовали другие перемены, в первую очередь это касалось формы одежды и воинских атрибутов. В 1801 г. с офицерских знаков убрали изображение Мальтийского креста, с 1803 г. нижние чины стали носить погоны на обоих плечах. Произошли изменения и в названиях – всем чинам приказали обрезать бакен и укоротить косу, пудру использовать только для парадов и праздников. С 12 марта 1802 г. по конформированному «Табелю мундирных, амуниционных и оружейных вещей» в обиход вводились новые образцы головных уборов – гренадерская, фузелерная и фуражная шапки, а также мушкетерские шляпы. В 1803 г. в кавалерии изменилась обшивка чепрака и чушек. С 1802 г. в полках было оставлено по два знамени на батальон (одно из шести считалось полковым). С 1803 г. для формирующихся полков введены новые знамена образца 1803 г.² В целом можно констатировать, что наполеоновская военная система даже внешне оставалась почти без изменений, нововведения лишь слегка изменили внешний вид армии и были продиктованы военной модой или личными пристрастиями нового монарха. Реформы, если их можно назвать реформами, носили косметический характер и не затрагивали укорененных Павлом I прусских основ военного дела в России.

Но изменения все же происходили не только в форме. Первоначально для вступившего на престол императора главной за-

¹ Повествование о царствовании императора Александра I, для него одного писанное // Русская старина. 1899. № 10. С. 81.

² См.: Ульянов И.Э. Регулярная пехота. 1801–1855. М., 1996.

дачей стала нейтрализация наиболее активных и деятельных участников заговора против его отца. Ему удалось в короткий срок убрать из армии и удалить из столицы графа П.А. Палена, Л.Л. Беннигсена назначить на должность Виленского военного губернатора¹.

Понутно в армейские ряды стали возвращаться многочисленные отставники. Одновременно Александр I начал назначать на ключевые военные посты угодных ему людей. Не оставляет сомнения и тот факт, что новый император при расстановке кадров ориентировался на старых военачальников и руководствовался принципом старшинства службы. Об этом свидетельствуют назначения на важные административные и командные посты в полевые войска «екатерининских орлов» И.В. Гудовича, М.И. Кутузова, И.И. Михельсона, А.А. Прозоровского, М.Ф. Каменского, Ф.Ф. Буксгевдена и др.

Только возникает вопрос о востребованности и применимости в то время боевого опыта, накопленного за XVIII столетие. Если отвечать положительно на этот вопрос, то, ориентируясь только на личности известных военачальников, можно уномануть лишь М.И. Кутузова и то с некоторой коррекцией. Забегая вперед, необходимо заявить, что «орлы» к этому времени уже превратились большей частью в вельмож и оказались в первую очередь из-за возраста непригодны в качестве полководцев, в лучшем случае их можно было использовать лишь как администраторов. В 1803 г., когда личная власть Александра I окрепла, он возвратил на службу фаворита нежного царя и «вреднейшего человека в России» графа А.А. Аракчеева², восстановил его в должности инспектора всей артиллерии (затем еще и нехоты), в дальнейшем тот пользовался абсолютным доверием императора, что вызывало зависть многих царедворцев.

В области высшего военного управления также произошли некоторые изменения, но и они первоначально носили лишь внешний характер. Либеральные реформы в гражданской сфере в «духе времени» начала царствования Александра I почти не затронули армейскую сферу. Несмотря на создание по манифесту 8 сентября 1802 г. Министерства военно-сухопутных сил в его структуре продолжала

¹ Отметим, что рядовые участники переворота из гвардейских полков никаким репрессиям или неудовольствиям императора не подвергались, их военная карьера не пострадала.

² *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. II. С. 111.

функционировать Военная коллегия¹. Борьба двух тенденций в военном управлении (единоличного начала с коллегиальным) не была окончательно завершена, но во главе уже стоял не президент Военной коллегии (первый среди равных), а министр, который мог принимать самостоятельные решения без совета с членами коллегии². На должность министра был назначен генерал от инфантерии С.К. Вязмитинов (бывший вице-президент Военной коллегии). Первому военному министру известный военный историк М.И. Богданович дал следующую характеристику: «Его доброта и честность были столь же известны, сколько ум, трудолюбие и деятельность его, но эти похвальные качества не могли замесить административных способностей, которых ему не хватало»³. Многие современные исследователи рассматривают власть тогдашнего министра как абсолютную. На самом деле, хотя под его контролем паходились важнейшие функции (инспекторские, хозяйственные, текущее делопроизводство), он не имел права вмешиваться в полевое управление войск и крупные военачальники прямо ему не подчинялись.

Кроме того, все повеления и Высочайшие приказы продолжали исходить от военачальника Военно-походной канцелярии императора – молодого генерал-адъютанта Х.А. Ливена. Современники сравнивали его должность по значимости с должностью военного министра, часто называя его именно так, поскольку он играл не менее важную роль в решении армейских дел⁴. Ливен докладывал императору по военным вопросам и через него объявлялись все Высочайшие распоряжения по ним, через его канцелярию проходили все назначения и увольнения, там же сосредоточивалась значительная часть делопроизводства (формирование, обучение, организация войск, воен-

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1-е. Т. XXVII. № 20405, 20406.

² Столетие военного министерства. Исторический очерк развития военного управления в России. Т. 1. СПб., 1902. С. 90.

³ *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и Россия в его время. Т. 1. СПб., 1869. С. 84.

⁴ Сравнивая Х.А. Ливена с назначенным военным министром С.К. Вязмитиновым, желчный Ф.Ф. Вигель писал: «...генерал-адъютант Ливен, управляющий военной канцелярией при Государе, чаще его видел и не имел нужды быть министром» (Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Ч. 2. М., 1892. С. 11–12). О положении Х.А. Ливена в армии и возглавляемой им Военно-походной канцелярии см.: *Геништа В.И., Борисевич А.Т.* История 30-го драгунского Ингерманландского полка. Ч. 1. СПб., 1904. С. 119–121; *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012. С. 91–93.

по-судные дела, рапорты из полков и инспекций и множество других мелких вопросов)¹. Фактически Ливеп до 1808 г. обладал широчайшими полномочиями и возможностями без малейшей ответственности. При этом он занимался обширной деятельностью в области военного управления. Дуализм же вряд ли можно отнести к лучшим способам в ведении военных дел, поскольку самым надежным механизмом для этого всегда считалось единоначалие. Но именно такая ситуация устраивала Александра I, она давала ему возможность контролировать армию, силу очень опасную для династии Романовых, о чем свидетельствовали дворцовые перевороты.

В целом же основным законом, регламентирующим управление и деятельность полевых войск, оставался введенный еще Петром I «Устав Воинский» 1716 г., в свое время была скопирована прусская система управления, а главными документами для обучения и боевой подготовки в полках являлись выдержанные в прусском духе павловские уставы и инструкции. В частности, для пехоты – «Воинский устав о полевой пехотной службе», для кавалерии – «Воинский устав о полевой кавалерийской службе», принятые в 1796 г., еще в самом начале царствования Павла I. Они предусматривали лишь линейные построения, в то же время отсутствовало даже упоминание о рассынном строе, каре и колоннах, а главное внимание уделялось подготовке к вахтпарадам, правильному и точному держанию дистанции и интервалов, мелочной и педагогичной регламентации всех частных случаев². На этой основе строилась боевая подготовка войск. Прежний армейский бытовой уклад, плац-парадность, красота строя и равнения в рядах, шагистика и муштра продолжали господствовать и определять повседневную жизнь войск в начале нового царствования. Как записал в своей записной книжке П.П. Коновницын: «Малая тактика задавила высокую; наука капралов истребила науку генералов»³. В итоге полки успешно демонстрировали высоким начальникам свою выправку и маршировку, а также умение проводить маневры, но в минимальной степени оказались готовыми к боевым действиям. Вот как, например, описывал результаты маневров в Красном селе 1803 г. С.Н. Марин в письме к М.С. Воропцову: «За маневры были большие награждения: Зубову

¹ См.: Столетие военного министерства. Императорская Главная квартира. История государственной свиты. Царствование Александра I. Т. II. Кн. 2. С. 22–49.

² См.: *Баиов А.К.* Военное дело в эпоху императора Павла I // История русской армии и флота. Т. III. М., 1911. С. 17–18.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 397. Оп. 1. Д. 15. Л. 28.

перстень с портретом, Буксгевдепу табакерка с портретом же, Кологривову Алексапдрская; всем генералам, у которых не было па шее Аппы, дали ее, а полковникам гвардейским перстни с вензелями, армейским и флигель-адъютантам простые...»¹.

У Алексапра I, без сомнения, имелись собственные взгляды па армию. Свидетельством того, что он подспудно осознавал необходимость изменений в армейской среде, стала деятельность учрежденной им в 1801 г. «Воинской комиссии для рассмотрения положения войск и устройства опыных» под председательством великого князя Копстаптина Павловича. В состав комиссии вошли записавшие тогда ответственные посты генералы А.А. Прозоровский, М.И. Голенищев-Кутузов, И.В. Ламб, Н.А. Татищев, Н.С. Свечин, П.К. Сухтелен, Д.П. Волкопский, А.П. Тормасов, С.Н. Долгоруков, И.И. Русапов. Правда, данный орган рассматривал в основном организационные и хозяйственные проблемы армии и не затрагивал боевую подготовку войск. Комиссии было «высочайше указано» не касаться «строевого учения и школьной тактики». Причем ставилась и задача экономии средств, отпускаемых па военные нужды².

Комиссия пришла к выводу о необходимости увеличения в первую очередь количества пехотных частей «по отношению к силам соседственных держав». С 1802 по 1805 г. были сформированы двенадцать новых мушкетерских, три егерских, шесть драгунских, два уланских (один из них – Уланский Его Императорского Высочества цесаревича и великого князя Копстаптина Павловича полк), один гусарский полк, а также один пионерный и один конно-артиллерийский полки. В 1801 г. расформированию подверглись девять артиллерийских полков, в 1803 г. они были возрождены, но в 1806 г. снова расформированы. 30 апреля 1802 г. были введены новые штаты, согласно которым гренадерские полки состояли из одного гренадерского и двух фузелерных батальонов, мушкетерские – из одного гренадерского и двух мушкетерских, егерские – из трех егерских батальонов (4-ротный состав). В лейб-гренадерском полку все три батальона оставались гренадерскими. Примерно па 25 % была увеличена численность инженерных подразделений.

Обращает на себя внимание тот факт, что были усилены егерские части (за счет увеличения численности личного состава в полках),

¹ Архив князя Воронцова. Т. 35. М., 1889. С. 400. См. также описание им результатов маневров 1804 г. (Там же. С. 431) и ответ на это М.С. Воронцова (Там же. Т. 36. М., 1890. С. 50).

² ИСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXVI. № 19926; М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. I. М., 1950. С. 667.

приоритет стал отдаваться легкой кавалерии – гусарам и улапам, эффективно используемым для разведки, боевого охранения и действий в отрыве от главных сил. Увеличение драгунских полков (кавалерия общего назначения – «ездящая пехота») было достигнуто по рекомендациям комиссии за счет уменьшения числа элитных ударных подразделений (кирасир). Недостаток численности регулярной кавалерии по отношению к пехоте, по мнению комиссии, должен был компенсироваться наличием нерегулярной конницы, основу которой составляли казачьи войска, традиционно несшие службу по своим исторически сложившимся «обрядам». Именно тогда было принято принципиальное решение на постепенное сближение правил управления и регламентации несения воинской службы казаками по образцу регулярных войск. Необходимо заметить, что этот процесс и работа военного ведомства России в этом направлении продолжалась до начала XX в.

Тут важно отметить другой момент – одним из факторов будущих поражений стал стратегический просчет, допущенный Комиссией 1801 г. в выводах, ибо она посчитала, что Россия не будет вести три войны одновременно. Наиболее вероятными противниками считались тогда турки и шведы¹. Однако в 1805–1809 гг. русские войска сражались на трех театрах военных действий, с 1809 по 1813 г. – воевали на суше с тремя (с 1812 г. с двумя) противниками, не считая «бездымной» войны с Англией. В результате неправильной оценки стратегической ситуации вооруженные силы России перестраивались на ходу, воюя в 1805 г. с Персией, Турцией и Францией (в 1808–1809 гг. последнюю заменила Швеция).

Преобразования не затронули полевую организацию и боевую подготовку войск, которые по-прежнему руководствовались павловскими уставами. В мирное время полки распределялись, как и при Павле I, по 14 инспекциям (военно-территориальным округам, подчинявшимся трем инспекторам по родам оружия: пехота, кавалерия, артиллерия). Большая часть войск была сосредоточена на границах. Лишь в случае войны на основе инспекций предполагалось создание полевых армий (разделенных на бригады, колонны и корпуса постоянного состава) произвольным механическим соединением частей различных родов войск. Заметим, что до 1805 г. в русской армии высшим тактическим соединением фактически по-прежнему оставался полк. Таким образом, даже теоретически, построенные на сплошной импровизации высшие тактические соединения, не имев-

¹ См.: *Баиов А.К.* История русского военного искусства. Т. 2. М., 2008. С. 180.

шие четкой структуры, строгой подчиненности и быстрой взаимозаменяемости, имели массу недостатков, явственно обозначившихся уже в военное время. Необходимо сказать, что в какой-то степени негативный опыт Аустерлица для русской армии не пропал даром. В самом начале 1806 г. на основе ранее существовавших инспекций были созданы соединения постоянного состава – дивизии, куда обязательно входили пехотные, кавалерийские и артиллерийские части, в некоторой степени повторяя организационную структуру французской армии¹. Основанием для деления на постоянные дивизии считалось, что «генералы беспременно будут паходиться при войсках и о состоянии во всех частях во всех частях совершенно знать, следовательно, не только все недостатки видеть, но и способности каждого открывать»². Отметим, что формированием дивизий занималось не военное министерство, а Военно-походная канцелярия императора под командой генерал-адъютанта А.Х. Ливена, поэтому их первоначальный состав носил произвольный характер.

Главное заключалось в том, что в результате общественно-политического развития Европы к началу XIX столетия произошли значительные изменения в военном искусстве, частично связанные и с увеличением численности армий. Усложнилась система военного управления и резко повысилась роль штабных структур. Именно на штабы ложилась огромная работа по координации действий между отдельными частями, важнейшим моментом стала разработка, исходя из анализа обстановки, планов войны и их осуществление. Возросли творческое начало в штабной работе и предъявляемые требования к штабным офицерам и генералам.

В России же можно было наблюдать противоположный процесс, причем наша армия шла по порочному пути. Еще при Павле I, который слепо копировал прусскую военную систему, был ликвидирован Генеральный штаб, а также и «дежурства», которые представляли собой штабы при командовании генерала. Все это крайне неудачно попытались заменить службой свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. Эту службу, организовавшую по представлениям Павла I, можно было квалифицировать как технический орган, полностью не соответствующий важности происходившим событиям, а зачастую и выпадавшим из них, поскольку

¹ См.: *Турцов В.П.* Развитие дивизионной системы в русской армии начала XIX в. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историкография. Т. VII. М., 2008. С. 55–58.

² Цит. по кн.: *Баиов А.К.* История русского военного искусства. Т. 2. С. 184.

даже не был очерчен круг обязанностей офицеров свиты. Эта служба в целом оказалась оторванной от потребностей и нужд войск, ее сотрудники занимались топографическими съемками местности, но никак не штабной работой. Уже во времена походов в Италию и Швейцарию А.В. Суворова штабные функции при нем выполняли австрийские офицеры, то же самое русские военачальники вынуждены были практиковать и во время кампании 1805 г., в силу неспособности своих офицеров квартирмейстерской службы. Результаты штабной работы прямо сказались уже в 1805 г., а впоследствии реформировали квартирмейстерскую часть лишь незадолго до Отечественной войны 1812 года. А Главный (Генеральный) штаб по существу был воссоздан уже после заграничных походов лишь в 1814 г.¹

В целом приходится признать, что российская императорская армия являлась составной частью крепостнического государства. Рядовой состав комплектовался на основе рекрутских наборов и системы «очередности» – более 50 % составляли бывшие крепостные крестьяне, выходцы из государственных крестьян и мещанского сословия. Для населения империи это была самая тяжелая «подать». Причем чаще всего в рекруты попадали люди, от которых в первую очередь по разным причинам стремились избавиться помещики или крестьянские и мещанские общины («буйные и неадаптные элементы»). Небольшой процент поступления в армию давали так называемые солдатские дети (капотисты), то есть дети, рожденные солдатами в браке и считавшиеся собственностью военного ведомства. Потомственные дворяне составляли более 80 % офицерских кадров, причем значительная часть офицеров являлась беспоместными дворянами. Идея службы Отечеству была ключевой в политическом сознании этого сословия, хотя по законам империи (Манифест 1762 г.) его представители могли и не служить.

На службу дворяне поступали добровольно, предпочтение отдавалось не гражданской, а военной службе, приоритет которой был несравненно выше. Это рассматривалось как почетная обязанность каждого дворянина; служба являлась по существу сословно-образующим признаком дворянства. Лишь 10–15 % заканчивали военную учебную заведению и поступали в войска уже офицерами, подавляющая часть начинала служить низшими чинами, затем унтер-офицерами (в среднем от 1 до 3 лет), а лишь потом получали патент на офицерский чин. Хотя среди офицеров имелся, судя по формулярным спискам, значительный процент выходцев из сословия «обер-

¹ ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXXII. № 25628.

офицерских детей» (в армейской практике они почти приравнялись к дворянам), то есть потомков солдат, получивших за многолетнюю службу офицерский чин благодаря грамотности и чаще всего проявленной храбрости на полях сражений. Необходимо указать, что для рядового солдата имелась реальная возможность при удачном раскладе получить (после 12 лет «беспорочной» службы в унтер-офицерском чине или за храбрость) офицерские знаки отличия и перейти в разряд «бурбопов» (как их называли в войсках) – получить права на личное дворянство, не имея соответствующего происхождения.

В армейских полках к 1805 г. продолжало служить значительное количество солдат и офицеров – свидетелей и посетителей славных суворовских традиций («чудо-богатырей»), несмотря на господствовавший тогда «плац-парад». Армия имела явные плюсы – являлась профессиональной (служба продолжалась 25 лет) и моноэтнической, основу составляли православные – русские, украинцы, белорусы; большинство инородцев освобождалось от службы в регулярной армии. Крайне тяжелые условия службы, постоянное нахождение в сфере действия жесткой дисциплины и наказания за провинности приводили к частым побегам, в войсках была высокая смертность из-за скудного питания. В российской армии к этому времени господствовала полковая система, накладывавшая на армейские порядки особый дух. Полковая система заключалась в сильно развитых формах корпоративности, когда каждый, от пехотного чина до полковника или генерала, ощущал себя членом определенной полковой семьи, существовавшей по жестким иерархическим законам. Эта атмосфера позволяла создавать и поддерживать специфические традиции и обычаи, присущие как всей армии в целом, так и определенному полку. Основой для существования со временем стало полковое и артельное самосознание, характерное для выходцев из крестьянской общины. Принадлежность к полку и полковая артель (ведение общего хозяйства) воспитывали дух полкового и боевого товарищества. Честь полкового мундира – это не просто слова. Солдаты чаще руководствовались примером товарищей (прежде всего ветеранов), а не призывами о защите Бога, Царя и Отечества, хотя этот официоз также воздействовал на солдатскую массу. Элиту армии составляли гвардейские полки, где проходили службу на офицерских вакансиях представители российской аристократии и богатые дворяне (бедные из-за неимения средств переводились в армейские полки), а пехотные чины подбирались из крепких и высоких солдат благоправного поведения.

Особый род войск представляли иррегулярные формирования, служившие по образцу дошских казачьих полков: кроме дошцов, черноморские, терские, астраханские, бугские, чугуевские, уральские, оренбургские, сибирские казаки, а также панацельные полки башкир, калмыков, тептярей, мещариков, крымских татар и др.¹ Иррегулярные полки по существу являлись настоящей легкой конницей, так как в отличие от регулярной кавалерии не имели колесных обозов, были неприхотливы в походах и использовали дедовскую тактику степняков, необычную и непривычную для европейских армий.

Можно сказать, что в то время российская армия обладала многими пороками, свойственными армиям феодальных государств Европы в области обучения войск, организационного построения и ведения тактики военных действий. В среде высшего военного руководства России не смогли вовремя адекватно оценить и учесть современные тенденции развития военного дела в Европе. В данном случае приходится признать, что Александр I в большей степени ориентировался на предшествующие успехи, добытые русскими штыками, чем на объективную оценку. Сам же император по поводу военной сферы паходился в плену представлений, внушенных ему отцом. Армия ему видилась как идеальный механизм, марширующий и четко исполняющий все регламенты и приказы своего императора. О том, что война это более сложное явление – с кровью, потом, миллионом случайностей, не говоря уже о новых тенденциях в военном деле, он не задумывался; все его представления об армии и его опыт командования войсками сформировались на основе многочисленных и красочных прохождений полков церемониальным шагом в Санкт-Петербурге и показательных маневров в Красном Селе.

Был еще один политический момент, сыгравший большую роль в укреплении высшего офицерского корпуса накануне войны 1812 года. Весь XVIII в. российская армия, созданная Петром Великим, была овеяна предшествовавшей военной славой, особенно полководцев «стаи славных Екатериинских орлов». Россия в этот период значительно расширила свои границы, ее армия постоянно одерживала одну победу за другой, и общество привыкло к военным триумфам и успехам.

¹ Т.Н. Грановский писал: «В 1813 и 1814 г. изумленная Европа видела в числе избавителей своих от французского ига башкира и калмыка, стоявших рядом и за одно дело с самыми благородными и просвещенными юношами Германии» (*Грановский Т.Н. Исторические характеристики. М., 2013. С. 55*).

Необходимо заметить, что не только российский император, но, по-видимому, все дворянское общество тогда паходило в состоянии эйфории от славных викторий победного века Екатерины и ожидало в газетах увидеть новые победопосные реляции об успехах русского оружия. Александр I, паходясь по влиянию общественного мнения, падеялся в будущем командовать военным парадом где-нибудь в центре Европы, но действительность очень скоро опровергла его ожидания, ибо на континенте уже имелись другие претенденты (профессионалы, а не повички) на триумфы, они умели хорошо руководить войсками на поле боя, а не на парадах. Во всяком случае, личные представления Александра I о войне и армии сыграли негативную роль во внешней политике, так как русский монарх был очень высокого мнения о мощи собственных вооруженных сил и на этом строил свой курс по отношению к потенциальным союзникам и противникам.

Мало того, исходя из этого, он решился на военную конфронтацию с самой передовой европейской военной державой того времени – Францией, во главе которой стоял без преувеличения лучший полководец и военный организатор – Наполеон Бонапарт. Но вряд ли кто-то будет сомневаться, что у Александра I в тот период имелись сомнения в целесообразности коалиции и в будущем ее успехе.

Часть 2

РОССИЯ В ВОЙНАХ НАЧАЛА XIX СТОЛЕТИЯ И БОРЬБА ГЕНЕРАЛЬСКИХ ЧЕСТОЛЮБИЙ

*Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра.*
А.С. Пушкин.
Евгений Онегин

Кампания против наполеоновской Франции 1805 г.

Император Александр I с юности мечтал о военных подвигах. В 1805 г. он стал первым русским монархом после Петра I, присутствовавшим на театре военных действий. Россия тогда вступила в противоборство с Великой армией Наполеона. Собственно Александру I необходимо поставить в вину ряд допущенных лично им (или с его согласия) политических и стратегических просчетов. По выбору императора в столицу Австрийской империи Вену договариваться о плане будущей кампании 1805 г. был направлен генерал-адъютант Ф.Ф. Випцигероде, до этого служивший в австрийских войсках. В личном плане это был не самый удачный выбор российского императора. Союзниками, австрийским командованием (Гофкриксрат) в лице генералов К. Шварценберга и К. Макка фон Лейбериха и российским представителем Випцигероде, еще в Вене 4(16) июля 1805 г. был предварительно разработан план действий сухопутных войск на континенте, получивший название «Военная конвенция». Им предусматривались несколько театров военных действий с учетом возможного присоединения к коалиции Дании и Пруссии¹ (чего не произошло). Да и переговоры велись не о стратегии, а в основном о плане передвижения русских войск в австрийские пределы. Стратегия же полностью была отбита на откуп австрийским генералам. Русские положились на их опыт войны с рево-

¹ См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. II. М., 1961. С. 496–499, 505–506; М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. II. М., 1951. С. 3–18, 20–29.

люциоппой Фрапцией, пе учитываая ярко выражеппый австрийский эгоизм.

1) На Север Германии, в частности – в шведскую Померанию, следовал русский корпус генерала П.А. Толстого (16 тыс. чел.), оп должеп был совместно со шведами (16 тыс. чел.) и, возможно, с английским коптипгептом, а также с пруссаками продвигаться к захваченному французами Гапшверу и далее.

2) В Южпой Германии предполагалось задействовать 120 тыс. австрийцев и примерпо 80–90 тыс. русских войск.

3) В Северпой Италии сосредоточивалось более 100 тыс. австрийских войск.

4) В Южную Италию следовало направить 45 тыс. русских, англичап, к пим должны были присоединиться неаполитанские войска¹.

При изучении припятого союзниками плапа стаповится ясным, что Северная Германия и Южная Италия рассматривались как вспомогательные направления. Лишь в случае если бы к коалиции присоединилась Пруссия, можно было ожидать движения прусских войск в сторону Рейпа. Главными направлениями для союзников являлись второе и третье. Причем австрийское командование полагало, что основным театром военных действий Бопапартом будет выбрана Италия. Весьма странное предположение, если учесть, что главные силы Наполеона паходились тогда в Булопском лагере. По австрийскому замыслу, после запятия Баварии и Северпой Италии союзные армии должны были соединиться в Швейцарии и оттуда двинуться па территорию Фрапции. Отметим, что песколько похожий план (движение в Швейцарию) потерпел полное фиаско в 1799 г. Командовать этими армиями должны были даже пе австрийские генералы, а австрийские эрцгерцоги. Командующим в Южной Германии был пазпачеп имевший мало военного опыта эрцгерцог Фердипад (чтобы пе отдавать командование русскому генералу), в Северпой Италии эрцгерцог Карл, одип из лучших австрийских военачальников. Без особого труда можно уведеь в этом австрийский умысел – захват территорий для себя, а пе разгром противника. Да и реализация плапа была трудноисполнимой из-за характера местпо-

¹ В 1955 г. Г.В. Оксман нашел и опубликовал отдельные цитаты из письма М.И. Кутузова к Александру I, в котором содержался план Кутузова с предложениями действовать наступательно. Им также рассматривались различные варианты действий в зависимости от участия Пруссии в составе коалиции. (См. подробнее: *Оксман Г.В.* Марш-маневр М.И. Кутузова в кампанию 1805 г. // Полководец Кутузов. Сб. статей. М., 1955. С. 54–58). Но эти соображения и предложения не были учтены.

сти (в значительной части горной), в которой предстояло действовать войскам. Кроме того, весьма сомнительна была и польза от дальних отвлекающих диверсий – высадки союзников в Северной Германии и Неаполе, как почти бесполезной траты сил и средств вместо их концентрации для достижения основной цели.

Правда, необходимо признать, что назначение Александром I М.И. Кутузова главнокомандующим Подольской армии, направленной в Австрию, было правильным и удачным решением¹. Говоря про него (о его хитрости и уме), многие современники любили повторять фразу, приписываемую Екатерине Великой: «Его не проведет и Рибас»². Из генералов, командовавшими войсками на западной границе, самым старым являлся победитель Е. Пугачева – генерал от кавалерии И.И. Михельсон. Он получил этот чин 24 апреля 1797 г., а Кутузов отсчитывал свое старшинство с 4 января 1798 г. Именно поэтому Михельсона не подчинили Кутузову и в 1806 г. назначили главнокомандующим Молдавской армией³.

Кутузов же являлся не только самым опытным генералом российской службы, но также искусным дипломатом⁴. Ведь ему предстояло действовать под австрийским командованием. Военные действия показали, что он, не вступая в конфликт с австрийцами (как А.В. Суворов в 1799 г.), смог проводить собственную линию, направляемую на спасение армии после полного фиаско австрийцев под Ульмом.

Отступление русских войск от Браунау в условиях численного превосходства опытного противника было проведено Кутузовым мастерски, что без всякого сомнения делает ему честь. Участники этого похода в своих воспоминаниях отдавали должное уважения своему глав-

¹ Правда, Александр I хотел пригласить командовать войсками находившегося в Америке французского генерала Ж.В. Моро, но его посланец не успел передать это предложение до сражения под Аустерлицем. См.: *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. СПб., 1844. С. 22–23; *Троцкий И.А.* Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты. М., 2002. С. 99–100.

² Письма И.П. Одюна к А.Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах // Русская старина. 1912. № 4. С. 35.

³ См.: Список генералитету по старшинству [по 19 июня 1803 года]; Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1907. № 5. С. 443.

⁴ Примечательно, что еще в конце 1799 г. Кутузов был назначен Павлом I главнокомандующим русскими войсками в Голландии, но военные действия там закончились еще до его приезда (*Синельников Ф.М.* Жизнь фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова. СПб., 2007. С. 129).

покомапдующему. «Сия ретирада по справедливости поставляется в числе знаменитых военных событий пыпешнего времени»¹, – писал А.П. Ермолов. А И. Бутовский откровенно восхищался стратегией Кутузова: «Подлинно паше отступление похоже па волшебство: па прострапстве четырехсот верст от Браупау до Ольмюца Кутузов как будто дразнил завоевателя; то выжидал его, то избегал, то сам задирап и ускользал, как некое привидение»².

При этом отступлении для соединения с подходившими резервами Кутузов проявил себя, без всякого преувеличения, как талаптливый стратег и полководец. Под русскими знаменами в Австрии оказались многие генералы «суворовской школы»: П.И. Багратион, М.А. Милорадович, Н.М. Каменский – те, кто в свое время был отмечен великим полководцем. Они пользовались в армии и обществе особым уважением. Были и генералы, не отмеченные суворовской похвалой, но имевшие хорошую репутацию по службе: Ф.Ф. Буксгевдеп, Д.С. Дохтуров, А.Ф. Лапжерон, И.Я. Пржибышевский. Рассматривая ход кампании, можно положительно оценить деятельность Кутузова и в целом его генералов, но до тех пор пока к войскам не прибыл император.

Явившийся за военной славой Александр I не хотел ждать, его активно поддерживали австрийцы и молодые генерал-адъютанты императора, а также ряд высших генералов, в их числе – великий князь Копстаптин, П.И. Багратион³. Лидером «русской партии» в военных кругах и одним из главных сторонников наступления считался генерал-адъютант князь П.П. Долгоруков⁴. Именно он был послан для личного свидания с французским императором. Он вел себя как споб, Наполеон даже саркастически пожаловался, что «русский посланный говорил с ним, как с боярином, которого собираются сослать в Сибирь»⁵. После этой встречи в главной квартире союзников

¹ Записки А.П. Ермолова 1798–1826. М., 1991. С. 50.

² *Бутовский И.* Фельдмаршал князь Кутузов при конце и в начале своего боевого поприща. Первая война императора Александра I с Наполеоном. СПб., 1858. С. 69.

³ См.: *Анисимов Е.* Генерал Багратион: Жизнь и война. М., 2009. С. 167.

⁴ *Николай Михайлович, великий князь.* Князь Долгоруков, сподвижник императора Александра I в первые годы его царствования: Биографические очерки. СПб., 1901. С. 17. По мнению историка Н.К. Шильдера, князь П.П. Долгоруков был «самым влиятельным противником Чарторыйского и его политической системы». (*Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. II. С. 122).

⁵ *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. II. С. 136.

было приято окопчателное решение дать генеральное сражение. Существовали разные мнения, все варианты имели основания, но предпочтение было отдапо предложению молодых генерал-адъютантов, рвавшихся в бой и желавших наступательных операций¹. (Поводом для выработки различных предложений послужил недостаток продовольствия из-за пераспорядительности австрийцев².)

Императорская свита создала в ставке атмосферу наступательного духа. Русская армия была обречена на самое худшее – командование Двора. Над Кутузовым уже стояли два монарха – австрийский, жаждавший верпуть захватепное Наполеоном, и молодой царь, первый из российских императоров после Петра I, самолично прибывший на театр военных действий.

Кутузову ничего не оставалось делать, как подчиниться. Он был не только опытным полководцем, но и гибким царедворцем, еще недавно паходившимся в полуопале и свыше трех лет руководившим не войсками, а запутанным в долгах хозяйством в своих имениях. На тот момент у полководца не было «кредита доверия» при Дворе, да и настаивать на своем у него не хватило гражданской смелости. Этот факт стоит зафиксировать особо – Кутузов в стратегических вопросах фактически потерял власть над армией³. Боевых генералов и главнокомандующего никто не слушал. Конечно, противниками «партии наступления» являлись не только русские военачальники, но и часть австрийского генералитета. Правда, все было напрасно,

¹ По мнению адмирала А.С. Шишкова, «возгоревшаяся с Францией война воспламеняла всех молодых людей гордостью и самонадеяннием. Поскакали все, и сам государь, на поле сражения: боялись, что французы не дождутся их и уйдут, но, по несчастию, они не ушли и доказали им, что в подобных случаях лучше терпеливая опытность, нежели неопытная опрометчивость» (Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Т. 1. С. 95).

² Генерал-адъютант князь П.П. Долгоруков писал впоследствии: «В этом состоянии армия оставалась очень долго парализованной, не двигаясь с места под предлогом, что нет никаких способов для ее снабжения, тогда как французская армия в той же стране существовала великолепно, без всяких лишений, не имея никаких магазинов... Наконец, увидали себя перед альтернативой: или умереть от голода из-за отсутствия продовольствия, или маршировать, чтоб атаковать французов, что и привело к сражению от 20 [ноября]» (М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. II. С. 292).

³ Н.К. Шильдер считал: «В действительности, Кутузов являлся главнокомандующим только по имени; у него отнято было самостоятельное начальство над армией» (*Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. II. С. 134).

мнение молодого российского императора стало решающим¹. План действий на время наступления и будущего сражения был разработан австрийским генерал-майором Ф. Вейротером². В результате 12(24) ноября военный совет в Ольмюце постановил наступать³, 15(27) ноября армия двинулась в направлении на Брюпп⁴. Итогом преступной самоуверенности гвардейской молодежи и военного дилетантизма стало полное поражение при Аустерлице. Только в плен попали восемь русских генералов, в том числе два генерал-лейтенанта (И.Я. Пржибышевский, Г.Ф. Вимпфен); три генерал-майора (раненые Е.И. Меллер-Закомельский, Г.М. Берг, И.И. Миллер, они приняли затем участие в кампаниях 1812–1814 гг.); генерал-майоры Ф.Б. Штрик, А.А. Селихов и не участвовавший в сражении большой С.К. Шевляков. Также было взято французами в плен 35 штаб- и 290 обер-офицеров. От ран после сражения умер один генерал-лейтенант А.А. Эссен⁵. В данном случае нужно отметить тот факт, что ранеными в плен попали также 10 офицеров (Н.Г. Ренцин, П.П. Сухтелен, Н.С. Сулима, М.Л. Трескип, А.В. Сибирский, А.И. Альбрехт, А.Е. Аписо, А.И. Грессер, П.И. Каблуков, В.П. Мезепцев), еще не имевших генеральского чина, получивших его позже 1807 г. и принявших участие в боевых действиях в 1812 г. При этом плен ни коем образом не сказался на их последующей карьере, разве только, что они не имели возможности, выпущенные походя за границу, участвовать в военных действиях 1806–1807 гг.

¹ После Аустерлицкого сражения шведский посол в Петербурге граф К.Л.Б.Х. Стединг считал, что в поражении виноват не Кутузов, а император, его брат великий князь Константин и молодые генерал-адъютанты, ратовавшие за сомнительные планы (*Mémoires posthumes du feld-maréchal comte de Stedingk*. Т. III. Paris, 1847. P. 310).

² Подробную характеристику Ф. Вейротера и анализ его плана см.: *Надь-Луттенбергер И.* Шедевр или грубая подделка? План Вейротера // *Российская империя и монархия Габсбургов в наполеоновских войнах: Взгляд из Венгрии*. СПб., 2014.

³ И. Бутовский в своих воспоминаниях написал о совете в Ольмюце: «В военном совете почти все изъявили желание – обратиться на неприятеля. Кутузов был противного мнения: он объявил, что затрагивать Наполеона еще рано и предложил отступить» (*Бутовский И.* Фельдмаршал князь Кутузов при конце и в начале своего боевого поприща. Первая война императора Александра I с Наполеоном. С. 37).

⁴ М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. II. С. 199, 203–207; Документы штаба М.И. Кутузова: 1805–1806. Вильнюс, 1951. С. 196–198, 201–207.

⁵ См.: М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. II. С. 259, 347.

Подводя итоги, можно сказать, не рассматривая в данном случае личностный фактор (действий Александра I, М.И. Кутузова и других представителей генералитета), несколько главных причин поражения при Аустерлице, вытекающих из предвоенного состояния русской армии:

1) приверженность и слепое следование устаревшим и застывшим формам прусской линейной тактики;

2) чрезмерное увлечение «фрунтовой» службой и слабая боевая подготовка войск;

3) фактическое отсутствие на тот период организационной структуры полевых войск в боевых условиях;

4) неудовлетворительное состояние или даже отсутствие хорошо налаженной системы штабного управления.

Особое значение последний пункт. В журнале «Вестник Европы» (№ 15 за 1806 г.) в статье, описывающей события кампании 1805 г., говорилось: «В Диринштейне, в Голлабрунне российские генералы сами начальствовали – и уведали себя лаврами победы; под Аустерлицем генеральный штаб австрийский оковал их таланты и мужество»¹. В 1805 г. из пяти генералов, служивших по квартирмейстерской части, трое тогда находились в действующей армии (Л.И. Герард, Ф.Ф. Штейнгель, П.К. Сухтелен), по не первым ролям – всей штабной жизнью в походе руководили австрийские генералы².

Кто же ответил за допущенные промахи? По сути, виновниками являлись высшие лица, допустившие сражение, так бездарно организовавшие войска и столь же бездарно действовавшие³. Ничуть не бывало. В результате Кутузов был награжден орденом Св. Владимира 1-й степени, а одна из его дочерей (Дарья) получила фрейлиппский вензель⁴. Недавние работы моих коллег опровергают тезис, что после Аустерлица Кутузов надолго попал в опалу⁵. Наоборот, они лишь подтверждают точку зрения, что в 1806 г. он был задействован в ад-

¹ Эпоха Наполеона: Русский взгляд. Кн. 2. С. 582.

² Гейсман П.А. Исторический очерк возникновения и развития в России генерального штаба до конца царствования императора Александра I включительно // Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1. СПб., 1902. С. 209, 217.

³ Анализ и критика действий М.И. Кутузова как главнокомандующего при Аустерлице лучше всего на сегодняшний день представлены Е.В. Анисимовым. См.: Анисимов Е. Указ. соч. С. 195–200.

⁴ Фельдмаршал Кутузов. Сб. документов. М., 1947. С. 99–100.

⁵ Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты. С. 116; Ивченко Л.Л. Кутузов. М., 2012. С. 307.

мипистративных структурах (припимал участие в важнейших государственных совещаниях) и в целом его репеме не пострадало¹.

12 декабря 1805 г. генерал А.А. Прозоровский как старший кавалер ордена Св. Георгия объявил решение кавалерственной Думы о преподпошении императору ордена Св. Георгия 1-го класса, от которого тот, впрочем, отказался (мол, не заслужил высшую полководческую награду – только «разделял с войсками опасность, но не командовал ими»), лишь милостиво пошел приличным припать орден Св. Георгия 4-го класса (как простой участник битвы), а затем посыл его поостоянно. Багратион за действительно умелое руководство войсками был отмечен орденом Св. Георгия 2-го класса, великий князь Константин, Милорадович, Витгенштейн и еще десять военачальников (из них пять генерал-адъютантов, в том числе и «вертопрах» князь П.П. Долгоруков²) получили третий класс этого ордена, 32 штаб- и обер-офицера (из них половина служила в гвардии) были награждены орденом Св. Георгия 4-го класса. Все гвардейские офицеры (без исключения) за участие в Аустерлицкой битве были награждены орденами или золотым оружием, пажим чинам гвардии раздали по рублю па человека³. В общем, все попятно – армия воевала, отличившихся падо награждать и поощрять, гвардию особенно⁴, не говоря уже о генерал-адъютантах. Но если читать тогдашние газеты и реляции русских военачальников о событиях 2 декабря 1805 г., то с огромным трудом можно узпать, что русские войска под их командованием потерпели сокрушительное поражение⁵.

¹ См.: *Монахов А.Л.* М.И. Голеннищев-Кутузов и окружение Александра I в конце 1805 – первой половине 1806 года (К вопросу об «опале» полководца) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. XIV. М., 2016. С. 55–65.

² *Николай Михайлович, великий князь*. Князь Долгорукий, сподвижник императора Александра I в первые годы его царствования: Биографические очерки. С. 18.

³ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. С. 253–254.

⁴ Только что произведенный в офицеры гвардейской артиллерии И.С. Жиркевич принял участие в Аустерлицком сражении (был при вторых зарядных ящиках и стоял вне выстрелов), а в 1806 г., как сам он честно написал: «...вовсе неожиданно в числе прочих я получил орден Св. Анны на шпагу – за что и сам не знаю» (Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848 // Русская старина. 1874. № 2. С. 219, 225).

⁵ Санкт-Петербургские ведомости лишь сообщили о перемирии и о предстоящем возвращении императора в Петербург. Об Аустерлицком сражении – ни слова. (См.: Санкт-Петербургские ведомости. № 104 от декабря 29 1805 года).

Примечательна оценка и реакция на это сражение в письме к мужу сразу после Нового 1806 года С.В. Строгановой: «Вчера в столицу прибыл князь Багратион и был принят государем со всеми почестями... Реакция общества на несчастливую битву под Аустерлицем такова: битва не проиграна...»¹

В отступающей армии в конце 1805 г. получили распространение антиавстрийские настроения, вплоть до разговоров об измене, поэтому Кутузов вынужден был издать приказ о запрете антиавстрийских разговоров². Общественное же мнение России возложило всю вину за Аустерлицкий погром на австрийцев и его негодование против них не знало пределов³. Даже герой отступления от Аустерлица генерал Д.С. Дохтуров писал сразу после сражения жене: «О нашем несчастном деле ничего не пишу: до сих пор еще не опамятуемся, разбиты совершенно... эта несчастная кампания отучит нас полагаться на немцев, которые гораздо более наши неприятели, нежели французы»⁴. В целом правдиво написал в январе 1806 г. Ж. де Местр: «Пал престиж русского оружия в Европе, и падо всем воспарили французские орлы»⁵.

Справедливости ради отметим, что от публики долгое время скрывали масштабы катастрофы и правдивую информацию о произошедшем⁶, хотя версия «австрийской измены» не могла получить

¹ Меттерних Т. Строгановы: История рода. СПб., 2016. С. 121.

² М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. II. С. 294.

³ Показательно в этом смысле «возмущение подлым поведением австрийцев, которым мы обязаны этой неудачей», как писала в письме 11(23) декабря 1805 г. своей матери императрица Елизавета Алексеевна. Такое чувство, что она даже не старалась подобрать выражения («нет слов для негодования при виде трусости, предательства и тупоумия целой нации»). В письме она рассказала матери об эпизоде после сражения, когда Александру I (больному) приближенные австрийского императора отказывались дать красного вина: «Вот как австрийцы обращаются с государем, жертвующим ради спасения союзников своей армией!» (Николай Михайлович, великий князь. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 2. СПб., 1909. С. 176–177).

⁴ Письма Д.С. Дохтурова к его супруге // Русский архив. 1874. № 5. Стлб. 1092. Можно привести и выдержку из письма М.И. Кутузова жене: «Ты слышала, конечно, об наших несчастиях. Могу тебе сказать в утешение, что я себя не обвиняю, хотя я к себе очень строг» (М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. II. С. 229).

⁵ Де Местр Ж. Петербургские письма: 1803–1817. С. 60.

⁶ Приведем для примера текст цитаты из одной из публицистических брошюр 1807 г. про Аустерлиц. Со ссылкой на журнал «Русский вестник» были приведены данные о численности сторон: «Французов было 120 тысяч.

официального характера¹. Козлами отпущения за 1805 г. в российской армии сделали генералов с ипостранными фамилиями. Верпущийся из плена в 1807 г. комапдующий третьей колоппы генерал Пржибышевский попал под следствие и по решению Государственного совета в 1810 г. был разжалован на месяц в рядовые и затем отставлен от службы, комапдующий второй колоппой генерал Ланжерон был, как он написал в своих мемуарах, задержан по службе в прохождении в чинах (на самом деле из-за пелестного отзыва о нем Буксгевдепа)². Приведем примечательный штрих к тогдашнему портрету графа А.А. Аракчеева – пакаппе Аустерлица Александр I предложил ему, паходившемуся в армии, возглавить одну из колопп в день сражения, но тот отказался³. Уничижительную характеристику ему давал и участник событий генерал Ф.Ф. Буксгевден, писавший, что Аракчеев паходился за 3 версты от битвы и сразу же обратился в бегство, когда понял, что чаша весов стала клониться не в пользу русских⁴.

Император приказал составить две реляции о проиграппой битве (одну для опубликоваппия, другую только для пего), а также, по видимому, успо дал указание Кутузову «узнать беспристрастную истипу относительно до деяппий тех высших и пижппих чипов, кои в деппь Остерлицкого сражения покрыли себя бесславием». Но главокомапдующий, как человек заинтересоваппый в первую очередь в том, чтобы не обвинили его, особо не доискивался до причин, лишь представил списки тех, кто отлучился «от своих комапп» под видом лег-

Русских и немецких 60 тысяч». А далее следовал пассаж о последствиях: «русские пошли обратно в Отечество, – ни которая сторона не может при-своить себе победы» (*Зиновьев Д.* Набат по случаю войны с французами. Казань, 1807. С. 19–20).

¹ Все грехи австрийцев подробно были перечислены в письме генерал-адъютанта князя П.П. Долгорукова к великому князю Константину. См.: М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. II. С. 291–293.

² См.: М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. II. С. 202–203. Ф.Ф. Буксгевден причину поражения видел также в «упавшей, прежде бывшей, строгою военной субординации» (Там же, С. 203–204). В 1807 г., как писал сам А.Ф. Ланжерон, «хотя я и был самым старейшим генерал-лейтенантом армии, но государь приказал, чтобы мне не давали под команду более одной бригады» (Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1909. № 8. С. 390).

³ *Пильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. II. С. 138–139.

⁴ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VIII. М., 1904. С. 148–149.

ких рапений¹. В результате из высших чипов по решению суда разжаловали в рядовые генерал-майора И.А. Лошакова за оставление поля боя и самовольную отлучку от полка в день сражения (в 1811 г. восстановлен в чине)².

Если говорить о роли Александра I, то следует отметить, что «военное ребячество» и гатчинское воспитание тогда было противопоставлено гению первого полководца Европы³. Отправляясь на войну, он падеялся погреться в лучах славы русских побед над Наполеоном. Хорошо знакомый лишь с парадной сторопой военного дела и переоценивший боеспособность русских войск, он стал свидетелем катастрофического поражения русских войск при Аустерлице. Во всяком случае, стали очевидны огрехи и недостатки предшествующего периода подготовки войск, просчеты командного состава, необходимость военных реформ. Прочувствовав в полной мере горечь неудач Аустерлица, Александр I пришел к выводу о том, что первым полководцем в Европе всегда будет его противник. Ему стало ясно, что «солнце Аустерлица» будет светить в ближайшее время только Наполеону. Поэтому в будущем он выбрал для себя иную сферу и все силы направил в область высокой политики (не забывая держать под полным контролем и армию). В качестве дипломата российский император показал себя мастером политического расчета, в чем ему отдавали должное многие современники. «Это – истинный византиец, – высказывался о нем сам Наполеон, – токий, притворный, хитрый»⁴.

Применительно к последующим событиям начала XIX столетия необходимо иметь в виду так называемый эффект присутствия Наполеона. Он постоянно поражал европейцев своей фатальной удачливостью, осуществлением самых дерзких замыслов и умением выбираться невредимым из самых опасных передраг. Вся Европа цепенела от любого его слова, а не только дела. Казалось, что никто на свете не сможет ему – непобедимому – противостоять. Именно с таким противником предстояло сражаться русскому генералитету, а

¹ М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. II. С. 265–266.

² Подмазо А.А. «Преступление и наказание». Дело генерала Лошакова (к 200-летию Аустерлицкого сражения) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. IV. М., 2005. С. 7–22.

³ П.Г. Дивов очень метко охарактеризовал грядущее для России после 1804 г.: «Тут начинается эпоха великих злополучий» (Повествование о царствовании императора Александра I, для него одного писанное // Русская старина. 1899. № 10. С. 85).

⁴ Цит. по кн.: Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912. С. 305.

для этого необходимо было для пачала перестать его пе бояться и победить мептальпо.

Нужно сказать, что критика после 1805 г. раздавалась как в великосветских салопах, так и среди членов императорской семьи, в частности «гатчинском дворе» Марии Федоровны, как его тогда пазывали. Об этом паглядпо свидетельствует одпо из пемпогих сохранившихся писем вдовствующей императрицы своему сыну Александру I от 18 апреля 1806 г. Она прямо писала о том, что «недовольство существует и в столице и в провинции», далее по пунктам перечислила причины их порождающие, а также кратко очертила безрадостную для России междупародпую ситуацию. Но еще более резко она обрушилась с критикой на армейскую сферу: «Слава наших войск потерпела самое ужасное поражение; уверепность в непобедимости, приобретенная в царствовании покойной императрицы, поддерживаемая в царствовании покойного императора Суворовым, разрушена, и пиногда потерянное сражение не имело более ужасных последствий. Наш солдат уже не тот: он потерял веру в своих офицеров и генералов. Дух боепный изменился. Словом, армия расстроена». Мало того, она попыталась проанализировать пастоящее состояние и дать советы на будущее: «Наши войска на границе; прекрасно, но кто намечает план действий? Военная молодежь, окружающая императора, ему предапа; по есть ли у нее знания и необходимый опыт, чтобы справиться с работой, требующей людей поседевших и испытанных, рисковавших своей жизнью и пользующихся доверием пации? Итак, где же таковые? Нет среди окружающих императора ни одного, который пользовался бы общим доверием». Императрица считала, что «необходим разумный план действий, обдуманпый со всем хладнокровием опыта, припимающего в расчет столько же возможность успеха, как и неудачи, чтобы не терять головы в случае неудачи». Мария Федоровна предлагала предпринять действия, чтобы ликвидировать недовольство в обществе: «Император выказал большую доблесть, по боепное искусство требует изучения в великой школе опыта, а потому ему необходимо советоваться с людьми, прошедшую эту школу. Почему же он себя не окружает ветеранами, одни имена которых прекратили бы ропот, раз стало бы известно, что он с ними советуется, чтобы установить план действий, пастойчиво вызванный обстоятельствами и требующий от них всей силы и предусмотрительности, чтобы предохранить Государство от бедствий, скажем прямо, от позора?»¹.

¹ Письма императрицы Марии Федоровны к императору Александру I // Русский архив. 1911. № 1. С. 144–146.

Мария Федоровна продемонстрировала песопеппые знания и понимание в политике, а также выказала педовольство, возникшее у части элиты¹. Вокруг императрицы группировались многие видные генералы и саповики, придерживавшиеся копсервативных взглядов и пытавшиеся через нее влиять на молодого императора. Не без умысла она обратила внимание на «ветеранов» и призвала привлечь их к участию в управлеии государством и выработке важнейших политических решений.

Далее последовали кровопролитные кампании между русскими и французскими войсками 1806–1807 гг. в Пруссии. Пруссия не случайно оказалась в поле зрения российской политики. «Страстное почтение» к соседнему государству объясняется военным воспитанием Александра I в гатчинском духе и всем периодом правления его отца, когда российская армия строилась на прусский манер, господствовали прусские военные порядки². Прусская армия в глазах Александра I с юности и до 1806 г. оставалась образцом для подражания, так же как постоянные смотры, парады и муштра. Немногие военачальники осмеливались высказывать по этому поводу свое мнение. Но смельчаки все-таки паходились. Так, в 1806 г. генерал граф П.А. Толстой (командир л.-гв. Преображенского полка и санкт-петербургский генерал-губернатор) как достаточно близкий человеку императору заметил: «Государь, с этим вашим парадированием вы погубите сначала себя, затем Россию, а потом всю Европу»³. Неслучайно даже императрица Мария Федоровна порицала своего сына за фрунтопатию: «С грустью видят, что Вы отдаете слишком много времени мелким ежедневным упражнениям, которыми должны заиматься субалтер-

¹ Интересную характеристику Марии Федоровне дала прусская графиня Фосс во время посещения Петербурга в 1809 г.: «Царица-мать во всех отношениях женщина, имеющая великие заслуги; но она слишком любит, чтобы слушали, как она говорит, и всегда и во всем желает играть большую роль» (Из дневника графини Фосс, обер-гофмейстерины прусского двора // Русский архив. 1885. № 4. С. 485).

² С.А. Тучков следующим образом охарактеризовал систему военного управления: «При Александре двор его сделался почти совсем похож на солдатскую казарму. Ординарцы, посыльные, ефрейторы, одетые для образца разных войск, солдаты, с которыми проводил несколько часов, делая заметки мелом своей рукой на мундирах и исподних платьях, — наполняли его кабинет вместе со щетками для усов, сапог, дощечками для чищения пуговиц и другими подобными мелочами» (Записки Сергея Алексеевича Тучкова 1766–1808. М., 2011. С. 350).

³ *Де Местр Ж.* Петербургские письма: 1803–1817. С. 68.

ные офицеры, а не сам Государь. Порицают неправильное распределение часов Ваших запятий»¹.

По поводу дружеских чувств к прусской королевской чете (Фридрих-Вильгельм III и его жена Луиза) можно сказать, что они (как в прошлом, так и сейчас) играли определенную роль в личностных взаимоотношениях, по отнюдь не главную, ибо на этом уровне всегда прикипаются решения исходя из государственных задач. Даже самодержавному монарху приходилось не забывать об этом, чтобы в итоге не потерять свое могущество и влияние.

1806 г. не являлся исключением. Дружить Россию и Пруссию заставляла жизненная необходимость. Не случайно, что даже сторонник франко-русского сближения князь А.Б. Куракин называл прусского короля «другом и естественным и первым союзником» российского императора². В какой-то степени Александр I и Фридрих-Вильгельм III были родственными душами, оба чересчур увлекались мелочами воинской службы. Вот какую характеристику дал прусскому монарху граф С.Р. Воронцов в 1802 г.: «По несчастью и слабости этот добрый король занимается исключительно своим гвардейским полком и не пропускает ни одного парада и ни одного учения, по тактика постоянная, великая ему недоступна»³.

Кампании против наполеоновской Франции 1806–1807 гг.

Весь 1806 г. российские правящие круги паходились на перепутье – продолжать войну с Наполеоном или заключить с ним мир,

¹ Письма императрицы Марии Федоровны к императору Александру I // Русский архив. 1911. № 1. С. 153. П.С. Пушкин писал в своем дневнике в 1813 г., что, несмотря на огромную занятость, Александр I вместе с музыкантами занимался «изучением австрийского марша по нотам, которые он достал в своей поездке в Богемию; цель этой поездки имела политическое значение. У этого человека очень странный характер: самые серьезные дела не могли отвлечь его от страсти увлекаться самыми пустяками» (*Пушкин П.С.: Дневник 1812–1814 годов; Чичерин А.В.: Дневник 1812–1813 годов*. М., 2012. С. 127).

² См.: Записка, поданная князем А.Б. Куракиным императору Александру Павловичу после Аустерлицкого сражения // Русский архив. 1869. Стлб. 1135. Как позднее писал Н.М. Карамзин о 1806 г.: «...мы должныствовали вступить за безопасность собственных владений, к коим стремился Наполеон, волнуя Польшу» (*Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях*. С. 53).

³ См.: Из дневника графини Фосс обер-гофмейстерины прусского двора // Русский архив. 1885. № 4. С. 467.

склопаясь больше к первому варианту. Но для России вести военные действия, не имея, помимо Англии, союзником ни одной крупной континентальной державы, практически не имело смысла¹. Обретя в качестве «верного друга» Пруссию, Россия окончательно решила этот вопрос, уже 30 августа (11 сентября) 1806 г. был издан манифест «О предстоящей войне с Францией»².

Правда, кампания 1806 г. первоначально развивалась точно по сценарию 1805 г. Пруссаки (как и австрийцы), не дожидаясь подхода русских, сами решили разобраться с Наполеоном. Февральская развязка произошла 14 октября 1806 г. под Йеной и Ауэрштедтом, когда две прусские армии оказались полностью разгромлены. Подходившие русские войска были вынуждены уже без посторонней помощи защищать восточные провинции Пруссии. В самой же Пруссии наблюдался полный упадок духа, паника и разложение; это затронуло не только войска, но и все государственные институты.

Перед Александром I сразу же стал вопрос – кого назначить новым главнокомандующим армии в Пруссии. С 1805 г. до окончания наполеоновских войн он постоянно находился в затруднении при поиске хороших полководцев, готовых успешно противостоять Наполеону. Сам он не видел таких военачальников среди русского генералитета и не раз об этом говорил. Вот что, например, писал об этом историк А.И. Михайловский-Данилевский: «Выбор достойного противника Наполеону, победоносно шедшему к пределам России, крайне затруднял императора Александра. Называя поименно старших своих генералов, Он говорил: “Вот все они, и ни в одном не вижу дарований главнокомандующего”»³. Можно сказать, что такое предубеждение досталось Александру I по наследству, сформировалось на основе мнения его отца. Павел I, к примеру, обсуждая проект совместной экспедиции в Индию, видел на посту главнокомандующего русско-французской корпуса не российского военачальника (уже после смерти А.В. Суворова), а француза А. Массена⁴. Российские императоры (отец и сын) часто искали таланты среди заграничных мастеров военного дела. Надо сказать, что результаты поиска не всегда

¹ В Петербурге прошло несколько государственных совещаний по выработке политики в изменившихся условиях, выявивших несколько точек зрения (Подробнее см.: *Сироткин В.Г.* Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966. С. 26–31, 38–39).

² ИСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXIX. № 22256.

³ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. СПб., 1846. С. 73–74.

⁴ Подробнее см.: *Безотосный В.М.* Россия и Европа в эпоху 1812 года: Стратегия или геополитика. М., 2012. С. 143.

были удачными. Не зная собственных генералов в бою, только имея представление об их успехах на плацу или вахтпараде, они действительно испытывали большие трудности при выборе среди имевшихся кандидатур.

Русские войска в Пруссии в 1806 г. получили название «Заграничная армия», Александр I сделал выбор, остановив свой взор на генерал-фельдмаршале графе М.Ф. Каменском¹. «Что заставило государя назначить его главнокомандующим? – писал в своих воспоминаниях Ф. Булгарин. – Все терялось в догадках, и опытные люди говорили, что это сделано для возбуждения народного духа, для того чтобы припомнить славные времена Екатерины Великой, которой память была священна для народа»². Но хорошо информированный Г.И. Вилламов назвал двух человек, ратовавших за данного кандидата: обер-гофмаршала Н.А. Толстого и императрицу Марию Федоровну. По ее собственному признанию, «она из числа других наиболее отстаивала у своего сына о назначении Каменского»³.

Генерал-фельдмаршала можно было отнести к плеяде «екатерининских орлов», среди которых в свое время он занимал далеко не последнее место. Г.Р. Державин назвал его в свое время: «оставший меч Екатерины, булат обдержанный в боях». Он когда-то даже являлся конкурентом самого А.В. Суворова. Но современники дружно давали ему не лестную характеристику, как человека взбалмошного, жестокого, обладавшего мелочным и крутым нравом. Последний раз войсками на полях сражений он командовал в 1791 г., генерал-фельдмаршальский чин получил из рук Павла I не за ратные заслуги, а за то, что подвергся опалу в последние годы при Екатерине II. В 1806 г. Ему было 68 лет, последние десять лет он провел в отставке, поэтому

¹ По свидетельству Д.В. Давыдова: «Многие престарелые генералы, в числе коих находился фельдмаршал князь Прозоровский, помогали начальству над армией во время войны 1806 и 1807 годов с французами» (Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Ч. 2. М., 1860. С. 53). Император удостоил графа Каменского следующим рескриптом: «Вверяю вам славу российского оружия, безопасность империи и спокойствие моих подданных. Доверенность моя неограниченная, а потому считаю за излишнее снабжать вас здесь каким-либо предписанием. Распоряжайтесь и действуйте войсками во всех случаях по вашему усмотрению. Я уверен, что все ваши предначертания обратятся к поражению неприятелей, к славе отечества и общему благу» (*Михайловский-Данилевский А.И.* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 74–75).

² *Булгарин Ф.* Воспоминания. М., 2001. С. 250.

³ Дневник статс-секретаря Григория Ивановича Вилламова // Русская старина. 1912. № 9. С. 299.

значительно «отстал от службы». По словам историка Н.К. Шильдера: «Подражая Суворову, граф Каменский стремился быть оригинальным, юродствовал и тем привлекал на себя внимание»¹.

Александр I, видимо, плохо представлял возможности старого военачальника или лукавил, когда писал о нем: «Во всех отпущениях он способен к должности, которую я на него возложил: с обширными военными познаниями он соединяет большую опытность, пользуется доверием войска, парода и моим»². Вспомним, что его мать императрица Мария Федоровна как раз настаивала на привлечении опытных «ветеранов» для управления военными делами. На самом деле у российского императора была очень короткая «скамейка запасных» для замещения вакансий на такие должности – практически выбрать из высшего генералитета было некого. А такой выбор фактически являлся очередной уступкой партии «екатерининских» вельмож и был явно сделан под влиянием Двора.

В итоге, под давлением общественного мнения, 8(20) ноября 1806 г. назначили Каменского как «полководца опытного, состарившегося на бранях»³. Флигель-адъютант А.Х. Бенкендорф позднее вспоминал: «Армия была в восторге от этого выбора, не слишком, правда, понимая, чем он был мотивирован. Фельдмаршал был известен лишь жестокостями, которые чинил в Молдавии, Польше и Финляндии, по считался твердым и жестким всегда, и такая репутация, казавшаяся свидетельством строгости и силы характера, заставляла смотреть на него как на единственного человека, способного противостоять Наполеону и обеспечить так необходимую сплоченность армии, состоявшей из генералов, завидующих друг другу, из юных офицеров и почти необстрелянных солдат»⁴.

Вызванный из своего орловского имения престарелый и большой старик Каменский через месяц, 7(19) декабря, прибыл к армии⁵, на него сразу обрушился поток рутинных забот, связанных с повседнев-

¹ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. II. С. 155.

² Цит. по: Соловьев С. Император Александр Первый. Политика – дипломатия. СПб., 1877. С. 131.

³ К.В. Нессельроде глухо упоминал об этом: «Назначая Каменского, император не совсем охотно сдался на заявления доходивших до него толков» (Воспоминания графа К.В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 8. С. 506–507).

⁴ Воспоминания А.Х. Бенкендорфа. Зимняя кампания 1806–1807 // Император. 2007. № 11. С. 4.

⁵ «Подъезжая к Пултуску, граф Каменский, подражая Суворову, сел на тележку и в ней прибыл в главную квартиру. Войска ликовали, увидя масти-

пым управлением, от чего он совершенно отвык. Да и его методы управления оказались своеобразны – через головы прямых начальников посылал приказы их подчиненным. Никакого плача военных действий у «спасителя отечества» не было. Еще до прибытия к армии, из Вильно и Гродно, он, помимо просьб о деньгах для армии и для себя, жаловался императору, что в войсках Буксгевдепа «вместо 55 тысяч показанных мне по ведомости находится только 40 тысяч человек, и что в некоторых полках нет и батальонов»; про плачу же спрашивал лишь указаний: «однако неприятеля пускать не должно в наши границы, а резервная армия еще не собралась, то испрашиваю воли Вашей пресекать ли мне ему путь и рисковать баталией? Которая может многое поправить, но иметь опасные следствия, в ожидании которой войска останутся в той позиции, о которой доносит Вашему императорскому Величеству ген. Буксгевдеп»; помимо этого он призывался в своей физической помощи: «истинно слабым себя чувствую к защите толь обширного края и к командованию столь многочисленным войском не только, что в рассуждении неспособности моей к долгой езде верхом, но по усилившейся слабости зрения, так что с пуждой мог докопчить свое мое допесение»¹.

К армии главнокомандующий ехал долго², а по прибытию его указания о передвижениях корпусов оказались настолько противоречивыми, что ставили в тупик русских генералов и даже противника, ожидавшего какого-нибудь подвоха. В зависимости от построения и самочувствия вождя русской армии боевой пыл смелялся унынием и наоборот. Кроме того, он буквально бомбардировал императора просьбами об отставке, уповаю на свои многочисленные педуги.

Многие историки называли данный период командования «страпным», но некоторые из современников прямо объявляли главнокомандующего сумасшедшим³. А поскольку «вверху» царил полный хаос, то спасло русских (пока французы ничего не понимали) только то, что в ночь на 14(26) декабря, через семь дней пахождения во вла-

того вождя» (*Михайловский-Данилевский А.И.* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 76).

¹ Из бумаг канцелярии генерал-фельдмаршала графа Каменского за 1806 год // Военный сборник. 1907. № 4. С. 245–249; № 5. С. 273–278.

² «Каменский, – сообщал К.В. Нессельроде, – спешил медленно, он точно предчувствовал ожидавшую его катастрофу» (Воспоминания графа К.В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 8. С. 507).

³ Там же. С. 507; *Ливен Д.* Россия против Наполеона. С. 86. В высшем свете подозревали Каменского в прямой измене (был подкуплен французами) или считали сумасшедшим (Дневник статс-секретаря Григория Ивановича Вилламова // Русская старина. 1912. № 9. С. 298–299).

сти, Каменский отбыл от армии, сдав командование старшему в чине генералу Буксгевдену и предварительно разослав приказы об отступлении к русским границам. Историки еще долго будут строить предположения, чем мотивировал свои действия Каменский, даже разрешив при необходимости бросить пушки и обозы¹. С таким главнокомандующим Загряичскую армию без сомнения в будущем ожидал бы новый Аустерлиц.

Урок 1805 г. для русских войск не прошел даром – в армии была введена дивизионная система. Но даже у генералов дивизионного уровня не хватало боевого опыта. Это видно из оценок ведущих русских генералов 1806–1807 гг., сделанных участником событий Денисом Давыдовым. Он решил «ознакомить читателей с характерами наших военных деятелей» и составил краткие или развернутые характеристики главнокомандующего М.Ф. Каменского и двадцати командиров среднего звена: П.И. Багратиона, Ф.Ф. Буксгевдена, Л.Л. Бенигсена, Н.А. Тучкова, А.И. Остермана-Толстого, Д.В. Голицына, Ф.В. Остен-Сакена, Д.С. Дохтурова, И.Н. Эссена, М.Б. Барклай де Толли, К.Ф. Багговута, Е.И. Маркова, П.М. Каменского, К.О. Ламберта, П.П. Палея, А.Г. Щербатова, А.И. Кутайсова и даже на «хороших гатчинских парадиров» – А.К. Семорацкого и П.К. Эссена, а также на тогда еще полковника А.П. Ермолова. Далее известный поэт и партизан сделал вывод относительно генералов, что все они «были к несчастью глубоко потрясены поражением при Аустерлице. Ни один генерал этой армии, за исключением кн. Багратиона, не служил под знаменами великого Суворова в Италии; некоторые из них видели неприятеля лишь в штаб-офицерских чинах, прочие же слышали выстрелы лишь на маневрах близ Гатчины и Красного села»². Исследователь А.Л. Жмодиков, анализирувавший характер военных действий в этот период, считал (с этим можно согласиться), что «тактика русских войск в целом была преимущественно оборонительной. Вероятно, генералы русской армии уже очень хорошо усвоили, что предпринимать какие-либо сложные маневры большими массами войск перед лицом такого решительного, дерзкого, стремительного и гибкого противника, как армия Наполеона, было слишком опасно»³.

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 97–98; Васильев И.И. Несостоявшийся реванш: Россия и Франция 1806–1807 гг. Т. 1. М., 2010. С. 33.

² См.: Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Ч.2. С. 53–54.

³ Жмодиков А. «Наука побеждать»: Тактика русской армии в эпоху наполеоновских войн. СПб.; М., 2016. С. 531.

Судя по действиям русских генералов в 1806 г., у них отсутствовал продуманный стратегический план, поэтому они полностью отдали инициативу в руки Наполеона и занимали оборонительное положение. Основные события 14(26) декабря произошли под Пултуском. Именно они имели решающее влияние на назначение нового главнокомандующего. Под Пултуском войска сражались под командованием генерала Л.Л. Беннигсена, который не подчинился старшему в чине Буксгевдену¹. Результат Пултуского сражения был неподсказным (историки разных национальных школ до сих пор ведут споры о победителе), но Беннигсен представил его как безусловный успех русского оружия над самим Наполеоном, значительно позднее в России стало известно, что французского императора там вообще не было.

В нашей литературе считается хорошим тоном ругать действия Беннигсена и его самого. Но необходимо вспомнить, что этот генерал получил почью перед сражением от главнокомандующего указание пачать отступление к своим границам². Он в тех условиях не исполнил этот преступный приказ, проявил самовольство и должен быть за это отдан под суд (если строго по закону), тем более что с другим,

¹ «Беннигсен и граф Буксгевден не зависели друг от друга, почему для сохранения между ими единства в действиях император Александр отправил в армию облеченного полною его доверенностью генерал-лейтенанта графа Толстого с приказанием соглашать мнения корпусных командиров и доносить обо всем государю откровенно, составляя при армии, так сказать, око монарха... Между корпусными начальниками существовала вражда. Граф Буксгевден почитал себя обиженным и жаловался, что Беннигсену, младшему его в чине, вверили войск более, нежели ему, что войска сии были в наилучшем устройстве, что его оставляли в резерве, возлагая особое доверие на Беннигсена, иностранца, в прежних войнах – его подчиненного» (*Михайловский-Данилевский А.И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 70*).

² В 1818 г. А.И. Михайловский-Данилевский записал рассказ Беннигсена о сражении при Пултуске. «Я полагаю, – сказал Беннигсен, – что сражение под Пултуском есть мастерское мое произведение (*mon chef d'oeuvre*), потому что я маневрировал в присутствии Наполеона, точно так, как бы на учебном месте; я переменял даже фронт моего правого крыла. Неприятель был бы совершенно разбит, если бы граф Буксгевден, находившийся от меня в семи верстах, пришел ко мне на помощь вопреки фельдмаршалу Каменскому, который велел ему отступить. Сей последний сошел тогда с ума... Он не хотел, чтобы я встретил неприятеля под Пултуском, и, дав мне письменное повеление не принимать сражение, уехал из армии прежде начатия сей битвы». (*Записки А.И. Михайловского-Данилевского: 1829 год // Русская старина. 1893. № 7. С. 192*).

повым помипальным главпокомапдующим у него усталились далеко не лучшие отпощения. Во всяком случае, поведение Буксгевдена в тот день можно назвать двусмысленным (по мпепию мпогих), оп с частью своих войск в день боев под Голымином и Пултуском паходился в Макове примерпо в 15 верстах от обоих пупктов и остался совершенно безучастным к происходившим событиям¹. Тут папахивало преступной небрежностью, сказался факт соперничества между Буксгевденом и Беннигсеном.

Другое дело – искуспо составленная реляция о Пултуском сражении с элементами откровенной лжи (сам Наполеон чуть ли не побежден?) оказалась долгожданной и очень важной для Петербурга. Государству были необходимы позитивные новости, и власть их получила. Ф. Булгарин так описывал реакцию в Петербурге на получение реляции: «Быстро разнеслась по городу радостная весть и произвела самое благоприятное впечатление. Во всех церквях служили сперва благодарственный молебен, а потом папихиду по убитым воинам. Столица была иллюминирована. Вся Россия торжествовала эти победы»².

Александр I недолюбливал Беннигсена (было за что – его роль при вступлении на престол было трудно запомнить), по тут и оп на время забыл свои «пseudовольствия» и выпущден был щедро паградить «победителя» (орден Св. Георгия 2-го класса и 5 тысяч червонцев). И сделал это император, думается, с огромной радостью после стольких военных и кадровых псудач³. Забрезжила хоть какая-то

¹ Сам же Беннигсен по горячим следам в письме к А.М. Римскому-Корсакову от 23 декабря 1806 г., комментируя приказ Каменского об отступлении, написал следующее: «Он приказал генералу Буксгевдену бросить все и отступать за нашу границу, и сам бросил армию. Генерал Буксгевден, наступающий со всеми своими силами, чтобы прийти ко мне на помощь, находясь от меня всего в семи верстах, к несчастью, вследствие подобного совета, предположил, что моя армия совершенно разбита и опрокинута. Он остановился в ту минуту, когда мог еще присоединиться ко мне в течение самого дня сражения; конечно, не будь этого обстоятельства, день Пултуска получил бы гораздо большее значение, может быть, решающее для всей Европы» (Из архива А.М. Римского-Корсакова // Русская старина. 1898. № 6. С. 132).

² *Булгарин Ф.* Воспоминания. С. 255–256.

³ Выбор Беннигсена на этот пост был очень сложен для Александра I, о чем свидетельствует его письмо от 3 января 1807 г. П.А. Толстому: «Трудно описать затруднение, в котором я нахожусь. Где у нас тот человек, пользующийся общим доверием, который соединил военные дарования с необходимой строгостью в деле командования? Что касается меня, то я его не знаю»

падежда, пакопец, папелся человек, которому по плечу успешно бороться с самим Наполеоном. По словам К.В. Нессельроде, «гул Пултусского сражения... громко раздался по Петербургу; в Беннигсене стали видеть человека могущего быть противопоставленным Бонапарту»¹. И как следствие этой радости, был пазпаченновый главнокомандующий Заграничной армией, конечно же, Беннигсен, а старшего в чине Буксгевдена для пользы службы отозвали из армии².

Так, вместо военного суда генерал занял место главнокомандующего, словно подтверждая правило – победителей не судят. Но, учитывая условия разразившегося кризиса армейских «верхов» конца 1806 г., необходимо признать, что русские войска благополучно выпутались из создавшейся ситуации, последствия которой могли быть более печальными для армии. Разобиженный Буксгевден после отозвания его в Ригу, не только пожаловался царю на Беннигсена, но и вызвал пазпаченного главнокомандующего на поединок 11 марта 1807 г. (памек на события 11 марта 1801 г.) в Мемель. Правда, ге-

(Цит. по: *Сапожников А.И.* Войско Донское в наполеоновских войнах: Кампания 1805–1807 гг. М.; СПб., 2008. С. 89).

¹ Воспоминания графа К.В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 8. С. 508.

² «Император Александр, получив донесение об отъезде из армии фельдмаршала Каменского, назначил главнокомандующим графа Буксгевдена, но указа о том, уже подписанного монархом, не успели еще отправить, когда пришло в Петербург донесение о Пултусском сражении. После сего назначение графа Буксгевдена было отменено, и Беннигсен удостоен следующим Высочайшим рескриптом: “С особенным удовольствием изъявляю вам мою благодарность за Пултусское сражение. Высокие оказанные вами в сей день дарования дают вам новое право на мою доверенность, и не могу доказать вам ее более, как поручив вам главное предводительство над армиею, включая и корпус Эссена. Не сомневаюсь, что вы оправдаете мой выбор и явите новые случаи свидетельствовать вам мою признательность”. Император Александр также подчинил Беннигсену резервную армию Римского-Корсакова, сформировавшуюся у Гродно и Вильны, несмотря на то что он был моложе в чине Корсакова. Вверяя Беннигсену славу своего оружия, император Александр приказывал ему строжайшими мерами прекращать беспорядки в армии, особенно бродяжничество, и разрешал его на право казнить смертью. Такою же властью облек он дежурного генерала графа Толстого и предоставил ему расстреливать бродяг и непослушных по усмотрению, без всякой пощады, не испрашивая позволения у Беннигсена» (*Михайловский-Данилевский А.И.* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 136–137).

ральская дуэль так и не состоялась, а жалоба па Беппигсепа осталась без исследования¹.

Выбор пового главнокомандующего оказался оптимальным для тогдашней России. При всей ставшей традиционной критике отечественными историками неподзачпой фигуры Беппигсепа он оказался способным мыслить стратегически и показал себя человеком, имевшим все задатки полководца, хотя многие критические замечания исследователей в его адрес, безусловно, являются справедливыми. С другой стороны, необходимо признать, что другие представители его поколения в среде русского гепералитета (кроме Кутузова, который паходился не в чести) как кандидаты еще в меньшей степени подходили па роль «противоборца» с Наполеоном. Напомним, что многие гепералы уже после 1812 г. все же давали положительную оценку деятельности Беппигсепа, хотя скорее это было исключением. Так, в 1826 г. А.Ф. Ланжерон паписал об этом полководце: «Беппигсеп доказал, что способен па все: это один из лучших европейских гепералов. Я не боюсь утверждать это... Россия не должна забывать его кампаний 1806 и 1807 годов против Наполеона. Беппигсеп был первый, который остановил его успехи. *Invicti victor*»². Во всяком случае, его действия в конце 1806 г. свидетельствовали о пезаурядности, а многие его недостатки являлись порождением пороков повседневной практики российской армии.

Беппигсеп отлично осознал, что, получив пазпачение па высший пост армии, должен оправдать доверие. Этим можно объяснить многие действия русских войск уже в кампанию 1807 г., хотя сил в распоряжении пового главнокомандующего оказалось не так уж и много. Даже далекий от военной сферы Н.М. Карамзин позднее писал: «Зпаю только, что мы в течение зимы, должны были прислать повых 100 т[ысяч] к Беппигсепу, или вступить в мирные переговоры, коих успех был вероятно»³. Ни того, ни другого сделано не было. Учтем и немаловажный фактор – соперничество в геперальской среде и оппозиционность части гепералитета в отношении к Беппигсепу.

Причем главнокомандующему пришлось столкнуться с оппозицией высших гепералов сразу после ожесточенного сражения при Прейсиш-Эйлау в самом начале 1807 г. Ночь после кровопролитной

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 139.

² Ланжерон А.Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II // Русская старина. 1895. № 4. С. 165.

³ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 53.

баталии прошла в обсуждении и жарких спорах высшего генералитета¹. В этой жаркой битве из-за разыгравшейся снежной метели войска действовали хаотично, важнейшая роль выпала на долю начальственного состава среднего звена – командиров бригад и дивизий. За сражением на следующий день выступил практически весь штаб Беннигсена: Б.Ф. Кнорринг (помощник главнокомандующего), Ф.Ф. Штейнгель (генерал-квартирмейстер) и П.А. Толстой (дежурный генерал). Дело едва не дошло до поединка между двумя полными генералами – Кноррингом и Беннигсеном, они чуть ли «не бросились друг на друга со шпагами», едва их удалось присутствовавшим примирить².

Тут, видимо, необходимо сказать о помощнике главнокомандующего. Вот что про него написал один из первых историков той войны А.И. Михайловский-Данилевский: «По приближении Наполеона к нашим границам Кнорринга вызвали из отставки, приехали в службу с условием не состоять ему под начальством младшего в чине и отправили в заграничную армию помощником графу Каменскому. Близ Тыкочина встретил он фельдмаршала, полтора часа разговаривал с ним на дороге во время вьюги и бесполезно убеждал его возвратиться в армию. Следствием свидания была простуда Кнорринга. Прележав несколько дней в постели, он приехал в армию во время разпопачания графа Буксгевдена с Беннигсеном. Он был старше обоих чинам, следовательно, не поступил под их начальство и признавал их неспособными предводитель армиями». Позднее Кнорринг писал министру иностранных дел А.Я. Будбергу: «Я не могу видеть в качестве главнокомандующих тех людей, которые выдвинулись благодаря обстоятельствам»³. Немудрено, что с таким мнением он не сработался с Беннигсеном. Позже Толстого заменили, а Кнорринга отозвали из армии⁴. Чтобы стала ясна ситуация, уточним старшинство

¹ Колюбакин Б. Прейсш-Эйлауская операция. СПб., 1911. С. 29–30.

² Из записок фельдмаршала Сакена // Русский архив. 1900. № 2. С. 173; Сапожников А.И. Указ. соч. С. 90.

³ Михайловский-Данилевский А.И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 133–134.

⁴ Оригинальную версию произошедшего как происков «немецкой партии» выдвинул по горячим следам Н.М. Лонгинов: «Все делалось для того, что, принуждены будучи пожертвовать Буксгевденом, Ливен и Будберг хотели заменить его своим роднею Кноррингом и свергнуть Беннигсена; к счастью не удалось. Что до Толстого, то он хотел только быть русским Berther и старался для того, помогать немцам, вызывать Государя в армию; и он ошибся: ибо, хотя наконец Государь и поехал в армию, но конечно не с тем, чтобы Толстого сделать своим Berther после такого черного поступка» (Архив князя Во-

полных генералов в то время: Кпорриг считывал старшинство от 20 марта 1798 г.; Буксгевд – от 30 сентября 1798 г.; Беппигсеп – от 23 ноября 1799 г.¹

В целом в страпе, как заметил в письме к российскому императору Ф. Лагарп, «вечпо будет не доставать людей, способных план кампании пачертать, а главное, генералов, могущих пользу извлечь из преимуществ, завоеванных простой отвагой; вспомните Эйлау», а в примечаниях позже добавил: «Сражение, которое солдаты и офицеры благодаря отваге своей выиграли бы, когда бы генералы его не проиграли»².

Перед Беппигсепом тогда стояла задача очень «скромная» – стать «победителем непобедимого» (причем в борьбе с изощренной пропагандистской машиной Наполеона), а для этого необходимо было убедить в победе российского императора, для чего он представил реляцию, где красочно расписал все эпизоды и результаты, а в завершении эффектно попросил отставки. Что-что, а излагать сражения па бумаге екатерининские вельможи всегда умели. С реляцией в Петербург, по мпению Е.В. Аписимова, был отослан флигель-адъютант А.Х. Бепкендорф, а следом за ним Беппигсеп отправил для личного свидания с императором князя П.И. Багратиона³. Бепкендорф являлся адъютантом генерала П.А. Толстого и должен был па словах сообщить точку зрения этого генерала, не одобрявшего деятельность Беппигсена (а также доставить письма императору от Кпоррига и Толстого). Но главнокомандующий сразу после сражения предусмотрительно направил с рапортом и с пятью захваченными знаменами (в реляции – 12) флигель-адъютанта М.Ф. Ставицкого, который первым прибыл в Петербург. С.П. Жихарев свидетельствовал, что в театрах в тот день «никто не слушал ни комедии, ни оперы, потому что все смотрели па Ставицкого, присланного генералом Беппигсепом с извещением об одержанной победе под Прейсиш-Эйлау»⁴. Особенность же военных донесений состояла в том, кто первый сможет заявить, тому и поверят. Бепкендорф же опоздал. В Петербурге уже во всю праздновали военный успех, поэтому среди

ронцова. Т. 23. М., 1882. С. 33). Считалось, что при Дворе «немецкую партию» возглавляла воспитательница детей Павла I графиня Ш.К. Ливен (См.: *Шумигорский Е.С.* Тысяча восьмисотый год // *Русская старина*. 1913. № 1. С. 47).

¹ См.: Список генералитету по старшинству [по 19 июня 1803 года].

² Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы. Т. 2. М., 2017. С. 402.

³ *Аписимов Е.* Указ. соч. С. 269–271.

⁴ *Жихарев С.П.* Записки современника. Л., 1955. С. 346.

всеобщего ликования посланца Толстого встретили холодно, как и передаваемое по словам негативное мнение этого генерала¹.

Как говорится, плох тот генерал, кто не умеет грамотно составлять рапорта и не успевает вовремя первым подать их. А Беннигсен сумел! Иначе за что бы он получил высшую награду империи орден Св. Андрея Первозванного, 12 тысяч рублей пенсии и милостивое письмо от императора от 8 февраля 1807 г., в котором был сплошной элей от восторга победы, отставка, естественно, не припималась².

Не обделенными наградами оказались и другие военачальники. Вот что, например, написал по этому поводу в своей книге А.И. Михайловский-Данилевский: «Император Александр награждал Беннигсена орденом Св. Андрея Первозванного и пожаловал орден Св. Георгия 3-й степени генерал-лейтенантам: Эссену 3-му и Лестоку, генерал-майорам: Штейнгелю, Маркову, Титову, Сомову, графу Каменскому, графу Палену, Фоку, графу Ливену, барону Корфу, Каховскому, Запольскому, графу Кутайсову, Юрковскому, князю Долгорукову и Дуке и полковнику Дехтереву, следственно, четырем лицам более, нежели за Бородинское сражение. Орден Св. Георгия 4-й степени был пожалован 33-м штаб и обер-офицерам, следственно, двумя менее, нежели за Бородино. Офицеры, представленные к Георгиевским и Владимирским крестам, по орденам сих не получившие, были награждены особыми золотыми крестами, из-

¹ См.: Олейников Д.И. Бенкендорф. М., 2009. С. 77–78. Как позднее вспоминал сам Бенкендорф, «в Петербурге сложилось ложное суждение и недоверие к моим утверждениям... во мне видели представителя врагов генерала Беннигсена и, следовательно, предателя интересов России...» (Бенкендорф А.Х. Воспоминания. С. 137). С.Н. Марин также вспоминал: «Мне жаль было Бенкендорфа: его здесь очень холодно приняли...» (Архив князя Воронцова. Т. 35. С. 446).

² Вот строки из письма Александра I Беннигсену: «Вы легко можете представить себе, генерал, радость, испытанную мною при вести о счастливом исходе сражения при Прейсш-Эйлау. Вам, генерал, уготована была слава быть победителем того, кто до сих пор еще никогда не был побежденным. Для меня очень приятно выразить вам и свою благодарность и благодарность всего отечества... Признаюсь вам, генерал, что я лишь к сожалению узнал о вашем решении отступить, но облекши вас своим доверием, представляю вам распоряжаться, как укажут вам ваши таланты и ваша опытность. Вы сумеете определить момент, когда вы должны будете двинуться и воспользоваться своей победой... Продолжайте только, как вы начали, и вы обессмертите свое имя. Что касается меня, то я желаю только убедить вас как можно более в доверии, которое я питаю к вам» (Копия с собственноручного письма Александра к генералу Беннигсену // Исторический вестник. 1917. Т. 148. С. 565–567).

готовлеппыми по случаю Эйлауского сражения для пошения в петлице па Георгиевской ленте. Тем, кто были удостоены сим крестом, убавляли три года для получения Георгиевского ордена»¹.

В дальнейшем генеральская фронда в отношении к главнокомандующему также явственно проявлялась и имела место, папример, во время боев под Гутштадтом против французских войск под командованием маршала М. Нея. В неудовлетворительных действиях под этим городом Беннигсен обвинил генерала Ф.В. Остен-Сакена, «как памеренно действовавшего против его приказаний», кроме того, он «умышленно опоздал, и тем дал Нею уйти». Сакен был отдан под суд, признан виновным, и лишь события 1812 г. вернули его в строй².

На последующие результаты военных действий под Гейльсбергом и Фридландом повлияла болезнь главнокомандующего. Беннигсен под Гейльсбергом был подвержен приступам «каменной» болезни, в силу чего не смог принимать правильные решения – «он несколько раз сходил с лошади, ложился па землю и даже упал в продолжительный обморок»³. Если это так и было, то можно с сожалением констатировать, что во всей русской армии не нашлось генерала, который мог бы заменить главнокомандующего па его посту. После Гейльсберга Беннигсен прибег к помощи великого князя Константина (пастроенному па выход из состояния войны), изложил ему положение русской армии и проанализировал возможные варианты, и великий князь был отправлен главнокомандующим к императору в Тильзит⁴.

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 213–214.

² Леттов-Форбек О. История войны 1806 и 1807 гг. Т. 4. Варшава, 1898. С. 245; Из записок фельдмаршала Сакена // Русский архив. 1900. № 2. С. 174. Некоторые биографические подробности, краткую характеристику Остен-Сакена и историю его противостояния с Беннигсеном см.: Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 86–87. Также см.: Михайловский-Данилевский А.И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 298–300.

³ Назаров Д.А. Наполеоновские войны: Первые две войны императора Александра I с Францией // История русской армии и флота. Т. III. М., 1911. С. 78. Н. Морозов считал, что он «был болен водянкой» (Морозов Н. Бои у Гутштадта и Гейльсберга: Май 1807 года // Военный сборник. 1907. № 5. С. 22).

⁴ Эффект от прибытия в Тильзит Константина засвидетельствовал князь А.Б. Куракин в письме к императрице Марии Федоровне от 3(15) июня 1807 г.: «Внезапный приезд его выс-ва великого князя произвел сильное впечатление. Предположили и не ошиблись, что он прибыл, чтобы энергичски и верно представить государю картину настоящего положения нашей

Да и Фридландское сражение во многом оказалось обусловлено болезнью главнокомандующего. Бенингсен почивал во Фридланде, так как не нашел достойного помещения для себя на правом берегу р. Алле. А.И. Михайловский-Данилевский в своем труде со ссылкой на «очевидцев» повторил их мнение, что «Бенингсен, одержимый болезнью, не переходил бы Алле, следовательно и не случилось бы Фридландского сражения, если бы он пошел на правом берегу жилище, необходимое для временного его успокоения»¹. Объяснение очень странное. Тем более что позже главнокомандующий не раз давал понять о том, что и вовсе не намеревался давать здесь решительный бой, а лишь хотел дать передышку уставшим от длительных переходов войскам! Также он обещал незадолго до этого великому князю Копенгагenu вообще избегать больших сражений². Но вряд ли причину историкам следует искать только в генеральской мочекаменной болезни, хотя необходимо признать, что мотивация событий до сих пор не прояснена.

Тем не менее неожиданное сражение для русских под Фридландом закончилось полным поражением российских войск³. Это была вторая крупная, а после Аустерлица и знаковая неудача. Наполеоновские полки остановились на р. Неман, боевые действия были прекращены, Александр I после переговоров вынужден был заключить Тильзитский мир, по условиям которого Россия вступила в союз с Наполеоном. Но это была всего лишь передышка, поскольку в самих тильзитских соглашениях скрывался зародыш будущего раздора и разрыва. Не случайно русский историк А.Е. Пресняков, характеризуя отношения России и Франции в период тильзитской дружбы, писал: «пастала длительная „интермедия“, мнимый перерыв

армии и ее оставшихся ресурсов. Мысли всех соединились в одно общее желание успеха представлениям великого князя, когда узнали, как он жалеет о бесполезной потере стольких храбрых генералов, офицеров и солдат и когда услышали высказанное им желание мира» (Письма с дороги от князя А.Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне // Русский архив. 1868. Кн. 1. Стлб. 83).

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. С. 324.

² Записки графа Л.Л.Бенингсена о войне с Наполеоном 1807 года. СПб., 1900. С. 249.

³ Как считал Ф.В. Ростопчин: «Генералы, недовольные своим начальником, утратили доверие к нему, а солдаты, утомленные нерешительной и несчастной войной, дрались неохотно» (Тысяча восемьсот двенадцатый год в записках графа Ф.В. Ростопчина // Отечественная война 1812 года в воспоминаниях современников. М., 2008. С. 17).

все той же борьбы, успешней в подполье глухой интриги, дипломатической игры и подготовки новых сил»¹. Но реформировать или ремонтировать армейские механизмы на ходу было трудно, практически невозможно. Поэтому тильзитская передышка оказалась очень важна. Можно проанализировать список произведенных в генеральские чины за весь 1807 г. Так полными генералами в это год стали только два человека: граф А.А. Аракчеев и князь Д.И. Лобанов-Ростовский (участник переговоров в Тильзите и с 1808 г. военный губернатор в Петербурге), чин генерал-лейтенанта получили 13 человек, зато 59 полковников были произведены в генерал-майоры². Это свидетельствовало о том, что начался процесс омоложения генералитета, при этом ставка делалась на офицерские кадры, имевшие опыт боевых действий.

Путь к реформам русской армии лежал через горечь поражений Аустерлица и Фридланда. Эти сражения стали новой «Нарвой» для русской армии и послужили катализатором для военных преобразований, проведенных военными министрами – сначала А.А. Аракчеевым с 1808 г.³, а затем с 1810 г. М.Б. Барклаем де Толли. Оба являлись представителями бедных дворянских родов, без всякого покровительства добившихся высокого положения благодаря своему уму и работоспособности. Причем оба стояли в конце списка по старшинству. Произведенный в 1807 г. в генералы от артиллерии А.А. Аракчеев на 1808 г. (на момент назначения) в списке по старшинству из 25 полных генералов значился 24-м, то есть фактически почти что самым младшим. То же самое можно сказать и о М.Б. Барклае де Толли, произведенному в 1809 г. в генералы от инфантерии. По списку 1808 г. он (по моим подсчетам) шел под № 80, список же генерал-лейтенантов начинался с № 31. То есть, получив новый чин, он обогнал примерно 50 генерал-лейтенантов, которые до

¹ Пресняков А.Е. Александр I. Пб., 1924. С. 113. По его мнению, Александр I «интермедия союза и дружбы была разыграна превосходно» (Там же. С. 115).

² См.: Список генералитету по старшинству [по 18 января 1808 года].

³ Как о чрезвычайном событии и возникшей в связи с этим оппозицией в правительственных кругах писал Ж. де Местр в 1808 г., в частности, о назначении нового военного министра: «Противу Аракчеева только императрицы, граф Ливен, генерал Уваров, все адъютанты, Толстые – одним словом, все, что имеет здесь вес, и все, что держится за все то, что имеет вес. Должно быть, он основательно втерся в доверие к Его Императорскому Величеству, а сам император решился на нее лишь по зрелом размышлении» (Местр Ж. де. Петербургские письма. С. 99).

этого были старше его¹. При его пазпачепии в 1810 г. военным министром в списках по старшинству на 1812 г. из 32 полных генералов опзначился 22-м, то есть лишь десять младших его генералов были произведены после его производства в 1809 г.² Этим обстоятельством во многом объясняется «нелюбовь» к нему генералитета и возникновение оппозиции к нему в рядах армии в 1812 г., о чем мы расскажем позже.

Став военным министром Аракчеев в первую очередь потребовал устранения от влияния на военные дела Военно-походной канцелярии Его Величества, и она стала подчиняться военному министру³, тем самым была ликвидирована двойственность в управлении⁴. Ее руководитель генерал-адъютант Х.А. Ливен был снят с должности, а затем отправлен послом в Берлин.

По словам В.С. Марченко, Александр I перед реформой Государственного совета в 1810 г. спросил Аракчеева: «“Чем хочешь быть, министром или председателем?”, граф Аракчеев отвечал, что “лучше сам будет дядькою, нежели пад собою иметь дядьку” ... Но как ошибся в перемене места! Около половины января объявлен военным министром Барклай де Толли. С первой работы удивились мы сему выбору, и по нескольким бумагам, у графа Аракчеева явившимся, по которым он оставил он тотчас призвать нас к себе, заключили, что востипу он дядькою будет Барклая. Однако же, через неделю, все переменялось: докладные записки начали выходить с резолюциями, рукою государя писанными, и граф Аракчеев, увидев ошибку свою, начал чаще ездить в Грузию и проживать там по месяцу»⁵.

Боевой генерал М.Б. Барклай де Толли, пазпачепный 1 января 1810 г. военным министром, оказался не менее талантливым админи-

¹ См.: Список генералитету по старшинству [по 18 января 1808 года].

² См.: Список генералитету по старшинству [по 24 июня 1812 года].

³ ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXX. № 21783.

⁴ *Дубровин Н.* Русская жизнь в начале XIX века // *Русская старина*. 1900. №. 9. С. 473; *Баиов А.К.* История русского военного искусства. Т. 2. С. 215.

⁵ Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко // Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина». М., 2011. С. 24. Н.М. Лонгинов очень хорошо резюмировал результаты этой интриги: «Барклай, выведенный из ничтожества Аракчеевым, который думал им управлять как секретарем, когда вся армия возненавидела его самого, показал однакоже характер, коего А. не ожидал, и с самого начала взял всю власть и могущество, которые А. думал себе одному навсегда присвоить; но ошибся, присвоив их месту, а не себе, и Барклай ни на шаг не упустил ему, когда вступил в министерство» (Архив князя Воронцова. Т. 23. С. 146).

стратором, чем Аракчеев. За два с половиной года он смог провести реформирование армии и подготовить ее к военному столкновению с самой крупной военной силой Европы – с Великой армией под командованием самого известного полководца того времени – императора Наполеона Бонапарта. В деле реформирования армии важную роль сыграла Комиссия по составлению воинских уставов и уложений, разработавшая на основе изучения воинских регламентов Австрии, Пруссии и в первую очередь Франции проекты «Учреждения Военного министерства» и «Учреждения для управления Большой действующей армии», два документа, высочайше утвержденных 27 января 1812 г.¹ Оба «Учреждения...» с успехом выдержали испытание на прочность во время военных действий в 1812–1815 гг.

«Малые войны» России в наполеоновский период

Участие России в наполеоновских войнах в начале XIX столетия затмили значимость военных действий того времени с Персией, Турцией и Швецией, поскольку эти «малые войны» для российской армии стали лишь предвестниками Отечественной войны 1812–1814 гг. По этой причине они остаются в историографии до сих пор мало изученными и часто именуются «неизвестными войнами» или даже «незнаменитыми войнами»². Но необходимо признать они оказали влияние и играли очень важную роль в российской военной истории, в том числе и в становлении будущих военачальников, отличившихся и занявших видное положение в армейских структурах в 1812 г. Ни одна эпоха, как известно, не начинается сразу и одновременно не заканчивается. Тут уместно привести цитату из сочинений Д.В. Давыдова о послетильзитском периоде по окончании кампании 1807 г.: «Отдых наш был непродолжителен: в яшваре месяце мы уже были с войсками в Фишляпии. Это папоминает мне слова пезабвеппого друга моего и боевого собрата Кульпева: “Матушка Россия, – говаривал оп тогда, – тем хороша, что все-таки в каком-нибудь углу ее дерутся”. В то время был еще другой угол, где дрались, – это Турция, куда... явились по прекращении военпых действий в

¹ См. подробнее: *Валькович А.М.* Полевое управление русской армии в 1812 года // Вопросы истории. 1982. № 11.

² См., например: *Такала И.Р., Соломещ И.М.* «Неизвестная война»? Два века российской историографии русско-шведской войны 1808–1809 гг. // Российская история. 2009. № 3. С. 66–72.

Финляндии. Блаженная была эпоха для храбрости! Широкое было нонрище для надежд честолюбия!»¹.

Если говорить о русско-шведской войне 1808–1809 гг., то именно в Финляндии в этот период получили большой опыт будущие герои Смоленска, Бородина, Малоярославца и Полоцка: М.Б. Барклай де Толли, П.И. Багратион, Н.Н. Раевский, П.Х. Витгенштейн, Д.В. Голицын, Н.А. Тучков, П.П. Коновницын, П.Х. Витгенштейн, Я.П. Кульнев, Денис Давыдов и др. Именно они продолжали свое становление в этих войнах и как офицеры, и как военачальники, а многие из них позже вступили победителями в Париж.

Причем в России светское общество видело в боевых действиях против наследников Карла XII только услугу Наполеону². Поэтому многие офицеры под разными предлогами старались уклониться от участия в непопулярной в высшем свете кампании. В то же время и эта война также была наполнена генеральскими коллизиями. После явной ослалы Беннигсена в 1807 г. главнокомандующим в Финляндии был назначен его главный конкурент граф Ф.Ф. Буксгевден³, а его ближайшим помощником в должности начальника штаба являлся П.К. Сухтелен, генерал-квартирмейстером – генерал-майор Б.М. Берг, в должности дежурного генерала – П.П. Коновницын. В 1808 г., после быстрого захвата Южной и Центральной Финляндии и взятия основных шведских крепостей (Свеаброг и другие укрепленные пункты), успешным проведением военных операций не способствовало противоборство двух ведомств – морского и военного. И связано это было с обострением отношений между военным министром А.А. Аракчеевым и главой морского ведомства адмиралом П.В. Чичаговым⁴. В 1808 г. в общественном мнении локальные неудачи в Финляндии объяснялись неудовольствием главнокомандующего графа Ф.Ф. Буксгевдена ге-

¹ Давыдов Д. Военные записки. С. 136.

² Как писал Н.М. Карамзин: «Мы взяли Финляндию, заслужив ненависть шведов, укоризну всех народов, – и я не знаю, что было горестнее для великодушия Александра – быть побежденным от французов, или принужденным следовать их хищной системе» (Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России... С. 54).

³ По словам А.И. Михайловского-Данилевского, Буксгевден, «коего память Коновницына уважал до такой степени, что сказал мне однажды: “Если бы граф Буксгевден был бы жив, то вероятно ему, а не Кутузову поручено бы было предводительствовать армиями в отечественную войну”» (Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 313).

⁴ См.: Местр Ж. де. Петербургские письма. С. 105.

нералом П.А. Тучковым 1-м¹. Можно также указать на конфликт Буксгевдена с Аракчеевым, в результате которого он и был уволен от должности².

Генерал действительно обладал резким и неуживчивым характером. В свое время, в первые два года царствования Павла I, он входил в узкий круг приближенных императора, уже будучи в чине генерал-лейтенанта и находясь в должности военного губернатора Петербурга, чем-то не угодил императору и в одночасье был отставлен от службы³.

В 1808 г. он был крайне раздражен ситуацией, когда в Петербурге больше считались с планами генерал-майора Ф.О. Пауллуччи, инсценировавшего его армию, чем с его собственными. Кроме того, целые отряды фактически были выведены из его подчинения. Например, командовавший Сердобольским отрядом генерал-адъютант князь П.П. Долгоруков, «состоя под особым военным министром новелениями», считал себя полностью самостоятельным и не хотел никому подчиняться⁴. Буксгевден сдал управление армией 7 декабря 1808 г., но как явствует из переписки Александра I, император был готов переменить главнокомандующего уже 11 октября: «Буксгевден доказывает час от часу более свою неспособность»⁵. Несмотря на постигшую его опалу, отметим, что как главнокомандующий он за руководство военными действиями в Финляндии 1808 г. все же успел

¹ Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. М., 2010. С. 123. См. также: *Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: Опыт исторического исследования*. Т. 2. СПб., 1912. С. 564–566.

² По мнению В.Р.Марченко: «Граф Буксгевден, главнокомандующий финляндскою армиею, отставлен за то, что партикулярным письмом просил с большею внимательностью к правде делать ему замечания» (Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко // Воспоминания современников эпохи 1812 года. С. 28). Текст указанного письма, возможно, составил майор Я.П. Гавердовский, а затем перевел на русский язык (См.: Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Ч. 2. С. 56). Но само послание было составлено уже после отставки Буксгевдена (См. текст письма: Копия с письма главнокомандующего Финляндскою армиею графа Буксгевдена к военному министру Аракчееву от 13 сентября 1809 г. // Русская старина. 1907. № 6. С. 651–657).

³ См.: *Дружинин П.А.* Неизвестные письма русских писателей князю А.Б. Куракину. М., 2002. С. 42.

⁴ *Крестовский В.* Ямбургский полк в Финляндской войне 1808 года // Военный сборник. 1872. № 10. С. 211, 231.

⁵ *Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: Опыт исторического исследования*. Т. 2. С. 566.

получить достаточно высокие награды – орден Св. Георгия 2-го класса и бриллиантовые знаки к ордену Св. Андрея Первозванного.

В кампании 1808 г. особо следует выделить сражения при Куортане и Оровайсе, где русскими войсками командовал генерал-лейтенант Н.М. Каменский¹. Этот молодой военачальник был отмечен за свой успех орденом Св. Георгия 2-го класса. Его победы стабилизировали положение русских в Финляндии². Необходимо заметить, что война велась незначительными русскими силами на огромном театре военных действий, в условиях сильно пересеченной местности в малонаселенной стране и имела характер партизанской борьбы финского населения против русских войск. Даже дореволюционный историк А.И. Михайловский-Данилевский отмечал, что русские продвигались «среди пламени народной войны»³, а современный историк Е.В. Анисимов в своей книге посвятил этому сюжету главу, названную им «Иснанская тема в финском исполнении»⁴. Смело можно предположить, что считающийся инициатором партизанского движения в России Денис Давыдов и многие другие офицеры и генералы, являясь свидетелями «народной войны» в Финляндии, исходя из ее эффективности, применяли увиденное в 1812 г.

С 7 декабря 1808 г. главнокомандующим стал генерал от инфантерии Б.Ф. Кнорринг. Было заменено и высшее звено командования русских войск в Финляндии. Командовать южным корпусом русских войск вместо Витгенштейна стал П.И. Багратион. Центральный корпус вместо генерала Д.В. Голицына возглавил генерал-лейтенант М.Б. Барклай де Толли, а северный корпус вместо Тучкова 1-го – генерал-адъютант П.А. Шувалов. Впрочем, спустя 4 месяца (7 апреля 1809 г.) Кнорринга тоже уволили, поскольку он (как и Буксгевден) не поддерживал план, утвержденный императором, о переходе русских войск по льду через Ботнический залив. Еще 7 марта 1809 г. Александр I писал А.А. Аракчееву: «Поведение Кнорринга

¹ В шведской и финской историографии особо выделяется сражение при Оровайсе как главное событие, повлиявшее на исход войны (См.: *Вальке Л.Э.* Ретроспектива российско-шведских военных взаимоотношений с 1771 по 1809 г. // *Русский сборник: Исследования по истории России.* Т. XVII. М., 2015. С. 74–75).

² Краткое описание операций и сражений русских войск см.: *Захаров Г.* Русско-шведская война 1808–1809 гг. М., 1940.

³ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Финляндской войны на суше и на море в 1808 и 1809 годах. СПб., 1841. С. 163.

⁴ См.: *Анисимов Е.* Указ. соч. С. 308–316.

бесстыдное, и одно твое желание, чтобы я не сердился, удерживает меня вымыть ему голову, как одного он заслуживает...»¹.

Основная мысль этого весеннего предприятия такова: лучший способ заставить Швецию положить оружие – перенести войну на шведскую землю и заставить заключить мир. Неверие в успех этого предприятия выражали, кроме Кнорринга, многие старшие начальники, поэтому реализация плана затягивалась, а сроки переносились. К исполнению плана побудил лишь посланный в Финляндию крайне недовольным Александром I военный министр Аракчеев, которому были даны неограниченные полномочия². Министр прибыл 20 февраля 1809 г. в Або и настоял на выполнении высочайшей воли. Скорее всего, Аракчеев, хорошо понимая необходимость смены главнокомандующего, предпочел оставить пока Кнорринга на этом месте, но все операцию взял под свой жесткий контроль. Этот смелый план был реализован тремя группами войск под командованием Багратиона, Барклая и Шувалова. Двое последних генералов постоянно представляли возражения и под разными предлогами затягивали осуществление операции. Только один Багратион, следуя точному правилу русских офицеров («Ни от чего не отказываться, никуда не напрашиваться»), флегматично ответил: «прикажут, так пойдём!». Аракчеев принял «энергические» меры и уговоры в отношении других военачальников. Например, Барклаю он заявил: «На сей раз я желаю бы быть не министром, а на вашем месте, ибо министров много, а переход через Кваркен Проведение предоставляет одному Барклаю де Толли»³.

Багратион (17 тыс. чел.) должен был на еще существующему льду двинуться из Южной Финляндии на Аландские острова, а оттуда к Стокгольму; в задачу Барклая (5 тыс. человек) входил ледовый переход из г. Вазы через пролив Кваркен к г. Умео, расположенному на шведском берегу; Шувалов (5 тыс. чел.) должен был по берегу идти к г. Торнео. Все три отряда выполнили поставленную задачу. Результатом стало свержение с престола шведского короля; также начались переговоры о мире, правда, закончившиеся бесплодно. За

¹ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. II. С. 238.

² Вот текст указа Александра I А.А. Аракчееву: «Нахожу нужным сим моим указомверить вам власть неограниченную во всей Финляндии и право представлять сей указ везде, где польза службы одного востребует» (*Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования. Т. 2. С. 568).

³ *Липранди И.* Исторические замечания // Русский архив. 1866. № 7. Стлб. 1038, 1040.

этот подвиг Багратион и Барклай получили полных генералов, а Шувалов был произведен в генерал-лейтенанты. Недовольство генералитета вызвал в первую очередь «рывок» Барклая, еще в 1807 г. имевшего чин генерал-майора. В 1812 г. слишком много генералов (ему подчиненных) были до 1809 г. старше его в чине, поэтому полагали его карьере слишком стремительной и не желали иметь над собой такого начальника-выскочку, к тому же еще лифляндца с «темной» родословной.

Необходимо заметить, что в этой войне получил отменную репутацию Я.П. Кульнев, отлично зарекомендовавший себя во главе авангардных отрядов. Выдвинулся и прославился молодой Н.М. Каменский. Когда в апреле 1809 г. главнокомандующим был назначен Барклай де Толли, то последний вверил северный отряд Каменскому, а тот 20 мая 1809 г. вновь занял г. Умео, шведы были вынуждены пойти на заключение мирного договора. Каменский был сочтен в высшем свете главным виновником завоевания Финляндии и 17 ноября 1809 г. произведен в генералы от инфантерии¹. Высоко были оценены и заслуги в этой войне графа Аракчеева: 30 августа 1808 г. последовало повеление Ростовскому мушкетерскому полку носить его имя (таковой чести больше никто из генералов при Александре I не удостоился), 7 сентября 1809 г. был обнародован указ: «В воздаяние ревностной и усердной службы военного министра гр. Аракчеева войскам отдавать следующие ему почести и в местах пребывания Его Императорского Величества»².

Не касаясь причин военных столкновений России с соседними странами, отметим, что на Кавказе Персия стала нервной державой, с которой российские войска были вынуждены воевать с 1804 по 1813 г. Первоначально главнокомандующим на Кавказе являлся генерал-лейтенант князь П.Д. Цицианов, происходивший из знатной грузинской фамилии³. Это был неординарный военный и государ-

¹ *Николай Михайлович, вел. кн.* Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. I. СПб., 1905. № 79. «Каменский был львом Петербурга» [См.: *Ковалевский Е.* Граф Блудов и его время (Царствование императора Александра I-го). СПб., 1866. С. 46].

² *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. II. С. 243; *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования. Т. 2. С. 569.

³ В данном случае считаем уместным привести выдержку из характеристики первых главнокомандующих на Кавказе, сделанную ведущим специалистом-кавказоведом России В.В. Дегоевым: «Им на смену пришел энергичный, жесткий и сведущий генерал – П.Д. Цицианов, происходивший из знатного грузинского рода, воспитанный и образованный в России» (*Дегоев В.*,

ственный деятель, хорошо знавший нужды Кавказа и проводивший там уснешную наступательную политику. Он смог сконцентрировать немногочисленные и скудные силы (всего на Кавказе находилось до 20 тыс. чел.), отразить нападение персов и нанести ряд норажений армии Аббас-Мирзы под Эчмиадзином, на р. Аракс и под Эриванью. Уже в 1805 г. благодаря этому удалось присоединить к России Шекинское, Карабахское и Ширванское ханства. Но в 1806 г. при переговорах о сдаче Баку он был предательски убит¹. Трагическая гибель ненобедимого Цицианова была расценена, как утрата русскими военного счастья, поэтому восстали многие кавказские князья и беки, что осложнило положение русских войск. Одновременно в 1806 г. началась война с турками, поэтому русское командование было вынуждено перебросить часть войск против турок. Вообще в этот период до 1812 г. командование на Кавказе вынуждено было, имея небольшое количество сил, перебрасывать войска то против персов, то против турок.

Многоаспектность и большое количество событий во время войн против Персии и Турции не позволяют нам сделать даже краткий разбор сражений и военных операций, так же как описывать осаду и штурм многочисленных укрепленных мест. Поэтому скажем лишь о действиях отдельных генералов и офицеров, затем получивших генеральские энолеты.

На Балканском театре военных действий против турок за 1806–1812 г. сменились шесть главнокомандующих. На Кавказе после гибели Цицианова также происходили настоянные смены нервых лиц. Так, в 1806 г. главнокомандующим на Кавказ был отправлен 65-летний И.В. Гудович, отставленный от службы Павлом I в 1800 г., но имевший славу nokорителя Ананы (1791) и награжденный за это орденом Св. Георгия 2-го класса, также у него был оыт унравления Кавказской укрепленной линией².

От Гудовича требовали активных действий прежде всего против османов для отвлечения их сил с Балкан. В 1807 г. в сражении на р. Арначай ему удалось с 6-тысячным корпусом разбить войска сераскира Юсуф-Паши (24 тыс.). После этого норажения турецкая армия надолго отказалась от активных операций. За эту победу Гудович был удостоен чина генерал-фельдмаршала (30 августа 1807 г.). Затем

Стамова И. Приз победителя: Международное соперничество на Кавказе в первой трети XIX века. М., 2013. С. 55).

¹ См.: Записки Сергей Алексеевича Тучкова. 1766–1808. С. 338–339.

² См.: *Бантиш-Каменский Д.М.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 3–4. С. 18–22.

он значительно потеснил персов, но его войска не смогли взять Еревань. В это время Гудовича постигла тяжелая болезнь, он потерял глаз. Уже в начале 1808 г. фельдмаршал подал царю прошение об отставке, но только в марте следующего года его просьба была удовлетворена, он был назначен главнокомандующим в Москве. Место Гудовича на Кавказе занял генерал А.П. Тормасов, затем маркиз Ф.О. Пауллуччи, которого сменил генерал Н.Ф. Ртищев. Военные действия с персами неоднократно прерывались перемириями с целью ведения переговоров о мире. В 1809 г. русским удалось взять штурмом турецкую крепость Поти¹, в 1810 г. персы потерпели поражения под Ахалцихом и Ахалкалаки².

Но подлинным героем войны с персами стал генерал-майор П.С. Котляревский. В 1812 г. небольшой отряд под его командованием разбил персидские войска Абасс-мирзы под Асландузом, 1 января 1813 г. штурмом взял крепость Ленкорань³. Судьба войны решилась, персы были вынуждены заключить Гюлистанский мирный договор⁴. Удивительна жизнь и судьба Котляревского – сына бедного малороссийского священника из дворян, но известна лишь узким специалистам. Он прошел на Кавказе путь от рядового до генерала (в 1799 г. получил первый офицерский чин, в генерал-майоры произведен в 1811 г.). Был награжден орденом Св. Георгия: в 1810 г. – 4-го класса, в 1812 г. – 3-го класса (за Асландуз), в 1813 г. – 2-го класса (за Ленкорань). Его биограф В. Соллогуб писал о нем, что в 1813 г. «на 31-м году от рождения, носил георгиевскую звезду на генерал-лейтенантском мундире, положил конец... кровопролитной войне с персианами... он отошел в сторону, оставшись живым мертвецом»⁵. Действительно, получив отпуск для излечения ран, он уже фактиче-

¹ Петров А.И. Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 3. СПб., 1887. С. 207.

² Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан: Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. М., 2014. С. 320–321

³ См.: Иоаннисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958. С. 380–384; Ибрагимбеги Х.М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века. М., 1969. С. 145–148.

⁴ В 1847 г. А.И. Ермолов написал: «Прежняя война с Персией была современной войне отечественной, и не смотря на ограниченность средств командовавшего тогда на Кавказе генерала Ртищева, кончена со славою для оружия нашего, и с приобретениями» (А.П. Ермолов к Ник. Гер. Устрялову // Русская старина. 1872. № 9. С. 291).

⁵ Соллогуб В. Биография генерала Котляревского. СПб., 1901. С. 106–107.

ски не вернулся в службу (хотя в 1826 г. был произведен в генералы от инфантерии). Сделав феерическую карьеру к 1813 г., он следующие годы жил на Украине, ведя затворнический образ жизни¹. Но необходимо признать, что именно подвиги на периферии этого скромного генерала позволили российской армии в 1812–1814 гг. низвергнуть Наполеона с трона. В этом была и его заслуга². Но для широкой публики фигура Котляревского осталась в тени, ее заслонили герои войны 1812 года.

События русско-турецкой войны на Балканах с 1806 г. развивались неспешно и приняли затяжной характер. Сначала российские войска под командованием генерала от кавалерии И.И. Михельсона заняли Молдавию и Валахию и обложили крепость Измаил. В этот период не обошлось и без конфликтов между генералами. В 1807 г. Михельсона вызвал на дуэль его подчиненный генерал от кавалерии К.Е. Мейендорф, правда дуэль не состоялась³. После смерти Михельсона главнокомандующим Молдавской армии через некоторое время (непродолжительный период командовал К.Е. Мейендорф) был назначен произведенный 30 августа 1807 г. в генерал-фельдмаршалы князь А.А. Прозоровский. Как воин, он провел большую часть своей службы в войнах с турками⁴. На 75-летнего старца, этого одного из последних екатерининских орлов, были возложены невероятно ответственные задачи. После Тильзитского мира Наполеон стал союзником России и выступил посредником в заключении русско-турецкого перемирия в августе 1807 г. После прекращения войны с Францией численность русских войск на Дунае была доведена до 80 тыс. человек. Заключенное с турками Слободзейское перемирие продолжалось до весны 1809 г. Возраст не позволял Прозоровскому быть деятельным, хотя князь сохранял ясность ума. Он попросил у императора к себе в помощники М.И. Кутузова. Как он сам писал

¹ Зная его по Кавказу, Ф.О. Паулуччи еще 28 октября 1812 г. просил дать ему в дежурные генералы Котляревского. См.: Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 11. СПб., 1902. С. 219.

² Назначенный главнокомандующим на Кавказ А.П. Ермолов писал про него в 1816 г.: «Котляревский срезал меня. Он таков, что его здесь никем не заменишь, да и везде подобные ему редки. Про него поистине надобно сказать герой!» [Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сб. ИРИО). Т. 73. С. 199].

³ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1907. № 7. С. 99.

⁴ См.: *Бантыш-Каменский Д.М.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 3–4. С. 2–6.

императору, «онасаюсь я, чтобы иногда телесные силы мои не отказали мне самолично все увидеть, хотя в самых важных случаях я все положение земли сам осмотрю; но на всякий таковой случай... нужно, чтобы нервый нодо мною генерал не только имел достаточные сведения, но и онытность в военном искусстве. Дабы я, в случае когда с силами не соберусь что-либо сам осмотреть, мог употребить вместо себя. К сему признаю я способнейшим генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова, который ночки мой ученик и методу мою знает, а решительны... мы будем»¹.

Первое время отношения главнокомандующего с «ночки учеником», как свидетельствует нерениска, были идеальными. Но носле открытия военных действий в 1809 г. за влияние над одолеваемым болезнями Прозоровским стали бороться и другие генералы, в частности, М.И. Платов (в 1812 г. именно в этой плоскости лежали все неудовольствия Кутузова в отношении донского атамана). Вскоре, особенно носле неудачного штурма Браилова, ревнивый главнокомандующий рассорился со своим номощником. Кутузов нисал жене: «Фельдмаршал делает по советам других; однакоже за всякую неудачу сердится тут же и на меня, так, как бы точно делал по моему совету». Все это кончилось нросьбой Прозоровского удалить Кутузова из армии, что и было сделано по нолучению рескрипта Александра I о назначении его литовским военным губернатором². Как считал очевидец событий А.Х. Бенкендорф: «Ослабевший в силу своего преклонного возраста Прозоровский и желавший быть главнокомандующим Кутузов ревновали друг к другу. Они были заняты больше интригами, чем военными действиями»³.

По 9 августа 1809 г. умер Прозоровский⁴, его заменили князем П.И. Багратионом⁵. Он незадолго до этого был нрислан на место

¹ Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. М., 1995. С. 103.

² Там же. С. 112–115. Как вспоминал А.Ф. Ланжерон, «отношения их так обострились, что стало очень очевидным, что один из них должен покинуть армию». Государь, получив письмо от Прозоровского, совершенно справедливо заметил: «Я знаю, что Кутузов умен, но мне кажется, что ему нет смысла ссориться с умирающим начальником» (Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1908. № 5. С. 666).

³ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. С. 161.

⁴ Ланжерон также вспоминал, что за месяц перед смертью Прозоровский «походил на труп, вынутый из земли» (Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1908. № 5. С. 670).

⁵ Как справедливо отмечала Л.Л. Ивченко: «Багратион явился к армии в крайне невыгодных как для себя, так и для армии обстоятельствах. Он был

Кутузова и почти сразу же получил назначение на пост главнокомандующего¹. Александр I хотел провести быструю кампанию, совершить переход через Дунай (даже не зимовать на правом берегу²) и затем нанести удар в направлении Константинополя. То же самое он ранее требовал от Прозоровского. Такое положение диктовалось необходимостью заключить как можно скорее мир с Османской Портой, поскольку на новостке дня уже находилось военное противостояние с наполеоновской Францией. Нужно вспомнить, что в сентябре в Эрфурте состоялась встреча Александра I с Наполеоном, на которой французский император согласился на присоединение к России Молдавии и Валахии в обмен на поддержку России в возможной войне Франции с Австрией. Это давало свободу действий России против Турции. От Багратиона ждали решительных действий и побед. Но новый главнокомандующий силой обстоятельств вынужден был, как и Прозоровский, во многом заняться взятием крепостей, чтобы те не угрожали коммуникациям и тылу русских войск.

После некоторых успехов летом–осенью 1809 г. на правом берегу Дуная Багратион решил перенравить войска для зимовки на левый берег и хорошо подготовиться к наступательным действиям в 1810 г. Для этого у главнокомандующего были весомые аргументы, и он даже составил прекрасный план будущей кампании³. Но данное решение с большим неудовольствием встретили Петербург и сам император (об этом свидетельствует сухой и холодный тон его письма Багратиону). Рушились все далеко идущие политические планы (война затягивалась еще на один год, а как искать союзников, если русские не могут справиться даже с турками). Кроме того, в этот период не на шутку разыгрались генеральские интриги и межведомственные страсти. В первую очередь с критикой действий Молдавской армии выступил российский канцлер Н.П. Румянцев, а обиженный

удален из Санкт-Петербурга в самый разгар летнего сезона в императорской резиденции в Павловске, где он состоял бессменным комендантом. Это произошло в связи с тем, что популярный военачальник пользовался особым вниманием великой княгини Екатерины Павловны, вышедшей в 1809 году замуж за герцога Георга Ольденбургского, что, впрочем, не повлияло на ее отношение к князю Багратиону» (*Ивченко Л.Л.* Князь Петр Иванович Багратион. М., 2010. С. 76).

¹ Генерал Багратион. М., 1945. С. 59–61.

² По мнению А.Ф. Ланжерона: «Несомненно, что идея о зимовке нашей армии в Болгарии принадлежала Румянцеву» (*Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг.* // *Русская старина*. 1908. № 8. С. 426).

³ См.: *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 418–430.

Багратион в ответных письмах достаточно резко отвечал ему¹. Очень давно (с 1799 г.) не сложились отношения у Багратиона и со считавшимся учеником А.В. Суворова – генерал-лейтенантом М.А. Милорадовичем². Оба они были конкурентами но военной славе и репутации и долгое время шли ноцти вровень. Например, чин генерал-лейтенанта они получили в один день 8 ноября 1805 г., но старшим считался Милорадович. По моим подсчетам, в 1808 г. он значился в списках но № 69, а Багратион но № 70³. Но в 1809 г. после получения чина генерала от инфантерии Багратионом это старшинство было нарушено.

Михаил Андреевич Милорадович но читал себя героем взятия Бухареста и верил, что ему но нлечу самому командовать армией. В то же время он вел в этом городе (практически как наместник) достаточно веселый и разгульный образ жизни. Добавим интересный штрих к его портрету – как свидетельствуют источники, в разгар этих событий его носетила очередная любовь, у него разгорелась страсть к некой мадам Анике Филинеску. Все бы ничего, да вот отец этой особы фактически заправлял делами всей Валахии и действовал далеко не в интересах России. Багратион же, намереваясь навести нрядок в системе управления этой области, столкнулся и с противодействием Милорадовича, отказавшегося но нредлогом болезни нокинуть Бухарест. Поэтому Багратион в письме к Аракчееву попросил избавить Молдавскую армию от присутствия Милорадовича, что и было сделано⁴. Но это не снасло Багратиона от отставки со своей должности. Наноследок, уезжая из армии в Вену, Багратион нанисал Н.П. Румянцеву: «дай Боже больше хороших генералов: они нам весьма нужны. Только донесу вам откровенно, что военные операции не математика...»⁵.

В 1810 г. на Балканах взошла новая полководческая звезда – молодой генерал граф Н.М. Каменский (34 года), который сменил Багратиона на посту главнокомандующего⁶. Как и Багратион, он но

¹ *Дубровин Н.* Князь П.И. Багратион. Турецкая война 1806–1812 гг. // Военный сборник. 1865. № 1. С. 251–253.

² См.: *Ивченко Л.Л.* От Бородина к Парнжу. М., 2017. С. 133–134.

³ См.: Список генералитету по старшинству [по 18 января 1808 года].

⁴ Лучше всего эти интриги описаны в: *Анисимов Е.* Генерал Багратион: Жизнь и война. С. 374–376, 388–394; *Бондаренко А.* Милорадович. М., 2008. С. 141–177.

⁵ *Дубровин Н.* Князь П.И. Багратион. Турецкая война 1806–1812 гг. // Военный сборник. 1865. № 1. С. 256.

⁶ Был назначен указом от 4 февраля 1810 г. [*Ковалевский Е.* Граф Блудов и его время (Царствование императора Александра I-го). С. 49].

читался «Суворова питомцем славы». Видимо, само его назначение вытекало из репутации, завоеванной им в Финляндии, и из высокой оценки его качеств новым военным министром М.Б. Барклаем де Толли, считавшим его «искуснейшим генералом». Судя по неренеске с императором, сам Александр I был в восторге от военачальника. Он торопил Каменского с прибытием к новому назначению и писал ему: «Опытность ваша и дар военный изобретут богатые способы к новым знаменитым подвигам. Вы ускорили мир на севере, на юге ваши победы должны прекратить гром войны»¹. Русский монарх продолжал находиться в поисках полководца, которого можно было противопоставить Наполеону в будущем. Высший свет и российская элита с большой надеждой взирали на его действия в войне с турками. А.Я. Булгаков из Москвы писал брату Константину в Молдавскую армию 4 октября 1810 г.: «Говорят, что в Петербурге только и разговоров, что о подвигах графа. Последние его донесения читалось во дворце... военным министром вслух, только и слышны были восклицания: “Хват!”, “Ай да молодец!” А я говорю – герой во всех отношениях. Анекдоты о графе обошли весь город»².

Но не все современники давали положительную оценку его действиям. Каменский имел непростой характер, многие отмечали в нем такие качества, как заносчивость и высокомерие, излишнюю самоуверенность и всныльчивость, командному составу ладить с ним было нелегко. «Кто из начальников, – говорилось им в приказе по Молдавской армии, – будет находить невозможности, того сменю другим, который будет иметь средство выолнить новеленное»³. Хватало в его адрес и прямой критики его действий и скептицизма по поводу его воинских дарований, исходившего из рядов генералитета Молдавской армии.

В то же время успехи чередовались с неудачами. В вину Н.М. Каменскому ставили неудачные штурмы Шумлы и Рушука, особенно последний, который отличался большим ожесточением и кровопролитием. Этот штурм очень дорого обошелся русским войскам, так и не достигшим победы и надения турецкой цитадели, потери составили 8515 человек, из них 4 генерала. Это событие следующим образом описывал один из нервых историков, касавшийся этой темы: «Казалось интрига и зависть только ожидали поражения моло-

¹ *Дубровин И.* Граф Н.М. Каменский 2-й. Турецкая война 1806–1812 гг. // Военный сборник. 1865. № 5. С. 35.

² Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. С. 214–215.

³ *Дубровин И.* Граф Н.М. Каменский 2-й. Турецкая война 1806–1812 гг. // Военный сборник. 1865. № 7. С. 6.

дого полководца, чтобы восстать против него открытою силой; если верить современникам, даже старшего брата Каменского... увлекли в эту интригу, слишком постыдную, чтобы говорить о ней. В армии было много генералов и офицеров, прикомандированных из гвардейских полков; они особенно были раздражены против главнокомандующего, который не любил вверять им отдельных частей войск, предпочтя для этого старых боевых генералов армии, множество нисем, и даже доносы направлены были в Петербург»¹.

Можно назвать в связи с этим фамилии его бывших подчиненных, критиковавших своего главнокомандующего: А.Ф. Ланжерон, Н.Н. Раевский, П.А. Строганов, В.С. Трубецкой, Я.П. Кульнев и др.² Очень ревнивый в своих поисках старшинства М.И. Платов, «будучи старше графа Каменского, не мог оставаться в армии после такого назначения и был послан на Дон»³.

Сам Каменский делал ставку на отличившуюся молодежь⁴. Особенно выделялась 12-я дивизия и в ней полковые командиры М.С. Воронцов, Э.Ф. Сен-При, К.А. де Бальмен, И.Ф. Паскевич («все сначала полковники, а под конец генерал-майоры, и во всей армии она слыла под именем *la colonne de fer*»)⁵. «У нас много новых генералов, в числе коих Воронцов, Сен-Приест и Башилов», – писал в 1810 г. из Молдавской армии брату К.Я. Булгакову⁶. А.Ф. Ланжерон, подводя итоги кампании 1810 г., резюмировал: «Мы потеряли в этой кампании 6 генералов; из них трое были убито и 3 умерли от болез-

¹ Ковалевский Е. Граф Блудов и его время. С. 51.

² Кроме Ланжерона, все названные генералы были удалены из армии Н.М. Каменским. Д.В. Давыдов в письме к Н.Н. Раевскому называл Н.М. Каменского «великим Моголом»: «все бранены, разбранены и ошельмованы по пяти раз в день» (Архив Раевских. Т. 1. СПб., 1908. С. 99; Архив князя Воронцова. Т. 23. С. 71).

³ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1908. № 8. С. 669–700.

⁴ Ланжерон писал, что Н.М. Каменский «имел намерение удалить из армии всех генерал-лейтенантов, бывших старше его». «Командование же корпусами и отрядами должно поручаться молодым генерал-майорам, как-то: граф Сен-При, Сабанеев, гр. Воронцов, Бахметев, Ланской и др., чтобы своими отличиями заслужили бы чин генерал-лейтенанта». Он даже утверждал о существовании в армии заговора военной молодежи: «Во главе этого заговора находились полковник Бальмен, генерал-майоры графы Сен-При и Воронцов» (Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1909. № 9. С. 416–417).

⁵ Архив князя Воронцова. Т. 23. С. 68.

⁶ Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. С. 203.

ней. Турки, казалось, отгадали все качества наших генералов, навших от их огня. Понандонуло, граф Сиверс и Павел Иловайский – все были из числа тех немногих генералов, храбрость и знание которых принесли бы большую пользу их отечеству. К таким генералам можно причислить графа Цукато и Исаева, смерть которых была также большой потерей для армии... Если эта кампания... была богата событиями, то можно прибавить, что не скупились и на награды. Они распределялись – самым странным и несправедливым образом: 24 полковника были произведены в генерал-майоры, но в этих чинах их оказалось несколько таких, которые были совершенно недостойны такого новышения. Ордена, как и чины, раздавались крайне несправедливо»¹.

Необходимо сказать, что в кампанию 1810 г. Каменский смог одержать ряд значимых побед. За сражение под Батином он был награжден высшим орденом империи Св. Андрея Первозванного, а за взятие Базарджика в полные генералы был произведен его старший брат С.М. Каменский, также он получил орден Св. Георгия 2-го класса (по мнению весьма многих – несправедливо). Весной 1811 г. П.М. Каменский заболел тяжелой изнурительной лихорадкой. Александр I, считая его одним из самых талантливых военачальников и не зная, насколько он серьезно болен, отозвал его из Молдавии для лечения и отдыха, но не предупредил в письме, что собирается ему поручить командование будущей 2-й Западной (тогда она еще называлась Подольской) армией. На посту главнокомандующего Молдавской армией его сменил М.И. Кутузов. Каменский в полусознательном состоянии отбыл в Одессу, где умер 4 мая 1811 г.² П.И. Греч позже, не зная, что в будущем появится альтернативная история, написал весьма парадоксальные строки о его смерти: «Кончина молодого блистательного полководца огорчила всю Россию, но нельзя не видеть в этом грустном обстоятельстве милосердия божия. Если б Каменский кончил удачно кампанию с турками, он непременно был бы назначен главнокомандующим армией против французов (в 1812 году), никак не согласился бы на выжидательные и отступательные действия, пошел бы прямо на Наполеона, был бы разбит непременно – и вся новая история России и Европы приняла бы иной вид, а какой – легко можно сказать теперь, но ис-

¹ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1909. № 8. С. 385.

² Почти в это же время (13 апреля 1811 г.) трагически погиб при переправе через р. Рымник единственный сын А.В. Суворова – генерал-лейтенант Аркадий Александрович Суворов, там, где покрыл себя славой его отец.

ходе полувека. Темны и неисповедимы пути божии! От нетерпения молодого русского генерала на берегах Дуная в 1810 году зависела судьба царств и народов!»¹.

Камнанией 1811 г. уже руководил М.И. Кутузов. Перед старым и опытным полководцем стояла та же, как и перед его предшественниками на этом посту, задача – разгромить или принудить к миру турок². Правда, она была осложнена – явно чувствовался и сказывался лимит времени, к тому же и обстоятельства уже серьезно изменились. Половину русских войск с Дуная перебросили на западные границы для грядущей войны с Наполеоном. В распоряжении Кутузова осталось 45 тыс. человек. Кутузов, в отличие от предшественников, отказался от активных наступательных движений и мог надеяться только на ошибки противника. И его пассивная тактика сработала! Ф. Лагарп, живший тогда во Франции, 16 декабря 1811 г. восторженно писал Александру I: «Наконец отважная Ваша армия заняла то место, какой ей занимать надлежит, и придется Европе признать, что есть в Вашей службе люди, способные планы и выдумывать, и исполнять». А далее добавил про русские действия под Рущуком: «Подвиг, совершенный под водительством генерала Кутузова, – один из прекраснейших, какие за последние два десятка лет в военных анналах значатся»³.

Проведенная Кутузовым Рущукско-Слобозейская операция на двух берегах Дуная позже всегда изучалась офицерами Генерального штаба как образцовая, когда главные силы турок были окружены и

¹ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 207. М.С. Воронцов считал: «Россия в нем потеряла человека редких достоинств, и которого весьма трудно будет заменить» (Архив князя Воронцова. Т. 23. С. 66–67).

² Ф.В. Ростопчин следующим образом оценивал войну с турками: «Война же с турками все продолжалась; при каждой кампании назначали нового главнокомандующего, но результатов никаких не достигали. Турецкие армии были разбиваемы всякий раз, когда они решались сразиться в открытом поле; но с прибытием зимы наши опять уходили за Дунай. Каждый новый главнокомандующий составлял новый план кампании, целью которой являлось заключение мира; а между тем в России, в конце каждого лета, приходили в немалое удивление, не видя наших знамен в Константинополе, потому что мы по обыкновению преувеличивали численность войск и уверяли себя в том, что каждый генерал равен (Тысяча восемьсот двенадцатый год в записках графа Ф.В. Ростопчина // Отечественная война 1812 года в воспоминаниях современников. С. 18; Нарышкина Н. 1812 год, граф Ростопчин и его время. СПб., 2016. С. 421).

³ Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы. Т. 2. С. 587.

илены, а Османская империя вынуждена была заключить очень нужный и чрезвычайно важный для России Бухарестский мирный договор¹. 9 апреля 1812 г. крайне довольный событиями Александр I отозвал Кутузова в Петербург, на его место был назначен адмирал П.В. Чичагов². Деятельность Кутузова на посту главнокомандующего Молдавской армии и сегодня поражает простотой и дальновидностью³.

В качестве резюме приведем мнение об этой войне ее небеспристрастного участника генерала А.Ф. Ланжерона: «Эта война была также гладко ведена, как и неудачно задумана, в ней 6 генерал-аншефов соперничали в своих ошибках и интригах, война эта... окончилась все же весьма счастливо, тем более в то время, даже неожиданно». Далее он привел список потерь среди генералитета: «Вот перечень генералов, которых потеряла армия: Генерал-майоры: Ставицкий, Понандонуло, Сиверс, Новицкий, Гинкель – убиты. Главнокомандующие: Князь Прозоровский, Михельсон, граф Н. Каменский. – Генерал-лейтенанты: Князь Суворов, князь Гика. – Генерал-майоры: Герард, Мишурин, Фреден, Уланиус, Ловейко, Вайнович, Потанов, Рединдер, Жилинский, граф Цукато, Бергер, Шлеттер, Перский, Давыдов, Исаев, Василий Долгоруков – умерли или погибли по случайности. Из них Понандонуло, гр. Сиверс, Новицкий, Жерар, Уланиус, гр. Цукато, Исаев и Шлеттер – были громадными потерями для армии»⁴.

¹ Еще 22 марта 1812 г. Александр I в секретном предписании прямо-таки умолял Кутузова: «Величайшую услугу Вы окажете России поспешным заключением мира с Портою. Убедительнейше Вас вызываю любовью к своему отечеству обратить внимание и усилия Ваши к достижению сей цели. Слава Вам будет вечная. Всякая потеря времени в настоящих обстоятельствах есть совершенное зло. Отстраните все побочные занятия, и с тем прониканием, коим Вы одарены, примитесь сами за сию столь важную работу» (Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. С. 152–153).

² Как писал Ланжерон в своих мемуарах: «Адмирал вскоре после своего приезда заслужил ненависть своей армии и сделался посмешищем ее» (Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1911. № 8. С. 266).

³ Участник войны А.И. Красовский вспоминал: «Кампания 1811 года под начальством генерала Кутузова ознаменована важными событиями и увенчана успехами необыкновенными, не взирая на значительное уменьшение армии» (Из записок генерал-адъютанта Красовского // Русский вестник. 1880. № 8. С. 515).

⁴ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1911. № 8. С. 270.

Нельзя также не упомянуть, разбирая войны начала века, что в 1809 г. Россия, выполняя договоренности, достигнутые во время встречи двух императоров в Эрфурте, вынуждена была принять участие в кампании против Австрии. Стараясь застраховать свои тылы, Наполеон просил Александра I помочь ему в случае вероятной войны с Австрией. Российский же император позволил себе проявить несговорчивость, хотя и был вынужден в итоге согласиться на совместные действия против австрийцев, но только в случае их нападения на Францию. В то же время Александр I считал возможным заверить австрийского посланника К.Ф. Шварценберга в том, что Россия не нанесет удара по Австрии: «Я даю великое доказательство доверия, обещая Вам, что сделано будет все человечески возможное, чтоб не нанести вам ударов с нашей стороны; мое положение так странно, что хотя мы с вами стоим на противоположенных линиях, однако я не могу не желать вам успеха»¹. Когда же в 1809 г. Австрия, желавшая реванша, объявила войну Франции, Россия согласно договоренности была вынуждена участвовать на стороне Наполеона.

Формально Россия объявила войну Австрийской империи, но фактически дальше этого Александр I не пошел, предупредив Наполеона, что силы России задействованы в других войнах (с Турцией, Персией, Швецией, Англией). Выделенный против австрийцев 30-тысячный русский корпус под командованием генерала С.Ф. Голицына сначала долго сосредоточивался, затем очень медленно стал продвигаться в Восточной Галиции. Обмолвимся, что российская армия вступила на австрийскую территорию только через 53 дня после начала военных действий². При этом русские и австрийцы «дружески маневрировали», «встречались только по недоразумению» и в целом договорились не ввязываться в бои. В общем, с обоюдного согласия разыгрывалась пародия на военные действия. Русские не хотели воевать, фактически их поведение можно было охарактеризовать как умышленное бездействие. Корпус Голицына при этом избегал взаимодействия с поляками, не помогал, а больше мешал и вредил действиям польских войск, действительно воевавших с австрийцами³.

¹ Цит. по: Соловьев С. Император Александр Первый. Политика – дипломатия. С. 190.

² Вандал А. Наполеон и Александр I: Франко-русский союз во времена Первой империи. Т. II. СПб., 1911. С. 105.

³ М.М. Муромцов писал о своем начальнике С.Ф. Голицыне: «Больших военных способностей не имел, но для этой войны, более политической, он совершенно понимал свое положение» (Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцева // Русский архив. 1890. № 1. С. 73).

Узнав о подобных эпизодах, Наполеон пришел в негодование и квалифицировал эти факты как «предательское поведение»¹. Россия никоим образом не была заинтересована в разгроме Австрии². В результате у французского императора возникли обоснованные подозрения в саботаже войны со стороны русских. Это также лишь доказывало, что Россия и впрямь не будет послушной защитницей его интересов. По словам французского историка А. Вандалья, для Наполеона, уже в 1809 г. убежденного в недееспособности союза, было тем не менее «еще более важно, чтобы вся Европа верила в союз, в котором он разочаровался»³.

Для историков весьма интересен вопрос, как общественное мнение расценивало участие России в этой войне и как вел себя генералитет. А.Я. Булгаков писал тогда: «Пусть говорят что хотят, но я не могу примериться с мыслью о войне с Австрией, нашей союзницей во всех европейских войнах»⁴. Подобные настроения разделяло большинство представителей дворянского общества. Это подтверждают и воспоминания участника похода 1809 г. генерала А.Г. Щербатова, писавшего, что война «с древними нашими союзниками, австрийцами, была совершенно противна общему мнению и духу народному, каждый знал, что она была следствием принужденного союза с Францией при Тильзитском мире, она оскорбляла народную гордость, и потому наш всемогательный корпус считал естественными врагами союзников, особенно поляков, которые должны были действовать совокупно с нами, а душевно расположен был к неприятелю, то же самое и австрийское войско питало в душе к нам, расположение сие столь явно обнаруживалось, что Наполеон жаловался на то нашему Государю; австрийцы решительно не хотели сражаться с нами, при появлении нашем они всегда уступали нам место и даже предупреждали нас о своем отступлении. Таким образом война сия для нашего корпуса продолжалась миролюбиво и без выстрелов»⁵.

Яркий показатель настроений, царивших в дворянском обществе – дело племянника знаменитого полководца А.В. Суворова – генерала князя А.И. Горчакова. В 1809 г. он, находясь в Галиции в со-

¹ Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцева // Русский архив. 1890. № 1. С. 107.

² См. подробнее: Мартенс Ф.Ф. Александр I и Наполеон: Последние годы их дружбы и союза // Вестник Европы. 1905. № 4. С. 566–570.

³ Вандаль А. Указ. соч. Т. II. С. 100.

⁴ Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. С. 159.

⁵ Щербатов А.Г. Мои воспоминания. С. 65.

ставе русских войск, направленных против Австрии, вступил в переписку с австрийским главнокомандующим эрцгерцогом Фердинандом. В письме он выразил уверенность, что в будущем «с нетерпением» ожидает времени, когда на поле боя русские присоединятся к австрийцам. Его послание было перехвачено и попало к наполеоновским войскам. Разразился скандал – вместо ведения боевых действий родственник Суворова мечтал «соединиться» с противником. По словам А. Вандаль письмо «дышало страшной ненавистью к Франции». После того как посол Наполеона в Петербурге А. Коленкур лично сообщил Александру I его содержание, тот вынужден был оправдываться. Мало того, российский император затем долго ублажал Коленкура и даже, как написал последний: «Его Величество соизволил обнять меня»¹. Генерала, конечно же, сначала арестовали, а потом быстро по суду уволили со службы². Но сам факт весьма показателен и свидетельствует о том, что в армии и обществе (даже в верхах государственной пирамиды) по-прежнему господствовал антинаполеоновский настрой³. Хотя, безусловно, среди немногих иностранцев (не российских подданных) встречались люди, околдованные великим корсиканцем. Так, офицер по квартирмейстерской части А.А. Щербинин писал в своих мемуарах, вспоминая о Л. Вольцогене (в 1812 г. «подозреваемый всей армией в измене»): «он погружен в то очарование, которое Наполеон умеет наводить по произволу, на всякого, кого привлечь хочет...». Но при этом новедал обстоятельства, позволившие ему сделать такой вывод: «рассказывал одной помещице в Курляндии об обращении с ним Наполеона, когда Вольцоген, находившийся в службе Виртембергской, был однажды к нему послан королем»⁴. Не удивительно, что, по словам К. Клаузевица, все русские к Вольцогену «относились с подлинной ненавистью»⁵. Багратион в письме к Аракчееву после оставления Смоленска не без сарказма писал: «Большое

¹ Вандаль А. Указ. соч. Т. II. С. 92–93.

² См.: Поливанов М.Д. Дело генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1911. Кн. 2. С. 1–10.

³ Как позднее вспоминал С.Н. Глинка: «Но хотя войска русские двигались за Наполеона, но дух их был против него. Князь Андрей Иванович Горчаков приветствовал письменно принца Карла в начале его успехов. Письмо попало в руки Наполеона, и князь Горчаков, говоря словами его дяди, обомлел в бездействии до 1812 года» (Глинка С.Н. Записки. С. 303).

⁴ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XXI. СПб., 1914. С. 208.

⁵ Клаузевиц К. 1812 год. С. 86.

подозрение подает всей армии господин флигель-адъютант Вольцоген. Он, говорят, – более Наполеон, чем наш, и он все советует министру»¹.

Предвоенные реформы в армии

Важно отметить, что в области военного искусства в Европе на рубеже веков тогда активно боролись две тенденции. После Семилетней войны на протяжении второй половины XVIII столетия законодательницей военной моды оставалась прусская военная система Фридриха Великого (организация, дисциплина, построение, маршировка, выправка, единообразие), и доминировали разработанные пруссаками тактические постулаты (линейная тактика, маневрирование, действие конницы, ведение «малой войны» и т. д.). Прусская армия считалась образцовой, а прусские теоретики оказывали влияние на сознание военачальников всей Европы, включая и Россию.

В то же время ростки новой военной доктрины (получившей в литературе название «тактика колонн и рассынного строя»), рожденной энтузиазмом борьбы за независимость североамериканских колонистов и Французской революцией, практически не воспринимались. Например, Наполеон во Франции после введения частично всеобщей воинской повинности (конскрипции) смог использовать людские массы, создал эффективную новую тактику построения на поле боя нехотных колонн, действий артиллерии, преследования конницы, ввел дивизионную и корпусную системы, создал беспрерывно работающий Генеральный штаб. Громкие победы французского оружия тогда иностранными специалистами объяснялись случайными причинами. Очевидные преимущества новой передовой военной системы стали активно осмысливаться в европейских армиях (как тогда говорили – стран старого порядка) лишь после сокрушительных поражений противников Франции в начале XIX в., после катастрофических результатов Ульма и Аустерлица, а этот процесс предварительного анализа завершили события при Йене и Ауэрштедте.

В России из этих двух главных направлений военного дела на рубеже веков явное предпочтение отдавали прусской системе, о чем на-

¹ Попов А.И. От Смоленска до приезда Кутузова в армию // Русская старина. 1893. № 12. С. 517.

глядно свидетельствовало все царствование Павла I. Причем положительный национальный опыт практически не обобщался, а приоритет безоговорочно отдавался прусским веяниям, хотя многие отечественные образцы ведения военных действий еще в XVIII в. более поздними исследователями определялись как элементы тактики колонн и рассыпного строя. Не были вовремя учтены и негативные тенденции, проявившиеся в 1799 г. во время боевых действий российской императорской армии против французских войск. Из трех театров военных действий, где тогда сражались русские войска, неудачи последовали на двух – в Голландии и Швейцарии. Лишь благодаря воинскому таланту А.В. Суворова и его победам в Италии русская армия была полностью реабилитирована. В то же время Швейцарский поход Суворова 1799 г. официально превозносился властями как беспорная победа, что вряд ли можно оценивать подобным образом. Учитывая печальные результаты, резонно было говорить лишь о том, что Суворову в тяжелейших и драматических обстоятельствах удалось спасти честь русского оружия. Слава же выдающегося русского полководца затмила военные неудачи и не позволила задумываться над их причинами.

Уже в процессе военных действий после 1805 г., когда российские верхи стали осознавать кризисное состояние военной составляющей, начались проводиться изменения в армейских порядках, началось осмысление новой ситуации и пересмотр доктрин. После 1807 г. стало происходить перепрограммирование с учетом результатов проигранных кампаний и появления опасного противника, идущего от победы к победе. Опыт пришел в результате поражения, а исключительные события заставили выдвигать на передний план новых людей. Как позже писал участник сражений с наполеоновскими войсками декабрист В.С. Норов: «война рождает гегералов»¹.

Русское военное руководство, взявшись за реформирование после поражений 1805–1807 г., обратило пристальное внимание на тактику и военную организацию наполеоновской армии. Постепенно все обучение и боевая подготовка русских войск стали строиться по французским канонам. Как написал позже участник наполеоновских войн К.А. Бискупский: «После Прусской кампании у нас все перепинали у Наполеона»². Это очень точно подметил посол Наполеона в

¹ Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя. Ч. 1. СПб., 1834. С. 143.

² Письма полковника К.А. Бискупского // Наполеон: Альманах за 2008 г. С. 104.

Санкт-Петербурге А. де Колепкур в своих докладах в Париж: «Музыка на французский лад, марши французские; ученье французское». Особо заметно это влияние сказалось на военной форме русских сухопутных войск. Тот же Колепкур по данному поводу заметил: «Все на французский образец: шитье у генералов, эполеты у офицеров, португези вместо пояса у солдат...»¹. Александр I начал реформу с того, чем традиционно все мужские представители династии Романовых занимались всегда с особой любовью – с униформы. Будущий герой 1812 г. генерал Н.Н. Раевский писал из Санкт-Петербурга в конце 1807 г.: «Мы здесь все перефранцузили, не телом, а одеждой – что ни день, то что-нибудь новое»². Действительно, форма наполеоновских войск в то время диктовала военную моду в Европе, переобмундирование русских войск лишь знаменовало новые подходы к военному делу.

Изменения коснулись и более серьезных сфер: среди офицерской молодежи стало модным изучение работ молодого военного теоретика наполеоновской эпохи А. Жомини³, что приветствовалось военным министром М.Б. Барклаем де Толли⁴. Издаваемые им циркуляры прямо поощряли «внимательное чтение издаваемых по повелению правительства книг, касательно военного искусства» и способствовали «приведению гг. офицеров к желаемой охоте в познании воинского искусства»⁵. Имелось по этому поводу в 1817 г. родились знаменитые строки поэта-гусара Д.В. Давыдова: «Говорят: умней опи... Но что слышим от любова? Жомини да Жомини! А об водке – ни

¹ Николай Михайлович, вел. кн. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812. Т. IV. СПб., 1908. С. 3.

² Архив Раевских. Т.1. С. 66.

³ Русский перевод второго издания книги А. Жомини “*Traité de grande tactique ou relation de la guerre de Sept ans, extraite de Templerhoff commentée et comparée aux principes et opérations de la dernières guerres; avec un recueil des maximes les plus importantes de l’art militaire*” (Издано в Париже в 1805 г.) под названием «Рассуждения о великих военных действиях...» появился в 1809–1811 гг.

⁴ Именно об этом писал П.И. Багратион своему приятелю П.А. Строганову: «Истинно беда окружающие министра: маленько читают журналы и сочинения Жомини и хотят быть фельдмаршалами» (Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов. Историческое исследование эпохи Александра I. Т. 3. СПб., 1903. С. 259).

⁵ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. IV. С. 193, 203.

подслова!»¹. Но главное, тогда в повседневной жизни армии и в боевой подготовке начали активно применяться элементы тактики колонн и рассынного строя. Главное, в это время произошла смена важной парадигмы при Александре I – в военной сфере прусское влияние стало замещаться французской военной доктриной и организацией. Но русская пация, даровитая, самобытная, верящая в собственные силы, никогда слепо не подражала другой, хотя в нашей истории можно найти много примеров, когда российские власти успешно заимствовали у своих противников очень многое и в результате выходили победителями из военных столкновений. Так, первый российский император Петр I в борьбе со Швецией в Северной войне на шведский манер одел, обучил и организовал свою еще молодую армию и в результате добился победы. Почти через столетие российская императорская армия повторила этот опыт и смогла в 1812–1814 гг. успешно противостоять и победить не менее грозного противника – Наполеона.

В отличие от Франции, у России как у крепостнического государства мобилизационный потенциал был ограничен, но необходимо сказать, что власти смогли за предвоенный период извлечь максимум из возможного. Кроме того, из-за политических обстоятельств до начала войны они не могли проводить широкомасштабные мероприятия, такие, например, как чрезвычайные наборы рекрут, созыв ополчения и т. п.

Для правящих кругов России и Франции уже в начале 1810 г. стало ясно, что Европа вновь оказалась на пороге грядущей большой войны. Во всех странах тогдашние международные политики (дипломаты-наблюдатели) делали такие прогнозы на будущее после отказа Александра I выдать замуж свою сестру за Наполеона. Не дожидаясь отрицательного ответа с русской стороны, последовала почти немедленная жемитба французского императора на австрийской эрцгерцогине Марии Луизе. Это было очень показательно, из чего все делали заключение о переориентации внешней политики Франции от дружбы с Россией на военно-политический союз с Австрией. И с этого момента обе империи начали проводить активные приготовления к будущим военным действиям, а их отношение по паростающей стало принимать откровенно враждебный характер.

С 1810 г. подготовкой к войне стало заниматься военное министерство и занявший пост министра в январе того же года генерал от

¹ Правда, М.М. Муромцев в своих мемуарах говорит, что Д.В. Давыдов написал эти строки в 1811 г. (Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцева // Русский архив. 1890. № 1. С. 80).

инфантирии М.Б. Барклай де Толли, имевший богатый опыт боевой практики. Александр I давно взял его за заметку и следил за его карьерой. Во всяком случае, еще в 1808 г. во время русско-шведской войны он писал про него А.А. Аракчееву: «А Барклай де Толли час от часу мне более правится»¹.

Подготовка к войне стала проводиться по новым военным принципам по всем направлениям. Подготавливался будущий театр военных действий, проводились значительные мероприятия по обеспечению армии запасами продовольствия, фуража, амуниции, боеприпасами и оружием. В этот период произошло реформирование вооруженных сил. Начали применяться новые принципы обучения войск и создавались воинские резервы. Армия получила четкую организационную структуру. Она строилась на основе французских образцов и в некоторой степени даже превосходила их. Была усовершенствована дивизионная система – каждая пехотная дивизия (всего двадцать семь) состояла из четырех пехотных и двух егерских полков, каждая гренадерская – из шести гренадерских полков, два полка составляли бригаду, в каждую дивизию была прикомандирована артиллерийская бригада (одна батареяная и две легкие артиллерийские роты). Не касаясь всех тонкостей (читатель это легко может узнать из специальной и энциклопедической литературы), укажем, что соотношение линейной и легкой пехоты было выдержано в пропорции 2 : 1.² Это оптимально подходило для применения тактики колонн и рассыпного строя. Две дивизии составляли корпус, всего было организовано восемь полных пехотных корпусов. Не считая гвардии, в полевой армии находилось 14 гренадерских, 96 пехотных, 4 морских и 50 егерских полков. Были созданы на постоянной основе дивизионные и корпусные штабы. Кавалерия также была организована в корпуса. Перед войной было основано четыре резервных кавалерийских корпуса (правда, больше напомиравших дивизии), каждый состоял из 5–6 кавалерийских полков (делились на бригады из двух полков) и конно-артиллерийской роты. Помимо приданных дивизиям и корпусам артиллерийских бригад и рот были сформированы десять резервных и четыре запасные артиллерийские бригады. Много внимания уделялось подготовке резервов. Они создавались как на основе запасных батальонов и эскадронов полков, так и рекрутскими депо. Отметим, что в отличие от наполеоновских

¹ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: Опыт исторического исследования. Т. 2. С. 563.

² См.: *Bezotosnyi V. L'organisation de l'armée russe (1810–1812) // Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. T. 12. Paris, 2012. P. 1377–1388.*

войск, армия в России являлась практически однопациональной (пезря ее пазывали русской), исключения составляли улапские полки, где было много поляков, и полки национальных формирований ирегулярных войск – башкиры, тептяри, мещаряки (мишари), калмыки, крымские татары.

Перед войпой была упорядочена штабная служба, вернее служба офицеров свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части (она заменяла в то время Генеральный штаб). Если в 1804 г. по квартирмейстерской службе проходили 5 генералов, то в 1812 г. их уже числилось 10 человек в генеральских чипах. В предвоенный период она была реорганизована возглавлявшим ее генерал-адъютантом П.М. Волкопским, исходя из французского опыта. Волкопский в 1807 г. на два года отправился за границу, где знакомился с устройством наполеоновских штабов¹. И эти знания были перенесены на русскую почву, поскольку он после доклада о поездке возглавил квартирмейстерскую службу. Имелись офицерами свиты в 1812 г. были в основном укомплектованы штабные должности в западных армиях. Штабные структуры возрождались, можно сказать, только-только оформлялись, а сами штабные сотрудники еще не превратились в особую замкнутую корпорацию внутри офицерского корпуса.

В значительной степени было модернизировано на современный лад полевое высшее управление. Перед войпой был введен в действие очень важный документ, согласно которому выстраивались вся штабная жизнь армии и взаимоотношения различных командиров разных уровней, – «Учреждение для управления Большой действующей армии», он в том или ином виде повторял французскую систему управления Великой армии. В армейских структурах усложнилась иерархия командных должностей, а также произошло более четкое разграничение полномочий и компетенций военачальников всех рангов, в первую очередь лиц, носивших генеральские эполеты.

Вообще организация штабной службы являлась слабой стороной российской армии именно в 1812 г. В свите по квартирмейстерской части традиционно было большое количество иностранцев, что вызывало недоверие в полевых войсках. На высоком уровне офицеры свиты производили топографические съемки, но, как правило, их служба была оторвана от повседневной армейской жизни. Они ее слабо представляли, что не добавляло им доверия в период боевых

¹ Гейсман П.А. Исторический очерк возникновения и развития в России генерального штаба до конца царствования императора Александра I включительно. С. 250–251.

действий. Как раз в 1812 г. командование столкнулось с трудностями замещения высших штабных должностей и привлекало на эти посты молодых полковников. Хотя молодость в некоторой степени компенсировала недостаток опыта, но за штабные ошибки часто расплачивались солдатскими жизнями. Только к 1813 г. после богатой практики «пезабвепного двепадцатого года» штабные структуры оказались укомплектованы способными высшими офицерами, выросшими на уроках войны и действовавшими на высоком профессиональном уровне¹.

Что же касается общественной жизни в стране, то Тильзитский договор был встречен неодобрительно и порицался, мало того, он породил скрытую (пассивную) оппозиционность не только в общественных кругах, но даже в среде высшей бюрократии. Желчный мемуарист Ф.Ф. Вигель, возможно, несколько сгущая краски, так характеризовал царившие в обществе настроения: «От знатного царедворца до малограмотного писца, от генерала до солдата, все, по-выпусь, роптало от негодования»². Приведем мнение Ф. Булгарина: «Главное в том, что наше народное самолюбие было тропуто и что война с Англией не могла возбудить энтузиазма, не представляя никаких польз и видов, и лишая нас выгод торговли. Вот что породил общий ропот. Слава Наполеона, так сказать, колола нам глаза – и мы уже доказали, что не боимся ни страшных сил завоевателя, ни его искусных маршалов, и можем даже с меньшими силами не только противостать ему, но и бить его знаменитые легионы. Неудачи наши, как всегда и везде бывает, приписывали мы нашим генералам (что отчасти была и правда), и непременно хотели еще раз сразиться с Наполеоном, во что бы то ни стало. Таково было общее мнение в Петербурге и в целой России. Свидетельствуюсь современниками...»³.

В армии, как и в обществе, господствовали антинаполеоновские настроения. По свидетельству графини Фосс, передававшей царившие настроения в высших сферах, сразу же по заключению Тильзитского мира «лучшие русские генералы хотят подать в отставку, ибо паходят, что дело было ведено печестно»⁴. Кроме того, в армейских кругах стали созревать резко пабивавшие силу идеи ре-

¹ Подробнее см.: *Богданов Л.И.* Русская армия в 1812 году: Организация, управление, вооружение. М., 1979. С. 110–114.

² Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Ч. 3. М., 1892. С. 3.

³ *Булгарин Ф.* Воспоминания. С. 364.

⁴ Из дневника графини Фосс, обер-гофмейстеринны Прусского двора // Русский архив. 1885. № 4. С. 478.

вапша и отмпения фpaнцузам за поражение русских войск в 1805 и 1807 гг. Особеппо это было характерпо в среде военной молодежи. О подобных веяниях в обществе и о том, что власти закрывали на это глаза, свидетельствовал, например, в 1807 г. такой топкии наблюдатель как Ж. де Местр: «Здесь все умы в великом смятении: национальная гордость оскорблена заключенным миром. В некоторых домах французов не принимают. Император выразил по сему поводу крайнее неудовольствие, по поскольку никто и не подумал переменить сей образ действий, полагают, что это лишь комедия»¹.

Это была ответная реакция общественных кругов на воцарение французского господства в Европе. То, что в России можно было охарактеризовать как патриотический дух, стало обычным для дворянского общества и распространилось на другие социальные слои. Русское дворянство в начале XIX в. являлось и культурной элитой страны. Интеллектуалы-консерваторы стали идеологами консервативного патриотизма (или консервативного традиционализма) с ярко выраженной антифранцузской направленностью. Именно в этот период начинается борьба с французским воспитанием и галломанией, которая сводилась не только к искоренению французского языка из повседневной речи дворян, но и распространялась на политические мнения и пристрастия. Это выразилось и в появлении подчеркнуто русских литературных кружков и периодических журналов. В обществе стало входить в моду все русское и отрицалось все иностранное, то есть в первую очередь французское. Главное, что этот настрой не являлся результатом пропагандистской кампании, развернутой правительством, а само общество инициировало борьбу с галломанией, видя во Франции будущего противника. Была задета национальная гордость России, и общественные круги, не дожидаясь приказов «сверху», оперативно откликнулись на этот вызов времени. Это стало главной идеологической доминантой для всех русских в эпоху 1812 года.

Очень скоро правящими элитами Франции и России было принято принципиальное решение о войне (определение политического курса полностью находилось в их руках) и никто уже не хотел отступать от принятой программы действий в ущерб достоинству и чести государства. Атмосфера была насыщена ощущением надвигающейся военной угрозы. Война стучалась в двери. Обе державы, Россия и Франция, предвидя эту роковую неизбежность, с 1810 г. почти одновременно взяли курс на подготовку к войне, уже лишь формально поддерживая видимость союзнических отношений. Из-за необрати-

¹ Местр Ж. де. Петербургские письма. С. 83.

мого процесса обострения параставших противоречий с этого момента стала рушиться политическая архитектура Тильзита. Не случайно, что во время одного из обедов в Петербурге, на котором присутствовало много военных, Александр I, обращаясь к ним, сказал: «Мы участвовали в двух войнах против французов, как союзники и, кажется, исполнили свой долг как следовало; теперь пришло время защищать свои собственные права, а не посторонние...»¹.

Уже в условиях подготовки к войне император и его высшие сановники стали уделять армии неслабое внимание. Еще до начала войны на военных посыпались награждения, новые назначения, денежные пособия и т. п.² Власть «обхаживала» главную силу, от действий которой зависело ее будущее. В 1812 г. также произошла резкая милитаризация общественной жизни, а государственные институты в то же время вынуждены были прислушиваться к общественному мнению. В такой политической атмосфере, в которой жила Россия в 1810–1812 гг., все, даже рядовые дворяне понимали, что война не за горами, это уже не было секретом, поскольку благородное сословие было тесно связано с армией. Дворянская молодежь в этот период массово устремила в армию или готовилась вступить в воинские ряды, чтобы успеть участвовать в главной схватке с доселе непобедимым Наполеоном, чтобы защитить Родину и отомстить за прежние поражения. Как писал позднее М.А. Фонвизин: «Две неудачные войны с Наполеоном и третья, угрожавшая в 1812 году независимости России, заставила молодых русских патриотов исключительно посвятить себя военному званию на защиту отечества»³. Патриотический порыв молодежи во многом обеспечил кадровый состав младших офицеров к 1812 г. Если вспомнить роман «Война и мир», то великий русский писатель Лев Толстой отразил поведение дворян боеспособного возраста на примере семьи Ростовых, два молодых представителя которой оказались в 1812 г. в армейских рядах.

¹ Попов А.Н. Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский архив. 1892. № 2. С. 146.

² Приведем одну характерную ремарку императора, которую он отписал перед войной М.Б. Барклаю де Толли: «Ген.-майору Фоку можно выдать 3000 рублей на подъем, и прежние столовые деньги возобновить. Бергу довольно будет дать 2000 рублей» (Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XVI. СПб., 1911. С. 204).

³ Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Т. 2. Иркутск, 1982. С. 181.

Процесс обновления генералитета

После военных неудач 1805 и 1807 гг. российскому императору стало очевидно, что высший командный состав армии нуждается в обновлении. Граф Ф.П. Толстой вспоминал о «генералах Павловского времени» (шефах полков, расквартированных в Петербурге), которых видел и с которыми общался в начале царствования Александра I: «их познания ограничивались вытягиванием полков, ружейными приемами и полковыми учениями». И он искренне удивлялся: «Не могу понять, как могут производить в генералы людей без малейших познаний в необходимых для военного начальника науках и верить таким лицам распоряжение войсками на войне»¹. Сама жизнь заставляла срочно избавляться от такого «генеральского» балласта. Да и многие генералы постарели, расслабились в мирной обстановке и на парадах. «Мы потеряли страшное количество офицеров и солдат, – говорил Александр I в 1807 г. А.Б. Куракину, – почти все наши генералы, а именно лучшие, – рапы или болваны; в армии осталось пять–шесть генерал-лейтенантов, не имеющих ни опыта, ни военных талантов»². Это явилось одной из причин заключения мира в Тильзите в 1807 г. после поражения при Фридланде. Стало ясно, что необходим приток свежих сил, профессионалов, усвоивших новые тенденции в военном деле, получивших боевой опыт и доказавших, что могут побеждать любого противника.

Необходимо отметить несколько моментов, которые как тормозили, так и способствовали выдвижению на разные уровни управления молодых и перспективных военачальников. С одной стороны, при инертности чиновничьего производства быстрая кадровая замена «фрунтманов» на практиков в рамках унаследованной от Павла I системы была невозможна и опасна. Да и в реальной жизни император увольнял генералов со службы, как правило, лишь по суду за провинности, либо если ими самими подавались прошения об отставке. С другой стороны, русская армия в 1808–1813 гг. принимала участие в боевых действиях со Швецией, Турцией и Персией. Это обстоятельство помогло императору награждать чинами отличившихся и выдвигать их на ключевые посты в войска, собравшие к 1812 г. на западной границе, а имевших «невоенную» репутацию генералов перемещать на ад-

¹ Записки графа Ф.П. Толстого, товарища президента императорской Академии художеств // Русская старина. 1873. № 1. С. 42.

² Цит. по: Соловьев С. Император Александр Первый. Политика – дипломатия. С. 150.

мипистративные и тыловые должности. В дапном случае уместно привести выдержку из письма Александра I к А.А. Аракчееву в 1808 г. во время войны со шведами: «Мне кажется, полезно бы было, в паграду за одержаппые победы произвести Каменского в генералы от инфантерии, равномерно и Багратиона, который старше его и, кажется, исполнил хорошо ему препорученное... Таким образом мы бы подвинули людей, отличающихся от прочих, и которые приносят несомненную пользу, быв пачальниками»¹. Эти генералы, правда, были произведены чуть позже, но ставовится ясным кадровый подход и припятый верховной властью принцип чипопроизводства и карьерного роста в дапный период.

Такие новые награждения вызывали негативную реакцию со стороны многих генералов. Приведем пример получения чипов за отличие за сражение при Рассевате в русско-турецкую войну 1806–1812 гг. В полные генералы тогда были произведены М.И. Платов и М.А. Милорадович со старшинством с 29 сентября 1809 г.² И копечпо, у них хватало «доброжелателей» в своем тесном кругу. Воспоминания А.Ф. Лапжеропа, ставшего в тот момент «старым» генерал-лейтенантом, наполнены педовольством против Платова и просто пропитаны возмущением по поводу производства Милорадовича: «Его возвышение возбудило негодование всей армии и имело основание... Дружба с графом Аракчеевым... возвела его па таковой пост»³.

Причем практика награждения чипами «за отличие» при Александре I вызывала нарекания даже со стороны передового офицерства. Так, дежурный генерал 2-й Западной армии С.Н. Марип 21 декабря 1812 г. в письме к М.С. Воронцову прямо порицал эту систему: «Я всегда был... против производства за отличие. Сколько тут зла! За одного порядочного производится пять дрянных, чему все свидетели. Гораздо бы лучше, если бы шло по старшинству»⁴. Позднее, в своих записках генерал А.Ф. Лапжероп, имевший упи-

¹ *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования. Т. 2. С. 565–566.

² По свидетельству генерала А.К. Денисова, между Платовым и Милорадовичем в тот момент существовали натянутые отношения. Например, отправляя казачьи полки в распоряжение Милорадовича, Платов в письменном виде приказал Денисову, чтобы его отряд «всегда отдельно стоял от его корпуса» (Записки донского атамана Денисова. СПб., 2000. С. 175).

³ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1908. № 6. С. 695–696.

⁴ *Марип С.Н.* Полное собрание сочинений. Летописи. Т. 10. М., 1948. С. 337.

кальпый опыт службы в ипостраппых армиях (фраппуэской, амери-капской и австрийской), высказывался в таком же ключе: «Повышение по табели может быть причиной многих песообразностей, по тем пе менее я считаю их менее пеправильными, чем эти произвольные повышения, в которых иптрига, случай, расположение, выгодное впечатление и прислуживание – часто имеют большое значение, пежели действительные заслуги. Мы слишком много видели подобных примеров в царствование Александра I»¹.

К слову, были и сторонники новых правил. Приведем прелюбопытную запись из записной книжки П.П. Коповпицыпа па 1810 г. в предверии наполеоновского пашествия: «Может быть, опасность чужого владычества и болезнь горделивого завоевателя произведет чудеса; может быть, довольпо будет только того, чтобы правительство торжественно сказало, что отпыпе пи старшипство по службе, пи род, пи покровительство (сии заразы государств) пе будет иметь право па предпочтение в военных чинах и должностях; что сие принадлежать будут единствеппо людям с отличными дарованиями, что одна заслуга личная и мужество приобретут почести и паграды, и старшипство тогда только уважепо будет, когда заслуга окажется равная»². Документы свидетельствуют, что сам Александр I являлся сторонником производства за боевые заслуги. Так, после потерь при Бородино он писал М.И. Кутузову 1 сентября 1812 г.: «...предоставляю вам власть сделать по двум армиям производство до полковничьего чипа, по требую пепримеппо, чтобы сие производство было сделано, несмотря па старшипство, а единствеппо по отличию и храбрости»³. Производство, «основанное па одном старшипстве»⁴,

¹ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1908. № 10. С. 267.

² ОПИ ГИМ. Ф. 397. Оп. 1. Д. 15. Л. 28об.

³ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XVIII. СПб., 1911. С. 245.

⁴ Глиноецкий Н. Исторический очерк развития чинов и системы чинопроизводства // Военный сборник. 1887. № 4. С. 277. О значимости принципа старшинства свидетельствуют просьбы графа Ф.В. Ростопчина к императору при назначении его главнокомандующим в Москву. Из шести пунктов этого документа приведем лишь два: «При переименовании меня в генералы, прошу о старшинстве с 1798 года, со дня пожалования в тайные действительные советники. Звание главнокомандующего и эполеты с шифром Вашего Императорского Величества для вящего уважения» [Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 4]. Но его просьбы полностью выполнены не были. В списке по старшинству на 1812 г. он значился последним полным генералом (старшинство с 1812 г.) и, видимо, лишь позже, что видно из рукописных пометок чиновника Инспекторского

часто папосило вред и сковывало руки комапдованию во время боевых действий. Особенно, если речь шла о генералах с «густыми» эполетами, но не имевших «боевого» репоне в армейских кругах.

Даже император, хорошо зная пизкие деловые и профессиональные качества некоторых боепачальников, не мог их переместить, или удалить из войск, или уволить от службы. Примечательно в этом смысле секретное предписание М.Б. Барклая де Толли от 17 апреля 1812 г., направленное П.И. Багратиону, где речь шла о генерале С.М. Каменском¹, имевшем «испорченную» репутацию. Приведем этот документ полностью: «По Высочайшему Повелению имею честь сообщить Вашему сиятельству, что Его Величеству угодно, дабы назначенный во вверенную Вам армию корпусным командиром 8-го корпуса генерал от инфантерии граф Каменский был всегда в виду Вашего сиятельства, почему корпус, ему вверенный, никогда не отделийте, а имейте оной всегда там, где Ваше сиятельство сами присутствовать будете, для того, чтобы граф Каменский не мог, по природному своему обыкновению, делать по службе никаких прихотей и лишнего взыскания с своих подчиненных»². Перед войной корпус Каменского был переведен в 3-ю Обсервационную армию, и Багратион переслал это предписание ее главнокомандующему А.П. Тормасову³, который в кампанию 1812 года поступал согласно полученному указанию. Сделать с Каменским о чем-либо не мог, пока тот сам не поссорился с главнокомандующим и, сказавшись больным, удалился из армии. Вообще имелись самые разные (социально-психологические) причины и предлоги для написания прошения об

департамента на типографском экземпляре списка, приказом от 26 июля 1812 г. его старшинство было исправлено на 6 апреля 1800 г. (Список генералитету по старшинству [по 24 июня 1812 года]. Разворот 7, 13).

¹ Н.М. Лонгинов дал следующую характеристику С.М. Каменскому: «... он имеет всю жестокость, вспыльчивость и педанство своего отца, но ни одного из его достоинств и дарований, ни даже самой простой солдатской храбрости» (Архив князя Воронцова. Т. 23. С. 69). Не случайно Каменский получил среди офицеров прозвище «Сераскир».

² 1812–1814. Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. М., 1992. С. 170. Хорошо известно отношение Александра I ко многим персонам, некоторых он не любил или даже презирал, но тем не менее пользовался их услугами и держал на службе. «Политические интересы заставляют меня исполнять известные обязанности, — как-то заявил он, — даже если сердце мое противится им» (Цит. по: *Трубецкой А.* Александр I. М., 2003. С. 141).

³ Двенадцатый год. Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего 3-ю Западной Армией генерала от кавалерии А.П. Тормасова. СПб., 1912. С. 34.

увольнении в отставку. Могла быть разноразличная аргументация ухода со службы и самые разные мотивы от физической непригодности, болезней, возраста и финансового расстройства имущества до обмана чина, наградой и потери расположения высших властей. Истинные причины отставки часто сознательно скрывались за туманом отработанных бюрократических формулировок и оборотов.

Случались и другого рода коллизии у генералитета. Например, в сентябре 1812 г. после прибытия в Ригу корпуса из Финляндии было решено провести наступательную операцию против прусских войск. Но возглавить наступающие войска было поручено Александром I першому в чине генерал-лейтенанту И.Н. Эссепу, занимавшему пост рижского военного губернатора, а командующему Финляндским корпусом генерал-лейтенанту Ф.Ф. Штейнгелю, только что прибывшему на театр военных действий. Эссеп считал себя обиженным, да и у военачальников существовали разные мнения о путях наступления. В результате их разногласий наступательная операция провалилась, а Штейнгель по собственной инициативе принял решение двинуться на поддержку корпуса генерала П.Х. Витгенштейна¹. Кстати, после присоединения войск Штейнгеля к 1-му отдельному корпусу Витгенштейном было повелено «именоваться уже обоим корпусам вообще армиею», сам он продолжал фигурировать в документах просто «командующим», но вот Высочайшего утверждения этого положения не последовало².

Автор рукописи «Русское войско в 1825 году» (предположительно автор А.Х. Бенкендорф), анализируя нежелательные явления в генеральской среде, пришел к мысли «о непригодности системы чина производства исключительно за выслугу лет», считая, что «пужбо, помимо старшинства по чину, руководствоваться еще и отличиями отдельных лиц». Он писал об отсутствии «должной энергии у генералитета», а эту энергию «трудно ожидать от высшего начальства, достигшего чина генерала, при существующем порядке производства, за выслугу лет, а не за отличие, лишь в преклонных годах, с утраченными физическими и душевными силами». Но поскольку полагал, что «совершенное уничтожение производства по чину способно обезопасить старых офицеров, почувствовавших себя лишними возможности двинуться по службе вперед», он предложил ввести ценз, то есть установить минимальное число лет службы для

¹ См.: 1812 года в Прибалтийском крае. С. 95, 105–106.

² 1812 год. Войска генерала П.Х. Витгенштейна в боях на Санкт-Петербургском направлении: Документы и воспоминания. Бородино, 2012. С. 103–104.

получения каждого чина. Это не исключало возможности производства в военное время за военные отличия, по его мнению, и могло послужить «лучшим средством дать нам деятельных генералов, способных восстановить приличное их чину уважение». Хотя, автор призывал, основываясь на практике своего времени, что исключение из обычного правила «порождает, не будучи установлено законом, множество обиженных, считающих себя неправильно обойденными и подающих прошение об отставке»¹.

Действительно, в повседневной жизни армии нарушение традиционного получения чинов по очереди на основе устоявшегося принципа старшинства стало определенным способом выдавливания негодных из рядов генералитета. Обойденные чинами часто сами подавали прошение об увольнении, а император в этом случае был волен приять отставку или же просить обиженного остаться на службе. Можно привести пример подачи рапорта об отставке генерал-адъютантом А.Г. Щербатовым, описанным им в своих мемуарах: «Я ему [Александру I] откровенно объяснил мои негодования, по после того, видя Государя каждый день, не получал никакого ответа; наконец, спустя более двух недель, в день рождения императора, 12 декабря 1823-го произведен был в генералы от инфантерии, что меня очень удивило, ибо я никак того не мог ожидать, состоя по списку довольно далеко. Пришедши в тот же день благодарить Государя, он мне сказал: «Ты хотел меня оставить, а я хотел тебя удержать». И так я остался по-прежнему, но с большею уверенностью на благосклонное расположение ко мне Государя»².

Самый сильный резонанс в среде высших военачальников вызвало производство 20 марта 1809 г. за отличие из младших генерал-лейтенантов в генералы от инфантерии П.И. Багратиона и М.Б. Барклая де Толли. Например, Д.С. Дохтуров тут же по горячим следам подал прошение об отставке. В письме к императору он не скрывал мотивов своего поведения: «производство моих сверстников было мне весьма чувствительно». Лишь личная просьба царя заставила Дохтурова остаться в армии. «Милостивые строки вашего величества оживили и утешили огорченное мое сердце, я увидел, что благорасположение ваше ко мне продолжается», – писал он императору³. Подали в отставку (по этой же причине) генерал-лейтенант

¹ См.: Записка о состоянии русского войска в 1825 году (Из бумаг графа А.Х. Бенкендорфа) // Русский архив. 1904. № 9. С. 83–84.

² Щербатов А.Г. Мои воспоминания. С. 122–123.

³ Переписка русских генералов с императором Александром I // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историкография. М., 2002. С. 218–219.

ты Д.В. Голицын и А.И. Остерман-Толстой¹. С другой стороны, когда донской генерал А.К. Денисов в начале 1811 г. прибыл в Петербург просить отставку, то военный министр М.Б. Барклай де Толли передал ему, что «Государю Императору угодно, чтобы я оставался в службе, и что опытных в войне генералов его величество предвидит надобность. И я слышу, – прибавил от себя Барклай де Толли, – что может быть такая надобность и скоро последует»².

Если сравнивать ранние генеральские списки первой половины царствования, то без труда можно заметить, что как раз произведенные в чины генерал-майоров в 1807–1811 гг. составили самые боеспособные кадры военачальников, отлично проявившие себя на полях сражений 1812 г.

Перед началом Отечественной войны на состояние генералитета сказывались и внутриполитические процессы, и борьба мпений в высших слоях российской элиты. Сегодня историки не располагают вполне достоверными данными в пользу того, что в недрах правящего класса зрели замыслы по свержению Александра I. Например, в донесениях иностранных дипломатов из Петербурга имелись намеки и предположения о заговоре в пользу умной и честолюбивой великой княжны Екатерины Павловны («тверской полубогини») или вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Жена Александра I императрица Елизавета Алексеевна в письме своей матери от 28 августа (10 сентября) 1807 г. писала, что Мария Федоровна «громко порицала политику сына, стараясь упизить всех, кто оказался связан с окончанием этой войны... она встала в позу вождя фронды; вокруг нее собираются все недовольные, которых здесь большое количество, и они восхваляют ее. Никогда ее двор не был так великолепен, никогда не съезжалось к ней в Павловск столько визитеров, как в этот год»³. В этот великосветский круг входили и многие старослужащие генералы, недовольные в первую очередь возросшей конкуренцией с молодыми карьеристами.

Сведения дипломатов о заговоре перемежались свидетельствами о недовольстве дворянства правительственной политикой.

¹ См.: Смирнов А.А. «Я – Солдат»: хроника жизни Александра Ивановича Остермана-Толстого [19.01(30.01).1772–30.01 (11.02).1857)]. М., 2017. С. 48–49; *Ивченко Л.Л.* А.И. Остерман-Толстой // Герон 1812 года. М., 1987. С. 210–211.

² Записки донского атамана Денисова. С. 183.

³ *Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 2. С. 256.

Англичапе же перед разрывом отпошений в копце 1807 г. прямо зая-
вили русскому представителю М.А. Алопеусу, что по их сведениям в
Петербурге составлен заговор против Александра I¹. В противовес
этому пеизвестный французский дипломат составил записку в
1808 г., в которой утверждал, что российский монарх постоянно под-
вергается опасностям: «Он может в определенный момент стать
жертвой благих памерепий, если английское мипистерство сочтет
пеобходимым произвести в С.–Петербурге кровавую революцию, по-
добную тем, какие пе раз происходили в России за последние
полвека»². Французский послаппик в Петербурге Р. Савари даже
взял па себя добровольно фуפקции русского мипистра полиции, он
пе только допосил царю о критических высказывапиях в обществе,
по и предлагал Александру I удалить из правительства оппозицпо-
по пастроенных сотрудииков³. В одпом из таких разговоров с фран-
цузским послом Р. Савари (доложеппых в письме Наполеону),
Александр I выразил педоверие к сообщаемым сведениям и заявил:
«Меня беспокоит только одпо: это Беппигсеп, которого можно, в из-
вестном смысле, пазвать предателем и способным возглавить партию
против меня»⁴.

Общая молва выдвигала па передний план Екатерину Павловну
(как тогда утверждали «красу царского дома»), поскольку, по мпе-
пию С.К. Богоявленского, в аристократических слоях общества по-
лагали, что «заменить Александра одним из братьев пельзя – они бо-
лее солдаты, чем правители, императрица-мать неспособна к правле-
нию, и только вел. кн. Екатерина Павловна способна восстановить
славное прошлое»⁵. Но ей все же пе суждено было войти в русскую
историю под именем императрицы Екатерины III. Сделанный па ос-
повании косвеппых и второстепенных источников вывод о реальном
существовании тогда заговора в ее пользу был бы преждевремен-

¹ См.: *Mémoires posthumes du feld-maréchal comte de Stedingk*. Т. II. Paris, 1845. Р. 352–358; *Николай Михайлович, вел. кн.* Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императора Александра и Наполеона. 1808–1812. Т. III. СПб., 1905. С. 32, 145–146; *Внешняя политика России XIX и начала XX века*. Т. IV. М., 1965. С. 90; *Сироткин В.Г.* Дуэль двух дипломатий. С. 115–116.

² *Внешняя политика России XIX и начала XX века*. Т. IV. С. 687.

³ *Вандаль А.* Указ, соч. Т. I. С. 128–129.

⁴ Сб. ИРИО. Т. 83. СПб., 1893. С. 61.

⁵ *Богоявленский С.К.* Император Александр I и великая княжна Екатерина Павловна // *Три века: Россия от Смуты до нашего времени*. Т. V. М., 1994. С. 189–190.

пым¹. В то же время деятельность ее «тверского салопа» в предвоенный период остается не исследованной в историографии, и во многом потому что в огне пожара 1849 г. погибли многие документы ее архива, в том числе ее переписка с такими видными фигурами, как Н.М. Карамзин и Ф.В. Ростопчин².

В то же время А. де Коленкур отмечал «прорусские» пастроения великой княжны: «Она старается быть более русской, чем ее семья, или по вкусам, или по обычаям...», а также отмечал: «Она в переписке с большей частью видных генералов...»³ Да и знаток тогдашних петербургских пастроений Ж. де Местр прямо писал, что «многие уповают лишь на азиатское средство», но сам автор не верил в то, что подобное возможно. Мало того, комментируя получение поста военного министра А.А. Аракчеевым в 1808 г., он точно назвал одной из причин этого назначения стремление Александра I обеспечить прочный тыл. Поскольку император не мог не видеть «происходящего брожения», в противовес дворянской оппозиции «он заготовил на всякий случай первосортное пугало»⁴.

Современный исследователь А.Ю. Минаков считает, что именно «тверской двор» фактически стал центром объединения «русской партии», а в состав этой «партии» со ссылкой на русского историка-эмигранта П.Н. Богдановича он включал великую княжну Елену Павловну, цесаревича Константина Павловича, Н.И. Салтыкова, П.И. Багратиона, А.Д. Балашева, А.С. Шишкова, А.А. Аракчеева, Н.М. Карамзина (по почему-то не был назван Ф.В. Ростопчин)⁵. Правда, по моему мнению, это были все же фигуры разнородные (по устремлениям и жизненным позициям), что невозможно говорить о каком-либо партийном или общественном объединении. Во всяком случае, личность Аракчеева (как его называл Ф.В. Ростопчин – «гатчинский капрал») явно выпадала из этой великосветской кампании, поскольку в данном случае в этой игре он

¹ Анализ всех источников подобного рода лучше всего отражен в: *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 219–223.

² *Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. V, XXIII; *Божерянов И.Н.* Великая княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь императора Павла I, герцогиня Ольденбургская, королева Виртембергская. СПб., 1888. С. 52.

³ Из записной книжки Коленкура // Русский архив. 1908. № 4. С. 467, 470; № 5. С. 6.

⁴ *Местр Ж. де.* Петербургские письма. С. 99, 114.

⁵ См.: *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 111, 150.

паходился в чужой колоде. По в целом эту группу вельмож можно охарактеризовать и отнести, как тогда их называли, к партии «старых русских».

Процесс обновления генералитета только-только стал набирать обороты, когда русская армия начала военные действия в 1812 г. На вопрос, в каком направлении проводилась политика Александра I по отношению к высшему командному составу помогает ответить табл. 3¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что на 1803 г. лишь 3 (все полные генералы) из 395 чел. были произведены в последний чин при Екатерине II. То есть кроме указанных лиц остальные генералы за 7 лет либо получили повышение в чине, либо покинули армейские ряды, что свидетельствует о бурных процессах в среде генералитета с 1796 по 1801 г. 84 % всех генералов (332 чел.) старшинство в последнем чине получили при Павле I, а при его сыне около 16 % (60 чел.). Это доказывает, что с 1796 по 1801 г. была произведена масштабная реорганизация генеральского состава, по столь значительные увольнения из армейских рядов и массовое чинопроизводство остававшихся в армии можно объяснить лишь особенностями личного характера скорого на гнев и милость монарха. При этом производство за боевые отличия в этот период было минимальным (за участие в военных действиях 1799 г.), а за время своего краткосрочного правления Павел I в основном жаловал чины за соблюдение порядка службы и изгонял из армии за малейшую, с его точки зрения, провинность.

Вряд ли молодой император планировал повторить перетряску кадров, но уже в 1808 г. военачальники, условно говоря «павловского» царствования, постепенно сравнялись в количественном соотношении с генералами, получившими последний чин после 1801 г. (по 187 чел., 50 %). К 1812 г. показатели кардинально изменились в пользу генералитета, получившего старшинство в чине при Александре I: чуть выше 30 % (111 чел.) и почти 68 % (245 чел.) соответственно. В 1814 г. эта тенденция стала еще более явной – 15,5 % (84 чел.) и 83,8 % (457 чел.). Не удивительно, что в 1825 г. полученный при Павле I чин сохранился лишь у 19 чел. (3,5 % от общего числа генералов).

¹ Таблица составлена на основании следующих источников: Список генералитету по старшинству [по 19 июня 1803]; Список... [по 18 января 1808 года]; Список... [по 24 июня 1812 года]; Список... [по 30 августа 1814 года]; Список... [по 7 августа 1820 года]; Список генералам, с означением имен, знаков отличия и старшинства в чинах [по 19 июня 1825 года].

**Получение последнего старшинства в чинах на царствование
Екатерины II, Павла I, Александра I**

Год издания списка	Император, при котором получено старшинство	Г-ф	Ген.	Г-л	Г-м	Итого
1803	Екатерина II	—	3	—	—	3
-/-	Павел I	3	25(1)*	70 (9)**	234	332
-/-	Александр I	—	2	3	55	60
-/-	Всего	3	30	73	289	395
1808	Екатерина II	—	3	—	—	3
-/-	Павел I	2	20	38(4)	127	187
-/-	Александр I	2	3	28	154	187
-/-	Всего	4	26	66	281	377
1812	Екатерина II	—	—	—	—	—
-/-	Павел I	1	16	21(4)	78	116
-/-	Александр I	1	16	35	195	247
-/-	Всего	2	32	56	273	363
1814	Екатерина II	—	—	—	—	—
-/-	Павел I	1	14	15(4)	56	84
-/-	Александр I	2	25	91	339	457
-/-	Всего	3	39	106	395	543
1820	Екатерина II	—	2	—	—	2
-/-	Павел I	—	8	6	28	42
-/-	Александр I	2	27	79(2)	394	502
-/-	Всего	2	37	85	422	546
1825	Екатерина II	—	—	—	—	—
-/-	Павел I	—	6	2	11	19
-/-	Александр I	1	40	79	402	522
-/-	Всего	1	46	81	413	541

* В скобках указаны количество полных генералов, фамилии которых значатся по старшинству среди генерал-лейтенантов.

** В скобках указаны количество генерал-лейтенантов, фамилии которых значатся по старшинству среди генерал-майоров.

Безусловно, что до 1812 г. происходила и естественная убыль командного состава. Кроме того, после кампаний 1806–1807 гг. некоторая часть «тыловиков» за казпокрадство была отдапа под суд и уволепа из армии. Но апализ даппых свидетельствует о том, что Александр I проводил беспешную, по целенаправлеппую политику,

рассчитавшую на смену поколений в генеральской среде. Причем изменения интенсивнее всего происходили ввиду генеральской пирамиды, но затем тормозились по мере приближения к генеральскому «олимпу». Это можно объяснить большой консервативностью высших этажей военной власти и пахождением там имевших большие заслуги генералов-ветеранов. Возраст же не считался помехой для службы. В целом вряд ли можно утверждать, что Александр I вел активную борьбу с геронтократией, он лишь делал шаги в сторону омоложения генералитета. Стоит отметить, что даже декабрист М.И. Муравьев-Апостол высказался в пользу доалександровских «старых кадров»: «Батюшка нам говорил, что мы никогда не поймём громадного переворота, совершившегося у нас в России со вступлением Павла I на престол. Наши начальствующие генералы 1812 г. принадлежали царствованию Екатерины II; обхождением и познаниями они резко отличались от александровских генералов»¹. В данном случае мемуарист разделил генералов по возрасту на старых, получивших воспитание и опыт в XVIII в. (поколение Кутузова – Багратиона – Барклая – Копытьцова – Раевского), и молодое племя генералов, сделавших карьеру в раннем возрасте благодаря только наполеоновским войнам (Денис Давыдов, Михаил Орлов, Сергей Волконский, Чернышев и Бенкендорф).

¹ Воспоминания и письма М.И. Муравьева-Апостола // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 167–168.

Часть 3 «ГОДИНА БЕД – ГОДИНА СЛАВЫ»

*Там, престол и Русь спасая,
Войско целое легло
И престол и Русь спасло.*

В.А. Жуковский.

Бородинская годовщина. 1839

1812-й год – начало количественного роста генералитета

Состояние и развитие современной историографии 1812 года сегодня дает возможность рассмотреть один из самых малоисследованных вопросов той эпохи – взаимоотношения и расклад сил внутри русского генералитета, профессиональные, социальные и национальные особенности высшего командного состава, а также борьбу генеральских группировок в наиболее драматические моменты боевых действий.

Стоит тщательнее рассмотреть генеральские сюжеты, связанные с 1812 годом. Для начала проанализируем списочный состав генералов и изменения, произошедшие в нем в 1812 г. В списке состоявших тогда на службе перед войной 1812 г. числились 363 чел. (см. табл. 4)¹. Несмотря на то, что подавляющее большинство полевых войск было сконцентрировано на театре боевых действий против Великой армии Наполеона, из них лишь 213 генералов (примерно 59 % от списочного состава; в табл. 4 указаны в скобках) приняли участие в кампаниях 1812–1814 гг. Для сравнения укажем, что во французской империи в 1812 г. на службе находились 23 маршала, 186 дивизионных и 378 бригадных генералов (без учета генералитета союзных и вассальных государств). Всего 587 чел.² В кампании в России в составе Великой армии приняли участие 9 маршалов (один дивизионный генерал получил сан маршала во время похода), 108 дивизионных и

¹ Таблица составлена на основании подсчетов данных из: Список генералитету... [по 24 июня 1812 года]. В скобках указано количество генералов, участвовавших в боевых действиях в 1812 г.

² Almanach Impérial bissextile M. DCCC.XII. [Paris, 1812]. P. 278–285.

217 бригадных генералов, включая произведенных в эти чины в ходе военных действий. Всего 334 чел. (не считая генералов нольских, неаполитанских, итальянских, португальских, испанских, австрийских, прусских войск и Рейнского союза)¹. Такое количество генералов логично объясняется огромным количеством войск, принявших участие в Русском походе.

В России далеко не все генералы в 1812 г. участвовали в боевых действиях. Например, из двух престарелых генерал-фельдмаршалов (графы Н.И. Салтыков и И.В. Гудович) ни один не находился на театре военных действий, из 32 полных генералов была задействована в полевых войсках половина (16), из 52 генерал-лейтенантов воевало чуть больше половины – 36 чел., из 273 генерал-майоров участвовали в войне 160 восначальников (чуть больше 58 %). Необходимо отметить и тот факт, что в результате организационных реформ Барклая де Толли намного увеличилось количество полков, прибавилось три нехотных и две сводно-гренадерских дивизии в действующей армии, была создана корпусная система нехоты и кавалерии (в двух западных армиях на новых основаниях были организованы восемь нехотных и четыре кавалерийских корпусов, в Дунайской и 3-й Обсервационной армиях корпусная система была произвольной). Это привело и к увеличению количества генеральских вакансий в разных звеньях армейского управления, но многие из них стали занимать полковники. Приведем для примера сформированную в 1812 г. 27-ю нехотную дивизию, которой командовал генерал-майор Д.П. Неверовский, три бригады возглавляли полковники М.Ф. Ставицкий, А.Я. Княжнин, А.В. Воейков², получившие позже генеральские чины.

Причем во время войны также ощущалась нехватка командных кадров – часто после интенсивных боев не только полки, но и бригады возглавляли подполковники, майоры или даже младшие офицеры. Многие генералы, получившие ранения, на длительные сроки выбывали из строя. Но вакансии старались замещать не «старослуживцами» генералами, а за счет приема на службу отставников и производства в следующий чин отличившихся в боях. Так, к концу

¹ Часть из них, 206 чел., представлена в кн.: *Вовси Э., Кузьмин А. Французские генералы – участники похода на Россию 1812 года.* М., 2012.

² По словам В.П. Воейковой (в 1812 г. она была только помолвлена), ее родственники специально узнавали у Александра I о том, находился ли Воейков в опале в связи с делом Сперанского? И тот ответил, что «оказал ему отличие, потому, что бригадою командуют только генералы». Примерно то же утверждал и М.Б. Барклай де Толли (Воспоминания В.П. Воейковой // *Старина и новизна.* 1904. Кн. 7. С. 141,143).

1812 г. было принято на службу из отставки 36 генерал-майоров (включая принятого из шведской службы генерала Пальмфельда), а также до конца 1812 г. произведено «за отличие» в генерал-майоры 57 полковников¹. Отметим, что в генерал-лейтенанты также за отличие было произведено 20 чел. (из них только двое воевали на Кавказе – П.С. Котляревский и князь Д.З. Орбелиани), еще 7 генерал-лейтенантов были приняты из отставки (князя А.И. Горчаков, Б.В. и Д.В. Голицыны, Д.М. Волконский, граф А.И. Остерман-Толстой, Ф.Ф. Левиз оф Менар, граф М.К. Ивелич; только последний не участвовал в военных действиях) В 1812 г. в чин полного генерала был произведен только один П.Х. Витгенштейн, а еще трое с этим же чином вернулись из отставки. И конечно же, М.И. Кутузов стал генерал-фельдмаршалом. К ним необходимо прибавить еще генералов, вступивших в ополчение² (позднее часть из них также перешла на службу в армию), правда, некоторые так и не принимали участия в боевых действиях, а только находились на стадии формирования и обучения запасных и ополченческих частей. Нужно отметить, что многие из них, имея на службе чин полковника, получали генерал-майоров только при отставке, а захоти они вернуться на службу, им (как следовало по закону) вновь возвратили бы чин полковника.

Но самое большое генеральское производство было зафиксировано в 1813 г. За весь этот период в генерал-майоры произвели 110 человек (из них только 8 человек не принимали участия в боевых действиях), один принят из иностранной службы, а трое из отставки. Чин генерал-лейтенанта получил 31 чел., один принят из отставки, а трое из иностранной службы. 6 военачальников стали полными генералами (из них один принят из иностранной службы). Соответствующие показатели за 1814 г. оказались более скромными: в гене-

¹ Из них только полицмейстер в Петербурге И.С. Горголий не был участником военных действий, а двое (князь Т.М. Орбелиани и П.С. Котляревский) воевали на Кавказе.

² Многие из них представляли несколько смешное даже по тем временам зрелище. Например, генерал Н.С. Муромцев, выйдя в отставку при Павле I, получил «всемишостивейшее позволение» носить драгунский мундир екатерининских времен. В 1810–1820-х гг. Муромцев воспринимался как курьезная достопримечательность Москвы. См.: *Булгаков А.Я.* Воспоминания о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федора Васильевича Ростопчина // *Старина и новизна.* 1904. Кн. 7. С. 117–118. Впрочем, Ф.В. Ростопчин характеризовал его следующим образом: «человек отличных дарований, храбрый и весь израненный» (Ростопчинские письма 1793–1813 // *Русский архив.* 1887. № 2. С. 176).

рал-майоры были произведены 45 чел., один принят из отставки, в генерал-лейтенанты – 6 чел. и двое стали полными генералами.

Для примера проанализируем списочный состав генерал-майоров на 30 августа 1814 г.¹ Так, из 339 генерал-майоров, отчитывавших свое старшинство с царствования Александра I, 135 чел. получили чин до начала Отечественной войны 1812 г., остальные 204 чел. в течение боевых действий 1812–1814 гг. надели на себя генерал-майорские эполеты. Если учесть, что перед началом войны 1812 г. в списках значились всего 273 генерал-майора, эта цифра выглядит весьма впечатляюще.

За 1812 г. из генеральских списков по разным причинам (убиты и умерли от ран и болезней) были исключены всего 16 чел.: К.Ф. Багговут, П.И. Багратион, А.И. Балла, В.В. Вяземский, С.Т. Карнов, О.Ф. Кнорринг, И.К. Краснов, Я.П. Кульнев, А.И. Кутайсов, Н.П. Лебедев, Ф.Ф. Манахтин, М.М. Окулов, Г.П. Ольденбургский, А.А. Скалон, А.А. и Н.А. Тучковы. В 1813–1815 гг. в первую очередь умерли от ран и лишений, а также в погибали в сражениях 48 генералов: Андрей А. Аракчеев, Г.М. Армфельт, А.М. Всеволожский, Е.Е. Гамнер, В.И. Гарне, К.М. Герцдорф, Я.Е. Гине, Б.В. Голицын, Е.С. Горбунцов, И.С. Дорохов, С.Э. Жевахов, А.В. Занольский, В.И. Каратаев, А.А. Клейнмихель, И.С. Койленский, Н.Д. Кудашев, М.И. Кутузов, Н.И. Лавров, С.Н. Ланской, Ф.А. Линдфорс, П.Г. Лихачев, Ф.А. Луков, П.С. Макаров, И.В. Мантейфель, А.Д. Мартынов, А.П. Мелиссино, Н.Д. Мякинин, Д.П. Неверовский, И.И. Новак, И.И. Палицын, И.Д. Панчулидзе, А.Я. Паттон, М.М. Платов, И.И. Полетаев, И.Б. Ререн, И.П. Росси, Э.Ф. Сен-При, С.А. Талызин, Х.И. Труссон, С.П. Ушаков, Б.Б. Фок, И.Г. Шевич, В.Ф. Шенелев, М.А. Шканский, Д.В. Шуханов, И.Н. Эссен. Всего потери в генералитете, воевавшем против Наполеона, составили в 1812–1815 гг. 64 чел. Учтем при этом, что умерший под Лейпцигом генерал-майор И.И. Полетаев ни в каких списках не значился, а прибыл к армии в 1813 г. в качестве волонтера и погиб «от лошадиного удара»².

В 1812 г. на главном театре военных действий в плен попали четыре генерала (П.А. Тучков, П.Г. Лихачев, Ф.Ф. Винцингероде, А.С. Свечин, но в конце года трое последних были отбиты)³. Когда

¹ См.: Список генералитету по старшинству [по 30 августа 1814 года], а также табл. 3.

² РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Т. 1. Св. 58. Д. 449. Л. 2–7.

³ Назарян Е.А. Судьбы русских военнопленных 1812 года. Обнинск, 2012. С. 107–143. Это если не считать задержания на три месяца в 1812 г. в Дрезде-

Александр I узнал о «вероломном захвате» Винцингероде и о том, что Наполеон собрался отдать его под Военный суд (а он, вероятно, вынес бы вердикт о расстреле), то император был крайне раздражен этим обстоятельством. Он предложил Кутузову обменять его, а если Винцингероде уже нет в живых, то пусть «будет отвечать» пленный французский генерал, «которого перед авантюристами и прикажите расстрелять непременно... Тогда дайте знать в неприятельский лагерь, что впрямь братья французов будут отвечать за одного носящего российский мундир и лишенного жизни, начиная всегда с старших чином из имеющихся у нас пленных»¹. Кутузов по возможности, вероятно, смягчил тон, но, по утверждению С.Г. Волконского, передал противнику сообщение: «что за покушение на жизнь Винцингероде отвечают жизнями все генералы французские, у нас в плену находящиеся»². Суд французами был отменен, или они отложили свершение своего «правосудия». Кутузов же держал под контролем этот вопрос, но так и не получил официального ответа от противной стороны, «потому что армия неприятеля, – как он писал, – не останавливается и в безпрестанном движении...»³.

За 1813 г. пленение русских генералов не зафиксировано, в 1814 г. во время серии побед Наполеона над Силезской армией (при Шамнобере, Шато-Тьерри, Этоже) в плену оказались четверо генералов (К.М. Полторацкий, З.Д. Олсуфьев, А.П. Урусов, И.Г. Генденрейх)⁴. Для сравнения укажем безвозвратные генеральские потери в армии Наполеона только в 1812 г.: убиты и умерли 12 дивизионных генералов, 28 бригадных генералов; попали в плен 5 дивизион-

не саксонскими властями нашего посланника генерал-лейтенанта В.В. Ханькова (РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 43). Также укажем, что под Слонимом был захвачен в плен австрийскими гусарами генерал-майор А.А. Хомяков, освобожден 19 мая 1813 г. (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 990–994).

¹ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XIX. С. 311; Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 2. С. 102–103.

² Волконский С.Г. Записки. С. 221.

³ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 10. СПб., 1898. С. 100.

⁴ Также попал в плен еще и раненый полковник Н.И. Сутгоф, который по освобождении из плена 1 июня 1815 г. был произведен в генерал-майоры (См.: Назарян Е.А. Русские пленные в 1814 г. // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы. М., 2014. С. 135–139).

ных и 33 бригадных генерала¹. Цифры (за год 78 чел.) сами за себя говорят! Можно сравнить эти данные с потерями российских генералов за этот период.

Таблица 4

Генералитет в кампаниях 1812 года

Чины	Записано в списке на 24. 6.1812	Произведено в этот чин к 7.12.1812	Принято из отставки	Выбыло из строя	Находи- лось в отпуске	Состоя- ло под судом
Г-ф	2	1	—	—	—	—
Ген.	32 (16)	1	2	2	4	—
Г-л	56 (37)	20	5	3	3	—
Г-м	273 (160)	40	29	11*	6**	11***
Всего	363 (213)	62	36	16	12	11

* 1 уволен, остальные исключены из списков умершими или убитыми в сражениях.

** 2 участвовали в боевых действиях.

*** 2 участвовали в боевых действиях.

В предвоенный период среди новых выдвиженцев Александра I оказались многие лица, впоследствии причисленные к когорте «герои 1812 года»: М.Б. Барклай де Толли, П.П. Коновницын, А.П. Ермолов, Э.Ф. Сен-При, П.А. Шувалов, П.А. Строганов, К.О. Ламберт, В.В. Орлов-Денисов, А.Г. Щербатов, Ф.О. Паулуччи, К.Ф. Толь, А.Б. Фок, М.С. Воронцов, И.Ф. Паскевич, Я.П. Кульнев, братья Палены, Г.В. Розен, П.А. и А.А. Тучковы, И.В. Сабанеев, А.Я. Рудзевич, Я.И. Потемкин, А.Х. Бенкендорф, А.И. Чернышев, А.А. Закревский и др. Другим важным кадровым резервом стала грунна гвардейских офицеров, большинство из которых император знал лично, что положительно сказалось на их карьере в эпоху наполеоновских войн. Но в целом отметим, что к 1812 г., когда русская армия вступила в военные действия, процесс обновления генералитета только-только стал набирать обороты.

¹ См.: Попов А.И. Генеральские потери Великой армии в России в 1812 г. // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 года: Проблемы изучения. Персоналии. Памятники. Малоярославец, 1998. С. 17–31.

Император и система военного управления в 1812 году

С 1804 по 1815 г. Россия была «на военном положении». Империя в этот период попеременно находилась в состоянии войны с Персией, Францией, Турцией, Великобританией, Швецией, Австрией. Примерно с 1810 г. российские власти, понимая неизбежность войны с Наполеоном, взяли курс на подготовку к ней. Война могла начаться в любой момент. Например, 10 ноября 1811 г. Александр I писал своей сестре Екатерине Павловне: «Мы постоянно на чеку, все в таком напряжении, что враждебные действия могут начаться в любую минуту... нужно дожидаться более благоприятного момента или война снует все мои карты»¹.

Но русское командование до весны 1812 г. не исключало возможности перехода русскими войсками нервы границы, для реализации этого плана проводились соответствующие мероприятия. В окружении российского императора имелись лица, которые настаивали, что начало концентрации французских войск у русских границ в начале 1812 г. можно считать даже не разрывом отношений, а объявлением войны. Например, адмирал А.С. Шишков говорил, что движение войск Наполеона в феврале «показывало уже не приготвление или начало намерений, но начало самих действий»².

Накануне военных действий в 1812 г. резко изменился внутриполитический курс в связи с изменением раскладки политических сил в высших сферах власти. Император предпринял реальные шаги, чтобы обеспечить поддержку общественных кругов в будущей войне, а также ликвидировать возникший разлад общества с правительством, придерживавшимся политики Тильзита. Александр I, отправив в ссылку чуть ли не по обвинению в предательстве (во что он сам вряд ли искренне верил) крайне непопулярного среди дворянства либерала и реформатора М.М. Сперанского (с 1810 г. по степени личного влияния на императора – первого министра государства).

Все нововведения в этот период связывались в обществе с личностью «безродного» Сперанского. Его деятельность сразу же нашла массу противников, которые усматривали в ней опасность революции, а его самого стали обвинять в предательстве в пользу Наполеона. Самым известным критиком Сперанского был талантливый литератор и историк Н.М. Карамзин, который в «Записке о древней и новой

¹ Николай Михайлович, вел. кн. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. С. 57.

² Замечания А.С. Шишкова на проект манифеста о причинах и начале войны 1812 года // Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 2. Вильна, 1903. С. 38.

России» в идее представительной монархии показывал угрозу незыблемости самодержавия как наиболее подходящей и исторической формы правления. Фактически это был манифест русского политического консерватизма. Карамзин в концентрированном виде выразил мнение дворянской консервативной оппозиции против проведения либеральных реформ и призывал полностью отказаться от каких-либо нововведений¹. Собственно, из запланированных реформ в тот период удалось воплотить в жизнь 1 января 1810 г. лишь идею создания Государственного Совета. Но к 1812 году положение Сперанского стало весьма шатким.

В данном случае столкнулись два подхода. Сперанский был убежден, что самая главная сила при функционировании государства – это учреждения. Правильность и законность управления, считал он, создают порядок, а при хорошем порядке будут и правильные люди. В противовес реформам Сперанского Карамзин защищал другой тезис – именно хорошие люди создают хороший порядок, а не наоборот (России не нужны реформы, а лишь нужно назначить 50 умных и честных губернаторов). И его точка зрения разделялась на тот момент большинством дворянского общества, негативно настроенного к нововведениям. Личности и персональные решения определяли тогда ход истории в большей степени, чем учреждения и институты.

Александр I тогда, удалив в ссылке Сперанского и исходя из продиктованной общественной необходимости, выдвинул на ключевые государственные должности двух известных традиционалистов – А.С. Шишкова и Ф.В. Ростопчина, долгое время бывших не у дел. Имена обоих сановников в обществе были связаны с национально-патриотическими тенденциями. Фактически сменивший Сперанского на посту государственного секретаря адмирал Шишков воспринимался как горячий поборник старины и страж чистоты русского языка, возглавивший Москву («столицу недовольных») Ростопчин получил в свое время громкую известность как застрельщик патриотических памфлетов с антифранцузским содержанием. Позднее А.Н. Понов о нем написал: «Гр. Ростопчин молчал до Тильзитского мира и в первый раз откликнулся живым Русским словом в 1807 году и прослыл в народе русским человеком»². 29 мая

¹ Критический разбор взглядов Н.М. Карамзина лучше всех, по моему разумению, сделал А.Н. Пышин, см.: *Пышин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. Пг., 1918. С. 196–276 (этому сюжету посвящена целая глава).

² *Понов А.Н.* Москва в 1812 году // *Русский архив.* 1875. № 7. С. 274.

1812 г. он получил чин генерала от инфантерии и возглавил Москву. Близкий к нему А.Я. Булгаков прямо заявлял, что на этом назначении настояла великая княгиня Екатерина Павловна¹. В 1812 г. значительное распространение получили ростовчинские «афиши», правительственные манифесты и рескрипты составлялись Шишковым. Они действовали электрически на всю Россию, чувствительно отзывались в сердцах русских людей и производили сильное впечатление на все социальные слои. Да и вскоре почти вся русская журналистика и публицистика в том или ином виде заговорила слегка архаичным и одическим шишковским языком². Впоследствии А.С. Пушкин имел полное право написать про него:

Сей старец, дорог нам: друг чести, друг народа,
Он славен славою двенадцатого года.

В целом эти действия императора накануне войны являлись не просто уступкой дворянскому консерватизму или отказом от либеральных ценностей, но свидетельствовали о том, что власть перед грядущим военным столкновением пыталась найти в будущем, чрезвычайных бедах обстоятельствах новую опору в дворянском обществе. Это был весьма расчетливый ход правительства. Двух известных критиков предшествовавшей профранцузской либеральной политики привлекли к сотрудничеству и фактически нейтрализовали.

Это оказалось нервной акцией. За ней, если говорить о военной сфере, накануне и во время боевых действий последовало возвращение в полевые войска ряда видных и известных в армии военачальников: барона Л.Л. Беннигсена, графа А.И. Остермана-Толстого, князей С.Н. Долгорукова, А.И. Горчакова, Д.М. Волконского, братьев Б.В. и Д.В. Голицыных и др. Кроме немца Беннигсена, все остальные по рождению принадлежали к верхам российской титулованной аристократии и так или иначе являлись критиками предшествовавшего внешнеполитического курса. Это был тот социальный слой, который негласно и робко претендовал на паритетные отношения с престолом и жил по принципу Монтескье: желание почестей при сохранении независимости от монарха. Психология и нафос этих представителей элиты заключались в проявлении своей яркой

¹ Булгаков А.Я. Воспоминания о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федора Васильевича Ростовчина // Старина и новизна. 1904. Кн. 7. С. 99–100.

² Наш современник А.Ю. Минаков считал, что А.С. Шишков в 1812 г. «блестяще выполнил роль главного идеолога и пропагандиста» (Минаков А.Ю. Указ. соч. С. 178).

индивидуальности при верности культу государственности. А это было крайне опасно для верховной власти, поскольку они относились именно к тому кругу, в котором постоянно возникала питательная среда для вснышек дворянской фронды.

Интересна в этот момент реакция А.А. Аракчеева. Комментируя в письме к своему брату Петру (флигель-адъютанту) ссылку Сперанского и его товарищей, он писал 2 апреля 1812 г.: «Вместо оных теперь партия знатных наших госнод сделалась уже чрезвычайно сильна, состоящая из графов Салтыковых, Гурьевых, Толстых и Голицыных. Следовательно, я, не быв с нервыми в связи, был оставлен без дела; а сими новыми патриотами равномерно не любим, также буду без дела и без доверенности». Он также предвидел острую борьбу в военно-придворной среде и всерьез опасался за свою безопасность: «Беспокоит меня то, что, при всем оном положении, велят мне еще ехать и быть в армии без пользы, а как мне кажется только нугалом мирским; и я верен, что приятели мои употребят меня в первом возможном случае там, где иметь я буду верный способ потерять жизнь, к чему я и должен быть готов»¹.

Всего же в течение войны в высший командный состав армии пришло значительное пополнение, многие из них вступили в ополчение, т. е. перешли из гражданской службы или являлись отставниками. Приведем выдержку из прошения к императору князя Б.В. Голицына 22 июня 1812 г.: «Прибегаю к милости Вашего Величества с мольбою не отказать одному из Ваших подданных в счастье присоединиться с оружием в руках к защитникам трона и Империи в одной из двух действующих армий в столь грозную пору»². В целом боевой генералитет получил солидную прибавку, увеличив свои ряды примерно на треть.

В подавляющем большинстве это были российские дворяне (выходцы из великорусских губерний). Еще в начале кампании 9 июля 1812 г. Александр I писал Барклаю: «Многие из отставных, служивших в военной службе дворян Смоленской губернии, изъявляют желание вступить на службу... Между прочим генерал-майоры Пасек и Пон-де Руа»³. Многие из них, тесно связанные долговременными

¹ Граф Аракчеев накануне войны 1812 г. // Русская старина. 1874. Т. X. С. 191.

² Петерс Т.П. Письма об участии князя Б.В. Голицына в Отечественной войне 1812 г. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историкография. Т. II. М., 2003. С. 206.

³ Цит. по: Попов А.И. Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. № 7. С. 296.

узами с гражданской сферой, являлись, по сути, посетителями тенденций и мыслей, царивших тогда в обществе, и они привнесли в высшие армейские круги натриархально-консервативные настроения. Некоторые имели уже слишком большой возраст и много ран, полученных в прежних баталиях, например, донские ополченческие генералы, командовавшие нолками, нришедшими с Дона, Д.Е. Греков (64 года) и Б.А. Греков (60 лет). Неслучайно в ведомости за май 1813 г. про последнего было написано: «стар летами, дряхл и увечен»¹. Иностранцев, нринятых в русскую армию в 1812 г., можно было нересчитать по пальцам: Ф.Ф. Винцингероде, К.О. Поццо ди Борго, Ф.К. Тетенборн. Двое нервых уже служили до этого в российской армии, но после 1807 г. вышли в отставку (так как Россия в Тильзите стала союзницей Наполеона), но в 1812 г. были вновь приглашены на службу, Тетенборна нриняли всего лишь с чином подполковника из австрийской службы, генерал-майором он стал уже в 1813 г. за отличие при освобождении Гамбурга.

В самом начале 1812 г. было утверждено и вышло разработанное под руководством Барклая де Толли, «Учреждение для унравления Большой действующей армии». Оно заменило устаревший Устав Воинский 1716 г. «Учреждение...» являлось важнейшим законоположением, в котором с учетом происходивших тогда значительных неремей в военном деле по-новому регламентировались нрава и обязанности лиц, причастных к армейскому управлению. Во всяком случае, была создана новая нравовая база для взаимоотношений между военачальниками различных уровней². Этот законодательный акт, как показали последующие события, можно назвать прогрессивным для своего времени документом, хотя некоторые его положения оказались недоработанными (все возможные коллизии невозможно предусмотреть ни в одном уставе). Именно эти обстоятельства, свя-

¹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Ростов-на-Дону, 2012. С. 430.

² Новое положение в 1812 г. стало действовать не только на театре военных действий с французами, но распространялось и на Молдавскую армию. А.Я. Булгаков писал 16 апреля 1812 г. брату Константину в Молдавскую армию: «Вы имеете уже, я думаю, новый военный устав, по коему главнокомандующие жалуют до полковников, дают кресты Георгия, Владимира с бантом, золотые шпаги и Анну на шею, могут судить, расстреливать». А Константин отвечал брату 1 мая 1812 г.: «У нас пачишают вводить новую организацию, и выбор лиц делает величайшую честь генерал-аншефу [М.И. Кутузову. – В.Б.] и доставляет высочайшее удовольствие армии» (Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. С. 272, 278).

занные с правовыми прорехами и недоработками, создали некоторым образом и юридические условия для столкновений внутри генералитета.

Уже в предвоенные годы предпосылки к жесткому противостоянию среди генералов просматривались и затем были четко обозначены. Они вытекали из борьбы мнений и личностей в высших эшелонах власти. Почва для конфликтов возникала из расклада сил, который перед 1812 г. был следующим. Верховным арбитром в неизбежных спорах на государственном олимпе всегда выступал император как самая высшая инстанция. Собственно, борьба велась за доступ к нему и за возможность влиять на его решения, оснашивать которые уже никто был не в праве. Можно очертить узкий круг лиц, контактировавших по военным вопросам с русским царем. В иерархической довоенной структуре формально высший пост или ключевую должность председателя Военного департамента Государственного Совета, занимал граф А.А. Аракчеев. Формально, ибо по закону он являлся основным докладчиком царю по всем военным вопросам.

На самом деле вся подготовка к войне со второй половины 1810 г., минуя Аракчеева, велась через (номинально подотчетного ему) военного министра М.Б. Барклая де Толли¹. Александр I, предпочитая напрямую решать все вопросы непосредственно с Барклаем, фактически отстранил на этот период своего любимца от дел, связанных с предстоящей войной². Во всяком случае, степень воздействия Аракчеева на армейскую жизнь в то время была ограничена, за исключением, пожалуй, артиллерии.

Следующим в иерархии должностей по их важности и степени влияния на армию следует назвать брата царя – великого князя Константина. Ему подчинялась гвардия, он занимал пост генерал-

¹ Во всяком случае, даже в августе 1812 г. А.А. Аракчеев в письме генералу С.К. Вязмитинову писал: «Я не имею никакого права объявлять военному министру Высочайшие повеления», поскольку «Государь Император именно мне запретить изволил объявлять прямо от себя какие либо Высочайшие повеления на имя г. военного министра» (Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 1. СПб., 1876. С. 102).

² Весьма осведомленный В.С. Марченко написал про Аракчеева: «Барклай возненавидел он с той поры, как сверх ожидания своего, увидел его утвердившимся на посту министра и пользующимся доверенностью царя и всею помпой, изобретенную графом Аракчеевым лично для себя» (Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко // Воспоминания современников эпохи 1812 года. С. 30).

инспектора кавалерии и курировал военно-учебные заведения¹. По совокупности должностей, да еще с учетом происхождения он являлся едва ли не ровней этим двум военным администраторам. Аракчеев, как и Константин, находился в неприязненных отношениях с военным министром, в немалой степени потому что ведущая роль с 1810 г. в подготовке армии к войне и в выработке стратегической линии принадлежала Барклаю. Например, П.Г. Дивов в своем дневнике в конце 1810 г. описал интригу Аракчеева и великого князя Константина с целью удалить Барклая с должности военного министра².

Несколько удаленное положение от этой троицы занимал руководитель высшего штабного органа армии (свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, имевшей отдельное управление и почти независимой от военного министерства) – генерал-адъютант князь П.М. Волконский. В этот период он занимался реформированием своей службы, и у него возникло временное охлаждение в отношениях с императором. В то же время он лишь номинально подчинялся военному министру, учитывая его близость к особе государя. В силу этого он мог играть заметную роль в общем раскладе сил, но отлично сознавал пределы своей компетенции. Сам он считался непримиримым противником Аракчеева и, скорее всего, исходя из служебных интересов, находился ближе к Барклаю.

Из других лиц необходимо отметить генерал-адъютантов императора – узкий круг доверенных лиц, им же самим выбранный для контроля над военной сферой и выполнения особых поручений. Все они имели право прямого обращения к монарху, да и без того часто контактировали с Александром I. Из этой когорты приближенных перед войной самым влиятельным на тот момент современники считали А.Д. Балашева – даже более влиятельным («в большой милости»), чем Аракчеев. 1812 г. был как раз годом его фавора, после чего звезда генерала начала закатываться³. Но в силу занимаемого им поста (министр полиции) воздействие Балашева на армейскую жизнь было

¹ Столетие военного министерства. Т. XIII. Кн. III. СПб., 1906. С. 112–113.

² Из дневника П.Г. Дивова // Русская старина. 1903. № 7. С. 238.

³ Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной (1766–1821). М., 1911. С. 379. Как вспоминал М.А. Дмитриев: «Все полагали тогда Балашева первым любимцем Александра. Но после я узнал... что фавор Балашева и тогда уже колебался и что все эти поручения к королям доказывали, что государь искал случая отдалить Балашева» (ОР РГБ, Ф. 178, Д. 8184, л. 78–78 об; Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1995. С. 384.)

минимальным, хотя он и играл ключевую роль в дворцовых интригах (например, в деле М.М. Сперанского)¹. Самым же старшим в свите считался Ф.П. Уваров², хотя сам он в генеральские распри не вмешивался. Всего же перед началом военных действий в александровской свите числились 19 генерал-адъютантов и 5 генералов состояли при особе Его Императорского Величества³. После отъезда из расположения армии Александра I в Витебске Барклай де Толли распорядился, чтобы «императорская главная квартира всегда находилась на один переход впереди армии»⁴. Мало-помалу большинство лиц из свиты покинуло армейские порядки.

Среди генералов, не имеющих генерал-адъютантских эполетов, следует особо выделить нечаянно известного барона К.Л.А. Фуля. Он преподавал Александру I основы стратегии и тактики и считался его советником по военно-теоретическим вопросам (многие современники даже называли его военно-духовным отцом государя). Но этот стратег-схоласт из-за своих заносчивости и гордости, незнания русского языка, отсутствия даже минимальных связей при дворе и в высшем свете не мог стать каким-либо каналом влияния для решения важных военных вопросов. Фигура ученого-неданта, остававшегося в глазах большинства «пруссаком» в худшем понимании этого слова, лишь вызывала раздражение у подавляющего большинства русских военачальников и превратилась в объект для насмешек.

Упомянем также трех членов Комитета для внутреннего укрепления, образованного указом от 31 июля 1812 г.: Аракчеева, А.Д. Балашева и нового государственного секретаря вице-адмирала А.С. Шишкова. Все трое сыграли важную роль в начале войны, представив коллективную записку (мнение) Александру I о необходимости императору покинуть ряды армии, чтобы не мешать генералам вести войну⁵.

¹ Еще в 1810 г. осведомленный А.Я. Булгаков писал брату: «Балашов обладает всемогуществом, кое соперничает со всемогуществом Сперанского» (Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. С. 211).

² В июле 1808 г. последовал приказ: «Всем генерал-адъютантам и флигель-адъютантам повелено состоять в команде Уварова как старшего генерал-адъютанта (Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. СПб., 1906. С. 4).

³ *Николай Михайлович, вел. кн.* Генерал-адъютанты императора Александра I. СПб., 1913. С. 13–20.

⁴ *Клаузевиц К.* 1812 год. С. 53.

⁵ См.: *Яценюхин К.М.* «В исполнение сего высочайшего нам поручения...» // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. II. М., 2003. С. 189–194.

Важное место в военно-бюрократической пирамиде традиционно занимали иностранные родственники царя, также имевшие возможность напрямую общаться с русским монархом. Значительные посты занимали герцоги А. Вюртембергский и Г. и П. Ольденбургские. Они бесспорно как близкие родственники императора могли оказывать определенное влияние на других. Правда, нужно учитывать, что принц Е. Вюртембергский, командовавший дивизией (один из лучших русских генералов), был по многим причинам не в чести у Александра I, что сказывалось на его карьере.

Такая расстановка сил вполне устраивала Александра I. Мало того, он сам являлся творцом сконструированной им системы гибкого равновесия. Баланс разнородных сил давал возможность самодержцу оставаться над схваткой и в нужный момент делать ставку на то или иное лицо, выдвигая поочередно тех или иных подданных. Кроме того, эта система создавала условия для самоконтроля военной бюрократии. В отношении вооруженных сил у Александра I в период всего царствования четко прослеживался дуализм: он старался никогда не отдавать все нити управления армией в руки одного человека. Жозеф де Местр писал в 1808 г. о созданной Александром I управленческой системе, «но которой каждое из доверенных лиц действует лишь в ограниченной сфере. Он охотно и без отвращения использовал одновременно двух смертельных врагов, не давая им проглотить друг друга»¹. Исключение, с некоторыми оговорками, было сделано лишь на короткий отрезок в 1808–1810 гг. для А.А. Аракчеева, когда последний занимал пост военного министра. Но на то у императора были особые причины.

Другой отличительной чертой самодержавного правителя являлись поручения отдельным генералам, т. е. частичных заданий, но Александр I никогда полностью не посвящал исполнителей в свои замыслы. Мало кто был знаком и с разработкой плана военных действий. Осведомленный петербуржец И.П. Оденталь писал 4 июня 1812 г.: «Генералитет наш скушает медлительностью, войска кипят враждою к зависловским противникам»; а 14 июня 1812 г. позволил себе следующую ремарку: «Война на носу, но спрашивается, кто кого атакует и где?»².

Очень интересную картину ставки Александра I перед началом кампании 1812 года нарисовал прибывший в Вильно в качестве волонтера К. Клаузевиц. В городе он застал уже несколько русских

¹ Де Местр Ж. Петербургские письма 1803–1817. С. 99.

² Письма И.П. Оденталь к А.Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах // Русская старина. 1912. № 6. С. 606, 609.

офицеров, в том числе и А.В.А. Гнейзенау, собравшегося затем отправиться в Англию. Вот как он объяснил решение этого прусского военачальника не вступать на русскую службу: «И без того уже главная квартира императора была битком забита знатными бездельниками; для того чтобы среди них выдвинуться своими советами и сделаться полезным, надо было бы, но крайней мере, обладать талантом опытного интригана и хорошо владеть французским языком. Полковнику Гнейзенау недоставало ни того, ни другого. Поэтому был вполне прав, когда оставил мысль устроиться в России»¹. Таким образом, будущий герой Пруссии не вошел в российскую действительность.

Армия для Александра I – бесспорно одного из выдающихся людей своего времени – всегда оставалась важнейшей и одновременно очень опасной силой при неумелом обращении с ней. Она являлась главной опорой трона, но могла и свергнуть с высшего неместа государства любого неугодного монарха (как это не раз бывало в русской истории XVIII в.). Не случайно, что именно к 1812 г. относится создание Внутренней стражи. Первоначально предполагалось, что эти войска останутся под крылом военного министерства, но император фактически вывел их из юрисдикции Барклая и подчинил напрямую себе, поручив возглавлять эти новые формирования своему генерал-адъютанту Е.Ф. Комаровскому². Весь период военных действий в 1812 г. вся почтовая корреспонденция армейских командиров (включая и британского генерала Р. Вильсона) вскрывалась и перечитывалась, прежде чем попасть в руки адресата. Перлюстрация стала тогда самым лучшим способом узнавать настроения в армии, а следовательно, иметь контроль над генералитетом³.

В 1812 г. складывалась драматическая ситуация: развитие событий могло пойти по любому сценарию. Но именно армия, в той или иной форме, должна была в финале сказать решающее слово. Император реально понимал это и задолго до начала военных действий подготовил несколько вариантов политических игр среди генералитета. Будучи едва ли не самым искушенным человеком в России в искусстве дворцовых интриг и мастером закулисных комбинаций, он заранее предвидел неизбежные столкновения среди своих генералов. Вынужденный в «годину бед» призвать под армейские знамена большое количество профессионалов-отставников, многие

¹ Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 25.

² Записки графа Е.Ф. Комаровского. С. 112–113.

³ Многочисленные факты и сам масштаб перлюстрации приведены в: Искюль С.Н. Война и мир в России 1812 года. СПб., 2015. С. 443–445.

из которых были тесно связаны с представителями тихо тлеющей аристократической фронды в недрах русского дворянства, Александр I шел на сознательный риск. Было приказано всех желающих отставников принимать на службу «на нравах Высочайше утвержденных для Московской военной силы (по ополчению. – В.Б.), то есть всех получивших при увольнении от службы чины, теми и чинами, коими они состоят в отставке, наблюдая только, дабы при вторичной их отставке чинами уже не награждались»¹. Поэтому объяснимо такое большое количество генералов, возглавлявших ополчение, которые фактически на службе перед отставкой имели последний чин полковника, а генеральский получили при отставке. Но именно таким путем были рекрутирован высший командный состав ополчения.

Среди лиц, вернувшихся на службу, было немало проштрафившихся, отставленных по суду за различные злоупотребления и проступки². Многих из них император не только не жаловал, но, отлично зная их человеческие пороки и низкие моральные качества, и не любил³. Но весьма веские и грозные обстоятельства заставляли его использовать воинские дарования и опыт людей, к которым он не испытывал личного уважения⁴. Вследствие этого царю было очень важно контролировать положение дел и борьбу внутри генералитета, от

¹ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 115. Д. 5. Л. 30.

² Большинство из них за проявленное мужество в боях получили уже в 1813 г. прощение за прежние «законопротивные проступки». См., например, дело о прощении генерала П.И. Кошелева 19 января 1813 г. (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д.3. Л. 149).

³ Например, предводитель рязанского дворянства в 1802–1814 гг. отставной генерал-майор Л.Д. Измайлов, владевший 11 тыс. крепостных. Еще в 1802 г. император считал, что он «необузданно предается всем порокам и возмутительнейшим образом приносит всех крестьян в жертву своему сладострастию и порочности». Но, несмотря на мнение царя, правительственные чиновники не могли найти законных оснований для отстранения его от должности, и в 1812 г. он возглавлял рязанское ополчение. Под суд Измайлова отдали за чудовищные преступления лишь в 1827 г. (*Шиман Т.* Александр I. С. 67–70; *Русская старина.* 1872. Т. VI. С. 649–664).

⁴ Единственный случай, когда Александр I потребовал в категоричной форме отказаться от услуг отставного генерала был связан, видимо, с именем активного участника царевубийства Павла I князя В.М. Яшвиля. Узнав, что тот командует отрядом Калужского ополчения, император отправил М.И. Кутузову гневное послание: «С крайним удивлением увидел я из одного из рапортов ваших, что вы употребили на службе находящегося в ссылке известного Яшвиля... Вы сами себе присвоили право, которое я один имею, что, поставляя вам на замечание, предписываю немедленно послать Яшвиля сменить и отправить его в Симбирск под строгий надзор к губернатору» (Бу-

которого в конечном итоге зависело поведение армии в возможных экстремальных ситуациях. Ведь не только генералы анеллировали и искали подходы к Александру I – к этому времени монарх выработал и многочисленные механизмы обратного воздействия.

В его арсенале имелись разнообразные средства. Самый эффективный из рычагов контроля – расстановка кадров на ключевые посты в армии. Ни одно сколько-нибудь важное назначение не проходило без его одобрения. Все стратегические решения, а часто и тактические (в силу мелочного характера, унаследованного от Павла I) принимались лишь с его согласия. Кроме контрольных функций, выполняемых генерал-адъютантами и близкими родственниками самодержца, императором во время войны, если он не находился на театре боевых действий, избирался узкий круг лиц из второго эшелона управления (как правило, из начальников армейских штабов), нисменно доносивших о ситуации в войсках. Помимо этого, информация о настроениях в высших офицерских кругах становилась известна монарху через беззастенчивую нерлюстриацию личной нерениски генералов. Причем ностоянно трудившийся «черный кабинет» не делал никаких исключений, наоборот, чем выше была должность генерала, тем больше было вероятности того, что содержимое его нисем докладывалось Александру I. Например, нерлюстрировалась не только нерениска российских подданных, на стол к царю в свое время нонало все эннстолярное наследие за 1812 г. английского комиссара в русской армии генерала сэра Р. Вильсона. Благодаря этому обстоятельству, уже нереведенные и неренисанные нисарями конии нисем британского комиссара в русской армии были позже опубликованы Н. Дубровиным и стали бесценным источником¹.

Некоторым ноказателем влияния отдельных генералов нри Дворе неред 1812 г. можно считать данные из камер-фурьерского журнала за 1801–1811 гг. или ннисок лиц, имевших честь обедать вместе с Александром I в данный период. П.М. Волконский уноминается 1216 раз; П.И. Багратион – 686; С.К. Вязьмятинов – 584; Е.Ф. Комаровский – 512; А.А. Аракчеев – 423; П.П. Долгоруков – 342; И.В. Васильчиков – 296; Ф.Ф. Винцингероде – 250; М.Б. Барклай де Толли – 216; Г. Армфельд – 53; П.М. Каменский – 48; П.Х. Витгенштейн – 35; М.С. Воронцов – 18; Л.Л. Беннигсен – 7;

маги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VII. М., 1903. С. 410–411).

¹ *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882.

А.П. Ермолов – 3 раза¹. Этот перечень, опубликованный великим князем Николаем Михайловичем, дает лишь общее представление, кто мог из генералов косвенно влиять на принятие решений императором. На практике все было сложнее.

Расстановка командных кадров в 1812 г.

Назначение главнокомандующих и подбор кандидатов на другие высшие военные посты всегда оставались прерогативой Александра I. И в этом вопросе он столкнулся с большими проблемами, поскольку после неудач русских войск в 1805–1807 гг. против французской армии император имел весьма критическое мнение о своем генералитете². «Екатерининских орлов» почти не оставалось, или они были безнадежно стары и дряхлы. Ситуация же диктовала необходимостьверить судьбу армий в руки молодых генералов. Первоначально войска на западной границе делились на две большие, примерно равные по численности 1-ю и 2-ю Западные армии. Примечательно, что самых лучших (по мнению военного руководства) генералов и офицеров стремились направлять в 1-ю Западную армию, то есть в самую хорошо организованную и оснащенную в техническом отношении армию. И именно ей, по мысли разработчиков плана войны, предстояло выполнить основную задачу.

Предстоящая война вносила свои коррективы в расстановку кадров. Точно известно, что первоначально русский самодержец решил, что командовать 2-й Западной армией будет генерал от инфантерии Н.М. Каменский 2-й, считавшийся учеником А.В. Суворова и имевший в обществе «небедную репутацию»³. Но он скоропостижно умер, а «скамейка запасных» была почти пустой⁴. Обстоятельства

¹ См.: *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования. Т. 2. С. 719.

² При прощании с французским послом А. Коленкурот в 1811 г. Александр I сказал ему: «У меня нет таких генералов, как ваши...» (*Шильбер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. III. С. 26).

³ *Хабибуллин В.Н.* Генерал Николай Михайлович Каменский. Калининград, 2009. С. 159. Исходя из воспоминаний А.Ф. Ланжерона, можно заключить, что Сергей Каменский также говорил ему, что он будет назначен главнокомандующим Волынской армией, но этого не произошло из-за крайне низкой репутации этого военачальника. (Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // *Русская старина*. 1909. № 8. С. 389).

⁴ По словам А.Х. Бенкендорфа: «Армия восприняла это с истинным огорчением: его образ мыслей, честолюбивая натура и справедливая требователь-

вынудили императора назначить на эту должность 7 августа 1811 г. П.И. Багратиона¹, у которого с царем сложились не очень простые отношения (видимо, из-за романа последнего с великой княжной Екатериной Павловной).

Правда, сам Багратион не был уверен, что останется на этой должности. Так, в письме 19 ноября 1811 г. к П.А. Строганову, с которым имел приятельские отношения, он жаловался: «А мне еще больше, что начали опять огорчать до крайности. Я просил принять одного отставного офицера в службу – отказали; просил по недостатку моему столовых денег серебром – отказали; просил приехать на короткое время в Петербург – ответа не дали; просил фельдъегеря – не дали, потому что я ординарцев бессменных иметь не могу. Стало быт, не хотят меня, чтобы я остался»².

Вероятно, главнокомандующим 1-й Западной армии всегда планировался М.Б. Барклай де Толли. Александр I был высокого мнения о его военных способностях, кстати, в противоположность к Багратиону, который, как он считал, «о стратегии понятия не имел». И это убеждение, как писал сам император, «заставило меня назначить Барклая главнокомандующим 1-й армии ввиду репутации, которую он заслужил во время войн с французами и шведами»³. Но на этот пост он получил назначение лишь 19 марта 1812 г., 23 марта он выехал к войскам из Петербурга, а официально вступил в командование только 31 марта⁴. Необходимо отметить явное неудобство совмещения поста главнокомандующего с также многотрудной должностью военного министра, требующей много внимания и времени. Хотя значительная часть дел была переадресована к управляющему Военным министерством князю Алексею Ивановичу Горчакову (как старшему в чине в составе министерства генералу), но без права личного доклада к государю. Поэтому многие важные документы наона-

ность сделали из него совершенно особого военачальника. Он умер в расцвете лет...» (*Бенкендорф А.Х. Воспоминания. С. 170*).

¹ Генерал Багратион. С. 118. Официально в командование 2-й Западной армии на основании Учреждения о Большой действующей армии он вступил по указу Александра I от 16 марта 1812 г. (Там же. С. 130).

² *Николай Михайлович, вел. кн.* Граф Павел Александрович Строганов. Историческое исследование эпохи Александра I. Т. 3. С. 258.

³ *Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. С. 86.

⁴ Институт русского языка и литературы. Ф. 265. Оп. 2. Д. 124. Л. 50; *Безотосный В.М.* Приказы по 1-й Западной армии // Российский архив. 1996. Вып. VII. С. 62

дали к Барклаю, находившемуся в полевых условиях во время войны.

Лишь в мае 1812 г. срочно начала формироваться 3-я Обсервационная армия и ее возглавил один из старых генералов А.П. Тормасов, до этого вообще не имевший опыта участия в войнах против французов и больше известный как военный администратор. Он был назначен 2 мая, а 19 мая 1812 г. доложил о вступлении в командование¹. При этом при формировании 3-ю Обсервационную армию усилили за счет войск Багратиона. Фактически численность 2-й армии урезали вдвое, передав вдобавок ко всему еще 6-й нехотный корпус генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова в состав 1-й Занадной армии.

Дунайская армия была вверена адмиралу П.В. Чичагову, о котором император имел высокое мнение². Первоначально весной 1812 г. рассматривался вопрос о действиях этой армии против турок (высадка десанта в Константинополе) или в Андриатике против французских владений в Иллирии (Далматинский проект), как диверсия на правый фланг наполеоновской империи. Этим объясняется назначение моряка, не имевшим опыта вождения войск и руководства в боевых условиях сухопутными войсками. Позднее от этих планов отказались по политическим причинам. Александр I верил в способности и энергию Чичагова, о чем свидетельствует его с ним переписка: «Я нахожу все ваши военные соображения как нельзя более верными, и убежден, что с умом и сильным характером, которыми одарила вас природа, вы окажите замечательные услуги отечеству и благому делу»³.

Петрудно заметить в этих назначениях и перемещениях предубежденность российского императора, который, правда, вынужден был считаться со старшинством генералов и их боевой репутацией. При этом он шел на большой риск. Полководческий опыт (но не бое-

¹ Попов А.И. Дело при Кобрине. М., 2013. С. 19.

² Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. II. С. 114.

Граф Ф.П. Толстой писал про П.В. Чичагова, что он «был человек весьма умный и образованный... был удивительно свободен и как ни один из других министров, прост в общении и разговорах с государем и царской фамилией... был невидим почти всем придворным миром и всей пустой высокомерной знатью; но Александр I и императрица Елизавета Алексеевна его очень любили» (Записки графа Ф.П. Толстого, товарища президента императорской Академии художеств // Русская старина. 1873. № 1. С. 44).

³ Цит. по: Попов А.И. От Малоярославца до Березины // Русская старина. 1877. № 9. С. 51.

вой) Барклая и Багратиона все же можно назвать минимальным, а Тормасов, даже командуя войсками на Кавказе, в последнее время занимался больше военно-административными делами и был не известен как талантливый полководец. Еще большую критику в конце 1812 г. заслужил Александр I (да и сам пожалел о своем выборе) из-за назначения на должность главнокомандующего «сухонутного» адмирала Чичагова, который не смог полностью оправдать надежд своего монарха в событиях при р. Березине.

В 1812 г. перед командованием часто возникали сложности, связанные с наличием высоких чинов у ряда генералов. Необходимо заметить, что помимо главнокомандующих в войсках, сосредоточенных на западной границе, в самом начале кампании 1812 г. во всех четырех армиях числились всего лишь четыре полных генерала в качестве корпусных командиров (по старшинству – М.И. Платов, Д.С. Дохтуров, С.М. Каменский и А.Ф. Ланжерон). Кроме того, трое полных генералов (Л.Л. Беннигсен, А.А. Аракчеев, Г.М. Армфельт) находились «под рукой» Александра I при его свите без определенных должностей. Еще чины полных генералов носили двое главнокомандующих в столицах (С.К. Вязмитинов¹ и Ф.В. Ростопчин) и пятеро (Г.С. Волконский, А.М. Римский-Корсаков, А. Вюртембергский, Г. Гольштейн-Ольденбургский, М.А. Милорадович) занимали посты военных губернаторов, из них лишь трое последних находили в разное время и в разном качестве в действующие армии. Примечательно, что Милорадович, занимая должность Киевского военного губернатора, еще 3 мая 1812 г. написал прошение императору с просьбой использовать его в предстоящих военных действиях, но характерна резолюция на письме рукою Барклая де Толли о том, что как только война начнется эта просьба будет удовлетворена². В Дунайской армии имелся только один полный генерал – граф А.Ф. Ланжерон (командовал корпусом), получивший этот чин в 1811 г. и то после жалобы на высочайшее имя за ненаграждение его заслуг³. В целом нужно сказать, что традиционный принцип старшинства становился непреодолимым препятствием для использования старших по выслуге военачальников под командой младших в чине.

¹ С.К. Вязмитинов не потерял способность удерживаться на волнах бюрократического океана. Заняв пост главнокомандующего в Петербурге, из-за болезни Н.И. Салтыкова по своей должности заменял председателя Государственного совета, т. е. являлся главным администратором в системе государственного управления после императора.

² См.: *Тихонов И.С.* Документы о русских генералах // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историкография. Т. II. М., 2003. С. 200.

³ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. IV. СПб., 1903. С. 178–180.

Правда, на посты корпусного уровня в основном получили назначения генералы, имевшие богатый опыт и выдвинувшиеся в последних войнах, – генерал-лейтенанты П.Х. Витгенштейн, К.Ф. Багговут, М.М. Бороздин, А.И. Горчаков, А.И. Остерман-Толстой, Н.А. Тучков, Д.С. Дохтуров, Н.Н. Раевский, П.П. Пален, К.О. де Ламберт, Ф.В. Остен-Сакен, Е.И. Чанлиц и др. То же самое можно сказать и о командирах дивизионного уровня, среди которых имелось много молодых или нерасклеванных генералов: М.С. Воронцов, принц Евгений Вюртембергский, П.А. Строганов, П.П. Коновницын, Д.П. Неверовский, И.В. Васильчиков, И.Ф. Паскевич, А.Г. Щербатов и др.

Определенные трения в 1812 г. у главнокомандующих возникали и с известным донским атаманом М.И. Платовым, командовавшим казачьим корпусом в 1-й Западной армии и считавшим себя по службе «старейшим» генералом, но часто получавшим в командование малое число иррегулярных полков. На этой почве у «вихорь»-атамана возникали конфликты с Багратионом, Барклаем, Кутузовым, он даже вызвал явное недовольство у Э.Ф. Сен-При¹. Платова часто замещал его старый боевой товарищ – ранее находившийся под судом и отставленный генерал-майор И.К. Краснов, вызванный им 22 марта 1812 г. После его гибели помощником Платова стал прибывший с Дона генерал-лейтенант А.Д. Мартынов, его шурина, находившийся с ним в ссоре (помирились лишь в сентябре). Казачьими полками 2-й Западной армии руководил генерал-майор Н.В. Иловайский, чуть позже генерал-майор А.А. Карнов, правда 19 июня он был рекомендован возглавить казачий отряд 3-й Обсервационной армии, но оставался при главных силах весь 1812 г. В 3-й Западной армии командовал казачьими полками под занавес событий генерал-майор П.М. Греков².

При назначении генералов корпусными командирами также учитывалось старшинство. Например, полный генерал Д.С. Дохтуров получил под свое крыло самый большой по численности 6-й нехотный корпус, а до него им командовал старейший генерал-лейтенант И.Н. Эссен. Принятому на службу приказом от 1 июля 1812 г. (со старшинством от 13 ноября 1802 г.) племяннику А.В. Суворова

¹ Э.Ф. Сен-При писал своему приятелю А.А. Закревскому 28 июня 1812 г.: «Освободите нас, пожалуйста, от Платова, который барин слишком большой, чтоб быть здесь полезным» (Письма графа Э.Ф. Сен-При А.А. Закревскому // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историкография. Т. XIII. М., 2015. С. 354).

² См.: Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. С. 24, 25, 27, 31, 65, 211.

князю Андрею Ивановичу Горчакову Багратион вверил специально для него созданное временное соединение под названием «авангардный корпус Горчакова-2». Прибывшего в качестве волонтера и находившегося в отставке А.И. Остермана-Толстого (принят со старшинством от 24 февраля 1808 г.) Александр I, даже не поставив в известность Барклая, назначил командовать 4-м нехотным корпусом вместо генерал-адъютанта П.А. Шувалова. После этого император должен был объясняться с обиженным главнокомандующим и цитировать нисмо уволенного Шувалова, который нисал, что «не может начальствовать над своим корпусом, даже не может сесть на лошадь и связать двух мыслей в голове...»¹.

В целом же все командные посты полевых войск старались занимать с учетом старшинства, это касается в первую очередь звеньев бригада – дивизия – корпус. По этому принципу, например, были произведены назначения в 1812 г. на должности начальников инженеров и артиллерии армий и корпусов (инженер-генерал-лейтенант Х.И. Труссон, инженер-генерал-майор Е.Х. Ферстер, генерал-майоры артиллерии А.И. Кутайсов, К.Ф. Левенштерн, И.Х. Сиверс, В.Д. Резвой, Л.М. Яшвиль, В.Г. Костенецкий). При этом номытались «развести» молодых артиллерийских генералов, хорошо зарекомендовавших себя в боях с французами в 1806 и 1807 г. На должность начальника артиллерии 1-й Западной армии был назначен генерал-майор А.П. Кутайсов, а его соперники по «славе» генерал-майоры Л.М. Яшвиль и В.Г. Костенецкий возглавили артиллерию самых крупных по численности 1-го и 6-го нехотных корпусов². Артиллерию 3-й Обсервационной армии возглавил генерал-майор И.Х. Сиверс, 2-й Западной – генерал-майор К.Ф. Левенштерн, а Дунайской – генерал-майор Д.П. Резвой. Но при образовании 3-й Западной армии в сентябре на эту должность был назначен полковник Г.П. Веселитский, хотя при этих войсках в то время находились генералы-артиллеристы – Резвой был отправлен в Главную армию, Сиверс по болезни находился в отпуску, лишь в ноябре 1812 г. на этот пост был командирован генерал-майор А.А. Аракчеев³.

¹ Попов А.И. Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский архив. 1892. № 4. С. 428.

² А.А. Закревский писал М.С. Воронцову 23 мая 1812 г.: «Вы избобильны будете теперь артиллерийскими генералами; из трех сделайте одного хорошего, так и будете им довольны; у нас только два: Кутайсов и Ермолов. Конечно, жаль, что сего последнего употребили при пехоте гвардейской, тогда когда его с пользою можно употребить в другое место» (Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 225).

³ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XX. СПб., 1912. С. 238.

Популярный в войсках генерал-майор артиллерии А.П. Ермолов (видимо в качестве отступного – его фактически отпустили от артиллерии) сначала получил в командование гвардейскую нехотную дивизию, а потом возглавил Главный штаб 1-й Западной армии. Его назначение состоялось по воле Александра I, хотя он до этого уже вступал в конфликты с Барклаем де Толли¹. По мнению А.Н. Муравьева, «государь любил Ермолова и, кажется, не без намерения оставлял его при Барклае, которому [он] был до крайности неприятен»². Сам же Ермолов следующим образом описывает этот момент: «От назначения моего употребил я все средства уклониться: просил могущественного графа Аракчеева, самому представлял государю, что я не приготавливал себя к многотрудной сей должности...». По его словам, Аракчеев желал видеть на этом месте генерал-лейтенанта Н.А. Тучкова. «Но не знаю почему, государь приказал мне вступить в оную»³. По мнению К. Клаузевица, оценившего почти исключительно Ермолова, «он был безусловно лучше своих предшественников, так как от него, но крайней мере, можно было ожидать, что он заставит слушаться приказов во армии и сумеет придать известную энергию мероприятиям командования, что по мягкости и недостатке живости в характере главнокомандующего воспринималось как необходимое дополнение»⁴.

Дело в том, что у командования возникли известные сложности с замещением высших штабных должностей во всех трех западных армиях на границе⁵. Тут можно отметить несколько факторов. С одной стороны, это было связано, но-видимому, с низкой оценкой командо-

¹ См.: *Давыдов Д.В.* Материалы для истории современных войн. Т. 1. СПб., 1895. С. 152–154. Когда Ермолов в начале 1812 г. просил о переводе его в Молдавскую армию, Александр I, отказав, попросил передать ему, что «впредь назначения его по службе будут зависеть от самого государя» (*Полхвиснев М.П.* Алексей Петрович Ермолов // *Русская старина.* 1872. № 11. С. 478; *Сочинения Дениса Васильевича Давыдова.* Ч. 2. С. 80).

² *Муравьев А.Н.* Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 96.

³ Записки Алексея Петровича Ермолова. М., 1863. С. 19. Аракчеев, узнав о назначении Ермолова, дал ему наказ как вести себя самостоятельно, сказав ему следующее: «Вам, как человеку молодому, предстоит много хлопот; Михаил Богданович дурно изъясняется и многого не досказывает, а потому вам надо стараться понимать его и дополнять его распоряжения своими собственными» (*Русский вестник.* 1863. № 9. С. 131; *Глиноецкий Н.* Краткий биографический очерк генерал от артиллерии Ермолова // *Военный сборник.* 1861. № 5. С. 250; *Сочинения Дениса Васильевича Давыдова.* Ч. 2. С. 81).

⁴ *Клаузевиц К.* 1812 год. С. 54.

⁵ Назначение и динамику перемещения штабных сотрудников в 1812 г. см.: *Гейсман П.А.* Исторический очерк возникновения и развития в России

ванием деловых качеств генералов Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части, которые должны были занимать штабные посты. С другой стороны – существовала необходимость замещения каждой этой должности военными только установленного класса Табели о рангах, что стесняло подбор и расстановку кадров, обязывало назначать людей менее способных, часто не имевших штабного и административного опыта, или командных навыков, или даже физического здоровья в силу возраста. Мешала строгая иерархия чинов. Практические неудобства в таких назначениях заставили высшее командование изменять устоявшиеся правила на ходу.

Особенно это наглядно на примере 1-й Западной армии¹. Первоначально временно исполнять обязанности начальника штаба (назывался «управляющий генерал-штабом») был назначен «старый» генерал-лейтенант П.И. Лавров. 3 мая 1812 г. его в письме к Александру I рекомендовал Барклай де Толли, так как эта должность была вакантна, а поскольку надвигались грозные события (Барклай предполагал переход войск через границу), император 7 апреля 1812 г. утвердил его кандидатуру². Но довольно быстро его заменили. В приказе по армии было сказано, что Лавров уволен по «болезни»³. Но дело было не только в «болезни» (хотя и в ней тоже), а в недовольстве главнокомандующего деятельностью своего главного помощника на этом важном посту. 17 июня Барклай де Толли в письме к императору поставил вопрос о замене: «для блага армии было бы очень желательно, чтобы В.И.В. соизволили переменить начальника главного штаба... т. к. он совершенно не на месте»⁴.

С 21 июня этот пост занимал генерал-лейтенант маркиз Ф.О. Паулуччи, правда, еще в составленном в феврале 1812 г. расписании штабов армий и корпусов он уже значился начальником штаба

генерального штаба до конца царствования императора Александра I включительно. С. 310–312.

¹ Любопытные суждения по этому поводу относительно недавно высказал А.Г. Власенко, жаль, что без прямых ссылок на источники: *Власенко А.Г.* «Штабные все дела...» Барклай де Толли и пост начальника Генерального штаба 1-й Западной армии в начале Отечественной войны 1812 года // *Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы.* Можайск, 2012. С. 250–263). Правда, не со всеми выводами, сделанными этим исследователем, можно согласиться.

² Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XI. СПб., 1909. С. 2, 25, 80.

³ См.: *Безотосный В.М.* Приказы по 1-й Западной армии // *Российский архив.* 1996. Вып. VII. С. 96.

⁴ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XIII. СПб., 1910. С. 175.

1-й Занадной армии¹. Видимо, тогда это не устроило Барклая де Толли. 25 мая 1812 г. Паулуччи получил назначение на должность начальника штаба 3-й Обсервационной армии², что вызвало уже его недовольство, поскольку в свое время он заменил А.П. Тормасова на носту главнокомандующего на Кавказе, а теперь должен был ностунить в его подчинение³. Маркиз отказался от этого назначения, нредночитая ожидать в Главной квартире возможности занять ност, соотнветствующий его честолубию. Этот случай нредставился 21 июня⁴. Укажем, что назначение «смелого и решительного в речах» Паулуччи состоялось против воли Барклая под нпрямым давлением Александра I. До этого имнератор отнравлял маркиза на смотрины к Барклаю со следующей сонроводительной заниской: «Я не сказал ему, с какой целью его носылаю. Если Вы найдете, что он может занять место Лаврова, то онределите его или дайте ему другое назначение, или нросто оставьте нри себе, или, наконец, нришлите его ко мне с вашим донесением»⁵. После такого Высочайшего мнения главнокомандующий ставился в неопределенное ноложение. Но нылкий итальянец не сработался со штабным окружением Барклая и в первую очередь с самим Барклаем. По словам Ж. де Местра, Паулуччи нрмо заявил, что он по совести не может быть исполнителем нлана военных действий, который считает неленным и гибельным, а нпотому или он должен выйти в отставку, или этот нлан должен быть изменен»⁶. Не удивительно, что итальянский маркиз нродержался на своем носту лишь до 30 июня, и был уволен «за болезнь». Он нотом нисал, что сам нонал нрошение об увольнении от должности: «Военный министр не имел ко мне должной доверенности»; «многие расноряжения сделаны были мимо меня», «маршруты составляемы были дру-

¹ РГВИА. Ф. ВУА.Д. 3520. Л. 47.

² Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. IX.С. 238.

³ См. письмо Паулуччи к А.А. Аракчееву от 14 июля 1812 г.: *Барклай де Толли М.Б. Изображение военных действий 1812 года*. М., 2013. С. 50; Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. IX.С. 220; Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып.14. Ч. 2. С. 7–10

⁴ См.: Сб. ИРИО.Т. 88. СПб., 1891. С. 518.

⁵ Цит. по: *Попов А.Н. Эпизоды из истории двенадцатого года* // Русский архив. 1892. № 4. С. 418.

⁶ *Попов А.Н. Эпизоды из истории двенадцатого года* // Русский архив. 1892. № 3. С. 348.

гими без меня»¹. Позднее штабной адъютант М.М. Муромцев вспоминал, что Паулуччи «носсорился через три дня с Барклаем, и после сего начальником штаба назначен Ермолов».²

Во 2-й Западной армии во главе штаба был поставлен по воле Александра I генерал-майор Э.Ф. Сен-При, надо сказать, также вопреки желанию Багратиона³. Вероятно, главнокомандующие 1-й и 2-й Западных армий отлично осознавали смысл назначения своих начальников штабов – они должны были присматривать за Барклаем и Багратионом и докладывать обо всем государю. Право писать напрямую Александру I получили и Ермолов, и Сен-При. Правда, в 3-й Обсервационной армии, которая была организована лишь в начале мая 1812 г., право выбора на эту должность было предоставлено самому главнокомандующему. Как писал М.Б. Барклай де Толли 2 мая 1812 г. А.П. Тормасову: «В начальники главного штаба извольте представить одного из служащих по Армии, вам вверенной, генералов, а генерал-квартирмейстером можете употребить полковника барона Тейля-фон-Сераскеркена»⁴.

Необходимо сказать, что такая же чехарда произошла и с должностью генерал-квартирмейстера 1-й Западной армии – сначала был назначен известный лишь как отличный топограф генерал-майор С.А. Мухин, а затем его сменил полковник К.Ф. Толь, а после его перехода в Главную армию полковник Я.П. Гавердовский⁵. Л.Л. Беннигсен в письме к императору 9 ноября 1812 г. считал, что К.Ф. Толю «мы обязаны неуспехом Бородинского сражения и большой потерей, понесенной нами в нем». Он также указывал «на опасность верить столь высокий и важный пост, как генерал-квартирмейстер значительной армии, неопытному офицеру, потому что даваемые ему неприятелем уроки слишком дорого обходятся Монарху и государству»⁶. По мнению же К. Клаузевица, «Толь был совершен-

¹ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XVI. СПб., 1911. С. 279.

² Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцева // Русский архив. 1890. № 3. С. 367.

³ См.: Анисимов Е. Указ. соч. С. 456–457.

⁴ Двенадцатый год: Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего 3-ю Западной армией генерала от инфантерии Тормасова. С. 5. Все же генерал-квартирмейстером был назначен полковник Р.Е. Ренни, а Тейль оставлен при штабе армии.

⁵ Как писал 5 июля 1812 г. из армии П.П. Коновницын жене: «Лавров уже не с штабом, был после его Паулуччи, а теперь на его месте Ермолов. Мухин прочь, на его месте Толь...» (Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VIII. С. 100).

⁶ Письма Беннигсена императору Александру в Отечественную войну // Военный сборник. 1904. № 2. С. 239.

по лишен известной чуткости и тактичности – качеств, безусловно, необходимых на подобных должностях; он был известен своей резкостью по отношению как к начальникам, так и к подчиненным»¹.

Стоит несколько пристальней рассмотреть к одному из образованнейших генштабистов – К.Ф. Толю и его роли в событиях кампании 1812 г. Хорошо известно, что он считался любимым учеником М.И. Кутузова по кадетскому корпусу и офицером, которому тот полностью доверял, поэтому он и действовал от лица главнокомандующего. Правда, мало кому известно, что в первый период войны у него сложились прохладные отношения с Барклаем, Ермоловым, а также был конфликт и с П.И. Багратионом по поводу выбора позиции при Дорогобуже. Толь в не совсем вежливой форме попытался вступить в спор с главнокомандующим 2-й Западной армии, на что получил резкую отповедь: «Ваше поведение заслуживает того, чтобы вас поставить под ружье»² (разжаловать в рядовые. – *В.Б.*). По свидетельству П.Х. Граббе, Багратион будто бы выговорил Толю следующее: «Знаешь, чем это кончится – солдатской сумой»³. Барклай не стал заступаться за своего подчиненного, но оба генерала отказались от уже выбранной позиции. Не удивительно, что после этого Толь подал рапорт об увольнении от должности⁴. Отставка не была принята, но все это свидетельствовало о не совсем здоровой атмосфере в штабных структурах⁵.

Как правило, должности начальника Главного штаба армий (если исключить промежуточные фигуры) занимали генерал-майоры (А.П. Ермолов, Э.Ф. Сен-При, И.Н. Инзов, а также генерал-лейтенант И.В. Сабанеев в Дунайской армии). Начальником штаба 1-го

¹ *Клаузевиц К.* 1812 год. С. 55.

² *Клаузевиц.* 1812 год. С.84. Несколько иначе расставил акценты и описал в своих мемуарах этот инцидент адъютант Барклая В.И. Левенштерн (См.: Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1900. № 12. С. 561).

³ Цит. по: *Попов А.Н.* От Смоленска до приезда Кутузова в армию // Русская старина. 1893. № 12. С. 524.

⁴ Он писал: «Чувствуя себя совершенно неспособным отправлять должность генерал-квартирмейстера в армии, прошу покорнейше... определить меня обер-квартирмейстером в какой-нибудь корпус» (Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XVI. СПб., 1911. С. 276).

⁵ Подробнее см.: *Гейсман П.А.* Исторический очерк возникновения и развития в России генерального штаба до конца царствования императора Александра I включительно. С. 315–116; *Лукашевич А.М.* Багратион и Толь: Два взгляда на операционное планирование начального периода войны 1812 года и Бородинское сражение // «Сей день пребудет вечным памятником...» Бородино 1812–2012. Можайск, 2013. С. 48–52.

(отдельного) нехотного корнуса был назначен генерал-майор свиты по квартирмейстерской части Ф.Ф. Довре, а дежурным штаб-офицером, а затем и обер-квартирмейстером этого корнуса – хорошо изучивший перед войною топографию местности полковник И.И. Дибич¹. Штаб 6-го нехотного корнуса возглавил полковник Ф.Ф. Манахтин, но он сам в нисьме к А.П. Ермолову от 2 июня 1812 г. утверждал, что занял этот пост и взял на себя исполнение обязанностей только из преданности к корнусному начальнику Д.С. Дохтурову, и нросил оказывать поддержку в этом новом для него деле².

А.Ф. Ланжерон отмечал, что в случае болезни или смерти главнокомандующего в командование вступал до прибытия вновь назначенного начальник штаба, ему же должны были подчиняться «другие генералы, даже старше его». Анализируя «Учреждение для управления Большой действующей армии», он заметил: «Это единственная статья в новом законе, которая норицалась всеми, так как могла нвлечь за собой много злоупотреблений и причинить массу неприятностей старшим генералам»³. Нужно заметить, что же в практике 1813 г. сложилась такая ситуация, когда из-за болезни главнокомандующего адмирала П.В. Чичагова с 29 по 31 января 1813 г. 3-й Занадной армией командовал начальник штаба генерал-лейтенант И.В. Сабанеев, хотя в армии имелись полные генералы⁴.

Исполнять высшую штабную должность Объединенных армий при Кутузове стал с августа 1812 г. старый генерал Л.Л. Беннигсен. В начале военных действий он находился при императоре без четко определенных обязанностей, только после назначения М.И. Кутузова, старшего его по службе, занял должность начальника Главного штаба действующих армий. Тогда же должность генерал-квартирмейстера принял по старшинству генерал-майор М.С. Вистицкий (до этого генерал-квартирмейстер 2-й Занадной армии)⁵, но фактически рас-

¹ См.: *Лукашевич А.М.И.И. Дибич-Забалканский: Военно-топографическая и боевая деятельность на белорусских землях в 1810–1812 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. XIV. М., 2016. С. 44–54.*

² Научно-исторический архив С.-Петербургского Института истории РАН. Кол. 238. Оп. 1. Д. 575. Л. 27–28 об.

³ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1911. № 8. С. 263).

⁴ См.: Война 1813 года. Материалы ВУА.Т. 1. СПб., 1914. С. 24–29.

⁵ Вистицкий был назначен на эту должность 28 мая 1812 г., а до этого ее временно занимал полковник К.Ф. Клодт фон Юргенсбург (Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XI. С. 48; Т. XII. С. 245).

поряжался делами этой службы его помощник полковник К.Ф. Толь, пользовавшийся полным доверием Кутузова¹, обязанности дежурного генерала исполнял некоторое время также близкий к Кутузову полковник П.С. Кайсаров (в Тарутино его заменил генерал П.П. Коновницын). В целом обязанности генерал-квартирмейстеров и дежурных генералов в трех армиях на границе исполняли из-за кадрового голода не генералы, а полковники (К.Ф. Толь, Я.П. Гавердовский, П.А. Кикин, П.А. Аракчеев, С.П. Марин, Р.Е. Ренни, К.Ф. Ольдекон), многие из которых затем были произведены «за отличие» в генеральские чины и сделали карьерный рывок². Исключение составили П.А. Аракчеев, родной брат известного всем графа Аракчеева (после Бородина уехавший «за болезнью» в свое имение), да выключенные из списков умершими Гавердовский и Марин, о кончине которых очень многие сожалели и, без всякого сомнения, они бы получили генеральские чины в силу своей очень хорошей репутации³. Лишь в Дунайской армии должности дежурного генерала и генерал-квартирмейстера замещали генерал-майоры А.Е. Ансио (затем его сменил генерал-майор С.А. Тучков) и Б.М. Берг. Укажем, что комендантом Главной квартиры 1-й Западной армии был назначен полковник С.Х. Ставраков, занимав-

¹ По этому поводу штабной офицер А.А. Щербинин оставил свои заметки: «Звание генерал-квартирмейстера при Кутузове принял по старшинству чина ген. Вистницкий, находившийся в том звании во 2-й армии. Но моральное влияние полковника Толя было таково, что все мы, по-прежнему толклись возле него, а Вистницкий, высокий худощавый старик, разъезжал один, как командор в Дон-Жуане» (Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XXI. С. 214).

² Интересно замечание на этот счет можно найти в письме 1819 г. А.А. Закровского П.Д. Киселеву: «Бывшие дежурными генералами полковники Марин и Кикин унизили свое звание и чрез то терпела служба. Признайся, что на сем месте быть полковнику не должно» (Сб. ИРМО. Т. 78. СПб., 1891. С. 198).

³ Про Марина (вероятно, ошибочно) П.М. Лонгинов оставил следующую запись от 26 апреля 1813 г.: «Его только что произвели в генерал-майоры... но он даже не получил удовольствия узнать о счастливом повороте своей судьбы» (Из писем Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1912. № 5. С. 54). Как писал из армии П.П. Коновницын про Гавердовского сразу после Бородинского сражения: «он убит или в плену. Как он мне служил в авангарде, и был уже генерал квартир. Армии. Какую он славу себе приобрел, и армия его лишилась. Потеря точно велика» (Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VIII. С. 110). После окончания войны Коновницын поставил в своем имении памятник Гавердовскому (ОПИ ГИМ. Ф. 397. Оп. 1. Д. 15. Л. 40).

пий подобную должность еще при А.В. Суворове¹. Данное назначение делопроизводственника и офицера с греческими корнями главнокомандующими рассматривалась как некий талисман – в этом качестве Ставраков состоял при главнокомандующих: М.И. Кутузове в 1805 г., М.Ф. Каменском в 1806 г., Л.Л. Беннигсене в 1807 г., Ф.Ф. Буксгевдене, Б.Ф. Кнорринге и М.Б. Барклае де Толли в 1808–1809 гг., в 1811 г. снова при М.И. Кутузове. В армии ходила поговорка «Без Ставракова воевать нельзя».

Поскольку посты главнокомандующих 1-й и 2-й Западными армиями занимали относительно молодые полные генералы М.Б. Барклай де Толли и П.И. Багратион, поэтому под их команду старались не назначать лиц, стоявших в списке по старшинству выше их. Так, например, большие проблемы по «приспосабливанию» возникли с немецкими родственниками русского царя и генерал-адъютантами, оставшимися при Главной квартире после того, как император покинул войска в начале войны. Например, проблема заключалась в личности дяди Александра I генерала от кавалерии герцога А. Вюртембергского (толстяк, семейное прозвище «Шишка»). Император через Барклая решил узнать мнение Багратиона относительно того, если будет назначен состоять при 2-й Западной армии А. Вюртембергский. Видимо, сам он не жаждал иметь в своей свите дядю, который по должности белорусского военного губернатора до этого лишь курировал строительство Дрисского укреплённого лагеря². Очень интересен на этот счет витиеватый ответ главнокомандующего 18 мая 1812 г.: «Позволю себе изъясниться со всею откровенностию, что кроме случаев, могущих меня затруднять в поручении герцогу приличной команды, в принятии и уважении совета при важных встречах во время операций военных и сим подобных непродолжительных обстоятельствах, одно старшинство герцога и всегдашние мои правила быть в непосредственном повиновении к старшим, затруднит меня очень много в поведении на пользу службы, стеснило бы иногда в способах действовать по собственной воле, всегда руководимой неограниченною преданностию к престолу»³. То есть Багратион дал понять, что дядя будет только мешать и лучше его не присылать к его армии. В судьбоносное для страны время Александр I решил не экспериментировать с принципом старшинства и не использовать родственную близость к императорской фамилии и послушал Багратиона. Лишь толь-

¹ Давыдов Д. Военные записки. С. 367.

² Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XI. С. 44, 280–291.

³ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XII. СПб., 1909. С. 71–72.

ко в 1813 г. А. Вюртембергский получил достойное для его сана и чина назначение командовать блокадным корпусом под Данцигом¹. Другой родственник царя генерал-лейтенант принц Павел Фридрих Август Гольштейн-Ольденбургский после длительного фактического штабного «бездействия» при действующих войсках был назначен членом Комитета по делам Германии.

Находившийся тогда в Вильно на адъютантской должности мемуарист А.Н. Муравьев оставил зарисовку Главной квартиры Александра I и царившей тогда штабной атмосферы, где присутствовали «сумасбродные проектеры»: «Множество канцелярий и прислуга наводнили город, и начались разного рода интриги... что главнокомандующий Барклай де Толли, человек честный, благородный и холодный, часто приходил в отчаяние: проекты за проектами, планы и распоряжения, противоречия друг другу, все это, сопряженное с завистью и клеветой, нарушало спокойствие главнокомандующего, что более или менее отзывалось на его подчиненных»². Большинство генерал-адъютантов без армейских должностей после отъезда из армии императора достаточно быстро покинуло Главную квартиру, а только оставшемуся без дела А.П. Ожаровскому (единственному, кто являлся верным читателем генерала Фуля³) Кутузов во второй период войны был вынужден отдать в командование летучий отряд, предназначенный действовать через Юхнов на г. Красный: 4 казачьих, 19-й егерский, Пежинский драгунский и Мариунольский гусарский полки с 6 конными орудиями. Этот отряд из-за бесчестности его командира французы изрядно потренировали под Красным⁴. Остальным генерал-адъютантам, по-видимому, Александр I предпочитал также придавать в самостоятельное командование отдельные отряды. Ф.Ф. Винцингероде под Смоленском по приказу Александра I возглавил отдельный рейдовый отряд, а затем прикрыл Петербургское направление от Москвы⁵. После же его пленения Александр I из Петербурга назначил возглавлять этот отряд генерал-адъютанта П.В. Голенищева-Кутузова, до этого занимавшегося фор-

¹ Война 1813 года. Материалы ВУА.Т. 2. Пг., 1916. С. 128.

² *Муравьев А.Н.* Сочинения и письма. С. 88–89.

³ Он даже занимался размещением войск в Дрисском лагере (См.: Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. IX.С. 220).

⁴ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XIX. СПб., 1912. С. 138, 140, 146.

⁵ *Богданович М.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1859. С. 180.

мированием Тверского ямского казачьего полка¹. Одновременно главнокомандующий приказал принять начальство этим отрядом генерал-адъютанту Э.Ф. Сен-При². Как писал Сен-При из Москвы: «оба будем ожидать Высочайшего разрешения»³. По свидетельству К. Мартенса, «оба генерала прибыли в Москву одновременно, и между ними возник спор, который по именному приказанию государя был решен в пользу Кутузова»⁴. После долгого бездолжного скитания генерал-адъютант Паулуччи получил 17 октября 1812 г. самостоятельное командование, заняв пост рижского военного губернатора (вместо уволенного будто бы «по болезни» генерала И.Н. Эссена)⁵.

Более сложными оказались взаимоотношения высшего командования с братом царя, великим князем Константином, назначенным возглавлять 5-й резервный (гвардейский) корпус. Под благовидными предлогами он дважды высылался из армии Барклаем за публичную критику действий главнокомандующего (в чем принимало участие и окружение великого князя). Но такие шаги, без сомнения, были предприняты лишь после предварительного согласования с императором⁶. Складывается впечатление, что Александр I сам не знал, как и чем занять своего брата во время военных действий в 1812 г. Причем Ф.В. Ростопчин вспоминал, что после отправки из армии «государь хотел было оставить великого князя в Москве для формирования там конного полка», чему воспротивился московский главнокомандующий, затем согласившийся с ним император

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 2. С. 33–23.

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 10. С. 82.

³ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XIX. С. 100, 104, 141, 153.

⁴ Из записок старого офицера (К. Мартенса) // Русская старина. 1902. № 2. С. 413–414. См. также: Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XX. С. 39.

⁵ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XIX. С. 99; Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. IX. С. 147.

⁶ Записки А.П. Ермолова 1798–1826. С. 134, 145; Карнович П. Цесаревич Константин Павлович. 1779–1831 // Русская старина. 1877. № 9. С. 79–81; Воспоминания Дениса Вас. Давыдова о цесаревиче Константине Павловиче // Голос минувшего. 1917. № 5–6. С. 88; Попов А.Н. От Смоленска до приезда Кутузова в армию // Русская старина. 1893. № 12. С. 519.

предполагал отправить брата для формирования Нижегородского ополчения, от чего уже отказался сам Константин¹.

Кроме того, Александр I при всех назначениях должен был учитывать и личные взаимоотношения между высшими военачальниками, дабы всегда ощутимый груз генеральских претензий по отношению друг к другу не привел к конфликтной ситуации во время войны. По возможности старались «развести по разным углам» откровенно враждовавших персон. Возможно, именно по этой причине один из старых генерал-лейтенантов Н.А. Тучков, давно не ладивший с Багратионом, получил назначение корпусным командиром в 1-ю Западную армию (как и его два брата генерала)².

Страсти на уровне корпус – дивизия – бригада также были существенны. Перечислить все коллизии в армейских структурах трудно, да и просто невозможно. Но многие из них также были напрямую связаны с проблемами старшинства в чине. Приведем несколько случаев. Генерал И.Н. Эссен в феврале 1812 г. при выборе авангардного начальника 6-го нехотного корпуса остановил свой выбор на генерал-майоре П.П. Палене. Но поскольку донскими полками корпуса командовали два генерал-майора Денисов А.К. и Денисов В.Т., оба «старее его», то он просил высшее начальство «об удалении означенных генералов, дабы не восносилось неудовольствие и вреда от службы»³. Другой пример. Генерал-майор А.Г. Щербатов неожиданно для него был перемещен с должности начальника 18-й нехотной дивизии на такую же в 22-ю нехотную дивизию, дислоцированную в Молдавской армии. Пользуясь тем обстоятельством, что в 1806 г. Щербатов воевал под началом Барклая, он прямо обратился к нему 10 октября 1811 г. с жалобой (или выражением неудовольствия таким назначением), в которой он объяснял свое нежелание расставаться с 18-й дивизией («с которой я совершенно свыкся» и «несынным моим попечением приведена в наилучшее состояние»); его последний аргумент состоял в следующем: «В армию, в которую я поступаю, много есть бригадных командиров, старших меня в чине, и я легко, будучи начальником дивизии, могу во время действий понабиться под их начальство»⁴. Ясно, что расстановка кадров была

¹ Нарышкина Н. 1812 год, граф Ростопчин и его время. С. 452.

² В письме перед войной к своему приятелю графу П.А. Строганову Багратион опасался интриг своих недоброжелателей и конкурентов в высших кругах армии: Д.С. Дохтурова, М.А. Милорадовича, Н.А. Тучкова (См.: *Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов. Историческое исследование эпохи Александра I*. Т. 3. С. 259).

³ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. IX. СПб., 1908. С. 122.

⁴ Там же. Т. V. СПб., 1904. С. 258–259.

крайне важна в этот период. Во всяком случае, А.Г. Щербатов остался командовать 18-й дивизией, которая очень хорошо себя показала на заключительных этапах наполеоновских войн.

Коснемся кратко и другого вопроса – кто же был истинным общим главнокомандующим в начале кампании 1812 г. Вся документация того периода свидетельствует о том, что во главе армий стоял сам Александр I. Достаточно просмотреть Исходящий журнал для занисывания Высочайших распоряжений с 16 июня по 9 июля 1812 г. и станет ясно, что все командиры корпусов и другие строевые начальники 1-й Западной армии напрямую через чинов свиты получали распоряжения императора, а также были обязаны к нему присылать рапорты помимо Барклая де Толли¹. Хотя сам император предпочитал не объявлять об этом, но фактически он являлся верховным распорядителем и вмешивался во многие вопросы, касающиеся управления войсками, включая все три западные армии². Такая ситуация во многом объяснялась недоверием Александра I к высшим военачальникам.

Еще дореволюционные историки Омельянович и П. Воронов, считали, что фактическим главнокомандующим был Александр I³. Действительно, на основании § 18 «Учреждения для управления Большой действующей армии» Александр I, прибыв к армии, автоматически становился ее главнокомандующим. Этот параграф гласил: «Присутствие императора слагает с Главнокомандующего начальство над армиею, разве бы отдано было в приказе, что главнокомандующий оставляется в полном его действии»⁴. Соответствующего приказа отдано не было.

¹ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XVII. СПб., 1911. С. 264–277. Во 2-й Западной армии помимо П.И. Багратиона император корпусным начальникам приказов не отдавал и рапортов не требовал.

² См. распоряжения и переписку императора с командным составом: Сборник исторических материалов извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 1. С. 1–34.

³ Омельянович. План Пфуля // Военный сборник. 1898. № 2. С. 223–224; Воронов П. Кто управлял русскими войсками в июне 1812 г., после переправы армии Наполеона через Неман // Русская старина. 1912. № 7. С. 163. Эту точку зрения среди современных авторов поддерживал А.А. Подмазо (См.: Подмазо А.А. К вопросу о едином главнокомандующем в 1812 году // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2002. С. 140–146).

⁴ Учреждение для управления Большой действующей армией. СПб., 1812. С. 7.

Барклай де Толли, человек военный, сам принимавший участие в разработке «Учреждения...», строил свои отношения, строго придерживаясь буквы закона. «Меня удивляло, – писал А.С. Шишков, – что государь говорил о Барклае, как о главном распорядителе войск; а Барклай отзывался, что он только исполнитель его повелений»¹. Многие современники, входившие в окружение царя, имели тогда основание считать императора главнокомандующим. Например, флигель-адъютант А.И. Чернышев, достаточно хорошо ориентировавшийся в коридорах власти, находясь в Вильно, написал в поднесенном Александру I проекте: «Так как Его Императорскому Вел-ву угодно было встать лично во главе своих армий...»².

Военный министр от имени императора отдавал приказы другим главнокомандующим, что в некоторой степени ставило его выше П.И. Багратиона и А.П. Тормасова, обладавшими как первые лица в армии абсолютно равными правами. Но в своей армии он не мог чувствовать себя полноправным хозяином и считал себя первым помощником императора. В первом приказе, изданном Барклаем в начале войны, речь шла об Александре I как о начальствующем над армией. В приказе говорилось: «приспело время... предводимым самим монархом, твердо противостать дерзости и насилиям...»³. Не случайно, что в знаменитом письме к Александру I о необходимости его отъезда из армии, его авторы (А.С. Шишков, А.А. Аракчеев, А.Д. Балашев) первую причину видели в том, что «государь император, находясь при войсках, не предводительствует ими, но представляет начальство над оными военному министру, который, хотя бы и называется главнокомандующим, но, в присутствии Его Величества, не берет на себя в полной силе быть таковым с полной ответственностью»⁴.

Фактически же император постоянно вмешивался в управление и старался влиять на ход событий. Такое положение очень устраивало монарха. Неудачи можно было списать на главнокомандующего, а лавры побед всегда присвоить себе. После отъезда в Петербург Александр I осуществлял контроль над войсками, занимался ком-

¹ Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Т. 1. С. 125.

² [Чернышев А.И.] Проект правил о порядке службы дежурных флигель-адъютантов при Его Величестве во время войны // Военный сборник. 1902. № 4. С. 231.

³ Листовки Отечественной войны 1812 года. Сб. документов. М., 1962. С. 21; Столетие военного министерства. Т. III. Отд. 4. СПб., 1907. С. 139.

⁴ Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Т. 1. С. 143; Яценюхин К.М. «В исполнение сего высочайшего нам поручения...» // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историкография. Т. II. С. 192.

плектованием резервов, формированием ополчений, снабжением всем необходимым армий. Все это совершалось через графа А.А. Аракчеева и военно-походную канцелярию (с декабря 1812 г. Собственная Е.И. В. канцелярия) с немногочисленным штатом (в 1814 г. всего 4 чиновника)¹.

Зарапее задаппый сцепарий: жертвы во имя воплощения замысла

Александр I был уверен в неизбежности столкновений внутри генералитета, и он не ошибся. Даже по опыту предшествующих войн, коих было немало в его царствование, редко какая кампания обходилась без личных стычек и мелочных обид среди военачальников. Ничего удивительного в этом не было – в любые времена и во всех странах генеральская среда всегда отличалась повышенной профессиональной конкуренцией и столкновением честолюбий. Но как писал К. Клаузевиц: «Все на войне очень просто, но эта простота представляет трудности. Последние, накопляясь, вызывают такое трение, о котором человек, не видавший войны, не может иметь правильного понятия»².

Можно, не углубляясь в историю российской императорской армии, вспомнить, что нередкими были случаи генеральских раздоров во время войн, которые вела Россия в самом начале XIX столетия. Они носили не только личностный характер или давали многочисленные примеры генеральских обид и нареканий друг на друга, но и отражали борьбу мнений по поводу избрания наиболее правильного образа ведения военных действий. Как верно написал Н.М. Лонгинов С.Р. Воронцову 13 сентября 1812 г.: «...на вопрос ваш о происшествиях в армии, где вы справедливо заключаете, что не без интриг было сначала и доныне, к несчастью и вреду нашему»³.

Сонерничество в недрах генералитета в 1812 году велось в нескольких плоскостях и разных направлениях. Оно затрагивало многие аспекты, в зависимости от ситуации и актуальности возникающих проблем видоизменялось и принимало самые разные формы. На профессиональные, возрастные, социальные и национальные противоречия давил груз личных претензий и неудовольствий генералов

¹ Подробнее см.: Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия Т. 3. С. 364–365.

² *Клаузевиц К.* О войне. Т. 1. М., 1932. С. 57.

³ Архив князя Воронцова. Т. 23. С. 145.

друг другом. Обычные служебные столкновения в военной среде в мирное время в стрессовый период боевых действий чрезмерно усиливались, что и приводило к формированию груннировок недовольных генералов.

Предпосылки будущих генеральских столкновений обозначились еще перед войной, когда развернулась «битва мозгов» между двумя нротивоборствующими сторонами. В России, как и во Франции, в 1810–1812 гг. шла интенсивная подготовка к войне, и в тиши кабинетов разрабатывались стратегия и тактика будущих камнаний. Можно сказать, что военное руководство в России во главе с Александром I нроявило тогда концентуальную нроницательность и нашло обобщающую идею. Главное – смогли выработать нравильный стратегический курс, учитывая нрошлые столкновения с Францией. В этот нроцесс оказалась втянутой лишь часть русского высшего генералитета и штабная молодежь. В их число входили: М.Б. Барклай де Толли, И.Б. Барклай де Толли, П.И. Багратион, Л.Л. Беннигсен, П.М. Волконский, К.Ф. Толь, К. Фуль, Е.Ф. Канкрин, Александр и Евгений Вюртембергские, Л.И. Вольцоген, Ф.Ф. Довре, Г.М. Армфельдт, Ф.П. Уваров, Ф.В. Дризен, И.И. Дибич, П.В. Чичагов, а также большое количество иностранцев. В адрес русского командования ностунило ности 40 нланов достижения нобеды над доселе ненобедимым Нанолеоном¹. Большинство составителей проектов, если не брать в расчет детали, исходили из необходимости отстунления в нервый период войны. Меньшинство (но среди них такие значимые фигуры, как П.И. Багратион, Александр Вюртембергский и Л.Л. Беннигсен) нредлагало настунательные действия на чужой территории. Таким образом, уже перед войной выкристаллизовались два нодхода к нроблеме, между нредставителями этих двух доминирующих точек зрения развернулась борьба. Да и сама нроцедура утверждения нланов нредполагала столкновение составителей. Затрагивались нешуточные вопросы, на кону стояло само существование России как независимого государства.

Комнлекс нредвоенных нроектов нослужил источником, из которого чернал мысли М.Б. Барклай де Толли, на него имнератор возложил основное бремя обязанностей по подготовке к войне. Несмотря на некоторые колебания в выборе пути и средств (из-под нера Барклая выходили и проекты нревентивных настунательных действий), было нринято твердое решение об отстунлении в начале

¹ Подробнее см.: *Безотосный В.М.* Материалы П.А. Чуїкевича // События Отечественной войны 1812 года на территории Калужской губернии. Малоярославск, 1995. С.14–15.

войны. Главная стратегическая идея – необходимость отступления – тогда витала в воздухе, кроме того, она подтверждалась данными разведки о численном превосходстве французских сил.

Барклай как военный министр, единственный из высших генералов имевший доступ к секретным материалам (ему подчинялась Особенная канцелярия, орган русской разведки, через который проходили все разведанные и информация о состоянии русских войск), разработал, а затем с полного согласия Александра I осуществил отход русских войск. Сам план разрабатывался тайно, круг посвященных был ограничен, подавляющее же большинство военачальников не знало о его существовании. Но очевидная на бумаге, теоретическая концепция необходимости отступления вглубь страны при реализации неизбежно должна была встретить непонимание, скорее всего, даже неодобрение со стороны генералов-практиков, воспитанных на суворовских принципах наступательных войн 2-й половины XVIII в.

Александр I вел собственную игру и, будучи фактическим главнокомандующим в первый месяц войны, не считал нужным сообщать даже высшим генералам свои далеко идущие планы. Он предпочитал отдавать приказы и раскрывать лишь детали будущего плана. Но как искушенный политик он прекрасно предвидел возможную негативную реакцию на отступление со стороны генералитета и общества. Подтверждение тому, что царь предугадал будущее, мы находим в его письме к Барклаю от 24 ноября 1812 г. «Принятый нами план кампании, – писал император после свершившихся событий, – по моему мнению, единственный, который мог еще иметь успех против такого врага, как Наполеон... неизбежно должен был, однако, встретить много порицаний и несоответственной оценки в народе, который... должен был тревожиться военными операциями, имевшими целью привести неприятеля вглубь страны. Нужно было с самого начала ожидать осуждения, и я к этому подготовился...»¹. В первую очередь, главным противником разработанного плана тогда выступал главнокомандующий 2-й Западной армии П.И. Багратион. Хорошо известно, что до войны он предлагал осуществить наступательные действия на территорию герцогства Варшавского. Да и в самом начале войны 14 июня этот военачальник выступал не только против соединения двух армий (о чем написал Барклаю), но и просил позволения «с корпусом генерала Платова и армиею, мне вверенною, которой соберется под оружием до 40 тысяч... идти чрез Белосток, Остерленку в Варшаву, поражая и истребляя неприятеля...

¹ Военный сборник. 1904. № 1. С. 234–236.

»¹. Поэтому не надо удивляться его последующей негативной реакции на отступление Барклая.

Но как же подготовился к негативной реакции генералитета на план отступления русский монарх? Вернее, что он сделал, чтобы избежать осуждения действий своей царственной персоны? Александра I вряд ли можно обвинить в отсутствии ума или незнании людей. Как тонкий психолог, он не любил подставлять себя под удары общественного мнения, всегда подстраховываясь и оставаясь в тепле, предпочитал выставлять на общий суд мнимых инициаторов. Как опытный и податливый в интригах политик, он предварительно выбрал для «заклания» ряд фигур. В начале кампании самым подходящим объектом для критики военных кругов стал К. Фуль в связи с его идеей Дрисского укрепленного лагеря. В литературе все-таки считается, что российские войска действовали в первый период войны в соответствии с планом этого генерала, поскольку в то время он пользовался полным доверием императора и считался чуть ли не «военно-духовным отцом государя». Но впуск Екатерины II, прошедший школу придворного лавирования между бабкой и отцом, один из образованнейших людей своего времени, в решающий момент для своего престола, на наш взгляд, менее всего мог доверить составление операционного плана генералу-схоласту, не имевшему ни малейшего боевого командного опыта. Русский царь – многоликий политик, искусный дипломат и интриган – не решился бы вверить столь важное дело и, следовательно, раскрыть всю секретную информацию кабинетному теоретику, даже не владевшему русским языком.

Мнения историков и современников об этом генерале односторонне сходятся на однозвучности его фигуры. Здесь уместно привести свидетельство К. Клаузевица (состоявшего в то время при Фуле и давшего негативную характеристику всей его предшествующей деятельности в прусской армии) об его «изолированном» положении в среде русского генералитета: «Он не знал языка, не знал людей, не знал учреждений страны, ни организации войск, у него не было определенной должности, не было ни какого подобия авторитета, не было адъютанта, не было канцелярии; он не получал рапортов, доносений, не имел не малейшей связи ни с Барклаем, ни с кем-либо из других генералов... Все, что ему было известно о численности и расположении войск, он узнал лишь от императора: он не располагал ни единым полным расписанием, ни какими-либо документами, постоянно справляться с которыми необходимо при подготовительных меро-

¹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. С. 52–53.

приятных к походу»¹. Плап Фуля, который, как известно, так и не получил официального одобрения, отписался к числу проектов, задуманных императором и рассчитанных на обман общественного мнения². Фигура же Фуля была выбрана как самый подходящий и идеальный объект для критики военных и общественных кругов³. Эту ситуацию очень точно подметил пропагандистский Ж. де Местр. По его мнению, это был «пруссак с головой, набитой древней тактикой и тщеславными преданиями; камешника сего припилили здесь за архитектора»⁴. Налицо же имелся требуемый результат – практически не пашлось геперала в Главной квартире, не бросившего камень в «фулев» огород. В составе гепералитета имелся только один геперал адъютант А.П. Ожаровский, которого можно было бы назвать сторонником или почитателем идейного багажа геперала Фуля⁵. Плап Фуля был явной попыткой переложить ответственность за предстоявшее отступление на плечи пруссак-схолоста. Из современных авторов высказавшее мною мнение поддержал даже мой всегдашний оппонент О.В. Соколов, ознакомившись, вслед за мною, с сохранившимися архивными материалами этого геперала⁶.

Возможно, у Александра I, помимо Фуля, имелись и другие кандидатуры, готовившиеся для принесения на алтарь праведного гнева общества и гепералитета. Например, начальник штаба 1-й Западной армии Ф.О. Пауллуччи, которого штабные гепералы буквально «съели» в течение нескольких дней, и он просто не успел стать «козлом отпущения». Таким образом, Александр I умело, как через громот-

¹ *Клаузевиц К.* 1812 год. С. 30–31. Он также писал про Фуля: «Ему приписывалось гораздо более значительное влияние на события, чем это вообще возможно для личности, обладавшего такими качествами... Император понимал, что при таком положении на Пфуля можно смотреть лишь как на отвлеченный ум и что ему нельзя поручить никакой активной роли» (Там же. С. 28–29).

² Это подтверждается и мнением Ф.В. Ростопчина: «Так как московское общество очень склонно к подозрительности и щедро на эпитеты, то бедный Пфуль был первым, которого объявили предателем» (Тысяча восемьсот двенадцатый год в записках графа Ф.В. Ростопчина // Отечественная война 1812 года в воспоминаниях современников. С. 41).

³ Как писал А.А. Закревский: «Проклятого Фуля надо повесить, расстрелять и истерзать, яко вредного человека нашему государству» (Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 229).

⁴ *Местр Ж. де.* Петербургские письма 1803–1817. С. 211.

⁵ См.: *Попов А.Н.* Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский архив. 1892. № 4. С. 437, 440.

⁶ См.: *Соколов О.В.* План Фуля (по первоисточнику) // 1812 год. Люди и события великой эпохи. М., 2013. С. 300–309.

вод, отвел первые удары молний от истинных творцов отступательной стратегии, то есть от себя и от Барклая. Но только на небольшой промежуток времени¹.

Главный «виновник» всех бед и «русская» партия

Вскоре Александр I покинул войска. Перед отъездом в Полоцке русский монарх будто бы заявил Барклаю де Толли: «Поручаю вам свою армию; не забудьте, что у меня второй пет; эта мысль не должна покидать вас»². И, дав приказ Барклаю далее продолжать отход, оставил главнокомандующего 1-й армии один на один с гегералитетом. Военный министр и по совместительству главнокомандующий 1-й Западной армии до этого старался не ввязываться в бушевавшие вокруг Александра I придворные баталии. В доказательство можно привести его письмо жене от 26 июня (8 июля) 1812 г.: «Я редко, вернее даже совсем не бываю в Главной квартире императора, она представляет собой постоянное гнездо паразитов, которые только интригуют, строят козни и склоняют нашего превосходного монарха к нерешительности и недоверчивости. Я заметил уже некоторые последствия нашего непоследовательного поведения»³. И вот против обитателей этого «гнезда» ему и предстояло бороться в первую очередь, в атмосфере интриганства он очень быстро стал вторым объектом для критики, более сильной, чем в отношении Фуля. Именно дальнейшее претворение в жизнь отступательной стратегии в практике боевых действий после соединения двух армий (Барклая и Багратиона) послужило мощным толчком для возникновения в армейских рядах уже настоящей военной оппозиции.

Как блестяще доказал в своей монографии «Неразгаданный Барклай» А.Г. Тартаковский (едва ли не первый, кто так полно описал борьбу гегеральских группировок в июле–августе 1812 г.), взрыв

¹ Можно сослаться на мнение Барклая в первые недели войны, высказанное им в Свяцанах 19 июня (1 июля) 1812 г. в письме жене: «Хотя мы и уступили противнику значительные территории, нам удалось предотвратить осуществление его главного замысла: окружить и разгромить наши корпуса поодиночке» (Письма генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли 1812–1815 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историкография. Т. XI. М., 2013. С. 232).

² Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1900. № 11. С. 351.

³ Письма генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли 1812–1815 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историкография. Т. XI. С. 233.

антибарклаевских пастроений пришелся на период боев под Смоленском¹, где единство действий двух армий требовало уже и единства власти. Если развенчание дрисской затеи Фуля проводилось в узком кругу придворной и штабной сферы под присмотром императора, то в акции против военного министра оказались втянутыми широкие слои офицерского корпуса. Причем этот процесс явно вышел за рамки простой критики, он уже не поддавался контролю со стороны российского монарха из-за его отдаленного пребывания и грозил припять стихийный характер. Первопричиной конфликта в армейских верхах стал профессиональный аспект, но помимо него следует указать и на комплекс застарелых проблем, паложившихся на создавшуюся ситуацию.

Фигура Барклая уже с момента его резкого карьерного подъема в 1809–1810 гг. вызывала большое раздражение высшего генералитета, особенно представителей российской аристократии. Он воспринимался как выскочка, не имевший хорошей дворянской родословной². Приведем здесь пространную оценку положения Барклая в Петербурге, сделанную офицером К. Мартенсом: «Военный министр и его супруга были окружены почти исключительно лифлядцами и по большей части близкими родными... Тот, кто знает Петербург и аристократический тон его высшего общества, легко поймет, что посещая г-жу Барклая, все пасьмехались пасьмеем. Военному министру справедливо ставили в упрек, что он не мог отказать своей супруге ни в чем и что самые песправедливые производства и паграды делались по ее просьбе. В обществе пазывали генерала в пасьмешку тетка Барклая. Император Александр прекрасно знал это, но он был этим доволен, так как всегда придерживался правила соблюдать “Divide et impera” и любил быть окруженным людьми, которые принадлежали бы к аристократической оппозиции»³.

Хотя Барклая в третьем поколении являлся русским подданным, в обществе он воспринимался как инопемец, прибалтийский пемец

¹ *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклая: Легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 42–136.

² Как отголосок этих настроений приведем в пример мнение, изложенное в мемуарах А.П. Ермоловым: «Барклая де Толли долго невидная служба покоряла общему порядку постепенного возвышения и, стесняя надежды, стесняла честолюбие; сознание непосредственных способностей не внушало доверия к самому себе, доверия, могущего открыть пути, от обыкновенного порядка не зависящие» (Записки Алексея Петровича Ермолова. М., 1963. С. 65–66).

³ Из записок старого офицера (К. Мартенса) // Русская старина. 1902. № 1. С. 96–97.

(лифляпдец) или, по выражению Багратиона, «чухопец». Это обстоятельство дало возможность противникам военного министра строить и вести яркую критику («в имени твоём звук чуждый певзлюбя...»), активно используя тезис о «засилье иностранцев». По свидетельству М.А. Фонвизина: «...не довольны чисто говорил он и по-русски, а большая часть свиты его состояла из немцев: всего этого было слишком достаточно в то время, чтобы не только возбудить любовь армии к достойному полководцу, но даже внушить обидное подозрение насчет чистоты его намерений»¹. В этот период национальный аспект в генеральских спорах по внешним признакам вышел на передний план. Но он был во многом обусловлен итоговым раскладом национальных сил в генералитете – только 60 % генералов носили русские фамилии, правда, с единоверцами эта цифра увеличивалась до 66,5 %. Каждый же третий генерал (33 %) имел иностранную фамилию и исповедовал иную религию². Отметим ещё одну любопытную деталь: в русском офицерском корпусе 1812 г., по данным обобщённым Д.Г. Целорунго, посетители иностранных фамилий не превышали 9–11,1 %³. Национальная ситуация на армейском «олимпе» явно отличалась от той, что была в офицерском корпусе.

Тезис «нам без немцев нет спасенья» многими категорично отвергался, здесь сошлись интересы многих русских генералов как титулованных, так и без титулов. Данное неформальное объединение не имело никакой структуры. Связующими звеньями являлись родственные и дружеские отношения. В это время в армии командные посты занимали многие потомки московского боярства и выходцы из столбового дворянства, которые могли поспорить о древности корней своих родов, веками служивших русским царям. На тот момент можно выделить в армейской среде семейные кланы Тучковых, Бороздиных, Бахметевых, Лапских, Олсуфьевых, Давыдовых, Чичериных, Мусип-Пушкиных, Ушаковых, Марковых, Васильчиковых, Мезенцевых, Рылеевых, Репицких, Рахматовых, Лихачевых, Мордвиновых, Шепелевых, Арсеньевых, Аргамаковых, Турчапиновых, Свечиных, Вельяминовых, Талызиных, Вистицких, Потемкиных, Каблуковых, Желтухиных, Кульневых, Князипиных,

¹ Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Т. 2. С. 161.

² Подробнее см.: Безотосный В.М. Национальный состав российского генералитета 1812 года // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 60–71.

³ Целорунго Д.Г. Офицерский корпус русской армии эпохи 1812 года по формулярным спискам. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 248. Он же. Военная карьера офицеров русской армии 1812 года – выходцев из различных регионов России и стран зарубежья // 185 лет Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1997. С. 101–109.

Кутузовых, Деписевых, Ефимовичей, Гурьевых и др. В начале XIX в. русское поместье дворянство уже фактически стало классом родственников, что способствовало образованию питательной среды для формирования «русской» партии.

Чрезмерное засилье иностранцев в генеральской среде неизбежно должно было вызвать внутреннюю реакцию, что и произошло. Патриотический подъем и недовольство иностранцами в высших эшелонах армии и в военном окружении императора уже на начальном этапе войны породили в офицерской среде неформальную группировку, которую можно назвать «русской» партией¹. В целом она выражала интересы офицерской молодежи и генералов с русскими фамилиями. Эта группировка представляла мнение новой генерации российского дворянства, ориентированной на службу. Она не имела четко выраженной идеологии и руководствовалась национальными и узкопрофессиональными взглядами. Обилие иностранцев в штабах и на командных постах вызывало у генералов с русскими фамилиями вполне понятные опасения как за судьбу державы, так и за свою карьеру. В драматических условиях отступления в среде командного состава родилось чувство, что за них уже все решили лица с перусскими фамилиями. Мало того, их мнения не спросили, а принятые решения казались пагубными и грозили трагедией для армии и страны. Если в дворянских кругах и в высшем свете давно велась борьба с галломанией, с которой негласно до начала войны солидаризировались власти, то после отступления двух армий к Смоленску на первый план вышло уже противостояние с «немцами», что подразумева-

¹ В историографии еще не исследованы полностью вопросы о составе, деятельности и идеологии данной группы, не устоялось и ее название. Например, В.В. Пугачев считал, что «русская» партия сложилась лишь после окончания наполеоновских войн и возглавлял ее П.М. Волконский (*Пугачев В.В. Денис Давыдов и декабристы // Труды музея истории и реконструкции Москвы. Вып. VIII. М., 1963. С. 111*). В монографии А.Г. Тартаковского, в которой едва ли не впервые разбираются генеральские распри первого периода войны, эта группировка названа «партией Багратиона» (*Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. С. 83*). Подробнее см.: *Безотосный В.М. Российский титулованный генералитет в 1812–1815 годах // От Москвы до Парижа (1812–1814 гг.). Малоярославец, 1998. С. 9–45*. Современный исследователь А.Ю. Минаков в состав «русской партии» 1812 г. причислил всех известных консерваторов: А.С. Шишкова, Ф.В. Ростопчина, А.А. Аракчеева, Н.М. Карамзина, С.М. Глинку, но деятельность каждого из них рассмотрел по отдельности (См.: *Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. С. 178*).

ло вообще засилье ипострапцев в верхних эшелонах армейского управления.

Возникшая военная оппозиция выдвинула на передний план П.И. Багратиона и использовала его имя как знамя, за которым шли видные военачальники: П.П. Раевский, А.П. Ермолов, М.И. Платов, братья Голицыны, П.А. Шувалов, И.В. Васильчиков, П.П. Коновницын и даже великий князь Константин. Судя по переписке Багратиона, группировка пыталась опираться на консервативные круги высшей бюрократии (А.А. Аракчеев, Ф.В. Ростопчин), а также, вероятно, на «тверской двор» сестры императора великой княгини Екатерины Павловны («тверской полубогини»), собиравший национально ориентированных сапожников¹. Скорее всего, военачальники старались выработать общее мнение и единую позицию, а также добивались, чтобы объединенные войска возглавил Багратион как самый авторитетный генерал. Об этом он сам писал А.А. Аракчееву еще 28 июля 1812 г.: «Вся армия просила меня гласно, чтобы я всеми командовал, но я на сие им ничего не отвечал: ибо есть на то воля Государя моего...»². По сути, что под «армией» Багратион имел в виду генералов, выражавших настроение войск. Но сам главнокомандующий 2-й Западной армии занимал несколько отстраненную и выжидательную позицию, понимая, что все зависит от «воли Государя».

Оппозиционные настроения затронули в основном генералитет и штабные структуры. Большую активность проявляла штабная молодежь – адъютанты всех уровней и офицеры свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, где также было много посетителей иностранных фамилий. Не случайно, что в начале войны в 1-й Западной армии сменилось три начальника штаба. Причем все три назначения состоялись против желания главнокомандующего. Последним же занявшим этот пост был А.П. Ермолов, популярный в офицерской среде генерал (его еще называли «кумиром прапорщиков») и, наоборот, самый известный критик «пемецкого» засилья³. Со временем он стал играть одну из ведущих ролей в

¹ См.: Волкова И. «Принц – человек долга и чести...» // Тверская старина. 2014–2015. № 35. С. 17; Киселев С. Три жизни Екатерины Павловны: великой княгини Романовой (Санкт-Петербург); «Тверской полубогини» – принцессы Ольденбургской (Тверь); королевы Вюртембергской (Штутгарт) // Тверская старина. 2014–2015. № 35. С. 28–32.

² Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VIII. С. 167.

³ «Эти убеждения Ермолова, – писал штабной офицер А.П. Муравьев, – скоро перешли в понятия всех почти русских генералов и лучших офицеров

генеральских интригах и усиленно старался разыгрывать «русскую» карту. Традиционное раздражение у армейского генералитета вызывала императорская Главная квартира и конъюнктурное поведение чинов царской свиты. «И вся главная квартира пемцами паполнена так, что русскому невозможно жить и толку никакого нет...», – жаловался Багратион А.А. Аракчееву в письме от 29 июля 1812 г.¹

Сама по себе чрезвычайная, а по мнению многих, трагическая ситуация сдавала генералитет. В разгар смоленских событий генерал А.П. Ермолов в письме к Багратиону очень удачно выразил общее умонастроение: «Настоящие обстоятельства и состояние России выходят из порядка обыкновенного, полагают на нас обязанностью и отпущение необыкновенные... стремление всех должно быть к пользе общей, это одно может спасти погибающее Отечество наше!»². Справедливости ради отметим, что он неоднократно в письмах к Александру I ставил вопрос о едином главнокомандующем. «Государь! – писал он 16 июля 1812 г. – Необходим печальник обеих армий». 27 июля он фактически повторил написанное: «Государь! Нужно единопачалие!»³. Безусловно, Ермолов ратовал за пазначение на высший пост Багратиона. По поводу своего непосредственного печальника Барклая он высказывался негативно и писал императору 10 августа 1812 г.: «...дарованиям главнокомандующего здешней армией мало есть удивляющихся, еще менее имеющих к нему доверенность, войска ж и совсем не имеют»⁴.

В подобной ситуации для многих было невозможно оставаться безучастным «к пользе общей». «Русская» партия боялась, что Барклаю, не испытывающему священного трепета, национальных чувств к таким русским пазваниям, как Смоленск и Москва, ничего не стоит ради продолжения отступления отдать эти города. Русским генералам казалось постыдным отступить без боя, но еще хуже и по-

и коснулись даже простого ратника, который с пренебрежением отзывался о главнокомандующем, называя его не Барклаем де Толли, а болтай да и только» (Муравьев А.Н. Сочинения и письма. С. 96).

¹ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XVI. СПб., 1911. С. 210; Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VIII. С. 167.

² Приложения к запискам А.П. Ермолова. Ч. 1. М., 1865. С. 179.

³ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 14. Ч. 2. СПб., 1913. С. 11–13, 17

⁴ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 2. С. 417.

зорпей сдавать пеприятелю одним за другим русские селения, не сделав ни одной попытки защитить их.

Поскольку к этому времени российское дворянство фактически представляло класс родственников, то это обстоятельство способствовало патиопально-корпоративной консолидации и выработке единого отношения к происходившим событиям и, в частности, к главному тогдашнему символу «зла» в русской армии – М.Б. Барклаю де Толли. Стоит лишь добавить, что «пемецкой» партии в тот период так и не сложилось.

В 1812 г. лидером военной оппозиции к Барклаю стал главнокомандующий 2-й Западной армии князь П.И. Багратион. Его поддерживала часть старых генералов, имевших служебные претензии к Барклаю, но паниболее активно за него ратовала офицерская молодежь. Она расценивала отход войск в глубь страны, как патиопальный позор. Кроме того, отступление без боев не давало возможности отличиться в сражениях, что являлось немаловажным фактором для любого офицера. Закулисным вдохновителем «русской» партии являлся главный помощник Барклая, его прямой подчиненный – начальник штаба 1-й Западной армии – молодой, очень честолюбивый, энергичный и популярный в офицерской среде генерал А.П. Ермолов, державший в своих руках¹. Именно он писал императору и Аракчееву². Не только сам писал, но подбивал на это своего «благодетеля» Багратиона (так как он молод и ему «Не стапуг верить») и призывал его к решительным действиям: «Пишите обо всем Государю; естли подобных мне не достигаает голос Его престола, Ваш не может быть не услышан». Уверял его в популярности в войсках и поддержке армии: «Славнейшая, столькими делами приобретенная, репутация, падежда, возложенная на доверие и любовь к Вам войск,

¹ Обширное опубликованное эпистолярное наследие А.П. Ермолова в период войн и после дает представление как о характере этого генерала, так и показывает значительный круг его друзей и корреспондентов. См.: Архив князя Воронцова. Т. 36. М., 1890; Сб. ИРИО.Т. 73. СПб. 1890; Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. СПб., 2011. Например, А.С. Меньшиков, разыскивая адрес Ермолова, писал А.А. Закревскому: «Уведомь меня... где обретаается Калностро или Вейсгаупт или Ал. Петрович в сих трех ипостасях один сущий...» (Сб. ИРИО.Т. 78. С. 425).

² Справедливости ради укажем, что в письмах Ермолов достаточно объективно обрисовывал ситуацию, но ратовал за назначение Багратиона: «Государь! Нужно единоначалие, хотя усерднее к пользам отечества, к защите его, великодушнее в поступках, наклонение к приятию предложений, быть невозможно достойного князя Багратиона, но не весьма часты примеры добровольной подчиненности» (Донесения и письма А.П. Ермолова // Русская старина. 1872. № 11. С. 496).

известность всей России, дают Вам право, которое никто другой не имеет, все сие должно заставить говорить и быть услышану»¹.

Идейный багаж и мысли противников Барклая очень быстро нашли понимание и поддержку в среде младшего командного состава. Дело в том, что после Тильзитского мира в армию в массовом порядке устремились юпоши из благородного сословия. Общество отличало осознание, что рано или поздно Россия будет воевать с Наполеоном, что стало совсем очевидным для многих после 1810 г. Именно среди офицерского корпуса зрели все это время реваншистские настроения. Молодые дворяне, одетые в офицерские шпигели, горели желанием помериться силами с французами и отомстить за поражения русских под Аустерлицем и Фридландом. В противовес этому им предлагали отступать, что было неприемлемо для патристически настроенной молодежи. Как оставлять без боя российские города и села? Они мечтали о громких сражениях, подвигах, славе, а отцы-командиры с немецкими фамилиями категорично приказывали отходить в глубь родной страны. Что это было в их понимании? Да форменное предательство!²

Поддерживала военную оппозицию Барклаю в первую очередь штабная молодежь, на которую легко воздействовал генералитет, они просто перенимали и усваивали образ мыслей своих старших начальников, что невозможно было скрыть в штабах. Но, вероятнее всего, большинство офицеров, тянувших лямку в полках, никаким образом не участвовало в этой борьбе, составляя своеобразный резерв скрытой оппозиционности Барклаю, поскольку, бесспорно, общие симпатии были на стороне Багратиона. Можно утверждать, что и общественное мнение дворянских кругов в тылу активно высказывалось против Барклая³. Достаточно привести за этот период выдержки из писем М.А. Волковой к В.И. Лапской, которые без сомнения являлись отголосками настроений в армии: «Барклай, который по службе моложе Платова, Багратиона и двенадцати генерал-лейтенантов, которые у него под командою, заведует всем войском и так себя ведет, что возбудил к себе всеобщую ненависть»; «Вести неприятны, но можно надеяться, что, когда удалят подлых начальников, ход дел изменится... Не можешь вообразить, как все и везде пре-

¹ См.: Чтения ОИДР. 1861. Кн. III. С. 217–222.

² Приведем характерную тогда реакцию на сдачу Смоленска штабного полковника А.А. Закревского: «Теперь мы не Русские, оставляем город старый» (Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 230).

³ «Барклай – туфля, – писал своему брату Константиноу из Москвы 13 августа 1812 г. А.Я. Булгаков, выражая общее мнение дворянских кругов, – им все недовольны; с самой Вильны он все пакостит только» (Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. С. 299).

зируют Барклая. Да простит ему Бог и даст сознать и раскаться во всем зле, которое он сделал»¹.

В то же время нельзя утверждать, что «русская» партия смогла объединить все антибарклаевские элементы в армейской среде. Не только у военного министра, но и у главнокомандующего 2-й Западной армией имелись противники. Например, вряд ли можно причислить к возникшей оппозиции (по утверждению некоторых авторов) командира 3-го пехотного корпуса генерала Н.А. Тучкова (вероятно, и его двух младших братьев, имевших генеральские эполеты). Он действительно не жаловал Барклая, но в то же время пахотился в неприязненных отношениях и с Багратионом. Вот как в более поздний период (на перевязочном пункте после Бородинской битвы) описал их взаимоотношения М.С. Воронцов: «Эти два человека в молодости были друзьями по оружию, затем – соперниками и, наконец, врагами; они сухо приветствовали друг друга накануне сражения, а затем увиделись вновь в этом месте, чтобы скоро опять встретиться в мире ином»².

В литературе также хорошо известен конфликт Барклая с великим князем Копштапином, в результате которого цесаревич дважды высылался из армии (вероятно, по заранее полученному согласию от императора)³. Но фигура брата царя, солдафонство которого было, по словам Ж. де Местра, «сущее бедствие для армии», неоднородно воспринималась многими горячими сторонниками Багратиона, тем более что его не без основания подозревали к принадлежности к партии «мира»⁴. Другой факт: молодой генерал А.И. Кутайсов, не связанный никакими «партийными» пристрастиями, специально был делегирован к Барклаю группой генералов, чтобы убедить того не отдавать Смоленск противнику⁵. Но в этой акции вряд ли можно заметить след «русской» партии.

¹ Дней прошлых гордые следы. Переписка Марии Аполлоновны Волковой. 1812–1813 годы. М., 2012. С. 92, 98.

² Записки генерала М.С. Воронцова // 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. С. 278.

³ См., например, описание одного из конфликтов в воспоминаниях А.Н. Муравьева (*Муравьев А.Н. Сочинения и письма*. С. 103–104). О высылке Константина из армии Г.И. Вилламов в дневнике дал сноску на письмо императора: «у них с Барклаем это было дело решенное» (*Дневник статс-секретаря Григория Ивановича Вилламова // Русская старина*. 1912. № 7. С. 92).

⁴ Местр Ж. де. Указ. соч. С. 195, 219.

⁵ Из памятных записок Павла Христофоровича Граббе. М., 1873. С. 56–57; *Попов А.И.* От Смоленска до приезда Кутузова в армию // *Русская старина*. 1893. № 12. С. 507–508.

Генеральский заговор или легитимная военная оппозиция?

В свое время А.Г. Тартаковский квалифицировал создавшуюся ситуацию как генеральский заговор против Барклая¹. Да, безусловно, многие демарши военной оппозиции против главнокомандующего 1-й Западной армии проводились в тайне, хотя борьба с высшим начальством вообще не характерна для военной среды. Но по нашему взгляду, деятельность «русской» партии в целом не выходила за рамки существовавшего законодательства. Она во многом была продиктована несовершенством тогдашних военно-юридических норм.

Обычно, так или иначе, исследователи интерпретируют спор о старшинстве Барклая и Багратиона, приводя иногда самые неожиданные аргументы. Необходимо четко обозначить, что Багратион был старше Барклая в чине – оба произведены одним приказом от 20 марта 1809 г., но в списке по старшинству он стоял впереди, следовательно, мог требовать подчинения себе младшего по чину в тех случаях, когда не имелось высочайшего приказа о назначении единого главнокомандующего. Он же добровольно подчинился младшему Барклаю. Во-первых, 1-я Западная армия по численности в два раза превосходила 2-ю армию; во-вторых, Барклай как главный разработчик плана отступления (а не только как военный министр) пользовался большим доверием императора, нежели Багратион².

Юридически такое подчинение никак не было зафиксировано. На это была лишь добрая воля Багратиона, однако он в любой момент мог отказаться выполнять приказы Барклая, и по закону никаких претензий ему не было бы предъявлено. Юридический парадокс заключался в том, что в отличие от всех предыдущих военных регламентов, предусматривавших подчинение, исходя из принципа старшинства, «Учреждение для управления Большой действующей армии» 1812 г. падало их абсолютно равными правами. Каждый в своей армии являлся полноправным хозяином и несет ответственность только перед императором³. Об этом неоднократно упоминал

¹ Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай. С. 79–93.

² Как писал сам Багратион в письме к А.А. Аракчееву 15 августа 1812 г.: «Министр на меня жаловаться не может; я не только учтив против него, но повинуюсь как капрал, хотя старше его. Это больно» (Бумаги, относящиеся к Отечественной войне 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VIII. С. 169).

³ М.Б. Барклай де Толли писал в оправдательной записке: «В свое время два главнокомандующие двух соединенных армий равно зависели от Вашего Императорского Величества и равно уполномочены были властью, принадлежащею к сему сану; каждый имел право непосредственно доносить Ваше-

Багратион в своей переписке: «Я хотя старее министра и по постоянной службе и должен командовать, о сем просила и вся армия, по папаше нет воли Государя и я не могу без особенного повеления на то приступить»¹.

Учитывая это обстоятельство, бездоказательно звучит мнение некоторых историков, что Барклай возглавил войска, поскольку являлся военным министром². В данном случае палица попытка модернизации понятий далекого прошлого по аналогии с современной действительностью. В те времена военный министр являлся всего лишь администратором с хозяйственными и инспекторскими функциями без права отдавать приказы главнокомандующим и вмешиваться в дела полевого управления войсками. Так, например, главнокомандующий русскими войсками в войну со шведами в 1808–1809 гг. граф Ф.Ф. Буксгевден направил резкое послание тогдашнему военному министру графу А.А. Аракчееву, пытавшемуся вмешиваться в дела управления его армией. В нем автор доказывал незаконность «вторжений в область ведомства главнокомандующего» и блестяще «представил разницу между главнокомандующим армией, которому государь поручает судьбу государства, и ничтожным царедворцем, хотя бы он и назывался военным министром»³. Позже письмо получило рукописное распространение в общественных кругах⁴.

му Императорскому Величеству и располагал по своему усмотрению вверенною армией» (*Барклай де Толли М.Б. Изображение военных действий 1812 года.* С. 10).

¹ *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 97. В другом письме он писал: «Отнять же команду я не могу у Барклая, ибо нет на то воли Государя» (Там же. С. 99).

² К примеру, даже такой маститый историк, как Н.А. Троицкий, писал, что «как военный министр Барклай был вправе от своего имени или даже от имени царя давать указания командующим другими армиями» (*Троицкий Н.А.* 1812: Великий год России. М., 1988. С. 92).

³ *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. С. 331. Этот эпизод В.Р. Марченко описал следующим образом: «Граф Буксгевден, главнокомандующий финляндскою армией, отставлен за то, что партикулярным письмом просил с большею внимательностью к правде делать ему замечания» (Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко // Воспоминания современников эпохи 1812 года. С. 28.)

⁴ Вот что написал про Буксгевдена А.И. Михайловский-Данилевский: «Думаю, что он был бы давно забыт, если бы не осталось после него смелого письма к страшному и всецельному тогда военному министру графу Аракчееву, которое находится в руках у всех и содержит в себе упреки временщику в надменном его поведении, излишних взысканиях и присвоении себе власти требовать отчеты от главнокомандующих, между прочим граф Буксгевден спрашивает Аракчеева: «знает ли он, что такое значит главнокомандующий?»

В пачале войпы главнокомандующий Молдавской армией П.В. Чичагов прямо паписал к Александру I, что отказывается выполнять распоряжения из военного ведомства без подтверждения императора и просил «предупредить военного министра, чтобы он не посылал мне приказаний от своего имени, – я их не приму». Как военный министр Барклай мог объявлять Высочайшие повеления любым генералам, но практически не пользовался этой возможностью. В своей оправдательной записке царю он писал по этому поводу: «Я имел особое право, в качестве военного министра, объявлять Высочайшую волю Вашего Императорского Величества, но в делах столь важных, в делах, от коих зависела участь всей России, я не дерзал употребить сего права без Высочайшего соизволения»¹. Сам Барклай никогда не позволял себе отдавать приказы другим главнокомандующим и даже в разгар военных событий, «видя необходимость действовать согласованно», как он писал в письме к императору от 26 июля, «мог выразить генералу Тормасову токмо частным письмом мое желание, чтобы он поддался, насколько возможно, вперед»².

Багратион же с момента соединения армий под Смоленском вроде устно добровольно подчинил себя Барклаю. Но в письме от 26 июля он писал императору о «готовности моей быть в команде, кому благоугодно будет подчинить меня»; в письме от 29 июля он уже говорил, «мысля о пользе общей и исполняя волю Вашего Императорского Величества, чтобы действовать соединенными силами, следуя движениям вверенной мне армии распоряжениям военного министра, который, требуя моих мнений, не согласуется опытным»; а после оставления Смоленска решил уже откровенно пожаловаться на Барклая, что министр «со стороны своей уклоняется вовсе следовать в чем-либо моим мнениям и предложениям»³. То есть коллективное руководство двумя армиями двумя военачальниками было явно неудачным. ...

В силу сложившихся обстоятельств «русская» партия приложила максимум усилий, чтобы ее услышал единственный человек, от кото-

(Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 313).

¹ Барклай де Толли М.Б. Изображение военных действий 1812 года. С. 10.

² Попов А.И. Славянская заря в 1812 году // Русская старина. 1892. № 12. С. 620; Кизеветтер А.А. Исторические очерки. С. 335; Военный сборник. 1903. № 11. С. 255.

³ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 14. Ч. 1. СПб., 1913. С. 48, 53, 66–68.

рого полностью зависела ситуация в верхах, – Александр I. С этой целью императору писали письма все, кто имел такое право (Багратион, Ермолов), воздействовали через отправлявшихся в Петербург генерал-адъютантов (П.В. Голепищев-Кутузов, П.А. Шувалов). Особо постоянно выражали свое недовольство в переписке с видными сапожниками – Аракчеевым (зная, что содержание станет известно царю) и Ростопчиным. Последний мог в собственной интерпретации пересказать суть в своих письмах к монарху, по самое главное – влиять на общественное мнение Москвы¹. Багратион прямо писал об этом Ростопчину: «Прошу вас меня защитить перед публикой, ибо я не предатель, а служу так как лучше могу. Я не имел намерения вести неприятеля в столицу и даже в границы паши, по не моя вина...»².

«Русская» партия в целом боролась легитимными методами. Она отнюдь не скрывала своих целей, действовала под влиянием и в рамках негласного поворота внутриполитического курса. Можно назвать лишь одно исключение, которое могло иметь негативные последствия для сторонников Багратиона. В этот период военная оппозиция попыталась оказать прямое давление на Александра I не только с целью назначения подходящего для генералов главнокомандующего, но и удаления от дел некоторых лиц в правительственной сфере. Находившийся в Смоленске проездом в Петербург британский генерал Р. Вильсон «нашел наших русских генералов в открытом несогласии с главнокомандующим за то, что он уступил столько губерний неприятелю и не предпринял никаких мер для защиты линии Днепра». Он, имея в армейской среде еще с 1807 г. много друзей, увез, по его словам, «горячие мольбы всей армии открыть Императору правду». Генералы решили, что англичанин будет «наиболее подходящей особой для сообщения Его Величеству всех чувствований армии; приятие им на себя подобной миссии не вызовет никаких подозрений и позволит избежать какие-либо нарушения субординации, равно как и личное недовольство»³. Британский генерал имел с русским монархом в столице продолжи-

¹ Даже в отчетах III отделения указывалось: «Во времена Императрицы Екатерины II высшее московское общество представляло собой как бы особый род аристократической республики и руководило общественным мнением» (Россия под надзором: Отчеты III отделения 1827–1869. М., 2006. С. 18).

² Дубровин Н. Указ. соч. С. 99.

³ Вильсон Р.Т. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. М., 2008. С. 118; Попов А.Н. От Смоленска до приезда Кутузова в армию // Русская старина. 1893. № 12. С. 509–510.

тельную беседу, касавшуюся, как он выразился в своем дневнике, «деликатных предметов». Не называя конкретных фамилий генералов, Вильсон сформулировал их желание, чтобы российский самодержец помимо назначения общего главнокомандующего (к этому времени он уже был назначен) лишил «доверенности неадекватных советников». Речь шла об увольнении от должности министра иностранных дел графа Н.П. Румянцева-Задупайского, ответственного в глазах общества за доверенную профранцузскую политику. Генералы опасались, что партия «мира» в Петербурге (вдовствующая императрица Мария Федоровна, великий князь Копенгаген, А.А. Аракчеев, тот же Румянцев) пойдет на заключение мирного соглашения с Наполеоном. Об этом писал Багратион Ростопчину 14 августа: «Слух пошел, что канцлера потребовали в Петербург и что думают наши как бы помириться. Чего доброго от Румянцева и Аракчеева все стать может. Боже сохрани! тогда паде всякому офицеру спать мундир». Примерно то же самое писал Багратион и А.А. Аракчееву 15 августа: «Слух пошел, что вы думаете о мире, чтобы помириться. Боже сохрани... Вы поставите всю Россию против себя и всякий из нас за стыд поставит носить мундир»¹.

Уязвленный Александр I (военные попытались вмешаться в далекую от них гражданскую сферу) все-таки не пошел на поводу у оппозиционного генералитета (его требования подозрительно совпадали с британскими интересами) и вынужден был лишь попросить отправлявшегося в армию Вильсона довести до апошних друзей его бескомпромиссную позицию, что «он никогда не войдет в какие-либо переговоры с Наполеоном до тех пор, пока хоть один вооруженный француз будет оставаться в русских пределах». В то же время он уполномочил английского генерала «использовать все свое влияние ради защиты императорских интересов во всех обнаруженных им случаях или замыслов нарушений оных»². Заграничный гость впоследствии не преминул воспользоваться правом выступать в роли защитника интересов Российской, а также и Британской империй. Генералитет также просил Вильсона переговорить с Александром I о

¹ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VIII. С. 168. Нечто подобное мы найдем в письме А.П. Ермолова к П.И. Багратиону: «Боюсь, чтобы опасность, угрожаемая древней столице нашей, не заставила прибегнуть к миру, но это — мера малодушных и робких» (Приложение к запискам А.П. Ермолова. Ч. I. С. 181).

² Дубровин Н. Указ. соч. С. 96; Вильсон Р.Т. Дневник и письма 1812–1813. СПб., 1995. С. 50, 135–136, 255–258; Вильсон Р.Т. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию... С. 118–122.

пазпачепии пового главнокомапдующего, по этот важпейший для армии вопрос уже оказался окопчительно решепным до его приезда в Петербург.

Кутузов: «Избрание, сверх воинских дарований»

Отход в 1812 г. русских войск в глубь страпы вызывал педовольство как в армии, так и в обществе. В правительствеппых сферах крепло убеждение в пеобходимости скорейшего пазпачепия едипого главнокомапдующего «всеми пашими действующими армиями». Еще до сдачи Смоленска Петербург был выпужден решать этот паболевший для армий вопрос о пазпачепии едипого главнокомапдующего. В копечпом итоге все замыкалось па императоре, а тот чувствовал ответственность за пазпачепие Барклая де Толли. И пакопец, он отважился па шаг, апалогичный совершеппому 17 марта 1812 г. (ссылка М.М. Сперапского), чтобы успокоить дворянское обществоппое мпеие, крайпе педовольное событиями в армии¹. На военные действия активно влиял «дворянский патриотизм». В этот период борьба мпеий в генеральской среде по поводу способа действий окопчительно переросла в столкповения личпостей и группировок. Нужно было пе только отрешить Барклая от высшего комапдования, но и пайти ему приемника, который бы полностью удовлетворил консервативное дворянство и пазпачепие которого с энтузиазмом восприяли бы общественные круги. Полагаю, что высший свет Петербурга (как и Александр I) пе только предполагал, но и знал, кто будет выбрап.

Собравшийся для этой цели 5(17) августа Чрезвычайный комитет по избранию состоял из высших саповпиков империи (председатель Н.И. Салтыков, члены комитета А.Д. Балашев, С.К. Вязмитипов, В.П. Кочубей, П.В. Лопухин). Двое из последних являлись сугубо штатскими лицами, остальные пе имели боевого опыта и больше подходили под категорию военных администраторов. Это доказыва-

¹ Вот как описал в мемуарах эту ситуацию Ф.В. Ростопчин: «В это же время московское общество... начавшее верить в возможность занятия Москвы неприятелем, решилось для своего утешения, обозвать бедного Барклая изменником. Эти толки дошли до Петербурга, государь – главным образом для того чтобы подчинить все одной власти и придать ей более авторитета – назначил Кутузова; Москва же приписала это уважению государя перед общественным мнением» (Тысяча восемьсот двенадцатый год в записках графа Ф.В.Ростопчина // Отечественная война 1812 года в воспоминаниях современников. С. 67).

ет тот факт, что одип из самых важнейших вопросов для империи предполагалось решать политическим способом¹.

Единственное заседание комитета состоялось в доме Салтыкова и продолжалось с 19 до 22 час. 30 мин. По поручению Александра I прибывший па него А.А. Аракчеев ознакомил членов комитета с рапортами П.И. Багратиона и М.Б. Барклая де Толли за период до 30 июля, а также с частными письмами генералов П.И. Багратиона, Ф.Ф. Випцигероде, А.П. Ермолова, Э.Ф. Сеп-При, К.Ф. Толя, П.А. Шувалова. Ростопчин позже вспоминал, что во время пахождения армий в Смоленске в Москву проездом в Петербург прибыл генерал-адъютант П.В. Голепищев-Кутузов: «Потом уже я узнал, что многие видные генералы поручили Кутузову просить о замене Барклая князем Багратионом по причине несогласий, господствовавших между ними, и недостатка деятельности в нашей армии»². Этот же генерал-адъютант привез просьбу Александру I группы генералов, что они «желали бы видеть во главе армии – Петра Палена»³. Об этом есть прямое свидетельство самого Александра I. Он в письме к своей сестре Екатерине Павловне писал следующее: «Мой адъютант Кутузов сказал, что в армии считают Барклая и Багратиона одинаково неспособными командовать такими большими массами и что желали бы видеть во главе армии Петра Палена»⁴. Император, таким образом, знал, что в армейских кругах есть достаточное количество воепачальников, помнящих и уважающих опального руководителя заговора 1801 г. К сожалению, фамилии генералов, имевших такое мнение, остались вышесенными за скобки, или П.В. Голепищев-Кутузов не сообщил их Александру I, по то, что по-тепциально партия «Палена» существовала в рядах генералитета, не вызывает сомнения.

Для примера приведем выдержки из письма, написанного генерал-адъютантом П.А. Шуваловым и оказавшего, вероятно, большое впечатление па императора: «Если Ваше Величество не пазпачите одного главнокомандующего армиями, то заверяю Вас честью и совестью, что наши дела можно считать погибшими безвозвратно. Они

¹ Как написал Н.А.Троицкий, «в Чрезвычайный комитет вошли не просто “важнейшие”, но и довереннейшие сановники императора» (*Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты. С. 146*).

² *Нарышкина Н. 1812 год, граф Ростопчин и его время. С. 460.*

³ *Колюбакин Б.М. Избрание Кутузова главнокомандующим над всеми армиями, приезд его и первые дни его деятельности // Русская старина. 1912. № 7. С. 6.*

⁴ *Николай Михайлович, вел. кн. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. С. 87.*

с каждым днем стаповятся все хуже и хуже. Войска педовольпы до такой степени, что ропщут уже солдаты; они не имеют пикакого доверия к их главному пачальпику... Геперал Барклай в очепь дурных отпощениях с князем Багратионом, и последний имеет полное право быть педовольным... Начальник главного штаба геперал Ермолов, пемсмотря на пламенную ревпость к службе, которая известна Вашему Величеству, не может предотвратить зла при таком пачальпикике... Нужеп другой главнокомандующий, одип пад обеими армиями. Неоппоходимо, чтобы Ваше Величество пазпачали его пемедленно, ипаче – погибла Россия. Припадаю к ногам вашим и умоляю об этом, – позволяю себе сказать, – от лица паших армий»¹. Примерпо в таком же ключе, но уже с указанием кандидатуры пакашупе писал императору и Ростопчин: «Москва желает, чтобы командовал Кутузов и двипул ваши войска; ипаче Государь, не будет единства в действиях...»²

А.Г. Тартаковский в своей монографии привел весьма цепные выдержки из неопубликованных «Собственпоручных записок» члена комитета А.Д. Балашева, в которых этот свидетель данных событий утверждал, что сам император паметил повестку и порядок вопросов совещания, также поставил вопрос о пребывании Барклая на занимаемых постах военного министра и главнокомандующего 1-й Западной армией³.

После обсуждения зачитанных писем члены комитета «единогласно признали, что бывшая доселе недеятельность в военных операциях происходит от того, что не было пад всеми действующими армиями положительной единоначальной власти», и было предложено для объединения усилий российских армий пазпачить «одного общего главнокомандующего», полагая, что подобное пазпачение «должно быть основопо... на известных опытах в военном искусстве, отличных талантах, на доверии общем, а равно и на самом старшинстве». Затем комитет, исходя из указанных принципов («общем доверии» и «старшинстве») рассмотрел кандидатуры шести претендентов на высший пост Л.Л. Беннигсена, П.И. Багратиона, Д.С. Дох-

¹ Цит.по кн.: *Попов А.Н.* От Смоленска до приезда Кутузова в армию // Русская старина. 1893. № 12. С. 514–515.

² Письма графа Ф.В. Ростопчина императору Александру Павловичу // Русский архив. 1892. № 8. С. 444..

³ См.: *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай. С. 135. Указ об увольнении Барклая от должности военного министра был подписан 24 августа 1812 г. (*Попов А.Н.* Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры // Русская старина. 1897. № 7. С. 113).

турова, А.П. Тормасова, П.А. Палепа, М.И. Голенищева-Кутузова и единогогласно одобрил последнюю.

Окончательный выбор был предопределен несколькими факторами. Нужно сказать, что список представленных кандидатур уже тогда был маловат. Из шести предложенных кандидатов двое – Палеп и Беппигсеп – считались «пемцами», по это обстоятельство пикого пе смущало. Окончательный выбор (М.И. Кутузов) объясняется следующим образом. Во-первых, учитывалось общественное пастроение, во-вторых, предварительное пегласное утверждение Кутузова па этот пост самим императором. Полагаю для этой цели, чтобы члепы комитета пичего пе перепутали, специально и был прислан Аракчеев. Он дал понять, как и за кого пужно голосовать.

Александр I предпочел прямо пе высказываться о воепачальниках, а предоставил озвучить свое мпение коллегиальному органу, па который всегда можно было возложить отвествепность за выбор. Комитет состоял из опытных царедворцев и саповников – они очень быстро и правильно поняли, чего желает государь. Возможно, и их личные симпатии склонялись в сторону светлейшего князя. Думаю, что и двух основпых потенциальных копкурептов Кутузова – Бешпигсепа и Багратиона – Александр I пикогда бы пе утвердил, Дохтуров и Тормасов пе имели репутацию опытных полководцев, а Палеп, пе говоря даже о его репеме «цареубийцы», вообще пе служил после 1801 г. и мог потерять павык¹.

Хорошо известно, что Александр I по многим причипам пе был благосклонен к старому полководцу. «Император пикогда пе выпосил его», – писал в своих записках А.Ф. Ланжерон². Обычно комментирова этот факт, историки приводят цитаты из писем императора своей сестре великой княгине Екатерине Павловне с объяснением произошедшего. Но тут важны даты, поскольку в зависимости от них топ и аргументация Александра менялись. В письме от 8 августа (в момент пазпачения Кутузова) он писал к сестре: «Я был выпужден, изложив все обстоятельства пебольшому специально собраппому мпой для этой цели комитету, пазпачить главнокомандующего всеми

¹ Вот что о Палене писал осведомленный Н.М. Лонгинов: «Здесь Немцы кричат за Палена... Теперь Немцы опять за Палена, с тех пор как Москва потеряна; но, испытывая генералов, как Барклая, можно и армию, и империю потерять сразу; ибо Пален кроме бригады век ничем не командовал, а что до головы его, которую так славят, то не всякая голова способная к революции может управлять армиею против Бонапарта» (Из писем Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1912. № 4. С. 546).

² Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1907. № 9. С. 273.

армиями; взвесив все осповательпо, оспавились па Кутузове, как па старейшем и как человека, под пачальством которого паходил возможным служить Беннигсен, поскольку их связывали дружеские отпопения. Вообще Кутузов пользуется большим расположением общества, здесь и в Москве». Но вот 18 сентября, уже после сдачи Москвы топ его измепися, и оп откровенпо оправдывался, стараясь отклонить все обвинепия против себя за это избрание: «В Петербурге я увидел, что решительно все были за пазначение главнокомандующим старика Кутузова; это было общее желание. Зная этого человека, я вначале противился его пазначению, по когда Ростопчин письмом от 5 августа сообщил мне, что вся Москва желает, чтобы Кутузов командовал армией, паходя, что Барклай и Багратион, оба неспособны па это... мне оставалось только уступить единопдушному желанию, и я пазначил Кутузова. Я и теперь думаю, что при тех обстоятельствах, в каких мы тогда паходились, я не мог поступить иначе. Я должен был оспавить свой выбор па том, па кого указывал общий голос»¹.

По не оставляет сомнения, что оп не только дал согласие па это пазначение, вынужденный считаться с общественным мнением, выраженным дворянством (как это трактуется в литературе – «впяв гласу верного своего парода»), по и зарание (с середины июля) искуспо подготавливал его кандидатуру для запятия такой важной должности. Этот выбор был определен шагами самого императора: 15 июля последовал рескрипт Кутузову об организации корпуса для обороны Петербурга, помимо этого, 15 и 17 июля были объявлены решения дворянских собраний об избрании Кутузова пачальником Московского и Петербургского ополчений, 29 июля вышел указ императора о возведении его в княжеское достоинство с титулом светлости, 31 июля был издап рескрипт о подчинении ему всех военных сил в Петербурге, Кронштадте и Финляндии, 2 августа последовал указ о его пазначении членом Государственного Совета. Не случайно еще за несколько дней до заседания комитета 2 августа 1812 г. следивший за пастроениями в обществе И.П. Оденпаль пророчески утверждал: «Кутузова сделали светлейшим; да могли ли его сделать лучезарнее его деяний? Публика лучше бы желала его видеть с титулом генералиссимуса. Все уверены, что когда оп примет главное пачальство над армиями, так всякая позиция очутится для русского солдата превосходною»². Как видим, оп в целом не ошибся в своем прогнозе событий.

¹ *Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. С. 82, 87.

² Письма И.П. Оденпаль к А.Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах // *Русская старина*. 1912. № 8. С. 165.

Вся эта череда пазпачепий и почестей свидетельствовала о том, что Александр I как тонкий и умный политик предвидел возможность высокого положения Кутузова в будущем, ибо другие кандидатуры на этот пост, по самым разным причинам, устраивали его еще меньше. Кутузов обладал двумя качествами, возмещающими все его недостатки: во-первых, он был русским по национальности, а во-вторых (и это самое главное), он являлся одним из старейших боевых генералов. «Сей остальной из стаи славной екатеринских орлов» в «Списке генералитету по старшинству» на 24 июня 1812 г. значился восьмым по счету. Но все семь старших его генералов из-за преклонных лет, болезней или отсутствия боевого опыта даже не могли считаться его конкурентами. Укажем нумерацию старшинства остальных: А.П. Тормасов – 14, Л.Л. Беннигсен – 17, П.И. Багратион – 23, М.Б. Барклай де Толли – 24, Д.С. Дохтуров – 28. Уволенный со службы П.А. Палеп вовсе не числился. Не случайно звучала и аргументация при пазпачении: в первую очередь его «избрание сверх воинских дарований», основываясь «и на самом старшинстве»¹. Таким образом, родилась формула пазпачения: «волей государя и желанием пации».

Комитет также полагал «предоставить на волю» военному министру М.Б. Барклаю де Толли остаться при действующих армиях под началом Кутузова, либо возвратиться в С.-Петербург, сдав командование 1-й Западной армией². При этом члены комитета предлагали «в обоих случаях... уволить его от звания военного министра», передав управление Военным министерством генералу А.И. Горчакову. Вместе с членами Чрезвычайного комитета это постановление подписал и Аракчеев (не будучи членом комитета). 6(18) августа А.И. Горчаков доложил постановление Александру I, 8(20) августа император припал Кутузова в Каменпоостровском дворце в С.-Петербурге и в ходе аудиенции известил его о новом пазпачении. В тот же день оно было оформлено в виде официального рескрипта³.

¹ М.И. Кутузов. Т. IV. Ч. 1. М., 1954. С. 5–9, 47–48, 51–53, 71–74; Синельников Ф.М. Жизнь фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова. С. 205. Например, М.Б. Барклай де Толли чуть позже писал императору: «Назначение более старого генерала для командования над всеми армиями было необходимо мерой, которой желал и я сам». (Труды императорского Русского Военно-исторического общества. Т. VI. Кн. 2. СПб., 1912. С. 13).

² Не исключено, что на его место предполагался Л.Л. Беннигсен. См.: Из писем П.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1912. № 4. С. 492.

³ Приезд нового главнокомандующего приветствовался и в столицах, и в провинции. «Весь народ в радости от назначения Кутузова», – писал своему брату Константину москвич А.Я. Булгаков, а затем процитировал ходившие

Сохранилось немало свидетельств о том, что принцип старшинства во взаимоотношениях генералов все еще играл огромную роль. Так, 9 августа тот же Кутузов сообщал, что генерала от инфантерии И.С. Свечина не утвердили в должности пачальника Новгородского ополчения. Причиной отказа прозаическая: его прямым пачальником был уже «пачпачеп генерал, младший его старшинством». Приведем другой показательный пример. После ранения П.И. Багратиона в Бородинской битве на должность главнокомандующего 2-й армии пачпачили Д.С. Дохтурова, но на следующий день он был замепен М.И. Милорадовичем. Вот как сам Дохтуров описывал это событие в письме к своей жепе: «...во время последнего сражения командовал 2-ю армиею на место князя Багратиона, как он был ранен, после же сражения когда Кутузов узпал, что я моложе Милорадовича, то очень передо мною извинаясь, что должеп армию, как старшему, препоручить ему. Я не был сим пимало оскорблен, ибо по старшинству сие следует, между тем я командовал сею армиею во время страшного сего сражения и увереп, что дело свое сделал хорошо и заслужил уважение целой армии». «Кто не служил в армии, тот не может постигнуть, сколь прискорбно паходиться в команде младшего, редкие могут сие постигнуть», – считал адъютант Кутузова А.И. Михайловский-Данилевский. А такое случалось в боевой практике 1812 г., вследствие чего происходили скапдалы. Можпо припомнить имевший громкий резонапс инцидент с казачьим генерал-майором И.К. Красновым, которого во время боев под Смоленском подчинили младшему в чине генерал-майору И.Г. Шевичу (произведен в этот чин на два года позже, чем Краснов). Получивший от своего подчиненного рапорт, возмущенный атаман М.И. Платов сделал А.П. Ермолову запрос, составленный фактически в виде жалобы: «Обида, Господином Красновым описываемая... не только для него, но и для меня и даже всего войска, очень чувствительна... прошу Вас приказать в подобных случаях по военному списку выправляться о старшинстве Господ Генералов, во избежание обиды, от подчинения старшего младшему чувствуемой»¹.

Среди генералитета господствовал устойчивый стереотип, что старшинство в чине – выше старшинства в должности, по крайпей

по рукам стихии: «Не бойся боле Барклая-де-Толли; Идет Кутузов бить французов» (Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. С. 299, 301).

¹ М.И. Кутузов. Т. IV. Ч. 1. С. 66; Русский архив. 1874. Кн. 1. Стлб. 1098–1099; Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 340; Приложения к запискам А.П. Ермолова. Ч. 1. С. 206–207.

мере, чип должеп был соответствовать должности¹. Но па практике это не всегда выдерживалось. Например, если младший в чипе генерал получал в командование корпус, а старший оставался дивизионным командиром (а такие случаи были нередкими и в 1812 г.), то это воспринималось как нарушение субординации и негласных норм.

Новый главнокомандующий помимо того, что он был самым старым из всех дееспособных полных генералов империи, единственный имел титул светлейшего князя. Такое титулование не только отличало его от всех генералов, но и усиливало старшинство. Этот фактор, а также концентрация почти неограниченной власти в одних руках внешне утихомирили генеральские страсти, хотя и не уменьшили количества недовольных. «Русская» партия не добилась поставленных целей, но у нее выбили главный козырь. Во главе армий был поставлен полководец с русской фамилией, имевший как ученик и продолжатель дела знаменитого А.В. Суворова популярность в армии, а также пользовавшийся поддержкой консервативных кругов дворянского общества. Кроме того, пропала даже видимая легитимная возможность вести какую-то борьбу. Субординация и дисциплина препятствовали этому, оставалось лишь выражать недовольство в частных разговорах². Тем не менее, как засвидетельствовал К. Клаузевиц, «относительно боевой репутации Кутузова в русской армии не имелось единого мнения:ряду с партией, считавшей его выдающимся полководцем, существовала другая, отрицав-

¹ Вот как, например, сравнивал Н.М. Лонгинов только что в 1810 г. получивших генерал-майорский чин М.С. Воронцова и Э.Ф. Сен-При: «Оба произведены в генералы в один день; но граф Сен-При, быв старший по списку полковник, и теперь сохранил старшинство в списке, почему и почитается начальником отряда, что в Сислове» (Архив князя Воронцова. Т. 23. С. 52–53).

² Здесь уместно привести реакцию Барклая де Толли на это событие, зафиксированное в его письме жене 16(18) августа: «Что касается сообщения о назначении князя Кутузова, то это в высшей степени важно, так как сам император не командует, а главнокомандующий всех армий необходим. Но будет ли этот выбор счастливым, знает любимый Бог. Что касается меня, то я слишком патриот, чтобы чувствовать себя задетым. Кроме того, я презираю мелкие интриги, которые могли сыграть свою роль, ибо остаюсь в полном убеждении, что никто не служил императору более преданно и самоотверженно, а, пожалуй, и с большей пользой, чем я. Окончание этой кампании подтвердит это» (Письма генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли 1812–1815 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. XI. С. 234). Нужно сказать, что и Багратион, отлично понимал, что «надо командовать одному, а не двум» (Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VIII. С. 168).

шая его военные таланты; все, однако, сходилось на том, что дельный русский человек, ученик Суворова, лучше, чем ипохондрик...»¹. Генерал Н.И. Лавров, командовавший 5-м корпусом, 30 августа 1812 г. написал А.А. Аракчееву: «По приезде Кутузова армия оживотворилась, ибо прежний с замерзлой душой своей, замораживал и чувства всех его подчиненных»².

Семёновский офицер А.В. Чичерин записал в своем дневнике: «Итак, прибыв к армии, светлейший был встречен как спаситель. Дух армии сразу поднялся, и там где Барклай не мог рассчитывать на свои войска, Кутузов с уверенностью полагался на храбрость солдат»³. Но с назначением Кутузова не произошло изменения в тактике, армии продолжили отступление. Появление нового главнокомандующего вызвало воодушевление в войсках. Говоря об этом, как и многие мемуаристы, участник событий Н.И. Ладыгин писал: «...знаю только, что немало ослабил Г. Кутузов таковым отступлением тот необыкновенный восторг и то разъяренное рвение, которыми пылало войство в первые дни прибытия его к армии... скажу только, что если бы сражение да по было не сходя ни на шаг с места, по приезде Г.[-] Кутузова, то не только бы мужество войск наших и ярость на врагов несколько не уменьшилась, но даже бы возросла...»⁴.

Но с прибытием Кутузова к войскам кардинально изменился расклад сил в армейских верхах. По свидетельству Ж. де Местра, новый главнокомандующий перед отъездом из Петербурга извещал желание определить на место начальника штаба маркиза Паулуччи де Ронколе, и даже договорился с ним об этом. Но в последний момент все же предпочел выполнить решение Чрезвычайного комитета об употреблении Л.Л. Беннгиса («по собственному усмотрению») и отдал эту ключевую должность данному генералу, до того состоявшему при Особе Его Величества без определенных обязанностей. Раскрипт о назначении Беннгиса был подписан в тот же день, 8 августа, Александром I. Кутузов же встретил его по дороге в армию в Торжке и уговорил занять это место. Беннгис следующим образом описал свою реакцию и возникшие сомнения: «Честолюбие и особое самолюбие, которое не может и не должно никогда покидать военпо-

¹ Клаузевиц К. 1812 год. С. 86.

² Аглаилов С.И. Отечественная война 1812 года: Исторические материалы лейб-гвардии Семёновского полка. С. 463.

³ Пушкин П.С.: Дневник 1812–1814 годов; Чичерин А.В.: Дневник 1812–1813 годов. С. 308.

⁴ Замечание на войну 1812 года генерала Ладыгина // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историкография. Т. XIII. М., 2015. С. 399.

го человека, впушало мне пежелание служить под пачальством другого геперала после того, как я был уже главпокомапдующим армиею, действовапшею против Наполеона...». Кутузов же сослался на «желание Государя». Скорее всего, эта идея принадлежала самому императору, он не особеппо жаловал обоих воепачальпиков, не доверял полностью ни одному из них, но, учитывая их личные качества, предпочитал держать вместе для взаимного контроля. Нахождение под одной крышей этих двух маститых гепералов, претепдовавших на лавры полководцев и придерживавшихся совершенно противоположных методов ведения войны, очень скоро, как показали дальнейшие события, превратили их из друзей с 40-летним стажем в непримиримых конкурентов и противников. Именно их взаимоотношения определили развертывание последующей борьбы в геперальской среде. В целом при оценке новой ситуации оказался в какой-то степени прав не любивший и хорошо знавший в этом отношении Кутузова Багратион: «теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабы и интриги»¹.

Тут необходимо сказать, что Кутузов, прибыв к войскам, пошел там двух главпокомапдующих со своими штабами; он привез третьего пачальпика штаба (ставшего под ними) и пачал формировать свой Главный штаб. Он, видимо, отдавал себе отчет в неудобстве такого военного управления с разными штабами. Но быстро изменить ситуацию не мог. Хотя Беннигсен и считался пачальпиком Главного штаба, Кутузов с самого пачала попытался ограничить его влияние через своих доверенных лиц. Первоначально он использовал своего зятя – полковника князя Н.Д. Кудашева, назначенного исполнять должность дежурного геперала, и своего доверенного лица полковника П.С. Кайсарова. Близость к светлейшему и влияние на него этих двух молодых полковников на первых порах вызывало неудовольствие со стороны гепералитета. Вскоре они были замечены, на первые роли вышли П.П. Коновницын и К.Ф. Толь, действия которых оказались более профессиональными и эффективными. Они сумели за короткий срок взять в свои руки все нити управления армейской жизнью и постарались изолировать Беннигсена².

¹ *Де Местр Ж.* Указ. соч. С. 220; М.И. Кутузов. Т. IV. Ч. 1. С. 73; *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 70–71; *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 101.

² В письме от 9 ноября 1812 г. к Александру I Беннигсен следующим образом оценивал ситуацию: «Причина произошедшего недоразумения и всевозможных неприятностей, которые я должен был терпеть, заключается в поведении полковника Толя, считающего себе за оскорбление, если он должен нести службу под моим руководством... единственно ему мы обязаны неуспе-

Появился и другой фактор – важнейшую и ключевую должность в войсках стал занимать приведший пополнение перед Бородинским сражением М.А. Милорадович, один из старейших полных генералов. К Кутузову он отнесся лояльно, хотя позволял себе критические высказывания в его адрес, но вряд ли полностью разделял взгляды «русской» партии. К тому же у него имелся солидный груз личных претензий к Багратиону, что проявилось после оставления Москвы, когда 2-я армия поступила под его начало. Вот как вспоминал С.И. Маевский этот момент: «Милорадович встретил штаб его длинною и несвязною речью, делал колкости памяти покойного Багратиона...».

Кроме того, главнокомандующий 3-й Обсервационной армии А.П. Тормасов после объединения его армии с частями адмирала П.В. Чичагова был переведен в Главную квартиру¹. Первоначально он планировался на место вышедшего из строя Багратиона, а затем принял командование над войсками Главной армии, исключая авангард и отдельные отряды. За короткий срок своего пребывания при Кутузове он фактически не успел себя проявить и не занимал какой-либо особой позиции в генеральских интригах². Тормасов, по свидетельству А.И. Чернышева, «весьма оскорбился своим перемещением»³ и, уезжая из 3-й Обсервационной армии, передал коман-

дом Бородинского сражения и большой потерей, понесенной нами в нем – его мнение одержало верх над моим...» (Письма Беннигсена императору Александру в Отечественную войну // Военный сборник. 1904. № 2. С. 238–239).

¹ См.: Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 11. СПб., 1902. С. 140. В письме от 1 сентября 1812 г. к А.П. Тормасову Александр I писал, что при Бородино «к всеобщему сожалению генерал от пехоты князь Багратион ранен пулею в ногу. По сему обстоятельству Я нахожу нужным перемещение ваше к 2-й армии необходимым» (Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XVII. С. 369; Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 2. С. 6).

² Мой век или история генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8. С. 144; РГВИА. Ф. 29. Оп. 153а. Св. 28. Ч. 36. Л. 4. Позже, в личном разговоре с А.П. Тормасовым, Александр I попытался объяснить причины его удаления к Главной армии и назначением П.В. Чичагова над войсками 3-й и Дунайской армий: «...я думал, что он, как личный враг Наполеона, будет действовать с полной энергией; я ошибся. Тормасов отвечал на это: “Государь, и я никогда другом Наполеона не был”» (Цит. по: Отечественная война и русское общество. Т. 3. М., 1912. С. 109).

³ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 10. С. 271–272.

вание Чичагову, по, «сохрания ее целостность как отдельной армии, передал исправление своей должности старшему из генералов Маркову, подчинив его адмиралу. Это обстоятельство возбудило пререкания, и Марков должен был удалиться в Большую армию»¹.

Необходимо объяснить в данном случае, что иногда имелось в виду под названием «Западная армия». Так, генерал И.В. Сабанеев в письме П.М. Волконскому в январе 1813 г. писал: «Дунайская армия по соединению с 3-ю Западной составила одну под именем Западной армии...»². Сам П.В. Чичагов по этому поводу писал в 1812 г.: «После отъезда Тормасова я принял печальство над обеими армиями под названием Западной армии»³. Во всяком случае, в делопроизводительной документации в конце 1812 г. и первой половине 1813 г. чаще всего некоторое время встречается наименование «Западная армия».

Бородино – «равен был неравный спор»: битва генералов

Главным военным событием кампании 1812 года стало Бородинское сражение. Не будем специально останавливаться на конкретных результатах и последствиях этой битвы. Это дело специалистов-историков. На наш взгляд, очень верно эту ситуацию описал К. Клаузевиц: «Мы никогда не могли понять, почему люди так жадно добивались какого-то объяснения Бородинского сражения. Одни недоумевали, почему Кутузов отошел, раз он был победителем, другие – почему Наполеон не разгромил полностью русских»⁴.

Но не зря это сражение, ставшее судьбоносной вехой в истории страны, современники называли еще и битвой генералов. Достаточно вспомнить потери с обеих сторон в командном составе: у русских были убиты или смертельно ранены четверо (П.И. Багратион, А.И. Кутайсов, Н.А. Тучков, А.А. Тучков), ранены и контузии получили 23 генерала; в войсках Наполеона убитыми и умершими от ран выбыли из строя 12 генералов, ранены один маршал и 38 генералов; в плен с каждой из сторон попало по одному генералу. Причем потери среди генералов Кутузов попытался использовать для обоснования дальнейшего отступления. 29 августа он писал в рапорте императору: «Баталья, 26-го числа бывшая, была самая кровопролитнейшая

¹ Попов А.Н. От Малоярославца до Березины // Русская старина. 1877. № 9. С. 51–52.

² См.: Война 1813 года. Материалы ВУА.Т. 1. С. 28.

³ Цит. по: Попов А.Н. От Малоярославца до Березины // Русская старина. 1877. № 9. С. 54.

⁴ Клаузевиц К. 1812 год. С. 95.

из всех тех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами одержано совершенно, и неприятель ретировался тогда в ту позицию, в которую пришёл нас атаковать. Но чрезвычайная потеря, и с нашей стороны сделавшая, особливо тем, что перераны самые пужные генералы, припудила меня отступить по Московской дороге»¹.

Интерес для нашей темы вызывают и награды, данные генералитету за эту генеральскую баталию. Если Кутузов сразу же по получении первого донесения о битве, «спасшей Москву», был немедленно произведен императором в генерал-фельдмаршалы и награжден 100 тыс. рублями², то основной контингент генералитета еще долго дождался наград. Представления о них были подписаны Кутузовым и направлены в Петербург лишь 29 сентября 1812 г.³ Этот обширный награжденный список из 50 генералов также был не сразу подписан Александром I, кроме того, император внес шестнадцать поправок, многим понизив уровень наград, шестеро были произведены в генерал-лейтенанты. Подробно логику и резоны всех этих награждений Александром I проанализировал С.А. Экиштут⁴. Так, Д.С. Дохтуров 9 сентября 1812 г., упоминая в письме жене свое поздравление Кутузову с получением фельдмаршальского чина, добавил: «Увидим, что мы получим; вероятно, немного»⁵. И в целом оказался прав.

Хотя, оговоримся, в этом списке тогда были представлены далеко не все генералы, участвовавшие в сражении. Сам процесс награждения затянулся на годы, кому-то изменили награды, кто-то умер, не дождавшись их, тогда посмертно не награждали. Специалисты обыч-

¹ Бородино: Документальная хроника. М., 2004. С. 129–130.

² В указе от 31 августа 1812 г. было сказано, что «за знаменитый Ваш подвиг в отражении главных сил неприятельских» мы «возлагаем на вас сан генерал-фельдмаршала, жалует вам единовременно сто тысяч рублей и повелеваем супруге вашей быть Двора Нашего статс-дамою» (Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 1. С. 79–80).

³ Там же. С. 265.

⁴ См.: Экиштут С. Служил примером отличной храбрости: Генеральские награды за Бородино // Родина. 2012. № 6. С. 43–50. Автор считал: «Ни один из генералов, отмеченных за Бородино, не был доволен полученной наградой. Почти все роптали на скудность высочайших пожалований» (Там же. С. 49). Сам список см.: Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VII. С. 137–148.

⁵ Письма Д.С. Дохтурова к его супруге // Русский архив. 1874. № 5. Стлб. 1000.

по вспоминают лишь экстраординарный случай, когда не наградили за Бородину двух полных генералов – Ф.П. Уварова и М.И. Платова. Это было связано с низкой оценкой Кутузовым результатов предпринятого рейда кавалерии под командованием этих генералов против левого фланга неприятеля. Этот вопрос до сих пор дискутируется в литературе. Помня о том, что Уваров являлся самым близким тогда генерал-адъютантом императора, Кутузов в отдельном представлении на генерала А.С. Чаликова выпущен был специально отписать по поводу его: «...я имею долг присовокупить вашему императорскому величеству, что генерал-лейтенант Уваров по усердию своему к службе вашего величества, сколько не желал в сражении 26 августа при Бородине что-либо важное предпринять с полученным ему корпусом, но не мог совершить того, как бы ему желалось, потому что казаки, кои вместе с кавалерийским корпусом должны были действовать и без коих не можно ему было приступить к делу, в сей день, так сказать не действовали»¹. В таком закомфлированном виде Кутузов высказывал свои претензии даже не к Уварову, а демонстрировал раздражение по поводу Платова, к которому имел давние недовольства, еще с русско-турецкой войны². Адъютант Кутузова А.И. Михайловский-Данилевский прямо утверждал про Платова: «...в оба дня Бородинского сражения, где дело шло об участи России, он был мертвецки пьян, что я видел собственными глазами»³. Вследствие твердого мнения на тот момент о казачьем предводителе в армейских верхах и штабах все казачьи генералы не получили награждения за Бородину (Н.Д. Иловайский, А.А. Карпов, Д.Е. Кутейников, В.В. Орлов-Денисов), как и многие принятые из отставки или ополченческие генералы (Е.И. Оленин, Н.А. Саблуков, И.С. Одоевский, В.Н. Чичерин, Н.А. Чичерин, П.П. Пассек, А.И. и Ф.И. Талызины), а также военачальники, имевшие незавидную репутацию в армии (И.И. Палицын, О.И. Бухгольц). Не совсем ясно, почему без награждения остались такие генералы, как П.П. Бахметьев, Х.И. Трузсон, И.Д. Цыбульский, получившие ранения в этой битве⁴.

¹ М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV. Ч. 1. С. 219.

² Подробнее см.: *Безотосный В.М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году: Малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. М., 1999. С. 77–84.

³ Из воспоминаний Михайловского-Данилевского: 1817 год // *Русская старина*. 1897. № 8. С. 349.

⁴ См. списки награжденных участников также в: *Бородино: русское поле. Русские полки. Русские офицеры*. М., 2010.

Первое крупное столкновение генеральских амбиций на профессиональной почве состоялось при Кутузове во время исторического военного совета в Филях, решавшего судьбу Москвы. Причем национальный аспект, столь явный еще совсем недавно, вообще отсутствовал, хотя именно «немцы» играли все первые роли. Парадоксальный факт: позицию на Воробьевых горах выбрал и предложил К.Ф. Толь, а главными спорщиками-оппонентами по уже неоднократно поднимавшемуся вопросу «сражаться или отступать» стали Барклай и Беннигсен. Генералы с русскими фамилиями как будто забыли о своей национальности и в весьма драматической ситуации выпущенные были присоединиться к одной из точек зрения, высказанной «немцами». Лишившись Багратиона в Бородинской битве, «русская» партия уже не могла выступать консолидированно. Ее представителям не удалось даже сформулировать свое понимание ситуации. В большинстве своем они (допускавшие на совет) поддерживали мнение Беннигсена о необходимости нового генерального сражения во имя спасения первопрестольной столицы. Но сама личность Беннигсена вызывала у многих генералов раздражение. Особенно резко выступил на совете против выхода из Гатчинера А.И. Остерман-Толстой, имевший родственные связи с М.И. Кутузовым¹. И это обстоятельство (кроме здравого смысла) не позволило объединиться и выступить организованно против идеи отступления Барклая. Кутузов как мудрый политик, инициировавший обмен мнениями, занял самую удобную в тех обстоятельствах позицию. Он встал над схваткой и выступил в роли судьи с заключительным вердиктом о неизбежном оставлении Москвы. Он писал императору 4 сентября 1812 г.: «...в таком крайнем сомнительном положении, по совету с первестствующими нашими генералами, из которых некоторые были противного мнения, должен был я решиться попустить неприятеля взойти в Москву»².

Многие генералы – участники совета впоследствии сильно переживали «уступление» Москвы, сетовали, оправдывались или пахотились в подавленном состоянии. Гостивший у П.П. Коповицына в начале 1813 г. А.И. Михайловский-Данилевский вспоминал: «Редкий день проходил без того, чтобы он не упоминал мне о сем обстоятельстве, присовокупляя каждый раз: “Я не подавал голоса к сдаче Москвы и в военном совете предложил идти на неприятеля”».

¹ См. подробнее: Смирнов А.А. «Я – Солдат»: Хроника жизни Александра Ивановича Остермана-Толстого. С. 79–82.

² Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. I. М., 1897. С. 95.

Д.С. Дохтуров по горячим следам в письме к жене 3 сентября писал: «...я в отчаянии, что оставляют Москву. Какой ужас!.. Какой стыд для русских покинуть отчизну без малейшего ружейного выстрела и без боя. Я взбешен, по что же делать?.. Какой позор! Теперь я уверен, что все копчепо, и в таком случае ничто не может удержать па службе; после всех пеприятностей, трудов, дурного обращения и беспорядков, допущенных по слабости пачальников, после всего этого ничто не заставит меня служить; я возмущен всем, что творится!..»¹.

В противоположность этому, Ф.В. Ростопчин позже (задним числом) в своих мемуарах написал, что Кутузов «оказал мне большую услугу, не пригласив меня па неожиданный Военный совет; потому что я тоже высказался за отступление, а он стал бы впоследствии ссылаться па мое мнение, для оправдания себя от парекапий за отдачу Москвы». При этом московский главнокомандующий добавил, что па совет в Филях не были приглашены родственники императора, находившиеся при армии, герцоги генерал от инфантерии А. Вюртембергский и генерал-лейтенант герцог П.Ф.А. Ольденбургский, они настаивали па необходимости дать сражение, по их после совета не пустили к Кутузову, поскольку тот уже спал². Вероятно, Кутузов предполагал бесполезность присутствия па совете Ростопчина, его командный военный опыт был минимальный («безумный Федька», как его ранее прозвали, в чине капитана-поручика участвовал только в войне с турками); А. Вюртембергский не имел в России репутации боевого генерала, а у 29-летнего герцога П. Ольденбургского вообще отсутствовал боевой опыт. Для решения основополагающего вопроса Кутузовым па совет были приглашены только генералы-практики.

Что же касается Барклая, то он никогда не скрывал своего мнения. Так, уже после оставления армии в письме к жене от 1(13) октября 1812 г. он писал: «Ты хочешь знать, правда ли то, что я выступал за оставление Москвы. – Да! – и я падеялся благодаря этому спасти армию, а с пей – государство, ибо благодаря руководству генерала Бенигсена армия оказалась бы под Москвой в такой позиции, что паверняка была бы не просто разгромлена, а полностью уничтожена. Нет никакого сомнения в том, что правильнее было оставить Москву и спасти армию, ибо поскольку существует последняя, существует и

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 314; Русский архив. 1874. № 5. Стлб. 1098–1099.

² Тысяча восемьсот двенадцатый год в записках графа Ф.В. Ростопчина // Отечественная война 1812 года в воспоминаниях современников. С. 90, 92–93; Нарышкина Н. 1812 год, граф Ростопчин и его время. С. 175–176.

государство, по если погибла бы армия, то с пей погибла бы и Россия... Наполеон вскоре сам должен либо отступить либо он окажется в опасности более не вернуться назад, разумеется, при полной перешительности и бездеятельности наших знаменитых полководцев»¹.

В данном случае стоит согласиться с рассуждениями К. Клаузевица о мужестве на войне, которое может быть двух родов: «во-первых, мужество в отношении личной опасности, а во-вторых, мужество в отношении ответственности перед судом какой-нибудь внешней власти, или же внутренней – совести»². В этой драматической ситуации высшее гражданское мужество проявил и Барклай в течение всего первого периода войны, и, безусловно, Кутузов, принявший окончательное решение о сдаче Москвы. И прав оказался тот же К. Клаузевиц, который считал, что «часто именно в сердце своей страны обороняющийся может оказаться всего сильнее, когда сила наступления противника уже истощится, а оборона с невероятной мощью вдруг перейдет в наступление»³. В конечном итоге спасло Россию духовная способность русских полководцев на самопожертвование – мужественное поведение Барклая де Толли и мужественный шаг Кутузова, оба не убоились недружественной молвы и потери репутации.

Отдачи без боя Москвы французам никак не ожидало дворянское общество (только верховная власть в лице императора была морально готова к такому повороту), оно не могло примириться с позорным для национального самолюбия решением. Новый взрыв общественного недовольства уже был направлен против Кутузова и московского главнокомандующего Ф.В. Ростопчина, в тот момент также возросло недоверие к правительственным кругам. Узнав о сдаче Москвы (даже не от Кутузова), император 7 сентября отправил в Главную армию своего доверенного генерал-адъютанта П.М. Волконского, чтобы узнать о состоянии дел⁴.

¹ Письма генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли 1812–1815 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историкография. Т. XI. С. 235–236.

² *Клаузевиц К.* О войне. Т. 1. С. 37.

³ Там же. С. 166.

⁴ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 2. С.18.

Интриги в Тарутинском лагере: «недоумение в нолководцах наших»

Вновь геперальские страсти разыгрались уже после оставления Москвы во время движения к с. Тарутино и пахождения армии в Тарутинском лагере, где пакопец отступление армий было приоставлено. А.С. Пушкип как-то обропил страппую, па первый взгляд, фразу о том, что М.И. Кутузов оставался в «мудром деятельном бездействии в Тарутине»¹. Артиллерийский офицер Н.Е. Митаревский очень хорошо описал «не блестящий, но грозный вид Тарутинского лагеря, запинавшего ничтожное прострапство в громадной России, по участь всей России заключалось в нем...»² Имеппо там впервые запамепитым поэтом В.А. Жуковским, поступившим в Московское ополчение, был написан и прочитан «Певец во стапе русских воипов», основными героями этого произведения, как известно, стали русские гепералы, имеппо им посвящались поэтические строки. В самом деле русская армия получила необходимую передышку, по главнокомапдующий и его воепачальпики продолжали активно действовать, правда, не па поле брани. Основным местом действия стали армейские штабы, где бушевали пешуточные страсти, разыгрывались различные закулисные комбинации, а причина таилась в оскорбленном честолюбии и пепомерных амбициях гепералов. «Я в Главную Квартину почти не ежду, – писал 7 октября Н.Н. Раевский своему дяде А.Н. Самойлову, – она всегда отдалена. А более для того, что там интриги партий, зависть, злоба, а еще более во всей армии егоизм, не смотря па обстоятельства России, о коей пикто не заботится...»³.

¹ Один из первых историков 1812 г. и участник событий А.И. Барклай де Толпи первым назвал этот период «победительным бездействием в лагере при Тарутине» (Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XXI. С. 393.). Тема нахождения в Тарутинском лагере затронута в двух статьях, посвященных зарождению идейных исканий и общественных организаций в офицерском корпусе во время передышки в Тарутинском лагере. См.: *Лотман Ю.* Тарутинский период Отечественной войны 1812 года и развитие русской общественной мысли // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 139. Труды по русской и славянской филологии. VI. Тарту, 1963; *Ульянов А.И.* Очаг вольнодумства // Отступление Великой армии Наполеона из России. Малоярославец, 2000.

² Рассказы об Отечественной войне Николая Евстафьевича Митаревского // Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. М., 2008. С. 277.

³ Личные письма генерала П.И. Раевского // 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Баграциона. С. 228.

С.Н. Глипка про Тарутинский период написал так: «Было недоумение в полководцах наших»¹. Высший генералитет и штабная молодежь (вольподумцы с адъютантскими аксельбантами) «за глаза» много критиковали нового главнокомандующего. По словам Ф.В. Ростопчина, после оставления Москвы его пазывали то «предатель», то «темпейший», «генералы в бешепстве, а офицеры громко говорят, что стыдно посить мундир», «Кутузов хуже мертвого»². Как считал Н.М. Лонгинов, Ростопчин «был особеппо рассержен тем, что его не допустили ни на одип из военпых советов, собиравшихся до оставления Москвы. По мпепию военпых, его и пельзя было допускать из боязни поставить в целовкое положение его самого и безопасность армии»³.

Это позже историки положительно опишут «гепиальный замысел» и «блестящий Тарутинский марш-маневр». А многие простые участпики этих событий тогда пегативно оцеливали происходящее, бестолковые и противоречивые приказы, проводящие к непродуктивным и непопятным для войск передвижениям. При Кутузове произошел разлад в управлении войсками из-за несогласованности действия штабов разного уровня. Кроме того, фактически парушался порядок армейской организационной структуры. Вместо четкой системы полк – бригада – дивизия – корпус, стали создаваться мелкие сборные отряды для выполнения различных задач. В них входили падерганпые из разпых частей небольшие подразделения. Ярким примером такого рода являлись создаваемые при Кутузове армейские партизанские отряды (немного казаков, немного гусар, немного егерей и т. п.).

Можно процитировать прощальное письмо М.Б. Барклая де Толли к Кутузову при отъезде из Тарутино в Петербург: «Решимость оставить армию, с которой я желал жить и умереть, мне стоит многих сожалений». Дальше он откровенно обрисовал все недостатки в управлении, постарался, обращаясь к фельдмаршалу, «обратить ваше внимание на все дурное, которое вкралось в армию или без ваше-

¹ Глипка С.Н. Записки. С. 300.

² Ростопчин Ф.В. Письма к своей супруге в 1812 г. // Русский архив. 1901. № 8. С. 464, 468, 470. Ростопчин, стараясь всячески очернить Кутузова, явно стущал краски, кроме того, распространял в армии копию своего письма (составленного в язвительном тоне) к Кутузову, она ходила в рукописном виде и, по словам А.А. Шаховского, вредила «доверенности подчиненных к начальнику, от которого зависела судьба России» (Воспоминания князя А.А. Шаховского // Русский архив. 1886. № 11. С. 395–396).

³ Из писем Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1912. № 5. С. 45–46.

го соизволения, или не могло быть вами замечено. Управление армией, так хорошо устроенное, в настоящее время не существует. Ваша светлость печальствуете и даете приказания, но генерал Беннигсен, и все те, которые вас окружают, также дают приказания и отдают по своему произволу отряды войск, так что тот, кто носит звание главнокомандующего, и его штаб, не имеют об этом никаких сведений...». Далее он подробно описал беспорядки в системе функционирования армии¹.

Передышка в военных действиях объединила в одном месте две армии и собрала, по мнению Ю.М. Лотмана, «цвет мыслящей молодежи, рассеянной в разных условиях по столицам, поместьям...»². Очень многие офицеры понимали, что эти решения и явный беспорядок в управлении являлись отголоском противоречий и личностных столкновений в стане высшего командования. А.А. Закревский писал в письме к М.С. Воронцову, сообщая ему о ситуации в Главной квартире армии: «Беспорядки и небезопасность князя Кутузова и Беннигсена всех с ума сводят и приводят, как парочку, армии паши к совершенному истреблению... Сверх сих двух полководцев распоряжаются многие, а наиболее из достойнейших Кайсаров, князь Кудашев и тому подобные, которых есть достаточное количество»³.

Приведем оценку деятельности армейских штабов в тот период из письма дежурного генерала 2-й Западной армии полковника С.П. Марии лечившемуся от рапы генералу М.С. Воронцову: «Армии паши соединены, и вторая исчезла вместе со своим печальником, но и первая без командира: ибо Михаил Богданович за болезнь получил высочайшее повеление от армии удалиться; следовательно, мы, как овцы, без пастыря. Ермолов не хочет служить или лучше не хочет быть печальником генерального штаба, да и имеет все права. Представь себе, что здесь никто ничего не знает; отряды ходят и рапортуют прямо Коповницкому, и ни слово в дежурство, как будто в чужой армии. Часто кричал ты, что у нас беспорядок; но я мог тебе дать отчет всякую минуту, где какой казачий пост находится, здесь же, напротив, целые полки неизвестны»⁴.

¹ См.: Попов А.Н. Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры // Русская старина. 1897. № 7. С. 115. В письме к императору от 24 сентября 1812 г. он, перечисляя все имевшиеся недочеты в армии, уже обвинил в плохом управлении не только Беннигсена, но и Кутузова (Там же. С. 118–120).

² Лотман Ю. Указ. соч. С. 9.

³ Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 234.

⁴ Там же. Т. 35. С. 465.

На активное общение офицерской молодежи и появившееся свободное время, особенно в адъютантской среде, влияли даже обрывки разговоров их недовольных военачальников, явно демонстрировавших фронтерство (младшие всегда берут пример со старших). Особую активность проявлял состоявший при Бенингсене полковник и флигель-адъютант С.С. Голицын. «Наш главный штаб [Бенингсена], – записал в своем дневнике 9 октября 1812 г. Н.Д. Дурново, – также в открытой войне с главным штабом фельдмаршала. Можно ли надеяться победить неприятеля, пока происходит междоусобная война! Сплетни князя Голицына много способствуют поддержанию разгласий между старыми генералами... Я хорошо знаю, что князь Сергей – зачинщик всех гадостей, которые только можно сделать»¹. Не только молодежь, но и многие генералы отписались к Бенингсену с симпатией, например А.П. Ермолов и Евгений Вюртембергский. Так, последний в письмах 1810 г. отзывался о нем как о человеке очень талантливом и имевшем «широкий военный кругозор»².

Среди тех генералов, кто неодобрительно или негативно отзывался о М.И. Кутузове, были многие известные лица и герои 1812 года: П.И. Багратион, М.Б. Барклай де Толли, Л.Л. Бенингсен, А.П. Ермолов, М.И. Платов, Н.Н. Раевский, Д.С. Дохтуров, А.Ф. Лапжеров и др. Помимо личных и старых служебных обид генералы ставили ему в вину чисто профессиональные упущения: проигрыш Бородинского сражения, оставление Москвы без боя, разлад армейской системы управления, пассивность и бездеятельность в ведении военных действий³. В дописках, поступавших из Тарутино в Петербург, фигурировало и обвинение в том, что главнокомандующий спит по 18 часов в сутки. Весьма любопытно на это заявление отреагировал генерал Б.Ф. Кнорринг: «Слава Богу, что он спит, каж-

¹ Дурново Н.Д. Дневник 1812 г. // 1812 год... Военные дневники. С. 99.

² Канун Отечественной войны 1812 года: Письма принцев Георга Гольштейн-Ольденбургского и Евгения Вюртембергского И.И. Сабину. 1809–1812 гг. // Исторический архив. 2005. № 3. С. 190.

³ Вот как, например, писал крайне раздраженный Ф.В. Ростопчин 9 сентября 1812 г.: «Кутузов не показывается, он спит и ест один, возит с собой девочку, одетую казаком, и представляет свои обязанности двум бездельникам» (*Ростопчин Ф.В.* Письма к своей супруге в 1812 г. // Русский архив. 1901. № 8. С. 468). Прибывший к армии английский генерал Р.Т. Вильсон вспоминал, что «Ростопчин не давал никому спать своими жалобами на Кутузова за его оставление Москвы без “договоренного уведомления”» (*Вильсон Р.Т.* Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию... С. 161).

дый день его бездействия стоит победы». Не менее оригинально и живо тот же генерал отреагировал на другое обвинение («возит с собою переодетую в казацкое платье любовницу»): «Румянцев возил их по четыре. Это не паше дело»¹. Но мало кто знал, что все «допосы» на Кутузова император отправлял обратно в армию главнокомандующему².

Следует отметить, что в тот момент в военных кругах старый полководец за решение об оставлении Москвы, чрезмерный рост мародерства и дезорганизацию войскового управления подвергался яростным нападкам, не менее жестким, чем в свое время под Смоленском Барклай. Многие в войсках были уверены, что в ближайшее время его уберут из армии³. Письма к Кутузову от императора, наполненные в этот период псевдовольствиями, упреками и выговорами, дают полное основание считать, что Александр I в сложившейся критической ситуации был не просто недоволен Кутузовым, но и готовился при появлении веских оснований отстранить его от командования⁴. На этот пост уже обсуждалась кандидатура

¹ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VII. С. 278. Как писал В.Р. Марченко: «Слухи, что доступ к нему очень труден, что большую часть спит или сидит с девками, переодетыми в казацкое платье, происходило от писем Бенningсена, верившего человеку, при нем бывшему, флигель-адъютанту князю Сергею Голицыну» (Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко // Воспоминания современников эпохи 1812 года. С. 42). А.А. Щербинин также и в таком же духе прокомментировал доносы Бенningсена на Кутузова, который «придается неге, держа при себе молодую женщину в одежде казака. Бенningсен ошибался; женщин было две» (Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XXI. С. 225–226).

² См.: Жучков К.Б. Новое свидетельство о М.И. Кутузове в 1812 г. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историкография. Т.Х. М., 2012. С. 149.

³ Например, А.А. Закревский в письме от 14 сентября 1812 г. писал: «Впрочем, надо надеяться, что Кутузова скоро сменят, но кто будет командовать армиями неизвестно» (Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 233).

⁴ Об этом свидетельствовал адмирал А.С. Шишков, он считал, что император после оставления Москвы был крайне недоволен главнокомандующим, правда, как сам ему сказал, «не думал сместить Кутузова» (Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шихова. Т. 1. С. 159). В.Р. Марченко ссылаясь на своего непосредственного начальника: «Граф Аракчеев не скрывал от меня, что государь день ото дня делается недоволен Кутузовым, и проговорился, что послал его в армию не по своей воле» (Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко // Воспоминания современников эпохи 1812 года. С. 42).

П.А. Зубова¹. Кроме того, в армию императором специально был послан в сентябре генерал-адъютант П.М. Волкопский, чтобы выяснить причины оставления Москвы и получить информацию о взаимоотношениях главнокомандующего с ведущими генералами. И такая ситуация во многом связывала М.И. Кутузову руки: он не мог в одностороннем порядке расправиться со своими хулителями. В то время при армии паходились имевшие большой вес в общественном мнении и носившие тяжелые генеральские эполеты Л.Л. Бенингсен, М.Б. Барклай де Толли, Ф.В. Ростопчин и Р. Вильсон – главные и гласные (как имевшие право писать царю) критики главнокомандующего.

Но в армии не было единой и хорошо организованной антикутузовской «партии», так как каждый из пазваппых лиц имел свои резоны и преследовал собственные цели. Кроме того, большинство отписилось к возможным коллегам по оппозиции не менее негативно, чем к верховному вождю русских армий. Например, по свидетельству В.И. Левенштерна, Бенингсен «был единственный из генералов, коего Барклай искренне непавидел и не скрывал этого; он... не терпел его чрезвычайного самолюбия и честолюбия и не паходил им оправдания»². Вряд ли и Ф.В. Ростопчин испытывал какие-либо положительные чувства к Бенингсену как участнику убийства Павла I, монарха, благодаря благодеяниям которого была построена карьера московского главнокомандующего.

В общем, какая-либо база для возникновения сплоченной коалиции полностью отсутствовала. В этих условиях М.И. Кутузов получал неоспоримые преимущества для борьбы с генеральской фрондой. Будучи человеком мудрым и хитрым, обладая огромным терпением и богатым опытом придворных и дипломатических интриг, он никогда не торопился, всегда соблюдал внешний политес и прилюдно оказывал знаки внимания и уважения генералам-конкурентам, в то же время дожидаясь удобного момента, чтобы удалить или нейтрализовать соперника. Труднее было с теми, кто паходил к нему

¹ В.Р. Марченко в своих мемуарах писал о другой кандидатуре: «Неизвестность о намерениях Кутузова и дурные об нем вести едва не довели государя до того, чтобы опять приняться за Барклая» (Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко // Воспоминания современников эпохи 1812 года. С. 43). По слухам, сообщенным П.М. Лонгиновым, после сдачи Москвы Н.П. Румянцев с О.П. Козодавцевым предлагали заменить Кутузова П.А. Паленом (Из писем Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1912. № 5. С. 41).

² Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1901. № 1. С. 110–111.

компетенции. Критика действий «светлейшего» раздавалась не только из стапа русских воинов, но и от английского генерала Р. Вильсона, а также и от московского главнокомандующего Ф.В. Ростопчина, не вполне подвластных высшему командованию. С потенциальными конкурентами (критиками, которые могли «подсидеть») Кутузов, проявив терпение и незаурядные способности в закулисной борьбе, разобрался в течение 1812 г. Не любивший нового главнокомандующего П.И. Багратион выбыл из строя после Бородино; затем, можно сказать, почти добровольно сошел с дистанции оскорбленный Барклай де Толли, написавший 19 сентября 1812 г. рапорт об увольнении от должности¹; отдался волею судьбы от центра событий Ростопчин. Перестали фактически существовать и штабы 1-й и 2-й Западных армий – центры интриг и борьбы генеральского честолюбия.

Раздражающим фактором долгое время оставался лишь Л.Л. Беннигсен, единственный из высшего командного состава, кто обжаловал поведение главного вождя армий в письмах к императору². Но после допущенных Беннигсеном тактических промахов во внутривенеральских распрях, Александр I дал Кутузову карт-бланш на решение его участи. Еще 9 октября 1812 г. он написал письмо генерал-фельдмаршалу: «Доходят до меня сведения, что вы имеете справедливый повод быть недовольным поведением генерала Беннигсена. Если слышите осведомленные, то объявите ему, чтобы он отъехал от армии и ожидал во Владимире от меня нового назначения»³. И главнокомандующий, правда, позже (лишь 15 ноября) эффектно выслал из армии своего главного конкурента, причем смог отомстить Беннигсену с «изысканной жестокостью». Не случайно Н.Н. Раевский еще в 1810 г. писал о нем: «С Кутузовым же и никому служить не безопасно, хотя, по моему мнению, он более других имеет способов командовать»⁴. Александр I вместе с наградами за Тарутинское сражение прислал в армию и письма Беннигсена с критикой главнокомандующего. Кутузов вызвал Беннигсена, заставил адъютанта читать свое представление на Беннигсена за Тарутинское дело, затем вручил ему награды и 100 тыс. рублей, по-

¹ Вот цитата из его рапорта: «силы мои как душевные, так и телесные истощены, что я не могу более командовать вверенною мне армиею» (Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 10. С. 41–42).

² См.: Письма Беннигсена императору Александру в Отечественную войну // Военный сборник. 1904. № 2. С. 233–246.

³ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XIX. С. 312.

⁴ Архив Раевских. Т. 1. С. 96.

жалованных императором. После чего велел также громко читать донесение Беннигсена в Петербург. Во время этого действия начальник штаба «стоял, как будто гром разразил его, бледнел и краснел»¹. Но в разыгравшемся противодействии Кутузов – Беннигсен нельзя найти национальной нодонлеку. Несмотря на то что у Беннигсена в армии имелось много личных недоброжелателей, вокруг него постоянно группировалась часть военной элиты и «золотой молодежи» с русскими фамилиями.

В рядах кутузовской оппозиции имелись и фигуры второго ряда. Среди них следует особо выделить А.П. Ермолова. Активный участник «русской» партии в тарутинский период несколько нрисмирел, носкольку оказался оттесненным с первого плана и был фактически нодмят штабным окружением Кутузова. В нисьме к А.А. Закревскому в начале октября он нисал в своей обычной ироничной манере: «Я не бываю в главной квартире, не хожу к князю, не бывши зван, но сколько редко бываю, уснел заметить, что Коновницын – великая баба в его должности. Бестолочь, страшная во всех частях, а канцелярия разделена на 555 частей или отделений, денартаментов и прочее». Мало того, начальник штаба 1-й армии явно сожалел об убытии своего бывшего начальника Баркляя: «Правда, что мы заместили Михаила Богдановича лучшим генералом, то есть богом, ибо, кажется, один уже он мешается в дела наши, а прочие все ни о чем не заботятся»². Фактически Ермолов, судя по всему, солидаризировался с Беннигсеном, но находился в этот период в анатии и саботировал штабную работу.

Сам же главнокомандующий относился к нему крайне настороженно и старался действовать осмотрительно. И не только из-за его независимого и неуживчивого характера и реноме желчного и искушенного интригана в военных кругах. У Ермолова нродолжались свои, впрочем, ненростые отношения с великим князем Константином и А.А. Аракчеевым, он мог в любой момент по своей должности нанрямую нанисать нисьмо Александру I. Поэтому Кутузов (ему император неред отъездом в армию нонаказал нрисланные Ермоловым нисьма) старался «лишний раз не дразнить гусей» и даже закрывал глаза на внолне очевидные унуущения и небрежное исполнение обязанностей с его стороны. Нанпример, по явной вине Ермолова 4 октября была отменена занланированная атака всей русской армии на авангард Мюрата. Из-за того, что он до ноздней ночи нринимал участие в одной генеральской нонойке, его не смог-

¹ Отечественная война и русское общество. Т. 3. С. 115.

² Сб. ИРИО. Т. 73. С. 188.

ли пайти (!!!), поэтому не успели вовремя разослать диспозицию. В данном случае Кутузов этот, мягко сказать, проступок оставил без последствий для начальника штаба 1-й Западной армии и не предпринял найти другого «стрелочника», čímом куда меньше¹. Правда, офицер квартирмейстерской части А.А. Щербинин в своих записках (считал, что Ермолов обедал у Кикина) несколько по иному расставил акценты, но мало меняющие суть произошедшего: «Что касается до Ермолова, то Кутузов без всякой присышки приказал Коновницину объявить Ермолову волю Его Светлости, чтобы оставил армию. И по делом бы! Но Коновницин упрямил Кутузова простить Ермолова»². В дальнейшем главнокомандующий старался давать ему отдельные поручения, требующие его нахождения вдали от Главной квартиры армий.

Легендарный «вихорь»-атаман и его «брат Вильсон»

В Тарутинском лагере были и другие интриги и неудовольствия генералитета. Как вспоминал А.И. Михайловский-Данилевский, «...в это время три предмета возбуждали всеобщее негодование: мажордерство, поведение московского дворянства и ностунки атамана Платова». Аджютант М.И. Кутузова смотрел на происходящее глазами своего шефа и считал, что атаман «всех восстановил против себя и против казаков». Весьма интересно и другое откровение этого маститого историографа и мемуариста: «Платова и Барклая де Толли не читали в армии тогда главными виновниками бедствий России. Последствия доказали сколь нодозрения на второго из них были

¹ В.И. Левенштерн считал, что «генерал Ермолов праздновал в тот день у генерала Шепелева день его ангела, что он пробыл у него слишком долго и совершенно забыл свои обязанности начальника штаба». Тот же мемуарист следующим образом оценивал отношение Кутузова к Ермолову: «Фельдмаршал, умевший расстраивать интриги, знал двоедушные генерала Ермолова и ловко умел держать его в должных границах». Далее он пояснял: «Высокое мнение, которое все имели о способностях этого генерала, начинало уже пугать самых влиятельных людей. Таким образом, Кутузов, не желая разделять своей славы с кем бы то ни было, удалил Барклая, оттеснил Беннигсена и обрек Ермолова на полнейшее бездействие. Генерал Коновницин, полковник Толь и зять Кутузова, князь Кудашев, были единственными поверенными его тайн» (Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1901. № 1. С. 116, 128).

² Записки Щербинина // Харкевич В. 1812 года в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. I. С. 40; Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XXI. С. 224.

несправедливы...»¹. Из сказанного А.И. Михайловским-Данилевским следует, что подозрения в отношении первого были весьма основательны. Но такая резкая оценка мемуариста и известного историка была обусловлена в первую очередь антикутузовской позицией Платова в этот период. В публике носились даже слухи о сенаратных переговорах казаков с французами (фактически о измене). Например, в дневнике офицера л.-гв. Измайловского полка Л.А. Симанского за 1812 г. в записи от 31 августа можно прочесть: «Дорогой говорили об измене Платова». Но уже первый публикатор этого дневника П.Н. Симанский дал пространный комментарий по этому поводу: «До войны говорили об измене Сперанского, до Бородина – об измене Барклая, после Бородина – об измене Платова; в несчастные годы фраза: “nous sommes trahis” (нас предадут) слышится весьма часто и относится почти всегда, как и в данном случае, к совершенно невинным людям, такое обвинение легко, но неверно объясняет произошедшие неудачи»². Действительно, с данным мнением стоит согласиться, да и «платовская измена» не находит подтверждения в серьезных источниках.

Донской атаман причислялся к оппозиции, правда, не к числу ее главных действующих лиц, а всего лишь ко второму ряду. Его разногласия не имели принципиального характера, а диктовались личностным фактором – неприязнью и местью за прошлое со стороны самого высшего начальника – Кутузова. Предводитель казачьих полков оказался одним из немногих высших генералов, не награжденных за Бородино, затем был отрешен от командования арьергардом, а в Тарутинском лагере находился уже без всякой должности³. Скорее всего, Платова, оставаясь он в бездействии, ждала судьба Беннигсена. Об этом свидетельствовали не только наводки со стороны кутузовского окружения, но и циркулировавшие вдали от армии слухи, а в России они чаще всего отражали действительное положение дел. Атаман предпринял в этот период ряд эффектных акций, включая ранортование о массовой болезни командиров казачьих полков, что являлось тогда самой удобной формой демонстрации недовольства подчиненного действиями высшего начальства.

¹ Записки А.И. Михайловского-Данилевского: 1812 год // Исторический вестник. 1890. № 10. С. 153–155.

² Российские мемуары эпохи наполеоновских войн. М., 2013. С. 217, 218, 296.

³ Краткую характеристику действий Платова в 1812 г. см. в: Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Т. 3. С. 107–109.

Но окончательно выправил ситуацию старый атаманский друг – английский генерал Р. Вильсон. Он как раз прибыл в Тарутино, взял Платова под свою защиту и выступил посредником в налаживании отношений между Кутузовым и «вихорь»-атаманом. «Брат Вильсон» (платовское выражение) застал своего боевого товарища «безо всякой команды и удаленным от тех, кои ночитают его равно как отца, так и начальника», а также пребывавшего «чуть ли на пороге смерти от огорчения и обиды»¹. Английский генерал стоял «на одних квартирах» с Платовым, часто у него обедал. Атаман подарил ему скакуна, снабжал вином и провизией с Дона. Новые акции против Платова неизбежно приобрели бы уже международный оттенок. В этом случае нетрудно было предвидеть негативную реакцию Александра I. Кутузов это отлично понимал. Казачий предводитель оказался под английской защитой и стал недосягаемым для новых уколов. Конечно, фигура донского атамана не устраивала главнокомандующего, но в этой ситуации требовалось забыть давние неудовольствия и ради общего блага попробовать договориться с ним или хотя бы заключить временное перемирие.

Это обстоятельство позволило Вильсону как посреднику между двумя конфликтующими сторонами быстро договориться. Британский представитель оказался искренне заинтересованным в прекращении затянувшегося конфликта между двумя русскими военачальниками. Можно, конечно, говорить, что его стремление к примирению диктовалось корыстными заботами о стране, которую он представлял. Но любые неурядицы в среде русского генералитета в тот момент были не на пользу Британской империи, входили в противоречие с ее интересами. Но как бы не истолковывались мотивы поведения Вильсона, в конце сентября Платов вновь сел на коня и получил под свое командование казачий корпус². Так Кутузов примирился с существовавшей тогда «казачьей» партией в генеральских рядах, которую в первую очередь олицетворял знаменитый «вихорь»-атаман.

В данном случае стоит проанализировать большой комплекс биографической литературы о Платове. Самые ранние донские историки, стараясь написать «героическую историю» побед этого персонажа, испытывали очевидные трудности с рассказом о Бородинском и Тарутинском эпизодах из его жизни. Как правило, Бородино описы-

¹ *Вильсон Р.Т.* Дневник и письма 1812–1813. С. 86, 148.

² Подробнее см.: *Безотосный В.М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году: Малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. С. 75–108.

валось без упоминания недовольства главнокомандующего действиями Платова, Тарутинский же нериод просто онускался. В дальнейшем историки чаще всего создавали «героизированную» платовскую биографию без критического осмысления источников¹. Исключением из этого ряда стала диссертация А.И. Саножникова², которому удалось избежать комплиментарного подхода и на основе большого фактического материала нересмотреть многие сложившиеся оценки. В целом же донские историки нродолжали онисывать жизнь и деяния Платова в «героическом» ключе. Правда, делать это становилось все труднее и труднее из-за введения в научный оборот свидетельств очевидцев.

Примирить источники с героизацией взялся донской историк В.И. Лесин. Он не стал отрицать фактов конфликтов Платова в 1812 г. с Барклаем и Кутузовым. По его мнению, конфликт с Барклаем был недолгим, а нотом военачальники примирились. Причем этот вывод сделан только на основе официальных нисем Барклая к Платову (даже тогда не было принято начальником прямо изьяснять подчиненному свое нерасположение к нему, нисьма писались с соблюдением всех нравил вежливости и иснользованием официальной риторики). Объяснение «недоразумений» с Кутузовым более нарядоксальны – конфликта с Кутузовым вообще не существовало, была «военная хитрость», или «нритворная», или даже «мнимая ссора» (со ссылкой на С.Н. Глинку³), чтобы ввести в заблуждение самого Наналеона, и чуть ли не сам Платов раснространил эти слухи⁴. Таким образом, В.И. Лесин нонытался обосновать «гинотезу» С.Н. Глинки о «нритворной ссоре» М.И. Кутузова с М.И. Платовым.

Гинотеза наноминает детскую сказку. Два русских нолных генерала (два главных героя сказки), два ножилых и солидных человека, нежно любящих друг друга, в разгар драматических событий 1812 г. (решалась судьба Отечества) задумали разыграть неред Наналеоном любительский снектакль, тем самым обмануть его, а заодно всю рус-

¹ Подробнее см.: *Безотосный В.М.М.И.* Платов в отечественной истории. Проблемы изучения биографии // Краеведческие записки. Сб. научных трудов. Музей истории донского казачества. Вып. 6. Новочеркасск, 2004. С. 5–9.

² *Саножников А.И.* Граф Матвей Иванович Платов. Опыт научной биографии. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.

³ Мне удалось найти два сочинения данного автора с упоминанием «мнимой ссоры»: *Глинка С.Н.* Записки о 1812 г. СПб., 1836. С. 182; *Он же.* Записки о Москве и заграничных происшествиях от исхода 1812 года и до половины 1813. СПб., 1837. С. 40–41.

⁴ См.: *Лесин В.И.* Бунтари и воины. Ростов-на-Дону, 1997. С. 285, 289.

скую армию и общество. Один актер-любитель для правдоподобия начал нить «горькую» и тут же появились устойчивые слухи, что он готов перейти на сторону Бонапартия, а другой решил сначала не награждать первого за его бородинские подвиги (так и не наградил), затем отстранил от престижного начальствования арьергардом, а потом вообще освободил от командования вверенным ему казачьим корпусом. Онять же, видимо, для обмана была организована «забастовка» (массовое заболевание) полковых казачьих командиров. Лишь только когда надобность в обмане миновала, двухмесячный «спектакль» закончился, и все стало на свои места: благодарный Кутузов вернул командование терпеливому (чего только не выдержишь ради Отечества!) Платову, а тот бросился с верными казаками крушить обманутого «суноштата». Ну, что тут сказать?! Настоящая идилия.

Взрослому человеку в подобную сказку вообще трудно поверить, так как Лесин никак не объясняет смысл «нрительной ссоры», для чего она понадобилась двум жиливым и умудренным опытом военачальникам? Для того чтобы об одном из генералов распространялись «дурные толки» и слухи об измене (он сам это делал!)? Может быть, эти слухи расслабляли противника или повышали боевой дух и боеспособность русской армии? Но в такой критический момент после оставления Москвы подобная затея была очень опасной авантюрой и могла иметь непредсказуемые последствия. Неужели существовал резон так неудачно «хитрить» с Наполеоном? (К тому же, скорее всего, французский император так и не узнал об этом.) И как объяснить, что такой честолюбивый человек, как Платов, был отстранен на время от командования арьергардом и своим корпусом, и не имел ни одного награждения в 1812 г. за участие в боевых действиях, не говоря уже о Бородинской битве? Все награды атаман получил уже после смерти Кутузова за сражения 1813 г. Объяснение Лесина выглядит но-детски наивно, два генерала выставлены комедиантами, непонятно для чего играющими плохо написанную пьесу. Главное, что логика автора в данном случае входит в противоречие с большим количеством источников, свидетельствующих о противном, а сама система доказательств не выдерживает критики.

Но вернемся к другу Платова – Вильсону. Он, без всякого сомнения, выполняя секретные инструкции своего кабинета, действовал исключительно в интересах Великобритании (тогда они во многом совпадали с интересами России) и играл весьма заметную роль в армейских интригах в русских штабах. В этом ему во многом помогали репутация «злейшего врага Наполеона» и личные дружеские связи среди русского генералитета. А вот с Кутузовым, в силу противоре-

ложности темпераментов и разного понимания методов достижения победы, отношения у него не сложились. Как представитель союзной державы Вильсон занимал в Главной квартире русской армии исключительное положение. Он имел право прямой переписки с императором и в письмах резко критиковал действия главнокомандующего, но Кутузов, несмотря на их в высшей степени личные враждебные отношения, не мог его удалить из армии и был вынужден с ним считаться. В целом англичанин занимал антикутузовскую позицию, но немало претензий у него было и к Беннигсену. В то же время заинтересованный в первую очередь в полном разгроме наполеоновской армии он искренне хотел примирить для пользы дела не только Платова, но и Беннигсена с Кутузовым. Правда, взаимная вражда двух высших военачальников зашла так далеко, что эта попытка потерпела неудачу.

Если рассматривать борьбу Кутузова со своими оппонентами, можно отыскать только два момента, когда «недовольные» генералы имели шансы что-либо изменить в расстановке сил на военном олимпе. Первый и вполне легитимный: это заседание знаменитого совета в Филях. Но в рядах генералитета не существовало единой антикутузовской партии, каждый имел к потенциальным лидерам военной оппозиции не меньше претензий, чем к главнокомандующему. Кутузов же смог, как мастер закулисной интриги, «столкнув лбами» двух главных оппонентов (Барклая и Беннигсена), встать над схваткой. В целом ему удалось контролировать ситуацию и направлять ход событий в нужном для него направлении.

Второй момент возник уже в Тарутинском лагере, когда Кутузов решился встретиться с посланцем Наполеона Лористонам. Это вызвало бурную реакцию со стороны британского генерала и по совместительству «защитника императорских интересов» сэра Роберта Вильсона. Как явствует из его бумаг, он был срочно вызван с аванпостов в Главную квартиру, где встретился с Беннигсеном и рядом генералов. «Они представили ему доказательства, что Кутузов в ответ на переданное через Лористона предложение Наполеона согласился этой же ночью встретиться с ним последним на Московской дороге... дабы обсудить условия соглашения о незамедлительном отступлении всей неприятельской армии из пределов России, каковое соглашение долженствовало бы послужить предварительной договоренностью к установлению мира». Далее была подтверждена «решимость генералов, которую поддержит и армия, не допустить возвращения Кутузова к командованию, ежели поедет он на сию ночную встречу в неприятельском лагере». Вильсону вместе с герцогами А. Вюртембергским и П. Ольденбургским, а также с князем

П.М. Волконским удалось убедить Кутузова не ехать на переговоры, а лишь принять Лористона в русском лагере¹.

Примечательно, что один из нервных биографов Кутузова Ф.М. Синельников утверждал о совсем другой атмосфере, царившей в кутузовском окружении. Будто бы по окончании миссии Лористона весь генералитет выражал благодарность главнокомандующему «в самых трогательных выражениях», а тот «весь сей день провел вместе со своими генералами, как отец своего семейства, в величайшей радости»². На самом же деле ситуация была не столь идиллической. Но никаких резких шагов со стороны русского генералитета не последовало, хотя в данном случае внору утверждать о существовании и «английской» партии, деятельно отстаивавшей русско-британские интересы. Среди русских военачальников, условно говоря, на тот момент англофильством были заражены Л.Л. Беннигсен, П.В. Чичагов, М.И. Платов, М.Р. Воронцов, Н.А. Саблуков, а также генерал-адъютант В.С. Трубецкой³.

Следствием этих происшествий стал рескрипт от 9 октября 1812 г. недовольного ситуацией Александра I к Кутузову. В документе повторялось его настоятельное желание «устраняться от всяких переговоров и клонящихся к миру сношений с неприятелем». Кроме того, император дал понять, что он крайне отрицательно отнесся к встечи Беннигсена с Мюратом (не зная, что еще до этого с французскими генералами вступали в контакт М.А. Милорадович и Ф.К. Корф)⁴. Дело в том, что ему стало известно об этом из нерлюстрированного письма Р. Вильсона от 25 сентября 1812 г.⁵, и поэтому Александр I через Кутузова высказал недовольство Беннигсену: «Поставя ему на вид несовместный поступок, – требую от вас деятельного и строгого надзора, дабы прочие генералы никогда не имели

¹ Вильсон Р.Т. Дневник и письма 1812–1813. С. 267–270; Он же. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию... С. 164–168.

² Синельников Ф.М. Жизнь фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова. С. 246.

³ См.: Миранюк Д.А. Джорж Каннинг и тайное донесение из Тильзита (22 июля 1807 года) по материалам британских исследователей // Эйлау 1807 года и Восточная Пруссия в эпоху наполеоновских войн. Калининград, 2016. С. 45.

⁴ См.: Свидания французских генералов с русскими во вторую половину кампании 1812 года (Историческая справка) // Военский К. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. М., 2011. С. 246–266.

⁵ Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). С. 186–193.

никаких свиданий»¹. Лично к фельдмаршалу никаких высочайших упреков высказано не было.

Под занавес кампании: генеральские обиды

В письме своей матери императрица Елизавета Алексеевна 10(22) ноября 1812 г., анализируя положение дел на театре войны, писала: «Французская армия оказалась в таком положении, что ежели начальствующие лица не совершат самых непростительных ошибок, ей придется целиком сдаться на милость победителей... Взглянув на карту, вы легко все поймете. Нет ничего невозможного в том, что и самому Наполеону не удастся ускользнуть; но я все-таки не верю в это; у него, верно, найдется какое-нибудь средство спасти свою драгоценную персону»². Это письмо сугубо гражданского человека и далекого от армейских дел, но проявляющего интерес в такое судьбоносное время к театру военных действий. Но вот письмо профессионального дипломата Ж. де Местра, адресованное графу де Блаку 16 октября 1812 г., в котором он указал на г. Борисов как «главное место всей игры», куда устремятся русские войска П.Х. Витгенштейна и П.В. Чичагова, а в конце сделал вывод: «мешок уже завязан»³. И такой же интерес и понимание были у всего общества в целом, внимательно следящего за событиями. Появились надежды на самый благоприятный исход кампании! Но... опять же, «непростительные ошибки»!!! И разочарование...

Безусловно, во второй период войны русские военачальники не смогли полностью воспользоваться всеми обстоятельствами, явно складывавшимися в их пользу. Во всяком случае, у постороннего наблюдателя должно было сложиться именно такое мнение. Кроме того, под конец кампании стали возникать сложные ситуации при встрече нескольких отрядов войск из разных армий, но вынужденных действовать или совместно, или но-соседски выполнять схожие задачи. Возникали вопросы – кто кому должен подчиняться? кто кому должен докладывать и чьи приказы выполнять? Среди военачальников всныхивали ссоры и даже ссоры, о том кому принадлежит

¹ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XIX. С. 310; Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 2. С. 81–82.

² Елизавета и Александр: Хроника по письмам императрицы Елизаветы Алексеевны. 1792–1826. М., 2013. С. 157.

³ Местр Ж. де. Указ. соч. С. 227–228.

честь взятия города или захвата пленных. Слишком многие любили приписывать себе чужие заслуги.

Так, например, атаман М.И. Платов доложил о захвате г. Борисова, тогда как его брали партизаны капитана А.Н. Сеславина. Последний вынужден был жаловаться наверх: «Граф Платов отыма-ет славу дела моего отряда, я готов с ним судиться»¹. И это был далеко не единичный случай. Можно припомнить и эпизод с невыполнением приказа адмирала П.В. Чичагова о прибытии с вверенными ему войсками (до 15 тыс. чел.) к г. Борисову генералом Ф.Ф. Эртелем, который не тронулся с места, «постоянно находя ничтожные пред-логи». Чичагов отдал Эртеля под суд «за неповиновение»², а затем отправил его для разбирательства в Главную квартиру³. Рапорт Чичагова был рассмотрен М.И. Кутузовым, и по его совету это дело было оставлено «без дальнейшего действия»⁴. Но именно этот факт негативно сказался на Березинской операции. Как считал Ж. де Местр, «адмирал хотел придать его военному суду. Но, решив-шись послушаться Чичагова, Эртель знал, что угождает другому на-чальнику. И действительно, адмирала вскоре попросили оставить дело сие без последствий, чем оно и закончилось»⁵.

Но сам выход войск Чичагова к Березине стал возможен только благодаря в первую очередь действиям корпуса генерала Ф.В. Остен-Сакена, оставленного для противодействия наполеоновским корпу-сам Ж.Л. Ренье и К. Шварценберга. Его ответственное отношение и активность не дали возможности противнику ударить в тыл 3-й Западной армии. Сакен писал: «Если бы даже я и был разбит, до чего однако не дошло, то и само поражение мое, остановив неприятеля, все бы способствовало Чичагову к достижению цели, от которой за-висела участь войны»⁶.

¹ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XX. С. 114; Т. XXI. С. 343.

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого от-деления собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 2. С. 214.

³ Попов А.Н. От Малоярославца до Березины // Русская старина. 1877. № 9. С. 72; Подробнее см.: Васильев И.Н. Несколько громких ударов по хвосту тигра. М., 2001. С. 129–131.

⁴ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого от-деления собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 10. С. 193.

⁵ Местр Ж. де Указ. соч. С. 243.

⁶ Попов А.Н. От Малоярославца до Березины // Русская старина. 1877. № 9. С. 61–64. Остен-Сакен находился под судом после кампании 1807 и до 1812 г., когда вернулся в армию. Но полностью был прощен в 1814 г. после

Последним и самым заметным актом генеральских разборок на высшем уровне стала опала главнокомандующего 3-й Западной армии адмирала П.В. Чичагова, на которого общее мнение не без помощи Кутузова возложило ответственность за неудачи на Березине. Фигура Чичагова в силу своей неординарности вызывала в обществе и генералитете резкое раздражение¹. Первоначально в 1812 г. Александр I вверил ему Дунайскую армию для экспедиции на Балканы. С этой точки зрения назначение казалось в какой-то степени оправдано, но когда его армия была переброшена на главный театр боевых действий, сухопутный адмирал без опыта командования армейскими соединениями такого масштаба воспринимался уже как полное недоразумение². Как иронично заметил Д.С. Дохтуров, «наш адмирал управляет все по ветрам», М.И. Кутузов считал, «что моряку нельзя ходить по суше»³. Примечательно, что как раз на эту тему И.А. Крылов, чутко уловивший общественные настроения, написал басню о пирожке, который берется шить сапоги, то есть в нашем случае – о моряке, начальствующем над сухопутными войсками.

Помимо профессиональной предвзятости армейских генералов в отношении моряков⁴, многие современники указывали на независимый характер Чичагова и его весьма критическое отношение к России⁵. Подобные взгляды в момент патриотического подъема дис-

сражения при Бриенн-ле-Шато, когда Александр I заявил: «Я чувствую себя виноватым против Сакена... Беннигсен оклеветал его в моих глазах. Надеюсь, что теперь Сакен будет доволен мною» (Фельдмаршал князь Сакен // Русский архив. 1900. № 1. С. 180). Именно в качестве награды после взятия Парижа он был назначен русским генерал-губернатором города в 1814 г.

¹ Примечательно, что еще 21 июня 1799 г. крайне раздраженный император Павел I написал санкт-петербургскому военному губернатору П.А. Палену: «Якобинские правила и противные власти отзывы посылаемого Чичагова к вам принудили меня приказать запереть его в рavelин под вашим смотрением» (Русская старина. 1872. № 2. С. 248).

² Генерал Г. Армфельд сказал А.С. Шишкову: «Какая странная мысль – доверить сухопутную армию адмиралу?» (Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Т. 1. С. 126).

³ Русский архив. 1874. № 5. Стлб. 1107–1108; Записки о войне 1812 года князя А.Б. Голицына // Военный сборник. 1910. № 12. С. 32–34.

⁴ Как писал П.П. Коновницын из армии, «к нещастию пропустили Бонапарта и его гвардию, вина покамест на Чичагове, оттого что человек морской» (Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VIII. С. 118).

⁵ В своих воспоминаниях Р.С. Эдлинг писал: «Чичагов не скрывал величайшего презрения к своей стране и своим соотечественникам» [Тайны цар-

сонировали с общим настроением. Адмирал, пользовавшийся полным доверием и симпатией императора, всегда имел много врагов в высших эшелонах власти, но очень скоро приобрел противников среди командного состава и в своей армии¹. Высокую оценку давал ему А.П. Ермолов, кстати, очень редко положительно отзывавшийся о своих коллегам. Считаем уместным здесь привести его мнение о Чичагове: «Сколько нов он был в звании начальствующего армией, сколько мало уважал некоторые, по званию необходимые обязанности, но не мог не видеть я превосходства ума его, тонкости рассуждений и совершенного знания обстоятельств. Упругий нрав его, колкий язык и оскорбительная для многих прямота сделали ему много неприятностей, происки двора охладили к нему государя и, кончив Отечественную войну, он удалился»².

Немаловажным фактором стало личное, затаенное до времени, неудовольствие им Кутузова (Чичагов был послан сменить его на посту главнокомандующего Дунайской армии для скорейшего подписания мира с турками), многие в войсках полагали, что «старик жестоко мстил Чичагову»³. В драматической ситуации на Березине адмирал не смог правильно определить дальнейшее направление движения войск Наполеона, а французский император обманул его, организовав ложную переправу у д. Ухолоды. Но справедливости ради скажем, что в письмах к Чичагову Кутузов также предполагал, что противник будет прорываться на Волынь через Игумен, правда, предлагал одновременно охранять и Зембинское дефиле, через кото-

ского двора (из записок фрейлин). М., 1997. С. 99]. Ж. де Местр оставил аналогичную характеристику: «Он воспитывался в Англии, где научился презирать свою страну и все, что там делается»; «презрение и даже глубокая ненависть ко всем установлениям своей страны, в которых видит он лишь слабоумие, невежество, преступления и деспотизм» (*Местр Ж. де* Указ. соч. С. 100, 240). Похоже оценивал его и Ланжерон: «Единственным его постоянным чувством были ненависть и презрение к родной нации... При всем этом он имел одно драгоценное качество – он был честен...» (Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1911. № 8. С. 267).

¹ А.Ф. Ланжерон писал в своих мемуарах: «Адмирал вскоре после своего приезда заслужил ненависть своей армии и сделался посмешищем ее» (Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1911. № 8. С. 266).

² Ермолов А.П. Характеристика полководцев 1812 г. // Родина. 1994. № 1. С. 58.

³ Русский архив. 1893. № 8. С. 466.

рое Наполеон и проложил свой дальнейший путь¹. Сам же Кутузов в официальной переписке всячески демонстрировал свое хорошее отношение к главнокомандующему 3-й Западной армии. Так, 28 ноября 1812 г. он после благодарности за взятие Вильно писал: «Лестно всякому иметь такого сотрудника и такого товарища, какого я имею в вас»².

Тем не менее вся вина в глазах общества пала на адмирала. Хотя не только Чичагов, но и Кутузов с Витгенштейном, оставившие его один на один с Наполеоном, в равной степени допустили явные промахи в Березинской операции и должны были по справедливости разделить ответственность за ее исход. В высшем обществе широкую известность получила язвительное высказывание жены Кутузова: «Витгенштейн спас Петербург, мой муж – Россию, а Чичагов – Наполеона»³. Неудачливого адмирала стали называть в военных кругах не иначе как «ангелом-хранителем Наполеона». Так, вспоминая появление в конце кампании Чичагова в Вильно, генерал А.М. Римский-Корсаков следующим образом описал его прибытие в Главную квартиру: «Адмирал сей в общем мнении на весьма невыгодном счете. Сами военные простить ему не могут утечку Наполеона, и нет человека ему доброжелательствующего»⁴. Все попытки Чичагова оправдаться перед императором в своих донесениях оказались бесполезными, слишком сильным был шквал обвинений. Не помогла и отправка в Петербург начальника штаба армии генерал-лейтенанта И.В. Сабанеева «как очевидного свидетеля всего того, что произошло»⁵. Под давлением общественного негодования Чичагов вскоре покинул свой пост, а должность главнокомандующего 3-й Западной армии вскоре занял прибывший из Эстляндии Барклай.

В конце кампании 1812 года, в связи с приездом к войскам в Вильно императора, происходила большая раздача отличий, орденов и чинов, сам Александр I сказал английскому генералу Р. Вильсону, что «наградит своих генералов и храбрых солдат за их героическое исполнение долга»⁶. Но в то же время это послужило

¹ См.: Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VI. М., 1900. С. 108–109.

² Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XXI. С. 183.

³ Литературное наследство. Т. 91. М., 1982. С. 402.

⁴ Дубровин Н. Указ. соч. С. 400.

⁵ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XX. С. 160.

⁶ Вильсон Р.Т. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию... С. 279.

причиной очередных неудовольствий и личных обид в генеральской среде¹. «Сказать должно однакож, – писал 16 декабря из Главной квартиры А.М. Римский-Корсаков, – что интриг пропасть, иному переложили награды, а другому не домерили». Примерно в тех же тонах высказывался об этом и П.П. Раевский: «Раздают много наград, но лишь некоторые даются не случайно»; затем, перечисляя генералов, удостоенных высшего внимания, сделал очень характерную приписку: «а я, который больше всех, чтобы не сказать один, трудился, должен дожидаться хоть какой-нибудь награды»². Чуть позже, 9 февраля 1813 г., П.П. Коновницын, критично оценивая свои деяния во время кампании, писал жене: «...мне пожаловал орден Георгия 2-го класса, столь великое награждение я сам чувствую не по заслугам моим, а царская милость велика»³. В дошедшей до нас частной переписке в конце кампании многие генералы высказывали своим близким недовольство большим количеством отличий своих коллег и жаловались на то, что их собственные заслуги не были оценены по достоинству.

Кутузов и теория «золотого моста»

Необходимо также коснуться одной историографической доктрины – концепции стратегии «золотого моста» («Pont d' Or»), которой придерживались многие отечественные авторы, а из советских исследователей талантливо доказывал академик Е.В. Тарле (до того момента, пока ему в порядке партийной критики не указали на явный идеологический промах). Согласно этой концепции, Кутузов во второй этап войны предоставлял Наполеону коридор для свободного выхода из России, то есть строил ему «золотой мост». Само выражение «строить “золотой мост”» М.И. Кутузов будто бы употребил в беседе с английским представителем в Главной квартире русской ар-

¹ Вот как, например, описал пребывание императора в Вильно А.П. Ермолов в своих мемуарах: «В армии делается двор, с ним вместе неразлучные интриги, и князь Кутузов вступает в настоящую свою сферу. Государь щедро наделяет всех милостями, но представления Кутузова, часто весьма пристрастные, обращают их и несправедливо и без разбора» (Записки Алексея Петровича Ермолова. С. 291).

² *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 401; 1812–1814: Личные письма генерала Н.Н. Раевского // 1812–1814. Секретная переписка генерала П.И. Баграциона. С. 236.

³ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VIII. С. 124.

мии Р.Т. Вильсоном, однако об этом словосочетании упоминали и несколько современников в своих письмах и мемуарах¹ (трудно сказать, откуда он появился на страницах их сочинений). Но выражение попало в историографию со слов этого английского генерала, очень критически относившегося к главнокомандующему. По мысли Вильсона, делал это Кутузов для того, чтобы в случае полного поражения (или гибели) Наполеона в 1812 г. плодами победы в Европе в ущерб России не воспользовалась Англия, главный противник французской империи. Надо сказать, что резонов для подобных мыслей и у современников, и у историков было много. Например, А.А. Закревский писал М.С. Воронцову 10 октября 1812 г.: «Кутузов при старости лет достиг своей цели, следовательно, ему желать более нечего, как мира, пагубного для России»². Причем других свидетельств и отдельных реплик участников событий (высокопоставленных генералов и штабных сотрудников), обильно разбросанных по воспоминаниям и подтверждавших прямо или косвенно эту теорию, можно найти с избытком.

На существование подобной стратегии наводили и сами факты – поведение Кутузова во время Тарутинского сражения (отказался атаковать главными силами противника), отход русских по его приказу сразу после Малоярославского сражения³, задержка по его вине ввода в бой главных сил под Вязьмой и Красным, медлительность его действий во время событий на Березине.

Приведем свидетельства компетентного штабного офицера А.А. Щербинина: «Но не столь великим мог казаться Кутузов при преследовании бегущего неприятеля. Марш от Малоярославца до

¹ *Вильсон Р.Т.* Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию... С. 196, 252. Например, генерал Н.Н. Раевский в своем письме от 23 октября 1812 г. писал: «Неприятель бежит. Мы его преследуем казаками и делаем золотой мост» (Архив Раевских. Т. 1. С. 170–171).

² Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 236–237.

³ Интересно, что Кутузов в письме к П.В. Чичагову сразу после сражения писал совсем о противоположном: «Предмет сражения был город, который восемь раз занимался нами и столько же был уступаем сильному стремлению неприятеля, при последнем же ударе наших стрелков он оставался за нами; завтра я полагаю должно быть генеральное сражение, без коего вновь я ни под каким видом его не пущу» (Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XXI. С. 86.). О том, что Кутузов первоначально намеревался дать генеральное сражение под Малоярославцем, писал и Р. Вильсон, но в 2 часа ночи принял противоположное решение (*Вильсон Р.Т.* Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию. С. 194, 196).

Днепра представлял непрерывное противодействие Кутузова Коновницину и Толю. Оба последние хотели преградить путь Наполеону быстрым движением на Вязьму. Кутузов хотел... строить золотой мост расстроенному неприятелю, и не пущаясь с утомленным войском на отвагу против неприятеля, искусно маневрирующего, хотел предоставить свежим войскам Чичагова довершить поражение его...»¹.

Несмотря на благоприятные случаи отрезать отдельно следовавшие французские корпуса, все они (хотя и неся большие потери) всякий раз соединялись с главными силами Великой армии. Неоднократно у Кутузова возникала возможность встать на пути движения находившихся в крайне бедственном положении войск Наполеона и затем, действуя по обстановке и используя все имеющиеся средства, нанести мощный удар или окружить противника, добиться разгрома если не всех, то части корпусов Великой армии. Но каждый раз этого не происходило из-за противодействия (по мнению очень многих) именно главнокомандующего.

По поводу всех своих не совсем понятных действий Кутузов получал вопросы, а если говорить прямо, то откровенные нагоняи от Александра I за них. Во всяком случае, после прочтения писем императора главнокомандующему становится ясно, что монарх испытывал к генерал-фельдмаршалу возрастающее раздражение. Приведем выдержки из его письма от 30 октября 1812 года: «С крайним сетованием вижу я, что надежда изгладить общую скорбь о потере Москвы пресечением врагу пути, совершенно исчезла. – Непонятное бездействие ваше, после счастливого сражения 6 числа перед Тарутином, чем упущены те выгоды, кои оно предвещало, и ненужное и пагубное отступление ваше после сражения под Малым Ярославцем до Гончарова, уничтожили все преимущества положения вашего, ибо вы не имели всю удобность ускорить неприятеля в его отступлении под Вязьмою и тем самым отрезать по крайней мере путь трем корпусам Давуста, Пея и вице-короля...»². Как считал английский генерал Р. Вильсон: «По всей правде, отход на Гончарово был позором, и до сего дня отравляющем память о кампании 1812 года»³.

¹ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XXI. С. 228.

² Там же. С. 311–312.

³ *Вильсон Р.Т.* Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию... С. 201. Кроме того, Вильсон считал, что «в Вязьме, куда можно было прийти прежде Наполеона и его гвардии, Кутузов открыл “золотой мост” четырьмя корпусами: Даву, Понятовского, ви-

Кутузову же оставалось одно – оправдываться перед императором, объяснять причины своих решений, что он и делал, уповая на то, что его главной целью было воспрепятствовать противнику прорваться на Украину («в изобильные губернии наши») и заставить его отступать по Старой Смоленской дороге (где он «не приготавлил никакого пропитания»), что заставило русскую армию отступить к Полотняному заводу, чтобы занять фланговую позицию по отношению к Великой армии. Кроме того, по его мнению, «ошибки, от ложных известий иногда происходящие, неизбежны. Предприятия в военных операциях основываются не всегда на очевидности, но иногда на догадках и на слухах...»¹. Справедливости ради, укажем, что утвержденный Кутузовым так называемый Петербургский план на второй период кампании 1812 года не предусматривал активных действий Главной армии, упор там делался на активность фланговых соединений Чичагова и Витгенштейна, что принудило бы Великую армию к отступлению от Москвы. Именно этого полученного и утвержденного плана вынуждены были придерживаться все высшие военачальники осенью 1812 года. Многие генералы достаточно благосклонно оценивали ситуацию. Например, М.И. Платов, поздравляя великую княгиню Екатерину Павловну с тезоименитством, 24 ноября 1812 г. писал: «У нас дела с дерзким неприятелем идут очень хорошо и как по маслу. Большая его армия, при которой и сам Наполеон, лишилась более 500 пушек, а большая дорога преследования нашего за ним, от самого Малоярославца до сего места, покрыта премножеством трупов неприятельских, валяющихся как стерва»². Сверяя написанное с общим ходом дел, даже учитывая благопристойный тон и придворный характер этого послания, нельзя сказать, что донской атаман в этом случае покривил душой и как-то исказил события. Написано правдиво.

В данном случае уместно также привести мнение одного из иностранных участников кампании на русской стороне К. Клаузевица: «Русские редко опережали французов, хотя и имели для этого много удобных случаев; когда же им и удавалось опередить противника, они всякий раз его выпускали; во всех боях французы оставались победителями; русские дали им возможность осуществить невозможное; но если мы подведем итог, то окажется, что французская армия

це-короля и Нея... Никакие силы человеческие не могли спасти их, кроме преднамеренного запаздывания и бездействия Кутузова» (Там же. С. 252).

¹ См., например: М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV. Ч. 2. С. 320–323.

² Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. С. 277–278.

перестала существовать, а вся кампания завершилась полным успехом русских за исключением того, что им не удалось взять в плен самого Наполеона и его ближайших сотрудников. Неужели же в этом не было ни малейшей заслуги русской армии. Такое суждение было бы крайне несправедливо»¹.

Но чаще всего даже компетентные в военном деле современники затруднялись разумно объяснить такое поведение русского военачальника, оно или оставалась загадкой или истолковывалось боязнью на непредсказуемую реакцию и ответные ходы гениального французского полководца. Исходя из логики военного человека того времени, такие действия оставались непонятными и необъяснимыми. Конечно, никто не мог предъявить обвинений Кутузову в симпатиях к французскому императору или в трусости на поле боя, вся его предыдущая военная карьера и раны свидетельствовали против этого. Хотя Наполеона не грех было опасаться, слишком много самонадеянных европейских генералов до 1812 г. жалели, что не испытывали такого чувства, и за это жестоко поплатились. Французского полководца уже давно сопровождала аура непобедимости, и ни один его противник не мог ни принимать во внимание или игнорировать этот факт.

Все же для понимания ситуации необходимо исходить из того, что Кутузов был мудрым и весьма опытным полководцем и политиком, стремившимся выполнить поставленную перед ним главную цель – победить Наполеона в очень сложных и драматических условиях 1812 г. Побеждать можно разными путями. Причем для него речь шла не о выигранных отдельных сражениях (большинство современников как раз высказывали упреки в его адрес по поводу отдельных боестолкновений), он ясно понимал, что нужно выйти победителем в кампании, поэтому заранее расставил сети, в которые должен был попасть французский император. Для него, скорее всего, неважны были тактические промахи, но он очень хорошо просчитывал стратегически ситуацию, что не раз доказывал боевой практикой. Своей дочери Е.М. Хитрово Кутузов признавался 20 октября 1812 г.: «Я бы мог гордиться тем, что я первый генерал перед которым надменный Наполеон бежит; но бог корает гордых, а потому я буду беречься этого греха». А уже 29 октября 1812 г. он написал ей про французского императора следующие строки: «бежит передо мной более трехсот верст, как дитя, преследуемое школьным учителем»².

¹ *Клаузевиц*, 1812 год. С. 149.

² Князь М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский 1745–1813. Письма к его дочери Е.М. Тизенгаузен, во втором замужестве Хитрово // Русская старина

Думаю, он все же очень переживал за оплошности и упущенные возможности русских войск на Березине. Можно привести цитату из воспоминаний А.А. Щербинина: «В Вильне князь Кутузов однажды воскликнул у себя за обедом, когда произносился тост победителю: “Ах, не все сделано! Если бы не адмирал, то простой псковский дворянин сказал бы: – Европа дыши свободно!”» Он намекал на возможность взятия самого Наполеона»¹.

Кутузов в 1812 г. продемонстрировал удивительную военную выдержку и терпеливость, если бы создались благоприятные обстоятельства, он, без сомнения, как настоящий боевой генерал разгромил Наполеона (хотя понимал, что такое счастливое событие вряд ли произойдет). В стратегическом же плане он действовал очень грамотно, во всяком случае не допустил ни одного стратегического ляпа, в отличие от Наполеона. Участник войны В.С. Норов писал: «Если знаменитый, но уже престарелый сей полководец не всегда имел надлежащую деятельность на поле битвы, где славный Наполеон часто одерживал над ним верх, то многие его соображения показывают тонкий проницательный ум и великие природные дарования, которые всегда любил скрывать под личиною простодушия»².

Кутузова можно обвинять в лени и недеятельности (в силу возраста), но, безусловно, он являлся самым опытным русским генералом, притом очень хитрым (даже в житейском плане), осторожным и проницательным. Не случайно первый Кутузовский биограф Ф.М. Синельников вложил в уста своему герою следующую фразу: «Лучше быть слишком осторожным, нежели оплошным, а потом обмануться»³. Кроме того, полководец реально знал и представлял все плюсы и минусы русских войск, понимал, что армия еще неудовлетворительно могла осуществлять сложные маневренные действия (как раз именно этого чаще всего от него требовало окружение), видел другие недостатки по сравнению с французской армией. Но в то же время пытался использовать преимущества (наличие большого количества иррегулярных конных полков), все промахи противника и объективные природные факторы на пользу русского оружия: зна-

на. 1874. Т.Х. С. 370–371.

¹ Записки Щербинина // Харкевич В. 1812 года в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. I. С. 50–51; Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XXI. С. 230.

² Российские мемуары эпохи наполеоновских войн. С. 380.

³ Синельников Ф.М. Жизнь фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова. С. 428.

чительные расстояния, погоду, голод в частях Великой армии, а главное – время, это был его лучший союзник.

Да и к тому же важно было сохранить боеспособность армии на будущее, а оно могло быть самым разным. Так, по словам князя А.Б. Голицына, старый главнокомандующий утверждал в конце кампании 1812 года: «Я желаю, чтобы существование большой нашей армии стало для Европы действительностию, а не химерою; хотя она и уменьшается во время похода, но месяц отдыха и хорошие квартиры снова ее поставят на ноги. Только это решит вопрос и привлечет Германию на нашу сторону»¹. Кутузов, не желая попросту тратить силы, всегда высказывал недовольство понесенными потерями русской армией во второй период войны: «За десятерых французов не отдам я одного русского, – говорил он, – Неприятеля скоро все пропадут, а если мы потеряем много людей, то с чем придем на границу?»².

Думается, что этот старый и умудренный огромным военным опытом полководец, осуществляя параллельное преследование Наполеона, отлично понимал, что он делал и какие цели преследовал. Видя перед собой отступающего противника, войска которого возглавлял талантливый и выдающимся военачальник, способный использовать малейший промах преследователя для изменения ситуации в свою пользу, он не хотел подвергать армию лишнему риску, все взвешивал и старался действовать только наверняка. «Слава Всевышнему! – писал Кутузов графу Н.И. Салтыкову 15 ноября 1812 г., оценивая бои под Красным, – Бог, нас искусивший, не до конца на нас прогневался, и твердая моя на него надежда меня не обманула...»³. Быть осторожным в решениях человеком не означает страха перед противником, а предполагает правильную оценку его возможностей. Ведь находился он не за карточным столом, а распоряжался судьбами людей, одетых в солдатские шинели, страны в целом, был ответствен перед Россией в час народных испытаний, а поэтому оставался крайне осторожным. Действительно цена его решений была чрезвычайно велика, в 1812 г. от них зависели само существование и будущее державы.

¹ Записка о войне 1812 года князя А.Б. Голицына // *Военский К. Отечественная война 1812 года в записках современников*. СПб., 1911. С. 80.

² *Михайловский-Данилевский*. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. IV. СПб., 1839. С. 17.

³ *Аглаилов С.И.* Отечественная война 1812 года: Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. С. 369.

Вот как оцепивал положение и действия полководца па вой-пе К. Клаузевиц: «...паходится постояппо под ударами волп ложпых и истиппых сообщений и ошибок, допущенных вследствие страха, по небрежности, торопливости или по упрямству... по злой воли или из ложного или подлиппого чувства долга... оп окружен случайпостями, которых пикто пе мог бы предусмотреть. Словом, вождь подвержен сотпе тысяч впечатлений, из которых большинство имеет тревожную и лишь меньшинство ободряющую тепденцию. Долгий боевой опыт дает ему возможность оцепивать все эти явления по их достоинству; высокое мужество и впутреппая сила противостоят им, как скала па-пору воли. Тот, кто вздумал бы поддаться этим впечатлениям, тот пе довел бы до конца ни одного из своих предприятий, а потому твердое отстаивание припятых решепий, доколе против них пе появится са-мых решительных доводов, является крайпе необходимым противовесом»¹.

Тут уместно привести запись из дневника молодого офице-ра А.В. Чичерипа, который сразу после смерти Кутузова обращался к его педавпим критикам: «При жизни человеку пе отдают справедливости, после смерти его славу всегда преувеличивают. Сейчас все превозносят светлейшего до небес, а совсем педавно почти все его осуждали; я рад, что как ни молод, ни разу пе поддался соблазнам злословия. Благоразумие светлейшего, которое вы пазывали робо-стью, сохранило жизнь пашим славным солдатам; то, что вы пазывали перешительпостью, было мудростью; ваш дух был, видпо, слиш-ком слаб, чтобы понять весь размах его политики. Все его действия имели тщательно обдуманную цель. Все обширные операции, кото-рыми оп руководил, были паправлены к одному; отдавая распоряже-ния о размещении орудий, кои должны были обеспечить победу пап французами, оп в то же время обдумывал сложные политические комбинации, кои должны были пап обеспечить благорасположение всех европейских кабинетов. В армии его обожали и за его имя, и за его знакомое и любимое лицо; достаточно было ему показаться, что-бы все радовались»².

Антикутузовские пастроения мало затрагивали пизы армии, и офицерский корпус в целом паходился во власти официальных пред-ставлений о «победителе Наполеона». Общественное мппие в тылу также радостпо приветствовало главнокомандующего. «Доброго ста-рика Кутузова армия обожает, – писала уехавшая в Тамбов

¹ *Клаузевиц К.* О войне. Т. 1. С. 138.

² *Пуцин И.С.*: Дневник 1812–1814 годов; *Чичерин А.В.*: Дневник 1812–1813 годов. С. 426.

М.А. Волкова 2 декабря 1812 г., – везде его встречают с восторженными приветствиями. Ростопчину с ним тягаться не под силу»¹. В конце кампании лишь некоторые штабные сотрудники позволяли себе негативно оценивать главнокомандующего в своей частной переписке. Одним из таких смельчаков оказался А.А. Закревский, продолжавший мыслить и писать в духе «русской» партии («за что произвели его в фельдмаршалы?»; «по милости вышних начальников мундир наш носить не хочется»). Он также резко высказывался по поводу награждения в Вильно Александром I Кутузова высшим военным орденом Св. Георгия: «Надел на Старую Камбалу Георгия 1-го класса. Если спросите за что, то ответа от меня не дожидетесь»². В обществе же распространялись в рукописном виде пасмешливые критические стихи про всех главных участников операции на Березине:

Кутузов проспал
Чичагов прозевал
Платов прибежал
Витгенштейн наблюдал
Бонапарт вам блевал
Француз околевал
Мужик защищал
Голод истреблял
Холод доканал³.

В Вильно в конце кампании император встретился с Р. Вильсоном и заявил, что у него много претензий к Кутузову: «Он избегал, насколько сие оказывалось в его силах, любых действий против неприятеля... по московское дворянство стоит за него и желает, дабы он вел пацию к славному завершению сей войны. Посему я должен... наградить этого человека орденом Св. Георгия, хотя тем самым парую его статут, ибо это есть высочайшая награда в Империи... Но, к сожалению, выбора нет – надобно подчиниться вышужденной необходимости». Если же приписать на веру цитату из сочинения английского генерала, то под московским дворянством царь, конечно, разумел

¹ Дней прошлых гордые следы. Переписка Марии Аполлоновны Волковой. 1812–1813 годы. С. 138.

² Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 234–235; ОР РГБ.Ф. 41. Картон 86. Д. 8. Сам Кутузов, комментируя свое награждение высшим военным орденом в империи св. Георгия 1-го класса, писал жене 10 декабря 1812 г.: «Теперь украшать меня уже нечем; придем украшать тебя» (Архив князя М.И. Кутузова-Голенищева-Смоленского // Русская старина. 1872. № 3. С. 658).

³ РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 145. Л. 25.

все российское благородное сословие, поскольку вслед за Ростопчиным многие москвичи как раз ругали Кутузова за сдачу и пожар в первопрестольной. Тут уместно привести и мнение другого, не менее знаменитого иностранца и брата русского генерала – Жозефа де Местра: «...решали все природные русские, которые не желали делиться славой с иностранцами. Сами избрав Кутузова, они хотели создать для него гигантскую репутацию, для чего надобно было не только приписать ему все заслуги и неминуемо преувеличить опыты, но еще отпестить все его ошибки на счет других, что и было сделано»¹. Бесспорно, элементы истины есть в этих словах. Кутузов в общественном мнении навсегда остался «спасителем Отечества», а Александру I досталась роль «избавителя Европы». Необходимо также заметить, что в Вильно император демонстрировал свое почтение и оказывал особые знаки внимания к старому фельдмаршалу. В дневнике поручика л.-гв. Егерского полка Л.А. Симанского описана сцена встречи Кутузова с Александром I в Вильно: «...подождав немного Государя в ближней комнате, доложили ему, что Государь имеет желание его видеть, он, встав со стула и взяв на плечи трофеи, два знамени, хотел идти в дверь, Государь, предупредив его, отворил от себя дверь, и он, увидев его, бросил сие знамя к ногам Императора»². Этот факт подтвержден и в мемуарах В.И. Левенштерна: «Кн. Кутузов поверг к его [императора] стопам несколько знамен, взятых графом Витгенштейном у неприятеля и только что привезенных курьером»³.

Справедливости ради, заметим, что далеко не все зависело от первых лиц, поскольку противостояние России и Франции происходило на очень большом театре военных действий. Огромное влияние на конечный результат имели правильные решения среднего звена генералитета, особенно на флангах, где и происходило противоборство русских и французских военачальников. Историками установлен факт, что в 1812 г. Наполеон, находясь при своей основной группировке, продвигавшейся к Москве, не смог успешно руководить фланговыми корпусами; поэтому много претензий предъявлялись историками (особенно французскими) маршалам и генералам, под чьей командой находились фланговые части Великой армии. Необходимо в данном случае прямо заявить, что русские генералы имели на флангах «переиграли» своих французских коллег в 1812 г. И во мно-

¹ Вильсон Р.Т. Дневник и письма 1812–1813. С. 282; Местр Ж. де. Указ. соч. С. 240.

² Российские мемуары эпохи наполеоновских войн. С. 250.

³ Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1901. № 2. С. 379.

гом даппый тезис можпо распротарпить па кампаии 1813–1814 гг., когда России возглавила коалицию союзников в борьбе против паполеовского господства в Европе, а театром военшых действий стала вся Центральная Европа. Тогда, естествеппо, значительпо увеличилось количество генералов в союзных войсках за счет комапдного состава европейских государств.

Заграничные ноходы. Генералитет нод главенством «кротчайшего монарха»

12 декабря 1812 г. в Вильпо император Алексапдр I заявил собравшимся генералам: «Вы спасли пе одну Россию, вы спасли Европу»¹. Собственпо в этих словах уже прозвучали будущие плапы императора о продвижении в Европу и достижении окончательной победы пад противником. Как было паписано в императорском манифесте 18 мая 1814 г.: «Дабы оградить Отечество от вторжения пе-приятелей, падежало выпести войпу вне пределов его и победопосные воинства НАШИ явились па Висле»². События 1812 г. сразу же стерли из памяти катастрофы и позор Аустерлица и Фридлапда и во мпогом вдохповили Пруссию встать плечом к плечу вместе с Россией против фращузской армии с целью изгпапия Наполеона из Европы. Как впоследствии паписал талаптливый военшый историк Д. Чандлер, «первым результатом русской кампаии было пепоправимое разрушение легепды о пепобедимости Наполеона... пепосредственными следствиями 1812 года были подготовка войпы за освобождение Германии и быстрое сужение сферы фращузского влияния в Европе»³.

Приезд императора в армию (вместе с пим в Вильпо прибыли и представители властной элиты: великий князь Копстаптин⁴,

¹ *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. III. СПб., 1905. С. 134.

² Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 155.

³ *Чандлер Д.* Военные кампаии Наполеона. М., 1999. С. 520.

⁴ О прибытии в армию великого князя Константина еще 4 ноября 1812 г. П.С. Пущин записал в своем дневнике: «Он снова вступил в командование нашим корпусом, что нам не особенно приятно, так опять пойдет в ход педантизм... появился лишь в одном мундире без пальто, несмотря на сильный холод. Он желал подать пример, но нам было только холодно, глядя на него» (*Пущин П.С.*: Дневник 1812–1814 годов; *Чичерин А.В.*: Дневник 1812–1813

А.А. Аракчеев, П.М. Волкопский, А.С. Шишков) повлек за собой очередную корректировку в расстановке сил в верхушке армейского управления. Новые назначения происходили не без личных столкновений и подковерной борьбы, чему способствовало и прибытие в армию императорского окружения. «Главная квартира, где присутствует особенно царь, – писал будущий декабрист С.Г. Волкопский, – есть тот же столичный быт дворцовых интриг». «Связи и интриги делают все, заслуги – очень мало», – вторил ему П.П. Раевский¹. Александр I вынужден был считаться с Кутузовым, но недовольный, во многом справедливо, его деятельностью, твердо решил взять под строгий контроль происходившие процессы. Тем самым главнокомандующий продолжал выполнять почетную функцию победителя Наполеона (что было очень важно для привлечения будущих союзников по европейской коалиции), но его роль оказалась уже несколько ограниченной². Но, без всякого сомнения, именно он оставался главнокомандующим.

В конце кампании 1812 г. стали отодвигать от дел П.П. Копыцына. «По тем же расчетам, по коим пал Бениксон, начал упадать и Копыцын; ибо слишком прославляемая в Петербурге слава его начала рябить в глазах Кутузова», – писал впоследствии С.И. Маевский. По его мнению, которое разделяли многие современники, К.Ф. Толь «после отступления неприятеля из Москвы начал играть большое лицо, независимо от Копыцына». Кутузов хотел видеть на должности дежурного генерала К.И. Оппермана, чему противился не хотевший терять своего влияния Толь. Но император распорядился по-своему. Пост начальника штаба занял его доверенный генерал-адъютант П.М. Волкопский. «Как мне показалось, – вспоминал позднее С.И. Маевский, – фельдмаршал этим выбором крайне был доволен, потому что живой свидетель царя мог ему пе-

годов. С. 72). Явно не обрадовался этому известию и другой автор дневника А.В. Чичерин (См.: Там же. С. 266).

¹ Волкопский С.Г. Записки. С. 276; Личные письма генерала Н.Н. Раевского // 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Баграциона. С. 238.

² Как считал, например, А.П. Ермолов: «Кутузов должен был пробудиться от бездействия и оставить роскошь. Государь, уважая лета его и понесенные им труды, сколько мог, продолжал его успокоение, и видя до какой степени старость ослабила дух и способности его, оставил при нем громкое звание главнокомандующего и одни признаки власти; управление же армиями возложил на людей ему известных» (Записки Алексея Петровича Ермолова. С. 291–292).

редавать живую картину фельдмаршала; при том, с пами он работал, когда хотел, а с Волкопским работал хотя и по певоле, по без отказа»¹. С этого момента все оперативные вопросы стали решаться через Волкопского при возросшей роли К.Ф. Толя². Он стал занимать должность генерал-квартирмейстера, дежурным генералом Главного штаба был пазпачеп Н.И. Селявин. Оба были хорошо известны Волкопскому, так как являлись его помощниками еще по службе в свите по квартирмейстерской части.

Все внутрепние вопросы военного управления (хозяйственные, подготовка резервов, пазпачепия, паграды, переписка царя и т. п.) уже с пачала войны Александр I сразу же замкнул па Аракчеева. «Июня 17-го дня, 1812 года в городе Свенцяпах, – писал об этом событии сам знаменитый современник, – призвал меня Государь к себе и просил, чтобы я опять вступил в управление военных дел, и с этого числа вся Французская война шла через мои руки, все тайные дописания и собственноручные повеления Государя Императора». Некоторые военачальники пачали его именовать даже дежурным генералом, за что получали замечания от царского фаворита³.

Роль Аракчеева в военном управлении в рассматриваемый период времени остается до сих пор до конца неисследованной в нашей историографии. Для публики он оставался в тени, но некоторое представление о значимости его фигуры в 1812 г. дает переписка между ним и Александром I⁴. Не случайно также, что большое количество документов той эпохи отложилось в его личном архиве (РГВИА, фонд 154). Во всяком случае, осведомленные современники отмечали его резко возросшую роль в коридорах власти. Секретарь императрицы Марии Федоровны петербуржец Г.И. Вилламов в паябре 1812 г. писал в письме: «Гр. Аракчеев – по

¹ Мой век, или история генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8. С. 161, 165; № 9. С. 253–254.

² Это подтверждает в своих мемуарах и А.П. Ермолов (См.: Записки Алексея Петровича Ермолова. С. 292–293).

³ Автобиографические заметки графа Аракчеева // Русский архив. 1866. Б/н. Стлб. 925–926; Столетие Военного министерства. Т. II. Кн. 2. С. 78, 88–89. Например, Аракчеев писал к генералу Ф.Ф. Эртелю 25 июля 1812 г.: «... прошу вас покорно меня титулом дежурного генерала не именовать, ибо оно не имел и вы нигде не изволили видеть в актах публичных» (Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 1. С. 97).

⁴ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: Опыт исторического исследования. Т. 2. С. 574–604, 664–665.

военной части в великой силе»¹. Прибывший в походе 1812 г. из армии в столицу А.А. Закревский в письме к А.Я. Булгакову отмечал: «Аракчеев в Петербурге сила всемогущая». Эту «силу» очень скоро почувствовал на себе и Кутузов. Он желал назначить на пост начальника артиллерии объединенных армий генерала Д.П. Резвого, но Аракчеев настоял, сославшись «на волю Государя», чтобы в этой должности был утвержден А.П. Ермолов². Сам Ермолов, судя по его мемуарам, просил императора избавить его от этого назначения, но «государь, в облегчение... приказал в случаях затруднительных отпосылать к графу Аракчееву: мне оставалось повиноваться»³. Причем старшего в чине генерал-лейтенанта Л.М. Яшвиля, дабы он не оказался в подчинении Ермолова, просто сняли с должности начальника артиллерии корпуса П.Х. Витгенштейна⁴. Аракчеев смог досадить и Барклаю, сменившему на посту главнокомандующего 3-й Западной армии Чичагова. Призванный в главную квартиру Барклай⁵ вынужден был несколько дней дожидаться приема у всемогущего любимца императора, а когда наконец 10 февраля 1813 г. был удостоен аудиенции, то подвергся изощренному унижению⁶. Напомним, что лишь 31 мая 1813 г. Л.Л. Беннигсен получил предписание (Александром I подписанное 25 мая 1813 г.) встать во главе сформировавшейся Польской армии, такое подчинение это объе-

¹ Дневник статс-секретаря Григория Ивановича Вилламова // Русская старина. 1912. № 11. С. 324.

² ОР РГБ. Ф. 41. Картон 86. Д. 8. Л. 6; *Дубровин Н.* Письма главных деятелей в царствование Александра I. СПб., 1883. С. 78–79; Мой век, или история генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8. С. 164–165; *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай. С. 263; Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко // Воспоминания современников эпохи 1812 года. С. 30–31.

³ Записки Алексея Петровича Ермолова. С. 295.

⁴ *Тихонов И.С.* Император Александр I не нарушил старшинства в чине... // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. XII. М., 2014. С. 427–428.

⁵ Как свидетельствует В.Р. Марченко, этот вопрос обсуждался на высочайшем уровне: «...при совещании государя с Кутузовым, сей последний откровенно отвечал, что против Барклая ничего не имеет, но с Беннигсеном служить не может. Вследствие того Барклай был назначен главнокомандующим армиею, шедшей осаждать Торунь... а Беннигсен оставался в Петербурге и после смерти Кутузова...» (Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко // Воспоминания современников эпохи 1812 года. С. 44).

⁶ Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко // Воспоминания современников эпохи 1812 года. С. 31.

дипение войск получило лишь 4 июля 1813 г.¹ Начальником штаба войск Бенингсена был назначен генерал-лейтенант К.И. Опперман, дежурным генералом генерал-майор И.Н. Ипзов, генерал-квартирмейстером – Б.М. Берг².

Полный контроль над армией через близких лиц позволил императору единолично принять стратегически важное решение о перепосе боевых действий за пределы России. Еще во время кампании 1812 года Александр I был уверен, что «если хотеть мира прочного и надежного, то надо подписать его в Париже»³. По некоторым мемуарам (Р. Вильсон, А.С. Шишков) Кутузов высказывался против перехода русскими войсками границы. Но в силу своей осмотрительности он ни разу официально ни в устной, ни в письменной форме не высказал своего мнения. Трудно четко определить его позицию в этом вопросе. Об этом же свидетельствует и вся штабная военно-оперативная документация, подписанные им приказы о продвижении войск на территорию Европы⁴. Кроме того, генерал-фельдмаршал по сути и не имел иного выбора: будучи слишком опытным и искушенным царедворцем, он не противился царской воле и выпущен был подчиниться. Как вспоминал позднее Н.Н. Муравьев-Карский: «Намерения Кутузова было оставаться на Эльбе и не идти далее вперед, но Государь был иного мнения и настоял на своем»⁵. Необходимо заметить, что далеко не весь генералитет выступал за остановку армии на границе. Например, еще в Тарутинском лагере в октябре 1812 г. П.А. Кикин в письме к отцу, пророчески предвидя катастрофу Великой армии при отступлении к нашим западным границам, писал: «скажу, что одно желание всех русских должно быть продолжение войны, которое неизбежно рано

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 3. СПб., 1890. С. 95, 106; Биографии графа Л.Л. Бенингсена // Военный сборник. 1905. № 4. С. 28; № 6. С. 27–28, 34.

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 3. С. 106.

³ Тайны царского двора (из записок фрейлин). С. 122–123.

⁴ Например, 3 января 1813 г. Кутузов писал П.В. Чичагову о необходимости наступательных действий: «Теперь же движения наши и быстрота оных нужна была для истребления неприятеля, пока он на правом берегу [Вислы] находится» (Война 1813 года. Материалы ВУА.Т. 2. С. 11).

⁵ Записки Николая Николаевича Муравьева // Русский архив. 1885. № 12. С. 458.

или поздно покажет достойно общего врага и, спасая Россию, спасет всю Европу»¹.

Генеральские страсти медленно затухали к концу 1812 г., хотя отголоски былых бурь были слышны и позднее. Совсем недавно опубликованы документы об отставке в январе 1813 г. от командования отдельным корпусом генерала Ф.В. Остен-Сакена после конфликта с М.А. Милорадовичем². Осведомленный петербуржец И.П. Одеталь в письме к А.Я. Булгакову от 5 января 1813 г. писал, что П.Х. Витгенштейн, сказавшись больным, сдал команду и «писал к Государю, что не может продолжать службу со связанными руками». В этом же письме сообщалось: «В армии три противных партии и это между подданными кротчайшего монарха!!!»³. Необходимо заметить, что Кутузов предпринял ряд шагов, чтобы осадить Витгенштейна, резко набравшего очки в 1812 г. и завоевавшего славу «защитника Петрополя». По мнению светлейшего князя, в операциях на Березине он показал себя не с лучшей стороны; помимо этого, ему ставили в вину беспрестанный уход за границу остатков войск маршала Макдональда.

Отметим другой важный фактор. В 1813–1814 гг. произошел карьерный взлет молодежи. За заслуги на поле брани 1812 г. генеральские чины получили многие. Основной поток наград и чинопроизводства за отличие пришелся на два последующих года. Генеральская среда пополнялась как ветеранами армии, так и молодежью. Эта новая генерация во многом определяла построение армейского офицерского корпуса, а ее появление вносило коррективы в расстановку сил. Молодая поросль догоняла стариков, возникали новые поводы во взаимоотношениях генералов. Многие следили уже не столько за ростом сверстников (имевших равные с ними чины), сколько опасались, что их обгонят молодые скороспелые карьеристы.

После того, как в зените славы ушел из жизни М.И. Кутузов, вся армия сожалела об этой утрате. Критически оценивали деятельность и кочину лишь его недавние конкуренты, такие как Беннигсен, который писал: «Но если позволено делать упреки умершему, то скоп-

¹ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч.V. М., 1900. С. 4.

² См.: Жуков К.Б. «Надо важных государственных узаконений не нарушать» // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. XI. М., 2013. С. 133–137.

³ Письма И.П. Одеталья к А.Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах // Русская старина. 1913. № 1. С. 188. И.В. Сабанеев сообщает в письме к М.С. Воронцову 2 января 1813 г.: «Витгенштейн сказался больным и уехал в Кенигсберг. Штейнгель просится» (Архив князя Воронцова. Т. 39. С. 357).

чавшегося фельдмаршала можно упрекнуть в том, что он не покинул сей мир восемью месяцами ранее; без него Наполеон со всеми своими главными королями остался бы в России...»¹. А.И. Михайловский-Данилевский также припоминал, что позже, «говоря о князе Кутузове, Бенингсеп, известный своим хладпокровием, выходил из себя и краснел песколко раз от злобы»². Его воззрения были попятны, поскольку лишь после смерти Кутузова он почти сразу же получил новое пазначение на пост главпокомапдующего Польской армии.

Но сразу же у Александра I возник пелегкий выбор: кем замепить умершего Кутузова? По мнению И.И. Лажечпикова: «Союзные цари погрузились в темную думу: кому поручать великое бремя предводителя войск и кто с полпой увереппостью на свои даровапия и опытпость предпримет доверпшить подвиг, столь славпо Исполипом пыпешпей войпы пачатый и продолжеппый?»³. Как считал впоследствии В.С. Норов, «никто из союзных генералов не мог замепить опытного князя Смоленского, оставшегося в Бунцлау на смертном одре»⁴. Нечто подобное написал и Н.М. Лонгипов: «Для боевой славы можно рассчитывать на всех наших генералов, по головы, чтобы руководить всем, не существует после горестной смерти великого Кутузова»⁵.

Главпокомапдующим же объединеппой русско-прусской армии был пазпачеп «победопоспый» П.Х. Витгенштейп, только педавпо произведеппый в полпые генералы и стоявший в самом конце списка по старшинству. Младше его среди полных генералов не было никого. Можно было точно предсказать реакцию генералитета. Этот выбор (крайне пеудачпый) российского императора был обусловлеп общественным мнением саповпого Петербурга в ущерб принципу старшинства. Под команду Витгенштейна ставовились все дееспособные полные генералы старше его в чине: М.Б. Барклай де Толли, М.А. Милорадович, А.Ф. Лапжероп, М.И. Платов, а в запасе по раз-

¹ К биографии графа Л.Л. Беннигсена // Военный сборник. 1905. № 4. С. 29. Позже только Ф.В. Ростопчин в апреле 1814 г. в одном из писем называл Кутузова «мошенником, которого поставили во главе войск», и писал о том, что благодаря этому он смог пропшыгнуть в «храм бессмертия» (Архив князя Воронцова. Т. 8. М., 1876. С. 470–471).

² Записки А.И. Михайловского-Данилевского: 1829 год // Русская старина. 1893. № 7. С. 193.

³ Лажечников И.И. Походные записки русского офицера. М., 2013. С. 108.

⁴ Российские мемуары эпохи наполеоновских войн. С. 442.

⁵ Из писем Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1912. № 5. С. 56.

мым причипам оставались Д.С. Дохтуров, Л.Л. Беппигсеп, А. Вюртембергский, А.С. Фепьш, помимо прусских генералов¹. Как считал А.И. Михайловский-Данилевский: «Король прусский подчипил также ему свои войска и писал Блюхеру, чтобы оп пазпачепнем графа Витгенштейпа не оскорблялся, ибо дело, говорил оп, идет не о чипах, а о спасении отечества»². Не удивительно, что в тот момент старейший полный генерал А.П. Тормасов не захотел подчипиться молодому в чине П.Х. Витгенштейпу и, «заболев», отбыл из армии.

Характерным для штабной молодежи было тогда осуждающее Витгенштейпа мнение А.А. Закревского: «много на себя берет и ничего не смыслит»; «Бестолковщина такая, что никто ничего понять не может»; «плапу никакого нет»³. В том же духе высказывался и впоследствии А.И. Михайловский-Данилевский: «не явил себя в блестящем виде, распоряжения его были самые плохие»⁴. Последовали и другие инциденты, в первую очередь с недовольным Милорадовичем, который в разгар сражения мог отказаться от командования арьергардом или через прислапного адъютанта передавать главнокомандующему выговор («когда он бывал под моим начальством, я не посылал ему противоречивых повелений»)⁵. Случались и другие столкновения между генералами и недовольствия друг другом. Например, в неудаче под Лютценом⁶ Витгенштейн, оправдывая отступление по причине недостатка в артиллерийских зарядов, переложил вину на командующего артиллерией А.П. Ермолова⁷. И тот был перемещен на строевую должность дивизионным командиром 2-й гвардейской дивизии⁸. Несколько непри-

¹ Мы не перечисляем в тексте всех генерал-лейтенантов, которые в 1812 г. были старше Витгенштейна, получившего этот чин в конце 1807 г.: Ф.В. Остен-Сакен, П.К. Эссен, П.А. Толстой, П.М. Капцевич, С.Н. Долгоруков, Ф.П. Уваров, А.И. Горчаков, Д.В. Голицын, Д.М. Волконский, Ф.Ф. Штейнгель, Е.И. Марков и др.

² *Михайловский-Данилевский А.И.* Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 332.

³ Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 240.

⁴ *Михайловский-Данилевский А.И.* Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 335.

⁵ *Михайловский-Данилевский А.И.* Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 340.

⁶ Сражение под Лютценом официально было представлено как победа.

⁷ *Гордін Я.* Ермолов. М., 2012. С. 270–272; Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Ч. 2. С. 84.

⁸ См.: *Накропин В.В.* А.П. Ермолов в должности начальника артиллерии всех действующих армий // Доклады Академии военных наук: Военная история. 2004. № 12. С. 51.

ятных столкновений с Витгенштейном дали повод Випципгероде оставить свою команду войск и перейти состоять при особе императора¹.

Кроме того, присутствие Александра I привело к повторению аустерлицкого опыта 1805 г. с Кутузовым и в начале кампании 1812 г. с Барклаем. Витгенштейн на законных основаниях считал: «В армии находится император, и я ожидаю повелений его величества». Таким образом, «никто не давал приказаний, государь падеялся на главнокомандующего, а тот на государя». После неудач под Лютценом и Баутценом, связанных с именем Витгенштейна, вся армия увидела, что «звание, в которое он был обличен, не соответствовало его силам». Его порицали не только русские, но и прусские военачальники, и даже младшие офицеры были построены критически по отношению к полководческим дарованиям нового главнокомандующего. Как вспоминал впоследствии М.М. Муромцев: «При Люцене у нас была огромная кавалерия, которую граф Витгенштейн не умел употребить, и она стояла без дела»². Примерно также оценивал это сражение прапорщик л.-гв. Егерского полка В.С. Норов: «Войска сражались геройски, но кровь лилась бесполезно; ибо не было ни связи, ни совокушности в атаках; кавалерия, столь превосходившая неприятельскую, по целым часам без пользы была удерживаема под огнем артиллерии. Корпус Милорадовича, столь сильный, целый день был продержан в бездействии там, где довольно было оставить одного урядника с сотнею казаков. Артиллерия рассеяна была по всей линии, малыми частями, и, наконец, к концу сражения недоставало спарядов! Резервы, вместо того, чтоб быть в полном распоряжении главнокомандующего, были разобраны по частям и по произволу»³. Те же самые упреки о бездействии в тот день 20-тысячной русской кавалерии сделал в адрес Витгенштейна Беннигсен⁴. Сражение при Люцене А.А. Закревский назвал «беспутным»: «было в этом деле

¹ Волконский С.Г. Записки. С. 252.

² Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцева // Русский архив. 1890. № 3. С. 370. Практически то же самое написал В.И. Левенштерн: «Наша многочисленная кавалерия осталась безучастной зрительницей этой резни» (Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1901. № 4. С. 184–185).

³ Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя. Ч. 2. СПб., 1834. С. 24–25.

⁴ К биографии графа Л.Л. Беннигсена // Военный сборник. 1905. № 5. С. 5.

7 главпокомапдующих, всякий по своему умепию приказывал, и после сей отличпой победы, мы уже в Бауцепе...»¹.

Поэтому Витгенштейп попросил уволить его со столь ответствепного поста. Самый активпый среди педовольпых гепералов Милорадович просил Алексапдра I личпо возглавить армию. На что, по словам А.И. Михайловского-Данилевского, император ответил: «Я взял па себя управление политических дел, что же касается до воепных, то не беру их па себя». Тогда Милорадович предложил: «Поручите армию Барклаю, оп старше всех» – «Оп не захочет комапдовать, – возразил государь». – «Прикажете ему... тот изменник, кто в теперешних обстоятельствах осмелится воспротивиться вашей воле»². Уговорить Барклая принять комапдование Алексапдр I поручил П.М. Волкопскому, который справился с этим поручепием³.

Вторичпый приход Барклая па пост высшего руководителя войск вызвал глухой ропот в офицерском корпусе, в первую очередь среди педовольпых его прошлой деятельпостью. Вот что сообщал 20 апреля 1813 г. в письмах М.С. Воропцову про циркулировавшие в штабпых кругах слухи о пазпачепии Барклая А.А. Закревский: «Сего крайпне не желают люди, живушие в главпой квартире; а служащие в липии душевно сего желают, да и польза службы сего требует»⁴. Как водится, в связи со смепой власти произошли очередные перестаповки в штабпых сферах, что только добавило Барклаю количество педоброжелателей. Уже среди гепералитета рассматривались возможные капдидатуры, пекоторые ратовали за ипострапцев. Как, например, писал во время Плейсвицкого перемирия Н.Н. Раевский: «Бешпигсен комапдует Резервной армией па Висле... И буде теперешпий не угодит, то Бешпигсен приготовлен па смепу. Из огня да в пламя! Дайте нам Берпадота»⁵.

Можпо только предполагать, во что вылились бы аптибарклаевские эмоции части гепералитета. Но в 1813 г. резко изменилась впешпеполитическая ситуация. Помимо Пруссии, в боевые действия против Наполеона па европейском коптинепте вступили австрийские и шведские войска. На главпом театре воепных действий союзпиками

¹ Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 240.

² *Михайловский-Данилевский А.И.* Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 332–337, 340, 346; *Щербинин А.А.* Военный журнал 1813 года // Там же. С. 268, 272, 275–277.

³ Император Алексапдр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Т. 4. СПб., 1847. С. 12–13.

⁴ Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 242.

⁵ Архив Раевских. Т. 1. С. 196.

были созданы четыре армии, из которых только одна Польская армия оказалась по составу русской, во главе ее стоял российский генерал (Л.Л. Беншигсен). В остальных (Северная, Силезская, Богемская армии) русские корпуса подчинялись генералам-ипострапцам. Барклай же лишь сохранил должность командующего русско-прусскими войсками в Богемской армии¹.

Внешнеполитический фактор притупил внутренние противоречия внутри российского генералитета. Необходимость противостоять претензиям со стороны прусских, шведских, австрийских (в первую очередь), а затем германских генералов в связи с пополнением 6-й коалиции войсками лоскутных немецких государств в определенной степени спланивала командный состав русской армии. В 1813–1814 гг. вопрос старшинства был выведен на международный уровень. Возникла проблема выяснения статуса российских военачальников и их взаимодействия с союзниками. Так, А.И. Михайловский-Данилевский вспоминал о переговорах 1813 г. с пруссаками, когда впервые «зашла речь о том, кому в случае совокупного действия русских и прусских войск подобно будет начальствовать русскому ли генералу или прусскому, с нашей стороны предложено было, чтобы тот принял команду, кто старше в чине...»².

Но и генералитет союзных с Россией стран страдал теми же болезнями, что и русские военачальники. Например, главнокомандующий Силезской армией Блюхер имел столкновения не столько с русскими командующими корпусами (Лапжероном и Остеп-Сакеном), сколько со своим прусским коллегой генералом Г.Д.Л. Йорком, также командовавшим корпусом. Йорк после оскорбления его Блюхером решился даже просить у своего короля увольнения от должности³. В Северной армии командовавшие корпусами прусские генералы Ф.Б.Э. Тауэнци и Ф.В. Бюлов также откровенно выражали постоянное недовольство пассивным руководством шведского наместника Карла-Юхана⁴. В данном случае отметим популяр-

¹ По свидетельству А.И. Михайловского-Данилевского: «Предлагали его величеству вернуть Силезскую армию Барклаю вместо Блюхера, но император отклонил сие и доказал тем, что он в предстоявшей войне искал не газетной славы русскому оружию, но прочного основания для общего мира» (*Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники*. С. 348).

² *Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники*. С. 319.

³ *Богданович М.И. История войны 1813 года за независимость Германии, по достоверным источникам*. Т. 1. СПб., 1863. С. 42.

⁴ Там же. С. 83–84, 227.

пость и уважаемость русского генералитета среди населения Германии. Вот что, вспоминая, писал по этому поводу А.Ф. Раевский: «Удивительно, как скоро познакомились жители с именами русских генералов»¹. Когда в 1835 г. казачий генерал М.Г. Власов представлялся прусскому королю Фридриху-Вильгельму III, тот заявил, что на всю жизнь очень хорошо запомнил фамилию донского генерала по его подвигам и полученной славе на германской территории в 1813 г.²

Все же, руководствуясь веками испытанным и проверенным в «партийных» схватках принципом старшинства, русские генералы совместно со своими коллегами из европейских армий успешно довели русские войска до Парижа. Страсти были перенесены в высшие военно-дипломатические сферы, и кипели они теперь главным образом в ставке союзников, где имелось даже слишком много ипохондриков. Вот как оценивал, например, состояние дел в начале осепей кампании 1813 года М.Б. Барклай де Толли: «Мы имеем превосходную армию, но, к несчастью, слишком много советчиков, ряды которых пополнили Моро и перебежавший от Наполеона генерал Жюмпи»³.

Основная интрига в тот период приобрела международный характер, где, без всякого сомнения, первую скрипку играл Александр I. В этой области ему не было равных. Великобритания, Австрия и даже Пруссия испытывали глубокие опасения по поводу того, что Россия при дальнейшем победоносном продвижении вперед получит огромное влияние в германских и европейских делах. Вот, как оценивал на тот период поведение австрийского императора Франца I известный всем А.Х. Бенкендорф: «Его генералы ревниво отпосились к нашим, и старинная национальная вражда между Россией и Австрией постоянно порождала споры и взаимные упрёки. Только

¹ *Раевский А.Ф.* Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. М., 2013. С. 47.

² *Пузанов В.В.* История 5-го Донского казачьего Войскового атамана Власова полка. Саратов, 1913. С. 26–28.

³ Письма генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли 1812–1815 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историкография. Т. XI. С. 238. Н.Н. Муравьев-Карский критично оценивал деятельность А. Жюмпи в тот период: «Хотя книга его признавалась дельною военными людьми, но он сам не был таким, каким его полагали. Теория и практика предметы весьма различные, и еслиб Жюмпи не пользовался расположением Государя, который иностранцев часто предпочитал русским, то на него не обращали бы внимания, и остался бы он в презрении» (Воспоминания Н.Н. Муравьева // Русский архив. 1886. № 1. С. 7).

император (Александр I. – В.Б.) держал в своих умелых руках ключ от этого пути, столь искусно согласованного с его политикой. Он был выпущен без конца бороться против претензий союзников, дипломатических интриг и дразн между военачальниками»¹. До сих пор в отечественной историографии деятельность российского императора как главного политического вождя и вдохновителя 6-й коалиции не прошла адекватной оценки². Вряд ли правильно категоричное утверждение, что он являлся главнокомандующим во время военных действий 1813–1814 гг., по степени его личного участия в принятии стратегических решений была очень высока.

О том, что Александр I стоял у истоков антинаполеоновской коалиции, упоминает большинство авторов. Именно его личная позиция сплачивала союзников и определяла стратегическую линию поведения, хотя советская историография отдала приоритет Кутузову, в литературе не принято было называть Александра I военно-политическим лидером союзников. Но официально-делопроизводственная документация того периода – переписка Блюхера, Карла-Юхапа, Барклая, Беннигсена и других генералов с российским императором – дает полные основания говорить о том, что именно он являлся и теплым главнокомандующим союзных армий. Во всяком случае, в спорных случаях к нему в первую очередь обращались и докладывали ситуацию главнокомандующие Северной и Силезской армий. А.И. Михайловский-Данилевский даже в 1815 г. писал о том, что Блюхер «пребрегает прочими монархами Европы и дорожит только двумя предметами: привязанностью прусской армии и уважением нашего Государя. “Он мой император, – говорит часто почтенный старик, – я ему допущу о моих военных действиях, а уже он пусть сообщает их королю. Он один может меня судить, и я от него принимаю охоту и выговоры, и награждения”»³. Александр I в первую очередь (а не Шварценберг) реально контролировал решения Северной (Карл-Юхеп, как последний принцип, считал не зазорным подчиняться только Александру I), Силезской и Польской армий⁴, пытался воздействовать на активность главнокомандующего

¹ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. С. 258.

² См.: Соловьев С. Указ. соч. С. 237–238; Капустина Т.А. Александр I и Заграничные походы русской армии // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. М., 1999. С. 26–35.

³ Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары 1814–1815. СПб., 2001. С. 239.

⁴ Приказы Александра I Л.Л. Беннигсену за 1813–1814 гг. см.: К биографии графа Л.Л. Беннигсена // Военный сборник. 1905. № 4–12.

Северной армии (у Шварценберга не хватило бы авторитета). Ему, а не Шварценбергу подчинялись все русско-прусские корпуса Богемской армии (через Барклая). Под юрисдикцией австрийского главнокомандующего оставались и напрямую подчинялись только австрийские части.

Все же стратегические решения Шварценберга должны были утверждаться советом трех монархов, где главная роль принадлежала Александру I – прусский король подходил под его влияние с давних пор, а австрийский император был достаточно индифферентен к военным вопросам. Де-факто из четырех армий союзников под русским императорским оком и контролем находились три с половиной армии¹.

Многие русские военачальники выражали недовольство, что среди главнокомандующих трех основных армий союзников после Плейсвицкого перемирия не было ни одного русского генерала, а высшее командование находилось в руках австрийского фельдмаршала К. Шварценберга. Существовало громадное расхождение между принципами ведения войны русских и австрийских военачальников, это проявлялось в стиле руководства войсками, стратегических и тактических вопросах, военных обычаях, что на практике приводило к взаимному недоверию и ревности. Причем это было заметно уже во времена Итальянского и Швейцарского походов А.В. Суворова в 1799 г. и позднее в кампанию 1805 г. Достаточно только просмотреть переписку Барклая де Толли с женой за 1813–1814 гг., чтобы понять степень недовольства русского генералитета австрийскими генералами, в первую очередь главнокомандующим К. Шварценбергом. Приведем лишь несколько выдержек из его писем жене за этот период: «Все могло бы идти еще лучше, если бы наш главнокомандующий фельдмаршал князь Шварценберг был бы более одаренным и решительным полководцем»; «Вообще с этими австрийцами я оказался здесь в настоящей преисподней, и ни о чем не мечтаю столь же страстно, как об отделении от них»; «Для меня теперь совершенно ясны причины несчастий Австрии. Это медлительность, перешительность во всех отраслях управления, которые не поддаются описанию, и тупое оцепенение пачи. Никакой энергии, полное отсутствие того национального духа, который живет в славных пруссаках»².

¹ Д. Ливен считал, что Александр I «предпочитал действовать из-за плеча фактического главнокомандующего, что ставило последнего в очень неловкое положение» (*Ливен Д.* Россия против Наполеона. С. 471).

² Письма генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли 1812–1815 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историкография. Т. XI. С. 238–241.

Это подтверждал и Михайловский-Данилевский: «Упрямство австрийцев и систематической их медлительности никакими красками описать нельзя, и хотя они дорого за нее заплатили в прежних своих походах, но были неизлечимы»¹. Недовольство ипостранным командованием высказывал в своем дневнике и П.П. Коновницын: «Начальство главное под союзными войсками во всех отпущениях принадлежать должноствовало Российскому генералу, а не Австрийскому, ибо сие бы сообразовывалось с величием нашей пации и наших успехов, дающих всей Европе первенство! Влияние было бы сильнее и дела вообще пошли бы лучше»².

Мало того. Некоторым генералам припомнили их австрийское прошлое. Так, В.И. Левенштерн давал не совсем лестную характеристику Ф.Ф. Виципгерде, до этого служившему у австрийцев: «...это был человек честный, храбрый... по справедливости требует сказать, что он был хуже всякой бездарности, тогда как он имел все данные, чтобы внушать к себе уважение». Анализируя составленную Виципгерде диспозицию, он написал: «Читая этот документ, можно подумать, что он написал одним из тех австрийских генералов, которые оставались верны старинной системе ведения войны, хотели защитить все пункты и потому не успевали защитить как следует ни одного»³.

Русские корпуса были распределены по всем армиям (кроме Польской, состоявшей из русских частей), но именно это давало возможность российскому императору контролировать действия главнокомандующих, воздействовать на них как сверху через личную переписку, так и подталкивать их в нужном направлении через давление снизу – это делали русские генералы, находившиеся в их подчинении. Как писал впоследствии А.Х. Бенкендорф: «Таким образом, новый этап борьбы происходил под покровительством наших эманс, руководимых талантом и могуществом императора Александра. Как всегда его политика отличалась умеренностью, он собрал армии Европы под командованием прусских и австрийских военачальников и шведского принца. Все мелкие честолюбия были удовлетворены. Мы же в деле восстановления европейской незави-

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 354.

² Дневник генерал-адъютанта графа Петра Петровича Коновницына (с 10 июня 1813 по 29 сентября 1815 г.) // Коновницын А.И. Подвиги славных предков в годовщину Отечественной войны. СПб., 1912. С. 168.

³ Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1901. № 4. С. 179, 188.

симости положили па чашу весов только паше мужество и старание»¹.

Барклаю де Толли подчинялась добрая часть Богемской армии, а также имеппо ему докладывали ситуацию все комапдиры русских корпусов, входивших в состав Силезской и Северпой армий, во всяком случае, оп постоянно папомипал им о пеобходимости это делать. Приведем песколько выдержек из его переписки. 9 июня 1813 г. оп писал гепералам М.С. Воронцову и В.И. Гарпе, части которых входили в прусский корпус Ф.В. Бюлова: «Хотя состоите в корпусе геллейт. Бюлова, по сие отпосится едипствеппо к движениям во время воепных действий, впрочем обо всех распоряжениях по впутренней службе, ровпо и получаемых даже и во время самых воепных действий повелепиях должны допосить ко мпе»². Апалогичные требования оп выдвигал и гепералу Ф.В. Остеп-Сакепу 10 сентября 1813 г.: «Хотя и предписапо было в[ашему] п[ревосходительству] состоять под пачальством геперала Блюхера и, отпосясь к нему, все повеления его как комапдующего Силезскою армиею выполпять в точпости, по сие отпосится едипствеппо до воепных операций, в прочем как в[аше] п[ревосходительство] комапдуете корпусом российских войск, состоящих под пачальством, то само по себе разумеется, что я должен быть сведущ, как о состоянии, так и действиях комапдуемого вами корпуса, почему покорпо прошу... впредь доставлять ко мпе 10-ти дпевные и строевые рапорты, списки отличившихся, и журпал воепных действий чрез каждые 4 дпей и вообще о войске, до службы отпосящихся»³. Кроме того, видимо, благодаря Барклаю Александр I всячески ограпичивал ипостраппое вмешательство в дела русских частей. Для примера приведем выдержку из предписапия Барклая М.И. Платову от 25 декабря 1813 г.: «Государю Императору угодно, чтобы войска паши не раздраблявались па малые отряды, по были бы сколько можпо вместе, а потому всякий раз об откомапдировании какой-либо части к войскам союзных держав будете... получать повеление о том прямо от Государя Императора или от мепя, в прочем пи по чьим повелепиям выполпять сего не должно»⁴.

Кульминацией воепных действий в 1813 г. стало Лейпцигское сражение, пазваппое затем «Битва пародов», где решилась дальнейшая судьба Германии. Но за окопчательную победу российские войска заплатили самую высокую цену – их потери составили 38 тыс.

¹ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. С. 220.

² Война 1813 года. Материалы ВУА. Т. 1. С. 117.

³ Там же. С. 202.

⁴ Там же. С. 285.

чел. (всего из 58 тыс. у союзников), в том числе погибли или получили смертельные ранения 9 русских генералов: И.Г. Шевич, И.В. Маптейфель, Д.П. Неверовский, Я.Е. Гипе, И.Б. Ререп, Н.Д. Кудашев, Ф.А. Липдфорс, В.И. Каратаев, И.И. Полетаев. Это более чем в два раза превышает потери в Бородипском сражении, что можно частично объяснить лишь тем фактом, что генералитет хотел отличиться перед императором. Нашоминанием о подвиге наших воипов являются 14 улиц Лейпцига, которые сегодня посят фамилии русских генералов, сражавшихся в Битве народов (М.Б. Барклая де Толли, Л.Л. Беппигсеп, Ф.Ф. Випципгероде, П.Х. Витгенштейпа, А.И. Горчакова, И.И. Дибича, Д.С. Дохтурова, И.В. Маптейфеля, Ф.В. Остеп-Сакепа, П.П. Палепа, П.А. Строгапова, К.Ф. Толя, В.А. Препделя, Е. Вюртембергского)¹.

Победопосная осепная кампания 1813 года породила серьезные проблемы, так как возникла повая международная ситуация, повый расклад сил в Европе. Войска союзников в пачале поября 1813 г. подошли к Рейпу и сделали времепную остаповку на два месяца, продолжились лишь продвижение в Северную Германию и Голландию². Вполне очевидно, что союзные армии после проведения столь папряженной кампании 1813 года, пуждались в отдыхе, пополнении, создании повых коммуникаций, подтягивании тылов и обеспечении флапгов. Но возникли и другие резопы, хотя логика войны требова-ла дальнейших паступательных действий во Францию. С одной стороны, Рейп являлся естественным рубежом, за которым французы могли успешно обороняться, с другой стороны, перед вступлением союзных войск на территорию Франции в их рядах слышались опасения, что французы могут вновь вспомнить традиции 1792–1793 гг. и, как тогда, возьмутся за оружие. С подобными доводами выступал главнокомапдующий К. Шварценберг, подавший докладную записку своему императору Фрапцу I, где выступал против продолжения войны на французской земле. Это мпение разделял и Меттерпих,

¹ См.: *Тумин Е.* Русские воины в Битве народов. Лейпциг, 2013. С. 16–19.

² В манифесте от 6 декабря 1813 г. говорилось: «Не проходит еще года, как уже победоносные наши знамена веют на берегах Рейна и ополчавшаяся против нас Европа ныне добровольно шествует с НАМИ... Толь великая на всем лице земли перемена не могла совершиться без особенной на то власти Божией. Его всемогущая десница возносит и низлагает судьбы народов и Царств» (Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. С. 149).

не хотевший допустить усиления влияния России на европейские дела¹.

Да и в окружении российского императора были люди, высказывающие подобные мнения или же опасения в возможной неудаче союзников. Они говорили об опасениях столкнуться с народной войной во Франции. Укажем, что сторонником остановки союзников на Рейне в окружении Александра I являлся адмирал А.С. Шишков². 6 ноября 1813 г. он даже представил императору записку «Разсуждение о нынешнем положении нашем». Адмирал опасался за успехи союзников на территории Франции, предлагал остановиться и выстроить заслон из австрийцев и воинских контингентов немецких государств. Следует в данном случае отметить противоречивость позиции Шишкова, так как он полагал: «Мир с Наполеоном был невозможен; ибо Франция под его нравительством не могла долго оставаться снокойной; а потому надлежало заключить оный или с нею, или с тем, кто после него будет управлять»³.

Александр I ознакомился с мнением старого адмирала и не согласился с ним. Это противоречило его принципам и убеждениям. Еще в конце 1812 г. на вопрос фрейлины Р.С. Стурдзы «Разве кто-либо осмелится еще раз переступить наши границы?» российский император ответил: «Это возможно; но если хотеть мира прочного и надежного, то надо подписать его в Париже, в этом я глубоко уверен»⁴. Его будущая программа для русской армии видна из приказа войскам, отданного в декабре 1813 г., в котором говорилось: «Мы уже снаси, прославили Отечество свое, возвратили Европе свободу ее и независимость. Остается увенчать великий подвиг сей желаемым миром. Да водворится на всем шаре земном снокойствие и тишина! Да будет каждое царство под единою собственною нравительством своего властия и законами благополучно!»⁵. Даже в тексте самого приказа чув-

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. VII. М., 1970. С. 551, 775

² В.Р. Марченко писал, что в Базеле, как он полагал «из трусости», остался Шишков: «Он предрекал народную войну и пагубу нам, в минуту даже прощанья моего с ним». (Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко // Воспоминания современников эпохи 1812 года. С. 51).

³ Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Т. 1. С. 237–243.

⁴ Тайны царского двора (из записок фрейлин). С. 122–123.

⁵ Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, следовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. С. 151.

ствуется бескомпромиссная позиция российского монарха и его намерение установить новый нрядок взаимоотношений между странами.

Также стоит отметить другой момент – деятельность русского командования по тыловому обеспечению войск в кампании 1813–1814 годов. Это всегда являлось ахиллесовой нтятой российской императорской армии; достаточно всномнить недостаток армейского продовольствия в 1805 г., который подтолкнул командование на наступательные действия, что привело к поражению при Аустерлице, или бедственное состояние войск в кампании 1807 года, когда солдаты голодали. Начиная с 1813 г. русские штабы и военачальники приложили максимум организационных усилий, чтобы мобилизовать имевшиеся финансовые и транспортные ресурсы империи и обеспечить армию амуницией, провиантом и боеприпасами. При этом необходимо учитывать, что все тыловые базы и резервные войска в этот период находились на западных границах империи и в герцогстве Варшавском. Линии снабжения протянулись через всю Германию, что требовало налия большого подвижного состава для транспортировки грузов (номимо организационных мероприятий по добыванию провианта и экипировки).

В своих действиях российский император опирался на штабную сферу, где номимо П.М. Волконского и М.Б. Барклая де Толли основную роль играли открытые в 1812 г. молодые штабные дарования – И.И. Дибич и К.Ф. Толь. Их конкурентами (те, с которых они брали пример) в какой-то степени выступали в 1813–1814 гг. прусские талантливые генштабисты – эрудированный Г.И.Д. Шаргорст («книжный червь из Ганновера», как называли его прусские офицеры) и всныльчивый, но одаренный большими способностями А.В. Гнейзенау. Правда, в данном случае можно только согласиться с выводом, сделанным недавно английским исследователем Домиником Ливеном: «К 1813–1814 гг. российская армия обрела боевой опыт. К этому времени многие генералы достигли высокого уровня мастерства, а штабы стали работать гораздо лучше по сравнению с началом кампании 1812 года»¹.

Правда, необходимо отметить, что несколько нервых фаз кампании 1814 года в целом были выиграны Наполеоном искусным маневрированием против двух разделенных армий союзников, имевших превосходящие силы. С одной стороны действовала Богемская армия суверенного К. Шварценберга (онасававшегося обходов и отступающего при любой опасности), а с другой стороны – Силезская

¹ *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. С. 49.

армия порывистого и панористого Блюхера (постоянно бросавшегося в наступление и подставлявшего под удар свои фланги). Противоречия между главнокомандующими создавали нездоровую атмосферу в союзных штабах и мешали выработке скоординированных планов совместных действий.

Во время заграничных походов Александру I пришлось приложить максимум усилий в борьбе с тяжеловесными положениями стратегической линии поведения Австрии. Не раз ему приходилось, используя свой высокий статус российского императора и авторитет среди союзных монархов, сталкиваться с австрийским главнокомандующим К.Ф. Шварценбергом и заставлять принимать последнего русскую точку зрения. Личное вмешательство Александра I в решение чисто военных проблем принесло союзникам победы под Кульмом, Лейпцигом¹; а настойчивость в реализации мудрого замысла броска союзных войск на Париж позволила поставить победную точку в кампании 1814 года².

Участие в делах Венского конгресса, решавшего участь Европы и мира, принимали, помимо великого князя Константина, и генерал-адъютанты Александра I: П.М. Волконский, Ф.П. Уваров, А.П. Ожаровский, А.И. Чернышев, П.В. Голенищев-Кутузов, В.С. Трубецкой, Н.Г. Реннин и А.Жомини, а К.О. Поццо ди Борго являлся полномочным министром (один из шести уполномоченных от России), из генералов присутствовали также князь С.Н. Долгоруков и граф И.О. де Витт (сопровождал императора при осмотре мест сражений при Аснерне и Ваграме, как участник событий 1809 г. с французской стороны, так же как и Чернышев)³. Безусловно, в этом городе развернулась ожесточенная дипломатическая борьба, но и присутствие в Вене военной свиты царя явно было не лишним, поскольку Европа на какой-то момент даже оказалась на пороге новой войны – на этот раз между нереругавшимися союзниками из-за дележа территорий. Лишь возвращение Наполеона во Францию (знаменитые

¹ По словам А.Я. Булгакова, Лейпцигскую битву москвичи называли «Александровское сражение» (Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. С. 368).

² До сих пор не утихают споры о том, кто из перечисленных первый предложил двинуться на Париж. Так, например, сразу после смерти П.М. Волконского его вдова С.Г. Волконская просила императора и получила разрешение «начертать на памятнике покойного князя “19-е марта 1814-го года”, в ознаменование того, что князь Петр Михайлович Волконский первый дал мысль Императору Александру I идти прямо на Париж» (Заметки и дневники Л.В. Дубельта // Российский архив. Т. VI. С. 188).

³ *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. III. С. 269, 288.

«Сто дней») заставили европейские державы забыть взаимные претензии и вновь объединиться против общего врага.

Очень показательна роль российской армии в этот период. Об этом свидетельствует реакция Александра I на просьбу М.Б. Барклая де Толли по причине расстройства здоровья получить отпуск в августе 1814 г. Вот его ответ при отказе: «Вам известно, что политическое положение дел в Европе не приведено еще к концу и что окончание оных следует быть определено на собирающемся в Вене конгрессе. Из сего следует, что для достижения желаемой цели нужно, чтобы армия, вверенная Вам, находилась в совершенном устройстве, а потому присутствие Ваше при ней для окончания начатого уже вами комплектования необходимо...»¹.

Поход русских войск во Францию в 1815 г. всегда оставался в тени для нашей историографии. В главном событии этой кампании – сражении при Ватерлоо – участвовал только один русский генерал Поццо ди Борго (в качестве носителя во Францию), правда он умудрился, находясь рядом с А.У. Веллингтоном на поле боя, получить контузию, за что был пожалован орденом Св. Георгия 4-го класса и несколькими иностранными орденами².

Основные силы русской армии под командованием М.Б. Барклая де Толли, направленные к границам Франции, просто физически не могли принять участие в военных действиях, хотя они шли достаточно быстро из Польши. Только авангард под командованием генерала К.О. Ламберта в начале июня участвовал в боях вместе с баварцами. Второй поход во Францию российских войск оказался почти бескровным, многие мемуаристы называли его военной прогулкой. После перенравы через Рейн русские полки лишь блокировали крепость Мец, где противник оказал упорное сопротивление, предприняв ряд вылазок [гарнизон сдался лишь 12(24) июля]. Сходу канитулировала лишь крепость Марсаль. Русские части также участвовали в окружении крепостей Меца, Вердена, Витри, Тионвиля, Туля, Саарбрюкена, Суассона, Фальцбурга и Ла-Шти-Шьер, затем Бич и Сарлуи, а специально сформированный отряд генерал-адъютанта А.И. Чернышева смог взять г. Шалон-сюр-Марн, при этом попали в плен генерал А. Риго и до 500 рядовых, а также было захвачено шесть

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 4. СПб., 1891. С. 70–71.

² См.: *Туссен И.* Поццо ди Борго: Другой корпусканец. СПб., 2013. С. 265, 270

орудий (единственные русские трофеи в этой кампании)¹. Кроме того, русским отрядам в тылу пришлось еще бороться в лесах Вогезских гор с французскими партизанами, представлявшими более грозную силу, чем в кампании 1814 года. Этими фактами ограничивается участие русских в 1815 г., если конечно не считать тягот похода войск с берегов Вислы к набережным Сены.

Именно события похода 1815 г. и особенно смотр русских полков в Вертю любил вспоминать Александр I. Вот что записал в своем дневнике его флигель-адъютант А.И. Михайловский-Данилевский: «1815 год был едва ли не блистательнейший в его жизни; он в оном довершил торжество России над всеми державами, уничтожил лютейшего врага нашего и основал священный союз, которому прежде не было примера².

Генералитет в послевоенной мирной России

Борьба за упрочение в армии в 1812 г. стала закономерным явлением, порожденным острой общественно-политической ситуацией в России. Сначала на первый план вышел профессиональный аспект. В штабных сферах велись споры по поводу способов и методов достижения победы, но в последующем они приобрели национальный оттенок. Всплеск недовольства действиями М.Б. Барклая де Толли привел к созданию неформальной группы генералов, которую условно можно назвать «русской» партией. Прямым результатом ее деятельности стало назначение общего главнокомандующего – М.И. Кутузова. Хотя лидеры этой партии, в первую очередь П.И. Багратион, возражали против подобного решения. С прибытием Кутузова к армиям военная оппозиция потеряла возможность действовать в легитимных рамках, отпала необходимость и в гонениях на генералов-иностранцев. Борьба мнений часто перерастала в личные столкновения, все их невозможно проследить и проанализировать.

Вскоре у Кутузова среди высших военачальников появилось критиков не меньше, чем в свое время у Барклая, но создать единую оппозицию, в силу взаимных претензий противников главнокомандующего, не удалось. Это обстоятельство давало возможность Кутузову

¹ Правда, С.Г. Волконский, далеко не объективно относившийся к А.И. Чернышеву, утверждал, что город был сдан без боя и русские мирно вошли в город (См.: *Волконский С.Г. Записки*. С. 339).

² Из воспоминаний Михайловского-Данилевского: 1817 год // *Русская старина*. 1897. № 7. С. 75.

ноодиночке разбираться со своими главными недоброжелателями. К окончанию кампании 1812 года все недовольные покинули ряды армии. С приездом к войскам Александра I в конце 1812 г. ситуация среди генералитета стала контролироваться лично монархом, что затруднило создание каких-либо крупных группировок. После смерти Кутузова первая роль в армии перешла к императору. Это обстоятельство заслуживает положительной оценки, поскольку в условиях коалиционной войны Александр I оказался более полезным в качестве политического руководителя, вдохновителя, фактического создателя и лидера союза европейских государств в борьбе против Наполеона.

Что же происходило с российской армией, а следовательно, и Россией после окончания наполеоновских войн? Вот как описывал ситуацию Ж. де Местр в одном из писем 31 декабря 1815 г.: «Никогда еще не бывало ничего, подобного русской армии. В ней под ружьем 560 000 человек; одни только резервные войска состоят из 180 000 пехоты и 80 000 кавалерии; это лучшая молодежь в свете, которую ничуть не беспокоит миллион уже загубленных жизней. Вот наилучшее представление на конгрессе. Если вспомнить, что у Петра I было только 30 000 солдат во всей империи... невольно задаешься вопросом, куда приведет нас это непрерывное увеличение военной силы»¹.

Любая война имеет свое эхо, которое потом долго звучит. Еще в 1814 г. произошли перемены в назначениях на высшие государственные посты, сделанные по чрезвычайным обстоятельствам накануне войны 1812 г., что символизировало смену внутриполитического курса в России. Ф.В. Ростопчин и А.С. Шишков одновременно 30 августа 1814 г.² были уволены со своих постов и им повелено было состоять членами Государственного совета «в воздаяние долговременной службы и трудов, понесенных в минувшую войну»³. Вот как позднее это событие прокомментировала Н.Ф. Нарышкина: «...отставка отца не сопровождалась никаким лестным рескриптом, ни тем более любезным письмом»⁴. Ясно, что национально-ориентированная позиция двух сановников (в том числе и галлофобия) оказалась не нужной на государственном уровне. Да и дальнейшее нахождение

¹ *Де Местр Ж.* Указ. соч. С. 282.

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 4. С. 77–78.

³ *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. III. С. 260; *Минаков А.Ю.* Указ. соч. С. 188, 202. Одновременно с этим из ссылки был возвращен М.М. Сперанский.

⁴ *Нарышкина Н.* 1812 год, граф Ростопчин и его время. С. 224.

их в правительственной команде уже не устраивало лично Александра I. Он и так был вынужден их терпеть в течение более двух лет. Это, видимо, чувствовали и сами сановники, например, Ростопчин в письмах С.Р. Воронцову от 26 и 28 апреля 1814 г. писал о том, что он собирается поговорить с Александром I о своей отставке¹.

После окончания военных действий главнокомандующими 1-й и 2-й армий стали Барклай де Толли и Беннигсен. Барклай вскоре умер (1818) и на его место получил назначение Ф.В. Остен-Сакен. Уже в 1817 г., комментируя высочайший смотр 2-й армии, А.И. Михайловский-Данилевский заметил: «Беннигсен находился в немилости, ибо в продолжение всего утра государь с ним не говорил почти ни слова; думали, что он после сего выйдет в отставку, что вскоре и сбылось»². По мнению Александра I, Беннигсен был слишком снисходителен к своим подчиненным, в 1818 г. его заменили П.Х. Витгенштейном. Новые главнокомандующие получили чин генерал-фельдмаршала уже после смерти императора в 1826 г.

Примечательно, что управляющий военным министерством в 1812 г. генерал-лейтенант А.И. Горчаков, произведенный 30 августа 1814 г. в чин генерала от инфантерии³, в 1815 г. из-за недовольства Александра I его деятельностью (хотя и награждался орденами) в 1815 г. был уволен от должности и отдан под суд за выявленные в провиантском ведомстве хищения (умер в 1817 г., находясь под судом)⁴. Сразу встал вопрос – кого назначить? Аракчеев еще в Париже в 1815 г. рекомендовал А.П. Ермолова. Весьма интересными и не лишенными здравого смысла были его доводы, приведенные им императору: «Армия наша... нуждается в хорошем военном министре: я могу указать Вашему Величеству на двух генералов, кои могли бы в особенности занять это место с большою пользою: графа Воронцова и Ермолова. Назначению нервного, имеющего большие связи и богатства, всегда любезного и приятного в обществе и не лишнего деятельности и тонкого ума, возрадовались бы все: но Ваше Величество вскоре усмотрели бы в нем недостаток энергии и бережливости, какие нам в настоящее время необходимы. Назначение

¹ Архив князя Воронцова. Т. 8. С. 317–320, 470–471.

² Из воспоминаний Михайловского-Данилевского: 1817 год // Русская старина. 1897. № 7. С. 74.

³ Сборник исторических материалов извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 4. С. 76–77.

⁴ Опись дел архива Государственного совета. Т. 1. СПб, 1908. С. 131–132, 212, 243; ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXXIII. № 26021.

Ермолова было бы для многих весьма неприятно, потому что он начнет с того, что нерегулируется со всеми; но его деятельность, ум, твердость характера, бескорыстие и бережливость его бы вполне впоследствии оправдали»¹.

Скорее всего, сам Аракчеев не был заинтересован, чтобы молодые и популярны генералы занимали ведущие позиции в военном ведомстве. В результате в 1815 г. военным министром был назначен П.П. Коновницын, который не имел опыта в хозяйственных делах военного ведомства. Видимо, поэтому его сменили не боевые генералы, а больше администраторы с управленческим опытом хозяйственной деятельности: с 1819 до 1823 г. на этом посту находился генерал П.И. Меллер-Закомельский, с 1823 по 1827 г. генерал А.И. Татищев, до этого 15 лет занимавший должность генерал-кригс-комиссара. Правда, пост военного министра в этот период потерял свое бывшее значение, за Военным министерством остались лишь военно-хозяйственные дела (денежные, счетные и снабженческие). Все функции управления армией были переданы в Главный штаб (в том числе ему было подчинено и Военное министерство)². В привилегированном положении этот орган находился до 1832 г., пока А.И. Чернышев, заняв и министерский пост, и должность руководителя Главного штаба, не установил в воинской структуре управления вновь главенство Военного министерства.

С 1815 по 1823 г. Главным штабом руководил один из самых доверенных генерал-адъютантов императора князь П.М. Волконский³, в 1824 г. его сменил генерал И.И. Дибич⁴. С 1815 по 1823 г. должность дежурного генерала Главного штаба и директора Инспекторского департамента (все дела по личному составу армии)

¹ Глиноецкий Н. Краткая биография генерала от артиллерии Ермолова // Военный сборник. 1861. №5. С. 252; Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Ч. 2. С. 88.

² ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXXIII. № 26021.

³ П.М. Волконский «был относительно военных дел первым лицом в России и служил непосредственным и верным отголоском мыслей государя». (Бумаги князя Иллариона Васильевича Васильчикова // Русский архив. 1875. № 5. С. 44).

⁴ Приведем отзыв в 1820 г. А.А. Закревского о И.И. Дибиче: «Дибич любит себя, а не службу, о которой много говорит и трубит подчиненным... он ни в коем случае себя не забывает и от службы не разорится, как другие. Но зато Государю потакает во всем отлично хорошо и сам возьмет очень много» (*Заблоцкий-Десятовский А.И. Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 1. СПб., 1882. С. 129*).

занимал А.А. Закревский¹, генерал-квартирмейстером был назначен К.Ф. Толь. Инспекторами артиллерии и инженерного корпуса остались П.И. Меллер-Закомельский и К.И. Оннерман. В этот период, после 1815 г., Главный штаб становится ведущим органом военного управления, а ее глава П.М. Волконский заложил основы штабной службы и тем самым оставил заметный след в военной истории России.

В этот отрезок времени можно вновь говорить о существовании «русской» партии в армии. Об этом свидетельствует переписка с разными адресатами А.А. Закревского, помещенная в 73 и 78 томах Сборника императорского русского исторического общества. Там представлены его письма и к нему П.М. Волконского, Ф.В. Ростопчина, А.П. Ермолова, М.С. Воронцова, Д.В. Давыдова, П.Д. Киселева, И.В. Сабанеева, А.С. Меншикова, братьев Орловых. В свое время анализ этой переписки составил содержание книги отечественного историка М.А. Давыдова («Онтогенез Его Величества»: Дворянство и реформы в начале XIX века. М., 1994). Лидером же возрожденной «русской» партии, бесспорно, являлся тогда глава военного ведомства князь П.М. Волконский (его негласно в переписке именовали «Петроханом»). Но, безусловно, кумиром «русской» партии нужно назвать Ермолова.

Но у этого «партийного» сообщества нашелся достойный и опасный противник. Дело в том, что с 1817 г. главным начальником Отдельного корпуса военных поселений являлся граф А.А. Аракчеев (структуры, фактически отделенной от Военного министерства). Он также возглавлял Военный департамент Государственного совета и являлся докладчиком царю по военным вопросам, а также считался с 1812 г. управляющим собственной Его Императорского Величества канцелярией.

Александр I хотел создать независимый или минимально зависимый от дворянства социальный слой (военных поселенцев), на который мог бы опираться при решении трудных внутриполитических задач. Не случайно в манифесте от 30 августа 1814 г., выражавшем признательность всем сословиям за участие в Отечественной войне 1812 года, Александр I, несмотря на возражение А.С. Шишкова, на первое место велел поставить воинство, а лишь за тем дворянство². Именно

¹ Очень хорошо характеристику душевным и деловым качествам А.А. Закревского дал его старый друг Денис Давыдов в письме от 21 сентября 1815 г.: «Сердце твое русское, твердость английская, а аккуратность немецкая, единственное доброе качество сей нации» (Сб. ИРИО.Т. 73. С. 512).

² См.: *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Т. III. С. 256–258.

поэтому Александр I, несмотря на ропот и общественное недовольство, давление высших чиновников, бунты военных носелян, так унорно и настойчиво (во что бы то ни стало) нродвигал в жизнь это нововведение.

Характеристику системы военного унравления дал граф П.П. Сухтелен. В своей занисной книжке за 1816 г. этот хорошо осведомленный генерал оставил следующую занисъ: «Все идет через руки Аракчеева. Военный министр Коновницын есть в сущности только начальник комиссариатской и нродовольственной части. Министром военным скорее Волконский, начальник Главного штаба; но и тот входит всегда с Аракчеевым, в нрисутствии которого обсуждаются дела»¹.

Тесное сонрикосновение в делах Волконского с Аракчеевым и их откровенное сонерничество за близость к императору должно было нривести к неизбежному столкновению этих двух влиятельных сановников. Аракчеев (его называли «чума», «единственный государственный злодей», «нроклятый змей»), желая захватить в свои руки монополию влияния на государя, фактически к концу царствования Александра I смог удалить от дел своих нротивников в воинской сфере (П.М. Волконского, А.А. Закревского)² и ноставить на важные носты свои креатуры (И.И. Дибича, А.И. Татищева, Е.Ф. Канкрин), тем самым достиг аногея своего могущества в государстве. Еще в 1816 г. Ж. де Местр нисал, что «граф Аракчеев, не имея никакого официального ноложения, иснравляет должность нервого министра»³. С.Н. Глинка всноминал, что даже М.А. Милорадович «раболенствовал неред Аракчеевым, толкаясь иногда но нолучасу в его приемной», и «изгибался в три ногибели»⁴. Так, «русская» партия в конце нравления Александра I нотернела очередное тактическое норажение.

¹ Из занисной книжки графа П.П. Сухтелена // Русский архив. 1976. № 3. С. 350.

² «Когда в 1823 году Аракчеев одержал победу над Волконским и заменил его пронырливым и искательным Дибичем, он удалил и Закревского от должности дежурного генерала и убедил государя назначить генерал-губернатором финляндским человека, не говорившего ни на одном языке, кроме русского. Он надеялся, что Закревский не примет новой должности, но ошибся. Закревский ее принял» (См.: *Долгоруков П.В.* Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта 1860–1867. М., 1992. С. 277). На самом деле сначала назначение в Финляндию получил А.А. Закревский, а затем от своей должности был уволен П.М. Волконский.

³ *Местр Ж. де.* Указ. соч. С. 289.

⁴ *Глинка С.Н.* Записки. С. 402.

Правда, специалист по консерватизму этого периода А.Ю. Минаков считал, что в послевоенный период именно Аракчеев «неслучайно стал лидером “русской партии”»¹. Но этот «лидер», помимо подчинявшихся ему по службе государственных структур, никакой неформальной или общественной структуры не возглавлял и не контролировал, а в высшем свете, да и в целом в дворянском обществе имел негативную репутацию. С такой репутацией в России невозможно возглавлять какую-либо «партию», а тем более «русскую». Аракчеев как карьерист-одиночка, не нуждавшийся ни в какой общественной поддержке и ориентированный лишь на милость Государя, являлся слишком одиозной фигурой для высшего света. В данном случае уместно привести мнение об Аракчееве его современника П.А. Вяземского: «...он был одинок в обществе, не примыкал ни к какой партии влиятельной или ищущей влияния, следовательно, не мог быть орудием какого-нибудь кружка; не мог быть и его главою»².

В этот период фактическим наместником в Царстве Польском и главнокомандующим польскими войсками был великий князь Константин. Он продолжал оказывать, по свидетельству А.Х. Бенкендорфа, значительное влияние на часть гвардейских генералов, из полков, шефом которых он являлся³. Кроме того, как раз под его эгидой находились польские генералы, подавляющие число которых воевали в составе наполеоновских войск в предшествующих войнах.

А.П. Ермолов с 1816 г. занял пост командующего Отдельного Грузинского (позднее Кавказского) корпуса⁴. Как считали современники, сбылась его давняя мечта, он стал «проконсулом Кавказа». В данном случае необходимо сказать, что не лишены основания мысли о бонапартизме Ермолова, высказанные в свое время современным исследователем С.А. Экштуттом, хотя они базировались на высказываниях декабристов, с одной стороны, подозревавших генерала в наклонностях к деспотизму, с другой – явно обиженных на него за то, что не поддержал восставших и не двинул свои войска на

¹ Минаков А.Ю. Указ. соч. С. 207.

² Вяземский П.А. По поводу записок графа Зенфта // Русский архив. 1876. № 4. С. 472.

³ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. С. 295.

⁴ П.М. Волконский писал 17 августа 1820 г.: «По желанию Ермолова корпус велено называть Кавказским, а не Грузинским, но в приказе не велено объявлять, а сообщить циркулярно, ему же самому будет благовольтельный рескрипт за все его распоряжения» (Сб. ИРИО.Т. 73. С. 17). Это свидетельство о значимости Ермолова в правительственных кругах.

Петербург¹. В то же время, как отмечал декабрист М.А. Фонвизин, в описаниях историка М.И. Михайловского-Данилевского о событиях наполеоновских войн «не оценены по достоинству военные дарования и заслуги генерала Ермолова и умышленно ноставлены в тени в угодность всегда неблаговолившему к нему нравительству»².

Друг Ермолова М.С. Воронцов с 1815 до 1818 г. командовал русским оккупационным корпусом во Франции. Это назначение было в немалой степени обусловлено его англофильским воспитанием и дипломатическими соображениями, поскольку главнокомандующим силами союзных государств во Франции являлся британский генерал-фельдмаршал А.У. Веллингтон³. М.И. Милорадович с 1818 г. получил важный пост петербургского генерал-губернатора, А.Ф. Ланжерон был назначен новороссийским генерал-губернатором, А.Д. Балашев генерал-губернатором пяти центральных губерний (Воронежской, Рязанской, Орловской, Тамбовской и Тульской). С 1817 по 1821 г. командующим Гвардейским корпусом был И.В. Васильчиков. После увольнения с должности главнокомандующего в Москве Ф.В. Ростопчина в 1814 г. московским генерал-губернатором был назначен А.П. Тормасов, а после его смерти в 1819 г. эту должность занимал до 1844 г. князь Д.В. Голицын. Прибавим, что и затем на этом посту находились генералы 1812 года – князь А.Г. Щербатов, с 1848 по 1859 г. граф А.А. Закревский.

Примечательно, что когда в 1821 г. Александр I собирался послать для подавления революционного движения в Италии 100-тысячную русскую армию, то на пост главнокомандующего он не решался назначить не кого-нибудь, а А.П. Ермолова⁴. Реноме этого гене-

¹ См.: *Экштут С.А.* В поиске исторической альтернативы: Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М., 1994. С. 43–48.

² *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Т. 2. С. 173.

³ Правда, после 1818 г. некоторое время он находился в опале. Даже полковой священник 41-го егерского полка (полк входил в его корпус), упомянул в своем дневнике, что после свадьбы Воронцова в Париже в 1819 г. «великие неприятности заставили его не возвращаться в Россию» (Дневник полкового священника 41-го егерского полка Евфимия Левитского. М., 2015. С. 110).

⁴ Об этом как-то обмолвился П.М. Волконский, что австрийцы «просят о нашей помощи»; и что Ермолова «Государь желает видеть для некоторых соображений». И тут же он негласно и по секрету просил А.А. Закревского сообщить А.П. Ермолову, что тот будет главнокомандующим (Сб. ИРИО. Т. 73. С. 54), но слухи об этом назначении, как отвечал Закревский уже ходили по Петербургу, об этом также стало известно и из Берлинских газет (Там же. С. 153, 155). Ермолов прибыл на конгресс Священного союза в Лайбахе и

рала во властных структурах империи оказалось выше других¹. Недаром дворянское общество Москвы в Крымскую войну по прямой аналогии с событиями 1812 года с неловким энтузиазмом выбрала вождем объявленного ополчения 80-летнего А.П. Ермолова². Сюда можно добавить, что по выборам дворянства руководить С.-Петербургским ополчением тогда были назначены «генералы грозы 1812 года» И.Л. Шаховской, Смоленской губернии Е.А. Головин. Современники явно искали и сопоставляли действительность с 1812 годом. Но очень сложно было вернуть забытых персонажей, вырванных волной из водоворота высшей бюрократии. Понятно, что выборы престарелых военачальников «години бед, години славы» были в тот период прежде всего актами оппозиции, как жесты недоверия к николаевским порядкам, да и к николаевским военачальникам; в то же время были рождены воспоминаниями о героическом боевом прошлом.

Но и в среде генералитета продолжались личная вражда и недовольства. Например, занимавшие высшие военные посты в государстве Ф.В. Остен-Сакен и М.А. Милорадович на публике старательно делали вид, что незнакомы друг с другом³. В то же время Милорадович «ночитал себя... жестоко обиженным назначением графа Витгенштейна, младшего в чине, главнокомандующим 2-ю арми-

Александр I «изволил принять его очень хорошо и был очень рад его видеть» (Там же. С. 65). По-видимому, также учитывалось и особое расположение к Ермолову со стороны австрийского фельдмаршала К. Шварценберга (См.: Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Ч. 2. С. 85).

¹ Академик М.В. Нечкина в свое время даже фактически утверждала о существовании определенной группировки в армии, ориентированной на этого военачальника, оперируя понятием: Ермолов и «Ермоловцы» (См.: *Нечкина М.В. А.С.Грибоедов и декабристы*. М., 1947. С. 181). Сам же А.П. Ермолов продолжал мыслить и действовать в духе «русской» партии. Так в 1815 г. он писал своему другу М.С. Воронцову: «Проклятая Немецкая шайка меня вся ненавидит, и я без сомнения не уклонюсь от беспрерывных обид» (Архив князя Воронцова. Т. 36. С. 142–143).

² Ермолов был избран в четырех губерниях (помимо Москвы в Петербургской, Смоленской и Калужской), но остался руководить только Московским ополчением (А.П. Ермолов в ополчении // *Русская старина*. 1893. № 12. С. 629–633).

³ См.: *Давыдов М.А. «Оппозиция Его Величества»: Дворянство и реформы в начале XIX века*. М., 1994. С. 179. Как писал в декабре 1822 г. А.А. Закревский: «До сих пор графы Милорадович и Сакен, не знаю по каким причинам, оказывали такое нерасположение друг к другу, что нигде почти не съезжались в публичке и даже не кланялись один другому, что никак, по моему мнению, не прилично в их званиях...» (Сб. ИРИО. Т. 73. С. 164).

ею вместо Беннигсена», по словам А.И. Михайловского-Данилевского, которому он жаловался, и «намерен был выйти из службы»¹.

Чтобы не сложилось только негативное мнение о российском генералитете, уомянем, что генеральские распри были характерны для армий любого государства, как проявление противоречий в конкурентной среде. Чтобы не быть голословным, приведем пример из записки Ф.В. Ростопчина о французских генералах в 1823 г., составленной по просьбе Александра I: «Из их числа не найдешь и двух, которые бы между собою согласны; они постоянно стараются затмить военную репутацию своих боевых товарищей и выставить лишь одни их промахи, присовокупляя к этому, что единственное их достоинство состоит в том, что они служили под начальством Наполеона»². Конфликтная ситуация была характерна для генералитета любой иностранной армии.

Нужно также учитывать, что по окончании войн многие старые и заслуженные генералы или ушли в отставку, или были выключены из списков умершими (М.И. Платов, Д.С. Дохтуров, Ф.Ф. Винцингероде, Ф.Ф. Левиз, В.С. Рахманов, Д.П. Резвой, П.Н. Ивашев, П.А. Кикин, И.А. Ливен, С.Л. Радт, А.Б. Фок, Д.Д. Шенелев и др.). Кроме того, уже по штатам мирного времени случился переизбыток генералов. По мирному расписанию войск и в связи с окончательной ликвидацией должности шефов полков в 1815 г. многие генералы, бывшие во главе корпусов и дивизий, стали командовать дивизиями и бригадами. Резко возросло количество генералов просто состоявших в распоряжении дивизионных командиров, а фактически находившихся в резерве. Это обстоятельство также привело к массовым увольнениям из армии или длительным отпускам. Например, в воспоминаниях генерала А.Г. Щербатова нашла отражение аналогичная ситуация в 1816 г.: «Командовав корпусом во время войны, я не хотел уже оставаться дивизионным начальником и, желая отдохнуть и исцелиться от ревматизма (так в оригинале. – В.Б.), следствия бивуаков, я просился в бессрочный отпуск за границу, к водам; Государь, видя меня впрочем совершенно здоровым, догадывался, что другая причина заставляла меня временно удалиться от службы, отделивался шутками, не давая никакого решения»³.

¹ Из воспоминаний Михайловского-Данилевского: 1817 год // Русская старина. 1897. № 7. С. 95–96.

² Картина Франции 1823 года, представленная Александру Павловичу графом Ф.В. Ростопчиным // Русский архив. 1872. № 5. Стлб. 974.

³ Щербатов А.Г. Мои воспоминания. С. 108.

В то же время генералы, по разным причинам не принявшие участия в последних кампаниях, имели скрытое недовольство, что их товарищи получили возможность совершить карьерный рывок и большие бонусы на будущее. Так, глава внутренней стражи граф Е.Ф. Комаровский написал в своих воспоминаниях: «Однажды, будучи наедине с государем, я дал почувствовать его величеству, как много я потерял по службе тем, что не находился в армии, что не могу даже участвовать в празднествах, учрежденных для воспоминания незабвенных военных подвигов нашей армии, каковы суть Лейпцигская баталия, вход в Париж и проч., и лишен права носить медаль 1812 года, которою украшены почти все, имеющие военный мундир. На сие император мне отвечал: Что делать; это зависит от обстоятельства, но ты себя ничем утратить не можешь»¹.

К 1815 г. резко возросший авторитет России в Европе опирался на очевидные героизм и успехи последних походов войска. Но не случайно самобытный военный историк-эмигрант А.А. Керсновский, назвав взятие Парижа «аногеем русской славы», сделал нечаянный вывод, что «этим радостным видением закончился золотой век нашей истории»².

После окончания наполеоновских войн начался новый период, характеризовавшийся новым витком русского влияния в жизни армии. Показателем этого стал в 1815 г. знаменитый смотр русских войск в Верту. Возобладало мнение, что огромную по численности армию-победительницу, разболтавшуюся на войне («война испортила войска»), нужно было «подтянуть» и в первую очередь в строевом отношении. Александр I всегда был любителем парада, не менее чем его родители, и свято верил в спасительность таких идей, значительно ослабевших за военное десятилетие, т. к. боевые условия не способствовали развитию шагистики и парадности.

С 1815 г. на передний план стали выходить внешние стороны армейской действительности: смотры, парад-парады, церемониальные марши тихим и скорым шагом, красота строя, муштра, доведение до автоматизма манипуляций с оружием, выравка, этикетки, ремешки и т. д. Армия втянулась в каждодневную рутину «фрунтовой акробатики» и экзерцирмейстерства в ущерб боевой подготовке. Вот в каких красках Ж. де Местр описывал военные парады в письме от 15 января 1817 г.: «Красота войск, точность и равномерность их движений не имеют равных себе во всем свете. Это механизм, словно бы приводимый в движение невидимыми колесами. Особенно поразитель-

¹ Записки графа Е.Ф. Комаровского. С. 132.

² Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 1. М., 1992. С. 293.

тельна кавалерия; кажется, будто лошади обрели разум, утраченный людьми»¹. Денис Давыдов с горечью нисал в 1820 г. своему старому нриятелю А.А. Закревскому: «Грустно смотреть на нашу армию. Она снова, как нред Аустерлицем»². Даже великий князь Константин, нолучивший хорошую гатчинскую закваску от своего отца, жаловался в нисьмах к начальнику Гвардейского штаба генералу Н.М. Синягину: «Скажите Бога ради, когда будет конец неремнам в обмундировании?»; «...ныне завелось во фронте танцовальная наука, что и толку не дашь»; «Я более 20-ти лет служу и могу нравду сказать даже во время ноконного государя был из нервых офицеров во фронте, а ныне так неремудрено, что и не найдешься»³.

Можно нолностью согласиться с мнением известного русского историка А.К. Баиова о том, что в этот нериод «гатчинский режим восторжествовал окончательнo и стал госнодствовать безраздельно, с течением времени все больше и больше нриближаясь к идеалу, начертанному Имнератором Павлом, и даже во многом нревосходя его»⁴. Изменились и критерии уснеха на службе, они стали измеряться не заслугами на полях сражений, а строевыми «достижениями», доскональным знанием «фрунтовой» и «ремешковой» науки, уставными мелочами.

Значительная часть боевых офицеров и генералов именно в этот нериод нокинула армейские ряды. Так, в 1820 г. Д.В. Давыдов, освободившийся (ушел в трехгодичный отнуск) от «душившей» его должности начальника штаба корнуса, с облегчением нанисал: «Наконец, я свободен: учебный шаг, ружейные нриемы, стойка, размер нуговиц изгоняются из головы моей! Шварцы, Мартыновы, Гурки и Нейдгарты, торжествуйте, я не срамлю ваше сословие! Слава богу, я свободен! Едва не задохся...»⁵ Взамен ветеранов наполеоновских войн в среде военной бюрократии стал нарождаться нновый тип «отцов-командиров» (удачно выведенный в образе грибоедовского Скалозуба), для которых премудрость военного искусства заключа-

¹ Местр Ж. де. Указ. соч. С. 314.

² РГИА. Ф. 660. Оп.1. Д. 107. Л. 91.

³ Великий князь Константин Павлович в сомнениях и отрицаниях современных ему порядков (Из переписки его с Н.М. Синягиным) // Русская старина. 1900. № 4. С. 91, 115–116.

⁴ Баиов А.К. История русского военного искусства. Т. 2. С. 293. Эту ситуацию в армии очень хорошо прокомментировал генерал И.В. Сабанеев: «У нас солдат для амуниции, а не амуниции для солдата» (Цит. по кн.: Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 1. С. 83.)

⁵ Давыдов Д. Военные записки. С. 15–16.

лась в выправке, шагистике, соблюдении темпов прохождения строем, неподвижности ружей при маршировке и т. н.

Д.В. Давыдов следующим образом описал это явление в войсках: «Глубокое изучение ремешков, правил вытягивания посков, равнения шеренг и выделявание ружейных приемов, коим щеголяют все наши фронтовые генералы и офицеры, признающие устав верховно непогрешимости, служит для них источником самых высоких, поэтических наслаждений. Ряды армии постепенно наполняются лишь грубыми невеждами, с радостью посвящающими всю свою жизнь на изучение мелочей военного устава... Мысль, что целое поколение воспитывается на подобных идеях, – ужасна; это страшное зло не уступает, конечно, по своим последствиям татарскому игу»¹.

Постепенно происходило и изменение общего настроения в командных кругах армии. Начальник Главного штаба П.М. Волконский в письме к А.А. Закревскому писал в феврале 1821 г.: «Как ныне все перебаловалось, все хотят чинов, но с тем, чтобы жить в Петербурге или в Москве и ничего не делать, в старое время кому достанется в полковники и дадут полк, то удивительно какая была радость; ныне дают генеральский чин и бригаду и того не хотят»². Именно на это время накладывается деятельность декабристских обществ в армии. Но в разные годы к этому движению оказались причастны лишь 12 человек, носивших генеральские эполеты, из них лишь четверо (С.Г. Волконский, М.А. Дмитриев-Мамонов, М.Ф. Орлов, П.П. Пассек) имели генеральский чин во время наполеоновских войн, остальные получили его позже³. Возникновение декабристского движения было, видимо, напрямую связано с отказом императора следовать по либеральному направлению и восторжествовавшей национальностью в армейских рядах. «Александр в последние десятилетия своего царствования, – считал Н.К. Шильдер, – уже не был и не мог быть Александром юных лет; он искал отныне не смелых реформаторов, а прежде всего исправных делопроизводителей, бдительных и строгих блюстителей внешнего порядка»⁴.

¹ Записки партизана Дениса Давыдова: Воспоминания о польской войне 1831 года // Русская старина. 1872. № 7. С. 26, 27.

² Сб. ИРИО. Т. 73. С. 46.

³ См.: Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. К движению декабристов оказались причастны 11 сыновей генералов, принимавших участие в войнах наполеоновской эпохи (См.: Подмазо А.А. Образы героев Отечественной войны 1812 года: Военная галерея Зимнего дворца. М., 2013. С. 48–49).

⁴ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. VI. СПб., 1904. С. 4.

Здесь необходимо отметить еще один важный момент. Именно в этот период сформировались взгляды и отношение к военному делу будущего императора Николая I. Он родился слишком поздно и в отличие от старших братьев не успел пройти военную школу своего отца. Его воспитание и становление пришлось уже на мирные годы царствования Александра I. Еще в Париже, занятом союзными войсками, генерал И. Ф. Паскевич был представлен молодому великому князю Николаю Павловичу. Именно с этого момента их связала дружба, продолжавшаяся более 40 лет, именно она в какой-то степени способствовала беспрецедентному служебному росту этого генерала. В 1821 г. он был назначен командиром 1-й гвардейской дивизией, в которой командирами бригад были великие князья Николай Павлович и Михаил Павлович, т. е. находились у него в подчинении. Но, даже став императором, Николай I до конца жизни с особым уважением относился к Паскевичу, без малейшей иронии именовал его в письмах «отцом-командиром», и его мнение было для него решающим аргументом¹. По словам Д. Ливена, для Николая I «армия была единственной государственной сферой, которой он всецело доверял и к которой питал расположение»².

Именно в это время будущий император после того, как он и его брат Михаил получили в командование гвардейские бригады, полностью проникся гатчинским духом воспитания войск и стал одним из самых ревностных и рьяных наборщиков дисциплинарных взысканий за строевые унущения или малейшие нарушения формы одежды³. Н. И. Лорер оставил очень подробные воспоминания о том, как великие князья Николай и Михаил «тут же стали прилагать к делу вошедший в моду недантизм» и «друг перед другом соперничали в ученье и мученье солдат»⁴. И не только солдат, но и офицеров. В литературе широкую известность получила история с л.-гв. Семеновским полком. Но были и менее резонансные истории во многих частях, например в л.-гв. Измайловском полку в 1820 г.

¹ Уже после вхождения на престол Николай I написал письмо И. Ф. Паскевичу, в котором были следующие слова: «Помнишь, когда мы с тобой играли в военную игру; а теперь я твой государь, а ты – мой главнокомандующий» (*Давыдов Д. Военные записки. С. 400*).

² *Ливен Д. Аристократия в Европе, 1815–1914. СПб., 2000. С. 264.*

³ После смерти великого князя Михаила Павловича Л. В. Дубельт оставил следующую запись: «Михаила Павловича не жалеют. Он своею неумеренною строгостью пятнал царствование нашего доброго, великого Государя, как бывало, граф Аракчеев пятнал царствование Александра Благословенного» (*Заметки и дневники Л. В. Дубельта // Российский архив. Т. VI. С. 137*).

⁴ *Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 50.*

Большой князь Михаил Павлович тогда высказал недовольство о том, как шли офицеры этого полка, и по его приказу командир полка генерал П.П. Мартынов заставил маршировать офицеров от полковника до прапорщика в присутствии солдат. После чего все офицеры решили подать в отставку. Дело было с трудом улажено командиром гвардейского корпуса И.В. Васильчиковым.

По этому поводу начальник штаба П.М. Волконский писал И.В. Васильчикову: «Почему никто из нас при покойном императоре и не подумал оставлять службы из-за того, что нами командовали и нас учили Куняриновы, Каракулины, Милутины и проч. Мы исполняли свою обязанность, не делая никогда возражений и не рассуждая о способе обучения этих госуд. Почему же теперь необходимо, чтобы госуда офицеры имели право рассуждать и обижаться»¹. В ответ Васильчиков обратил внимание на политизацию армии и появление чувства чести у офицеров после наполеоновских войн: «Причину надо искать в различие времени: из нас мало кто читал газеты, никто не говорил о политике, мы утро проводили на службе, а вечером веселились»². Изменения произошли колоссальные – в первую очередь другим стал моральный климат в офицерском корпусе, особенно в гвардии. При желании можно привести подобные прецеденты в 1812 г., например, в начале кампании командир л.-гв. Семеновского полка полковник К.А. Криденер «наговорил дерзостей одному офицеру» (по одной версии – И.И. Храновицкому, по другой, сразу трем офицерам – Г.И. Нарышкину, В.Н. Ладомирскому и Н.П. Анненкову) и от имени офицеров полка ему выразили протест батальонные и ротные командиры и потребовали извинений. После вмешательства в это дело великого князя Константина (ему доложил А.П. Ермолов), уговорившего офицеров замять этот неприятный инцидент, Криденер заболел³ и сдал командование. Именно этим событием долго оставался недоволен Александр I и простил офицеров полка не за участие в

¹ Бумаги князя Иллариона Васильевича Васильчикова // Русский архив. 1875. № 5. С. 44.

² Бумаги князя Иллариона Васильевича Васильчикова // Русский архив. 1875. № 8. С. 419.

³ В медицинском свидетельстве от 23 августа 1812 г., выданном К.А. Криденеру, было написано: «от последствий ревматических болей сделался почти калекою и не владеет ногами», тем не менее он остался при полку во время Бородинского сражения и уехал в Петербург после него (*Аглаилов С.П.* Отечественная война 1812 года: Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. С. 295, 298, 472–477; *Дирин П.* История лейб-гвардии Семеновского полка. Т. 2. СПб., 1883. С. 8–9).

кампании 1812 г., а за парад полка в Калише в марте 1813 г.¹ Уже в 1816 г. на смотре Семеновский полк «нлохо маршировал. Потемкину сделан выговор. Командиры трех батальонов посажены на сутки под арест...»². В мемуарах Евгения Вюртембергского, вспоминавшего события 1825 г., есть пересказ опасений накануне великого князя Константина о взрывоопасной ситуации и «о мятежном настроении русских войск и в особенности гвардии», а затем неслучайно принцем утверждалось «возраставшее со времени испанской революции недоверие государя к войскам и принятые вследствие того строгие взыскательные меры»³.

После смены нправления в 1825 г. произошли заметные изменения в высшем эшелоне власти. Фактически был отстранен от дел Аракчеев, в военной сфере основными лицами стали генералы И.Ф. Паскевич, И.И. Дибич и А.И. Чернышев. Следует отметить, что как раз во время восстания декабристов генералы – участники кампании 1812 года (А.Х. Бенкендорф, Евгений Вюртембергский, А.Ф. Орлов, И.В. Васильчиков, И.О. Сухозанет) настаивали и убедили Николая I предпринять решительные меры (артиллерийский огонь) против бунтовщиков⁴. Как раз в 1826 г. носледовало массовое награждение генералов орденами и чинами, жалование титулами и производство в генерал-адъютанты.

Отставной генерал-майор А.И. Михайловский-Данилевский, прибывший в столицу империи в 1829 г., написал в своем дневнике, констатируя смену лиц и общего настроения: «Я нровел в Петербурге только дней с десять и нашел большую во всем перемену; тех, которые имели влияние на дела нри Александре, большею частию не ста-

¹ «В Вильно государь сказал, что мы много должны сделать, чтобы заслужить прощение, и тогда мы, несчастные, думали, что нам придется бить неприятеля, чтобы достигнуть прощения, упустив совершенно, что одно удачное учение заменит, по меньшей мере, одну победу. Доказательство – то, что Бородинское сражение и вся бессмертная кампания 1812 года не могли расположить к нам его величество настолько, как парад в Калише» (*Пуцин Н.С.: Дневник 1812–1814 годов; Чичерин А.В.: Дневник 1812–1813 годов. С. 36–40, 78–79, 98, 101; Первенцы императорской российской гвардии // Русская старина. 1883. № 12. С. 672–674*).

² Из записной книжки графа П.П. Сухтелена // *Русский архив. 1976. № 3. С. 346*.

³ Из воспоминаний принца Евгения Виртембергского // *Международное право 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 105*.

⁴ См.: *Булгаков А.Я. Современные записки и воспоминания мои // Московский журнал. 2010. № 4. С. 64*.

ло, и места их запяты были другими. Посредствеппость сих последних меня поразила и, рассматривая лица, управлявшие в сие время делами, я не могу вообразить причины, отчего Россия, так бедна государствепными людьми. Более всего поразило меня вообще господствующее подозрение и шпиопство»¹.

В том же 1829 г. в отчете III отделения при описании общественпого мнения указывалось по поводу неудач в войне против турок: «Также и средние классы, т. е. дворянство, чиновничество и купечество, брапили графа Дибича. Назначение его главнокомандующим армией возбудило сильное неудовольствие, которое, однако, уменьшалось по мере того, как отдавали себе отчет в военной репутации наших генералов. Патриоты восклицали: почему не берут Ермолова? Некоторые сторонники Воронцова высказывались за него; более благоразумные люди, однако, рассматривая список наших генералов, не паходили никого другого, кто был бы более способен выполнить эту задачу. Все хором скорбели о бедной России, лишенной крупных талантов»². Некоторое время на должность главнокомандующего армией на Балканах в войне против турок котировался в качестве кандидата один из лучших генералов эпохи 1812 года принц Евгений Вюртембергский, но после конфликта с И.И. Дибичем он убыл из армии³. Неудачно действовавшего П.Х. Витгенштейна в конце концов заменил Дибич.

В то же время А.В. Никитенко очень четко выделил фигуру военпого в административпой элите николаевского царствования и его преобладание в среде высшей бюрократии: «Генерал времен николаевских и последних лет царствования императора Александра I – это был своего рода особый тип. Он пользовался беспримерным значением во всех сферах нашей общественной и административпой жизни. Не было в государстве высокого поста и должности, при назначении на которую не отдавалось бы преимущество лицу с густыми серебряными или золотыми эполетами. Эти эполеты признавались лучшим залогом ума, знания и способностей даже на поприщах, где, по-видимому, требуется специальная подготовка»⁴.

Одновременно нельзя не заметить, что именно к участникам наполеоновских войн Николай I отпосился с гораздо большим пиететом

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Записки: 1829 год // Русская старина. 1893. № 7. С. 177.

² Россия под надзором: Отчеты III отделения 1827–1869. С. 43.

³ Из дневника Бернгарди: Беседы с принцем Евгением Вюртембергским // Русская старина. 1893. № 6. С. 47, 55.

⁴ Никитенко А.В. Записки и дневник. Т. 1. М., 2005. С. 118.

том, чем его старший брат. Став императором, сетуя, что по возрасту он не смог стать участником знаменитых войн, он откровенно завидовал тем, кто сражался с войсками Наполеона и был овеян воинской славой той эпохи. Дожившие до царствования этого императора ветераны ощутили реальное внимание со стороны нового государя. Именно после 1825 г. как раз многие из генералов были повышены в чинах. Он взял на службу увечных генералов (М.К. Крыжановского, П.С. Лашкарева, Б.С. Соковипа, Ф.В. Дризена, И.О. Сухозапета, Э.К. Гессен-Филиппстальского, Я.В. Захаржевского, И.М. Ушакова и др.¹), во многих случаях отлично создавая, что лишь малую пользу для дела они могут принести. Но тем самым давал им возможность получать неплохое жалование и одновременно быть примером для всей армии, а также свидетельством того, что доблесть и раны, полученные на полях сражений, уважаемы и чтимы государством. Не случайно он будто бы сказал генералу А.П. Ермолову: «Я хочу вас всех, стариков, собрать около себя и беречь, как старые знамена»².

В данном случае необходимо отметить, что Александру I от его отца достался по наследству генералитет, сформировавшийся в ходе перетряски командных кадров в мирное время, и он был вынужден обновить его состав в ходе десятилетних войн. Аналогичным образом «александровский» генералитет перешел в правление Николая I. Но если в наполеоновскую эпоху командный состав смог оставить в тепе прусские порядки, что в немалой степени способствовало окончательной победе над противником, то во второй четверти XIX столетия освященные «памятью двенадцатого года» генералы (воевавшие с Наполеоном в офицерских чинах) при возродившемся гатчинском духе привели армию к неудачам в Крымской войне.

¹ Например, в 1839 г. при открытии Бородинского памятника император вручил эполеты, т. е. принял на службу прославленного в прошлом шефа 1-го егерского полка отставного генерала М.И. Карпенко, которому в тот момент было 65 лет (*Юкиш А.* Генерал-лейтенант Моисей Иванович Карпенко // Военный сборник. 1872. № 1. С. 154).

² *Давыдов Д.* Военные записки. С. 409.

Часть 4
ГЕНЕРАЛЫ-ПОБЕДИТЕЛИ.
КОНТЕНТ-АНАЛИЗ УЧАСТНИКОВ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

*У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;*

...

*Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года*

А.С. Пушкин.

Полководец

**Происхождение, национальность и вероисповедание
генералов Отечественной войны 1812 года**

Часто перед историками встает проблема определения какой-либо социальной группы или коллектива, объединяемого решением общей задачи. В таких случаях исследователи, как правило, всегда задаются рядом вопросов, смысл которых сводится к следующему: кто эти люди и откуда, что из себя представляют, каковы их жизненные обстоятельства и на что направлена их деятельность?

Недавно увидевший свет биографический справочник 1812 года включил 550 биографий людей, игравших видную роль в событиях той эпохи¹. Нами взят для анализа список генералов из 531 чел., участвовавших в кампании 1812 года и получивших до окончания военных действий в 1815 г. генеральский чин. Их биографии уже включены в научный оборот, и они представляют репрезентативную выборку по состоянию на середину правления Александра I и одновременно на самый славный период русской военной истории. Хотя нельзя с полной уверенностью говорить, что представлен исчерпывающе пол-

¹ См.: Отечественная война 1812 года: Биографический справочник. М., 2011.

пый реестр фамилий боевых генералов того времени, по это все же самый полный в литературе на сегодняшний день. Можно в качестве примера привести случай с казачьим генерал-майором А.А. Ягодиным 2-м. Когда в 2011 г. мне пришлось утверждать список боевых генералов эпохи 1812 года для издания биографического словаря, эта кандидатура вызвала некоторые сомнения, поскольку во многих документах 1814 г. он значился уже генералом, по приказу о присвоении этого чина не было найдено. Лишь недавно я встретил запись в одном из наградных списков 1814 г., что «полковник Ягодин 2-й за Арсис и Фер-Шампенуаз произведен в генерал-майоры»¹.

Существуют сомнения в необходимости включать в этот список некоторых ипострапцев, служивших в российской армии. До сих пор исследователи точно не выяснили, был ли принят на российскую службу К.Ф. Дорнберг (в Вестфалии при Наполеоне заочно приговорен к смертной казни по обвинению в государственной измене). Я смог обнаружить только разрешение Александра I от 23 октября 1812 г. английскому генералу Дорнбергу состоять при корпусе П.Х. Витгенштейна² (до этого уже приехавшего в Петербург, о чем писал в своих письмах К. Клаузевиц³) и упоминание в документах об участии в боевых действиях на Березине английского генерала Дорнберга⁴. Правда, во многих документах 1813 г. он уже фигурировал как российский генерал⁵, по Высочайший приказ о зачислении его на службу не найден⁶. Остаются многие вопросы и по отношению

¹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. С. 563.

² РГВИА. Ф. ВУА. Д.3 514. Ч. 2. Л. 105.

³ Клаузевиц К. 1812 год. С. 248.

⁴ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XX. С. 260.

⁵ В журнале «Вестник Европы» в 1813 г. упоминался генерал Дорнберг, который «поступил в нынешнюю кампанию в российскую службу» (см.: Вестник Европы. 1813. № 15. С. 236).

⁶ Биографию Дорнберга см.: Заграничные походы Российской армии 1813–1815 годы. Энциклопедия. Т. 1. М., 2011. С. 426. Правда, вопрос о его принятии на российскую службу в биографической статье остался не проясненным, там он еще называется австрийским генералом. По этой причине он не был включен в список русских генералов эпохи 1812 года. Но в публикации есть упоминание о том, что он «поступил в нынешнюю кампанию в российскую службу» (Сын Отечества. 1813. № 15. С. 236), его письма упоминаются в перлюстрированных бумагах у А.А. Аракчеева (Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VII. С. 266), а А.А. Подмазо утверждал, что он был произведен в генерал-майоры, находясь на русской службе (Подмазо А.А. Образы героев Отечественной войны 1812 года: Военная галерея Зимнего дворца. С. 838).

к уроженцу Гапповера В.Д. Арешильдту; в 1811 г. он был припят полковником в российскую армию и в 1812 г. занимался формированием Русско-пемецкого легиона, в 1813 г. произведен в генерал-майоры, по до сих пор не выяснено русской или прусской службы¹. Не выяснено до конца и список русских генералов. Например, можно ли считать участником войны отставного генерал-майора А.С. Свечина 3-го, формировавшего 3-й полк Московского ополчения и попавшего в плен в 1812 г.² До сих пор окончательно не ясно или остаются вопросы об участии в военных действиях генералов А.Н. Авдугина, А.С. Алексеева, Е.Ф. Арбузова, А.А. Арсеньева, П.Я. Башуцкого, Ф.М. Бехля, Х.М. Комаров, П.Т. Козловского, С.А. Копоповича, Д.Е. Лесли, Я.И. Лихачева, П.К. Меркулова, А.П. Оболенского, Ф.М. Рахматова, Ю.И. Поливанова, П.П. Пущина, Н.И. Третьякова, Д.Ф. Туттолмина, Ж.Б.Л. Кроссара, Н.З. Хитрово, К.Г. Шапел де Ростипьяка, Н.А. Шишкина, П.М. Энгельгардта, Ф.Д. Сипицына, Н.И. Третьякова, Н.А. Ушакова, А.А. Зайцова, В.И. Загряжского, Ф.П. Попп-де-Рюа. Причем по ряду генералов имеется литература, по на ее основе пока нельзя сделать окончательных выводов, поскольку существуют противоречивые или неоднозначные мнения. Правда, были анекдотические случаи, например, полковник М.И. Каховский, упомянул, что в 1814 г. его родителям заявил «какой-то дурак... что я произведен в генералы, и они праздновали четыре дня». Но на основе этого факта он озаглавил свои воспоминания «Записки генерала Каховского...»³.

Все же представленный нами уточненный список 531 генеральской фамилии дает возможность пересмотреть уже не только количественные данные о высшем командном составе российской армии на театре военных действий в 1812–1815 гг., но и по-новому взглянуть на ряд других важных военно-исторических проблем. В частности, данную выборку можно считать репрезентативной, она дает возможность попытаться определить социальный и национальный состав генералитета, так как генеральские споры 1812 г. зачастую носили ярковыраженную национальную, частично социальную и да-

¹ См.: *Заграничные походы российской армии 1813–1815 годы*. Т. 1. С. 63.

² См.: *Назарян Е.А.* Судьбы русских военнопленных 1812 года. С. 139–140; *Малышкин С.А.* Московское ополчение в Бородинском сражении: Новые документы и факты // *Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы*. Бородино, 2014. С. 7.

³ *Записки генерала Каховского о походе во Францию в 1814 году* // *Русская старина*. 1914. № 3. С. 677.

же религиозную окраску. Также важно выявить материальную составляющую, проследить основные этапы и определить все элементы, влиявшие на генеральскую карьеру, включая службу, обучение и воспитание, создание семьи и внебрачные связи, заслуженную репутацию, получение наград и титулов, типичное поведение в условиях войны и мира.

В данном случае необходимо отметить постановку вопросов и параметры исследования. Например, невозможно в баллах оценить умение генералов управлять своими войсками, насколько они владели искусством командования, понимание ими стратегии, знание тактики, их личные качества для того, чтобы руководить войсками. Оценки во всех этих случаях могут быть только субъективными и не поддающимися обобщению. Также трудно выявить и оценить популярность персонажей, используя лишь официальную делопроизводительную документацию, мнения же современников, зафиксированные в письмах, дневниках и мемуарах, могут быть прямо противоположными.

Для изучения природы любого социального слоя современная наука предлагает в качестве объяснения определенную формулу: генетика плюс окружающая с детства среда. Правда, данная схема порождает большое количество вопросов, да и многие детали выпадают из общей биографической картины. А как понять, каким образом возникали корни того или иного явления? Кроме того, возникает проблема познания – существует ли «историческая» генетика, влияющая на жизнь последующих поколений? Если «да», то как работает матрица генетической памяти? Единственная проблема, которая могла быть рассматриваемой, но я отказался от этого, – пахождевание генералов во время службы под судом и следствием. Хотя материал по этому вопросу можно набрать с избытком, но я не стал этого делать, поскольку мои личные предпочтения были всегда на стороне адвокатов, а не прокуроров, в силу чего мой анализ мог показаться не объективным.

Безусловно, очень важен был вопрос о социальной принадлежности, то есть о происхождении генералов. Например, для Франции того времени справедливо звучала поговорка «Кто хорошо служит Родине, тот не пуждается в предках»¹. Но вряд ли это выражение тогда можно было применить в российском государстве, жители которого жестко делились по сословному принципу.

¹ Цит. по кн.: *Дюра-Ласаль Л.* О звании генерала или о воспитании, образовании, познаниях и достоинствах нужных главнокомандующим и прочим офицерам для командования армиями. СПб., 1855. С. 144.

Об этом в первую очередь свидетельствуют записи в формулярах генералов эпохи 1812 года (см. табл. 5). Из 531 чел. 479 имеют разповидность записи «из дворян». 51 чел. (9,5 %) имеет самое различное обозначение происхождения. Кроме прямых указаний па дворянство, самое большое количество (13 чел.) пришлось па «штаб-офицерских детей», причем так именовались 10 выходцев из допской старшины и только трое из армейского генералитета (П.А. Козен, П.К. Сухтелен и В.И. Каратаев). Надо сказать, что трое из возрастных представителей допской старшины (М.И. Платов, А.Д. Мартыпов, Б.А. Греков) были записаны как «старшинские дети», Г.А. Луковкин – «из генерал-майорских детей», И.Д. Иловайский – «из генералитетских детей». «Обер-офицерские дети» представлены 12 чел., один показан как «сын титулярного советника» (А.П. Теслев) и еще один как «сын архитектора» (А.Ф. Мишо). Среди генералов нашлось лишь трое отпрысков купеческих семей (А.А. Ласкин, Ф.П. Напий, Н.И. Сутгоф), один «из с.-петербургских граждан» (Д.П. Резвой). Сыновьями священнослужителей являлись четверо (С.Ф. Балабин, А.А. Клейнмихель, В.И. Гарпе, К.М. Полторацкий). Четверо генералов с ипострапными фамилиями были записаны как вольпоопределяющие (В.А. Гессе, И.И. Миллер, А.Б. Фок, Г.Х. Шеле). Еще по одному человеку значилось как уроженцы саксонский, греческий и г. Флорепции (П.И. Энгельман, Е.И. Властов, Е.Я. Савоини). Также по одному человеку были представлены низшие сословия: «из казачьих детей» (И.К. Краспов); «из мещан» (К.И. Опперман); «из солдатских детей» (Ф.А. Луков). С одной стороны, представлена почти весь социальный спектр Российской империи (и европейского континента), а с другой стороны, мы видим доминирование среди генералитета выходцев из дворянства (почти 91 %), с учетом разповидности дворянских записей [старшинские, штаб- и обер-офицерские дети (еще 32 чел.)] – свыше 96 %. Категорию «не дворян» представляют всего 17 чел. (чуть более 3 %). Хотя необходимо учитывать то, что записи о происхождении со временем могли меняться, поскольку некоторые ранние формулярные списки, возможно, содержали иную информацию. Такое предположение основывается па моем личном опыте работы с таким видом источников, как формуляры воеппослужащих. Нужно также добавить, что социальные перегородки в таком сословном государстве, как Россия, создавали серьезные препятствия для получения армейских чипов для педворян, па также стоит иметь в виду, что, с другой стороны, это обстоятельство мобилизовало усилия выходцев из податных сословий и заставляло добиваться их больших успехов в карьере. О последнем свидетельствует история

пескольких веков любой страпы, когда приезжие из ипых городов и местпостей стремились покорить столицу, мпогие делали головокру-жательщую карьеру или достигали прочного положения благодаря своей трудоспособности и эпергии, во мпого раз большей, чем у сто-личных обитателей. Часто препятствия только усиливают желание.

В целом важпо учитывать и личное отношение императора к со-циальным и национальным аспектам проблемы. А.И. Михайловский-Данилевский описал случай в 1817 г., когда во время посещения го-сударем Крыма в г. Карасубазар пашли сестру генерала Рудзевича – «бедную простую татарку». Наградив ее, он заявил: «Я не различаю ни дворян, ни разпочинцев, ни бедных, ни богатых; мне все равны, если служат хорошо. Рудзевич татарин, но мне дороже, нежели стол-бовой дворянин»¹. Это было мнение первого лица государства, оно было частично правильно, но в сословном обществе в поведении и быту все же придерживались несколько ипых взглядов.

Также основываясь на данных, полученных из литературы, мож-по представить социальное положение отцов наших генералов, в пер-вую очередь нас интересовали военные чины родителя. Это позволя-ет представить семейное окружение и обстановку, в которой воспи-тывался генерал в юности, а также ответить на вопрос, существовала ли преемственность поколений на военной службе в этот период времени? Об этом говорят данные о социальном статусе отцов гене-ралов, представленные в табл. 6.

Итак, выходцами из семей генерал-фельдмаршалов было только двое (С.М. Каменский и А.И. Гудович), 35 являлись сыновьями пол-ных генералов, 35 – генерал-поручиков (генерал-лейтенантов), 29 – генерал-майоров, 14 – бригадиров, 25 – полковников, 26 – майоров, 21 – капитанов, 17 – поручиков. Это не считая 5 адмиралов. Для сравнения приведем выявленные гражданские чины и должности других отцов: сенаторы – 5, действительные тайные советники – 5, тайные советники – 16, действительные статские советники – 13, статские советники – 4, коллежские советники – 3, палатные совет-ники – 5, коллежские асессоры – 6, титулярные советники – 2.

Сравнительный анализ количественных показателей военных и гражданских чинов отцов свидетельствует о престижности военной службы, а также говорит об определенной преемственности поколе-ний в прохождении военной службы. Хотя военные чины не пере-давались по наследству, но все же можно с уверенностью говорить, что новые поколения дворян сознательно выбирали военную служ-

¹ Из воспоминаний Михайловского-Данилевского: 1817 год // Русская старина. 1897. № 7. С. 91.

бу, имея па глазах пример своих предков. Тем более что можпо привести факты, когда в эпоху 1812 года не только родные братья (Аракчеевы, Багратионы, Бахметевы, Бенкендорфы, Берги, Бистромы, Бороздины, Васильчиковы, Вистицкие, Волкопские, Грековы, Голицыны, Давыдовы, Желтухины, Жеваховы, Иловайские, Каблуковы, Кпяжпины, Кульевы, Лапские, Меллер-Закомельские, Олсуфьевы, Ольденбургские, Палены, Папчулидзеы, Реншинские, Розеы, Саксен-Кобургские, Сиверсы, Турчаниповы, Тучковы, Ушаковы, Фоки, Чичереы, Щербатовы, Яшвили), по и отец с сыпом воевали против французов, имея па плечах генеральские эполеты: Бенпигсены, Платовы, Грековы, Сухтелеы.

Таким образом, учитывая, что подавляющее число генералов являлось выходцами из первого сословия российской империи, мы только можем подтвердить господствующий тезис, сформулированный в исторической литературе, о том, что имеппо дворянство являлось в ту пору социальной основой самодержавия в России, а генералитет – одной из важнейших составных частей высшей российской бюрократии.

Необходимо заметить, что национальная идентичность во времена Александра I не имела того значения, которое она приобрела со второй половины XIX столетия. Основным источником для определения национальной принадлежности российских генералов также являются их формулярные списки, большей частью хранящиеся в архивах и по этой причине до сих пор слабо включенные в научный оборот¹. Но установление национальности посетителей генеральских эполет также вызывает значительные затруднения. Дело в том, что в формулярных списках военпослужащих первой половины XIX в. отсутствовала графа о национальной принадлежности, поскольку официальный менталитет тогда придавал главное значение социальному статусу, подданству и лишь во вторую очередь – вероисповеданию. Только иногда можно пайти запись с минимальной информацией о национальном происхождении. Нужно помптить, что само понятие того времени «нация» часто ассоциировалось больше с социальной функцией, чем с языком или религиозной принадлежностью. Весьма интересно, что термин «нация», хотя бы в и чиновничьем понимании, все же встречается в формулярах. Среди просмотренных списков генералов за разные годы удалось пайти единичное упоминание

¹ Подробнее об истории возникновения и функционирования формулярных списков см.: *Целорунго Д.Г.* Офицеры и солдаты российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года: Социальные портреты и служба. Бородино, 2017. С. 25–49.

о голландской, швейцарской, греческой, датской, итальянской, шведской, финляндской и австрийской пациях; французская, немецкая и «лифляндская» фигурировала в записях по два раза, сербская пация указала у троих человек. Чаще всего в делопроизводственной документации употреблялся термин «уроженец», но в большинстве случаев в качестве уточняющего дополнения к информации о социальном статусе военнослужащего.

Даже первичный анализ формулярных списков позволяет сделать вывод, что для определения национальности не подходят современные мерки, а необходимо учитывать критерии, которыми руководствовались люди прошлых веков. Часто фамилия говорила лишь о принадлежности к определенному роду, но в случае длительного проживания этого рода в отрыве от своих соплеменников и при ассимиляции она могла уже не соответствовать первоначальному национальному корням. Анализ жизненного пути представителей нескольких поколений одной фамилии нередко свидетельствует об этом. Поэтому запись в формулярном списке исследователю необходимо рассматривать лишь как отправную точку для дальнейших изысканий. Причем на этом пути встретятся много подводных камней, поскольку весьма тонкий вопрос о национальном самосознании людей XIX столетия в нашей литературе не поднимался. Поэтому целесообразно отдельно говорить о родовом происхождении, а затем уже пытаться определять национальность. При этом необходимо учитывать многие факторы – подданство, семейно-родственные связи, исторические корни рода, среду проживания, воспитание, вероисповедание и т. д.

Приведем пример с генералом А.И. Кутайсовым. Его отец – И.П. Кутайсов, турецким мальчиком попал в плен, был крещен в православную веру, а затем благодаря близости к Павлу I достиг вершин в иерархической структуре Российской империи. Несмотря на турецкое происхождение отца, А.И. Кутайсов по вероисповеданию и воспитанию считался уже стопроцентным русским. Но этот случай нельзя назвать единичным. Так, А.Ф. Ланжерон в своих мемуарах упоминал генерала А.Л. Воинова, дал ему лестную характеристику и затем добавил: «сын турка, взятого в плен на войне 1736 г.»¹.

Важно обратить внимание еще на одну особенность. Запись о происхождении одного и того же лица могла со временем изменяться, иногда даже значительно. Например, если в формулярном списке И.Я. Шперберга на 1811 г. имелась следующая фраза: «Лифляндской

¹ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1907. № 5. С. 443.

пации из шляхтичей»¹, то па 1816 г. она оказалась унифицированной в соответствии с уже общепринятой канцелярской терминологией и выглядела следующим образом: «Из лифляндских дворян»². Можно привести еще более разительный пример. Если в формуляре капитана К.И. Оппермана па 1794 г. значилось: «Из мещан протестантского исповедания»³, то в его списке па 1823 г. как па генерал-лейтенанта имелась уже совсем другая запись: «Лютеранского исповедания, сын бывшего в Гессен-дармштадской службе тайного советника, имеет за собой в Псковской губернии в том же уезде м. п. 369 душ крестьян»⁴. Кроме того, очень часто сведения о происхождении отцов не повторялись у сыновей. К примеру, у генерала от инфантерии Б.Ф. Кноррига па 1817 г. значилось: «Из эстляндского шляхетства лютеранского закона»⁵, а у его сына полковника К.Б. Кноррига в 1812 г. уже было записано: «Из дворян пации лифляндской»⁶. В заполнении формулярных списков в это время происходило определенное упрощение. Можно сравнить записи у отца и сына Дибичей. У старшего, принятого па русскую службу в 1798 г., сделана следующая пространный запись: «Из рыцарских древних немецких дворян, бывший помещик разных деревень в Шлезвиге и Богемии»⁷, у младшего, зачисленного в русскую армию в 1801 г., запись оказалась малейкой и резко отличалась от отцовской: «Из силезских дворян»⁸.

В целом заполненные соответствующие делопроизводственные графы генеральных формуляров часто дают возможность лишь для приблизительного, а не точного определения вероисповедания и национальности⁹. Во многих из них помещалась стандартная лаконичная фраза: «из дворян». В этом случае для лиц с русскими фамилиями определение национальностей и конфессиональностей принадлежности не встречается препятствий. Сложнее, когда такая запись сделана па посетителей иностранных фамилий, особенно трудно идентифицировать фамилии с полонизированными окончаниями па «ий» или «ич» (Шотоцкий, Браицкий, Юзефович, Канцевич, Лисаневич и т. д.).

¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2994. Л. 350–351.

² Там же. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1037–1038.

³ Там же. Д. 7024. Л. 44–45.

⁴ Там же. Ф. 827. Оп. 8. Д. 216. Л. 141–150.

⁵ Там же. Д. 7062. Л. 99–100.

⁶ Там же. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1468–1471.

⁷ Там же. Д. 7058. Ч. 1. Л. 41–45.

⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Д. 238. Л. 137–138.

⁹ Эта графа имела следующий вид: «Из какого состояния, и буде из дворян, то не имеет ли крестьян, а если имеет, то где, в каких селениях и сколько именно».

В этом случае для определения необходимо привлекать разные источники (в первую очередь ранние формулярные списки)¹, а иногда делать окончательный вывод, опосредуясь лишь на интуиции.

Но в формулярах встречаются и более пространственные записи с привязкой к географическим пунктам и территориям (губерниям, уездам, островам, городам и т. д.) или даже к государствам, а также с упоминанием о подданстве и вероисповедании. Особенно это характерно для служивших в русской армии лиц с иноземными фамилиями. Правда, иногда сведения о них часто содержат минимальную информацию, хотя встречается весьма экзотический текст, дающий простор для исследовательских фантазий. Приведем несколько таких записей из формулярных списков: «Из голштинских дворян лютеранского закона российский уроженец» (Б.Б. Фок), «Из грузинских князей российской уроженец Черниговской губернии» (С.Э. Жевахов), «Из лифляндского дворянства секретарский сын лютеранского закона» (Ф.Е. Книшпер), «Сербской пации из дворян уроженец г. Аксеп» (И.М. Дука), «Из купцов города Рима католического закона в российском вечном подданстве» (Ф.П. Напий), «Из вольпоопределяющихся шведской пации лютеранского закона» (Г.Х. Шеле), «Греческого дворянства из архонских детей» (Д.Д. Курута), «Из армянских князей Карабахского ханства» (В.Г. Мадатов), «Сербского шляхетства из обер-офицерских детей» (Н.В. Вуич), «Из Модены, что в Италии» (Ф.О. Паулуччи делле Ропколе), «Из дворян уроженец Вюртемберг-штутгартский» (К.Ф. Левенштерн), «Из немецких рейхс-графов» (И.В. Маптейфель), «Греческого исповедания бывшего Венецианского владения из графской фамилии г. Рязань состоит в вечном российском подданстве» (Н.И. Ивелич), «Итальянской пации великого княжества Тосканского уроженец» (Е.Я. Савонин), «из вольповступивших города Мосхопола архонский сын» (А.И. Балла), «Голландской пации штаб-офицерский сын в вечном российском подданстве и принятый в сословие российских дворян» (Н.К. Сухтелен)². В записях формуляров у иностранных подданных русского царя чаще

¹ Например, в поздних формулярных списках генерала Г.И. Лисаневича значится, что он «из дворян Херсонской губернии» без указаний на национальную принадлежность, но в ранних списках на 1802 г. происхождение описано достаточно пространно: «Из польского шляхетства родился он в России от родителей своих вышедших из Польши и оставшихся в вечном российском подданстве». В то же время указано, что «крестьян не имеет, а недвижимое имение состоит в Новороссийской губернии» (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2269. Л. 91–92).

² Н.К. Сухтелен вместе с сыновьями был «принят в вечное России подданство» лишь в 1806 г. (См.: Архив графов Канкриных–Ламберт–Сухтелен. Тамбов, 1910. С. 33).

всего встречаются лишь краткие и менее подробные указания на губернии и уезды, где они были записаны в дворянские книги или имели поместья.

Но даже поверхностное знакомство с биографиями посетителей ипотечных фамилий выявляет ряд трудностей при определении их национальности. Вопрос о семейных корнях бывает очень сложен и заставляет исследователя выяснить жизненный путь нескольких предшествующих поколений искомого лица. Анализ и сопоставление различных источников приводит к некоторым выводам. В частности, что в начале XIX столетия не всегда родовое имя, наследованное от одного из предков, соответствовало национальной принадлежности предков, особенно если они по каким-либо мотивам покинули Россию ранее XVIII в. Поэтому для установления истины необходимо учитывать переселенческие процессы и ряд других моментов, в частности, вопрос о вероисповедании.

В начале XIX в. российская церковь и императорская армия представляли собой единый организм, поскольку многие религиозные догматы выполняли важные социокультурные регулятивные функции. Практически все русские военные в то время являлись глубоко верующими людьми (о чем свидетельствуют мемуары, дневники и письма офицеров) и старались в своей повседневной жизни придерживаться религиозных канонов, установленных различными конфессиями.

В начале XIX столетия в обычной практике военного делопроизводства, как правило, редко поднималась проблема религиозной принадлежности российских уроженцев. В силу всем известного предпочтения каждой крупной национальности Российской империи одной из трех господствующих в стране религиозных конфессий современникам не требовалось лишних пояснений, что русские в основной массе исповедовали православие, поляки, французы, итальянцы – католицизм, остзейцы (лифлядцы, эстляндцы и курляндцы) и немцы придерживались «лютеранского закона». Поэтому запись об отпущении военнопослужащего к разряду российских, польских, лифляндских и т. д. дворян как бы уже подразумевала вероисповедание.

Генералы-инородцы на службе русского царя

Принадлежность к определенной религии с детства формировала мироощущение и миропонимание у каждого человека, кроме того, являлась важным связующим звеном с социокультурными и национальными чертами своего народа. Чаще всего в формулярных

списках вопрос о вероисповедании поднимался в отпопешии выходцев с территорий, педавно присоедипенных к России, и пострапцев или лиц, исповедовавших пе традиционную для их парода религию. В первую очередь речь идет об европейских «изгоях», переселявшихся в другие страны из-за религиозных гонений: шотландцев и французских протестантов, со временем потерявших связи с исторической Родиной.

Первоначально рассмотрим лиц с французскими фамилиями. В этом пе было ничего удивительного. По разным причинам они оказались в русских рядах и многие из них играли весьма заметную роль в важных для России и для всего европейского континента событиях. Их мы можем сразу разделить на две категории. Первая – эмигранты-роялисты, бежавшие от ужасов революции и являвшиеся с юридической точки зрения того времени бывшими подданными французского короля, всего 8 чел. Они попали в Россию пе ранее самого конца XVIII в. и сохранили все черты, присущие французскому дворянству.

К этой категории с определенными оговорками необходимо причислить как французского подданного уроженца о. Корсики К.О. Поццо ди Борго, хотя, рассматривая национальную принадлежность земляка и с юношеских лет личного врага Наполеона Бонапарта, можно скорее отнести его к итальянцам, чем к французам. Распространение французского языка на этом острове в те времена было, согласно историческим свидетельствам, весьма скромным (итальянский оставался тогда языком письменности и официальных документов). Нельзя пазвать его и роялистом – в 1794–1796 гг. он являлся одним из центральных фигур Англо-корсиканского королевства, председателем Государственного совета и главным разработчиком конституции этого государства. Отъезд с Родины и непримиримая борьба Поццо ди Борго с Наполеоном, помимо других причин, была обусловлена местной корсиканской спецификой – личной неапативностью и жаждой отпущения¹.

Остальные прошли обычный путь роялистской эмиграции. Многие успели повоевать в корпусе принца Конде или в армиях государств антинаполеоновской ориентации. Среди них выделялись генералы, достигшие вершин корпусной иерархии и игравшие в рус-

¹ Генерал Т. Гогендорп дал К.О. Поццо ди Борго следующую характеристику: «Из множества врагов Наполеона это был вероятно самый закоренелый и самый неутомимый. Он, казалось, посвятил свою жизнь и все способности, чтобы насколько возможно, вредить ему» (Из записок графа Гогендорпа // Русский архив. 1888. № 3. С. 116.)

ской армии заметную роль в период наполеоновских войн, – А.Ф. Лапжерон, К.О. Ламберт, Э.Ф. Сеп-При. Биографии этих военачальников хорошо известны в отечественной литературе, их в России еще пазывали «французами старой школы». Остальные – А.А. Бельгард, М.И. Де Дамас, А.О. Делагард, О.Ф. Долоп, Л.О. Рот – достигли к 1815 г. уровня дивизионно-бригадного командования, их фамилии реже встречаются на страницах исторических сочинений, о них сохранилось меньше сведений. Но у двоих – Л.Л. Карбоньера и А.П. Гове¹, отцы которых еще до революции паходились на русской службе, с раппей юности пачали свою карьеру в рядах русской армии. Примечательно, что из 9 чел. (не считая погибшего в 1814 г. Сеп-При) после Реставрации лишь двое (де Дамас и Делагард) вернулись во Францию и стали служить «старому режиму». Большинство же предпочло остаться в России. О причинах этого явления пока можно только предполагать. Вероятно, они не верили в продолжительность королевской власти во Франции или не видели в этой стране перспектив для себя. Нельзя исключать и того, что они не хотели терять своего утвердившегося положения в России, или у них имелись иные мотивы остаться на новой родине. Укажем, что в 1812–1814 гг. на русской службе занимали важные и большие посты еще два французско-эмигранта: адмирал маркиз И.И. Траверсе (министр морских сил) и генерал-лейтенант герцог Э.О. Ришелье (повороссийский генерал-губернатор).

Во второй выделенной нами категории генералов также можно пайти общую для всех них особенность – несмотря на французские фамилии, они не являлись подданными французской короны. Это были потомки французских дворян-гугенотов, ставших в свое время изгоями Европы. После отмены Нантского эдикта в 1685 г. их предки, лишившись свободы вероисповедания, покинули Францию и поселились в соседних странах. Вычленению этой группы из российского генералитета помогают сведения о вероисповедании, полученные из формулярных списков каждого лица. Если французы-роялисты поголовно являлись католиками, то у остальных имелась запись о их принадлежности к реформаторской церкви. Перечислим всех протестантов с французскими фамилиями: А.А. де Скалоп, М.И. Попсет, Ф.Ф. Довре, Ф.Г. Гогель. Все они в разное время попали в Россию.

Дед Скалопа первоначально перебрался в Швецию, а оттуда в 1710 г. приехал в Россию. Отец Скалопа, родившийся уже в России,

¹ У А.П. Гове в формулярном списке просто значилось: «Из дворян» (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Л. 643–647).

дослужился до генеральских чипов, как и отец Гогеля, прибывший в 1775 г. па русскую службу из Мопбельяра (Фраппи-Копте – тогда вюртембергское владение). Деда Поппета и Довре в конце XVII в. обопсповались в Саксопии, имевшей па протяжении всего XVIII столетия тесные дружеские связи с Россией. Предки Поппета и Довре оказались ипкорпорированными в состав саксонского дворянства, песплучайпо оба учились в Дрездепе, а в Россию попали позднее. В русскую службу одип вступил в 1806 г., другой – в 1795 г. Весьма закопомерпо выглядит и запись в их формулярных списках: «Из саксонских дворян». Вероятнее всего, что они были больше немцами, чем фраппузами. По воспоминапиям Д.А. Милютипа, в круге светских знакомств семьи Поппе «преобладал петербургский немецкий элемент», а когда оп жепился па дочери генерала, то после православного вепчания в церкви в дом был приглашен пастор, совершивший церемонию по реформаторскому обряду и произнесший «по-пемецки длиппую, прочувствованную речь»¹. У Гогеля же в формулярном списке вообще значилось: «Из российских дворян». Хотя оп родился в Саратове, где его отец занимал должность комиссара немецких колоний, современники его самого не считали русским человеком. Например, швейцарец К.К. Фези, служивший с ним в русской армии, в одпом из писем 1823 г. пазвал его «природным фиппляппцем», а генерала Ф.Ф. Довре оп определил как эмигранта родом из Берлипа². Характерпо, что и К. Клаузевиц считал Довре «саксоппем по рождепию»³. У Скалопа, проведшего свое детство в России, указало, что оп из французских дворян. В его формулярном списке, песпмотря па запись о происхождении («Французской пации из шляхетства, уроженец российской, лютеранского закона, генерал-лейтенапта сын»), в графе о знании языков, отмечены только два – русский и немецкий («По российски и немецки умею и сверх того арифметику знаю»)⁴. Человек, не владевший языком предков (французский, кроме того, являлся общеупотребительным в русской и немецкой дворянской среде), вряд ли мог претендовать па принадлежность к французской пации, хотя пельзя исключать ошибку или забывчивость полкового писаря. Запись же о его происхождении, вероятно,

¹ Милютин Д.А. Воспоминания. М., 1997. С. 424, 432.

² Быт и нравы русской армии после 1812 года (По письмам генерала Фези из Польши и Кавказа). СПб., 1912. С. 73.

³ Клаузевиц К. 1812 год. С. 141.

⁴ РГВИА. Ф. 395. Оп. 172/142. 4 отд. Св. 60. 1812 г. Д. 197. Л. 6–7; ОППИ ГИМ. Ф. 160. Д. 238. Л. 225–227.

была автоматически перепесена из формуляра отца. Поэтому в отпущении потомков французских протестантов, оповываясь на совокупности приведенных фактов и соображений, мы выдвигем, может быть, слишком смелую гипотезу, что они к началу XIX в. потеряли национальные качества, присущие выходцам из Франции. Их с большим основанием скорее лучше отнести к немцам французского происхождения.

В рядах сухопутного генералитета 1812 г. мы также пойдем и трех посетителей шотландских фамилий (Р.Е. Реппи, М.Б. Барклай де Толли, Ф.Ф. Левиз оф Мепар). Их предки прошли долгий путь страстаний и скитаний и в конце концов осели на территории Российской империи. Они попали в Россию через Германию, в разное время перебравшись оттуда в Прибалтику. Их потомки уже считались остзейцами, попавшими в состав Российской империи в XVIII в. Только у Реппи в формуляре было записано: «Из шотландских дворян» (в детстве он более 2 лет вместе с отцом прожил в Шотландии), но его родной матерью являлась ливляндская дворянка, урожденная фон Эссеп. У остальных уже значилось: «Из ливляндских дворян».

В связи с этим уместно чуть подробнее рассмотреть сложный и запутанный в литературе вопрос о национальной принадлежности М.Б. Барклая де Толли. Большинство авторов, когда имя этого знаменитого русского полководца было реабилитировано в историографии, почему-то стали называть его шотландцем, как бы романтизируя его генеалогию. Но тогда, базируясь на такой логике, многих русских дворян, учитывая их предков, от которых они вели свою родословную, можно смело причислить к немцам, татарам, шведам, полякам, литовцам, грекам и т. д. Барклай же, если точно отвечать на поставленный вопрос, исходя из родственных связей, национального окружения, его вероисповедания, воспитания и родного языка, можно назвать только прибалтийским немцем (ливляндцем). Во всяком случае, именно так определяли современники его двух родных братьев, тоже служивших в русской армии, – Эрика-Йоганна (Ивана) и Генриха-Йоганна (Андрея).

Для убедительности проследим известные в литературе генеалогические связи прибалтийского рода Барклаев по прямой линии¹.

¹ Генеалогию Барклая в современной литературе см.: *Тотфалушин В.П.* М.Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года. Саратов. 1991. С. 7–9; *Баязин В.Н.* Фельдмаршал М.Б. Барклай-де-Толли. М., 1990. С. 3–9; *Тартаковский А.Г.* Незабываемый Барклай. С. 11–18; *Печуев С.* Барклай-де-Толли. М., 2011. С. 8–13.

Родопачальник рижской ветви, перебравшийся из Ростока в Лифляндию в 1664 г., Иоганн Стефан Барклай (по профессии юрист и бургомистр Риги) был жепат па дочери пемецкого юриста Аппе-Софии фоп Дерепталь. Их старший сын Вильгельм также был юристом и также являлся бургомистром Риги с 1730 г. Оп был жепат па Аппе Штейп, дочери старейшины рижской Большой гильдии. В свою очередь, их сын Рейпгольд-Готгард Барклай де Толли (1726–1775) женился па эстляндской дворянке Маргарите-Елизавете фоп Смиттеп¹. Опи-то и стали родителями будущего полководца, паречешного при рождении Михаэлем Андреасом. Затем, уже при поступлении па военную службу в русских документах его стали именовать Михаилом Богдановичем. Отчество взяли от имени отца Готгард (с пем. «Богом даппый», или по-русски Богдан). Сам М.Б. Барклай де Толли женился па родственнице матери Августе-Елепе фоп Смиттеп. Немецкие родственники и имепа в четырех поколениях, так же как и близкое пемецкоговорящее семейное окружение, дают прямые доказательства в пользу суждения об изменении его национальной принадлежности. Шотландской оставалась только фамилия, свидетельств тому, что оп знал язык предков, мы пайти не смогли. В формулярных списках Барклая говорилось, что оп умел читать и писать «по-русский, по-пемецки и по-французски». Все это убеждает нас в правильности мнения современников, что оп был лифляндским пемцем, как и остальные прибалтийские посетители шотландских фамилий. Прибавим, что к шотландцам можно отнести двух российских адмиралов того времени – Р.В. Кроуна и А.С. Грейга, последний был сыном известного российского адмирала С.К. Грейга.

Рассмотрим еще одну национальную группу в генералитете из 11 чел., условно говоря, итальянскую. Условно, поскольку в те времена па Аппенинском полуострове не существовало еще единого государства. Поэтому записи в формулярах отчасти отражали тогдашнюю географическую пестроту названий мелких государств того региона. Так, мы находим по одному представителю из Тосканы, Модены, Рима, а также, помимо трех российских уроженцев с итальянскими корнями (И.П. Росси, А.Ф. Сапци, Ф.П. Напия), выходца с острова Корсики К.О. Поццо ди Борго, являвшегося по формальным признакам того времени подданным Франции. Формуляры Ф.П. Напия вообще дают несколько возможностей для определения его социальной принадлежности – «из купцов г. Рима...» и «из штаб-офицерских де-

¹ Родословную таблицу рода Барклай де Толли см.: *Талберг Ф.* Барклай де Толли и Балтийский край. Рига, 2003. С. 9–12, 76.

тей итальянской пации родился в России от родителей своих вышедших из Италии и в вечное России подданство, где он вечно быть желает»¹. С большими оговорками сюда же можно включить и швейцарца А.Г. Жомини, предки которого также имели итальянские корни.

Но самое большое представительство в русской армии дали пьемонтские дворяне. Пьемонт, или, как тогда часто писали, Сардинское королевство, оказался одним из первых государств, втянутых в войны наполеоновской эпохи. Но в состав его территории входила с давних пор и франкоговорящая провинция Савойя. Мало того, страпой правил монарх из Савойского дома, естественно, широко привлекавшие к себе на службу савойцев. Когда же французы изгнали правящую династию, Савойя оказалась присоединенной к Франции, король отрекся, армия была распущена, то в эмиграции оказалось большое количество савойских дворян. Многие офицеры поступили на службу России, единственного в то время союзника Сардинии. Так, например, вместе с войсками А.В. Суворова в Россию в 1799–1800 гг. попали О.П. Вепансон, И.Н. Галатте де Жепола и К. де Местр. Причем из пяти русских генералов, выходцев из Пьемонта (К. де Местр, О.П. Вепансон, А.Ф. Мишо, И.Н. Галатте де Жепола, О.И. Манфреди), савойские корни можно обнаружить у только у первых троих лишь по французскому звучанию фамилий. Косвенным признаком можно считать отсутствие записи о знании итальянского языка в формулярном списке. Исключая Манфреди, формуляр которого не удалось отыскать², лишь в документах Галатте и Мишо есть фраза о знании итальянского, у К. де Местра и Вепансона упоминание о владении господствующим языком основного населения Пьемонта отсутствует³, становится понятным, почему пьемонтские офицеры, попав в Россию, по словам Ж. де Местра (брата генерала), говорили «на прекрасном французском языке»⁴.

Попробуем разобрать еще несколько трудных случаев. Так, весьма сложно определить национальную принадлежность у К.А. Крейца. Его славянские предки еще до XVII в. «опечились» и занимали

¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2269.

² См.: *Ляпушев Г.В.* Георгиевский кавалер Осип Игнатьевич Манфреди // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2005. С. 291–299.

³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7046. Л. 46–47; Д. 7058. Ч. 2. Л. 821–822; Д. 7053. Л. 2–3; Д. 7060. Л. 598–599. Н.Н. Муравьев про Мишо писал, что «он по-русски ни слова не знал» (Записки Николая Николаевича Муравьева // Русский архив. 1885. № 9. С. 51).

⁴ *Местр Ж. де.* Указ. соч. С. 37.

видное положение в Пруссии, а затем переселились в Польшу, где его дед получил графский титул. Сам же он лишь в 1800 г. перешел на русскую службу из генерал-адъютантов последнего польского короля, причем до 1839 г. носил не характерный для польского дворянства баронский титул. В его послужных списках встречаются самые разнообразные записи: «Из курляндских дворян баронского рода», «Из дворян Литовско-Виленской губернии», «Из дворян графского достоинства вероисповедания римско-католического». Кем его считать – поляком или немцем? С одной стороны, среди российских генералов, природных немцев, мы найдем епископа католика – «уроженца города Кобленца курфюрства Трирского католического закона» Х.И. Трузсона¹, с другой – характерная запись в формуляре Крейца только для польских дворян о знании польского языка и латыни². В данном случае любой выбор чреват ошибкой. Мы можем лишь высказать предположение, что доводов считать его поляком больше. В пользу этого говорит двухвековое проживание в Польше его предков, вероисповедание и воспитание, а также наличие в среде шляхты Речи Посполитой довольно большого количества дворян с немецкими фамилиями³.

Не менее сложный случай с И.О. де Виттом, фамилия которого имеет голландское происхождение. Но в его формуляре имеется следующая фраза: «Вероисповедания греко-русского из дворян графского достоинства Подольской губернии»⁴. Он был старшим сыном подольского помещика де Витта от брака с знаменитой красавицей-фавориткой (гречанкой) Софией Маврокордато (после развода во втором браке Потоцкой). Воспитанный в православии И.О. де Витт (по законам империи дети приписывались православию, если хотя бы один из родителей исповедовал эту религию⁵), вырос в магнатской среде под влиянием польской культуры. Русское командование пе-

¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1313.

² Там же. Ч. 1. Л. 428–437; ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 862. Л. 61–99. Запись выглядела следующим образом: «Знает языки: Латинский, греческий, французский, немецкий, русский и польский».

³ Поляком он назван и в приказе 7 июля 1799 г. Санкт-Петербургскому военному губернатору П.А. Палену от императора Павла I: «Найдите поляков Червинского и Крейца, и за пустые известия или писания посадите в крепость» (Русская старина. 1872. № 2. С. 250).

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Д. 238. Л. 65–68.

⁵ Например, дети генерала И.Е. Баумгартена и его жены Веры Андреевны, дочери первостатейного купца из г. Петербурга Косиновского, были «греко-русского исповедания» (РГВИА. Ф. 395. Оп. 27/423. 1 отд. 3 ст. 1836 г. Д. 217).

ред 1812 г. использовало его знакомства и родственные связи в высшем польском обществе для получения разведывательной информации, но, учитывая его репутацию, до конца не доверяло ему. В общем мнении он считался провокатором и авантюристом (в 1809 г. служил волонтером в армии Наполеона в кампании против австрийцев). Хотя впоследствии де Витт заслужил полное признание высшего начальства, но не считался своим, несмотря на православие¹. В целом, исходя из национальной принадлежности родителей, его все же нельзя назвать ни голландцем, ни греком, ни поляком, а нужно, с некоторым допущением, все же считать русским. Вместе с тем неречислим еще четырех генералов, которые, без всякого сомнения, но происхождения и воспитанию являлись голландцами: М.Н. Гартинг, П.К. Сухтелен и П.П. Сухтелен (хотя родился в Петербурге), Ф.В. Тейль ван Сероскеркен.

Особо выделим генералов с западноевропейскими фамилиями, не приписанными к остзейскому дворянству («межнациональные» фигуры). Их отцы в свое время получили социальный статус за службу, поэтому записи в формулярах о происхождении в таких случаях весьма разнообразны. Часто указывались лишь чины отцов, или писались стандартные фразы: «Из дворян», «Из российских дворян», «Из воинских дворян», «Из штаб-офицерских детей», иногда «Из дворян Н... губернии». Часто упоминание о национальной принадлежности просто опускалось. Это особенно характерно для лиц, как тогда говорили, «темного происхождения». Например, у братьев Меллер-Закомельских значится, что они из российских дворян Белорусской губернии, но их отец И.И. Меллер, получивший за воинские заслуги баронский титул, происходил «из немецкой нации мещан лютеранского закона» и был сыном штаб-лекаря в Конногвардейском полку². Иногда, из-за отсутствия сведений об отце, очень сложно что-либо сказать о национальности. Так, у А.Е. Ансио записано: «Из российских дворян коллежского ассесора сын»³. В данном случае можно только предположить, но не утверждать, что фамилия имеет романские корни (итальянские, француз-

¹ Например, А.А. Аракчеев, считая его конкурентом по созданию военных поселений, называл его поляком (*Маевский С.И.* Мой век, или история генерала Маевского // Аракчеев. Свидетельства современников. М., 2000. С. 211).

² См.: *Сардак Л.Л.* Меллер Иван Иванович – родоначальник баронов Всероссийской империи Меллеров-Закомельских // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. Вып. 6. СПб., 2011. С. 7–33.

³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 484–489.

ские ?). Но встречаются и видоизмененные фамилии. Например, отцом генерала Ф.И. Древича («Из дворян Витебской губернии») был генерал-майор И.Г. фон Древиц, нерешедший в 1759 г. в русскую армию из нрусской и нолучивший за службу имение в Витебской губернии¹. Поскольку он долгое время командовал Сербским гусарским полком, то и его фамилия оказалась нерейначенной на южнославянский лад.

Чаще всего всех лиц с евронейскими фамилиями традиционно, со времен Ивана Грозного, когда среди иноземцев доминировал германский элемент, современники зачисляли в «немцы». Но подобный подход также чреват ошибками. Возьмем случай с генералом Е.Ф. Керном. Широкой нублике его имя стало известно благодаря гениальным строкам знаменитого русского поэта, носвященным красавице жене генерала. В формуляре Керна о происхождении сказано: «Из воинских дворян»², но литературоведы дружно именовали его «немцем», что не совсем корректно. Предки Керна – протестанты из Англии, отец – полковник русской армии, да и сам он родился в г. Петровске Саратовской губернии³. Что же касается британцев с английскими фамилиями, то их традиционно было много в российском флоте, например три адмирала в 1812 г. (Е.Е. Тет, В.Р. Розе, У.В. Мур), в армии они были нредставлены лишь одним полным генералом – А.С. Феньшем (Феньшоу). Уномьяем и имена генералов, нредставлявших по одиночке, разные географические регионы Занадной Евроны: Ирландию – И.К. Оуррк, Австрию – А.Я. Паттон, Финляндию – Н.И. Сутгоф, Данию – К.М. Герцдорф.

Отдельно ннробуем исследовать единоверцев и нредставителей народов, населявших Российскую имнерию. Что касается поляков, 9 чел. (В.К. Браницкий, М.Ф. Влодек, Т.И. Збиевский, К.А. Крейц, Г.И. Лисаневич, А.П. Ожаровский, С.С. Потоцкий, О.К. Соколовский и Е.И. Чанлиц), то их национальность (нравда, не всегда легко) устанавливается из занисей в формулярах о нринадлежности к польскому дворянству или на основании сведений о знании польского языка и латыни. Причем Браницкий, Ожаровский и Потоцкий являлись нотомками польской элиты, владельцами огромных латифундий на Украине. Многие поляки служили из-за личной нреданности императору. Не случайно известный историк 1812 г. А.П. Понов нанисал

¹ *Суворов А.В. Письма*. М., 1986. С. 484–485; *Энгельгардт Л.Н. Записки*. М., 1997. С. 18.

² РГВИА. Ф. 489. Д. 7058. Ч. 2. Л. 565–569.

³ Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Т. 2. М., 1845. С. 1.

об их отношении к Александру I: «Поляки, находившиеся на русской службе, Любомирские, Браницкие, Потоцкие, Грабовские говорили: он наше отечество»¹. Это была нонитка Александра I «оседлать» «нольскую идею» и с помощью нольской знати приручить бывшую Речь Посполитую.

Другая группа – греки-единоверцы (7 чел.). Лишь двое из них являлись российскими уроженцами. Первый – С.Х. Ставраков, сын отставного подпоручика русской армии, проживавшего в Полтавской губернии. В его формулярном списке даже не значится знание им греческого языка, хотя указаны немецкий, французский и итальянский². Другой – А.П. Мелиссино, внук выходца с о. Кафалония³, сын известного артиллерийского генерала П.И. Мелиссино от брака с М.Д. Кацыревой, так же вряд ли мог считаться сто процентным греком, имея русскую мать и являясь в третьем поколении подданным российского императора. Примечательно, что некоторые современники считали его сербом⁴. Остальные пятеро – Ф.П. Алексополь (видимо в оригинале фамилия звучала как Алексопулос), А.И. Балла, П.Е. Бенардос, Е.И. Властов, Д.Д. Курута – имели записи в формуляре: «из архонтских детей», «из греческих дворян», «уроженец г. Константинополя». Все они в детстве были вывезены из Греции, затем закончили в Петербурге специально открытое Екатериной II в 1775 г. военно-учебное заведение – Корпус чужестранных единоверцев (при Артиллерийском и Инженерном шляхетском корпусе), где им преподавали и родной язык⁵. Вместе с ними учились два крымских татарина – К.М. Балатуков и А.Я. Рудзевич. Крещеным крымским татарин был и генерал Г.Г. Белогородский, окончивший Школовский кадетский корпус.

Из числа генералов можно выделить отдельную группу выходцев с Балкан, представленную в основном их нотомками. Всего их оказалось 10 чел. Хотя в этом регионе проживало несколько славянских народов, но в России их всех именовали сербами. Это было условное обозначение представителей всех народов этого региона. Понробуем

¹ Попов А.Н. Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский архив. 1892. № 2. С. 176–177.

² Там же. Д. 7060. Л. 483–486.

³ По другой версии, внук лекаря из Венеции (Русская старина. 1872. № 2. С. 238). Также см.: Пряхин Ю.Д. Греки в истории России XVIII–XIX веков. СПб., 2008. С. 136.

⁴ Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989. С. 112.

⁵ См. подр.: Пряхин Ю.Д. Греки в истории России XVIII–XIX веков. С. 121–135.

остановиться на том, каким образом оказались зафиксировано в документах сербское происхождение генералов и особенности их нонадания на российскую службу.

У многих предки в разное время переселились в Россию, и они являлись уже третьим и даже четвертым поколением, прожившим в стране, ставшей приютом для православных славян. Например, возмем самого известного из «сербов» героя войны 1812 года – генерала от инфантерии М.А. Милорадовича. Его прадед относился к первой волне сербских переселенцев, он являлся основателем российской ветви этого рода. Это выходец из Герцоговины Михаил Ильич Милорадович (умер в 1726 г.), нолковник Гадячского нолка (с 1715 г.). Его сын Стенап Михайлович Милорадович родился в Сербии в 1699 г., переехал вместе с отцом на Украину в 1711 г., от брака с Марией Михайловной Гамалей имел 6 сыновей и 1 дочь; женой отца нашего героя – генерал-поручика Андрея Стенаповича Милорадовича, в свою очередь, была Мария Андреевна Горленко¹. То есть и дед, и отец женились на представительницах украинской казачьей элиты. Поскольку тогда не существовало украинской государственности, а дворянство имело имнерскую ориентацию, то доминирующим в обществе был русский язык. Совместное с окружающими вероисповедание, языковое родство и межнациональные браки значительно ускоряли процесс ассимиляции не с украинской старшиной, а с российским дворянством. Это было характерно тогда и для украинской элиты, и для других выходцев из Сербии.

В данном случае показателен пример с Г.П. Веселитским, который, как считается в литературе, являлся нотомком выходцев из Далмации, его предки являлись князьями Божедары, но в графе о происхождении у него значится: «из дворян»². Тем более что с юности он воспитывался в Артиллерийском и инженерном кадетском корпусе, то есть полностью находился в русскоязычной среде.

Необходимо отметить, что вторая очень большая волна переселения сербов в Российскую империю последовала в середине XVIII в. Документы свидетельствуют о большой миграции народов православного вероисповедания с Балкан, нонавших под иго турков, сначала в Австрию и Венгрию. Первоначально их хорошо принимали, поскольку они были ярыми противниками Османской империи. Они

¹ См.: Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства. Т. II. СПб., 1901. С. 131–133.

² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Л. 678–679; Д. 7060. Л. 375–376; ОИИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 58–60; Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Т. 4. С. 1.

уходили за Дунай, снасясь от насильственного обращения в мусульман и «отуречивания». Но и там правовое положение сербского населения было весьма тяжелым, а кроме того, имели место религиозные притеснения со стороны католического духовенства (запрет на строительство церквей, стремление перевести сербов из православной веры в униатскую). Поэтому взоры сербов обращались к России, в которой со времени Петра I они видели свою защитницу и покровительницу в борьбе с турецким господством на Балканах.

В 1751 г. к российскому послу в Австрии обер-гофмейстеру графу М.П. Бестужеву-Рюмину обратился полковник австрийской службы (серб по происхождению) Иван Хорват фон Куртич, который просил принять его в подданство России «...во избежание тяжкого принуждения покорить себя панскому престолу с неремею греческого исповедания на католическое»¹. Эту просьбу удовлетворили, после чего последовало переселение сербов в один из районов Украины (современная Кировоградская область), получившего название Новой Сербии.

Вслед за этим на Украину в 1752 г. прибыли со своими людьми полковник Иван Шевич и подполковник Райко (Родион Стенанович) Прерадович (серб. *Прерадовић*, родоначальник российской фамилии Денрерадовичей)², получившие разрешение поселить сербов – выходцев из Австрийской империи. Они тогда командовали двумя гусарскими полками, составленными в основном из сербов.

Первоначально и Шевич, и Прерадович находились на австрийской службе в составе сербской милиции (*Srpska milicija*) на Военной границе (*Vojna krajina*). Но затем, вследствие усиления национов в Австрии и Венгрии, начавших притеснять сербов, они прибыли в Россию и были приведены к присяге. Территория их поселений между реками Северным Донцом, Бахмутом и Луганью получила с тех пор название Славяносербии (ныне в основном часть территории Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики). Донецкие степи к середине XVIII в. были малозаселенной территорией и фактически являлись южной границей с Крымским ханством.

¹ Очерк повествования о Новороссийском крае, из оригинальных источников почерпнутый. Тверь, 1857. С. 8.

² Чтобы подчеркнуть свое дворянское достоинство Венгерского королевства, полученное предками в 1722 г. Р. Прерадович к своей фамилии на французский манер добавил частицу «де». В результате образовался новый вариант фамилии – Денрерадович (см.: Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 103).

Внуки этих двух полковых командиров (получивших в России генеральские чины) не уронили честь своих дедов и в наполеоновскую эпоху так же успешно руководили крупными кавалерийскими соединениями. Генерал-лейтенант И.Г. Шевич («Из сербского шляхетства в вечном российском подданстве»)¹ командовал тяжелой гвардейской кавалерией и погиб в Лейпцигской битве в 1813 г. Генерал-лейтенант Н.И. Денрерадович («Из дворян славяносербского уезда Екатеринославской губернии»)² начальствовал кирасирской, а затем гвардейской дивизией, в мирное время – уже корнусом.

Естественно, у большинства сербских потомков записи в формулярах свидетельствовали лишь о российском происхождении, многие, возможно, даже не знали сербского языка (Г.П. Веселитский, М.А. Милорадович, Н.И. Денрерадович, И.Г. Шевич). Впрочем, и у остальных записи о знании родного языка отсутствовали.

Любопытно увидеть, что записи о происхождении весьма схожи у двух других генералов, долгое время командовавших егерскими полками и на этом поприще получивших очень хорошую репутацию: Н.В. Вуич – «Сербского шляхетства из обер-офицерских детей»³; И.С. Велизарьев – «Из сербского шляхетства Новороссийской губернии г. Миргорода»⁴. Совсем по-иному выглядит эта запись у П.И. Ивелича: «Греческого исповедания бывшего Венецианского владения из графской фамилии г. Рязану состоит в вечном российском подданстве»⁵. Такой населенный пункт и ныне находится в Словении, следовательно, он, скорее всего словенского происхождения. На русскую службу он был принят в 1788 г. поручиком из кавалеров Венецианской республики по протекции уже служившего в России своего брата подполковника графа М.К. Ивелича (будущий генерал-лейтенант и сенатор), посланного в Черногорию для организации восстания против турок.

Весьма необычную запись о происхождении имел генерал барон Илья Михайлович Дука: «Сербской нации из дворян, уроженец го-

¹ РГВИА. Ф. 395. Оп. 7/319. Д. 70; Оп. 8/324. Д. 94; Оп. 172. Д. 261.

² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 546–549; Д. 2996. Л. 3–4. ОПИ ГИМ. Ф. 160. Д. 238. Л. 134–136.

³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1902. Л. 37–38; Д. 1907. Л. 15–16; Д. 7058. Л. 495–500. Его предок Эммануил Вуич из корнетов австрийских войск в 1752 г. был принят на русскую службу и определен поручиком в Иллирический полк (Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Ч. 22. М., 2016. С. 40).

⁴ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1709. Л. 3–4.

⁵ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1622. л. 5–6; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 159–160.

рода Анкона, на российское подданство не присягал»¹. Он родился в 1768 г. в Аахене, в 1774 г. после смерти отца приехал в Россию к родственникам матери, в 1776 г. поступил нижним чином в российскую армию.

Здесь необходимо отметить и другой аспект. Два кавалерийских лихих генерала имели записи в формуляре: «Из венгерских дворян» – Г.А. Эммануэль (настоящая фамилия – Мануйлович) («Из венгерских дворян сербской нации»²) и А.А. Юрковский («Из венгерских дворян греческого исповедания»³); они формально (по знанию этого языка) имели право считаться венграми, но оба исповедовали православную религию, поэтому никак не могли считаться таковыми. Правда, в среде даже образованного русского офицерства тогда было распространено ошибочное заблуждение, что венгры – «одноплеменные с Россиянами» и их легко можно будет поднять на восстание против австрийцев»⁴. Если по поводу происхождения Юрковского все еще остается много вопросов, то этого нельзя сказать про биографию генерала от кавалерии Эммануэля, поскольку почти сразу после его смерти увидело свет подробное жизнеописание генерала⁵. Сын обер-князя А. Мануйловича из г. Веернице в Банате начал служить в австрийских войсках, в 1797 г. был принят на русскую службу поручиком в лейб-гусарский полк. Командуя кавалерийской бригадой в 1812 г., Эммануэль заслужил генерал-майорский чин, в 1814 г. за взятие Парижа получил чин генерал-лейтенанта. Без всякого окровавления за 30 лет честной службы в России Эммануэль достиг высокого чина генерала от кавалерии в 1828 г.

По архивным сведениям, Юрковский в 17 лет был определен на службу вахмистром в Венгерский гусарский полк в 1772 г., с отличием участвовал в двух русско-турецких войнах и кампаниях 1805–1807 гг. против французов, в 1807 г. произведен в генерал-майоры, после чего вышел в отставку, вернулся на службу в 1812 г. и снова командовал кавалерийской бригадой.

¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2699. Л. 9–10; Д. 7062. Л. 582–585; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 142–144.

² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 721–730.

³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Л. 408–409; Д. 7060. Л. 296–297; Д. 1907. Л. 297.

⁴ См.: *Безотосный В.М.* Материалы П.А. Чуйкевича // События Отечественной войны 1812 года на территории Калужской губернии. С. 31.

⁵ *Голицын Н.Б.* Жизнеописание генерала от кавалерии Емануэля. СПб., 1851.

Кроме того, два представителя «сербской пации», как записано в их формулярах, барон И.М. Дука и Г.А. Эммануэль в 1812 г. еще даже не приняли российского подданства. Дука, уроженец немецкого г. Лахена, имел несколько необычный для славян титул барона (видимо, отец получил этот титул за службу в Священной Римской империи германской нации).

Эммануэль, нерешивший из австрийской службы в русскую в 1797 г., «дал реверс никогда не воевать против Австрии». В кампании 1809 г. против Австрии он был вынужден, чтобы не нарушать данного обязательства, подать рапорт на этот счет с ходатайством «не поднимать оружия против... прежних товарищей на ратном поле». Высшее командование сочло возможным удовлетворить его просьбу, правда, мир был заключен, прежде чем последовало Высочайшее разрешение¹.

Также стоит упомянуть, что все без исключения десять генералов были награждены орденом Св. Георгия, высшей воинской наградой Российской империи: М.А. Милорадович имел 2-й класс, семь человек – 3-й класс, И.С. Велизарьев и П.И. Ивелич были награждены 4-м классом этого ордена. Из многочисленных дворян южнославянских народов, еще с начала XVIII в. с оружием в руках служивших России, десять фамилий генералов представляли лишь самую вершину представительства «сербского шляхетства» в российской императорской армии. Гордость за их воинскую славу по праву нужно разделить между Россией и Сербией. Отметим еще одного выходца из Молдавии, региона близкого к Балканам, – генерала Д.В. Шуханова.

Другая крупная группа «близких единоверцев» в генералитете – это выходцы из Закавказья (15 чел.). Из них 13 генералов носили грузинские фамилии. Их предки в XVIII в. в разное время переселились в Россию, где за службу получали имения с крепостными. Так, при Анне Иоанновне из грузинских дворян была организована гусарская рота, в потомственное владение им были отведены деревни на Украине (князьям – по 30 дворов, дворянам – по 10 дворов)². Потомки выходцев из Грузии позднее в значительной степени обрусели. Грузинские фамилии стали произноситься и писаться на русский

¹ РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 420. Л. 611–612; Ф. 29. Оп. 1/153в. Д. 90. Л. 161 об. – 162. *Голицын Н.Б.* Жизнеописание генерала от кавалерии Емануэля. С. 11. (За указание на архивные данные приношу благодарность московскому исследователю И.С. Тихонову.)

² См.: *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России от начала XVIII до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 154–155.

лад (Яшвили – Яшвиль, Джавахишвили – Жеваховы, Шаликошвили – Чаликовы, Гангелишвили – Гангеловы, Багратиони – Багратионы, Панчулидзе – Панчулидзевы, Гуриэли – Гурьяловы). Причем у нотомков рода Бибидури-Лашкарешвили фамилия изменилась на Лашкаревых и в формулярах генерал-майора П.С. Лашкарева после 1816 г. значилось «Из русских дворян»¹. Отметим, что у братьев Панчулидзевых матерью была простая русская крестьянка Мария Семеновна, князь И.С. Гурьялов родился от брака его отца с Анной Тимофеевной Суровцевой². В ноздних генеральских формулярах только у двоих (С.Ю. Жевахова, Р.И. Багратиона) отмечено знание грузинского языка³. Правда, изучающий биографию П.И. Багратиона И.С. Тихонов нолагал, что записи об умении читать и нисать по-грузински имелась в ранних формулярных списках главнокомандующего 2-й Занадной армии и исчезла после 1794 г.

Два генерала имели древние армянские корни. Карабахский князь В.Г. Мадатов, уроженец территории, только что вошедшей в состав Российской империи, знал не только русский и французский, но и местные языки – армянский, грузинский, персидский, татарский (азербайджанский), турецкий. Д.А. Делянов являлся нотомком джyльфинских армян, бежавших из Персии в Россию в начале XVIII в. Он родился уже в московской колонии в 1761 г., в его документах отмечено знание лишь русского языка⁴.

Если же говорить в целом о единоверцах и лицах, нридерживавшихся близких к православию конфессий, то можно сделать вывод, что эта категория из-за культурной и религиозной близости оказалась наиболее подвержена ассимиляции с русскими. Правда, исследователям не всегда легко удастся определить степень обрусения, она всегда остается индивидуальной в каждом случае. Этот процесс усиливал ряд объективных обстоятельств: малочисленность, разбросанность и отсутствие единой среды для компактного нроживания на исконно русских территориях вдаль от родины предков.

В какой-то степени указанные факторы касались и занадноевропейских «чужестранцев», в нервую очередь немногочисленных вы-

¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1045; Ф. 395. Оп. 23. 1 отд. 1834 г. Д. 252. Л. 2–3.

² См.: *Булацель П.* Забытый герой Отечественной войны, генерал-майор князь Иван Степанович Гурьялов // Вестник общества ревнителей истории. Вып. 1. СПб., 1914.

³ РГВИА. Ф. 495. Д. 2312. Л. 2–3; Д. 7058. Ч. 2. Л. 670–673.

⁴ Там же. Д. 7058. Ч. 2. Л. 779–783, 865–870.

ходцев из далеких от России государств (ирландцев, англичан, французов, итальянцев, швейцарцев, голландцев, датчан и т. д.). В то же время вряд ли неречисленные факторы воздействовали на германский элемент. В России с XVIII в., помимо Прибалтики, существовали многочисленные немецкие колонии. Кроме того, остзейцы, длительное время проживая среди превосходивших их по численности латышей и эстонцев, выработали стойкий национальный иммунитет. Причем, будучи в социальном плане доминирующей нацией в этих районах Прибалтики, они подавляли местное население и оказывали на него мощное культурное воздействие. В этих условиях напавшие в Россию западноевропейцы и их потомки вынуждены были делать выбор в пользу одного из культурно-религиозных центров: немецко-реформаторского или русско-православного.

Можно отметить наличие и польско-католического ареала влияния, но его притягательность ограничивалась географическими рамками бывшей Речи Посполитой. Кроме того, в высших слоях имперского общества господствовало стойкое предубеждение к полякам, если не сказать больше. Приведем по этому поводу характерное высказывание известного тогда публициста Н.И. Греча. Перечисляя представителей наций, активно боровшихся с Наполеоном, он сделал лишь два исключения, упомянув турок и поляков: «первые не христиане, последние и того хуже»¹.

Для европейца, сделавшего карьеру в России (к таковым относим и генералов), реально были открыты только два пути: или примкнуть к остзейцам в силу языковой и религиозной близости, или перейти в лоно православия, что всячески поощрялось высшей властью. Но последний процесс в те времена только-только начал набирать силу. Среди генералов с западноевропейскими фамилиями мы можем указать лишь на лифляндца П.К. Эссена – его отец еще до рождения сына принял православие, поэтому носился и назывался на русский манер Петром Кирилловичем.

Среди посетителей иностранных фамилий самое большое место занимали немецкие роды – 123 чел. Условно, исходя из исторически сложившегося обособления, их можно разделить на прибалтийскую и германскую группы и отдельно рассмотреть «служивых» немцев. Уже упомянутый Н.И. Греч, сам имевший немецкие корни, делал четкое разделение: «должно отличать немцев (или германцев) от уроженцев наших остзейских губерний: это русские подданные, русские дворяне, охотно жертвующие за Россию кровью и жизнью, и если иногда предпочитают природным русским, то оттого, что до-

¹ Греч Н.И. Записки о моей жизни. С. 212.

машнее их воспитание было лучше и нравственнее. Они не знают русского языка в совершенстве, и в этом виноваты не они одни: когда наша литература сравняется с немецкою, у них исчезнет преимущество употребление немецкого языка». Развивая эту тему и переходя на персоналии, он далее добавлял: «Да и чем лифляндец Барклай менее русский, нежели грузинец Багратион? Скажете: этот православный, но дело идет на войне не о происхождении святого духа!»¹.

С последним тезисом вряд ли согласились бы все русские современники Греча. Как раз религия в данном случае, помимо языка и культурных особенностей, и являлась их главной отличительной чертой от основной массы подданных империи. Но известный литератор отразил в своих словах то весьма специфическое положение, которое занимали остзейские губернии в составе России. Коренные жители тогда смотрели на Прибалтику, как на часть цивилизованной Европы, поскольку общий культурный уровень дворянства бывших земель Ливонского ордена все же резко контрастировал и был выше, чем в среднем по стране. В то же время наседавшие туда европейцы не делали исключения, полагая, что это часть России, и даже остзейских дворян считали не немцами, а русскими. В определенном смысле прибалтийский регион был важным культурным буфером, или мостом, связывающим Россию с Западом. В историографии лучше всех присущие особенности и социальную психологию балтийско-немецкого имматрикулированного дворянства показал М.Ю. Катин-Ярцев. По его мнению, «из-за отсутствия поддержки со стороны местного населения остзейцы и помыслить не могли о своем, самостоятельном государстве и тем более, борьбе за него. Вышеуказанные причины заставляли ливонских рыцарей не бунтовать против метрополии, а искать союза с ней»².

Если же рассматривать родословную роснись прибалтийского дворянства, то у многих предки имели даже не германское, а скандинавское происхождение, выехали в разное время из Дании, Норвегии, Швеции. Вероятно, остзейцы в силу своего исторического развития приобрели многие черты, отличные от присущих другим немцам. Не случайно в русских документах фигурировал термин «лифляндская нация», помимо общего для них бытовавшего названия – остзейцы. Многие современники отмечали, что у немцев этого региона суще-

¹ Там же. С. 211.

² См. подробнее: *Катин-Ярцев М.Ю.* Балтийско-немецкое дворянство на российской службе. Конец XVIII – начало XX в. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 21.

ствовала и специфическая ментальность, личная лояльность к императору, престолу и династии, сословная (прибалтийская) слоченность и корпоративность.

На основании формулярных списков мы можем насчитать в рядах генералитета эпохи 1812 года 76 чел. с немецкими фамилиями, имевших прибалтийскую «нрониску», включая троих уже упомянутых «шотландцев». К этой группе можно было бы прибавить генерала Н.Н. Муравьева, у которого в формуляре значилось: «Города Риги из дворян»¹, но сомневаться в его «русскости» не приходится, для этого нет никаких оснований. Конечный расклад по губерниям выглядит следующим образом: 45 ливонцев (включая выходцев из Дерптского округа, входившего тогда в Ливонскую губернию), 21 эстонец и 10 курляндцев².

36 чел. условно мы отнесли к немцам (в их составе протестанты с французскими фамилиями). На начало XIX в. Германия не представляла единое целое. Ряд крупных государственных образований соседствовал с конгломератом раздробленных мелких княжеств (до 300), некогда номинально входивших в Священную Римскую империю германской нации. С незапамятных времен русские власти старались привлекать на военную службу выходцев из немецких земель. Этому обстоятельству способствовали тесные родственные связи династии Романовых в этом регионе. Не случайно среди генералов 1812 года числилось аж десять августейших особ (принцы и герцоги) из германских монархических домов. Определенными историческими обстоятельствами и государственными связями можно объяснить и наличие в русской армии того времени 7 саксонцев, 6 пруссаков, 5 вюртембергцев, 3 гессенцев. Остальные представляли широкий географический спектр лоскутных немецких княжеств.

¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1226–1227; Д. 7060. Л. 383–384. Его сын написал в воспоминаниях, что отец действительно родился в Риге, когда его дед Н.Е. Муравьев «был также военным губернатором в Риге и получил от тамошнего дворянства диплом на рыцарство меченосцев» (Записки Николая Николаевича Муравьева // Русский архив. 1885. № 9. С. 22–23).

² Ланжерон особо выделял остзейских немцев, или «ливонцев», и дал им следующую характеристику: «Ливонские немцы еще более немцы, чем таковые в Германии. Офицеры этой нации образуют в русской армии особый кружок. Они не любят русских и очень мало связаны с другими национальностями, находящимися на русской службе. Когда генерал-ливонец командует корпусом или армией, можно быть уверенным, что он будет окружен только немцами и что все награды и милости будут раздаваться только немцам» (Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1908. № 8. С. 421).

Хотя некоторые представители германских родов (Мантейфели, Дризены, Витгенштейны, Фоки, Левенштерны, Энгельманы) как курляндские, лифляндские и эстляндские дворяне с большим основанием могли приравняться к «остзейцам», поскольку уже их отцы находились на русской службе. Большая часть остальных с юношеских лет находилась в рядах российской армии.

Пеносредственно до и в течение 1812–1813 гг. в ряды генералитета были привлечены всего 9 германцев (К. Фуль, Л. Вольцоген, Ф. Тетенборн, И. Тильман, П. Вюртембергский, Л. Вальмоден-Гимборн, А. Саксен-Веймарский, Л. Саксен-Кобургский, Э. Саксен-Кобургский). Упреки в незнании немцами русского языка в 1812 г. частично были верны лишь применительно к ним. Большинство иностранцев или лиц с нерусскими фамилиями знали русский язык, без этого им было невозможно успешно продвигаться по службе. Для убедительности приведу в качестве примера сохранившийся комплекс писем на русском языке за 1812 г., написанных А.А. Закревскому генералом французского происхождения Э.Ф. Сен-При¹.

Промежуточное положение между прибалтийской и германской группой занимали генералы с немецкими фамилиями, связанные с российским дворянством, или их происхождение выглядело не совсем ясным. В записях в формулярных списках значилось, что они из дворян, из военных дворян, из российских дворян, из вольноопределяющихся, из чиновников (указаны чины отцов), или ввиду наличия имений и по местожительству отцов они числились в дворянском сословии определенных губерний. Таковых мы насчитали 11 чел. Именно эта категория потомков иноземных предков «старого и нового выезда», проживавшая среди русских (исключение составлял Петербург, где всегда было сильно немецкое представительство), и оказалась наиболее подверженной ассимиляции. Можно привести в пример лицеистского друга А.С. Пушкина барона А.А. Дельвига. Вот как, например, характеризовал его один из биографов: «Хоть и происходил от прибалтийских баронов, но родился от русской матери, в Москве... родным языком его был русский, а немецкому он, с грехом пополам, обучился только в лицее»². Нечто подобное вспоминал про себя и известный мемуарист, смоленский дворянин (с немецкими корнями) генерал Л.Н. Энгельгардт. Описывая свое обучение, в частности и языку предков, он отзывался о нем следующим образом: «...такое я получил омерзение к немецкому языку, что никогда не мог я порядочно знать по-немецки и разуместь, что читаю»³.

¹ См.: РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 131.

² Вересаев В. Спутники Пушкина. Т. 1. М., 1993. С. 79.

³ Энгельгардт Л.Н. Записки. С. 18.

Таким образом, из остзейцев и потомков выходцев из германских государств складывался на протяжении двух столетий тип «русского немца», верой и нравдой служившего российскому императору до 1917 г.

Специфика российского генералитета.

Хотелось бы отметить и региональные особенности российского дворянства. Это можно сделать благодаря тому, что во многих формулярных списках в графе о происхождении имеются указания на отдельные географические пункты, губернии и даже уезды.

В первую очередь нужно отметить большую группу донских генералов, которые традиционно возглавляли полки всей иррегулярной кавалерии, так как Дон по нраву считался колыбелью всех казачьих войск и образцом для них, а сыны «вернолюбивого Тихого Дона» составляли костяк казачьей конницы. Кроме того, имелись и свои особенности в тактике военных действий и прохождении казачьей службы, в отличие от регулярных частей. 28 генералов, принисанных к Войску Донскому, оказались на театре военных действий в 1812–1815 гг. Они происходили в основном из донской старшины, привилегированного социального слоя донского казачества, своеобразной казачьей аристократии. Только единственный донской генерал, погибший на поле боя в 1812 г., И.К. Краснов происходил из простых казаков, кроме того, С.Ф. Балабин – «из протопопских детей Войска Донского», М.Г. Власов был сыном казачьего обер-офицера. Остальные принадлежали к старшинским фамилиям, в их формулярных списках содержатся стандартные записи с некоторыми вариациями: «из старшинских детей», «из генералитетских детей», «из полковничьих детей» и т. п. Представители старшинских семей (30–40 родов) традиционно занимали в Войске высшие командные должности и фактически монополизировали все властные сферы на Дону. Да и просмотр генеалогии этих родов позволяет сделать вывод, что их представители вступали в семейные отношения в основном между собой и имели тесные кровно-родственные связи. Только случайностью или наследственной тягой к военному делу нельзя объяснить наличие среди боевых генералов эпохи 1812 года не шесть выходцев из родов Иловых и Грековых, но два из фамилий Платовых и Денисовых.

Хозяйственный уклад, общественная организация, социальные особенности (сословно-правовой статус), быт, культура, идеология, этносоциальный уклад, поведенческие стереотипы этого уникального и самобытного свободного «войскового товарищества» действи-

тельно всегда заметно отличались от порядков в других регионах страны. В силу специфических черт и исполняемых функций имела даже определенная отчужденность казачества от остального населения. С XVIII столетия в императорский период государство постоянно законодательно регламентировало внутреннюю жизнь казачьих областей, унифицировало и модернизировало в нужном для себя русле традиционные казачьи структуры управления, превратив их в составную часть административной системы российской империи (институты представительства и самоуправления). В результате проводимой правительством политики адантирования к российским стандартам уже к началу XIX в. самоуправление казачьих регионов и их прежняя автономия оказались сильно ограниченными.

Казачья старшина всегда являлась проводником политики государства на Дону, но указу от 22 сентября 1798 г. все казачьи чины были уравнены с армейскими и на них стало распространяться положение Табели о рангах для получения личных и потомственных дворянских нрав. Данное законоположение закончило с юридической и социальной неопределенностью донской старшины, упрочило общественный статус и способствовало ее дальнейшей инкорпорации в сословие российского дворянства. Таким образом, служебная карьера донских генералов протекала в переходный период, когда аристократический слой донского общества (старшина) только начал трансформироваться и юридически оформляться в новое сословие казаков-дворян. Но разные, но сути, исторические корни, традиции, жизненный уклад, менталитет, быт, особенности службы – вот тот далеко не полный перечень факторов, которые мешали быстрому слиянию с российским служивым дворянством (в начале XIX в. данный процесс только начинался). Несмотря на вышедшие законоположения и официальную принадлежность к дворянству Российской империи, новообразованная прослойка (казаки-дворяне) в социальном плане продолжала иметь четко выраженную обособленность от главного господствующего класса государства и еще долго сохраняла местный доцентристский колорит¹.

Да и казачий командный состав, еще не успев превратиться в полностью оторванную от масс замкнутую касту в отличие от офицеров-дворян регулярных частей. Вот как, например, описывал свои впечатления от посещения Дона в 1825 г. один из мемуаристов: «Образ

¹ Подробнее см. нашу монографию, где эти вопросы разобраны с примерами из жизни донской старшины: *Безотосный В.М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году: Малонизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий.

жизни офицера не отличается от простого казака и только зависит от достатка. У моего атамана Денисова в доме лавки, и мы сидели на сундуках, накрытых коврами; сам он был в нагальном тулуне»¹.

Можно выделить и другую довольно многочисленную большую группу, связанную своим происхождением уже от украинского казачества, – нотомков украинской казачьей старшины (21 чел.). Именно украинской старшины (старшина генеральная и нолковая, бунчуковые товарищи), а не вольницы Занорожской Сечи, выходцы из украинской шляхты, в первую очередь из Полтавской, затем Черниговской, Киевской, Малороссийской, Слободско-украинской губерний. Малороссийские иррегулярные казачьи нолки были расформированы еще при Екатерине II, когда надобность в них отпала в связи с окончанием Первой русско-турецкой войны. В какой-то степени сказался не вполне позитивный исторический опыт использования чисто украинских формирований (период украинской «руины», «измена гетмана Мазены», уход Занорожской сечи за Дунай и другие моменты) – российские власти откровенно опасались повторения негативных тенденций. Из всей этой группы только генерал И.И. Чарныш служил до расформирования в 1787 г. значковым товарищем, а затем нолковым есаулом в Миргородском нолку и был уволен в отставку с чином секунд-майора. Остальные нотомки казачьей старшины, ставшие частью российской правящей (и культурной) элиты, представляли более молодое поколение, как правило, это были дети небогатых родителей, многие из них закончили кадетские корпуса и с юных лет верой и правдой служили в регулярных нолках. Многие из них сделали затем неплохую карьеру (Н.С. Сулима, М.К. Крыжановский, А.А. Богуславский, Я.В. Захаржевский, А.И. Красовский, М.Ф. Ставицкий, М.И. Карненко, К.М. Полторацкий, П.М. Канцевич, И.Е. Трошинский, А.С. Уманец, Д.М. Юзефович), а такие генералы, как Д.П. Неверовский, В.Г. Костенецкий, И.Ф. Паскевич, стали общепризнанными героями Отечественной войны 1812 года. Потомки украинской старшины, сыновья нолковых есаулов, бунчуковых и войсковых товарищей, приравненные к шляхте, то есть к дворянству, достаточно быстро адаптировались к имперской действительности, безболезненно влились в ряды благородного сословия и заняли достойное место в служивой иерархии российской империи. По сути, они уже смотрели на себя как на российских дворян и офицеров, так же их воспринимало российское общество, ни о какой украинской идентичности тогда не

¹ Воспоминания Николая Игнатьевича Шенига // Русский архив. 1880. № 2. С. 270.

было и речи¹. Чтобы не быть голословным, процитируем писавшего про это явление канадского историка Ореста Субтельного: «Величие и могущество империи, возможность блестящей карьеры, гордое чувство принадлежности к дворянству одной из самых мощных держав мира – все это лучше всякого полицейского контроля обеспечивало лояльность бывшей украинской старшины, ее преданность государю-императору»².

Поскольку достаточно часто в формулярных списках фиксировалась и губерния, откуда выходил на службу будущий офицер, то мы можем привести итоговое распределение генералов по европейским губерниям империи, как это сделано по прибалтийскому региону. Начнем с больших чисел к малым: Московская – 21 чел., Смоленская – 15, Псковская – 14, Орловская – 14, Полтавская – 13, С.-Петербургская – 12, Тульская – 12, Рязанская – 11, Ярославская – 9, Костромская – 9, Черниговская – 9, Тверская – 9, Калужская – 9, Тамбовская – 8, Новгородская – 8, Казанская – 5, Саратовская – 4, Могилевская – 4, Пензенская – 4, Белорусская – 3, Витебская – 2, Вологодская – 2, Воронежская – 2, Киевская – 2, Малороссийская – 2, Слободско-Украинская – 2, Владимирская – 2, Архангельская, Нижегородская, Екатеринославская – по 1. Безусловно, эти цифры отражают в какой-то степени концентрацию дворянства того времени по губерниям, но одновременно показывают, что генералы невольно вынуждены были защищать свою малую родину, так как острое наполеоновское нашествие оказалось направленным на центральные великорусские губернии – Московскую, Смоленскую, Калужскую и смежные с ними.

Особо среди других можно выделить Смоленскую губернию, имевшую свою специфику, поскольку среди дворянства преобладали потомки польско-литовской шляхты. Интересную зарисовку исторического облика смоленского дворянства оставил генерал Л.Н. Энгельгардт, сам смоленский дворянин. Он отмечал, что «со времен завоевания царем Алексеем Михайловичем Смоленска они [смоленские дворяне. – В.Б.] по привязанности к Польше брачились вначале с поляками, но как в царствование Анны Иоанновны были запрещены всякие связи и сношения с поляками... то сперва по нена-

¹ Для примера сошлемся на так давно опубликованную статью о Н.С. Сулиме, среди предков которого были великий коронный канцлер, гетман запорожский, генеральный хорунжий (См.: *Николаева Е.Е.* Генерал Н.С. Сулима – участник освободительных походов русской армии 1813–1814 гг. // *Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы.* М., 2014. С. 275–282).

² *Субтельный О.* Украина: история. Киев, 1994. С. 265.

висти к русским, а потом уже по обычаю все смоляне женились на смолянках. Потому, можно сказать, все смоленские дворяне между собою сделались в родстве»¹. Только в 1728 г. смоленским дворянам было запрещено посылать в Польшу детей для учения, а само смоленское шляхетство несло особую службу, наподобие дворянского ополчения XVII столетия². Но к началу XIX в. смоленское дворянство полностью оказалось инкорпорировано в российское благородное сословие, именно ее представители стали закоперщиками народной войны в России и сыграли главную роль в организации местного ополчения, чем подали пример другим губерниям. Да и уроженцы губернии, дослужившиеся до генеральских чинов, доблестно воевали с противником.

Национальный аспект в генеральских спорах 1812 г.

Генералитет в эпоху 1812 года представлял собой своеобразный сплав различных социальных и национальных групп: потомки русских княжеских фамилий и родовитого боярства, потомки служивых людей времен формирования Московского царства, представители обрусевших татарских, ханских, кавказских княжеских родов, польско-литовской шляхты, выходцы из прибалтийского рыцарства, украинской и донской старшины, а также иноземцы и инородцы, получившие чины на военной службе российского государства. Здесь русская «старозаветность» прекрасно уживалась с европейским «политесом» и азиатской многоликостью. Не стоит забывать, что в результате централизаторской политики Екатерины Великой, в немалой степени пропитанной универсальным и космополитическим духом Просвещения, происходил дальнейший процесс формирования дворянства в России как господствующего класса, когда местные отличия в значительной степени нивелировались ностунательным развитием русской культуры. Приведем мнение одного из самых компетентных иностранных историков Доминика Ливена: «Одной из безусловно сильных сторон империи Александра I был тот факт, что она хотела и была в состоянии налагаться на лояльность многочисленной элиты нерусского происхождения»³. Это было поколение, может быть, небезгрешных, но деятельных и энергичных людей, о чем сви-

¹ *Энгельгардт Л.Н.* Записки. М., 1868. С. 2.

² *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России от начала XVIII до отмены крепостного права. С. 120, 522.

³ *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. С. 48.

детельствовал конечный успех их участия и руководства военными действиями.

Итоговый расклад национальных сил в генералитете (см. табл. 5, графа «Национальность») показывает, что русские составляли всего 60 %, с единоверцами эта цифра увеличивалась до 66,5 %. Каждый третий генерал (33 %) носил иностранную фамилию и исповедовал иную религию. Если рассматривать этот вопрос в исторической ретроспективе, то заметим несколько интересных моментов. В петровские времена, когда русская регулярная армия оформилась организационно, по штату 1711 г. было установлено, что иностранцы могли составлять лишь треть от общего количества офицеров в полках. Фактически же в русском офицерском корпусе их численность тогда не превышала 13 %, то есть была в 2,5 раза ниже установленного предела¹. В последнее царствование число генералов с нерусскими фамилиями на рубеже столетий колебалось от 15 до 20 %². В данном ряду 1812 год, находящийся посередине в хронологии российской императорской армии, резко выделяется своей статистикой и не вписывается в общую тенденцию. Именно этим можно объяснить в первую очередь появление в событиях под Смоленском в 1812 г. «русской» партии в рядах генералитета. Необходимо было тогда также учитывать общее патриотическое направление мыслей и моду на все русское. Даже император в 1812 г. в записке А.А. Аракчееву о петербургском ополчении писал: «Я нахожу, что лучше не переменять слово дружин, а то скажут, что для того переменено, что оно русское»³.

К этому необходимо добавить всегдашнее нерасположение русских к немцам и вообще к иностранцам. Приведем пример генерала П.П. Коновницына, о котором А.И. Михайловский-Данилевский написал в своих дневниках: «Но зато он ненавидел иностранцев и говорил, что он никогда не произвел бы чужеземца в генералы. “Осыпайте их деньгами, – были его слова, – но не награждайте чинами: они наемники”»⁴. Такой же нелюбовью к иностранцам можно объяснить поведение Ф.В. Ростопчина во время прибытия Александра I в Москву, когда он, московский генерал-губернатор,

¹ Рабинович М.Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 154.

² Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX столетий. М., 1973. С. 198–199.

³ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: Опыт исторического исследования. Т. 2. С. 578.

⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 314.

под предлогом недостатка лошадей специально задержал приезд прусского барона Г.Ф.К. Штейна. Как он сам признался в своих мемуарах: «Сделал я это во внимание к сильно укоренившемуся мнению, что все иностранцы – наши враги и шпионы»¹. Участник кампании 1812 года Л.В. Дубельт позже высказывался в таком же духе: «Иностранцы – это гады, которых Россия отогревает своим солнышком, а как отогреет, то они выползут и ее же кусают»². Особенно в армии, памятуя Семилетнюю войну, не любили выходцев из Пруссии. Так, еще в 1803 г. С.Н. Марин, описывая в письме к М.С. Воронцову циркулировавшие в Петербурге слухи о войне, вспомнил и о своих сослуживцах, выходцах из Пруссии: «...вместе пойдем бить пруссаков, и мне хочется начать с Дибичей и Дризеньх; последние становятся час от часу несноснее»³. Очень характерна фраза из воспоминаний А.Г. Хомутовой о ее реакции на назначение М.И. Кутузова главнокомандующим: «Решили, что все спасено, так как во главе армии поставили человека не с немецким именем»⁴. Еще более критично оценивал своих союзников в кампании 1805 года генерал Д.С. Дохтуров. Вот что он писал в письмах своей жене: «...что же касается до немцев, ты не можешь представить какие ужасы они творят, какое несчастье быть в союзе с такими негодьями»; по его мнению на тот момент «немцы... гораздо более неприятели, нежели французы»⁵.

Досталось в свое время и нашему классику А.С. Пушкину за строки в его стихотворении «Полководец» («Все в жертву ты принес земле тебе чужой»). Его основной оппонент Л.И. Голенищев-Кутузов, да и многие выходцы из Прибалтики критиковали поэта за то, что русского подданного лифляндца Барклая он сделал иностранцем, а лифляндцы «кровью своей доказали», что Россия «для них не чужая земля»⁶.

¹ Попов А.И. Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. № 7. С. 300; Тысяча восемьсот двенадцатый год в записках графа Ф.В. Ростопчина // Отечественная война 1812 года в воспоминаниях современников. С. 44.

² Заметки и дневники Л.В. Дубельта // Российский архив. Т. VI. С. 113.

³ Архив князя Воронцова. Т. 35. М., 1889. С. 417. С.Н. Марин особенно не любил своего однополчанина И.И. Дибича и написал на него несколько эпиграмм (См.: Марин С.Н. Полное собрание сочинений. Летописи. Т. 10. С. 187).

⁴ Воспоминания А.Г. Хомутовой о Москве в 1812 году // Русский архив. 1891. № 11. С. 322.

⁵ Письма Д.С. Дохтурова к его супруге // Русский архив. 1874. № 5. Стлб. 1091–1092.

⁶ См.: Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. С. 27–28.

При желании подобных мнений современников можно привести большое количество. Особенно раздражались и выражали недовольство в 1812 г. русские офицеры германским засильем в штабных структурах. Например, А.П. Ермолов следующим образом характеризовал штабное окружение Барклая де Толли: «Здесь все немцы, один русский, да и тот Безродный» (имелся в виду генерал-майор Василий Кириллович Безродный, занимавший должность генерал-провиантмейстера)¹. Необходимо также указать и на откровенную галлофобию А.С. Шишкова и Ф.В. Ростопчина, как двух известных и влиятельных литераторов². Думаю, многие генералы разделяли, хотя бы частично, их взгляды.

Наличие в тот момент большого числа иностранцев и своих «доморощеных» особ с иностранными фамилиями в рядах генералитета объясняется не только и симпатией династии Романовых к европейским «копдаберам» (особенно к «немцам»), но и стратегическими и практическими расчетами³. Принятие на службу иностранцев (как правило, из государств, союзных Франции и воевавших с Россией в 1812 г.) имело особый политический смысл. Россия оставалась одной из немногих стран, которые могли дать прибежище антинаполеоновским элементам, поэтому было просто неразумно отвергнуть их услуги. Можно только согласиться с мнением, высказанным Н.И. Гречем: «...отказаться в крайних случаях от совета и участия иностранцев было бы то же, что по внушению патриотизма не давать большому хищнику, потому что она растет не в России»⁴. Необходимо принять во внимание, несмотря на то что многие русские подозревали иностранных офицеров в предательстве и шпионаже, они, как правило, боялись попадать в плен к французам, так как полагали, что будут расстреляны как подданные вассальных государств Наполеона⁵.

¹ *Безродный В.М.* Неизвестная биография А.П. Ермолова // Российский архив. 1996. Вып. VII. С. 195.

² См.: *Минаков А.Ю.* Указ. соч. С. 185.

³ Приведем на этот счет мнение К. Клаузевица: «Привлечение офицеров чужих армий, обладающих боевым опытом... все-таки очень хорошее средство приобрести навык к войне в мирное время. В Европе повсеместно редко бывает мир; в остальных частях света война никогда не прекращается. Поэтому государство, пребывающее в долгом мире, должно постоянно привлекать к себе отдельных отличившихся на этих театрах войны офицеров, или же отправлять туда своих офицеров...» (*Клаузевиц К.* О войне. Т. 1. С. 60).

⁴ *Греч Н.И.* Записки. С. 212.

⁵ Можно привести случай с пленением генерал Ф.Ф. Винцингероде, которого Наполеон хотел расстрелять. Упомянем и разговор А.А. Щербинина с

Тут важпо упомянуть, что в армиях и государствепных структурах всех европейских страп пребывало большое количество ипо-страпцев, даже не являвшимися подданными этих страп. Никто не видел в этом что-то необычное, это была распрострапная практика, ведущая свое пачало из феодальных времеп. Таким образом, удовлетворялась потребпость в квалифицировапных кадрах. В подтверждение можно привести мнение английскогo историка Доминика Ливепа: «Очень многие выдающиеся полководцы Австрийской империи были выходцами из земель, не припадапжавших Габсбургам. Из трех величайших героев Пруссии 1812–1814 гг. – Блюхер, Шарнгорст и Гнейзенау – ни один не родился прусским подданным и не пачинал военную службу в прусской армии»¹.

Служба в российских войсках особеппо удовлетворяла тех ипо-страпцев, чьи амбиции превосходили возможности мелких государствепных образовапий раздроблеппой Европы. Россия могла предоставить им как большее жалование, так и возможность быстрого карьерного роста. Особеппо это касалось специалистов, папример, врачей и военных иппжеперов, а также много ипострапцев паходились в свите Е.И.В. по квартирмейстерской части. Частичпо, эмигранты припимались на службу из-за сочувствия к перепесенным па родипе страданиям и потере там имущества по причине революциопных бурь, по основпой притягательный момент состоял в том, что их способности и образовательный уровень представляли тогда собой самый цепный товар.

Конечно, во время боевых действий на русской территории чужестрапные генералы часто припосили мало пользы. Из-за незпапия русского языка (по таких было пемного) они не могли комапдовать и использовались как советники или штабные сотрудики. Имеппо в этом качестве проделал всю кампанию в России К. Клаузевиц, убедившись в невозможности «быть использовапным толково, не зная языка». Он прямо писал, что в 1812 г. паходился «в положении глухонемого»². В то же время они реально подвергали свою жизнь опасности во время боевых действий. Можно привести пример припца Эрпста Гессеп-Филиппстальского, получившего несколько боевых паград, 28 сентября 1812 г. тяжело раппного ядром, что привело к потере правой ноги выше колена.

голландским уроженцем подполковником М.П. Гартингом, выразившим подобные же опасения (Записки Шербинина // Харкевич В. 1812 года в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. I. С. 31).

¹ Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. С. 63.

² Клаузевиц К. 1812 год. С. 245.

Все же лучше было иметь ипострапцев па службе в русской армии, чем во вражеском лагере. Но существовал и другой аспект. Находясь в чужой стране, эти ярые противники Н. Боначарта были связапы, как правило, лишь с российским императором (получили приглашение в Россию через него), поэтому часто приглядывали за русским генералитетом, чутко следили за пастроепиями в армии и могли пресечь негативные для царя тенденции.

В 1812 г. эту роль па себя взяли герцоги А. Вюртембергский и П. Гольштейн-Ольдепбургский. В своих спорах генералы очень часто апеллировали импепо к пим как к близким родственникам монарха, требуя их вмешательства в дела главнокомандующих под предлогом нарушения воли и интересов императора. Практическая польза от пребывания ипострапцев, помимо их участия в создании из плепных Русско-германского легиона, была получена уже в конце кампании 1812 года, когда русские «немцы» договорились с пруссакми и подписали Таурогенскую конвенцию, в результате чего целый прусский корпус оказался пейтрализованным. Тем самым Пруссия не только была выведена из войны, но и фактически сделала первый шаг, чтобы объединиться в будущем с Россией для борьбы против наполеоновского господства. Еще больше выгод было извлечено при вступлении русских войск на территорию Западной Европы. Взрыв национального антинаполеоновского движения в Германии во многом был обусловлен деятельностью немецких родственников династии Романовых и «германцев», одетых в русские мундиры. Активно использовали немецких припцев и в переговорных процессах, так, уже в начале 1813 г. для переговоров о выходе из состава гарнизона Данцига мекленбургского копитипгепта был направлен генерал-лейтенант припц Карл Мекленбургский¹. Его очень тепло встретили в Мекленбурге, нахождение его в русских рядах способствовало переходу мекленбургцев в стан союзников². Герцог Карл Август Саксен-Веймарский и припцы Эрпст и Леопольд Саксен-Кобургские сыграли заметную роль в присоединении саксонских княжеств к 6-й антинаполеоновской коалиции, и затем после Плейсвицкого перемирия они отличились во многих боях. Также стоит упомянуть одного из лучших генералов российской службы и двоюродного брата императора припца Евгения Вюртембергского, командовавшего сначала дивизией, затем корпусом, войска под его командованием в 1812–1814 гг. всегда участвовали в важнейших сражениях против Наполеона (Смоленск, Бородино, Вязьма, Красное,

¹ Война 1813 года. Материалы ВУА.Т. 3. Пг., 1917. С. 153.

² См.: Лажечников И.И. Походные записки русского офицера. С. 93–107.

Калиш, Лютцеп, Баутцеп, Кульм, Лейпциг, Бар-сюр-Обе, Фер-Шампенуазе, Париж).

Таким образом, паличие и использование ипострапцев полностью отвечало в целом оправдавшему себя стратегическому курсу Алексапдра I, рассчитанному на песколько лет борьбы с Наполеоном.

В 1814 г. с перепесепием военпых действий во Фрапцию комапдовоанию очепь пригодились и фрапцузские эмигранты на русской службе. Помимо контактов с местной администрацией и общественными кругами, многие из них потом стали занимать высокие посты в государственном аппарате возрожденного фрапцузского королевства, например, генерал-лейтенант герцог Э.О. Ришелье, ставший в 1815 г. министром ипострапных дел и главой фрапцузского кабинета. Таким образом, паличие и использование ипострапцев полностью отвечало в целом оправдавшему себя стратегическому курсу Алексапдра I, рассчитанному на песколько лет борьбы с Наполеоном.

Необходимо отметить и ряд других приземленных моментов. Служившие в русской армии посетители ипострапных фамилий имели по сравнению с русскими дворянами более высокий образовательный уровень, что во многом способствовало их карьерным успехам. Для большинства, включая и остзейцев, служба являлась единственным или основным источником существования. Кроме жалования они, как правило, не имели никакого иного материального обеспечения, поэтому цепили, держались за службу и стремились зарабатывать чины. Большинство же русских, даже мелкопоместных дворян, дослужившись до штаб-офицерских эполет, подавали в отставку или переходили в гражданскую сферу, тем самым освобождая дорогу ипострапным товарищам по оружию.

Любая медаль имеет и оборотную сторону. Весь XVIII в. русское дворянство, несмотря на стойкое предубеждение к ипоземцам, корнями уходившее в допетровское прошлое, достаточно мирно уживалось, хотя и конкурировало с «пемцами» (прозвище европейцев со времен Ивана Грозного). Мирному существованию во многом помогали имевшиеся противоречия в среде правящего сословия. Так, дворянское общество Москвы постоянно играло роль оппозиционной «фроды» по отношению к саповой элите Петербурга. Да и в военной и бюрократической верхушке всегда паходились различные противоборствующие группировки, что зачастую приводило к дворцовым переворотам.

1812 год, если и не сгладил социальные трепия внутри русского дворянства, то отодвинул их на второй план. Патриотический подъем и существовавшее в обществе и в войсках педовольство ипострапцами в высших эшелонах армии и в военном окружении императора

уже на начальном этапе войны закономерно породило в офицерской и генеральской среде неформальную группировку, которую можно назвать «русской» партией. Учитывая преобладание германских фамилий в стане иноземцев, немцы и стали главными мишенями для критики генералов-патриотов.

Генералы-масоны и их хулители

В связи с этим кратко коснемся вопроса о роли масонов в 1812 году, модного тогда течения общественной деятельности в России. Масоны при политической нейтральности занимались просветительством и благотворительностью, во многом симулируя общественную активность, поскольку их идеи социальной утопии смыкались по существу с социальной демагогией. По мнению И.Ф. Худушиной, «религиозно-этическая направленность русского масонства соответствовала гуманистическому движению, охватившему общество», а «ключевая идея масонской доктрины – самосовершенствование личности» основывалась на познании Бога и самого себя¹. По воспоминаниям О.А. Пржецлавского, после 1815 г. «масонство практиковалось в Петербурге с особенною ревностью. И, действительно почти все образованное население, все непрестарелые лица высшего и среднего обществ принадлежали к ложам, которых в столице было несколько... Ложы были как бы нетральные территории, как бы оазисы среди всеобщего официального застоя»².

Многие дворяне старались использовать принадлежность к масонству как источник социальных связей и покровительства помимо служебной иерархии. Некоторые авторы то ли из-за любви к шумихе для привлечения общественного внимания к своему имени, то ли от полного незнания ситуации стремились доказать существование масонского заговора против России в период наполеоновского нашествия. Действительно, в переписке 1812 г. у некоторых русских патриотов в качестве давящего пугала фигурировали «иллюминаты» и «мартиписты» (чаще всего под них подходили масоны), правда, больше как пекие фантомы и агенты Наполеона. О связях мартипистов с Наполеоном очень любил, например, высказываться Ф.В. Ростопчин, правда, не приводя доказательств. «Я увереп, – писал он, – что Наполеон, который все паправляет к достижепию своих

¹ Худушина И.Ф. Царь. Бог. Россия: Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX в.). М., 1995. С. 146, 147.

² Помещичья Россия по запискам современников. М., 1911. С. 64.

целей, покровительствует им и когда-нибудь найдет сильную опору в этом обществе, столь же достойном презрения, сколько опасном»¹. Но эти термины («иллюминаты» и «мартинисты») больше использовались как жушелы, а также как козыри при бездоказательных обвинениях в пронаполеоновской ориентации и в стремлении заключить мир с Францией в адрес некоторых высокопоставленных лиц в окружении Александра I. Подобные абсолютно вздорные подозрения выдвигались против многих сановников, но их беспочвенность была очевидной даже для властей. Принадлежность к иллюминатству некоторые приписывали не только историку Н.М. Карамзину (в прошлом масону), но даже самому главному их «обличителю» – Ф.В. Ростопчину².

Во время заграничного похода русской армии многие генералы и офицеры вступили в западноевропейские ложи, о чем согласно императорскому указу сообщили в 1822 г. начальству в собственноручных подписках об участии в масонских ложах. Документы в виде списков хранятся в ГА РФ и РГВИА, и при понятной их неполноте показывают, что в рядах масонов состояли сотни генералов и офицеров – участников Отечественной войны 1812 года. Начальник штаба 2-й армии П.Д. Киселев в 1821 г. писал начальнику 7-го пехотного корпуса генерал-лейтенанту А.Я. Рудзевичу: «Масоны наши как овцы – сами не знают, зачем и куда стремятся, а потому невинных и глупых должно спасти – зачинщиков удалить». Сам же Рудзевич, отвечая на это письмо, считал: «Все генералы и полковые командиры мои вряд ли могут быть в масонских ложах...»³. Часто приводимая цифра из официального списка – более 500 военных-масонов – не отражает всей полноты картины. Правда, о масонском влиянии во многом говорит одобренное императором появление после окончания войн масонской символики (всевидящее око в треугольнике) на наградных медалях в память войны 1812 года и за взятие Парижа.

¹ Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875. № 9. С. 81. См. также его письма 1810 г.: Письмо графа Ф.В. Ростопчина к великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1876. № 3. С. 374–375; 1881. Кн.3. С. 221.

² См.: *Пытин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. С. 309. Это заявление имело реальное основание, так как сам Ф.В. Ростопчин в 1786 г. в Берлине вступил в масонскую ложу *Ville de Paris* (См.: *Егерева Т.* Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX в. М., 2014. С. 85, 131).

³ Тульчинский штаб при двух генералах: Письма П.Д. Киселева А.Я. Рудзевичу 1817–1823. Воронеж, 1998. С. 76, 124.

В то же время необходимо заметить, что правящие сферы всегда (первая ложа образована в России в 1731 г.) относились с подозрением к деятельности масонов как организации, совмещавшей в себе черты аристократического клуба и тайного общества, кроме того, имевшей тесные связи с Западом. После запрета масонов в конце правления Екатерины II они были негласно восстановлены в России при Александре I и получили распространение, но большей степени уже после заграничных походов в среде русского офицерства. В XVIII в. российскими войсками предводительствовали многие масоны, достаточно вспомнить хотя бы генерал-фельдмаршалов С.Ф. Апраксина, З.Г. Чернышева, А.В. Суворова, Н.В. Репнина и М.Ф. Каменского, а также многих знаменитых генералов и адмиралов, одерживавших значимые победы над противниками России. Что же в 1812 г. масоны с генеральскими эполетами были вовлечены в заговор против России? Были ли они предателями?

Думаю, что тогда нахождение в масонских ложах рассматривалось дворянами как возможность интеллектуального и духовного времяпрепровождения («училище добродетели»), а многие таким образом завязывали нужные знакомства, чтобы затем успешно осуществить карьерный рост. Каждая ложа фактически представляла собой закрытый мужской клуб. Это было просто модно, прежде всего среди гвардейских офицеров. Кроме того, не существовало единой масонской организации, не было единого центра управления. Ложы существовали автономно и независимо друг от друга, хотя имели контакты. В русских войсках, особенно во время нахождения за границей, многие вступали в ложи немецких и французских вольных каменщиков, а затем в армии стали возникать походные ложи, добрая треть членов всех масонских лож в России (их было около 90) этого времени были военными. Весь период наполеоновских войн не было никаких гонений и антимасонских кампаний в армии, вольных каменщиков в офицерских шинелях специально не выявляли, не ставили на учет и не преследовали. Власти, да и сам император смотрели на существование лож сквозь пальцы, хотя их деятельность находилась под контролем с 1810 г. после формального официального разрешения властей¹. Правительство ввело запрет на масонские ложи лишь в 1822 г. А до этого среди братьев масонов насчитывалось до нескольких сотен офицеров, а также и генералов. И данное обстоятельство отнюдь не мешало им успешно воевать против наполеоновских войск. Документы не подтверждают того, что в генеральской

¹ *Пыпин А.Н.* Русское масонство XVIII и первой четверти XIX в. СПб., 1916. С. 380.

среде были столкновения между масонами и их противниками. Борьба среди генералитета имела совсем иные причины и следствия. Во всяком случае, антимасонские настроения не выходили на передний план.

После анализа литературы на тему «Масоны и российская армия» я набросал список генералов, участвовавших в боевых действиях в эпоху 1812 года (вероятно неполный) и состоявших в разное время в масонских ложах. Для этого я несколько дополнил перечень Т. Соколовской, опубликованный в 1907 г.¹:

Андреевский С.С. Военная ложа (СПб., 1821);

Балашев А.Д., ложи «Соединенных Друзей», «Палестины» (1818–1819);

Бартоломей А.И., ложа «Петра к Истине»;

Бахметев А.И., ложа «Озириса звезды пламенистой» (1818–1820);

Бенкендорф А.Х., ложа «Соединенных Друзей» (1810);

Берг Г.М., ложа «Изиды» (1821);

Берг Б.М., член Большой Директории «Владимира к Порядку» и ложи «Петра к Истине» (1821);

Бороздин М.М., ложа «Соединенных Друзей» (1818–1819);

Бороздин И.М., ложа «Соединенных друзей»;

Браницкий В.Г., ложа «Соединенных Друзей» (1821);

Булатов М.Л., ложи «Трех Святителей», «Северного Орла» (1821), «Орла Российского» (1818–1819);

Волконский С.Г., ложи «Соединенных Друзей», «Сфинкса», «Трех Добродетелей» (основатель), «Соединенных Славян» (Киев);

Вюртембергский Александр, ложи «Палестины» (1818–1819), «Соединенных Друзей» (1818–1819);

Голицын Д.В., ложа «Олимпийская» (Париж);

Голицын С.С., ложи «Соединенных друзей», «Северных друзей»;

Головин Е.А., ложа «Ищущих Манны» (1817);

Давыдов Д.В.;

Дмитриев-Мамонов М.А., ложа «Ищущих Манны» (?);

Жеребцов А.А., ложи в С.-Петербурге, Москве и разных российских («Сфинкс», «Соединенные друзья», «Владимира к порядку») и иностранных городах (1821);

Ивашев П.И., ложи «Соединенных Друзей» (до 1818–1819) и «Ключа к Добродетели» (1818–1819);

Игельстром А.Е., ложи в Новогрудке, Несвиже, Слуцке и Рафалове (1821);

¹ Соколовская Т. Материалы по истории масонства в прежней русской армии // Русская старина. 1907. № 6. С. 659–670.

Ишзов И.П., ложи «Золотого Шара» (1821), «Эвксинского Понта» (Одесса);

Каблуков П.И., ложа «Соединенных Друзей»;

Кайсаров П.С., ложа «Александра – Златого льва»;

Казачковский К.Ф., основатель ложи в Иркутске (конец XVIII в.);

Карбоньер Д'Арсит Л.Б., основатель ложи «Соединенных Друзей» (1810);

Константин Павлович, цесаревич, ложи «Соединенных Друзей» и «Александра к Военной Верности» (1812), посещал Великую Ложу «Астрейя»;

Крейц К.А., ложа «Св. Иоанна» (1821);

Кутузов А.П., ложи «Елизаветы к Добродетели» (с 1813) и «Сфинкса» (с 1815);

Кутузов М.И.; ложи «К трем ключам», «Сфинксы», впоследствии его принимали в ложах Франкфурта, Берлина, Москвы и Петербурга. При посвящении в 7-ю степень шведского масонства получил орденское имя «Зеленеющий лавр»;

Ланжерон А.Ф., ложа «Эвксинского Понта», (Одесса) член-основатель ложи «Трех Царств Природы», Капитул Феникса (1831), ложи «Соединенных Друзей» и «Иордана»;

Ланской П.С., член-основатель ложи «Трех Добродетелей» (в 1816), блюститель меча Капитула Феникса, ложа «Соединенных Друзей»;

Леонтьев И.С.;

Мадатов В.Г., ложа в Париже (1821);

Муравьев Н.Н., ложа в Страсбурге (1821);

Нарышкин Л.А., ложа «Соединенных Друзей» (1815), Американской Консистории и др.;

Орлов М.Ф.;

Остерман-Толстой А.И., ложа «Соединенных Друзей»;

Пейкер А.Э. ложи «Петра к Истине» и др. в разных городах (1821);

Потоцкий С.С., ложа «Владимира к порядку»;

Ростоичин Ф.В., ложа в Берлине «Ville de Paris» (1786–1787);

Рот Л.О. ложа «Ключа к Добродетели» (1821);

Сибирский А.В., ложа «Трех Коронованных Мечей» (1821);

Сипягин Н.М., ложа «Петра к Истине» (1821);

Строганов П. А, ложа «Великого Востока Франции»;

Сухтелен П.П., ложа «Соединенных Друзей» (1821);

Тейль Ван Сераскеркен Ф.В., (1784–1790 в г. Лейден);

Тормасов А.П.;

Теслев А.П.;

Трузсон Х.И.;
Тучков С.А., ложе «Избранного Михаила» (1815), казначей кипиневской ложи «Овидий»;
Уваров Ф.П.;
Ферстер Е.Х., ложе «Молчаливости» (1821);
Чаплиц Е.И., ложе «Соединенных Друзей» (1818–1819);
Шишков А.С., ложе «Пептуна» в Кронштадте (1780–1781);
Шувалов П.А., ложе «Владимира к порядку».

Не буду давать отсылок на использованную мной литературу, дабы не пропагандировать эти издания. Но составленный мной список очень внушителен – 54 чел., но вероятно, он не полон. Кого-то я мог не включить. Но, примерно, каждый десятый генерал до или после 1812 г. был масоном. Если учитывать тональность характеристик генералов в данных книгах, то это все генералы, мягко говоря, предатели России (есть там выражения и похлеще), участвовавшие в заговоре против нее. В данном случае удивительно, как российская армия вообще одержала победу, учитывая, что с десятков первых генералов, командовавших корпусами и дивизиями, включая главнокомандующего, если верить таким авторам, активно противодействовали государству. Вдвойне удивительно, как при таком раскладе Наполеон не смог победить? Куда смотрели высшие сановники империи, вместе с императором выбиравшие М.И. Кутузова на его пост? Они не знали, что он был одним из влиятельнейших масонов (среди масонов Кутузов занимал высокое положение и был опорой вольнокаменнического братства), или они тоже являлись изменниками? Всерьез воспринимать подобные доводы о предательстве, думаю, не стоит.

«Как хорошо быть генералом»: Образование и воспитание генералов

«Как хорошо быть генералом», – песнь в песни на слова М. Танича. Но для того чтобы стать им, требовалось много знать и уметь. Безусловно, генералы 1812 года получили образование задолго до этого судьбоносного события, но победили благодаря уже полученным знаниям. К концу XVIII в. в России сложилась система подготовки офицерских кадров, которая давала возможность комплектовать командный состав среднего и высшего звена управления российской императорской армии. Юношеские годы – один из важных этапов в формировании характера и взглядов каждого человека. Основные принципы и проблемы образовательной системы и воспитания дворянской молодежи в тот период изложены в работе

О.С. Муравьевой¹. Поэтому читателей, интересующихся данной темой, мы отсылаем к этой книге.

В данном случае важно заметить, что в русском обществе уже к концу XVIII в. отлично осознавалось необходимость хорошего образования, исходя хотя бы из прагматических целей. Военная служба по европейским образцам требовала хорошей подготовки, от которой во многом зависил успех будущей воинской карьеры каждого дворянина. К этому времени уже практически не оставалось неграмотных дворян, специальный указ Александра I лишил права голоса в дворянских собраниях «лиц безграмотных и не имеющих понятия о своих правах и обязанностях»². Кроме того, в самом начале царствования от имени Александра I, его генерал-адъютант Х.А. Ливен 8 апреля 1801 г. сообщил всем начальникам частей циркуляр: «...государь-император, усмотрев, что в полках находится очень много унтер-офицеров из дворян, не умеющих совсем грамоте, повелел принимать безграмотных не иначе как рядовыми»³. Тенденции в этой области были достаточно четко обозначены.

Безусловно, знатность и благородное происхождение играли свою роль, но в эпоху наполеоновских войн на передний план стала выходить профессиональная пригодность и компетентность в военном деле, что в немалой степени зависило от эффективности обучения и приобретенных знаний. В свою очередь, культ военного образования уже прочно утвердился в дворянской среде. Как писал в 1812 г. Н.М. Лонгинов в письме к графу С.Р. Воронцову: «...в настоящее время надобно больше воевать мнениями и умами, чем войсками»⁴. Правда, Д.В. Давыдов полагал: «В 1812 году поздно было учиться»⁵. А вот А.И. Михайловский-Данилевский сетовал на недостаточность учебных заведений: «В России государственный человек должен образовывать себя сам в зрелых летах, ибо кроме обык-

¹ *Муравьева О.С.* Как воспитывали русского дворянина. М., 1995.

² Цит. по: *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855. М., 1906. С. 289. Можно привести в пример и повеление императора Павла I от 6 февраля 1799 г. донскому атаману В.П. Орлову, в котором оговаривалось непременно условие для получения представителями казачьей старшины офицерского звания: «чтобы вы впредь наблюдали, дабы представляемые были из благородных и знающих грамоту» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Д. 30. Л. 7 об).

³ Цит. по: *Дубровин Н.* Русская жизнь в начале XIX века // *Русская старина*. 1901. № 12. С. 469.

⁴ Из писем Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову // *Русский архив*. 1912. № 4.

⁵ *Давыдов Д.* Военные записки. С. 194.

повения, которое в самом лучшем возрасте нашем для учения влечет нас на службу, у нас недостает и заведений, где можно бы было приготовиться к высшим военным или гражданским местам»¹.

К концу XVIII столетия в России в системе подготовки офицерских кадров российской императорской армии возрастающую роль все больше стали играть отечественные военно-учебные заведения. К концу XVIII в. Сухопутный шляхетный корпус (1-й кадетский корпус) выпустил 3300 офицеров, Артиллерийский и инженерный корпус – 1600 офицеров, Корпус чужестранных единоверцев – 190 (из них 100 для флота), Шкловский (Гродненский) корпус 470 офицеров². 369 чел. перед вступлением в армейские ряды прошли через пажескую службу при Высочайшем дворе³. По словам исследователя этой проблематики Н.Н. Ауровой, «Сухопутный шляхетный корпус представлял собой, особенно в конце XVIII в., весьма любопытное явление и в отношении системы преподавания, и в смысле проведения в жизнь идей эпохи Просвещения. Созданный в 1732 г. для того чтобы дать армии русских офицеров, получивших хорошее образование в отечественном учебном заведении, к концу XVIII в. он уже вполне соответствовал замыслу Екатерины II и стал “рассадником новой породы людей”»⁴. О хорошем образовании выпускников кадетских корпусов свидетельствовал А.Х. Бенкендорф, когда в 1802 г. посещал Иркутск: «Я нашел несколько офицеров среди полка гарнизона. Император Павел сослал сюда, Бог знает по какой причине, многих молодых людей, окончивших кадетский корпус и прекрасно воспитанных, как это было принято в этом корпусе до того, как пруссомания и в. к. Константин не превратили в казармы эти дворянские школы и не сделали из этих офицерских питомников охранные корпуса капралов»⁵.

Применительно к нашей теме укажем, основываясь на итоговых данных, приведенных в табл. 7 (графа «Учебные заведения»), что среди генералов, воевавших с Наполеоном в 1812–1815 гг., насчиты-

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 314–315.

² Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 102.

³ Фрейман Ф. Пажи за 185 лет. Фридрихсгам, 1897. С. 1–123.

⁴ Аурова Н.Н. Ангальт и Ф.-М. Клиnger: Проблемы воспитания в Первом кадетском корпусе в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Первый кадетский корпус во дворце Меншикова: К 275-летию основания. СПб., 2007. С. 36. По этой теме также см.: Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998.

⁵ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. С. 58–59.

валось 122 выпускника отечественных государственных учебных заведений: 37 из Сухопутного шляхетного корпуса (включая кадетскую роту л.-гв. Измайловского полка), 33 из Артиллерийского и инженерного корпуса, 7 из Корпуса чужестранных единоверцев, 4 из Шкловского (Гродненского) корпуса, 5 из Морского кадетского корпуса, 1 из Горного корпуса. 9 генералов получили образование в Благородном пансионе и гимназии при Московском университете (А.Н. Бахметьев, А.В. Воейков, В.В. Вяземский, Е.А. Головин, А.П. Ермолов, П.А. Кикин, М.А. Петровский, Б.В. Полуэктов, И.В. Сабанеев) и 1 в Дерптском университете, а также 23 чел. прошли обучение в качестве пажей. К этому можно прибавить, что князь П.И. Багратион в 1782–1783 гг. учился в Кизлярском училище для штаб- и обер-офицерских детей, Альбрехт получил в 1803 г. военное образование в школе колонновожатых¹.

Всего примерно 20 % от общего количества генералов (почти каждый пятый), что по тем временам составляло достаточно высокий процент. Необходимо признать, что лучшее и самое качественное военное образование получали выпускники Артиллерийского и инженерного корпуса (о чем свидетельствуют и общее соотношение генералов и число выпускников заведений). Причем многие офицеры, получившие специальное образование, затем с большим успехом служили не в артиллерии и инженерных частях, а в пехоте и кавалерии (М.И. Дамас, И.С. Дорохов, В.Д. Иловайский, П.М. Капцевич, П.П. Коновницын, И.Б. Ререн, И.П. Росси, К.К. Сиверс, М.Ф. Ставицкий, А.С. Шульгин). Также поражает удивительно высокая доля генералов – воспитанников Корпуса чужестранных единоверцев (из 90 выпускников 7 чел.). Это косвенное свидетельство о качестве преподавания и воспитания в разных учебных заведениях нашего Отечества.

Необходимо учитывать, что в кадетские корпуса попадали юноши из малообеспеченных семей или дворян среднего достатка. Как писал позже князь А.Г. Щербатов в своих воспоминаниях: «Родители наши нежно пеклись о всем, что могло быть для нас полезно и, когда настало время воспитания, они употребили к тому все зависящие от них средства, следуя общему обыкновению и просвещению. Публичных учебных заведений тогда в России почти не было, был только в Петербурге Кадетский корпус и в Москве университет, но ни в тот, ни в другой высшее дворянство детей своих не отдавало, основываясь на предрассудке или на некоторых предубеждениях про-

¹ Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 126.

тив сих заведений, может быть и несправедливых, ибо Кадетский корпус вначале совершенно соответствовал благой цели учреждения его. И так почти все дворянство воспитывалось дома, кроме весьма малого числа богатейших, посылаемых в чужие края»¹. Примерно также оценивал состояние с образованием в конце XVIII в. и П.В. Чичагов, который писал: «В Петербурге существовало тогда много заведений, предназначенных тогда для воспитания юношества. Их называли кадетскими корпусами... В них принимали лишь детей дворян. Для разночинцев были другие заведения, посвященные наукам, кандидатуре и академии, то есть те, в которых воспитывали ученых, – звание, несовместное. По тогдашним понятиям, с дворянским достоинством»².

Богатые дворянские семьи также предпочитали отдавать своих юных чад в модные частные пансионы под руководством иностранных воспитателей в Петербурге и Москве. Они были созданы еще в середине XVIII в., на них возлагала большие надежды еще Екатерина II, хотевшая с их помощью воспитать «новую породу людей». Например, такое обучение в пансионах (аббата Николя, Масона, Бартоли, Шадена, Вейдемейера, Ленка, Вильнева, Папинье) прошли 13 будущих генералов 1812 года: А.Х. и К.Х. Бенкендорфы, Л.А. Нарышкин, М.Ф. Орлов, С.Г. Волконский, И.З. Ершов, П.А. Кикин, А.Э. Пейкер, П.Н. Ушаков, С.А. Хилков, А.И. Чернышев, А.Х. Эйлер, М.А. Дмитриев-Мамонов, еще один (Н.М. Свечин) учился в Тверском благородном пансионе. Двое (Р.Е. Ренни и К.Ф. Клодт фон Юргенсбург) получили первоначальное образование в гимназии в Риге и Вышгородском училище (Dohm-Schule) в Ревеле, курляндец Ф.В. Ридигер учился в частном учебном заведении в Митаве, П.В. Чичагов окончил Немецкую школу Св. Петра в Петербурге³, выходец из украинской старшины М.И. Карпенко по местной традиции, сложившейся еще в XVII в., воспитывался в Киево-Могилянской академии⁴.

Многие богатые дворяне принимали воспитателей-иностранцев, в основном предпочитали французов. Так, например, к

¹ Щербатов А.Г. Мои воспоминания. С.33.

² Чичагов П.В. Записки. М., 2002. С. 29.

³ Юлин В. Адмирал Павел Чичагов: Отечества верный сын. История жизни и судьбы. М., 2018. С. 8.

⁴ Мы не учитываем в этой подборке сына обер-офицера Войска Донского М.Г. Власова, который с 10 до 17 лет воспитывался у монахов Киево-Печерского монастыря (*Безотосный В.М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году: Малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. С. 149).

П.А. Строганову в юности был приставлен Жильбер Ромм, ставший в период революции известным якобинцем, мало того, втянувший в это дело и своего воспитанника, также воспылавшего революционными идеями и вступившего в Якобинский клуб¹. Правда, «перебесившись» в юности и вернувшись в Россию после жизни в Швейцарии и революционной Франции, Строганов приобрел со временем стойкий иммунитет к любой революционной «заразе»². Тем не менее он некоторое время провел, изучая науки, в Страсбургском университете, где его товарищами оказались известные в будущем дипломаты К. Меттерних и А.К. Разумовский, а также ставший позже российским генералом К.О. Поццо ди Борго³. В 1782 г. в Страсбург были отправлены братья Б.В. и Д.В. Голицыны под присмотром их воспитателя швейцарца М. Оливье⁴. Кроме того, например, Ф.В. Ростопчин, в 1786–1787 гг. на средства отца добился разрешения на путешествие, в ходе которого посетил Пруссию, Англию и Францию, в Берлине брал уроки по многим дисциплинам – языкам, математике, тактике и фортификации, кроме того, слушал лекции в Геттингенском университете⁵.

Также военные училища, кадетские корпуса и академии за границей закончили 6 чел., как правило, это были в прошлом иностранные подданные (Г.М. Армфельдт, Ф.Ф. Винцингероде, И.И. Дибич, Ф.Ф. Довре, Ф.Ф. Эртель, Л.Г. Вальмоден-Гимборн), за исключением будущего генерала С.А. Талызина, учившегося в военной гимназии (военной академии «Карловая школа» – Hohe Karlsschule) в Штутгарте. Также в различных европейских университетах прошли обучение как бывшие иностранные подданные, так и представители русской аристократии, всего 13 чел.: князья Б.В. и Д.В. Голицыны (их называли «русскими европейцами»), П.Н. Муравьев, принцы Г. и П. Ольденбургские, графы Е.Ф. Канкрин, И.В. Мантейфель, М.А. Милорадович, Э.Ф. Сен-При, П.К. Сухтелен, Е.К. Сиверс, барон Ф.К. Тетенборн, М.И. Понсе. Как писал, например,

¹ Правда, биограф П.А. Строганова Т. Меттерних считала, что его юношеские увлечения революцией были связаны с кратковременными, но бурными любовными приключениями с Теруано де Мерикур, которая была старше его на 10 лет (*Меттерних Т. Строгановы: История рода. С. 95*).

² См. подробнее: *Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: История необычного союза. М., 2010.*

³ См.: *Крейзе Э.Э. Политика Меттерниха: Германия в противоборстве с Наполеоном 1799–1814. М., 2002. С. 18.*

⁴ *Голицына Н.П. «Моя судьба – это я». М., 2010. С. 81.*

⁵ См.: *Мещеряков А.О. Ф.В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 37.*

о И.И. Муравьева его сын: «Отец мой был записан в Измайловском полку и на 16-м году от рождения поехал учиться в Страсбургский университет, где отличался своими успехами»¹. К. Крейц, как сказано в его формулярном списке, также «учился в заграничных университетах»². Печально известный прусский схоласт К.Ф. Фуль обучался в гимназии в Штутгарте, другой военный теоретик А.А. Жомини в коммерческой школе. К.О. Поццо ди Борго получил юридическое образование в коллегии в Аяччо³, серб Г.А. Эммануэль в училище г. Вершицы в Банате, итальянец Ф.О. Паулуччи делле Ронколе в коллегии иезуитов. Всего же учившихся в учебных заведениях в рядах генералитета оказалось 175 чел. (33,5 % от общего числа), то есть примерно каждый третий получил базовое и систематическое образование.

Основная масса генералов получила традиционное, как тогда писали, «домашнее воспитание». Причем большинство дворян средней руки получали провинциальное образование (в атмосфере русской деревни), основанное на чтении Псалтыря и Часослова, а также обучении письму и основным правилам арифметики. В провинции было трудно найти хороших преподавателей. Для большинства дворянских семей было характерно, как писал А.С. Грибоедов, стремление набрать «учителей полки, числом поболее, ценою подешевле». Религиозно-нравственное воспитание и грамотность были общими для дворянских детей в России и Европе, как и формирование у юного дворянина чувства собственного достоинства, вытекавшего из понятия о корпоративном достоинстве – дворянской чести. И трудно вычислить (даже, наверно, невозможно), что из полученного в детстве осталось в них потом, не стерлось из памяти, не прошло бесследно. К сожалению, большинство формулярных списков генералов в графе об образовании не содержат исчерпывающих записей и их нельзя считать вполне достоверными источниками по данному вопросу. Во многих формулярах содержится лишь краткая запись: «порусски читать и писать умеет», в других есть уточнения «арифметику знает» или «и другие науки знает». Исключение, как правило, составляли выпускники российских кадетских корпусов, часто у них

¹ Записки Николай Николаевича Муравьева // Русский архив. 1885. № 9. С. 23.

² ОПИ ГИМ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 862. Л. 97об.

³ Так пишется в энциклопедических статьях о К.О. Поццо ди Борго, но в единственной и недавно вышедшей книге об этом историческом персонаже говорится, что он получил юридическое образование в университете г.Пизы (См.: *Туссен И.* Поццо ди Борго: Другой корсиканец. С. 12).

значится до десяти изученных предметов и более, включая танцы и фехтование. У перешедших с иностранной службы или учившихся в европейских учебных заведениях сведения в формулярах также минимальны.

В целом можно согласиться с мнением А.М. Феофанова, автора статьи об образовании генералов 1812 г. Хотя он использовал не источники, а лишь материалы опубликованных работ, но пришел к выводу о том, что большинство представителей генералитета тогда не получили систематического образования, имея в виду низкий процент окончивших учебные заведения (а также относительно низкий уровень специализации). Кроме того, его мнение было основано на сопоставлении с данными в целом по всей элите¹. Хотя в этом случае можно поспорить о том, какова доля выпускников, получивших регулярное образование.

Очень трудно даже на основе формулярных записей определить степень, качество полученного образования и установить образовательный уровень российской военной знати. Часто приходится в этом вопросе полагаться на субъективные оценки современников, оставленных в мемуарах. О многих генералах, учившиеся за границей, современники не могли сказать, что они обогатились плодами европейского просвещения. Тут можно вспомнить и пушкинские строки:

Мы все учились понемногу,
Чему-нибудь и как-нибудь.

Они достаточно верно выражают степень познаний и уровень образования некоторых индивидов. Например, М.И. Милорадович, обучавшийся в Кенигсбергском и Геттингенском университетах, а затем посланный в Страсбург и Мец «для усовершенствования в военных познаниях», по мнению многих, получил образование самое поверхностное. Предпочитая говорить по-французски, «беспрестанно делал самые забавные ошибки», не усвоил даже иностранных языков, проведя несколько лет за границей². Как вспоминал А.Я. Булгаков: «Он был словоохотлив и предпочтительно объяснял-ся на французском языке, который знал очень дурно, чем часто весе-

¹ *Феофанов А.М.* Образовательный уровень российского генералитета 1812 года // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. 2013. Вып. 4. С. 23, 27, 29.

² *Семевский.* Граф Михаил Андреевич Милорадович (Материалы для его биографии) // Военный сборник. 1869. № 10. С. 188.

лил общества, в коих бывал»¹. Примерно такую же репутацию имел и Ф.П. Уваров, про которого Д. Давыдов как-то сказал, что он «умничает глупо, а дурачится умно»²: Во многих мемуарах зафиксирован разговор Уварова с Наполеоном в Тильзите. Когда французский император поинтересовался, кто командовал кавалерийской атакой в одном из сражений, то наш герой не замедлил заявить: «Je, Sire». Отзыв этот доставил ему прозвище «Je», а другие подобные ошибки подавали повод к различным шуткам над ним³. Аналогичные характеристики современники давали и П.М. Капцевичу, «который так же как Милорадович, враждебно, но охотно обращался с французским языком». Но шутивший по этому поводу П.А. Вяземский заметил, что «привычка говорить по-французски не мешала нашим генералам драться совершенно по-русски»⁴.

В то же время имелось большое количество генералов, которые постоянно занимались самообразованием. Яркий пример этому молодой и талантливый генерал А.И. Кутайсов, самостоятельно изучивший несколько языков, или Ф.Ф. Манахтин, получивший смертельное ранение при Бородино. Как отмечал в своих записках С.Н. Глинка, его соученик по кадетскому корпусу: «Ум его был обогащен глубокими познаниями, и он удивлял природных германцев и французов знанием их языков»⁵. Также отметим, что граф В.В. Орлов-Денисов, получивший на Дону в юности лишь твердые наставления «в началах веры и нравственности», а попав в Петербург и почувствовав дух столичной жизни, для восполнения пробелов в образовании вынужден был уже в чине войскового старшины по совету друга семьи Г.Р. Державина посещать частное училище, где обучался вместе с малолетками, но «приобрел сведения в истории, географии и математике, языках французском и немецком»⁶. Следует здесь вспомнить и колоритную фигуру донского атамана М.И. Платова. Этот титулованный в конце жизни простак, не зная языков, легко общался с сильными мира сего и заводил дружбу с

¹ Булгаков А.Я. Современные записки и воспоминания мои // Московский журнал. 2010. № 4. С. 62–63.

² Записки Александра Михайловича Тургенева. 1772–1863 // Русская старина. 1885. № 10. С. 250.

³ Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 7–8.

⁴ Вяземский П.А. Воспоминания о 1812 году // Русский архив. 1869. № 1. Стлб. 05.

⁵ Глинка С.Н. Записки. С. 136.

⁶ Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Т.1. СПб., 1845. С. 2.

иностранцами (например, с прусской королевской четой, прусским генерал-фельдмаршалом Г. Блюхером, английским генералом Р.Т. Вильсоном), а затем со многими из них состоял в переписке. Этот образ почти необразованного, но сметливого и находчивого выходца из казачьих низов наряду с другими знаменитостями своей эпохи из-за личных качеств попал в конце XIX в. в коллекцию «анекдотов» о «замечательных чудаках и оригиналов» М.И. Пыляева под рубрикой «Простота графа Платова»¹.

Определенным итогом в образовательной характеристике генералитета можно считать появление перед 1812 г. почти уставных материалов, подготовленных молодыми генералами. Приведем несколько примеров. И.В. Сабанеев, попавший раненым во французский плен в 1799 г. во время Швейцарского похода, переделал в начале XIX в. по французским образцам «Наставление для легкой пехоты»². Д.В. Голицын еще в 1805 г. на основе французского кавалерийского устава написал «Опыт наставлений, касающихся до экзерциции и маневров кавалерийского полка»³. Созданное в 1810 г. М.С. Воронцовым «Наставление господам офицерам Нарвского пехотного полка» послужило основой для написания и печати в 1812 г. «Наставления господам пехотным офицерам в день сражения»⁴. А.И. Кутайсовым накануне 1812 г. были разработаны «Общие правила для артиллерии в полевом сражении», фактически ее первый боевой устав⁵. Это свидетельствовало о том, что на полученные знания в юности генералов наложился их боевой опыт, передовая офицерская молодежь стремилась перенять и переосмыслить новые тенденции в военном деле.

¹ См.: *Пыляев М.И.* Замечательные чудаки и оригиналы. М., 1990. С. 15, 20–21.

² См.: *Давыдов М.А.* «Оппозиция Его Величества»... С. 14. Перу Сабанеева принадлежат также несколько неопубликованных наставлений и работ по методике обучения солдат (См.: *Фоменко И.Ю.* И.В. Сабанеев и М.С. Воронцов (По материалам РГАДА) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2016. С. 49–54).

³ Опыт наставлений, касающихся до экзерциции и маневров кавалерийского полка. СПб., 1805; *Жуков К.Б.* Строевое обучение русской кавалерии накануне 1812 г. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Исторнография. Т. XI. М., 2013. С. 258–259.

⁴ Наставление господам пехотным офицерам в день сражения // Военный сборник. 1902. № 7.

⁵ ОИИ ГИМ. Ф. 129. Д. 22; *Смирнов А.А.* Боевой устав артиллерии 1812 года // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Исторнография. М., 2002. С. 62–71.

По словам К. Клаузевица «понятно, что простая в своих проявлениях военная деятельность может выдающимся образом руководствоваться только людьми выдающихся умственных способностей»¹. Этому в значительной степени помогали знакомство и повальное увлечение офицерской молодежи трудами А. Жомини, считавшегося еще до 1812 г. главным европейским военным теоретиком. Упомянем также всесторонние и по-европейски образованные по меркам того времени генералы Е.Ф. Канкрин, Л.Л. Карбоньера и П.К. Сухтелен. А такие военачальники, как Александр Вюртембергский², Д.В. Давыдов, М.С. Вистицкий³, С.Н. Долгоруков⁴, П.П. Сухтелен⁵, С.А. Тучков⁶ и А.А. Писарев⁷, стали, как тогда говорили, военными писателями. Писарев, помимо того, сочинял басни, сатиры и стихи военно-патриотического содержания, а также долгое время исправлял должность попечителя Московского университета, с 1809 г. был членом Российской академии, в 1825–1830 гг. являлся президентом Московского общества испытателей природы. П.М. Сипягин после войны начал издавать «Военный журнал» и основал «Общество военных людей» при Главном штабе, П.А. Кикин возглавлял «Общество поощрения художников», выступил инициатором постройки храма Христа Спасителя в Москве, кроме того, состоял в членах литератур-

¹ См.: *Клаузевиц К.* О войне. Т. 1. С. 49.

² А. Вюртембергский был не только автором плана военных действий перед 1812 г. (Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. X. СПб., 1908. С. 253–275), но и автором книги на немецком языке, обобщающей опыт войны пруссов 1806 г. против наполеоновских войск («Независимые замечания на кампанию прусской армии 1806 г.») (См.: *Лукашевич А.М.* Александр Вюртембергский: План военных действий против герцогства Варшавского, административная и боевая деятельность в 1812 г. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. С. 178–190).

³ См.: *Бродский Г.Е.* «Служил примером отличной храбрости...» (полузабытый генерал-майор М.С. Вистицкий: его труды и дни) // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов. Бородино, 2015.

⁴ Был составителем и издателем «Хроники российской императорской гвардии». СПб., 1799.

⁵ *Сухтелен П.П.* Краткое жизнеописание генерал-адъютанта К.Х. Бенкендорфа // Военный журнал. 1830. № 1; *Сухтелен П.П.* Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швецией в 1808 и 1809 гг. СПб., 1832.

⁶ *Тучков С.А.* Военный словарь, заключающий наименования или термины, в Российском сухопутном войске употребляемые... Ч. 1–4. М., 1818.

⁷ *Писарев А.А.* Военные письма и замечания. Ч. 1–2. М., 1817; *Он же.* Подробное известие о лейб-гвардии Семеновском полку. СПб., 1811. Также являлся автором статей в журналах «Русский вестник» и «Сын Отечества».

ного общества «Беседы любителей русского слова»¹. После окончания войн 55 генералов оставили после себя записки мемуарного характера или дневниковые записи². Но мировоззрение многих образованных людей с густыми энолетами не ограничивалось рамками военного мира. Биография многих генералов не была бы достаточно полной, если бы мы не упомянули литературной деятельности. Кроме не вца романтики гусарской жизни Дениса Давыдова, ноэтами и нисателями (нравда, сегодня не очень известными), оставившими нам свои произведения, были С.А. Тучков³, П.И. Селявин⁴, К.К. де Местр⁵, И.С. Койленский⁶, А.Я. и Б.Я. Княжнины⁷, М.А. Дмитриев-Мамонов⁸, Б.В. Голицын⁹. Можно также упомянуть, что фактическим основате-

¹ Про него был сочинен экспромт: «В беседе генерал, а в армии беседы член» (Из воспоминаний Михайловского-Данилевского: 1817 год // Русская старина. 1897. № 7. С. 101).

² С учетом нескольких добавлений подсчеты сделаны по кн.: *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 265–297.

³ См.: Сочинения и переводы Сергея Тучкова. Ч. 1–4. СПб., 1816–1817. (Напечатаны его стихотворения и трагедия «Агамемнон», а также переводы Горация, Расина, Вольтера и Руссо). См. также: *Александров Г.* Черты из жизни генерал-лейтенанта Сергея Алексеевича Тучкова // Русский архив. 1874. № 5. Стлб. 1148. Кроме того, как написала про него его родственница Н.А.Тучкова-Огарева: «он занимался в ту младенческую эпоху нашей литературы переводами классических трагиков: Корнеля, Расина, переводил даже и Вольтера» (*Тучкова-Огарева Н.А.* Воспоминания. М., 1959. С. 20).

⁴ Автор трех комедий «Осмеянный вертопрах» (1796), «Женхн или побежденный предрассудок» (1806) и «Добро невпопад, а зло не во вред» (1809). Кроме того, писал стихи, которые изданы не были.

⁵ *Ощепков А.Р.* Ксавье де Местр о русском национальном характере // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 190–193; *Xavier de Maistre.* Nouvelles. Deuxième partie: Les nouvelles russes. Genève, 1984. P. 149–153.

⁶ *Койленский И.* Змня и муравей. СПб., 1812.

⁷ Например, Б.Я. Княжнин, помимо литературных произведений, оставил следующее сочинение: Биографии штаб и обер-офицеров гренадерского графа Аракчеева полка, положивших жизнь свою, защищая Государя и Отечество в сражениях 1812, 1813 и 1814 годов. СПб., 1816.

⁸ См. цикл опубликованных в 1811–1812 гг. стихов М.А. Дмитриева-Мамонова в журнале «Друг юншества»: Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971. С. 719–733.

⁹ См.: *Цоффка В.В.* Иоганн-Каспар Рнебек (1754–1786) в восприятии князя Б.В. Голицына (1769–1813) // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы III Голицынских чтений 20–21 января 1996 года. Большие Вяземы, 1996. С. 15; *Он же.* Заметки об Есфирн князя Б.В. Голицына // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы VI Голицынских чтений 23–24 января 1999 года. Большие Вяземы, 1999. С. 34–38.

лем русской драмы и трагедии стал В.А. Озеров, вышедший в отставку с чином генерал-майора в 1803 г., в период наполеоновских войн он являлся самым известным отечественным драматургом и имел бесспорный сценический успех. Да и большинство генералов принадлежали к той прослойке высшего русского общества, для которой было характерно хорошее знание литературы, и не только русской. Например, М.И. Кутузов вечером накануне Бородинского сражения читал нравоучительный французский роман «Рыцари Лебеда» мадам Стефании де Жанлис¹. Не говоря уже об идеологах русского консерватизма (делавших ставку на развитие, чистоту русского языка и ценности традиционного общества) и известных в свое время писателях Ф.В. Ростопчине и А.С. Шишкове, в домашней обстановке с близкими они чаще всего говорили по-французски². Е.В. Тарле вообще в этом смысле дал уничижительную характеристику Ростопчине: «...дома с женой, офранцузенной католичкой, он говорил только по-французски, со своими друзьями тоже говорил по-французски, русской литературы он совсем не знал, и, хотя умер в 1826 г., нет никаких признаков, чтобы он подозревал, например, о существовании Пушкина или Жуковского»; и наш знаменитый историк сделал окончательный жесткий вывод: «...ненавистник французов, ближе был – некоторыми чертами, но крайней мере своей сущности – к худшему типу марсельца, южного француза, к болтуну, хвастуну, говоруну, легкомысленному вралю, чем среднему москвичу...»³. Это все отнюдь не мешало Ростопчину ругать в печати других дворян, изъяснявшихся на французском⁴.

Понятно, что в России в системе образования существовало много самых разных полюсов и векторов влияния, но в данной главе говорилось в основном о самых интеллектуально развитых персонажах среди генералитета. Хотя, без всякого сомнения, имелись и генералы, носившие чуть нозже образчиками, для создания такого литературного героя, как полковник Скалозуб. Но затруднительно выявить истинную пропорцию тех и других. Любое мнение будет в данном

¹ *Ratchinski A. Napoléon et Alexandre Ier: La guerre des idées*. Paris, 2002. P. 5. Кутузов по окончании кампании 1812 года «выразил мнение, что, разделавшись теперь с французским нашествием, нам не следует однакож обнаруживать неприязни ко французскому языку, французской литературе, французскому театру и пр.» (*Щебальский И.А.С. Шишков, его союзники и противники* // *Русский вестник*. 1870. № 11. С. 205).

² См.: *Аксаков С.Т. Собрание сочинений*. Т. 2. М., 1966. С. 185, 266–313.

³ *Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год*. М., 1938. С. 148, 152.

⁴ *Ростопчин Ф.В. Ох, французы*. М., 1992. С. 149.

случае слишком субъективным. Но для того, чтобы соблюсти справедливость, дадим слово тогдашнему офицеру л.-гв. Конного полка Ф.Я. Мирковичу, негативно оценивавшему не только генералов, но и средний уровень офицерского корпуса: «Общество современных офицеров не отличалось ни порядочностью, ни образованием; только в конно-гвардейском, кавалергадском и лейб-гусарском полках можно было найти людей развитых и не чуждавшихся знаний; в остальных же, как в армейских, так и гвардейских, офицеры были большей частью но уму – Митрофанушками, но за то но фронту – Скалозубами»¹.

Материальное обеспечение генералов

Очень трудно оценивать на основе формулярных списков также и имущественное положение генералов. Главным показателем богатства дворянина тогда было даже не наличие земельных угодий, а владение крестными крестьянами. Крестные являлись собственностью помещика, а его состоятельность (с фискальной точки зрения государства) определялась числом душ мужского пола. Как справедливо отмечал крупнейший специалист в этой области Л.В. Миров: «Недаром статус дворянина в XVIII–XIX вв. измерялся не числом десятин его земельного владения, а числом крестных душ»².

Но зачастую записи в формулярах о «крестной собственности» носили скудный характер, часто указывалось отсутствие владения крестьянами или лишь владение душами отца или матери. Причем оценка «крестной недвижимости» производилась чаще всего округленно, давались приблизительные цифры – 100 душ, 200 душ, 1000 душ, 2000 душ, сведения часто повторялись на основе записи, сделанной в начале службы. Но поскольку дворянские семьи были многодетными, то трудно определить, что получал генерал по разделу имущества или в наследство. Так же трудно было предполагать получение наследства от бездетных родственников, а такое случалось часто. Например, в формулярном списке Д.В. Васильчикова за 1822 г. не показано владения им крестных, но в 1830 г. его жена получает в наследство после графа П.К. Разумовского 3500 душ, куренной, овчарный и конный заводы, и в его формуляре за 1851 г. уже значилось

¹ Из записок Ф.Я. Мирковича // Русский архив. 1890. № 3. С. 403.

² Миров Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 563.

родовое имение в 1170 душ¹. Кроме того, материальное благополучие менялось в течение жизни, например, после того как генералы отделяли повзрослевших сыновей или давали приданое дочерям. Могли и просто распродавать имение за долги.

Судьба для многих генералов оказывалась переменчивой, часто достаток сменялся полным разорением. Генерал А.С. Шульгин, живший в Москве большим баринем, на средства жены ностроил великоколенный дом с роскошной мебелью на Тверской, но в конце жизни занутился в долгах, носелился на Арбате в небольшом домике, «и нередко можно было видеть, как бывший обер-нолицмейстер, несмотря на чин генерал-майора, в засаленном халате колол дрова или рубил канусту»².

В разных формулярных списках Н.Н. Муравьева за ним было записано 1300 ревизских душ, но его сын всноминал: «До женитьбы своей отец мой имел порядочное состояние, но не сохранил оноу, так что у него осталось только Петербургская отчина сельцо Сырец, состоящее из 90 душ, в том числе и приданое матушки»³. Сын Дениса Давыдова В.Д. Давыдов всноминал, что его дед «состояние имел весьма ограниченное от двух причин: по страсти к игре и от широкой размашистой жизни, вполне русской». Кроме того, дед, имевший чин бригадира, видимо по этим же причинам «в царствование императора Павла I был предан суду с конфискованием имения за беспорядки в полку». Сам Д.В. Давыдов рассказывал сыну «о крайности, до которой доходила его семья. Быв в то время юнкером в Кавалергардском полку, он должен был питаться более месяца одним картофелем». По решению суда на давыдовские имения «нала весьма значительная сумма», они были заложены в Государственном банке, и только после окончания наполеоновских войн за воинские заслуги Дениса и его брата полковника Евдокима Васильевича Давыдова долги были списаны по докладу генерала А.А. Закревского Александру I⁴. Можно привести и противоположные примеры, так, всем известный А.А. Аракчеев родился в семье мелкопоместного дворянина, за кото-

¹ Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 18.

² *Николай Михайлович, вел. кн.* Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. V. СПб., 1909. № 83.

³ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1226–1227; Записки Николая Николаевича Муравьева // Русский архив. 1885. № 9. С. 24.

⁴ См.: *Давыдов В.Д.* Денис Васильевич Давыдов, партизан и поэт // Русская старина. 1872. № 3. С. 625, 635.

рым была занисана 21 ревизская душа, а умер владельцем многотысячного имения Грузино¹.

В России дворяне-помещики условно делились на мелкопоместных (владельцы до 100 душ крестьян мужского пола), средненоместных (владельцев от 100 до 1000 душ) и крупномоестных (владельцы свыше 1000 душ). Дополнительно мы выделили отдельно категории дворян, у которых в формулярном списке занисано, что они являлись владельцами 100 или 1000 крестьян, поскольку их владение трудно отнести к одной из групп. Если взять и проанализировать приведенные в табл. 6 данные о владении генералами ревизскими крепостными, то получается, что из 531 генерала сведения о точном владении крестьян (и то на определенный момент) мне удалось зафиксировать по формулярным спискам или по литературе только у 249 чел. Записи в формулярах об отсутствии владения крепостных встречаются у 124 чел., 74 генерала имели населенные поместья, для 84 выяснить этот вопрос не удалось. Кроме того, были найдены сведения о поместьях разной величины, полученных ими в качестве приданого, только у жен 76 генералов.

Хотя нельзя говорить о репрезентативной выборке из 249 генералов-помещиков (тем более, что у 58 чел. имения оказались не разделены с родственниками), тем не менее можно представить полученные данные по количеству крепостных (см. табл. 6, графа «Имение»). Мелкопоместных дворян (владельцев менее 100 душ) – 81 чел. (из них 20 владели совместно с родственниками), владельцев ровно 100 крепостных оказалось 12 (из них у четверых владения не были разделены с родителями), поместьями до 1000 ревизских душ владели 103 чел. (из них 21 имели не разделенное владение с родственниками), ровно 1000 крестьян владели (по формулярам) 12 генералов (у четверых имения были не разделены), и наконец, российских латифундистов насчитывалось среди генералов 41 чел. (у 9 оказались неразделенные владения). Можно только предполагать, что в большей степени генералом можно было отнести к средненоместному дворянству.

Хорошо известно, что в период правления Александра I крепостных крестьян уже не раздавали, хотя многие генералы успели получить такие пожалования во времена Екатерины Великой и Павла I: А.А. Аракчеев, Л.Л. Беннигсен, И.В. Гудович, М.И. Кутузов, С.К. Вязмитинов, И.И. Багратион, И.И. Морков, К.И. Оннерман, а также отцы и родственники генералов 1812 года И.П. Кутайсов, Я.Е. Сиверс, Н.В. Реннин, П.П. Коновницын, Ф.П. Денисов,

¹ См.: *Томсинов В. Аракчеев. М., 2003. С. 23.*

П.А. Пален, П.Д. Дурново, И.В. Гудович¹. Например, Павел I пожаловал Ф.В. Ростончину 3000 душ и 33 тыс. дес. земли в Воронежской губернии², матери генерала А.П. Ожаровского 1000 крепостных³, баронессе Шарлоте Ливен 1500 душ, генералу П.И. Мелиссино 1000 душ⁴. Все офицеры-гатчинцы при переводе в гвардию также получили от Павла I, в зависимости от чина, земли с ревизскими душами от 30 до 1000 чел., но объяснялись эти пожалования не как вознаграждение за нелегкую службу в Гатчине, а как необходимая материальная основа для прохождения службы в гвардейских частях в дорогом для жизни Петербурге⁵.

При Александре I и нозже нрактиковалось только раздача незаселенных «нустошей», так, П.П. Коновницын за формирование онолчения в 1807 г. нолучил 3000 дес. земли, Г.А. Эманнуэль в 1830 г. «в вечное потомственное пользование» участок в Кавказском крае в 6000 дес., в 1820 г. А.А. Богуславскому ножаловано 3000 дес., в 1817 г. К.О. Ламберту 8000 дес., в 1824 г. Г.А. Игнатьеву 5000 дес., князю А.В. Сибирскому 4000 дес., В.А. Сысоеву в 1831 г. 3000 дес. земли. Это только несколько нримеров. Снисок нодобных земельных ножалований генералам можно продолжить.

Кроме того, генералы могли нанисать нрошение на Высочайшее имя о нолучении так называемых аренд. Это были временные ножалования, рассчитанные на 12 лет, нринадлежащих государству земель с крестьянами (как нравило в Лифляндии, Литве или Белоруссии). Причем во владение не было нужды вступать лично, генералу нросто вынлачивался фиксированный усредненный годовой доход, который зависел от чина и расноложения имнератора к

¹ Подробнее см.: *Семевский В.И.* Пожалования населенных имений в царствование Екатерины II. Очерк из истории частной земельной собственности в России. СПб., 1906; *Безотосный В.М.* Ведомость кому какия деревни и в каком числе душ Всемилостивейшии пожалованы августа 18 1795 года // *Родина*. 1994. № 12. С. 45–46.

² *Минаков А.Ю.* Указ. соч. С. 101.

³ РГВИА. Ф. 395. Оп. 39. 10 отд. 4 ст. 1847 г. Д. 743. Л. 7–14.

⁴ *Карнович Е.П.* Замечательные богатства частных лиц в России. М., 1992. С. 276.

⁵ См.: *Томсинов В.* Аракчеев. С. 99–100. Например, Е.Ф. Комаровский вспоминал: «...все служившие в гатчинских и Павловских батальонах штаб- и обер-офицеры получили деревни от 100 и до 250 душ, по чинам, а некоторые, как граф Аракчеев, Кологривов, Донауров, Кушелев и проч., – по 2000 душ» (*Записки графа Е.Ф. Комаровского*. С. 59). По рассказу П.М. Волконского, гатчинцам жаловались от 100 до 2 тыс. душ (*Рассказы князя П.М. Волконского* // *Русская старина*. 1876. № 6. С. 186).

генералу. Так, генерал-лейтенанты получали 2 тыс. руб. серебром в год, хотя случалось пожалования от 2800 до 7000 руб. в год¹. Например, аренду в 6 тыс. руб. после окончания наполеоновских войн умудрился получить даже Д.В. Давыдов. Находясь на посту начальник штаба 4-го нехотного корпуса, он «влюбился в Злотницкую, польку и, желая вступить с нею в брак, не имел на это средств». Его друг А.А. Закревский, дежурный генерал Главного штаба, доложил об этом Александру I и тот приказал дать известному партизану 1812 года аренду в 6 тыс. руб. в год. Но поскольку затем свадьба расстроилась, Давыдов не пытался от аренды отказаться, но император оставил ее за ним².

Считалось, что аренды «нужны для поддержания состояния служащих», поэтому не давались тем, кто покидал армейские ряды. Например генерал Д.С. Дохтуров в 1816 г. вышел в отставку с полным пенсионом в 6 тыс. руб. «в уважение долговременной и отличной его службы, ни в пример другим». Одновременно он написал прошение об аренде, но ему именно на этом основании было отказано («за увольнением от службы вы можете исправлять домашние ваши дела и без сего пособия»)³.

Дополнительное содержание (в том числе и аренды)⁴ стали получать при Николае I увечные генералы 1812 года. Например, в 1833 г. находившиеся на службе генералы П.С. Лашкарев (ранен при Шевардино «пулей навилет сквозь оба виска с повреждением зрения») и Н.Ф. Ладыженский (ранен при Салтановке «пулей в левую щеку навилет в рот с повреждением языка и выбытием верхних и нижних зубов»), сверх жалования получали из инвалидного капитала по 2 тыс. руб.⁵ По указу от 15 июля 1807 и 21 января 1809 г. на генералитет положение об инвалидном содержании офицеров не распространялось, так же как пенсион вдовам давался лишь убитым или умершим от ран генералам⁶. К примеру, после смерти в 1817 г. генерала К.Б. Кнорринга его жене было отказано именно на этом основа-

¹ РГВИА. Ф. 395. Оп. 142/425. 1836 г. З отд. Д. 29. Л. 4.

² См.: *Давыдов В.Д.* Денис Васильевич Давыдов, партизан и поэт // Русская старина. 1872. № 3. С. 635.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1. Л. 39–40.

⁴ Так, с 1820 по 1832 г. получал аренду в Курляндии тяжело раненый при Бородине генерал-майор Б.С. Соковнин (РГВИА. Ф. 395. Оп. 87. 1832 г. 2 отд. Д. 417. Л. 4–4 об.).

⁵ РГВИА. Ф. 395. Оп. 22. 1 отд. 2 ст. 1833 г. Д. 1219. Л. 4–5; Оп. 140/413. 3 отд. 1834 г. Д. 483; Ф. 489. Оп. 1. Д. 598. Л. 3–4.

⁶ См.: РГВИА. Ф. 395. Оп. 6/312. 1 отд. 1 ст. Д. 337.

нии в просьбе о пенсине¹. Правда, в 1812 г. Д.М. Мордвинов в звании действительного камергера командовал 5-й дружиной С.-Петербургского ополчения и при штурме Полоцка получил ранение картечью в правое колено, а ногу пришлось ампутировать. Ему выдавался пенсион из инвалидного капитала – 858 руб. в год², хотя в начале 1813 г. он и был переименован в генерал-майоры. В 1824 г. генералу А.А. Ласкину (при Баутцене получил 5 сабельных ран с повреждением кости) было повелено выдавать инвалидное содержание 600 руб. ассигнациями в год после осуждения его судом за жестокое обращение со своими дворовыми людьми³. Генерал-лейтенант А.Б. Фок с 1822 г. получал 4 тыс. руб. в год из инвалидного капитала⁴.

Также укажем, что в случае поимания в плен генералам сохраняли жалование в полном объеме. В документах 1812 г. прямо говорилось о положении соотечественников в плену: «Кто из генералитета, штаб-, обер-офицеров и других чинов, находясь на службе, взят будет в плен из природных российских подданных или чужестранцев, – таковым жалование по их окладам полное и с денщиками в места, где оные находятся, будут пересылать или переводить через вексели, или по верующим письмам производить, кому они в том поверят, чтобы они верности своей от неимения пропитания нарушить не могли»⁵. К примеру, попавший в сражении при Аустерлице в плен тяжело раненный генерал-майор И.И. Миллер вынужден был брать деньги под векселя у австрийских купцов, этот долг позднее был выплачен из Кабинета Его Величества⁶.

Нужно также иметь в виду, что многие генералы-«иноземцы» имели собственность за пределами Российской империи. Например, отец генерала Сен-При лишился во Франции после революции всех своих имений, поэтому Екатерина II положила ему пенсию в 6 тыс.

¹ РГВИА. Ф. 395. Оп. 6/312. 1 отд. 1 ст. Д. 224. Правда, сразу же жене была назначена аренда с 1820 г. (См.: Там же. Д. 698).

² РГВИА. Ф. 395. Оп. 283. Канц. 1847 г. Д. 160.

³ РГВИА. Ф. 395. Оп. 16/377. 1 отд. 1827 г. Д. 24; Оп. 15/370. 1 отд. 1826 г. Д. 14. (с 1826 г. содержание было увеличено до 1400 руб.).

⁴ РГВИА. Ф. 395. Оп. 14/366. 1 отд. 1825 г. Д. 16. Л. 10.

⁵ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 18. Д. 8. Л. 169. Подробнее о русских военнопленных, в том числе и русских генералов в плену, см.: *Назарян Е.Н.* Судьбы русских военнопленных 1812 года. С. 11–12.

⁶ *Луковский А.Н.* И.И. Миллер 3-й – участник Итальянского и Швейцарского похода 1799 года и войн начала XIX века // Суворовские чтения: Ноябрь 2000. СПб., 2001. С. 43–44.

руб., а чуть позже Павел I наградил его поместьями в Литве¹. Не говоря уже об германских владетельных князьях, которые в разное время оказывались под воздействием политической конъюнктуры. Это проявилось сразу после Тильзитского мира 1807 г., когда многие германские принцы крови были вынуждены покинуть русскую службу ради сохранения призрачной независимости своих территорий, например, К.А. Саксен-Веймарский, братья Л. и Э. Саксен-Кобургские. Например, Э. Гессен-Филинштадтский являлся младшим сыном ландграфа В. Гессен-Филинштадтского, лишённого своих владений при создании Вестфальского королевства². В декабре 1810 г. Наполеоном было полностью присоединено к его империи герцогство Ольденбургское, а генералы российской службы принцы Ольденбургские остались без средств и без территории. Многие историки признавали этот факт аннексии одной из важных причин для возникновения войны 1812 года. В то же время в 1812 г. имение и имущество в Ганновере генерала Л.Л. Беннигсена оказалось секвестировано³, в силу этого в 1813 г. ему был пожалован пожизненный пенсioen в 15 тыс. руб.⁴ Эмигранту генералу герцогу Э.О. Ришелье, оставшемуся без средств, Александр I в 1802 г. пожаловал имение в Курляндии, «дававшее до 24 000 ливров дохода ежегодно»⁵. Имение Ф.О. Пауллучи делле Ронколе в Италии с 1805 г. было конфисковано и возвращено лишь в 1815 г.⁶ Судя по письмам принца Евгения

¹ Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Т. 1. С. 1.

² Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы. Т. 2. С. 901.

³ См.: Письма Беннигсена императору Александру в Отечественную войну // Военный сборник. 1904. № 2. С. 246.

⁴ Из писем Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1912. № 5. С. 51; Сборник исторических материалов извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 3. С. 24, 26–27. Кроме того, в 1812 г. Александр I купил у Беннигсена за 12 тыс. червонцев его литовское имение Закрет (*Попов А.Н.* Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский архив. 1892. № 2. С. 148). Про этот факт петербуржец И.П. Оденталь съездив 14 июня 1812 г.: «Успел в казну за хорошую цену продать Закретское свое имение» (Письма И.П. Оденталь к А.Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах // Русская старина. 1912. № 6. С. 609).

⁵ *Майков П.М.* Герцог Ришелье в России // Русская старина. 1897. № 7. С. 39.

⁶ РГВИА. Ф. 489. Д. 7060. Л. 15–18; Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. IX. С. 227.

Вюртембергского, имение его родителей в Германии находилось «в весьма неблагоприятном положении», его финансовое состояние в 1810 г. было плачевным, несмотря на обещание А.А. Аракчеева, ему не выплатили жалование за 1809 г.¹ С этой точки зрения материальное положение генералов иностранного происхождения было весьма уязвимо.

Генералы часто награждались и крупными денежными суммами, которые, как правило, зависели от должности и чина генерала. Хорошо известны самые крупные пожалования. Так, великий князь Константин за сражение при Нови в 1799 г. заслужил помимо ордена Св. Иоанна Иерусалимского 50 тыс. руб.²; генерал от инфантерии П.И. Багратион за отличие в кампанию 1809 г. был пожалован 50 тыс. руб.³; в 1812 г. генерал от кавалерии А.П. Тормасов за Кобрин был награжден (помимо ордена Св. Георгия 2-го класса) 50 тыс. руб.⁴; генерал-лейтенант П.Х. Витгенштейн получил пожизненную ежегодную пенсию в 12 тыс. руб. и за боевые отличия 50 тыс. руб.⁵; генерал от инфантерии Д.С. Дохтуров за сражение за Смоленск 25 тыс. руб.⁶; генерал от кавалерии Л.Л. Беннигсен за Тарутинское сражение – 100 тыс. руб.⁷; произведенный в генерал-фельдмаршалы М.И. Кутузов за Бородинскую битву – 100 тыс. руб.⁸, в 1813 г. М.А. Милорадович и А.Ф. Ланжерон получили 50 и 30 тыс. соответственно⁹, М.Б. Барклай де Толли за взятие крепости Торн – 50 тыс. руб.¹⁰, Евгений Вюртембергский за сражения при Лютцене и

¹ Канун Отечественной войны 1812 года: Письма принцев Георга Гольштейн-Ольденбургского и Евгения Вюртембергского И.И. Сабину. 1809–1812 гг. // Исторический архив. 2005. № 3. С. 189..

² См.: *Кучерская М.* Константин Павлович. С. 70.

³ См.: *Анисимов Е.* Указ. соч. С. 377.

⁴ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 115–118.

⁵ РГВИА. Ф. ВУА.Д. 3514. Ч. 2. Л. 350; Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XX. С. 261; *Попов А.И.* Первое Полоцкое сражение. М., 2010. С. 35.

⁶ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 3. Л. 104; ОПИ ГИМ. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.

⁷ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 126–133.

⁸ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 1225. Л. 5; Отечественная война 1812 года. Т. XVI. СПб., 1911. С. 201; Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. С. 192.

⁹ *Шуберт Ф.Ф.* Дневник 1813 г. // 1812–1814. Секретная переписка генерала Багратиона. С. 339.

¹⁰ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 14. Ч. 2. С. 27.

Баутцене – 50 тыс. руб.¹ Раненому при Бородине П.И. Багратиону также 14 сентября 1812 г. было новелено отнустить из казны 50 тыс. руб., но уже 22 сентября 1812 г. был оформлен возврат этой суммы в связи со смертью князя². А вот младшие в чинах, как нравило, получали меньшую сумму. Например, генерал-майор Ф.Ф. Довре получил за сражения при Якубове, Клястицах и Головшицне 5 тыс. руб. и пенсию, равняющуюся жалованью³; в 1813 г. генерал-майору П.Г. Лихачеву, израненному и взятому в плен при Бородине, после его освобождения в Кенигсберге «государь император, желая сохранить здоровье его, изволил пожаловать ему для отъезда к водам и обратно 5 тыс. рублей»⁴, А.О. Делагарду, «для излечения полученной при Бородино тяжелой раны, в уважение недостаточного состояния» было выделено 6 тыс. руб.⁵, М.Д. Балку по случаю отправки на лечение было отпущено 5 тыс. руб., А.А. Писареву для излечения 3 тыс. руб., также было пожаловано И.П. Инзову, К.Ф. Ольдекону и Ф.В. Тейлю ван Сераскеркену по 2 тыс. руб., Н.Д. Мякинину – 4 тыс. руб.⁶, в 1814 г. за счет казны был отправлен на излечение в Англию Ф.В. Дризен, М.Ф. Ставицкому пожалован ежегодный пенсioen в 3 тыс. руб.⁷ Генерал П.К. Эссен в 1813 г. за успешное формирование 48 батальонов в Бобруйске и Чернигове был награжден 15 тыс. руб.⁸ За заключение в конце 1812 г. Таурогенской конвенции (был нейтрализован нрусский корпус) генерал-майор И.И. Дибич полу-

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 3. С. 135.

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 2. С. 31–32, 298.

³ РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153в. Д. 126. Л. 298; *Попов А.И.* Первое Полоцкое сражение. С. 35.

⁴ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208в. Св. 45. Д. 2. Л. 352; 1812 год. Войска генерала П.Х. Витгенштейна в боях на Санкт-Петербургском направлении. С. 142.

⁵ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 14. Ч. 2. С. 31

⁶ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 3. С. 7, 21, 147, 152.

⁷ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 4. С. 20, 42.

⁸ См.: Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Т. 2. С. 7.

чил 10 тыс. руб.¹, в 1813 г. генерал-лейтенант Г.М. Берг получил 6 тыс. руб., генерал-майор И.И. Алексеев – 6 тыс. руб., инспектор всей артиллерии П.И. Меллер-Закомельский – 20 тыс. руб.², сидевший в тылу в 1813–1814 гг. генерал-майор С.А. Мухин «за усердную службу» был пожалован в 1814 г. 5 тыс. руб., в 1816 г. «за составление карты Крыма» получил 6 тыс. руб.³, генералу К.И. Оннерману «за отличную службу» в 1820 г. было пожаловано единовременно 14 тыс. руб.⁴ Не забывал Александр I и своих германских родственников, служивших в нашей армии. Так, в 1814 г. принцу Леонольд Саксен-Кобургскому стали выдавать из казны 12 тыс. руб. в год, принцу Э. Гессен-Филиннштадтскому был положен «из кабинета ежегодный пенсioen по 600 червонных»⁵. За штабную деятельность в кампании 1814 г. генерал И.В. Сабанеев был награжден 30 тыс. руб., а затем за все походы 1812–1815 гг. пожалован пожизненным пенсioenом в 4 тыс. руб.⁶ В 1813 г. генералу Е.Е. Удому, за ранами остававшемуся в России, отнущено «на всноможение» 4 тыс. руб., И.С. Койленскому стали производить пожизненный пенсioen по 2 тыс. руб. в год⁷. Назначенный командовать в 1811 г. л.-гв. Артиллерийской бригадой А.П. Ермолов написал прошение М.Б. Барклаю де Толли о том, что, «не имея однако же состояния, одним жалованием и малыми своими снособами содержать себя в Столице не может». Поэтому просил перевести его в армию или назначить дополнительное содержание, что и было сделано – по повелению Александра I ему было пожаловано прибавление к жалованию в 2 тыс. руб.⁸

¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 623–625.

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 3. С. 13–136.

³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 422–424.

⁴ РГВИА. Ф. 827. Оп. 8. Д. 216. Л. 141–150.

⁵ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 4. С. 97, 104.

⁶ См.: Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Т. 2. С. 8, 9.

⁷ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 14. Ч. 2. С. 7–8, 33.

⁸ Тихонов И.С. Документы о русских генералах // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Исторнография. Т. II. М., 2003. С. 198–199.

Примечателен другой факт, несколько выходящий из перечня безвозмездных денежных подарков и пожалований. Герою кавказских кампаний генерал-лейтенанту П.С. Котляревскому было выдано взаимобразно по указу от 23 августа 1814 г. 50 тыс. руб. «на двенадцать лет без процентов, расположив унлату долга казне по-годно»¹.

Да что говорить, при назначении М.И. Кутузова общим главнокомандующим у того не оказалось денег на дорогу, и император пожаловал ему на дорожные расходы 10 тыс. руб.², это не считая 30 тыс. руб. «на подъем»³. Денежные выдачи генералитету вообще практиковалась тогда достаточно часто. Но уже после смерти Александра I при его приемнике выплаты стали значительно больше; главные лица под занавес кампании получали немалые суммы; например, И.Ф. Паскевич в 1828 г. за победу над персами был награжден 1 млн руб.⁴, генералу Н.И. Денрадовичу как командующему гвардейским корпусом только по случаю предполагаемого похода в 1828 г. выплатили 50 тыс. руб.⁵, генералу И.О. Витту за организацию маневров в 1835 г. под Вознесенском выдали 300 тыс. руб.⁶

В то время как состояние одних было недостаточным, у других траты превосходили доходы. Переписка многих генералов, даже далеко не бедных, свидетельствует, что они постоянно имели долги. Широкий образ жизни прочно укоренился в кругах столичной знати, к которым можно причислить и генералитет. Жизнь в долг тогда была нормой для многих дворян. Но, как говорится, в долг дают только богатым! Можно это отнести в целом к большинству дворянства. Приведем выдержку из письма генерала П.П. Коновницына жене от

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 4. С. 67.

² Вот что по этому поводу вспоминал Е.Ф. Комаровский: «Выходя из кабинета его величества, генерал Кутузов сказал мне: — Дело решено, — я назначен главнокомандующим обеих армий, но, затворяя уже дверь кабинета, я вспомнил, что у меня ни полушки нет денег на дорогу; я воротился и сказал: “Государь, у меня нет денег ни копейки”. Государь пожаловал мне 10 000 руб.» (Записки графа Е.Ф. Комаровского. С. 121).

³ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 4. С. 52.

⁴ Полевой И.А. Русские полководцы. СПб., 2006. С. 357.

⁵ РГВИА. Ф. 395. Оп. 83. 2 отд. 1828 г. Д. 41.

⁶ Николай Михайлович, вел. кн. Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. III. СПб., 1907. № 108.

19 декабря 1812 г.: «...а ты занимай деньги не печалься, я тебе выслужу»¹. «Жить не по средствам» тогда стало стилем жизни для очень многих представителей благородного сословия. Долги даже владельцев крупных имений накапливались годами, особенно в период войн до 1815 г. Щедрый и расточительный Багратион уже в 1802 г. имел казенный долг в 28 тыс. руб. и частный в 52 тыс. руб., поэтому был вынужден продать свое имение, но и это не помогло, поскольку он постоянно занимал деньги под высокие проценты и вступал в судебные разбирательства с кредиторами². Долги Н.Н. Раевского в 1807 г. составляли 46 500 руб.³ Владелец более 1,5 тыс. крепостных и доходного конного завода М.И. Платов после смерти оставил наследникам долгов на 300 тыс. руб.⁴ После смерти генерал Д.П. Неверовский оставил долгов на 20 тыс. руб., а у него помимо жены находились на иждивении три сестры-девицы; долг был оплачен из Кабинета, каждой сестре пожаловано одновременно по 2 тыс. руб.⁵ В 1813 г. генералу Б.М. Бергу было выдано для оплаты долгов 6 тыс. руб.⁶ В 1821 г. император велел выдать для выплаты долгов 38 тыс. руб. генералу И.Ф. Удому, в 1823 г. генералу А.Э. Пейкеру было пожаловано 40 тыс. руб. на оплату образовавшихся частных долгов⁷, в 1824 г. после смерти П.П. Шрейдера его вдове были выданы 10 тыс. руб. для оплаты долгов⁸. Генералу К.И. Охтенману 18 мая 1813 г. «в воздаяние ревностной службы» повелено «должных им в С.-Петербургский опекунский совет четырнадцати тысяч рублей принять за счет казны, и сверх того выдать ему девять тысяч рублей»⁹.

¹ Цит. по: *Иванов Е.И.* Генерал Петр Петрович Коновницын. Псков, 2002. С. 148.

² Подробнее см.: *Анисимов Е.* Указ. соч. С. 125.

³ См.: Архив Раевских. Т. 1. С. 54.

⁴ См.: *Тарасов Е.И.* Донской атаман Платов (1751–1818): Его жизнь и подвиги. СПб., 1902. С. 31.

⁵ РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 58. Д. 450. Л. 1–2.

⁶ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 3. С. 155.

⁷ См.: *Гайнуллин М.* Галерея остзейских героев эпохи наполеоновских войн. Tallinn, 2013. С. 239, 338.

⁸ Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Т. 4. С. 5.

⁹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 3. С. 93.

Общая сумма задолженности семьи М.И. Кутузова в 1805 г. исчислялась в 243 тыс. руб. По прошению на Высочайшее имя ему и жене были пожалованы по 50 тыс. руб. «для оплаты долгов, по службе нажитых». После смерти М.И. Кутузова Александр I в 1814 г. предписал министерству финансов оплатить его долги – были выданы жене 150 тыс. руб. и дочерям по 50 тыс. руб., всего 400 тыс. руб. (сумма равна фельдмаршальскому жалованию за 5 лет)¹. Со слов Д.В. Давыдова, в свое время А.П. Ермолову «удалось по кончине доблестного Н.Н. Раевского выхлопотать вдове его следующие милости: ей было прощено триста тысяч рублей ассигнациями казенного долга, а взнос должных покойным мужем еще нятисот тысяч рублей был разложен на весьма продолжительные сроки». Прошение на имя А.Х. Бенкендорфу о бедственном положении семьи Раевского («доходов едва хватает на уплату процентов по громадному долгу») и необходимости назначения жене пенсии мужа писал А.С. Пушкин (чтобы «донести ее голос до царского престола»), показав блестящее владение языком официальных деловых бумаг. И пенсия С.А. Раевской была назначена (12 тыс. руб. в год)².

Можно также привести пример с сыном знаменитого полководца А.В. Суворова Аркадием, который после смерти отца наследовал значительное состояние (2080 родовых душ и 7 тыс. пожалованных)³. Будучи генерал-лейтенантом, он трагически погиб при переправе через реку Рымник 13 апреля 1811 г. Все его имущества находились в усадьбе и в долгах, поэтому «в уважение заслуг покойного генералиссимуса Государь... изволил назначить указом на воспитание внучат его по 20 000 ежегодно до совершеннолетия последнего из них коему два года»⁴.

¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 46. Д. 237. Л. 3–4; *Гуляев Ю.Н., Соголаев В.Т.* Фельдмаршал Кутузов. М., 1995. С. 376. Это не считая жалования Кутузова в 86 тыс. руб., положенное после его смерти в пенсию жене (См.: *Тихонов И.С.* Документы о русских генералах // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историкография. Т. II. С. 204). Как написал его жене император: «все получаемое им жалование повелел Я производить вам» (Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щупкиным. Ч. VII. С. 404).

² *Экштит С.А.* Пять сражений генерала Раевского // Родина. 2016. № 9. С. 50. Текст прошения см.: *Галушко Т.К.* Пушкин и братья Раевские // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XIII. Л., 1989. С. 206.

³ *Карнович Е.П.* Замечательные богатства частных лиц в России. С. 281–282.

⁴ Архив князя Воронцова. Т. 23. М., 1882. С. 90.

По поводу долгов Денис Давыдов привел еще один «анекдот», связанный с генералом Н.В. Дехтеревым: «Павел, узнав однажды, что Дехтерев (впоследствии командир С.-Петербургского драгунского полка) намеревается бежать за границу, потребовал его к себе. На грозный вопрос государя: “Справедлив ли этот слух?”, – смелый и умный Дехтерев отвечал: “Правда, государь, но к несчастью, кредиторы меня не отпускают”. Этот ответ так понравился государю, что он велел выдать ему значительную сумму денег и купить дорожную коляску»¹. Но не всегда этот российский император был настолько добр, бывал и весьма крут, именно он приказал генерал-майора А.А. Игельстрому «носадить в Рижскую креность до вынлаты долга»².

С этой точки зрения достаточно анекдотическим являлось поведение и образ жизни знаменитого мота того времени генерала М.И. Милорадовича (в русской армии его называли «витязем», «Баярдом» и любили сравнивать по поведению и манере одеваться с французским маршалом И. Мюратом). Он был знаменит не только военными подвигами, но своей расточительностью – деньги, взятые в долг на несколько месяцев, не отдавались им годами. Генерал всегда жил на широкую ногу и постоянно находился на краю «финансовой пропасти». В то время трудно было найти более легкомысленного транжиру, чем он. Как вспоминал А.Я. Булгаков: «Он прожил все, что ему жаловал государь, и был вечно без денег и вечно влюблен»³. Общая сумма его долгов, по словам А.Ф. Ланжерона, оценивалась в несколько миллионов рублей⁴. В наследство он получил имение в Подольской губернии до 1,5 тыс. душ крестьян, но уже в 1815 г. 400 душ продал за долги за 88 500 руб.⁵ В 1813 г. за Кульмское сражение был награжден 50 тыс. руб. – через неделю деньги были растрочены. В 1814 г. в Париже после раздачи годового жалования он лично попросил русского монарха выдать ему жалованье и положенные по чину генерала от инфантерии столовые деньги за три года

¹ Давыдов Д. Военные записки. С. 366, 408.

² РГВИА. Ф. 395. Оп. 27/423. 1 отд. 3 ст. 1836 г. Д. 346. Л. 12.

³ Булгаков А.Я. Современные записки и воспоминания мои // Московский журнал. 2010. № 4. С. 63.

⁴ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1908. № 8. С. 175. Петербургский исследователь М. Сафонов назвал другую сумму долгов Милорадовича после его смерти, которую оплатил Николай I, – 175 888 руб. (Сафонов М. Гибель русского Баярда // Родина. 2011. № 7. С. 102).

⁵ Семевский. Граф Михаил Андреевич Милорадович (Материалы для его биографии) // Военный сборник. 1869. № 10. С. 188.

вперед. Просьбу уважили¹. Деньги же были израсходованы им, в том числе и на азартные игры, еще до выхода русских войск из французской столицы². Правда, следует сказать, что в Париже можно было тогда свободно открыть кредит, не заботясь о погашении долга. Приведем свидетельство русского офицера Н.П. Ковальского: «Офицеры, имевшие свое собственное состояние, обращались к банкирам с нростым удостоверением от корнусного командира, что они люди со средствами, и получали под векселя значительные суммы. Государь впоследствии занлатил за всех, и мы вдобавок были уволены от выговоров и замечаний... нарижская жизнь так закружила меня своими удовольствиями, что вскоре я был вынужден нродать за 9000 фр. одну верховую и двух вьючных лошадей. Лошади тогда были чрезвычайно дороги»³.

В фондах Инспекторского денартамента сохранилось много дел с просьбами генералов и их жен на Высочайшее имя о выдаче денег для погашения долгов. Так, после смерти героя Бородина генерала П.Г. Лихачева осталось долгов на 12 тыс. руб.,⁴ генерал С.Г. Гангеблов в 1826 г. нросил 45 тыс. руб. для унлаты долга имения супруги, «которое от десятилетнего неурожая хлеба не только не дает никакого дохода, но даже сами крестьяне требуют всномоществования»⁵. Вдова генерала И.П. Росси в 1815 г. после его смерти онисывала плачевное состояние имения, обремененного долгами до 13 тыс. руб.⁶ Вдова генерала И.Е. Баумгартена после его смерти в 1846 г. нросила онлатить долги мужа в размере 2 тыс. руб. серебром⁷. В 1839 г. жене умершего генерала М.К. Крыжановского был ножалован нолный ненсион мужа в 8 тыс. руб. и сверх того 50 тыс. руб. для онлаты его долгов⁸.

По всех «неренлюнул» генерал-лейтенант Ф.И. Талызин. После окончания военных действий он с головой нонал в «долговую каба-

¹ Указ от 20 мая 1814 г. гласил: «Генералу от инфантерии графу Милорадовичу повелеваю выдать вперед за три года следуемое по чинну жалование» (Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 4. С. 36).

² Анекдоты, черты из жизни графа Милорадовича. Киев, 1881. С. 74–75.

³ Из записок генерал-майора Н.П. Ковальского // Русский вестник. 1871. № 1. С. 115.

⁴ РГВИА. Ф. 395. Оп. 6/312. 1 отд. 1 стол. 1817 г. Д. 135.

⁵ РГВИА. Ф. 395. Оп. 81. 1826 г. 2 отд. Д. 588.

⁶ РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 89. Д. 299.

⁷ РГВИА. Ф. 395. Оп. 152. 3 отд. 1846 г. Д. 503.

⁸ РГВИА. Ф. 395. Оп. 152. 3 отд. 1846 г. Д. 397. Л. 4.

лу», откуда никак не мог выбраться. С 1816 по 1821 г. половина его жалования (2779 руб. в год) и столовых денег (6 тыс. руб.) уходила на удовлетворение нарижских банкиров и кредиторов, до 1827 г. с него удерживали комиссию. С 1822 г. Орловское губернское правление лишило его управления имением, с 1823 г. доходы от ноложенной ему аренды нолностью забирала Курская казенная налата. В то же время ему единовременнo выдавались с 1820 г. от 10 тыс руб. и три раза по 6 тыс. руб. Но долги никак не уменьшались. В 1826 г., нолучив назначение состоять по армии, Талызин с должности начальника 11-й пехотной дивизии без отчета и «не сдав оной», покинул ее. Открывшееся следствие обнаружило, что он оставил у себя казенные деньги и средства нижних чинов (19 964 руб.) и задолженности чиновникам (12 950 руб.). Генерал-лейтенант даже не отдал долг, взятый у унтер-офицера С. Фландра (750 руб.). Подсудное дело разбиралось два года, общая сумма начетов составила около 500 тыс. руб.¹ Сентенция военного суда, зафиксированная Высочайшим нриказом от 18 декабря 1828 г., звучала следующим образом: «...за обнаруженные по суду многие злоупотребления его подлежал бы по закону строжайшей ответственности, но единственно во уважение отличий, оказанных им в прежних походах и сражениях, отставляется от службы с тем чтоб впредь никуда не определять»².

Материальное положение генералов очень хорошо можно нредставить по личному фонду генерала П.П. Коновницына. Основные средства для жизни ностунали Коновницыным не от их имений, а от жалования главы семейства. Его носледняя должность – начальник военно-учебных заведений, где он нолучал 27,4 тыс. руб. в год. В течение службы имел денежные награды и ноддержку от казны в виде комненсации его долгов. Так, 23 февраля 1807 г. Александр I издал указ, по которому новелевал: «По займам, сделанным генерал-майором, командующим ныне земским войском С.-Петербургской губернии, Государственного Заемного Банка из 25-летней Экспедиции, в 1798 году Декабря 14-го дня 21800 рублей и на 8 лет в 1801-м году июня 12-го дня 1000 рублей, да женою его в том же году февраля 22-го числа, 42 000 рублей, новелеваю Кабинету нлатить впредь до указа помянутому Банку на основании правил сего по 1-му займу из 25-летней Экспедиции и, как канитал, так и нроценты; а по 2-му и 3-му займам на 8 лет одни только нроценты, и сверх того внести в сей

¹ РГВИА. Ф. 14414. Оп. 1. Д. 190; Ф. 395. Оп 16/374. 1 отд. 1827 г. Д. 2; Оп. 140/ 413. 3 отд. 1834 г. Д. 596.

² РГВИА. Ф. 395. Оп. 17/378. 1 отд. 1828 г. Д. 42.

же банк и те проценты, которые следовали к оплате с 42 000 рублей 22-го числа сего февраля»¹.

Материальная помощь оказывалась Коновницину и его семье не раз и в дальнейшем. Так, после тяжелейшего ранения в 1813 г. при Лютцене Коновницын получил 25 тыс. руб. в награду «за отличную храбрость» и 300 червонцев «на лечение»². 16 октября 1815 г. Александр I послал министру финансов Д.А. Гурьеву рескрипт, в котором предписывал: «В награду долговременной усердной службы и во уважение недостаточного состояния генерал-лейтенанта Коновницына, принимаю НА СЕБЯ долг его с женою Государственному казначейству в 43 000 рублей»³. Перед смертью генерала ему было выделено еще 90 тыс. руб., а затем семье была выделена поддержка. Жена получила пенсия в размере 6 тыс. руб., помощь в размере 25 тыс. руб., продолжение аренды, полученной Коновницыным в 1819 г.⁴

Приведем также цитату из текста Дениса Давыдова о генерале Я.П. Кульнева: «Кульнев обращал самую службу свою на вспомоществование своим родственникам. Получа однажды известие о крайности, в коей находилась его мать и видя необходимость послать ей пять тысяч рублей, он после Куортанской победы, в которой особенно отличился, просил графа Каменского заменить эту сумму генерал-майорский чин, назначенный ему в представлении об отличившихся. Граф согласился. Сумма была прислана Кульневу и немедленно отослана им бедной и обожаемой им старушке»⁵.

Среди основной массы генералов, потомственных дворян, можно выделить два класса – владельцев целых латифундий (свыше 1 тыс. крепостных) и беспоместных и малопоместных дворян. Как пример, приведем наследника магнатского поместья польского графа Станислава Феликса Потоцкого, владевшего в начале XIX в. 312 городками и населенными пунктами на Украине (только в Уманском уезде Киевской губернии ему принадлежали 30 952 души мужского

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 397. Оп. 1. Д. 2. Л. 9–10.

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 3. С. 89.

³ Там же. Л. 14–14 об.

⁴ См.: *Иванов Е.П.* Генерал Петр Петрович Коновницын. С. 28.

⁵ *Давыдов Д.* Военные записки. С. 143. См. также: *Тихонов И.С.* Письма героев Отечественной войны 1812 г. // Эпоха 1812 года: Исследование. Источники. Историография. Т. IV. М., 2005. С. 122–123.

нола)¹. После его смерти в 1805 г. его владения (ок. 130 тыс. ревизских душ), правда, отягощенные фантастическими долгами (16 млн золотых) были разделены между наследниками. Одним из четырех сыновей от первого брака был генерал С.С. Потоцкий. Второй женой (также получившей значительную долю наследства) являлась София Потоцкая (в первом браке де Витт). После ее смерти в 1822 г. часть ее наследства получил сын от первого брака генерал И.И. де Витт и две дочери (София, замужем за генералом П.Д. Киселевым; Ольга, замужем за генералом Л.А. Нарышкиным)².

Также можно отметить нотомков родов, «нонавших в случай» в XVIII в. К примеру, типичный российский «Монморанси», независимый, благодаря огромному состоянию, доходившему до 15 тыс. крепостных, граф М.А. Дмитриев-Мамонов, 22 лет от роду, без всякого военного и боевого опыта, получил генерал-майорский чин за формирование за свой счет в 1812 г. конного полка. И во главе его, в лучших традициях помещичьего служения стародавних донетровских времен, отправился в поход. Другой, не менее знаменитый русский «Крез», М.С. Воронцов, наследник состояния из 24 тыс. душ, в 1814 г. при выходе его корпуса из Франции мог себе позволить оплатить по счетам все частные долги своих подчиненных – 1 млн. франков (или 1,5 млн руб. ассигнациями)³. Примеры такого рода можно продолжить и далее.

Другим латифундистом, владения которого были разбросаны по четырем губерниям, можно назвать полного генерала С.М. Каменского, после убийства крепостными его отца и скоропостижной кончины младшего брата, ставшего владельцем около 6 тыс. душ. Он пытался играть роль просвещенного магната, но все же был крепостником. Все огромное состояние ушло на собственный крепостной театр, где царили очень жестокие нравы. Он прожил жизнь и к концу стал нуждаться, поэтому обратился в Военное министерство с просьбой дать пенсию («калеке, инвалиду, без ног почти, драбанту на ратном поле»). Но генерал имел плохую репутацию, поэтому военный министр А.И. Чернышев в ответе написал, что не ре-

¹ Социальная трансформация и межнациональные отношения на Правобережной Украине 19 – начало 20 в. М., 2005. С. 15.

² Там же. С. 21–24. Раздел имения произошел в 1823 г. (См.: Тульчинский штаб при двух генералах: Письма П.Д. Киселева А.Я. Рудзевичу 1817–1823. С. 95, 129).

³ Старина и новизна. 1902. Кн. 5. С. 125; Из рассказов старого лейб-гусара // Русский архив. 1887. № 10. С. 196; *Экзитус* С.А. В поиске исторической альтернативы. С. 140.

шился представить его просьбу государю, так как «пенсии испрашиваются при самом увольнении от службы, Ваше же сиятельство о назначении Вам пенсии просить тогда не соизволили»¹. В данном случае можно заметить, что не случайно на офицеров и генералов при увольнении от службы составлялся реверс, в котором было сказано: «...по отставке моей кроме заслуженного мною положенного пенсии, более о казенном пропитании просить не буду в чем подписуюсь»².

Другой примечательной личностью эпохи был граф П.А. Строганов, сын одного из первых вельмож века Екатерины II. В 1811 г. после смерти отца, оставившего после своей широкой барской жизни громадное состояние в совершенно расстроенном виде, его сын выпущен был для формального функционирования имений прибегнуть к ссуде в 5 млн руб. в Государственном заемном банке. За несколько месяцев до смерти сам он составил майоратный акт, по которому все его имущество в пяти уездах Пермской губернии, всего 45 875 душ мужского пола, а также в Нижегородской и Петербургской губерниях (119 душ), во избежание дробления вошли в общий состав под именем нераздельного имения. По этому акту во владение вступала его жена Софья Владимировна (урожденная Голицына)³.

Примерно так же можно описать и имения графа П.А. Шувалова, про которого говорили «богат до чрезвычайности». Будучи владельцем майората Парголово (520 душ мужского пола), он в 1816 г. женился на последней сторогановских заводов на Урале (Лысьвенский, Бисерный, Югокамский и др.), годовой доход от которых оценивался в 800 тыс. руб. (Но в последствие жена вступила уже по смерти мужа в 1823 г.) Правда, его имение в Парголово уже в 1820 г. готовилось к продаже за долги, по ему по указу Александра I была дана ссуда в 350 тыс. руб. Другим очень состоятельным человеком был А.Д. Балашев, владелец около тысячи крепостных, женатый вторым браком на Елене Петровне Бекетовой, которая припесла ему в виде приданого колоссальное состояние – 260 600 дес. земли в Симско-Маньярском горнозаводском округе Уфимской губернии и 19 тыс. крепостных крестьян⁴.

¹ Николай Михайлович, вел. кн. Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. IV. СПб., 1908. № 95, 96.

² РГВИА. Ф. 29. Оп. 153г. Св. 98. Д. 850. Л. 5.

³ См.: Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов. Историческое исследование эпохи Александра I. Т. 1. СПб., 1903. С. 185, 222–224. См. также: Архив князя Воронцова. Т. 23. С. 75.

⁴ Экиштут С. Кавалерственная дама // Родина. 2014. № 12. С. 133–134.

Особое место среди гепералитета занимали выходцы из Войска Донского. Весь XVIII в. на Дону происходил активный, песакпцио-пированный верховной властью процесс захвата донской старшиной свободных войсковых земель и их заселение пришлыми «малороссиянами»¹. Казачья верхушка основывала свои хутора и слободы, для хозяйственного освоения привлекала многочисленных выходцев из Украины (где существовали схожие хозяйственные порядки), хорошо знакомых с условиями степного земледелия. Первоначально повопришлые отдавали хозяевам земли лишь определенную часть урожая, но затем оказались приписанными государством по месту проживания (попали в частичную зависимость и перешли в разряд приписных крестьян). Старшины же, как реальные владельцы в прошлом пезапятых земельных участков, очень скоро по отпощению к работавшим на них «ипогородних» стали выступать в роли помещиков. Фактически же на Дону возникло крепостное право, правда, в более мягких формах, чем в в Европейской России. Это явление происходило бесконтрольно, при отсутствии юридического оформления складывавшихся отпощений, чему препятствовало законодательство империи: по правовым пормам того времени владеть «крещеной собственностью» могли только дворяне. В данном случае экономическая целесообразность полностью совпадала со служебными интересами повойспеченных донских землевладельцев-помещиков, падеявших через включение своих должпостей в иерархическую структуру Табели о рангах получить дворянство и тем самым узаконить наличие своих крепостных или, как тогда писали в формулярах донских офицеров, «подданных-малороссиян». К концу XVIII в. при потворстве атаманской власти из 14 млн дес. Войска Донского в фактическом владении старшин оказалось 4,5 млн дес. лучших земель, к ним были прикреплены 50 тыс. «подданных-малороссиян»². Именно такими выходцами из Украины или их потомками и владели на Дону все без исключения казачьи гепералы. В данном случае можно процитировать выдержку из материалов 1828 г. комиссии по устройству Войска Донского, в которой анализировался процесс захвата земли в XVIII в.: «Потомки Атаманов, членов Канцелярии, полковых коман-

¹ По 5-й ревизии в 1795 г. на Дону числились 38 492 малороссиянина, проживавшие на землях казачьей старшины (Столетие военного министерства. Т. XI. Ч. IV. СПб., 1911. С. 32).

² См.: *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. С. 176. А.Л. Де-Романо в начале XIX в. писал о 70 тыс. крестьян на Дону, которые были «распределены между собой ограниченным числом казачьих старшин, людей, умевших пользоваться обстоятельствами» (*Де-Романо А.Л.* Черкасск и Войско Донское в 1812 г. Новочеркасск, 1898. С. 20).

диров и теперь обладают важнейшими на Дону имуществами как по количеству крестьян, так по обширности и выгодам захваченных земель. Число сих изобилующих владельцев, в отношении к общему числу Донских чиповпиков весьма малозначущее; главнейшая же часть их или владеют небольшими поселениями, или вовсе таковых не имеют»¹.

Отметим еще одну отличительную черту материальной жизни донских генералов. Еще в стародавние времена, когда походы «за зипупами и ясырем» являлись одним из важнейших источников существования воинственных жителей Тихого Дона, у казаков вся военная добыча называлась особым общим термином – «дуван». Причем все добытое в бою считалось коллективной собственностью всех участников похода. Захваченное добро складывалось в общий котел и передавалось на хранение в походную военную казну. Лишь по окончании похода казаки собирались вместе «дуван дуванить» – производить дележ. Доля каждого зависела от отличия и степени личного участия в боях, а также учитывалось пребывание на выборной должности во время похода. Часть добычи жертвовалась в монастыри и церкви (в частности, на помин души усопших), туда же отдавались для переплавки на колокола разбитые трофейные пушки. Существовало и негласное правило: «Без атамана дуван не дуванят». Именно он предлагал принципы и правила дележа и выделял особо отличившихся на поле боя. Естественно, пай самого предводителя был в несколько раз больше доли рядовых казаков.

Эти уходящие корни в седую старину почти былые правила просуществовали в практике нерегулярных соединений довольно долго. Официально их отменили лишь во времена правления Николая I, но сам «дуваный» дух среди казачества вряд ли можно было искоренить в одночасье. К 1812 г. «дуванские» традиции уже изменились из-за возросшей численности и усложнения военной структуры. Все пропорции дележа захваченной добычи выяснить трудно за неимением в распоряжении исследователей надежных источников, но доказательств, что такая система функционировала, достаточно. Поскольку этот процесс не фиксировался, происходил внутри Войска скрытно от любопытных глаз и регламентировался неписаными нормами казачьего обычного права, то остались лишь глухие упоминания о живучести законов «дувана».

Сохранились на этот счет многие свидетельства современников, правда, они, исходя из общепринятых представлений, квалифицировали действия казаков, как грабеж. Весьма примечательны в этом

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 230. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–3.

отпопешии мемуары графа А.Ф. Ланжерона, в которых он описывал поведение в Молдавии казачьих полков в 1809 г.: «...ради грабежа наши легкие войска уменьшались почти наполовину. Каждый пачальник посылал от своего полка целые отряды на Дон с паграблеппым добром» Таким путем, по его непосредственным наблюдениям, многие казачьи командиры «приобрели себе огромные состояния»¹. Можно также привести характеристику, составленную до войны 1812 г. французским разведчиком де Лопгрю, казачьего генерала П.М. Грекова: «Человек очень храбрый, очень предприимчивый, руководит обыкновенно опасными экспедициями авангарда... Грабитель»². Аналогичные мнения позже нашли подтверждение и в характеристиках из мемуаров А.Ф. Ланжерона таких казачьих командиров, как И.К. Краснов и М.Г. Власов, действовавших тогда на Балканах³. Подобная «громкая» слава о казачьих командирах в то время очень быстро докатилась до берегов Сепы. Не случайно, даже Наполеон спрашивал в 1810 г. у полковника А.И. Чернышева: «Много ли грабили в Турции наши генералы?» Получив естественно отрицательный ответ русского офицера, французский император заявил, что он не отваживался бы отвечать «за пачальников нашего авангарда и за наших полковников-казаков»⁴.

По свидетельству участника войны 1812 г. А.А. Шаховского, казаки «довольно пажились и чужим, и Русским добром, которого лучше таможенной стражи не пропускали за границу, и почти все, что захватили неприятели в Москве, отправилось на Дон»⁵. Среди многочисленных воспоминаний об эпохе 1812 г. так же можно найти многие упоминания о казачьих грабежах. А.И. Михайловский-Данилевский даже попытался уточнить некоторые детали: «...меня уверяли достоверные люди, что Платов посылал на свой счет грабить деревни и села и отправлял на Дон несколько обозов с похищенными таким образом вещами»⁶.

¹ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1908. № 6. С. 683.

² Симанский П. Перед войной 1812 года. СПб., 1906. С. 19.

³ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1907. № 6. С. 598, 601.

⁴ Шильдер Н. Светлейший князь Александр Иванович Чернышев // Военный сборник. 1902. № 2. С. 38.

⁵ Двенадцатый год: Воспоминания князя А.А. Шаховского // Русский архив. 1886. № 11. С. 378–379.

⁶ Записки А.И. Михайловского-Данилевского: 1812 год // Исторический вестник. 1890. № 10. С. 154.

По мнению многих современников сама служба во время походов создавала условия для обогащения казачьих военачальников. В 1812 г. казаки официально получали, находясь в походе (по удалению на 100 верст от Дона), жалованье и фуражное довольствие, но на практике эти деньги нередко присваивались полковыми командирами (командирами полков своего имени было большинство казачьих генералов). Кроме того, при отсутствии снабжения казаки были предоставлены сами себе и, заботясь о пропитании, недостаток в продуктах и фураже восполняли прямыми поборами с населения. Среди казаков бытовал и пегласный обычай, согласно которому в военных условиях допустимо любое поведение. Не случайно Платов, хорошо зная характер своих подчиненных, в предписаниях о движении ополченческих донских полков особо выделял пункт о категорическом запрете обижать жителей на пути следования. Особенности нерегулярных войск хорошо представлял себе и Кутузов. Так, в связи с переносом военных действий за границу, он писал атаману: «По вступлении в край Прусский прошу Ваше сиятельство предписать под опасением строжайшего взыскания всем в команде вашей находящимся казакам отпущь не грабить и вообще никаких не причинять обид, ибо в противном случае сие не только сообразно будет с видами моими, но и совершенно противно воле государя императора»¹.

В практике 1812 г. трудно было определить случаи мародерства, особенно на последнем этапе кампании, когда в руки казаков попал колоссальный обоз наполеоновской армии (примерно 10–15 тыс. повозок) с награбленным в Москве имуществом. Стало практически невозможно отличать отбитые у противника вещи от награбленных. К чести нерегулярных военачальников надо отметить, что они не допускали ни малейшего отягощения захваченным имуществом даже выучных лошадей и строго за этим следили (иногда отдавали приказ сжечь добычу). Казаки оставляли у себя лишь деньги и часы, все остальное быстро старались продать маркитапам или местным жителям. В период остановок или сразу после боя у мест стоянки войск стихийно возникали рынки, где казаки играли являлись продавцами.

В источниках встречаются прямые свидетельства, что при разделе добычи действовали «душащие» правила. Так, полк М.Г. Власова отбил у противника в 1812 г. золота из казны Великой армии на 2,5 млн руб., и все современники высказывали уверенность в том, что полковой командир получил значительный капитал². В источниках

¹ Донские казаки в 1812 году. Ростов-на-Дону, 1954. С. 264–265.

² См.: Пузанов В.В. История 5-го Донского войскового атамана Власова полка. С. 52.

немало упоминает о захвате казачьими полками церковного имущества (например, полками генералов Д.Е. Кутейникова, В.В. Орлова-Денисова и др.). Именно церковная утварь привлекала в первую очередь внимание казачьих военачальников. Очень интересный эпизод о таком увлечении генерал-майора И.Д. Иловайского рассказывал в своих записках С.Г. Волконский: «Иван Дмитриевич Иловайский с почтительным вниманием рассматривал отбиваемые обозы у французов, которые без исключения препровождались к нему на личный осмотр... Все вошло в личное его обозрение, и как церковная утварь и образа в ризах были главною добычею, увозимой французами, то на них более обращал внимание Иловайский и делил все это на два отдела: что побогаче, в один, что победнее, в другой. Эта сортировка Бенкендорфу и мне показалась странным действием, и Александр Христофорович спросил его: “Зачем это делаешь? Ведь все это следует отдать духовному пачальству как вещи, ограбленные из церквей московских и следующие обратно в опье”. Но на это Иловайский отвечал: “Нельзя, батюшка, я дал обет, что все, что побогаче, если бог сподобит меня к запятию от вражеских рук Москвы, все цепное, доставшиеся моим казакам, отправлять в храм божий на Дон, а данный завет надо свято исполнить, чтоб не разгневать бога”. Пошло ли все это в церкви на Дон или в кладовые Иловайского, мне неизвестно, но что верно, что эти убеждения Бенкендорфа, эти мои увещания не отклонили Иловайского в принятом им распорядительном решении»¹.

Укажем, что не только казачьи командиры имели возможность обогатиться во время отступления французов от Москвы. Лапжероп дал весьма пелестную характеристику действиям в 1812 г. авангардного генерала С.Н. Лапского: «Он обесчестил многих благородных женщин, грабил кассы, уводил лошадей, убивал путешественников и совершал всякого рода преступления»². Д.В. Давыдов, например, упоминает «превосходного аванпостного пачальника» генерал-майора А.А. Юрковского, «подобно многим захватившего богатую добычу под Красным», а затем «приберегшего всю добычу для себя». Правда, затем, «пустив в последствии свой капитал в оборот, он совершенно его лишился в следствие неблагоприятных коммерческих операций»³. Весьма интересно, что А.Ф. Лапжероп в своих мемуарах среди грабителей наполеоновских запасов в Минске в 1812 г. упоминает не только генерала С.А. Тучкова, но и жену генерала

¹ Волконский С.Г. Указ. соч. С. 224.

² Из записок графа Ланжерона // Русский архив. 1895. № 10. С. 160.

³ Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Ч. 2. С. 103–104.

К.О. Ламберта Юлию Михайлову (урожденную Дееву), дочь полковника, давая ей весьма не лестную характеристику: «Жена генерала Ламберта, к несчастью для своего достойного мужа никогда его не покидавшая, была также заподозрена в хищениях и грабежах, что для нее не было новизною. Эта женщина по своему рождению, воспитанию, праву, жестокости к своим людям и даже по своей внешности являлась позорным пятном для человечества и бичом всего ее окружавшего»¹. Заметим, что в 1814 г. уже после окончания военных действий поручик И.Т. Раджицкий, направленный на рекогносцировку в Белоруссию, встретил там польского князя М***, а тот «признался, что жена графа Л***, после атаки ее мужа на саксонцев под Кобрином, атаковала дом его, со свитой своих амазонок, столь решительно, что заставила его бежать, и шесть дней скитаться без приюта, почти без пищи; а потому он не может с тех пор смотреть на военных без содрогания»². Автор сделал достаточно прозрачный намек на человека, который скрывался под инициалами Л***, что только подкрепляет мнение Ланжерона.

Фигуры армейских генералов были интересны и тем, что, командуя войсками соединениями, они имели доступ к крупным суммам денег. Особенно в военное время они обладали практически неограниченными полномочиями по распоряжению финансовыми ресурсами и становились фактически неподотчетными лицами. Правда, оговоримся, что в армии еще со времен Петра Великого существовал так называемый внутренний офицерский контроль за финансами полкового начальства, но его эффективность находилась на очень низком уровне. Во всяком случае, при смене шефов или командиров полков претезии к уходящим из полка были обычным делом, о чем свидетельствуют многочисленные документы аудиторского департамента Военного министерства. Растраты начальниками полковых денег показывались разжалованьем в солдаты с лишением дворянства. Но часто генералы не делали особых различий между собственными и полковыми средствами, нередко пускали их в оборот или вкладывали в рискованные или сомнительные финансовые операции, когда «расход» оказывался на несколько порядков выше «прихода». Ревизии же сводились исключительно к арифметической проверке счетов и отчетов, подготовленных самими контролируемыми лицами. На практике было трудно выявить, насколько генералы обогащались в результате подобных финансовых схем, хотя были и богатые

¹ Из записок графа Ланжерона // Русский архив. 1895. № 10. С. 151.

² Походные записки артиллериста. С 1812 по 1816 год артиллерии подполковника И... Р... Ч. 3. М., 1835. С. 330–331.

воепачальники, которые для достижения карьерных целей, паоборот, вкладывали собственные средства для поддержания полка.

Для большинства дворян, посивших военную форму, в том числе и генералов, жалование являлось основным источником дохода. Особенно это было характерно для остзейцев, потомков служивых помещиков, ипострапцев и выходцев из других сословий. По мнению специалиста по остзейцам М.Ю. Катипа-Ярцева: «В отличие от России, в Прибалтике не было очень богатых или очень бедных дворян»¹. Даже для представителей русского помещицкого дворянства денежные поступления от доходов с имения не были стабильными и строго регламентированными. Офицеры же вели образ жизни, рассчитанный на значительные траты. Карьерный рост (и следовательно, возросшие доходы) требовал соответствующих новому положению расходов. Поэтому даже в переписке генералов очень часто встречаются просьбы о пересылке денег и передаче денежных сумм записавшим. Постоянные долги стали обыденным явлением офицерской жизни, также никого не смущали астрономические суммы должников. Тем более что в случае смерти отдача долгов ставилась не обязательным делом.

Коснемся главного зла тогдашней действительности – паличия крепостного права. В работах Л.В. Милова крепостничество оценивается «как исторически закономерная форма проявления собственности феодальных отношений»². Это верно для географических условий возникновения этого явления, но в тот период времени это был уже явный пережиток прошлого, с которым добровольно дворянство расставаться не хотело, ища аргументы для оправдания его существования. Хотя все здравомыслящие люди тогда хорошо понимали необходимость перемен в социальной сфере. Именно крепостное право рождало двойственность сознания каждого дворянина, владевшего крестьянами, и создавало предпосылки к злоупотреблениям, а порой к откровенным преступлениям. Притом что император являлся сторонником отмены крепостнических отношений, но он понимал всю трудность осуществления такого дела, поэтому не решился делать шаги в этом направлении. Это в конечном итоге дало импульс для зарождения общественного движения, которое сегодня мы называем декабристским. Многие генералы, укажем справедливости ради, занимая высокие административные посты и следуя в русле либеральной политики Александра I, не раз высказывались за полную или ча-

¹ Катип-Ярцев М.Ю. Балтийско-немецкое дворянство на российской службе. Конец XVIII – начало XX в. С. 23.

² Миров Л.В. Общее и особенное русского феодализма (Постановка проблемы) // История СССР. 1989. № 2. С. 62.

стичную отмену крепостного права. Помимо лиц из декабристского круга можно назвать (хотя это будет далеко не полный список) следующие фамилии: П.С. Строганов, Е.Ф. Канкрин, Н.Г. Репнин, И.В. Васильчиков, Ф.О. Паулуччи и др.¹ Также по поручению императора составлялись проекты освобождения крестьян, их авторами становились такие видные сановники, как П.Д. Киселев², М.С. Воронцов, М.А. Милорадович и уже совсем неожиданно – А.А. Аракчеев³.

Многие же генералы оказывались «деспотическими вельможами», усадебными самодурами и русскими «барами» в худшем понимании этого слова, являлись яркими крепостниками. Хотя это были люди, проявившие на полях сражений подлинный героизм, по в мирной жизни они оказывались зараженными бациллами крепостничества, на практике подражали и демонстрировали тип феодального владельца средних веков. Например, знаменитый партизан и герой 1812 г. А.Н. Сеславин. Он даже составил трактат в защиту крепостного права, а выйдя в отставку, завел в своем тверском имении более жесткие порядки, чем в военных поселениях. Это привело к массовым побегам крестьян, в ответ следовали суровые наказания. О своих крестьянах он отзывался следующим образом: «...это злейшие неприятели, печали те, которых я карал на русской земле в знаменательную эпоху 1812 года»⁴. Граф Ф.П. Толстой, перечисляя положительные качества героя Кульма А.И. Остермана-Толстого, отмечал, что тот был «при этом неизмеримо жестокий с своими крепостными людьми»⁵.

¹ Подробнее см. вторую главу в кн.: *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. М., 1989. С.61–147. Также см. главу 5 в кн.: *Он же.* Александр I и декабристы. Россия в первой четверти XIX века: Выбор пути. М., 2017. С. 150–188.

² В 1816 г. он предоставил Александру I записку «О постепенном уничтожении рабства в России» (*Заблочкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 4. СПб., 1882. С. 197–199).

³ См.: *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. С. 438; *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. С. 347–348.

⁴ *Константинов Л.Н., Подушков Д.Л., Ступкин Е.И.* Вышневолоцкий уезд Тверской губернии в Отечественную войну 1812 года. Вышний Волочок, 2012. С. 278. Цит. по: *Федоров В.А.* Рец. на кн.: *Экштут С.А.* В поиске исторической альтернативы. Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М., 1994 // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 170.

⁵ Записки графа Ф.П. Толстого, товарища президента императорской Академии художеств // Русская старина. 1873. № 1. С. 40.

В то же время, справедливости ради, отметим, что Ф.В. Ростопчин после оставления Москвы демонстративно сжег свою подмосковную усадьбу Воропово (барский дом со всей обстановкой) в присутствии многих лиц, упомынувших этот акт в своих письмах и мемуарах¹. Бывший при этом акте Р. Вильсон, оценил потерю имущества в более 100 тыс. фунтов стерлингов, также он писал, что к Ростопчину пришли 1700 его крестьян с просьбой покинуть свои дома и отправиться в имения графа внутри России². Но англичанин на основе показной, театрализованной сцены организованного пожара парисовал слишком идиллическую картину, отношения крестьян со своим хозяином были не так идеальны, о чем свидетельствуют поздние исследования³. В 1817 г. его крестьяне в имении Орловской губернии взбунтовались и убили управляющего стеклянным заводом⁴. Ростопчин еще в 1806 г. призывал в письме к Александру I выслать всех ипострапцев (как «сопмиче ухищренных злодеев, коих пагубное влияние губит умы и души несмыслящих поддапных ваших»... «исцилите Россию от заразы»), поскольку «толк о мнимой вольности подымет парод на приобретение оной истреблением дворянства, что есть, во всех бунтах и возмущениях единая цель черпи...»⁵. Кроме того, Ростопчин как один из главных идеологов консерватизма в 1811 г. послал Александру I через А.Д. Балашева свои критические возражения на книгу В. Стройковского, который предлагал дать крестьянам личную свободу при сохранении собственности помещиков на землю. Аргументация его критики была полностью выдержана в духе консервативной публицистики, оправдывавшей владение «крепостной собственностью» – мифологии о «добром барине, патриархальном отце своих крепостных, с прибавлением тезиса о лености, пьянстве крестьян и предсказанием, что правительство «озаботится надолго с восстановлением порядка в 10 000 000 упоенных и разпутанных вольностью людей, коих управление в нынешнем положении ни малейшего труда не стоит, быв в совершенно на попечении и ответственности помещиков»⁶.

¹ Нарышкина Н. 1812 год, граф Ростопчин и его время. С. 197–198; Минаков А.Ю. Указ. соч. С. 201.

² Вильсон Р.Т. Дневник и письма 1812–1813. С. 65, 151–152, 155.

³ Шницлер И. Ростопчин и Кутузов: Россия в 1812 гг. СПб., 1912. С. 216–218.

⁴ Письма графа Ф.В. Ростопчина к А.Ф. Брокеру из Петербурга и из чужих краев. 1815–1819 // Русский архив. 1868. № 12. Стлб. 1906.

⁵ Письма графа Ф.В. Ростопчина императору Александру Павловичу // Русский архив. 1892. № 8. С. 419–420.

⁶ Замечания графа Ф.В. Ростопчина на книгу г-на Стройковского // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1860. Т. 2. С. 203–217.

Примерно такую же позицию занимал и А.С. Шишков, подготовивший в 1814 г. проект манифеста о победе над Наполеоном, который затем был подписан на подпись Александру I. В тексте содержался развернутый и полный набор доводов (обычаев и традиций), оправдывавший существование крепостного права, «на обоюдной пользе оспованного» помещиков и крестьян, а последние «яко усердные домогачи, исполнением сыновних обязанностей и долга приведут себя в то счастливое состояние, в коем процветают добродетельные и благополучные семейства»¹. Но император крайне резко отреагировал на эту благостно парисованную картину и отказался подписывать манифест. «Я не могу подписать того, что противно моей совести и с чем я никак не согласен», – заявил он истинному автору. Шишков для себя сделал вывод о «несчастном предубеждении» императора «против крепостного в России права, против дворянства и против всего прежнего устройства и порядка»². В дальнейшем, будучи министром и членом Государственного совета, он в 1820 г. резко выступил против проекта Н.И. Тургенева о запрете продажи крестьян подпочке и без земли³.

Как считал правовед В.Н. Латкин, в России тогда у дворян, имеющих много прав, были всего лишь две зафиксированные законом обязанности: 1) содержать крестьян во время неурожая под страхом наказания штрафом, 2) не мучать и не разорять их под страхом учреждения над имением опеки⁴. Многие генералы-дворяне пользовались только правами, полностью забывая об обязанностях. За крутой нрав и жестокое обращение со своими крепостными генерал А.А. Ласкин был осужден С.-Петербургской уголовной палатой в 1824 г. и приговорен к преданию церковному покаянию, его имение отдало в опеку, а ему было воспрещено пребывание в столицах и содержание при себе для услужения дворовых людей⁵. Но уже в 1827 г. он был прощен по случаю рождения великого князя Константина Николаевича⁶. В итоге в период разбирательства дела генерал вместе с женой провел под стражей 21 месяц. Сохранились показания его дворовых, в которых вскрывались факты систематического избиения и

¹ Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. С. 171.

² Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шихова. Т. 1. С. 308.

³ Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шихова. Т. 2. С. 121–127.

⁴ См.: *Латкин В.Н.* Учебник русского права периода империи (XVIII и XIX вв.). М., 2004. С. 199.

⁵ РГВИА. Ф. 395. Оп. 15/370. 1 отд. 1826 г. Д. 14. Л. 4.

⁶ Там же. Оп. 16/377. 1 отд. 1827 г. Д. 24.

издевательства, было установлено, что до смерти были забиты два человека¹. Попесепное наказание за такие преступления оказалось более чем мягким. Но именно из-за этого фамилия генерала была прочно забыта в истории 1812 года, хотя документы подтверждают мнение, что он был отчаянный храбрец и действовал в период наполеоновских войн бесстрашно.

Но, самую большую известность в этом смысле получил генерал Л.Д. Измайлов, командовавший в 1812 г. Рязанским ополчением. Он давно (с 1801 г.) попал на заметку и под падзор властей из-за своего своевольного и жестокого характера, от проделок и бесчипств которого страдали не только его крепостные и дворовые (свыше 500 чел. обоих полов), но и мелкие местные чиповники и даже соседи-дворяне. Он наследовал имения своего дяди М.Л. Измайлова, которые тот успел получить еще от императора Петра III². Благодаря богатству и связям дело деспотичного дворянина замяли. Причип никто не смущали его «шутки», и с 1802 по 1815 г. он занимал должность предводителя рязанского дворянства и проявил себя талантливим организатором ополчения в 1812 г., потратив до 1 млн руб. своих личпых средств. Но лишь в 1827 г. в отпощении его было начато следствие, после чего вскрылись ужасающие подробности об издевательствах его над дворовыми людьми (105 чел.) и устроипной им исправительной системе в усадьбе Хитровщина. За малейшие проступки следовали телесные наказания и содержание в собственпой домашней тюрьме в рогатках и цепях. Выявился и факт пахождения в личном гареме до 30 крепостных крестьянок, которыми «пользовался» хозяин, а также его гости. Причип он запретил всем своим дворовым жепиться, так же как и посещать церковь, поскольку на исповеди дворовые могли поведать о его безобразиях, а жалоба священника на церковным ипстанциям, в отличие от петиций крестьян и даже дворян, могла для него плохо кончиться. В 1830 г. его имение было взято под опеку, сам генерал выслан и подвергнут церковному покапнию. В то же время фигура этого самодура-помещика послужила прототином литературных героев повести А.С. Пушкина «Дубровский» (помещик К.И. Троекуров) и повести Мельникова-Печерского «Старые годы»³.

¹ Там же. Ф. 396. Оп. 9/335. 1 отд. 1820 г. Д. 6.

² Карнович Е.И. Замечательные богатства частных лиц в России. С. 217.

³ Пупарев А.Г. Лев Измайлов // Русская старина. 1872. Т. 6. Стлб. 649–664; Славутинский С.Т. Генерал Измайлов и его дворня // Древняя и новая Россия. 1876. № 9–12. С. 38–50; Яковкина Н.И. Русское дворянство первой половины XIX века. СПб., 2002. С. 28. См. также о выходах Измайлова: Жихарев С.П. Записки современника. С. 180–181, 103–406.

В дворянской среде все знали о таком «грубом крепостническом» поведении. Именно подобные явления чаще всего вызывали крестьянские бунты, волнения и убийства помещиков. Приведем наиболее известные случаи «крепостной любви» к своим барам: убийство топором в 1809 г. дворовыми людьми престарелого генерал-фельдмаршала М.Ф. Каменского, известного своим деспотическим характером, а также дело об убийстве в 1825 г. Анастасии Шумской (Мишкиной), любовницы графа А.А. Аракчеева, получившее известность благодаря изложению этой истории в воспоминаниях А.И. Герцена «Былое и думы».

Дворянство тогда очень хорошо осознавало, что революционная «зараза» представляет вполне реальную угрозу социальным устоям государства и их положению. Ведь в 1812 г. еще не прошло и 30 лет со времени Пугачевского бунта, а испытанный тогда ужас сохранился в воспоминаниях нескольких поколений господствовавшего класса. Даже дошедшая до нас частная переписка представителей дворянства в 1812 г. наполнена свидетельствами откровенного страха перед Наполеоном, который мог пообещать вольность крепостным¹. Об этом, например, в самом начале войны 28 июля 1812 г. прямо писал генерал Н.Н. Раевский: «Я боюсь прокламаций, чтоб не дал Наполеон вольности народу, боюсь в нашем краю внутренних беспокойств»². Призрак второй пугачевщины присутствовал в умах дворян – сравнительно небольшого по численности благородного сословия в многомиллионной крестьянской стране. Русскому дворянству тогда было что терять. Статс-секретарь императрицы Н.М. Лопухов писал графу С.Р. Воронцову 28 июля 1812 г.: «Хотя я уверен, что наши люди не примут дара свободы от подобного чудовища, но все же нельзя не тревожиться»³. Именно поэтому Россия крепостническая (другой России тогда не было) очень четко определяла Францию, даже сохранявшую к тому времени лишь те революционные традиции, как своего главного идеологического противника. Для дворянства, в том числе и офицерского корпуса, было характерно полное неприятие Наполеона и его политики. Например, по поводу провозглашения Наполеона императором Я.Я. Булгаков писал:

¹ О том, что русские дворяне боялись Наполеона «как носителя идеи свободы и прежде всего крестьянской свободы» писал А.В. Предтеченский, что, в свою очередь, способствовало тесному объединению сословия дворян вокруг трона (*Предтеченский А.В. Отражение войн 1812–1814 гг. // Исторические записки. Т. 31. М., 1950. С. 227, 229*).

² Архив Раевских. Т. 1. С. 152.

³ Из писем Н.М. Лопухова к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1912. № 4. С. 490.

«Мне кажется, я бы решился скорее поцеловать жепу русского мужика, чем сказать Бонапарту: ваше величество. Что за парод эти фразцузы! Пропиливали кровь более десяти лет, чтоб осповать вольпость свою, а теперь будут опую лить за чужестрапца, бог знает откуда пришедшего и заставившего дать самодержавную власть, потерянную закопным королем па эшафоте»¹. Не случайпо известный дореволюционный историк А.А. Кизеветтер, проведя апализ общественно-политической деятельности Ф.В. Ростопчина, сделал вывод, что в основе его воззрений лежал «дворянский страх» перед возможностью крестьянского освобождения².

«За Богом молитва, а за царем служба не нронадет»: генеральская карьера

Биография каждого генерала – это история карьерного успеха индивидуума па пути получения генеральских чипов. Коллективная биография генералитета – это успешность целой генерации (нескольких поколений) российских военных чипов, победителей Наполеона. Цель служебной карьеры каждого военпослужащего заключалась в обретении сословно-статусной репутации, чипа, должности, титула. Любой генеральский ранг в системе бюрократической иерархии превращался в то время в показатель социального успеха, престижа и состоятельности, чему и должны были соответствовать паграды, пенсия, столовые деньги, аренды и другие пожалования. Также власть и обаяние чипа предопределяла отношение к личности, уважение к его социальному статусу со стороны общества. Тогда существовала достаточно жесткая статусная субординация и иерархия отпощений. «Чипы должны почитаться», – писал А.В. Суворов³. При оценке личности каждого дворянина богатство не являлось главным показателем, поскольку существовали иные сословные ценности, копирующиеся выше материальных благ, в первую очередь чип, затем знатность происхождения, родственные связи в обществе, знакомства и лишь потом достаток.

Но очень не просто описать восхождение к генеральским званиям некоего усредненного генерала александровского времени или даже показать общеприятые традиционные пути и средства продвижения по иерархической лестнице. В 1785 г. в Жалованной грамоте

¹ Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. С. 53.

² Кизеветтер А.А. Исторические сплуты. Ростов-на-Дону, 1997. С. 190.

³ Суворов А.В. Письма. С. 130.

дворянству были сформулированы основные принципы и приоритет последовательного прохождения всех рангов на основе выслуги лет. В ней говорилось: «...русское дворянство, входя в службу военную или гражданскую, проходит все степени чиновничества и от юности своей в пажих уздает основание службы, привыкает к трудам, и сии песты твердо и терпеливо; а паучась послушанию, тем самым приуговоряется к высшему чиначеству; не бысть в свете добрый па-чальник, который в свое время сам повиноваться не приобвык. Достигают же до высших степеней те русского дворянства знаменитые особы, кои отличаются или службой, или храбростью, или верностью, или искусством»¹. Многие пакипали служить еще при Екатерине II, некоторые даже ранее, но вступившие на службу уже при Павле I застали иную атмосферу и иные условия чинопрохождения. Имеппо Павел ввел измеппения в систему воинских чинов и измеппил порядок прохождения службы до младшего офицерского чина. При нем были введены и новые генеральские звания – генерал-аппшефов сменили полные генералы (генерал от инфантерии, генерал от кавалерии, генерал от артиллерии, иппжепер-генерал), генерал-поручиков заменили генерал-лейтенантами и был упразднен окончательпо чин бригадира (приравнивался к 5-му классу). Поэтому сразу можно выделить как водораздел 1796 г., начало павловского царствования. Отсюда и деление на «старых» генералов, пакипавших свою службу в екатерининские времена, и «молодежь», сделавшую свои первые шаги в военной сфере при Павле I или Александре I.

Формулярные списки военачальников эпохи 1812 года дают уникальную возможность проследить карьерный рост русского генералитета, так как записи в этих документах содержат паостоящую хроникку российской императорской армии за целое столетие – пакиная со второй половины XVIII и копча первой половиной XIX в. В нашей историографии уже имеется опыт анализа формуляров русских офицеров в качестве массового источника². Это освобождает нас от детального разбора стадий прохождения службы офицерами. Остановимся лишь на особенностях, характерных для генеральских биографий, поскольку лишь единицы из офицерской массы доходили в конце карьеры до высших чинов военной иерархии³. Для био-

¹ Жалованная грамота благородному русскому дворянству, принадлежащим к оной узаконнениями с 1785 по апрель месяц 1817 года. С. 2.

² *Целорунго Д.Г.* Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения. М., 2002.

³ Вот как описывал биографию генерал-майора Я.П. Кульнева Денис Давыдов: «После десятилетней службы в магровском чине, без надежды на производство в следующий чин и уже на сорок втором году жизни Кульнев ре-

графий многих тогдашних дворян подходит экспромт, сочиненный когда-то родственником нашего знаменитого поэта В.Л. Пушкиным:

Он месяц в гвардии служил
И сорок лет в отставке жил.

Поэтому для нашей темы в первую очередь стоит упомянуть российскую императорскую гвардию, как школу или фактическую кузницу офицерских кадров, из которых и поставлялись будущие генералы. Почти весь XVIII в. гвардейские полки (даже большинство пехотных чинцов в основном было из дворян) являли «в сущности нечто среднее между военно-учебным заведением и учебною образцовой частью»¹. Многие из гвардейцев затем очень быстро достигали генеральских чинцов. Во всяком случае, это был трамплин для стремительной военной карьеры.

Если проанализировать генеральские биографии, то выяснится, что большая часть генералитета прошла гвардейскую школу. Если посмотреть на служебный путь наших героев и проследить их карьерную траекторию, то из 531 генерала с российской императорской гвардией оказались связанными 322 чел., или чуть больше 60 %. (см. табл. 7, графа «Служба в гвардии»). В юности многие генералы начинали службу в следующих гвардейских полках: л.-гв. Преображенском – 72 чел.; в л.-гв. Семевском – 47; в л.-гв. Измайловском – 45; в л.-гв. Егерском – 7; в л.-гв. Копном – 62 и в кавалергардском полку 15 чел. Мы перечислили только самые престижные полки российской гвардии, в которых будущие генералы начинали свою службу. В.И. Левашов описал, как генерал Ф.П. Уваров сделал после 1801 г. ему предложение перевестись в Кавалергардский полк (можно сказать, первый полк в гвардии), но он вынужден был отказаться, поскольку такой переход в последую-

шил оставить службу. Он писал к родному брату своему в начале 1805 года: «Признаюсь тебе, что сия война остается моим последним поприщем. Я не упущу случая и буду служить в ней, как верный сын отечества. После удаюсь в общую нашу деревушку Болдырево. Мне скучно стало не видеть перемен в службе моей». Д.В. Давыдов далее приводит цитату из его письма брату 1809 г.: «За богом молитва, за государем служба не пропадают. Какая служба была несчастнее моей! Теперь все переменялось, и я – довольнейший из смертных своим участием (Он получил тогда чин полковничий и св. Георгия 3-го класса). Лучше быть меньше награжден по заслугам, чем много без всяких заслуг. С каким придворным вельможею, носящим Владимира 1-го класса, поровняю я мой Владимир 4-го с бантом?» (Давыдов Д. Военные записки. С. 149, 150).

¹ Герца А. Суворов-солдат. СПб., 1900. С. 19.

цем потребовал бы больших средств, которых у него не было. Но тут же добавил: «хотя об этом очень сожалел, так как это было единственное средство сделать быструю и хорошую карьеру»¹.

Часто усредненная генеральская биография выглядела следующим образом: подрослая (5–10 лет) сначала записывали в гвардейский полк. После чего он получал отпуск и при полку только числился, по исправно получал воинские звания нижних чинов. Правда, эта порочная практика была ликвидирована Павлом I, а все малолетние сержанты были отчислены со службы. Действительная служба начиналась обычно с 16–18 лет, вскоре молодой человек получал первый офицерский чин, затем или оставался служить при этом полку, или же с повышением на два звания выпускался в армейские полки.

В гвардейские полки в XVIII в. попадали в основном по протекции представители родовитого дворянства. Производство в следующий чин в гвардии осуществлялось быстрее, чем в армейских полках. В то время гвардейские офицеры имели преимущество в два класса перед армейцами (с разницей в два чина), так как в гвардейском чинопроизводстве отсутствовали чины подполковника и майора, а чин прапорщика гвардии был включен в XII класс Табели о рангах и равен армейскому поручику. Поэтому при переводе в армию офицер сразу как минимум получал звание на два чина выше (например, штабс-капитан производился в майоры, а капитан в подполковники). В гвардии в 1798 г. по штату командиры гвардейских полков были определены в генеральских чинах, командиры батальонов и эскадронов в полковничьем звании.

Немаловажным фактором являлась полковая служба. Особенно служба в привилегированных полках, таких как л.-гв. Преображенский, Семевский, Измайловский, Кавалергардский и л.-гв. Кошный. В этих полках собирались сливки дворянской молодежи (уровень образования офицеров гвардии был гораздо выше, чем в армейских полках), кроме того, для карьеры имело большое значение знакомство и общение с императором и членами императорской фамилии, а также с представителями высшей имперской элиты. Помимо этого гвардейцы, проживая в Петербурге, имели возможность вращаться в великосветском обществе, завязывая пухлые знакомства. Именно из офицеров гвардейских полков, как правило, рекрутировался штат флигель-адъютантов императора. Это был протопечный путь для получения генеральского чина.

¹ Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1900. № 9. С. 495.

Приведем в первую очередь самые впечатляющие примеры получения офицерских чипов с малолетства или чуть ли не с рождения, когда учитывались древность рода и заслуги славных предков. Так Н.Г. Реппип (до 1801 г. – Волконский) и Н.Г. Волконский как внуки генерал-фельдмаршала П.В. Реппица, имея от роду 14 и 11 лет соответственно, были записаны по императорскому указу императрицы Екатерины малолетними прапорщиками в л.-гв. Измайловский полк. Братья Алексей и Андрей Ивановичи Горчаковы (племянники А.В. Суворова) в 3 года и 14 лет соответственно стали гвардейскими прапорщиками. В.Г. Брапицкий, сын племянницы Г.А. Потемкина, с рождения припят прапорщиком в л.-гв. Преображенский полк; А.А. Бибииков в 9-летнем возрасте «в воздаяние заслуг отца» (генерал-апшефа А.И. Бибиикова) пожалован в прапорщики того же полка; в 5 лет граф П.А. Строганов, в 6 лет граф С.С. Потоцкий, в 11 лет граф И.О. де Витт, в 12 лет граф П.А. Шувалов были припаты «малолетними корнетами» в л.-гв. Конный полк; в 4 года граф М.С. Воронцов получил чип прапорщика в л.-гв. Преображенском полку; граф С.М. Каменский в 3-летнем возрасте был записан корнетом в Нижегородский карабинерный полк, в 6 лет переведен прапорщиком в л.-гв. Преображенский полк; в 9-летнем возрасте И.Н. Дурново за службу своего отца (генерала от инфантерии) был произведен императорским указом в 1793 г. в прапорщики л.-гв. Семеевского полка. Чипопроизводство малолетних было особенно показательным для императорских родственников – германских владетельных особ. Тут также можно привести характерные примеры высших протекций. Вполне понятно, почему припт Евгений Вюртембергский в 10 лет сразу стал полковником л.-гв. Конного полка, в 12 лет получил чип генерал-майора¹; Леопольд Саксен-Кобургский в 9 лет зачислен подполковником в л.-гв. Измайловский полк, Эрнст Саксен-Кобургский в 12 лет получил чип полковника л.-гв. Измайловского полка, Карл Мекленбург-Шверинский в 16 лет припят капитаном в л.-гв. Преображенский полк.

Бывший гвардеец Людовика XVI А.Ф. Лапжерон в своих мемуарах охарактеризовал еще один типичный путь карьеры в вооруженных силах: «В России, кроме службы в гвардии, существуют еще и другие способы хватать чипы не служа; самый верный и самый обыкновенный – это причислиться в качестве ординарца или по особым поручениям и т. п. к фавориту; у него обыкновенно таких двести или

¹ *Сдвижков Д.А.* «Орлеанская дева» русской армии: Принц Евгений Вюртембергский в наполеоновских войнах // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. XII. М., 2014. С. 122.

триста человек, и он не знает из них и половины, по тем не менее быстро повышает их по службе. Того же достигают через адъютантские должности у генералов; фельдмаршал, например, имеет двух адъютантов в чине подполковника, и они, по прошествии шести лет, становятся полковниками и получают полки, не выходя до тех пор из колюши или передней своих пачальников»¹. Через этап адъютантской службы действительно прошли многие знаменитые военные деятели александровского царствования: М.И. Кутузов, М.Б. Барклай де Толли, П.П. Коновницын, Е.Ф. Комаровский, Ф.Ф. Левиз, А.И. Кутайсов, Д.В. Давыдов, Н.Д. Мякишин, Л.А. Парышин, П.М. Волконский, А.Х. Бенкендорф, братья Меллер-Закомельские, В.С. Трубецкой, К.В. Будберг, И.Ф. Удом, К.Ф. Ольдекоп, М.Ф. Орлов, Н.М. Сипягин, А.А. Закревский, А.И. Чернышев, П.С. Кайсаров, П.И. Балабин, П.С. Сулима, П.И. Селявин, С.Х. Ставраков, А.П. Мелиссино, М.Ф. Ставицкий, Н.В. Кретов, И.М. Ушаков, П.А. Кикин, А.А. Клейнмихель, И.М. Бегичев, А.О. Делагард, Д.М. Юзефович и др. Для примера укажем, что из десяти адъютантов великого князя Копстапипа перед 1812 г. (Д.Д. Курута, Н.Д. Олсуфьев, А.П. Потапов, А.С. Шулгин, Н.Д. Кудашев, П.А. Колзаков, В.И. Палицын, А.А. Жаандр, И.Я. Шперберг, К.Г. Сталь) восемь человек в период наполеоновских войн получили генеральские чины². Хотя Ланжерон достаточно негативно оценивал адъютантство, такая служба, безусловно, способствовала ускорению карьеры, давала опыт управления войсками на примере деятельности военачальников, а также знание о функционировании штабной службы.

В XVIII в. существовали два наиболее распространенных варианта получения офицерского чина, кроме припятия из иностранной или гражданской службы, – окончание кадетского корпуса или поступление непосредственно в полк нижним чином и прохождение воинской пауки в самом полку. Нужно учитывать, что во времена Екатерины II большинство дворян имело «записывалось» в полки, некоторые чуть ли не с рождения. И затем проходили службу нижними чинами, не находясь фактически на пей. Про таких педорослей писал в свое время Н.С. Лесков: «Как богатых бар потомок, был сержантом из пелепок». В полковых же документах молодые дворяне значились в домовых отпусках. Когда же юпоша с 14–16 лет появ-

¹ Ланжерон А.Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II // Русская старина. 1895. № 4. С. 174.

² Записки Николая Николаевича Муравьева // Русский архив. 1885. № 9. С. 56–57.

лялся в полку, то он быстро получал самые необходимые азы и па-выки воинской жизни, строевой пауки и поведения, а после этого только производился в первый офицерский чин. Как раз многие «старые» генералы, если мы просмотрим их биографии, пачипали службу таким образом. Известен только один случай покупки чина в заграпичной армии среди выборки паших генералов. Отец К.Ф. Багговута в 1779 г. купил сыну патент на чин капитана в войсках маркграфа Анспах-Байретского, что дало возможность быть принятым в российскую армию с чином подпоручика в Тобольский пехотный полк¹.

Необходимо прямо указать, что вся русская армия в XVIII – начале XIX в. была пронизана системой протектирования и неформальных связей. Приведем мнение английского историка Доминика Ливена: «Армия, аристократия и чины правительства были связаны многочисленными нитями семейного родства и покровительственных отношений. Зачастую невозможно понять, как функционировала армия до тех пор, пока мы не берем в расчет это обстоятельство»². Сама запись педорослей в полк зависела напрямую от личных связей семьи. Например, в привилегированные гвардейские полки записывали сыновей лишь по протекции знатных и влиятельных особ, или же отцы педорослей ранее отличили себя службой в определенном гвардейском полку. В армейские полки записывали также, учитывая семейные связи. Например, М.Б. Барклай де Толли (с братом Иваном) пачипал службу, числясь гефрейт-капралом в Новотроицком кирасирском полку, где командиром был его дядя бригадир Е.В. фон Вермелеп, в семье которого он воспитывался. Ф.Ф. Левиз оф Мепар числился с 5 лет в Московском карабинерном, с 6 лет в Казапском кирасирском полку, которым командовал его отец.

Конечно, были и выходцы из «худородных» дворян или представители других сословий, которые пачипали службу с пизких чинов в армейских полках и достаточпо долго тащили солдатскую лямку, прежде чем получить первый офицерский чин. Тогда карьера строилась не на основе протекции сильных мира сего и не «подпиралась» длинной родословной. Если отпрыски знатнейших фамилий чувствовали постоянную поддержку «тылов», то есть близких ко двору, армейской верхушке или высшему свету родственников, мелкопоместный дворянин мог рассчитывать только на то, что какими-ни-

¹ Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Т. 1. С. 1.

² Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 51.

будь сверхподвигами во время войны поразит воображение своих начальников. Наиболее безумные подвиги числились, вероятно, именно за такими войсками. Но все же воинская карьера, если посчастливится, сулила наибольшие выгоды небогатому дворянину в будущем.

Приведем для наглядности ряд примеров. Так, уроженец «города Москвы из солдатских детей» Ф.А. Луков 14 лет прослужил, занимая должности писаря, фурыера, сержанта, прежде чем стать 3 января 1789 г. полковым аудитором «с заслугой двух лет прапорщичьего чина»; М.Ф. Наумов (из дворян, сын обер-офицера) прослужил в пажих чинах 10 лет, прежде чем получил чин прапорщика; Г.П. Улапов («обер-офицерский сын») выслужил в пажих чинах 12 лет и был произведен в подпоручики; сын бедного польского шляхтича Т.И. Збневский после 7 лет за отличие при штурме Измаила был произведен в поручики; И.Д. Ивашов (из дворян Тверской губернии) после 10 лет службы в Новгородском пехотном полку удостоен чина прапорщика; М.И. Шкапский («из обер-офицерских детей») только через 9 лет службы получил чин прапорщика; 13 лет службы в Ахтырском гусарском полку понадобилось Г.А. Шостакову («из малороссийского шляхетства»), чтобы занять должность адъютанта «с заслугой за корнетский чин 3 лет»; Д.В. Шостакову («из молдавского шляхетства») удалось получить чин прапорщика после 15 лет службы в пажих чинах; сын обер-офицера И.Ф. Капустин после 13 лет службы пажим чином получил чин прапорщика за отличие в боях против турок; А.А. Клеймихель, сын рижского пастора, 4 года прослужил в Киевском пехотном полку и получил чин прапорщика.

В царствование Павла I произошли резкие изменения для дворян в отношении получения первого офицерского чина. В первую очередь новый император отменил практику записи недорослей в полки (то есть заочной службы), те, кто не оказался при полку, были исключены из списков. Таким образом, молодежь (значительно меньшая группа молодых гвардейцев) уже не могла быть записана на службу и начинала действительно служить не по бумагам после 1796 г., а с момента поступления в полк. Кроме того, Павел I удовлетворил многолетние чаяния допской старшины. По его указу от 22 сентября 1798 г. все чины Войска Донского были уравнены с армейскими исходя из штата гусарских полков. До этого все допские командиры юридически не равнялись с офицерами регулярной армии, а всего лишь признавалось, что они «по службе своей равны с офицерской чести должности отправляют», а в спорных случаях было приказано «принимать их прилично офицерскому чину и в полагаемых наказа-

пиях поступать так, как об офицерах устатовлено»¹. Они имевались по занимаемым должностям, которые не включались в Табель о рапгах, и лишь пенпогие допцы-комапдиры в XVIII в. за отличие паграждались армейскими чипами.

В целом же семейпо-родствеппые, свойские и кумовские связи, а вследствие этого, и прямое протесжирование играли важпую роль в карьере генералов. Как писал А.В. Суворов про мпогих своих коллег-генералов в 1791 г.: «...они лучше уступят достоинства родства и свойства, пежели достоинства испытанных качеств. Для России ж хоть трава пе расти»². В в XVIII в. имело большое зпачепие для карьеры и покровительство фаворитов Екатерины II – Г.А. Потемкина, братьев Орловых и Зубовых, А.С. Васильчикова, Ал-ра П. Ермолова, С.Г. Зорича, А.М. Дмитриева-Мамопова, А.Д. Лапского, П.В. Завадовского, И.Н. Римского-Корсакова³. Укажем, что среди выбраппых пами генералов эпохи 1812 года было мпого прямых потомков и родствеппиков этих исторических лиц баловней придворного фаворитизма XVIII в. Можпо также привести в пример М.И. Кутузова, который, паходясь уже в генеральских чипах, сделал все, чтобы па пего в свое время обратили впимание князь Г.А. Потемкин-Таврический, А.В. Суворов и П.А. Зубов, что зпачительно упрочило его положение в обществе, дипломатических кругах и армейских структурах⁴. И П.И. Багратион, еще до Италияпского похода, пачалу восхождения к генеральским чипам обязап своим благодетелям: генерал-фельдмаршалам Г.А. Потемкину, Н.И. Салтыкову, Н.В. Реппицу, генералу В.А. Зубову⁵.

В период правления Павла I, пе говоря о таких царских копфидентах, как А.А. Аракчеев, И.П. Кутайсов и Ф.В. Ростопчин, быстрюю карьеру делали гатчинцы, а для других важно было благоволение императора. Поскольку одних увольняли от службы в массовом порядке, другие благодаря открывавшимся вакапсиям быстрыми темпами делали карьеру. Как заметил В.И. Левенштерп в своих мемуарах: «Император Павел создавал генералов из пичтожества, из лиц, пе

¹ Казачий словарь-справочник. Т. II. М., 1992. С. 249.

² Суворов. Архив внука его кн. Италияпского, гр. А.А. Суворова-Рымникского. 1729–1800 // Русская старина. 1872. № 10. С. 420.

³ Очень интересный очерк по истории фаворитов Екатерины II см. в кн.: *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 546–571 (глава «Фаворитизм»).

⁴ См.: *Синельников Ф.М.* Жизнь фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова. С. 47, 72–73.

⁵ См.: *Ивченко Л.Л.* От Бородины к Парижу. М., 2017. С. 131.

имевших попятня о войпе»¹. Это очепь заметпо по послужным спискам генералов. Например, Е.Ф. Комаровский, объясняя в своих мемуарах, как он «с небольшим в семь лет из сержантов гвардии получил генерал-майорский чин», писал: «Это могло случиться только в царствование императора Павла, где беспреставпо были выключки, отставки, а потому и большие производства»².

При Александре I фаворитизм был не так силен и заметен. Хотя, безусловно, близость ко Двору и высшим властям играла заметную роль в карьере. Например, по мнению А.Ф. Лапжеропа, высказанную в его мемуарах, Милорадович делал карьеру благодаря «дружбе» с графом Аракчеевым³. А.П. Ермолов, командуя войсками на Кавказе, с иронией жаловался дежурному генералу Главного штаба А.А. Закревскому на своих военачальников, «оставляющих испытателей природы в педоумении, к которому царству они принадлежат». И дальше продолжал задавать вопросы: «Истолкуй мне, почтенный Арсений, какой злой дух принуждает вас производить подобных генералов? Не изобрел ли кто системы, доказывющей, что генералы суть твари совсем для войск не падобные и что они могут быть болвапами для удобпейшей просушки с золотым шитьем мундиров?»⁴.

Безусловно, в армии существовала жесткая конкуренция, о чем свидетельствует система старшинства в чинах (в том числе и генеральских). Проявлением или отголоском этой военной среды являются упоминания в источниках о ссорах генералов и даже вызовах на дуэль. Как правило, на практике генеральскому окружению удавалось утихомирить страсти, направить эмоции в мирное русло или отсрочить поединок, особенно если столкновение происходило в период боевых действий. Широкую известность получила только одна дуэль между генералами, закончившаяся смертельным исходом. 24 июля 1823 г. начальник штаба 2-й армии генерал-майор П.Д. Киселев убил командира 2-й бригады 18-й пехотной дивизии генерал-майора И.Н. Мордвинова⁵.

Обратимся теперь к возрасту получения генерал-майорского чина. На 1812 г. средний возраст имевших генеральский чин или полу-

¹ Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1900. № 9. С. 488.

² Записки графа Е.Ф. Комаровского. С. 59.

³ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1909. № 8. С.379.

⁴ Сб. ИРИО.Т. 73. С. 263, 266.

⁵ О причинах и обстоятельствах дуэли см.: *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 1. С. 175–184.

чивших его до 1815 г. колебался в пределах 41–42 лет (см. табл. 7, графа «Возраст»). Но многие имели преклопные года, другие же были даже слишком молоды. Не зря А.С. Пушкин написал такие строки в стихотворении «Полководец»:

Из них уж многих нет; другие, конх лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой...

Вряд ли только успехами по службе и отличиям на поле брани можно объяснить получение первого генеральского чина А.И. Кутайсовым в 22 года (в 12 лет произведен в капитаны, в 15 лет в полковники)¹ и сыном донского атамана М.М. Платовым в 21 год². Это были самые быстрые и впечатляющие генеральские карьеры, которые оказались прерванными по причине ранней смерти этих военачальников. Вполне объяснимо, получение генеральского чина 23-летним русским «Крезом» графом М.А. Дмитриевым-Мамоповым (за формирование на собственные средства полка). Можно привести и другие похожие примеры, свидетельствовавшие о скором восхождении по карьерной лестнице, правда, заслуженные на полях сражений: получение первого генеральского чина в 24 года князем А.Г. Щербатовым, В.Д. Иловайским и К.А. де Бальменом (умер до начала кампании 1812 года); в 25 лет князем С.Г. Волкопским, И.О. Сухожапетом, П.А. Тучковым; в 26 лет Н.Д. Мякишиным, И.А. Набоковым, М.Ф. Орловым, графом С.С. Потоцким, П.П. Сухтелепом, А.И. Альбрехтом; в 27 лет графом В.В. Орловым-Деписовым, бароном И.И. Дибичем, А.И. Чернышевым, бароном Г.В. Розепом, князем И.Л. Шаховским; в 28 лет графом М.С. Воронцовым, И.Ф. Паскевичем, князем Н.Г. Решниным, М.Н. Мацпевым, М.Е. Храповицким, князем Н.Д. Кудашевым, М.И. Дамасом, А.Д. Гурьевым, Л.А. Нарышкиным; в 29 лет маркизом Ф.Ф. Паулуччи, А.И. Бартоломеем, И.Н. Дурпово, В.Н. Шепшиным; в 30 лет Д.В. Давыдовым, Н.М. Силягиным, князем А.В. Сибирским, П.С. Кайсаровым, И.К. Мусиным-Пушкиным, И.С. Леоптьевым, князем С.С. Голицыным, Ф.Н. Поспиковым; в 31 год Я.А. Потемкиным, графом А.П. Ожаровским, Ф.В. Ридигером, князем В.Г. Мадатовым, И.Е. Трошинским, В.П. Мезенцевым, П.И. Кабдуковым, С.С. Андриевским, К.М. Полторацким, графом

¹ Смирнов А.А. Генерал Александр Кутайсов. М., 2002. С. 8–9.

² Безотосный В.М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году: Малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. С. 175.

И.О. де Виттом, братьями А.Х. и К.Х. Бенкендорфами, братьями А.А. и С.А. Тучковыми.

Можно отметить у некоторых удивительно быстрый карьерный рост: А.И. Чернышев в 1810 г. имел чин ротмистра, а уже в 1814 г. был генерал-лейтенантом и генерал-адъютантом¹; А.А. Закревский в начале 1812 г. был майором, занимая должность адъютанта генерала Н.М. Каменского (затем М.Б. Барклая де Толли), а уже в 1813 г. стал генерал-майором и генерал-адъютантом; Д.Л. Игнатьев в 1807 г. имел чин корнета, в 1813 г. получил генерал-майорские эполеты; К.Х. Бенкендорф был принят в 1812 г. майором по кавалерии, в 1814 г. произведен в генерал-майоры². Но самый феерически быстрый взлет можно отметить у М.Ф. Орлова – в 1812 г. он пачипал войну, имея чин поручика, а в 1814 г. за подписание капитуляции Парижа был пожалован в генерал-майоры. Объяснить такой взлет можно как расторопностью и удачей на боевом поприще, так и в немалой степени личной благосклонностью к этим лицам самого императора, наличием военно-придворных связей.

В то же время именно в наполеоновскую эпоху для рывка в карьере было очень важно проявлять разумную инициативу, принимать важные и правильные решения. Приведем пример А.Х. Бенкендорфа, командовавшего в конце 1813 г. небольшим отрядом на германо-голландской границе и получившим жесткий приказ от своего начальника не переходить р. Иссель и не вторгаться на голландскую территорию. И как написал он сам в своих воспоминаниях: «Я уже сделал первый шаг, Амстердам пришел в движение, все население молило о нашем приходе; опытный счастьем командовать самостоятельно, я решился послушаться. Этой же ночью я собрал свои войска и перешел реку»³. Поскольку именно его активные действия фактически дали толчок к освобождению Голландии, он не только упрочил свою репутацию, но и получил признательность голландцев и даже практически не попросил никакого наказания. Правда, его начальник – генерал Ф.Ф. Випцигероде попробовал его отрезать от командования, но посмотрите, с каким удовольствием он Бенкендорф перечислил посыпавшиеся на него награды: «В утешение

¹ Александр I в ноябре 1812 г. при производстве его в генерал-майоры писал: «Я видел, что Чернышев будет огорчен, если его сделать просто генерал-майором, то он заслуживает, чтобы его произвести прямо в генерал-адъютанты, что и исполнить» (*Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: Опыт исторического исследования*. Т. 2. С. 582).

² *Мамышев В.Н.* Генерал-адъютант генерал-лейтенант Константин Христофорович Бенкендорф. СПб., 1858. С. 1–3.

³ *Бенкендорф А.Х.* Воспоминания. С. 235.

я получил орден Святого Владимира 2-й степени, присланный мне Императором, орден Большого Красного Орла, пожалованный мне королем Пруссии по представлению генерала Бюлова, и орден Меча от короля Швеции. Самыми приятными подарками для меня были сабля от регента Англии, шпага от принца Оранского, короля Нидерландов, а также пожалованные Тульскому и 2-му егерскому полкам награжденные трубы с выгравированными на них датой нашего похода в Амстердам и моим именем»¹.

В первые десятилетия XIX в. многие офицеры оказались на гребне волны и именно их действия в военных обстоятельствах привели к получению генеральских эполет. Приведем выдержку из письма родным полковника М.А. Фонвизина, командовавшего 4-м егерским полком и попавшего раненым в плен в сражении при Бар-сюр-Обе 27 февраля 1814 г., а после освобождения через шесть недель являющегося сожалевшего о том, что пропустил самое интересное и многообещающее: «Одно, что я потерял этим обстоятельством, есть генеральский чин, который получил бы непременно, ежели служил в делах, которые были под Парижем, но зато мог в опытах и погибнуть»².

Можно также сказать, что не всегда высокое покровительство способствовало продвижению по службе. Так, в начале 1813 г. начальником артиллерии 3-й Западной армии был назначен генерал-майор Андрей Аракчеев (родной брат графа А.А. Аракчеева), без боевого опыта и имевший не очень лестную репутацию. При этом все его прямые начальники стремились от него избавиться и перевести его куда-нибудь на тыловую должность³. На этом посту он сменил полковника Г.П. Веселитского, знатока артиллерийского дела и участника военных действий со шведами, поляками и турками. Примечательна реакция на эту перемену «обиженного» Веселитского. Узнав о новом своем назначении (командовать «ротами в резерве состоящими»), он писал генерал-лейтенанту И.В. Сабашеву: «Волю начальников свято исполнять в 24 года привык, и не только офицерскую должность, но и рядового отправлять буду, если здоровье мне такое позволит»⁴. Здоровье ему позволило и уже за отличие при взятии Торна он был награжден престижным орденом

¹ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. С. 246.

² Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск, 1979. С. 99.

³ См. переписку 1813 г. Андрея Аракчеева с братом Алексеем: *Ляпишев Г.В.* Письма Андрея Аракчеева к брату – графу Алексею Аракчееву // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. IV. С. 216–225.

⁴ Война 1813 года. Материалы ВУА.Т. 2. С. 124.

Св. Георгия 3-го класса, за сражение под Кенигсвартой произведен в генерал-майоры. В то время как генерал-майор А.А. Аракчеев горько жаловался на судьбу и несправедливость своих пачальпиков, а также часто болел и ждал пового пазначения.

Особо отметим всех лиц, задепствовавших перед 1812 г. в разведывательной деятельности. До пачала военных действий они, как правило не имели генеральского звания, но в течение всех кампаний 1812–1814 гг., занимая важные должности, стали генералами. В первую очередь это руководители Особой канцелярии при военном министре А.А. Закревский и А.В. Воейков, военные агенты за границей в полковничьем чине Р.Е. Реппи и Ф.В. Тейль ван Сераскеркеп, да и остальные офицеры (Ф.Ф. Орлов, П.Х. Граббе, В.А. Прендель) позже 1815 г. все имели генеральские чины. Разведывательная деятельность таких офицеров, как М.Ф. Орлов и И.О. де Витт, также способствовала получению ими генеральских эполет.

Но больше всего служебный рост и репутация генералов зависела от их отличий на поле боя и от умения руководить войсками во время боя. У подавляющего числа русских военачальников (вне зависимости от возраста в 1812 г.) молодость прошла на фоне больших и малых войн, которые вела Россия. Формулярные списки генералов той эпохи – это постоянная хроника русской военной истории того времени. Об этом красноречиво свидетельствует табл. 8 «Боевой путь генералов». Из 531 военачальника повоювать с турками во второй половине XVIII в. успели 158 чел., со шведами – 86 чел., с поляками – 180 чел. 93 чел. участвовали в суворовских походах 1799 г. В кампании 1805 г. получили боевой опыт войны с французами 206 чел, в кампаниях 1806–1807 гг. – 272 чел. В последних крупных войнах России накануне 1812 г. сражались с турками 161 чел., со шведами – 99 чел.

Показательны в этом смысле и данные в табл. 8 о наградах генералов, в первую очередь о награждении орденом Св. Георгия¹ как главной высшей боевой наградой (второй орденом за участие в военных действиях – орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом можно не учитывается, так как его имело подавляющее большинство). Орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия по статусу мог получить офицер или генерал за отличия на поле боя, 1-м и 2-м классом награждались только генералы, 4-й класс некоторые получали за беспорочную 25-летнюю службу (что также являлось подвигом в пе-

¹ Об орденах российской империи существует огромный пласт популярной и научной литературы, поэтому отсылаю всех интересующихся к этому комплексу.

котором смысле). Среди российских военныx в первую очередь цепеналась именпо эта паграда, многие генералы считали отпюдь не зазорным получить 4-й класс, ведь именпо 4-м классом за Аустерлиц был пагражден сам император Александр I. Из 531 генерала 360 чел. имели орден св. Георгия 4-го класса, 203–3-го класса, 34–2-го класса, 5 чел. получили 1-й класс (М.И. Кутузов, М.Б. Барклай де Толли, Л.Л. Бенпигсен, позже И.И. Дибич, И.Ф. Паскевич). При Павле I этим ордепом не паграждали. В 1812–1814 гг. 1-м классом были паграждены Кутузов, Барклай и Бенпигсен, 2-м классом были пожалованы 36 чел. (из них 12 ипострапцев), 3-й класс получили 156 чел. (из них 33 ипострапца), а 4-й класс – 618 чел. (из них 127 ипострапцев)¹.

Высшая паграда российской империи орден Св. Апостола Андрея Первозванного за военные заслуги был выдан в 1812–1814 гг. лишь восемь раз. Первым в 1812 г. его получил генерал от кавалерии А.П. Тормасов за сражение при Красном, по перед этим за Тарутинское сражение генерал от кавалерии Л.Л. Бенпигсен был пагражден алмазными знаками к этому ордену. В 1813 г. за сражение при Лютцене эту паграду получил генерал от кавалерии П.Х. Витгенштейн, за сражение при Кенигсварте – генерал от ипфатерии М.Б. Барклай де Толли, за Лейпцигскую битву генерал от кавалерии М.И. Платов и генерал от ипфатерии М.А. Милорадович. В кампанию 1814 г. этой паграды были удостоены генерал от ипфатерии Ф.В. Остеп-Сакен за сражение при Ла-Ротьере и генерал от ипфатерии А.Ф. Лапжероп за отличие при взятии Парижа. В 1814 г. этим орденом также был пагражден главнокомандующий Резервной армии Д.И. Лобанов-Ростовский.

Всего за 1812–1814 гг. орден Св. Александра Невского был выдан за военные заслуги 48 раз, в том числе с бриллиантовыми украшениями – 14 раз. За тот же период 1-й степенью ордена Св. Владимира были паграждены 12 чел.: 2 генерала от кавалерии, 1 генерал от ипфатерии и 9 генерал-лейтенантов, орден Св. Анны 1-й степени за военные заслуги был выдан в эпоху Отечественной войны 225 раз, в том числе 54 раза с алмазными знаками, Среди пагражденных были 21 генерал-лейтенант, 199 генерал-майоров². Среди оригинальных пожалований отметим драгоцenneе бриллиантовое перо (челепг) с

¹ См.: Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 186.

² См. Отечественная война и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Т. 1. М., 2012. С. 32, 55, 225.

лаврами и вепзелем Алексапдра I для пошепия па головпом уборе, полученное атаманом М.И. Платовым в 1813 г.¹

Очень трудно выделить кого-то, когда речь идет о храбрости, хладпокровнии, самопожертвовании в бою. Для подавляющего большинства было характерно за время карьеры досрочное получение нескольких чипов за боевые отличия. Поэтому важным фактором для карьеры являлась личная храбрость офицера и генерала («привычка к пороху»), проявляемая па полях сражений. Вот что, папример, по этому поводу писал А.Ф. Ланжерон: «Я давно заметил, что русский солдат, хотя по патуре сам и очень смел, по любит, когда офицер и генерал идет вместе с ним»². Или как сказал справедливо в свое время генерал Милорадович: «...в присутствии ста тысяч солдат пельзя быть трусом»³. В профессиональном отношении в высшем командном составе мы можем пайти достаточно большое количество генералов, хорошо знавших военное дело и честно выполнявших свой долг. Подавляющее большинство из них отличалось храбростью и способностью встать впереди полков в решающие моменты.

Но отвага па войне была только частью их профессии. Многим из них в мирное время не хватало гражданского мужества или же моральной храбрости перед вышестоящими начальниками. Не склонявшие головы под неприятельским огнем, в повседневной службе готовы были угождать и посить фалды сюртуков своих начальников, чтобы продолжить продвижение по карьерной лестнице. Как и в иные времена оставалось справедливым замечание А.Ф. Ланжерона: «К несчастью в России паграды раздаются слишком щедро, и особенно много их получают заведующие канцелярскими и ведущие письменную часть, имеющие и так слишком много влияния»⁴.

¹ Попов П.Х. Герои Дона. Новочеркасск, 1911. С. 18. По воспоминаниям современников, эта награда вместе с другими хранилась М.И. Платовым в отдельной комнате: «...султан или перо, украшенное алмазами и рубинами, очень большой ценности... Он слишком тяжел, чтобы его носить; но во всех важных случаях граф держит эту награду в руке» (Сапожников А.И. Атаман Платов и Войско Донское в мемуарах британского офицера. Из коллекции россики Российской национальной библиотеки // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Биография. Т. IV. М., 2005. С. 231.

² Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1910. № 9. С. 528.

³ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 340.

⁴ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1909. № 7. С. 187.

«Береги честь смолоду». **Репутация «героев былых времен»**

В повседневной жизни поведение генералов строилось на основе этических и нравственных представлений российского общества. Оно зависело и полностью согласовывалось с господствующей тогда моралью, чтобы пиком образом не противоречить достаточно строгому кодексу дворянской чести. Нормы сословной морали пропикли во все сферы деятельности каждого дворянина, а военное (в меньшей степени гражданское) общество следило за репутацией офицера. Поэтому каждый стремился не «замарать», но сохранить и упрочить свою честь – главный объект оценки общества и базовая морально-этическая категория того времени.

По справедливому замечанию современного историка М.А. Давыдова: «В войнах того времени подчиненные видели командиров высокого ранга рядом с собой в бою гораздо чаще, чем их потомки в XX в. Понятно, что репутация генерала в огромной степени зависела от того, как он вел себя в эти минуты»¹. А репутация значила очень многое, если не все. Сразу же вспоминается пушкинский эпиграф: «Береги честь смолоду». В понятие офицерской чести вкладывалось очень многое: она подразумевала верность присяге, культуру службы, определенную манеру поведения, исполнение воинского долга и множество мелочей, связанных с принадлежностью к кругу профессиональных военных. При этом трудно дать общую характеристику всему российскому генералитету, так как каждый генерал имел свою судьбу, индивидуальные особенности и заработавшую им в войнах и на службе репутацию. Но верным остается и мнение, высказанное в конце 1812 г. участником войны С.Н. Мариним: «...у нас же репутации возвышаются и упадают очень часто без всякой причины...»².

Среди официальной документации военного делопроизводства источником для личной характеристики могли служить лишь так называемые кондуитные списки, но в отличие от формулярных списков они сохранились в ограниченном количестве. При этом необходимо учитывать, что они составлялись непосредственными начальниками для представления к наградам, к отпуску, в ответ на тот или иной запрос военного ведомства, то есть по вопросам, связанным с продвижением по службе. С этой точки зрения, как правило, кондуитные списки, содержат очень мало конкретной информации, а ха-

¹ Давыдов М.А. «Оппозиция Его Величества»... С. 25.

² Архив князя Воронцова. Т. 35. С. 469.

характеристики выглядят сглажепными. Но среди официальной документации все-таки встречаются явно предпазачепные для «внутреннего пользования» развернутые отзывы руководства армии об ее высших командных кадрах. Эти «закрытые» документы отличались строгой конфиденциальностью и основательностью, поскольку готовились для царствующего монарха и правящей верхушки империи. В 1737 г. такую записку о 31 своем подчиненном составил для императрицы Анны Иоанновны генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних, в 1820 г. начальник штаба 2-й армии генерал П.Д. Киселев для императора Александра I подготовил 32 аттестации генералов, включая себя¹. К этому жанру можно отнести и характеристику на 30 генералов, предоставленную Николаю I генералом К.Ф. Толем в 1831 г.²

Эти документы весьма своеобразно дополняют и комментируют агентурная справка о 64 русских военачальниках, составленная в 1812 г. адъютантом французского посла в России капитаном де Лопгрю для Наполеона³, и записка мемуарного характера генерала А.П. Ермолова с развернутой характеристикой десяти военачальников 1812 г., весьма критические портретные зарисовки, которые появились в текст его воспоминаний (фигурируют М.И. Кутузов, П.В. Чичагов, П.Х. Витгенштейн, Ф.Ф. Винцингероде, А.И. Чернышев, М.А. Милорадович, Д.С. Дохтуров, А.П. Тормасов, Л.Л. Бенигсен, М.И. Платов)⁴. Из всех десяти военачальников самая положительная характеристика дана Л.Л. Бенигсену, что не характерно для большей части русских мемуаристов. Ермолов же в своей переписке и воспоминаниях не пощадил никого, особенно досталось иностранцам, многие из которых по его словам действительно «являются на сцене не в точном виде великих людей»⁵. Разбору «портретов» современников, нарисованных Ермоловым в воспоминаниях и переписке, была посвящена в 1986 г. специальная статья М.А. Давыдова с применением только набиравших силу методов количественного анализа. Причем автор постарался при анализе 610 оценочных высказываний известного мемуариста выявить взаи-

¹ См.: Шильдер Н.К. Две характеристики русских генералов в XVIII и XIX в. // Русская старина. 1890. № 1; Шиман Т. Александр Первый. С. 112–115.

² См.: Сидорова М.В., Безотосный В.М. Записка К.Ф.Толя в 1831 г. // Российский архив. 1995. Т. VI. С. 99–105.

³ См.: Симанский П. Перед войной 1812 г. (Характеристика французских и русских генералов) // Военный сборник. 1906. № 1. С. 1–22; № 2. С. 1–9.

⁴ См.: Ермолов А.П. Характеристика полководцев 1812 г. // Родина. 1994. № 1. С. 56–60.

⁵ Сб. ИРИО. Т. 73. С. 308.

мосвязь даваемых характеристик с происхождением, паличием титулов, материальным положением, поведением его «героев» на войне и в быту, другими обстоятельствами карьеры (и даже «свойствами души»)¹. Причем большая часть высказываний имела негативные отклики. Не случайно В.А. Жуковский написал про Ермолова, намекая, что под копец жизни тот любил запиматься переплетным делом:

Захочет – о себе как Тацит он напишет
И лихо летопись свою переплетет².

Необходимо отметить, что французский разведчик де Лопгрю дал в целом объективную характеристику русским военачальникам. Даже его негативные отзывы о некоторых русских генералах (плохой военачальник, трус – о С.М. Каменском, П.М. Колюбакине, И.И. Палицыне, С.Ф. Желтухине) вполне согласуются с мнением русских современников. Например, для сравнения можно привести мнение об этих генералах М.С. Воронцова, высказанное им в мае 1811 г.: «Как мало у нас людей, да и тех теряем; мы на это удивительно несчастливы; дурные же никак не умирают. Граф Сергей Михайлович [Каменский. – В.Б.] здоров, как бык. Колюбакин, теперешний мой дивизионный командир, Палицын, мой бригадный командир, будут жить еще к несчастью нашему 20 лет, и вся армия знает, что они дураки и трусы. Между тем у Колюбакина 18 батальонов в команде; что же мудрено после того, коли французы нас бьют? У них тоже в числе генералов, верно, есть и плохие; но таких, которые были бы дураки и трусы, не может быть: их бы давно расстреляли или, чувствуя себя, сами бы из службы вышли, боясь худого конца. У нас же их и в отставку не пускают, хотя должно бы заплатить еще им за то, чтоб они убралась. Вот главная наша беда, которая еще дорого нам станет. С нашими солдатами и особенно с нашими офицерами, кои большая половина герои в деле, этого бы довольно; но по несчастью, почти третья часть наших генералов, особенно в кавалерии, самого простого долга своего не исполняют...»³.

О С.М. Каменском, «которой беспримерно труслив и глуп», еще в 1810 г. писал Н.Н. Раевский в одном из своих писем⁴. С.Ф. Желтухин же имел особый дар к проведению смотров и парадов, которым отда-

¹ Давыдов М.А. Современники глазами А.П. Ермолова // Число и мысль. Вып. 9. М., 1986. С. 153–175.

² Геннадий Т.Н. Четверостишие Жуковского Ермолову // Русская старина. 1874. Т. X. С. 786.

³ Архив князя Воронцова. Т. 23. С. 67.

⁴ См.: Архив Раевских. Т. 1. С. 83.

вал предпочтение Александр I. Император взял его за заметку, по при этом выразил сожаление: «Какая досада, что Желтухин такой трус». Коллега же этого любителя фрунтмании Ланжерон следующим образом комментировал его производство в генерал-майоры в 1810 г.: «...паграда эта опечалила и возмутила всю армию»¹.

В тексте, составленном де Лопгрю, только характеристика Милорадовича несколько расходится с общепринятым сегодняшним взглядом историков на «русского Баярда». Воспроизведем полностью эту запись в переводе с французского: «Генерал Милорадович. Михаил Андреевич, 38 лет, военный губернатор г. Киева; пользуется большой популярностью, но не очень хороший генерал, в военном искусстве никогда не делал больших успехов, был некогда адъютантом при фельдмаршале Суворове и это-то особенно и посодействовало его возвышению. В начале войны с турками командовал авангардом и вот здесь-то и получил чин полного генерала. Плохой субъект, проевший все свое состояние»². В какой-то степени другой француз (по на русской службе) Ланжерон оставил очень много негативных высказываний об этом знаменитом военачальнике в своих воспоминаниях (они разбросаны по всему тексту его воспоминаний), но это было предвзятое и явно не объективное мнение.

О том, что личность генерала Милорадовича трактовалась в военном сообществе неоднзначно, свидетельствует в целом пессимистичная оценка П.П. Муравьева-Карского своего бывшего начальника, совпадавшая с мнением французского офицера: «Милорадович пользовался славой храброго генерала, но я не имел повода в том удостовериться. Иные полагали его даже искусным полководцем, но кто знал лично бестолкового генерала сего, то верно, имел иное мнение о его достоинствах»³. Не очень положительную характеристику (но в целом совпадающую с известными фактами) дал этому известному военачальнику и Д.В. Давыдов: «Не будучи одарен большими способностями, он был необразованный и мало сведущий генерал, отличался расточительностью, большою влюбчивостью, страстью изъясняться на незнакомом ему французском языке и тащевать мазурку. Он получил несколько богатых последствий, но все было им издержано весьма скоро, и он был вынужден прибегать к щедрости го-

¹ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1908. № 7. С. 191; 1909. № 7. С. 187.

² Симанский П. Перед войной 1812 г. // Военный сборник. 1906. № 1. С. 14.

³ Записки Николая Николаевича Муравьева // Русский архив. 1885. № 10. С. 245.

сударя. Беспорядок в комапдуемых им войсках был всегда очепь велик...»¹.

Необходимо заметить, что легепды и сложившиеся мифы зачастую стаповились преградой для составления верного взгляда на историческую личность и его деятельность. Но современпый анализ мпепий людей, знавших гегерала, часто приводит к измеппению и даже пересмотру давно сложившегося мпепия у сегодпяшнего читателя. Нередко в переписке современпиков можно увидеть, как уже сложившееся мпепие о гегерале лишь дополпняло негативное к нему отпощение. Например, П.Н. Раевский следующим образом прокомментировал в письмах паграждение ордепом Св. Георгия 2-го класса гегерала Ф.Ф. Випципгероде за сражение под Калишем («с 20 т. чел. разбил 6 тыс.»): «...пользуется доверием у Императора, не пользуясь опым ни у кого в армии»². В письме к М.С. Воронцову И.В. Сабашеев писал про этого гегерала: «Я его не знаю. Всю славу его сделало песчастье, из которого он счастливо выверпулся»³. Ему вторила М.А. Волкова в письме к В.И. Лапской от 26 августа 1813 г.: «Все забываю сказать тебе, что Випцеппгероде здесь пользуется очепь плохой репутацией, не то что в ваших краях. Знаешь ли, что пока фрапцузы были в Москве, он стоял со своим отрядом в Клипу и его окрестпостях; он и адъютант его Нарышкип и кп. Сергей Волкопский постояппо были пьяпы. Втроем они опростали все погребав околотке, паш один лишь уцелел, потому что находился в сторопше»⁴. Если прочитать внимательпо опубликованные записки Е.Ф. Комаровского, то стапет ясно, что при всяком удобном случае именпо в этого гегерал-адъютанта автор старательно исподволь старался бросить комыа грязи. Интереспо, что разными людьми при оценке личности за основу брались и разные аспекты – профессиональные или поведепческие.

Большое количество кратких характеристик гегералов можно встретить и в воспоминапиях современпиков, правда, также с явпой печатью субъективности. Особенно это характерпо для записок А.Х. Бенкендорфа, А.П. Ермолова, А.Ф. Лапжеропа, Д.В. Давыдова, В.А. Левенштерна. Причем Киселев, Толь и как раз Лапжерон и Ермолов были достаточпо критичпы по отношению к упоминаемым

¹ Давыдов Д. Военные записки. С. 307.

² Личные письма генерала П.Н. Раевского // 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. С. 238.

³ Архив князя Воронцова. Т. 39. С. 383.

⁴ Дней прошлых гордые следы. Переписка Марии Аполлоновны Волковой. 1812–1813 годы. С. 234–235.

ими генералам¹. Приведем также сравнительные характеристики, которые можно найти в мемуарной литературе. Вот как, например, на вопрос одного из своих адъютантов о хороших русских генералах в сравнении с французскими ответил принц Евгений Вюртембергский: «...хотя из генералов и нет таких, которых можно было бы поставить вровень с вице-королем и с Мюратом, как кавалерийских генералов. Впрочем, Милорадович, по храбрости своей и отваге, ближе всех подходит к нему; Барклай де Толи и Багратион то же, что у французов Даву и Ней, Багговута я сравнил бы с Полятовским; Тучков 1-й, Коповицкий, Воронцов, Паскевич, Неверовский и Капцевич такие генералы, лучше которых едва ли найдутся в неприятельской армии. Быть может, противник превосходит нас опытными пачальниками кавалерии; но и у нас есть Палей, Васильчиков, Голицы, Дорохов. Несмотря, однако, на достоинства многих даровитых людей, которых я перечисляю, Наполеон своею личностью перевешивает всех»².

Репутация также зависела от поведения и общественно-значимых поступков генералов. Например, А.И. Чернышев, получив графский титул, решился претендовать на оказавшийся выморочным богатейший майорат (10 тыс. крепостных крестьян) осужденного декабриста графа З.Г. Чернышева. Об этом много толковали в высшем свете, а остроумец А.П. Ермолов выразился весьма определенно: «В России шуба, шапка и сапоги казенного по обычаю принадлежат палачу». В то же время рассматривавшая прошение комиссия под председательством князя В.П. Кочубея отвергла его «на том основании, что между ним и старшими Чернышевыми нет никакого родства. Это уронило его в мнении общественном и подвергло многим неприятностям в обществе, между прочим остроумцу князя Мельшикова»³. Но в военных кругах его также воспринимали неодобрительно. Так тот же А.П. Ермолов в походе 1815 г. в одном из писем не удержался от язвительных и критических замечаний по его поводу: «Чернышев сделал пачальником всех партизанов. Я разумею, что в нем соединена будет сумма бездействия, бесполезности и хвастовства всех пар-

¹ Даже Денис Давыдов, близкий к Ермолову человек, после прочтения его писем, наполненных язвительными колкостями и резкими выражениями о разных лицах, не удержался в ответе к нему написать: «...во что обмакиваете вы перо ваше, потому что с него стекают не чернила, а желчь» (*Иоганн М. Алексей Петрович Ермолов // Русский вестник. 1863. № 8. С. 671*).

² Принц Евгений Вюртембергский и его записки // Военный сборник. 1864. № 8. С. 291–292.

³ Воспоминания Николая Игнатьевича Шенга // Русский архив. 1880. № 2. С. 289.

тизапов. Досели паглости его собствеппой было педостаточпо!!»¹. Даже во Всеподаппейшем отчете III отделения за 1829 г. было паписано: «Граф Черпышев пользуется печальной репутацией: это предмет пепависти (*bete noire*) публики, всех классов без исключения. Его вообще бояться и пепавидят; его обвиняют даже в том, что он в своих докладах обмаппывает Государя ложными допесениями, стремясь приписать себе чужие заслуги...»².

На репутацию генерала могла влиять и его литературная деятельность, как это произошло со знаменитым поэтом-партизапом Денисом Давыдовым. Его сып писал: «От паписанных в то время буйпо-удалых гусарских стихов к Бурцеву... вместе с славой паложил па него и клеймо пьяницы и гуляки, тогда как в сущности он никогда не был ни тем, ни другим». Таким образом, исходя из его всем хорошо известных вирш, па него смотрели императоры Александр I и Николай I. Поэтому Ермолов с Кавказа жаловался в письме к П.А. Кикину в 1825 г.: «Просил я сюда Дениса Давыдова, но мне не раз отказали, думая, что в сорок лет он такой же повеса, каковым был в молодые лета, хотя и тогда он им не бывал для того, кто коротко знавал его»³. Ермолов был выпужден оправдывать Дениса Давыдова: «...быв гусаром, он славил и цел вино, и оттого прослыл пьяницей, а он такой же пьяница, как я»⁴. Из-за «зачашных песен» при сватовстве в 1819 г. к С.Н. Чирковой будущая теща первоначально отказала Давыдову как пьянице, ее с трудом уговорили, объяснив, что генерал Давыдов пьет мало, а это только стихи. Ведь он поэт!

Репутация негласно всегда учитывалась при пазначении па вакантные должности или при приеме па службу. При этом часто учитывались прагматические задачи. Например, полковник И.О. де Витт был вповь припят па службу в 1811 г. Но за ним тянулся шлейф какой-то темной истории (до сих пор до конца не выясненной историками), из-за чего он был когда-то уволен из гвардии⁵, да и его предшествующая авантюрная жизнь вызывала вопросы у многих

¹ Архив князя Воронцова. Т. 36. С. 141.

² Россия под надзором: Отчеты III отделения 1827–1869. С. 58.

³ Письма А.П. Ермолова к Петру Андреевичу Кикину 1817–1832 // Русская старина. 1872. № 11. С. 523.

⁴ См.: Давыдов В.Д. Денис Васильевич Давыдов, партизан и поэт // Русская старина. 1872. № 3. С. 628.

⁵ Н.П. Чулков полагал, что причиной его отставки являлось столкновение с П.И. Багратионом и П.Х. Витгенштейном, и даже привел слухи о его желании вызвать этих генералов на дуэль (Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 449). См. также: Кандаурова Т.И. Начальник Южных военных поселений граф Иван Осипович Витт // Хозяева и гости усадьбы Вяземы.

современиков. Но его взяли для ведения разведки в герцогстве Варшавском, учитывая его тесные связи в среде польской аристократии. Одновременно Барклай предупредил Багратиона (который также критически оценивал полковника): «...делая ему поручения, падлежит быть против него весьма осторожному, чтоб он ничего не мог узнать о наших распоряжениях, местопребывании войск... не входить с ним в искренние изъяснения и не доверять ему таких дел, обнаружение коих могло бы вредить нашим пользам»¹.

Если генерал увольнялся в отставку, то ему могли отказать в случае его прошения принять вновь на службу. Так, генерал О.И. Бухгольц, участник наполеоновских войн, в конце 1817 г. был уволен за болезнью с должности начальника артиллерии 2-й армии с мундиром и за свыше 30 лет службы с половинным пенсионом. Когда же в 1819 г. он попросился вновь на службу, то получил весьма обидный ответ из инспекторского департамента: «...репутация, которую Вы о себе оставили в службе, не позволяет принять Вас в оную»². Не пользовался уважением среди офицеров и генерал Л.О. Рот из-за своей мелочной придирчивости и жестокости по отношению к подчиненным, за глаза его именovali «Рвот», хотя обвинить его в трусости на поле боя никто не мог. Правда, негативную характеристику, по другим акцентам давал Роту А.И. Михайловский-Данилевский, позже служивший под его началом: «...лукавство было написано на безобразном лице его; вряд ли пахотился у нас генерал менее его любимый, по причине дерзости его и страсти к сплетням»³.

Коснемся и такого тонкого момента, как рукоприкладство. Приведем несколько примеров, доказывающих, что и некоторые генералы были не чужды этой распространённой в войсках «заразы», характерной больше для фельдфебелей при показании нижних чинов. С.Г. Волконский привел в своих воспоминаниях случай в 1813 г., когда генерал Ф.Ф. Випцигероде, приняв провинившегося офицера за простого солдата (был одет в солдатскую шинель), дал ему пощечину. Правда, когда ему указали на его ошибку, он извинился перед офицером и предложил ему satisfaction через поединок, но тот отказался⁴. Англичанин М. Вильмот, путешествуя в 1808 г. вместе с се-

Материалы IV Голыцинских чтений 18–19 января 1997 г. Ч. II. Большие Вяземы, 1997. С. 50–61.

¹ 1812–1814. Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. С. 170.

² РГВИА. Ф. 395. Оп. 66. 2 отд. 1819 г. Д. 2135. Л. 6.

³ Из воспоминаний Михайловского-Данилевского: 1824 год // Русская старина. 1900. № 10. С. 204.

⁴ См.: Волконский С.Г. Записки. С. 238–239.

мьей генерала В.Д. Лаптева, в письме в Англию сообщила, что генерал избил своего унтер-офицера за допущенную задержку с лошадьми, да и в целом «всем на дороге известны кулаки и кнут генерала Лаптева, поэтому лошадей нам везде давали пезамедлительно»¹.

Весьма интересную точку зрения (жепский взгляд) на поведение во время войны родственных лиц царской семьи высказала императрица Елизавета Алексеевна в своем письме матери от 6 октября 1812 г.: «Припц Александр Вюртембергский очень хорошо выказал себя в действующей армии, и я весьма рада за Аптуапетту (его же-пу. – В.Б.), хотя муж ее отпюдь не обожаем, да и не достоин сего. Самое лучшее, это быть жепою человека с репутацией, а припц Евгений Вюртембергский почитается здесь одним из хороших генералов»². Критично в своих письмах оценивала она и деятельность припца Георгия Ольденбургского, в первую очередь из-за того, что он был мужем великой княгини Екатерины Павловны: «В армии припца приняты недоброжелательно, и он сделался чуть ли не всеобщим посмешищем: русским не свойственна списходительность, тем более к немцам, пользующимся особенными привилегиями»³.

Очень пезавидное репеме в армейских кругах имели так пазываемые гатчинцы, служившие механическими проводниками бессмысленного фрунта. На момент восшествия на престол Павла I в гатчинских войсках состояли 2400 чел.⁴ Мемуарист В.И. Левенштерн, вспоминая о сражении под Цюрихом и командовавшем русскими войсками в Швейцарии генерале А.М. Римском-Корсакове, писал следующее: «...подчиненные ему генералы достигли высоких чинов, не сражаясь; это были по большей части гатчинцы...»⁵. О гатчинцах, «пережалованных в генералы и полковники», следующим образом отзывался современник событий и, поверное, самый известный мемуарист Ф.Ф. Вигель: «Это были по большей части люди грубые, совсем необразованные, сор пашей армии, выпавшие из полков за дурное поведение, пьянство или трусость; эти люди паходили убежище в гатчинских батальонах и там, добровольно превратясь в машины, без всякого неудовольствия перепосили всякий день от наследника

¹ См.: Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 277–278.

² Елизавета и Александр: Хроника по письмам императрицы Елизаветы Алексеевны. 1792–1826. С. 153.

³ Там же. С. 165.

⁴ Характеристику гатчинских войск см.: Баиов А.К. История русского военного искусства. Т. 2. С. 27–34.

⁵ Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1900. № 9. С. 489.

брапь, а может быть, ипогда и побои. Между сими подлыми людymi были и чрезвычайпо злые. Из Гатчинских болот своих они смотрели с завистью па счастливцев, которые смело и гордо шли по дороге почестей. Когда, пакопец, им счастье также улыбпулось, они закипели мостью: разъезжая по полкам, везде искали жертв, делали пеприятности всем, кто отличался богатством, приятпой паружпостью или воспитанием, а потом па них допосили»¹.

Большая часть гатчинцев сделала феерическую карьеру при Павле I, по в период александровского царствования их продвижение по службе резко затормозилось. Перечислим фамилии военачальников-гатчинцев, наиболее известных или припимавших участие в военных действиях в наполеоновскую эпоху: А.К. Агалип, И.С. Адамович, А.А. Аракчеев, П.С. Апелев, Ф.И. Апелев, П.Я. Башуцкий, Л.С. Бревнер, И.К. Гессе, И.Я. Каппаих, П.М. Капцевич, А.А. Клейпмихель, А.С. Кологривов, М.А. Костылев, Н.О. Котлубуцкий, Г.Г. Кушелев, Ф.И. Лишдепер, Н.А. Ловеико, П.Ф. Малютин, И.И. Миллер, А.Э. Пейкер, С.Л. Радт, А.П. Ратьков, А.К. Седморацкий, И.Х. Сиверс, А.М. Рачипский, П.И. Цорп, И.Д. Цыбульский, Ф.Ф. Эртель, П.К. Эссеп, Я.М. Шемпуков и др.

Особо педовольство с самого пачала правления Павла I засильем гатчинцев и прусскими порядками в армии высказывали гвардейские офицеры. В то время в гвардии ходили по рукам рукописные стихи С.Н. Марипа: «Ахти-ахти-ахти – попался я впросак! / Из хвата егеря я сделался пруссак. / И каску промепяв па шляпу треугольну, / Веду теперь я жизнь и скучпу и певольпу»². Негативно о гатчинцах всегда высказывался генерал Н.М. Каменский³. Это было связано в первую очередь с тем, что они демонстрировали свое умение только па смотрах и парадах, а в боевых условиях их заслуги можно назвать очень скромными. Как писал по этому поводу пакапуне 1812 г. весьма далекий от военных дел Н.М. Карамзин: «Герои вахт-парада оказываются трусами па поле битвы; сколько знаем примеров! Офицеры Екатерипиного века ходили ипогда во фраках, по ходили смело и па приступы. Французы не педаптствуют – и побеждают. Мы видели прусских героев!»⁴. П.С. Пуцип привел в своем дпевпике эпизод с А.А. Аракчеевым, когда впачале Лейпцигской битвы «одпа из грапат разорвалась шагах в 50-ти от места, где мы беседовали с графом. Оп,

¹ Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Ч. 1. С. 90–91.

² *Марин С.Н.* Полное собрание сочинений. Летописи. Т. 10. С. 79.

³ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1909. № 6. С. 553.

⁴ *Карамзин М.И.* Записка о древней и новой России... С. 108.

удивленный звуком, который ему пришлось услышать впервые в жизни, остановился на полуслове и спросил меня, что это означает? “Грапата”, – ответил я ему, приготовившись слушать прерванную так неожиданно фразу, но граф при слове “грапата” переменился в лице, поворотил свою лошадь и большим галопом удалился с такого опасного места, оставив меня в печальном положении»¹. А вот как описывал в 1813 г. самого известного деятеля павловского правления Аракчеева гражданский чиновник Н.М. Лонгинов: «Сам гатчипец, он вообще покровительствует только этой сволочи»². Поэтому со стороны высшего командования явно просматривалось недоверие к фрунтманам и желание убрать их подальше в тыл, чтобы они никак не влияли на ход военных действий. Или же не давать в командование большие воинские соединения, что вызывало со стороны гатчипцев жалобы.

Например, в начале Отечественной войны генерал-лейтенант П.М. Капцевич, имевший старшинство от 3 декабря 1799 г. и сделавший в свое время быструю карьеру благодаря службе в гатчинских войсках, командовал 7-й пехотной дивизией, тогда как в 1-й Западной армии все корпусные командиры генерал-лейтенанты (за исключением Н.А. Тучкова) были младше его в чине. Мало того, 21 августа 1812 г. он умудрился получить выговор от Барклая де Толли за беспорядок в Софийском пехотном полку³. Но во второй период кампании его обиды умножились.

В письме от 15 октября 1812 г. к А.А. Аракчееву он откровенно жаловался: «Все мои товарищи идут вперед большими шагами, я остаюсь один позади». Особенно его задело сначала назначение генерал-майора П.А. Строганова командиром 3-го пехотного корпуса, а затем, после убитого К.Ф. Багговута, занятие должности корпусного начальника младшим его по выслуге генерал-лейтенантом князем С.Н. Долгоруковым (имел старшинство от 18 декабря 1799 г., в списке его фамилия стояла после Капцевича), до этого являвшегося главой русской миссии в Неаполе. «Корпус его 2-й, – писал Капцевич, – отдали генерал-лейтенанту князю Долгорукову, младшему меня и не видавшего другого огня, кроме дипломатического, в своем кампене в кабинете». В письме весьма примечательны и другие

¹ Пущин П.С.: Дневник 1812–1814 годов; Чичерин А.В.: Дневник 1812–1813 годов. С. 152.

² Из писем Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1912. № 5. С. 45.

³ См.: Аглаинов С.И. Отечественная война 1812 года: Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. С. 293; Безотосный В.М. Приказы по 1-й Западной армии // Российский архив. 1996. Вып. VII. С. 133.

фразы, раскрывающие мотивацию оскорбленного генеральского поведения: «Просить мне должного я не обязан изгибаться; оставить службу тогда, как отечественная война грех и совестно; ранортоваться больным, как многие другие служивые делают, и того еще гаже. Итак, решился я терпеть и тернению моему положить конец с концом камнаний... нет уже мне и духу носить титул дивизионного, тогда как Бог знает кто дивизиями не командует. Ежели воля Государя не удостоит меня корнусом командовать, то мне и нет, как мне кажется, в армии и места. Почему, ежели я лишний, на что меня держать? Как прискорбно, граф, служить и не подаваться выше, а напротив еще надать... ныне остаюсь я один в армии генерал-лейтенант, что командует дивизией»¹. Справедливости ради, укажем, что Канцевич не вышел в отставку, так как, по-видимому, по протекции Аракчеева в 1813 г. он был ноставлен во главе 10-го нехотного корнуса (небольшой по численности, но все же корнус!).

Можно добавить, что нлохое реноме было и у так называемых фрунтовигов, которых все невольню сравнивали с боевыми офицерами. Так, офицер И.С. Жиркевич перед 1812 г. за образец почитал генералов А.П. Ермолова и Л.М. Яшвиля, «составивших себе громкую ренутацию нервых артиллеристов по армии, хотя оба были совершенно отличные и образованием, и храбростью», а по другую сторону указывал на нолковника А.Х. Эйлера. «Бывши ротным командиром, он занимался фронтовою службою, как мы тогда называли, “недански”, т. е. со всеми малейшими подробностями; а как, в продолжение двух военных камнаний, в сражениях нод Аустерлицем и нод Фридландом, он заслужил ренутацию не лестную для воина, то сослуживцы его крепко за это не любили»².

Закончить эту главку хочется двумя примерами. Приведем сначала слова, нанисанные Д.С. Дохтуровым в 1805 г. своей жене. Комментируя встречу с имнератором носле Аустерлицкой битвы, когда тот при всех похвалил его за то, что он вывел людей в конце сражения, он нрибавил: «Вот, мой друг, что я заслужил в этом ноходе; воистине нечто весьма драгоценное – ренутацию честного человека»³. А наноследок нриведем текст нисьма М.И. Кутузова своей дочери Е.М. Хитрово: «Мне самому смешно, когда я нодумаю, ка-

¹ *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). С. 252–253.

² Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848 // *Русская старина*. 1874. № 8. С. 634–635.

³ Письма Д.С. Дохтурова к его супруге // *Русский архив*. 1874. № 5. Стлб. 1093.

ким взглядом я смотрю на свое положение, на почести, которые мне воздаются, и на власть, мне предоставленную». И затем, комментируя слова другой дочери – Е.М. Кудашевой, которая сравнивала его с Агамемноном, он задался ненростым и даже философским вонросом: «Но был ли Агамемнон счастлив?»¹.

Генеральские «болезни»

Практика камнаний наполеоновской эпохи изобилует примерами «заболевания» русских военачальников, которые дают некоторое представление о новеденческих установках генералитета. Причем историку иногда сложно определить было ли на самом деле физическое недомогание², либо генерал нросто «сказывался больным» и тем самым демонстрировал свой нротест вышестоящим военачальникам. Подобными снособами генералы относительно легитимным образом нытались оказывать давление на высшее начальство.

Такие акции хорошо известны в литературе. Например, массовое «заболевание» в тарутинский нериод командиров донских казачьих нолков в знак нротеста из-за отстранения от командования М.И. Платова³, отъезд из армии оскорбленного М.Б. Барклая де Толли «за увеличившею в нем болезнью»⁴. Примерно теми же обсто- ятельствами были нродиктованы в конце 1812 г. заболевания на короткое время «нонавшего в немилость» П.Х. Витгенштейна и ряда его генералов⁵. Такого рода ситуации имели место и в 1813–1814 гг. Так, например, после назначения в 1813 г. Витгенштейна главноко- мандующим старший его в чине А.П. Тормасов нонросил Александра I уволить его из армии, ссылаясь на состояние здоровья⁶, М.И. Милорадович сказался больным во время отстунления, или как написал в своем дневнике А.А. Щербинин: «Генерал Милорадович,

¹ Князь М.И. Голеннищев-Кутузов-Смоленский 1745–1813. Письма к его дочери Е.М. Тизенгаузен, во втором замужестве Хитрово // Русская старина. 1874. Т.Х. С. 367.

² О действительных болезнях, которыми болели военнослужащие см.: *Проскурин Б.М.* Об армейских болезнях в начале XIX века // 1812 год. Люди и события великой эпохи. М., 2010. С. 109–120.

³ М.И. Кутузов. Т. IV. Ч. 1. С. 317–318.

⁴ Там же. С. 332.

⁵ *Дубровин П.* Отечественная война в письмах современников. С. 438–439; *Клаузевиц К.* 1812 год. С. 176.

⁶ *Потрашков С.В.* Генерал от кавалерии А.П. Тормасов в Отечественной войне 1812 года // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. М., 2001. С. 25.

после некоторых мне неизвестных личных сношений с графом Витгенштейном, низложил команду арьергарда в то критическое мгновение, когда неприятельская армия готовилась перенравиться чрез Эльбу»¹.

Можно привести случай с Ф.В. Остен-Сакеном и баварским фельдмаршалом К.Ф. Вреде во время движения союзных войск к Парижу в 1814 г., описанный в мемуарах А.И. Михайловского-Данилевского: «С начала похода принято было за правило, что если сойдутся два генерала различных держав, то из них младший в чине постоупает в повеления старшего, невзирая на могущество держав, к коим они принадлежат. На основании сего правила Сакен, будучи в чине генерала от инфантерии, должен был явиться в команду Вреде, которого только что произвели в фельдмаршалы. Но благородный и честолюбивый Сакен, служивший в век Екатерины, знал различие между собою и баварским фельдмаршалом, он сказался больным...»².

Нужно откровенно сказать, что при Наполеоне его германские вассалы даже не помышляли произвести в фельдмаршалы кого-то из своих генералов. В сражении же при Бар-сюр-Об в рядах союзников сражались корпуса генералов Вреде и Витгенштейна. Витгенштейн как младший в чине номинально был подчинен Вреде (хотя в 1812 г. как раз его войска били баварцев Вреде). Да, баварцы играли в этом сражении всомогательную роль, но Вреде за этот бой был пожалован чином фельдмаршала, Витгенштейн же не получил ничего, кроме нулевого ранения, и выбыл до конца кампании из строя³. Случай с баварским производством в фельдмаршалы являлся самым скандальным для российского генералитета в 1814 г. Но все эти факты дают основание считать их проявлением стереотипного профессионального поведения генералов. Они также помогают понять стереотипные представления, господствовавшие тогда в генеральской среде, о том как поступать в том или ином случае.

¹ Щербинин А.А. Военный журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. С. 272.

² Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары 1814–1815. С. 48.

³ Орлов Н.А. Низложение Наполеона в 1814 г. // История русской армии и флота. Т. IV. М., 1911. С. 136–137. Заметим, у русских генералов имелись еще несколько столкновений, связанных с именем этого баварского военачальника. Например, когда 20 февраля 1814 г. принц Евгений Вюртембергский заставил французов сдать г. Труа и дал час, чтобы они очистили город, Вреде, используя свое старшинство, приказал первым войти не русским частям, а баварскому батальону под командою принца Карла Баварского (Принц Евгений Вюртембергский и его записки // Военный сборник. 1864. № 9. С. 55).

Справедливости ради, стоит указать на совершенно противоположные случаи. Несмотря на преклонный возраст значительного числа генералов, многие из них участвовали в сражениях, будучи тяжелооболбными. Так, например, генерал-майор П.Г. Лихачев, дивизия которого защищала в Бородинской битве «батарею Раевского», из-за «ломоты в ногах» не мог даже ходить и во время сражения сидел на походном стуле в углу редута. Поэтому его нервный биограф, унянявший болелни, имел все основания написать: «Высокое чувство долга и благородное желание не быть нраздным зрителем битвы, долженствовавшей, но тогдашнему мнению, решить судьбу Отечества нашего, надавлиали в нем телесный недуг»¹.

Другой не менее показательный пример. Во время боев под Смоленском Д.С. Дохтуров лежал в постели болной. Когда же М.Б. Барклай де Толли запросил его, сможет ли он возглавить оборону города, генерал, прочитав записку, ответил: «Лучше умереть в поле, чем на кровати»². После чего принял командование войсками. Примеры такого рода также не являлись единичными, не говоря уже о многочисленных фактах, когда генералы, несмотря на полученные ранения, отказывались покидать поле боя. Можно указать на поведение генерала Н.Н. Раевского, получившего в сражении при Лейпциге жестокую контузию в грудь, но на просьбу уйти в тыл ответившего: «Не надобно надавать столь худого примера подчиненным; пока в силах – не оставлю поля сражения»³.

Бывали, хотя и крайне редко, случаи добровольного ущемления своего старшинства во время боевых действий. Так, 24 августа 1812 г. под Колоцким монастырем к русскому арьергарду генерал-лейтенанта П.П. Коновницына (старшинство с 12 апреля 1808 г.) на помощь подошла кавалерия во главе с генерал-лейтенантом Ф.П. Уваровым (старшинство с 5 ноября 1800 г.). И вот какие слова, сказанные Коновницыну, услышал очевидец Д.В. Давыдов: «Петр Петрович, не то время, чтобы считаться старшинством; вам поручен арьергард, я прислан к вам на помощь, – приказывайте»⁴.

О том, что генералы переживали настоящие стрессы и действительно часто болели во время боевых действий, свидетельствует случай с генералом А.А. Бельгардом. Он участвовал в заключительном

¹ Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. Т. 1.

² Глинка С.Н. Прибавление к русской истории. Записки и замечания о происшествиях 1812, 1813, 1814, 1815 годов. Ч. 1. М., 1818. С. 38.

³ Раевский А.Ф. Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. С. 102.

⁴ Давыдов Д. Военные записки. С. 206.

этапе кампании 1812 года и преследовании неприятеля в Пруссии. Но в начале 1813 г. заболел психическим расстройством. Как писал тогда генерал Ф.Ф. Штейнгель, он «потерял ум, дошел в сем положении до жалостного человечеству состояния», его поместили в больницу для душевно больных в Кенигсберге¹. В 1813 г. князь А.В. Сибирский в бою под Рейхенбахом был ранен «от разорванного ядра» в локоть правой руки и бок, после чего отправлен для излечения в Варшаву. Но после войны рука его оказалась парализованной, сам он стал подвержен «лихорадочным припадкам», происходящим, судя по медицинскому свидетельству, оттого «что еще скрытые костные обломки в ране находятся»². В самом начале ноября 1812 г. командир дивизии генерал-лейтенант И.Т. Сазонов «получил аномлексический удар, от коего отнялась правая рука и левая нога»³. Это произошло в перерыве между боями, что уж говорить о ранениях, полученных генералами в сражениях. Подобных ран и болезней после окончания военных действий у ветеранов, в том числе и генералов, можно считать большое количество.

Но не вызывает сомнения, что генералы могли просто болеть или «заболевать» (по устоявшимся канонам генеральского этикета) в качестве выражения традиционного недовольства бойцов передней линии штабом. В то же время высшее командование также иногда называло «заболевшим» военачальника, чтобы удалить его из действующей армии. Так, 15 ноября 1812 г. М.И. Кутузов, получив предварительное согласие императора (рескрипт от 9 октября 1812 г.), предписал Л.Л. Беннигсену: «По причине болезненных ваших припадков извольте, ваше высокопревосходительство, с получением сего отправиться в Калугу...»⁴. Естественно, настоящая причина высылки генерала была иной. Сам Беннигсен считал, что Кутузов «воспользовался временем, когда я был действительно болен, и прислал мне форменное предписание, чтобы я покинул армию для излечения»⁵. Его адъютант П.Д. Дурново в своем дневнике записал,

¹ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208в. Св. 45. Д. 2. Л. 65–65 об. В 1814 г. он, излечившись, был назначен командовать артиллерией в корпусе А. Вюртембергского под Данцигом.

² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Л. 330; Ф. 395. Оп. 60. 2 отд. 1816 г. Д. 6316. Л. 4.

³ Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XX. С. 1.

⁴ М.И. Кутузов. Т. IV. Ч. 2. С. 390–391; *Богданович М.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 3. СПб., 1859. С. 285, 482.

⁵ *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне 1812 г. С. 126. Ранее он откровенно жаловался в письме к Александру I от 14 ноября 1812 г.: «Никогда, Государь, Вы

что генерал болел 8 ноября, а уже на следующий день «почувствовал себя немного лучше»¹. Причины ночи месячной задержки высылки из армии начальника Главного штаба еще не вполне ясны. Последним же веским аргументом стало недовольство императора тем, что Беннигсен 26 октября 1812 г. позволил себе дать совет императору произвести полковника князя С.С. Голицына в генерал-адъютанты. Высочайшее неудовольствие дало дополнительные козыри Кутузову, который решил, что настал момент для высылки Беннигсена. Об этом свидетельствует простое сопоставление дат.

Справедливости ради укажем, что и генералы испытывали во время боевых действий все тяготы и лишения войны. Так, например, сам М.И. Кутузов только 13 декабря 1812 г. в Вильно в письме к жене признался: «Я первый раз ностал ностель, без которой обходился, и стану раздеваться, чего не делал всю кампанию»².

Генеральские семьи: «Дворяне – все родня друг другу»

Это – строка из поэмы «Возмездие» Александра Блока. И его высказывание очень близко к истине. Семейно-родственные связи пронизывали весь генералитет, так же как и все русское дворянство. Даже такие, вроде бы далекие друг от друга и в жизни, казалось, непримиримые соперники, как Барклай де Толли и Аракчеев имели общих родственников. Приведем другой пример – в армии были произведены, можно сказать со скандалом, в генерал-майоры в 1814 г. пятеро Давыдовых (включая Дениса Васильевича Давыдова), причем подозреваю, что их не хотели производить во избежание путаницы, которая все-таки произошла³. При этом все они состояли в близких родственных отношениях (братья, двоюродные братья) с генералами И.Н. Раевским и А.П. Ермоловым. И подобных случаев можно привести очень много, например, шесть братьев Иловайских и трое Грековых в Войске Донском, четверо братьев Тучковых, трое братьев

не обращались так с лакеем, как обошелся со мною фельдмаршал»; даже просил уволить от должности: «Освободите меня, Государь, от этого унижительного и столь мало заслуженного положения» (Письма Беннигсена императору Александру в Отечественную войну // Военный сборник. 1904. № 2. С. 241–243).

¹ 1812 год... Военные дневники. С. 104.

² Архив князя М.И. Кутузова-Голенищева-Смоленского // Русская старина. 1872. № 3. С. 658.

³ См.: Давыдов В.Д. Денис Васильевич Давыдов, партизан и поэт // Русская старина. 1872. № 3. С. 624, 633–635; Архив Раевских. Т. 1. С. 218–219.

Васильчиковых, четверо князей Волконских и князь П.Г. Реннин (бывший Волконский), но два родных брата Меллер-Закомельские, Багратионы, Реннинские, Турчаниновы, Фоки, Кульневы, Олсуфьевы, Каменские, Желтухины, Берги, Кологривовы, Бороздины, Бистромы, Ливены, Бенкендорфы, Княжипины, Каблуковы, Ушаковы, Жеваховы, Яшвили, Сиверсы, Мусин-Пушкины, Розены, Панчулидзевы, Палены, Аракчевы, Голицыны, Горчаковы, Чичерины, Щербатовы. Я уже не уноминаю случаи, когда в генеральских чинах воевали отец и сын (Платовы, Беннигсены, Сухтелены, Грековы) или дядя и племянник. Впору, если уж рассматривать генеральские распри, говорить о конфликте отцов и детей, хотя данные для такой постановки вопроса еще не найдены, поэтому и не рассматривались. Если внимательно проанализировать данные табл. 6 (графа «Жены»), то станет ясно, что генералы очень часто женились на дочерях и сестрах генералов или через жен вступали в родственные отношения друг с другом.

В России по законодательству все военные и статские чиновники вступали в брак, предварительно испрашивая разрешение на него своего начальства. Как правило, к разрешению прикладывалось свидетельство, что невеста достигла узаконенного шестнадцатилетнего возраста, а также письменное согласие ее родителей, попечителей или опекунов. Сам же жених должен был достичь восемнадцатилетия и быть не старше 80 лет. Начальство должно было следить за пристойностью брака, правда, не объяснялось, какими критериями при этом должен руководствоваться сам начальник. То есть решение им принималось по личному усмотрению¹.

Безусловно, у генералов жизнь не ограничивалась только трудами и успехами на службе и поле брани, у каждого была и личная жизнь, которая у одного складывалась удачно, у другого – несчастливо. Именно о генеральских женах и детях пойдет речь в этой главе.

Чтобы обрисовать семейную жизнь высшего военного слоя Российской империи необходимо прежде всего обратиться к формулярным спискам генералов, в которых имелись соответствующие графы о семейном положении на момент составления списка. Данные о генеральских женах и детях можно уточнить и дополнить сведениями, полученными из литературы и других источников. Хотя и в данном случае возникают определенные трудности, поскольку, основываясь только на статистических данных, трудно провести анализ генераль-

¹ См. подробнее: *Плугин Л.* О браках русских офицеров // Военный сборник. 1862. № 5. С. 87–94.

ской семьи. Рассмотрим только генеральских жен, список которых помещен в табл. 6.

Общее количество генеральских жен, неречисленных в табл. 6, – 429. Причем многие генералы женились несколько раз: 60 чел. дважды, 11 генералов трижды, рекордсменом можно назвать Л.Л. Беннигсена, имевшего последовательно четыре официальных жены¹. В браке, если подытожить полученные данные, в генеральских семьях были рождены 1334 ребенка, к которым нужно прибавить, по крайней мере, 30 внебрачных детей. Последняя цифра отражает только результат моих поисков, вероятнее всего, она может быть увеличена, так как найденные мной сведения получены из литературы, они касаются в основном известных генералов: А.А. Аракчеев, Г.М. Армфельд, П.И. Балабин, Б.В. Голицын, А.П. Ермолов, великий князь Константин Павлович, А.Ф. Ланжерон, Д.П. Лянунов, И.И. Морков, Е.И. Оленин, А.И. Остерман-Толстой, И.Г. Шевич, Ф.В. Остен-Сакен, К. де Местр, Д.И. Лобанов-Ростовский. Поскольку внебрачные связи особо не афишировались, то, вероятно, таких детей было больше.

Бывали и курьезные случаи, которым трудно дать определение. Можно вспомнить благожелательные строки «анекдота» из записных книжек П.А. Вяземского о том, что граф М.И. Платов, овдовев, после поездки в Лондон в 1814 г. привез оттуда в качестве компаньонки не говорившую ни слова по-русски молодую англичанку, прожившую на Дону до его смерти. Денис Давыдов был удивлен и спросил его, как, не зная ни слова по-английски, он сделал подобный выбор? Донской «вихорь»-атаман отвечал ему со своим ненодражаемым произношением: «Я скажу тебе, братец, это совсем не для хфизики, а больше для морали. Она добрейшая душа и девка благонравная, а к тому же такая белая и дородная, что ни дать ни взять ярославская баба»².

Можно привести в пример нисьмо великого князя Константина к Ф.В. Остен-Сакену: «Одна девушка, – не без доли юмора и сарказма нисал цесаревич, – нрошение которой я нренровождаю вам, желает, чтобы я нринял на себя заботы о ребенке, отцом которого, по ее уверениям, являетесь вы. Признаюсь вам, что из всех ваших побед и

¹ Беннигсен имел в четырех браках 7 детей; разница между старшей и младшей дочерьми составляла 47 лет, а сам он был старше своей последней жены на 30 лет (См.: *Эйдельман Н. Записки Беннигсена // Встреча с книгой.* М., 1979. С. 306–307).

² *Вяземский П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки.* М., 1988. С. 407.

завоеваний эта победа удивляет меня более всего; она лишь усиливает представление, которое я имел всегда о ваших необычайных способностях, так как меня уверяли, что молодая особа не отличается поразительной красотой. Честь вам и хвала, дорогой генерал, за то, что вы исправляете бедствия войны, стараетесь восстановить народонаселение владений вашего августейшего новелителя; это лишь доказывает, что человек с сердцем в каждое мгновение своей жизни находит возможность послужить с пользой своему государю и отечеству»¹.

Воинские артикулы Петра Великого предусматривали, что холостой мужчина только в том случае был обязан жениться на «чреватой», или родившей женщине, если он ей «всеконечно о сунружестве обещал»². «Беззаконное» рождение не было редкостью в те времена, многие русские военачальники сами родились в неполных семьях незаконнорожденными (но тогдашним церковным меркам – существами, неугодными Богу). Чаще всего они получали право на потомственное дворянство в результате прошения на высочайшее имя своих настоящих отцов, занимавших высокое положение. Рожденными вне брака являлись генералы И.П. Инзов, М.Ф. Орлов, В.В. Левашев, П.П. Пассек, два брата Реннинских³. Для русского дворянского общества в этом не было ничего необычного. Да и сама Екатерина Великая являлась образцом. Также можно привести и пример генерала Л.Г. Вальмодена-Гимборна, которого можно считать внуком английского короля Георга II, поскольку его отец Иоганн Людвиг Вальмоден являлся незаконнорожденным сыном этого короля, а вот родная сестра генерала вышла замуж за известного прусского государственного деятеля барона Г.Ф.К. Штейна⁴.

Но значительное количество генералов оставалось всю жизнь холостыми. Из 531 генерала были женатыми 434, точно известно, что 87 никогда не женились, у 10 сведения о семейном положении не найдены, то есть 16–18 % генералов не познали радостей семейного счастья и уюта.

¹ Цесаревич Константин Павлович // Русская старина. 1905. № 5. С. 351.

² ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т.V. № 3006.

³ «Еще Петр Великий, видя, что закон наш запрещает вступить в четвертый брак, позволил князю П.И. Репнину иметь метриссу и детей ее, под именем Репнинских, благородными признал» (Помещичья Россия по запискам современников. С. 25).

⁴ Э.Э. Крейе ошибочно полагал (или его не совсем правильно перевели), что Л.Г. Вальмоден был зятем Г.Ф.К. Штейна (См.: *Крейе Э.Э. Политика Меттерниха: Германия в противоборстве с Наполеоном 1799–1814*. С. 18.)

В какой-то степени объяснение холостого состояния великовозрастных генералов мы можем найти в письме А.П. Ермолова к П.А. Кикину 1828 г. Кикин написал ему о слухах в обществе о предстоящей женитьбе Ермолова, которому исполнился тогда 51 год, а тот ответил, что «составляю только партию в вист». И далее дал развернутое объяснение, почему он уже никогда не женится: «...уверяют, что сладостно возродиться в детях, вижу, сколько в годах, клонящихся к старости, горестно одиночество, но хорошо, если бы о сем напомнили вы мне раньше. Долго увлекаемый любовью к военному состоянию, я страстен был к даме Славе. Долго кокетствовала она со мною и изменила. Прошло время помышлять о женитьбе и в сей последней боюсь я равного счастья, как и на коннице военном»¹. Фактически он повторил, то что написал в своих записках о своей возможной женитьбе в 1809 г. в Киеве, но тогда обзавестись семьей не посмел: «Я страстно любил W., девушку прелестную, которая имела ко мне равную привязанность. В первый раз в жизни приходила мне мысль о женитьбе, но недостаток состояния с обеих сторон был главным препятствием, и я не в тех уже был годах, когда столько удобно верить, что нищю можно заменить нежностями»².

Мораль того времени гласила, что без средств жениться нельзя, чтобы не обрекать избранницу на бедное существование. Интересные сведения и рассуждения о женитьбе можно найти в письме М.А. Волковой к В.И. Ланской от 1 декабря 1813 г.: «Касательно вопроса о состоянии, я вижу, что ты разумнее других жителей Петербурга и считаешь возможным жениться, имея пятнадцать тысяч дохода. Я знаю молодых людей, имеющих не больше 15 тысяч в год, которые не решались жениться на девушках тоже не без состояния, но, по их мнению, недостаточно богатых для них, то есть они полагали, что нельзя жить с семейством, не имея от восьмидесяти до ста тысяч дохода. Четверо или пятеро молодых людей в моем присутствии высказывали такое мнение; мне противно было их слушать»³. Если верить устоявшимся великосветским представлениям о финансовой обеспеченности дворянской семьи, то 15 тыс. руб. это сумма была несколько выше гарантированного генерал-майорского жалования (1800 руб.).

¹ Письма А.П. Ермолова к Петру Андреевичу Кикину 1817–1832 // Русская старина. 1872. № 11. С. 535.

² Записки А.П. Ермолова. С. 115.

³ Дней прошлых гордые следы. Переписка Марии Аполлоновны Волковой. 1812–1813 годы. С. 263–264.

Интересно, что Ермолов, «герой, в походах поседевший», понав на Кавказ, заключил три кебинных брака с мусульманками, от которых имел дочь и нятерых сыновей. Последних он увез в Россию, где они нолучили образование и долго считались его воспитанниками. 13 декабря 1825 г. он нисал А.А. Закревскому: «Детям буду просить в дворянское достоинство: многим оное дали, неужели откажут мне одному»¹. Позже они были нризнаны его законными наследниками и нолучили все нрава, включая нотомственное дворянство². Отметим, что Ермолов не будучи мусульманином, трижды женился на основе норм шириата и ноказал себя не очень ценетильным человеком в отношении нравов и религиозных догм. Тут налицо был не только военный деспотизм и административный нроизвол (Ермолов в ноной мере ниспользовал свои властные функции в личных целях), но и религиозное ханжество и лицемерие верхушки православной церкви, отлично знавшей о многоженстве, да еще о мусульманским образцам, главнокомандующего на Кавказе (что вряд ли согласовывалось с догматами христианства). Кроме того, нужно сказать, что носле отставки он жил в Москве, имея нри себе креностную девушку Марфу, от которой у него родился сын, так же, как «кавказские дети», носже нризнанный наследником и нолучивший дворянство.

Интересен и анализ биографических данных самих генеральских жен, их нроисхождения и национального состава, хотя не всегда формулярные сниски готовы прояснить все эти вопросы. Вот, нанпример, как нишут о герое 1812 года К.Ф. Казачковском (дед жены Н.Г.Чернышевского) саратовские краеведы, хотя в их расноряжении имелся формулярный снисок этого генерала: «Отсутствуют точные сведения о месте его рождения, времени и месте его женитьбы, нет почти никаких биографических данных о его жене, за исключением ненодтвержденной документально семейной легенде о ее якобы итальянском нроисхождении. Не выяснены пока время и место рождения его детей, имущественное ноложение»³.

Бесснорно, большинство из генеральских жен из нашего списка но нроисхождению нринадлежали к дворянству, хотя семь нроисходили из кунеческого сословия или негоциантов, две являлись дочерьми священников, одна была казачьей дочерью, одна мешчанкой.

¹ Сб. ИРИО.Т. 73. С. 442.

² Подробнее о кебинных браках и детях Ермолова см.: *Жерве А.И.* Алексей Петрович Ермолов и его кебинные жены на Кавказе, 1816–1827 гг. // Русская старина. 1884. № 9. С. 523–528.

³ *Захарова И.Е.* Герой войны 1812 г. К.Ф. Казачковский и потомок Н.Г. Чернышевского // История и историческая память. Вып. 6. Саратов, 2012. С. 217.

Тут очень интересен другой аспект – 114 дам являлись до замужества титулованными особами (44 графини, 38 княгинь, 15 баронесс, 17 принцесс, герцогинь и великая княжна), у 81 отцы имели генеральские чины (1 генерал-фельдмаршал, 25 полных генерала, 21 генерал-лейтенант, 23 генерал-майора, 11 бригадиров), 47 были дочерьми штаб-офицеров, 19 – обер-офицеров. Шесть жен представляли княжеский род Голицыных; но четыре дамы представляли князей Белосельских-Белозерских, графов Анраксинных, Толстых и Зубовых; но три – представительницы дворянских домов Пашковых, Львовых, Мусиных-Пушкиных, Потоцких; но две были урожденными княжнами Оболенские, Волконские, графини Скавронские, Васильевы, Лидерс, и две дамы, не удостоенные титулами при рождении, представляли Бибиковых, Протасовых, Ладыженских, Иловайских, Раевских. Среди всех дам особое место в наших списках занимали 33 фрейлины особ царствующей фамилии. Близость к Двору делала этих дам более желанными в качестве жен, создавала дополнительные предпочтения при выборе женихов.

Важно понять, что на выбор брачного партнера для невесты (особенно молодой девушки) влияло семейное и родственное окружение. Мотивами для вступления в брак являлись соображения материально-статусного характера, которые должны были обеспечить взаимную выгоду жениха и невесты. Требования, предъявляемые к будущему мужу или жене, обуславливались представлениями и нормами, действовавшими в дворянском обществе. Для невесты, например, было важно, чтобы статус избранника был сопоставим со статусом ее отца. Генеральский чин будущего мужа (если он женился в этом чине), да еще с учетом возможности карьерного роста, создавал уверенность в прочности такого брака. Для женившихся военачальников одним из главных критериев для выбора невесты являлась степень родovitости ее предков. Если женились не по расчету, то знатность рода невесты могла перевесить ее богатство. Таким образом, чаще всего в первую очередь оценивался социальный статус ее отца, затем приданое (имущественное положение), а лишь потом внешность. Генеральский же статус жениха был важен для родственников невесты. Вот как, например, описывает женитьбу генерала П.С. Кайсарова с «очаровательной» Варварой Ланской Н.Ф. Нарышкина (урожденная Ростопчина). Первоначально руки Ланской просил ее брат, но «через месяц она досталась другому». Нарышкина попросила показать счастливец, «который оказался нехорош собой и довольно-таки староват, особенно по сравнению с моим красивым братом, едва достигшим тогда двадцати двух лет. Ленты и генеральские эполеты

склонили чашу весов в пользу старого солдата. Союз сей был несчастлив, у мужа оказался гнусный характер»¹.

Если рассматривать национальную принадлежность невесты, то генералы в жены носле русских (263 дамы) чаще выбирали немок (113), затем польских красавиц (101)², потом шли француженки (8). Остальные национальности были представлены более скромно (4 англичанки, молдованки, шведки, гречанки – но 3 особы). Интересно проанализировать межнациональные браки, беря в расчет только фамилии и на этом основании определяя национальность. Например, 45 генералов с русскими фамилиями выбирали невест с иной национальностью. Примерно столько же генералов (43) с иноземными фамилиями оказались женатыми на русских женщинах. Всего же я насчитал 94 межнациональных брака. Многие иностранки прижились в России, для них она стала второй Родиной. Вот что, например, писал доктор Роджерсон С.Р. Воронцову в 1805 г. про жену Чичагова англичанку Елизавету Пробби: «...она, наконец, здесь натурализовалась и настолько в согласии со страной, что случись ей неожиданно вернуться жить в Англию, она будет отирать слезы»³. Безусловно, вне конкуренции у мужской части военного общества всегда находились польки, которые всегда славилась красотой. Так И.Т. Радожицкий, касаясь их возраста, оставил следующую записку по этому поводу: «Я заметил, в продолжении своих походов, что польские дамы, преимущественно перед дамами других наций, умеют сохранять свежесть красоты своей до преклонных лет, от туалетного искусства, или от умеренности в наслаждениях жизни»⁴.

Коснемся также темы смены вероисповедания у жен русских генералов. Именно в начале XIX в. католические священники (аббаты) из Франции, бежавшие оттуда носле революции, развернули в России активную насторскую деятельность. В результате пронаганды святых отцов особенно в аристократической среде стало модно переходить в католичество. В первую очередь это коснулось замуж-

¹ Нарышкина Н. 1812 год, граф Ростопчин и его время. С. 263.

² Польки славилась своею красотой, но имели в обществе определенную репутацию. Например, Е.Ф. Комаровский вспоминал, что в юности его пытались женить на графине Потоцкой: «Фамилии, кажется, не хотелось, чтобы девица вышла замуж не за католика, да я и сам не очень желал быть женатым на польке, имея перед глазами множество примеров их непостоянства» (Записки графа Е.Ф. Комаровского. С. 66).

³ Цит. по: Юлин В. Адмирал Павел Чичагов: Отечества верный сын. История жизни и судьбы. С. 38.

⁴ Походные записки артиллериста. С 1812 по 1816 год артиллерии подполковника И... Р... Ч. 3. С. 327.

них дам в родовитых семьях: Гагариных, Толстых, Воронцовых, Куракиных, Бутурлиных, Головиных, Голицыных, Свеченых, Жеребцовых, Неклюдовых и др¹. Так, из православной в католическую веру перешли З.А. Волконская (жена Н.Г. Волконского), В.П. Васильчикова (жена И.В. Васильчикова), жена, а затем и две дочери главного обличителя галломании и стража всего русского Е.П. Ростопчина².

Безусловно, престижно было быть сунругой генерала. Одновременно жизнь жены, особенно армейского генерала, с частой сменой гарнизонов «согласно назначению» была довольно сложной. В силу военной специфики службы необходимо признать, что жены на долгое время оставались без мужей, особенно в военное время. Им запрещалось находиться на театре военных действий, но многие сопровождали своих мужей во время боевых действий или старались находиться вблизи. Этим они продолжали традиции победного века Екатерины: как вспоминали современники, в кампанию 1790 г. на зимние квартиры «множество приехало жен русских генералов и полковников»³. Некоторые сунруги, чтобы обойти запрет, переодевались денщиками. Таким образом поступила Маргарита Михайловна Тучкова (урожденная Нарышкина), сопровождавшая мужа (генерала А.А.Тучкова) во время боевых действий в Финляндии в 1808–1809 гг.⁴ Там же и в то же время находилась жена И.И. Алексеева Паталя Филипповна (урожденная Вигель), а когда тот был ранен, перевезла его из Або в Петербург⁵. В 1807 г. недавно женившегося М.Е. Храновицкого (командир батальона л.-гв. Измайловского полка) сопровождала в Пруссию молодая жена. Она «в офицерском сюртуке ехала весь поход при батальоне верхом»⁶.

Но нахождение женщины на театре военных действий иногда приносило большие неприятности их возлюбленным. Можно вспомнить случай с героем Аустерлица генерал-майором Л.И. Денрадовичем (награжден орденом Св. Георгия 4-го и 3-го класса), командиром л.-гв. Семеновского полка. Как вспоминал однополчанин-семеновец

¹ См.: *Нарышкина Н.* 1812 год, граф Ростопчин и его время. С. 248–250.

² См.: *Егерева Т.* Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX в. С. 99–100, 119–121.

³ Русские мемуары. М., 1988. С. 272.

⁴ *Ивченко Л.Л.* «Молитесь вы за нас, а мы, кажется, не струсим...» // Российский архив. 1996. Т. VII. С.251.

⁵ Из записок И.П. Липранди // Русский архив. 1870. № 2. Стлб. 359.

⁶ Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцева // Русский архив. 1890. № 1. С. 68.

И.А. Пабоков, в 1807 г. его командир «вступил в связь с какой-то француженкой и настолько привязался к ней, что имел слабость взять ее с собой в поход» (выдавая ее за жену). Но во время Фридландского сражения командир не явился перед полком, а, находясь со своей дамой в коляске, всем присланным вестовым, отговаривался болезнью. В Петербурге этому никто не хотел верить, поскольку Денрерадович имел репутацию храбреца, но Фридландское дело «испортило его блестяще начатую карьеру», и он был вынужден покинуть ряды армии¹.

В 1810 г. на театр военных действий против турок в лагерь под Рущуком прибыли некоторые жены. К.Я. Булгаков писал брату: «Уже дня два у нас здесь дамы, так что мы начинаем бриться, носить мундир вместо сюртука и прихорашиваться. Дамы – это графиня Ланжерон, которая была известна несколько лет назад своей красотой и которая еще может славиться своей любезностью, и еще г-жа Мантейфель, едущая на родину полька, очень любезная и еще довольно красивая»². Но случались и неприятности военного характера, чреватые последствиями. Мемуарист описывал внезапную турецкую атаку на русский лагерь в 1807 г., когда одна «жена командира кирасирского полка» (М.Ф. Ласкина), спасаясь бегством, «потеряла свои хорошенькие розовые туфли, одну из которых подняли турки и как трофей привезли с собой в Измаил»³.

В этот период в Яссах и Бухаресте, как считает известный современный историк В.Н. Виноградов, «расцветала светская жизнь нового восточного стиля... Появились театральные труппы. Из Петербурга прибыли два танцмейстера, из Киева – регент. Балы следовали один за другим. Столицы приобщались к Европе»⁴. Как раз М.И. Кутузов, прибывший в Молдавскую армию в 1811 г. в качестве главнокомандующего, писал из Бухареста своей дочери о местном обществе: «Бездна народу, несколько дам, нонимающих кое-что в светском обращении, много других и хорошеньких, и смешных

¹ Первенцы императорской российской гвардии // Русская старина. 1883. № 12. С. 671–672; *Дирин П.* История лейб-гвардии Семеновского полка. Т. 2. С. 5–6.

² Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. С. 207.

³ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1907. № 7. С. 86.

⁴ *Виноградов В.Н.* «Странная» русско-турецкая война (1806–1812) и Бухарестский мир // Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С. 201.

барышень, несколько русских дам, с большими претензиями, и множество греков; и все они страстные охотники до танцев»¹.

Кроме того, генеральские жены могли понасть в «неределку» во время восстаний: жена генерала К.Ф. Багговута «в 1794 г. была захвачена мятежниками в Варшаве и несколько раз подвергалась опасности быть расстрелянной». Переведенная ими в Прагу она видела из тюрьмы «ужасы Прагского штурма», но, пользуясь общим смятением, сумела бежать в русский лагерь и соединилась с мужем². Жена С.Г. Гангеблова находилась с мужем во время сражений с закубанскими горцами после 1807 г.³ В случае гибели мужа во время войны (риск все же был велик) жена оставалась одна с детьми, часто без основного кормильца. Вот как описывал положение жены убитого в 1812 г. генерала В.В. Вяземского генерал И.В. Сабанеев: «Смерть покойного Вяземского погубила жену его, женщину добродетельную, которая с четырьмя сыновьями осталась без куска хлеба»⁴. Уномыем и драматическую ситуацию, в которую в конце кампании 1812 года попала жена генерала К.О. Ламберта (в девичестве Деева Юлия Михайловна), находившаяся при раненом муже. При нанике, возникшей при новторном захвате французами г. Борисова, П.И. Фаленберг «увидел трогательную сцену, как графиня Ламберт сопровождала нешком своего накануне раненого сунруга, ехавшего верхом, ноддерживая раненую ногу, чтобы при такой суматохе не разбередили»⁵.

Даже находясь вдалеке от театра военных действий, жены нродолжали нроявлять заботу о своем муже. В.И. Левенштерн, всноминая свою бытность адъютантом, нисал: «Госножа Барклай взяла с меня при отъезде из Петербурга торжественное обещание заботиться о здоровье ее сунруга и заставлять его вынивать каждую неделю декок, изготовляемый ею домашними средствами. Было довольно ко-

¹ Князь М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский 1745–1813. Письма к его дочери Е.М. Тизенгаузен, во втором замужестве Хитрово // Русская старина. 1874. Т.Х. С. 361.

² Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Т.1. С. 6–7; *Гайнуллин М.* Галерея остзейских героев эпохи наполеоновских войн. С. 60–61.

³ Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Т. 2. С. 7.

⁴ Архив князя Воронцова. Т. 39. С. 367.

⁵ Из записок Петра Ивановича Фаленберга // Русский архив. 1877. № 10. С. 203.

мично видеть, как я воевал с главнокомандующим, с ложкой в руке, и как он гримасничал, глотая свою порцию...»¹.

В кампанию 1805 г. поблизости от театра военных действий находилась жена князя Н.Г. Реннина – Варвара Алексеевна (урожденная графиня Разумовская), наследница колоссального состояния (16 тыс. душ и имения в г. Яготин). Когда в сражении при Аустерлице раненого Реннина, командовавшего кавалергардами, захватили в плен, она нанравилась во французский лагерь и два месяца ухаживала за мужем и другими русскими ранеными, пока Наполеон не отпустил ее мужа на Родину. В 1813 г. княгиня также устраивала лазареты для русских раненых в Саксонии, куда ее муж был назначен генерал-губернатором².

Накануне открытия военных действий в 1812 г. многие жены генералов находились при армии и лишь с началом войны покинули мужей. 5 июля 1812 г. П.П. Коновницын писал своей сунруге, уехавшей из Вильно вглубь страны: «Барклайша уехала тот час как и ты, и все Бенигсонши во Пскове. Гурьянова (видимо, Гурьялова. – В.Б.) в Могилеве. Тучкова в Витебске, а теперь и оттуда выехала»³. В конце 1813 г., остановившийся на отдых в Бадене, П.П. Коновницын в своем дневнике также упоминал жен русских генералов (Шувалова, Сен-При, Чанлица), приехавших туда, чтобы быть ближе к своим мужьям⁴. В 1813 г. в Силезии находилась жена раненого генерала А.И. Остермана-Толстого и ухаживала за ним⁵. Кроме этого в Праге находилась дочь атамана М.И. Платова Мария, жена генерал-майора Т.Д. Грекова и жена Н.Г. Реннина⁶.

Некоторые генералы успевали жениться в период боевых действий. Например, И.П. Оденталь в письме к А.Я. Булгакову от 16 августа 1812 г. накануне Бородинской битвы писал о нетербуржских

¹ Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1900. № 12. С. 554.

² См.: *Реннин М.И.* Князь Реннин в истории Отечества. М., 2009. С. 250, 261.

³ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VIII. С. 100.

⁴ Дневник генерал-адъютанта графа Петра Петровича Коновницына (с 10 июня 1813 по 29 сентября 1815 г.) // *Коновницын А.И.* Подвиги славных предков в годину Отечественной войны. С. 154.

⁵ *Смирнов А.А.* «Я – Солдат»: Хроника жизни Александра Ивановича Остермана-Толстого. С. 95–96.

⁶ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VII. С. 370.

новостях: «Генерал-адъютант кн. Трубецкой женится на сих днях на дочери виленского нолицмейстера Вейса. Он смертельно в нее влюблен. Знающие невесту отзываются о ней как о Клеонатре»¹. Также К.Х. Бенкендорф умудрился заключить номулку в 1813 г. в Берлине накануне Лейпцигского сражения с дочерью российского дипломата Натальей Максимовной Алонеус, 1 сентября 1814 г. уже состоялась свадьба².

«Все счастливые семьи нохожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива но-своему», – так начинается известный роман Льва Толстого³.

Во многих дворянских семьях царили достаточно вольные нравы, супруги часто искали удовольствий на стороне. В обществе действовали свои негласные правила. Генералы были живыми людьми, часто вели себя свободно, в высшем свете на внебрачные связи смотрели сквозь пальцы. Адюльтеры и временные увлечения случались достаточно часто, особенно в отсутствие одного из сунругов. Общество закрывало глаза на подобные нрегрешения, если они не носили наказного характера и не выходили за рамки существовавших приличий. Причем пример показывал сам император. Достаточно ознакомиться с нерениской императрицы Елизаветы Алексеевны со своей матерью, чтобы понять, что Александр I не жил сунружеской жизнью, высшему обществу была известна его длительная связь с Марией Антоновной Парышкиной (фактически находилась на ноложении официальной фаворитки с 1803 по 1814 г.), от которой имел дочь. «Красивая нолька... завладела, – но словам великого князя и историка Николая Михайловича, – сердцем юного монарха», хотя были у него и другие временные увлечения. Как нисала сама Елизавета Алексеевна: «...император нервый высмеивает добродетельное нование, и воистину отвратительно слышать все сие от того, кому надлежит нечься о благоденствии и нравах»⁴.

Не случайно ближайшее окружение и двор, имея неред глазами нование нервого лица, нозволяли себе очень многое. Русский двор и великосветское общество по сравнению с Евроной не представляли

¹ Письма И.П. Оденталя к А.Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах // Русская старина. 1912. № 8. С. 169.

² См.: Сидорова М., Григорьева Л. Портреты из Моршанска // Родина. 2012. № 7. С. 78–80.

³ Счастливые семейные пары, как и те, кого можно назвать несчастливыми, описаны в: Ивченко Л.Л. «Молитесь вы за нас, а мы, кажется, не струсим...» // Российский архив. 1996. Т. VII. С. 246–256.

⁴ Елизавета и Александр: Хроника по письмам императрицы Елизаветы Алексеевны. 1792–1826. С.111.

тогда исключения. И в Европе, и в России в эпоху романтизма и сентиментализма царили достаточно легкие нравы. Да и сама императрица не хранила сунружескую верность; у нее были тщательно скрываемые от общества адюльтеры с А. Чарторыйским (тот даже предлагал ей развестись и выйти за него замуж в 1815 г.)¹, генералами А.П. Ожаровским, О.П. Венансоном, самым драматическим был роман с кавалергардом А.Я. Охотниковым, от которого она родила дочь².

Не только царская чета, но и другие члены императорской фамилии отнюдь не служили примером нравственного новедения в браке. Достаточно вспомнить великого князя Константина, которого женили в 1796 г. на принцессе Юлиане Генриетте Саксен-Кобург-Готской (в России – великая княгиня Анна Федоровна). Константин был своеобразным человеком, способным на разные экстравагантные и развратные поступки, о которых распространялась молва в Петербурге. Многие мемуаристы приносили до конца не расследованное дело 1802 г. госпожи Араужо, вдовы иностранного negociанта, умершей в результате грубого изнасилования, в чем подозревали по устойчивым слухам Константина и его адъютантов³. В результате после 1801 г. его жена, возмущенная грубостью, изменами и дурными наклонностями сунруга, не желая жить с ним, навсегда покинула Россию. Но прежде у Анны Федоровны завязались романтические отношения с К. Чарторыйским, братом Адама Чарторыйского⁴, возможно, у нее был также и краткий роман с ротмистром Кавалергардского полка И.Л. Линевым, что было специально подстроено самим Константином с целью дискредитации жены в глазах его вдовствующей его матери. Сам ход этой интриги описан в анонимной форме в полковых биографиях⁵. За границей у Анны Федоровны был роман со швейцарцем Ж. де Сенье, от которого она в 1808 г. ро-

¹ Рэй М.П. Александр I. М., 2013. С. 310.

² См.: Лямина Е.Э., Эдельман О.В. Дневник императрицы Елизаветы Алексеевны // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба». СПб., 2005. С. 116–131. См. также: первую публикацию главы великого князя Николая Михайловича «Единственный роман императрицы» (Елизавета и Александр: Хроника по письмам императрицы Елизаветы Алексеевны. 1792–1826. С. 341–367).

³ Об этом деле см. обстоятельную статью: Файбисович В. «Министр наслаждений» // Родина. 2010. № 3. С. 66–71.

⁴ Подробнее о взаимоотношениях Константина и Анны Федоровны см.: Кучерская М. Константин Павлович. С. 44–56, 83.

⁵ Сборник биографий кавалергардов. Т. 2. С. 402.

дила сына, а затем, расставшись с Сенье, связала свою жизнь с уроженцем Берна, профессором медицины Р.А. фон Шиферли, от этой связи в 1812 г. родилась дочь¹. Великий князь также отнюдь не выглядел анахоретом. В молодости он был увлечен фрейлиной княжной Ж.А. Святонолк-Четвертинской и поэтому хотел развестись с женой². В заграничных походах 1813–1814 гг. «за ним ехала в экипаже одна особа женского пола, которая всегда останавливалась в его квартире на дневках и ночевках»³. История отношений между Константином и его женой закончилась 20 марта 1820 г. По просьбе вдовствующей императрицы Марии Федоровны супругов официально развели на основании 19-летнего отсутствия Анны Федоровны в России⁴.

Вольным нравом отличалась и любимая сестра Александра I великая княжна Екатерина Павловна, еще до замужества закрутившая многолетний роман с генералом П.И. Багратионом⁵, после его смерти она обратилась 13 сентября 1812 г. с деликатной просьбой к Александру I, чтобы он приказал изъять и уничтожить все компрометирующие документы (ее письма к князю, если таковые сохранились), свидетельствующие о ее связи с умершим, поскольку это могло нанести вред ее репутации⁶. Письма так и не были найдены, несмотря на все старания⁷. Незамужняя сестра Елизаветы принцесса Амалия Баденская (жившая в Петербурге) имела амурные отноше-

¹ См.: Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы. Т. 2. С. 885.

² *Николай Михайлович, вел. кн.* Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. I. № 104; *Шумигорский Е.С.* Тысяча восьмисотый год // Русская старина. 1913. № 2. С. 270.

³ Из рассказов старого лейб-гусара // Русский архив. 1887. № 10. С. 194.

⁴ ПСЗРИ. Т. XXXVII. № 28208.

⁵ Императрица Елизавета Алексеевна в следующих словах описывала этот роман в 1807 г.: «Теперь княжна не разлей вода с князем Багратионом, который уже два лета подряд живет в Павловске, как комендант тамошнего гарнизона. Она так всегда и говорит: “мы” – “Мы скажем, чтобы матушка сделала то или это” и т. п. Ежели не был бы он столь безобразен, она рисковала бы своей репутацией, но наружность князя спасает ее» (Елизавета и Александр: Хроника по письмам императрицы Елизаветы Алексеевны. 1792–1826. С. 134).

⁶ См.: *Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. С. 85, 101–102; *Минаков А.Ю.* Указ. соч. С. 148–149.

⁷ См.: *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. С. 58–60.

пия с будущим гепералом кавалергардом П.Л. Давыдовым и переживала, когда тот в 1803 г. жеписл па графипе Н.В. Орловой¹.

Можно привести подобные примеры из жизни генеральских семей, имевших отношение в высшему свету. Большинство мемуаристов упоминает многочисленные увлечения как М.И. Кутузова², так и его жены Екатерины Ильичины (урожденной Бибиковой), однако это не сказывалось на их «семейных» отношениях³. Нужно упомянуть и чету Багратион. В 1800 г. князь Петр Иванович (ему уже было за 30 лет) по воле Павла I был обвенчан с 18-летней графиней Екатериной Павловной Скавропской, которая доводилась ближайшей родственницей императорской фамилии⁴. Правда, вскоре молодая жена уехала за границу и жила в Вене, сменяя одно увлечение другим, но не отказывалась от титула княгини Багратион. Уже, вероятно, в 1802 г. она стала любовницей не кого-нибудь, а австрийского дипломата Клементы Меттерниха. В 1811 г. у нее родилась дочь, получившая имя Марии Клементины, «которую Меттерних всегда признавал своей»⁵. У П.И. Багратиона же был длительный роман в

¹ См.: Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной (1766–1821). С. 375; Елизавета и Александр: Хроника по письмам императрицы Елизаветы Алексеевны. 1792–1826. С. 101.

² А.Ф. Ланжерон в своих мемуарах несколько раз упоминает, возможно, весьма субъективно, любовную жизнь своего бывшего главнокомандующего. Вспоминая свое пребывание в Молдавской армии, он писал: «Кутузов, всегда окруженный гаремом, имел веселый дом, где все себя чувствовало очень свободно...» (Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1908. № 5. С. 666); «Кутузов не может существовать без того, чтобы не иметь возле себя трех, четырех женщин, хвастаясь этим богатством – что достойно или отвращения или сожаления» (Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1910. № 7. С. 168). «Старость не препятствовала однакоже Кутузову волочиться и любить женщин» (Записки Николая Николаевича Муравьева // Русский архив. 1885. № 10. С. 245).

³ См.: *Ивченко Л.Л.* «Молитесь вы за нас, а мы, кажется, не струсим...» // Российский архив. 1996. Т. VII. С. 247.

⁴ Вот, что в своих мемуарах написал по этому поводу А.П. Ермолов: «Государь избрал ему жену прекраснейшую, состояние огромное. Но государь в сердце жены не вложил любви к нему, не сособшил ей постоянства: нет семейного счастья, нет домашнего спокойствия» (Записки Алексея Петровича Ермолова. С. 72).

⁵ См.: *Шедивы Я.* Меттерних против Наполеона. М., 1991. С. 54–55. Правда, Л.Л. Ивченко полагает, что дочь родилась после приезда П.И. Багратиона к жене в Вену в 1810 г. (См.: Российский архив. 1996. Т. VII. С. 249). Но уже полученное имя говорит само за себя. Подробно семейная жизнь и взаимоотно-

1808–1809 г. с великой княжной Екатериной Павловной, после чего он утратил «доверие государя»¹.

Родная сестра Е.П. Скавропской Мария Павловна Скавропская (именно ее руки первоначально просил П.И. Багратион, но получил отказ, хотя сватом выступал сам император Павел I²) являлась последницей огромного состояния и последней почитательницей фамилии этого рода, связанного с императрицей Екатериной I. Сестры Мария и Екатерина Скавропские в молодости обе были увлечены красавцем-генералом графом Павлом Палепом, он же отдал предпочтение Марии. Против их брака были родные, они обвенчались без их согласия. Марии пришлось оставить Петербург, но вскоре влюбленные надели друг друга, отношения испортились, в 1804 г. последовал развод. Мария в начале 1807 г. вышла замуж за генерала А.П. Ожаровского, потом уехала в Париж обучаться музыке и пению, разведясь со вторым мужем уже в 1818 г.

Легкость нравов не была чужда и иностранцам, принятым на русскую службу. Известный шведский авантюрист и интриган (один из главных виновников ссылки М.М. Сперанского) генерал Г.М. Армфельт (с 1811 г. русский подданный) не отличался высокой нравственностью в семейных отношениях, имел несколько побочных детей. В Европе были хорошо известны его самые продолжительные любовные связи с принцессой Саган и фрейлиной Магдаленой Руденшельд, но это отнюдь не мешало его жене Хедвиге Ульрике чувствовать себя счастливой. Отношения супругов оставались открытыми и доверительными весь период брака.

Можно привести массу примеров нарушения верности и в браках русских генералов. Жена Н.М. Бороздина Елизавета Алексеевна (урожденная Жеребцова), «красивая, но светлая женщина», не отличавшаяся и до этого целомудрием, после 1815 г. вступила в связь с французским генералом И.М.Г. Пире де Ронивиньеном (попал в проскрипционные списки Бурбонов и жил до 1819 г. в России)³. Бороздин был глубоко поражен изменой, но отпелся к жене великодушно, даже признал в это время своим рожденного ею сына. Но по-

ношения четы Багратион освещены в: *Анисимов Е.* Генерал Багратион: Жизнь и война.

¹ *Анисимов Е.* Указ. соч. С. 329–333, 345.

² *Шумиговский Е.С.* Тысяча восьмисотый год // *Русская старина.* 1913. № 2. С. 272.

³ Парадоксально, что Александр I в 1815 г. пригласил приехать в Россию и материально помог Пире де Ронивиньену в ответ на просьбу его жены хлопотать, чтобы генералу позволили остаться во Франции (*Михайловский-Данилевский А.И.* Мемуары 1814–1815. С. 263–264).

сле этого жепа павсегда уехала во Францию и развелась с ним в 1826 г.¹

М.С. Воронцов, герой язвительной эпиграммы А.С.Пушкина, был жепат с 1819 г. па красавице и богатейшей паследнице графине Е.К. Брапицкой. Злые языки утверждали, что па этот шаг одного из самых завидных жепихов России толкнуло пошатнувшееся материальное положение. Он продал свое имение Круглое в Могилевской губернии, чтобы оплатить полностью долги своих подчипепных во Франции перед выводом оттуда русских войск в 1818 г. (полтора миллиопа рублей ассигпациями)². К.К. Эшлимап оставила свидетельства, что жепа М.С. Воронцова «пе отличалась семейными добродетелями и, так же как и ее муж, имела связи па стороне»³. Уже в 1820 г. получил известность ее ромап с адъютантом мужа А.П. Раевским (сып генерала П.П. Раевского), который закопчился публичным скапдалом в 1828 г.⁴ Среди мпогих других ее любовных увлечений можно вспомнить связь с генералом И.О. де Виттом. Вхожий в дом Воронцовых В.С. Толстой позднее вспоминал о хозяине: «В семейном отношении счастье ему пе благоприятствовало, и он глубоко чувствовал это, зная все распутство его жепы. Единственный его первый ребенок, дочь Иозефипа, умерла в юности, остальные дети, посящие его имя, по чертам их лиц... были пе его дети, несмотря па это Князь был постоянно добр и пежеп к ним. К жепе своей князь Воронцов, по паружности, при посторонних был уважителен и этим припуждал всех оказывать ей самое изысканное почтение; по сколько раз паходясь по службе паедине с Князем в ее присутствие... то он отпускал ей самые колкие памеки, ипогда даже дерзость, при чем его лицо выражало паиглубочайшее презрение! Она же постоянно изумляла своим хладпокровием, как будто эти памеки и дерзости пе к пей относились, чем явно доказывала, что привыкла к подобным выходкам»⁵.

Другая «светская львица» княгипя З.А. Волкопская (урожденная княгипя Белосельская-Белозерская), хозяйка литературного салона, писательница, поэтесса и композитор, видная фигура русской культурной жизни первой половины XIX в. (А.С. Пушкин пазывал ее

¹ Николай Михайлович, вел. кн. Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. I. № 184; Сборник биографий кавалергардов. Т. 2. С. 409.

² Эшитут С.А. В поиске исторической альтернативы. С. 140.

³ Воспоминания Каролины Карловны Эшлиман // Русский архив. 1913. № 3. С. 355.

⁴ См.: Губер П.К. Дон-Жуанский список Пушкина. П., 1923. С.119–135.

⁵ Толстой В.С. Характеристики русских генералов на Кавказе // Российский архив. 1996. Т. VII. С. 228, 234.

«царицей муз и красоты»), сопровождала своего мужа (П.Г. Волконского) на европейский театр военных действий. В 1813 г. вместе со своим двухлетним сыном и сестрой мужа Софьей Волконской она паходила в свите императора по дороге в Германию, в Теплице и Праге они проводили много вечеров вместе. Она сумела завоевать его особое расположение. С этого времени установилась между ней и Александром I дружеские (возможно, и более близкие) отношения и пачалась переписка, продолжавшаяся до его смерти¹. Увлеченный государь посылал ей многочисленные записки. Потом, когда пачались военные действия, они уже общались письмами. «Верьте, княгиня, в мою привязанность до конца жизни!» – писал он. Александр вообще любил «общество эффектных женщин», выказывая им «рыцарское почтение». Но в жизни Зинаиды Волконской, помимо мужа, было много влюбленностей и временных увлечений (паиболее известен ее роман с поэтом Д.В. Веневитиновым). В 1811 г. она исполнила волю умершего отца, в 20 лет выйдя довольно спешно замуж за Никиту Волконского (старше ее на 30 лет), которого не любила. Любви не было и с его стороны. Но сам Волконский вошел в историю «как муж своей жены», оставаясь в тепе своей знаменитой супруги. Значительную часть супружеской жизни они провели, как тогда писали, в «разъезде».

Так пазываемые разъезды по сути разводы) практиковались тогда России в основном в аристократической среде. Правда, эти случаи давали богатую пищу для злословия и клеветы. Позволяли подобное главным образом умные и пезаурядные женщины, открыто презиравшие условности и, конечно же, обеспеченные. Они либо имели собственное состояние, либо деньги на содержание выделял муж, который был согласен жить отдельно и по договоренности обеспечивал ее (можно вспомнить образ жизни Элеи Безуховой – героини романа Л. Толстого). Такое положение было предпочтительнее весьма скандальной и долгой процедуры официального развода через Духовную консисторию, орган в дореволюционной России исполнявший церковно-судебные функции.

По-повому можно судить и о характере и личной жизни хорошо известного всем А.Х. Бенкендорфа. Недавно изданные его полные воспоминания (достаточно искренние и правдивые) проливают свет на большое количество романов этого молодого повесы, в котором трудно разглядеть будущего сурового шефа III отделения и корпуса жандармов. Как раз до 1812 г. его можно пазвать русским Казаповой,

¹ См. например: Шесть писем императора Александра I к княгине Зинаиде Александровне Волконской // Сб. ИРИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 310–316.

пе пропускавшим ни одной поправившейся ему жепщицы как в России, так и Европе, в их числе много и геперальских жеп. В тоже время он очень убедительно показал характер и нравы гвардейской молодежи. Многие рассказы по этим тогда молодым флигель-адъютантам подтверждается свидетельствами современников, например, его связь с жепой геперала Ф.П. Уварова¹. А.Ф. Лапжероп оставил недвусмысленную и не очень лестную характеристику как ей, так и ее мужу: «Он жепился на вдове графа Валериана Зубова, урожденной княжне Любомирской, разведенной с графом Потоцким; это была очень красивая и кокетливая жепщица, но чрезвычайно испорченная нравственно. Женясь на ней, Уваров, вероятно, преследовал только ее богатства и, в ущерб своему счастью и репутации, он сделался миллионером»². До этого Уваров (его можно назвать баловнем судьбы) был любовником княгини Е.П. Лопухиной, к падчерице которой был перавподушен Павел I. Благодаря влиянию Лопухиной он и сделал в этот период (в 1797–1800 гг.) головокружительную карьеру, был переведен в Петербург, получил последовательно чины полковника, геперал-майора, геперал-лейтенанта, пожалован в геперал-адъютанты и определен в шефы Кавалергардского корпуса (затем преобразованного в полк)³.

Причем, нужно отметить, что некоторые гепералы действительно поправляли свои финансовые дела или увеличивали состояние жепитьбой (А.А. Закревский, М.С. Воронцов, Г.В. Розен, И.И. Дибич, П.И. Багратион и др.). Например, А.И. Чернышев имел за собой в 1849 г. 1122 крепостных, а за своей третьей жепой (урожденной графиней Е.Н. Зотовой) – 1150 душ⁴. А вот как описывала англичанка М. Вильмот в 1808 г. геперала В.Д. Лаптева и его пвесту княжну А.В. Голицыну: «Ей 43 года, и она безобразна, зато богата, а он беден. Мне никогда не приходилось видеть пару, чьи лица так явно выражали бы его силу и ее плохой характер... Император пожертвовал ему пять тысяч рублей на свадебные расходы»⁵. Прагматично оценивал предстоящий брак И.О. Сухоzapета с дочерью богатого князя А.М. Белосельского-Белозерского известный почтмейстер

¹ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. С. 118, 120, 139–140.

² Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1908. № 10. С. 282.

³ См.: Булгаков А.Я. Современные записки и воспоминания мои // Московский журнал. 2010. № 6. С. 61; Записки Александра Михайловича Тургенева. 1772–1863 // Русская старина. 1885. № 10. С. 248–256; Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 2–3.

⁴ ИРЛИ.Ф. 265. Оп. 2. Д. 3038. Л. 1.

⁵ Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. С. 370.

А.Я. Булгаков: «Сухозапет большую делает партию. Княжпа Белосельская будет соединять со своим богатством также и придапое покойшой Черпышевой... Тогда все имение княгини Белосельской пойдет к Сухозапету. Невеста пехороша, да и оп пе красавец...»¹

Кроме того, жепы из хороших семейств, безусловно, способствовали упрочению положения генералов в обществе. Например, генерал Ф.Ф. Буксгевден, будучи в свое время адъютантом генерал-фельдцейхмейстера Г.Г. Орлова, женился на его внебрачной дочери (по слухам от связи с Екатериной II) Наталье Алексеевне, что во многом способствовало его карьере, и оп резко опередил своих сверстников. Можно перечислить и жеп тогдашних генерал-фельдмаршалов: И.В. Гудович был женат на графине Прасковье Кирилловне Разумовской, дочери последнего гетмана Войска Запорожского; А.А. Прозоровский – на княжпе Елеме Михайловне Волкопской, дочери генерал-апшефа М.Н. Волкопского; М.Ф. Каменский – на княжне Аппе Павловне Щербатовой. Причем, по отзывам современников, все фельдмаршальские жепы были несчастливы в замужестве (выходили замуж против своей воли), часто жили врозь с мужьями, но пе разводились.

Приведем и другие случаи, как бы сказали, «удачных» браков генералов с последницами богатыми или имевшими очень хорошее придапое. Генерал Д.Д. Шепелев женился на последнице знаменитых купцов и миллионщиков Баташевых². Придапое Дарьи Иваповны Баташевой пе имело себе равных в России, включало огромный дом Баташевых в Москве на Швивой горке, который скоро перекрестили в дом Шепелева. Имеппо о нем и его доме, где его приютили, вспоминал В.И. Левенштерп, когда в 1812 г. его отправили из Смоленска в Москву: «Генерал Шепелев употреблял всевозможное старание, чтобы истратить огромное состояние своего тестя, в доме которого оп жил»³. Позднее сам генерал стал управляющим знаменитыми Выксунскими металлургическими заводами под Муромом. Стоит ли удивляться, что во время войпы, по воспоминанию современников, на обильные обеды к генералу Д.Д. Шепелеву, славящемуся хлебосольством, собирался цвет генералитета. Из семьи Баташевых происходила и жена генерала Ф.Н. Поспикова.

¹ Братья Булгаковы. Переписка. Т. 2. М., 2010. С. 451.

² См.: Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. С. 141; Потапов А.Н. «Железный» хозяин Гусь-Железного // Московский журнал. 2010. № 6. С. 13–14; На земле Рязанской. М., 1968. С. 76.

³ Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1900. № 12. С. 564.

Одной из богатейших пест в России была и жена генерала П.А. Толстого, Мария Алексеевна (урожденная княгиня Голицына). Она считалась одним из вероятных прототипов «княгини Марьи Алексеевны» из пьесы А.С. Грибоедова «Горе от ума».

Можно пойти среди наших героев и случаи тихой и счастливой семейной жизни, например, большая семья генерала П.П. Коновницына, эпистолярное наследие которого свидетельствует о теплых отношениях с женой и детьми. Все они переписывались между собой в течение всей жизни. Сохранившиеся письма говорят об исключительном взаимоуважении и нежной любви супругов, их переживаниях за судьбу России. Особенно характерны в этом отношении письма генерала к жене Анне Ивановне в период серьезных испытаний в 1812 г. (она только что родила сына, помимо которого у нее на руках были еще четыре маленьких ребенка): «Не хочу чипов, не хочу крестов, а едипого истинного счастья быть... перазлучно с тобою. Семейное счастье ни чем в свете не сравню. ...Сие вот одно мое желание»¹

Случалось, что и жены умирали, когда их мужья находились на театре военных действий, что являлось для них дополнительным стрессом. Так, генерал-адъютант А.И. Чернышев в письме генералу Ф.Ф. Штейнгелю от 16 января 1813 г. написал о кончине жены атамана М.И. Платова: «Курьер, приехавший с Дона, привез печальное известие Г.М.И. о кончине супруги его; старик удивительно как печален, жаль на него смотреть»². Укажем, что вскоре Платова отстранили от командования корпусом, он отбыл по приказанию Александра I в Главную квартиру и находился там без должности до осени 1813 г.³

Лучше всего лишь очень кратко перечислить хотя бы несколько счастливых пар в генеральской среде из военачальников, более известных на поле боя, а не как верных мужей: М.Б. Барклая де Толли, Н.Н. Раевского, П.М. Волконского, Д.В. Голицына, Г.В. Розена, К.Ф. Багговута, В.В. Орлова-Денисова, И.Ф. Паскевича, П.А. Строганова, П.Я. Корнилова, Н.Н. Муравьева, А.Я. Рудзевича, П.Н. Ивашева, И.Л. Шаховского, А.Г. Щербатова, Н.А. Саблукова, Н.С. Сулимы, Б.Б. Фока, А.В. Воейкова, Р.Е. Реппи и др. Можно

¹ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VIII. С. 110.

² Война 1813 года. Материалы ВУА.Т. 3. С. 86. См. также: Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. С. 365.

³ Война 1813 года. Материалы ВУА.Т. 3. С. 89, 154.

привести и очень известный пример Маргариты Михайловны Тучковой (урожденной Нарышкиной), в память убитого в Бородинском сражении мужа (генерал-майора А.А. Тучкова) основавшей Спасо-Бородинский монастырь, позже она постриглась в монахи. Хорошо известно в литературе, что брак едипового генерала 1812 года, участвовавшего в декабристском заговоре, князя С.Г. Волконского был неудачен, но его жена Мария Николаевна (урожденная Раевская, вышедшая замуж не по любви), верная супружескому долгу, последовала за мужем в Сибирь. Это был жертвенный поступок дочери генерала 1812 года.

Жизнь некоторых супружеских пар в силу ее романтического характера, бушевавших страстей или драматического любовного сюжета требует пера талантливого литератора, а не историка.

Необычна история жепитбы генерала Б.С. Соковнина. В 1811 г. он был назначен командиром Новгородского кирасирского полка, который в тот момент формировался на Украине в г. Ширятыне. Там он встретил и влюбился в Клавдию Ивановну Огариову, которую в 11 лет выдали замуж за старика Долицкого. По семейному преданию, Долицкий согласился дать развод своей юной жене за 5 тыс. рублей. Но, не дожидаясь решения церковных властей по бракоразводному делу, Соковнин с согласия великого князя Константина, ввиду начавшейся кампании, был обвенчан полковым священником. В Бородинском сражении Соковнин получил пулевое ранение в голову, гранатой ему оторвало правую ногу. Лишившись сознания, он попал в плен, из которого вскоре под Дорогобужем был освобожден, в 1813 г. произведен в генерал-майорский чин. Уже в правление Николая I кто-то из доброжелателей доносил императору о его незаконном браке (к этому времени генерал уже имел 11 детей, их могли признать незаконнорожденными, да и ему грозили большие неприятности). Тогда Соковнин был вынужден попросить своего однопольщика по л.-гв. Конному полку графа А.Ф. Орлова, близкого к Николаю, передать прошение, где изложил все обстоятельства необычной жепитбы и участие в ней великого князя Константина. Интересно окончательное решение Николая I: «Брак генерал-майора Соковнина признать законным, равно и детей, родившихся от этого брака. И впредь не допускать совершения браков с малолетними»¹.

¹ Из семейных воспоминаний К.Д. Искюля // Военная быль. 1969. № 99. С. 10–16. См. также: Назарян Е.А. Георгиевский кавалер, участник Отечественной войны 1812 года Б.С. Соковнин // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2017. С. 303–308.

Бывали и другие случаи, когда жеп буквально выкупали или выигрывали у мужей. Одну такую историю скупо осветил в своих записках И.П. Липрапди, а чуть пространней – Ф.Ф. Вигель (племянник Сапдерса). Как писали оба, генерал Ф.И. Сапдерс, когда еще командовал батальоном, выиграл в бильярд значительную сумму у князя Яблоновского, но когда увидел его жену Марию Игнатьевну, «воспламенился и предложил ему взаимную уступку. Договор был скоро заключен, ибо все стороны изъявили согласие, особенно молодая княгиня, по чувству оскорбленного самолюбия». И как добавил Липрапди: «тот век был богат подобными сделками»¹.

Показательна и история жепиты генерала П.А. Чичерина. Он влюбился в молодую княжну Александру Куракину. Мало того, он в 1809 г. помог ей бежать от законного мужа Николая Салтыкова. Пара заключила брак, не дожидаясь официального утверждения развода Куракиной с первым супругом. Все это обернулось невероятным скандалом – дети (4 сына и 2 дочери), родившиеся у Петра Александровича и Александры Алексеевны, были признаны законными лишь по Высочайшему указу в декабре 1819 г., уже после кончины их матери.

Передки были случаи, когда генералы отбивали жеп у младших по чину, явно используя свое служебное положение. Как-то в архиве мне случайно попался любопытный документ, датированный 1820 г. Подполковник Апшеропского пехотного полка Осип Петрович Коновалов 2-й (выходец из солдатских детей) жаловался в инспекторский департамент, что в 1819 г. по возвращении из оккупационного корпуса из Франции, он остановился в г. Житомире, где его жепу Софию Копстантиновну (дочь греческого купца Балачапа из г. Бухареста) обольстил генерал А.И. Юшков, командир 2-й бригады 15-й пехотной дивизии. Обольстил «хитрыми уверениями», что поможет ей осуществить развод. После 8 лет брака Софья Копстантиновна оставила трех законных детей, Юшков папал ей квартиру и двух девок в услужение. Офицер просил вернуть свою жену в семью, а двух дочерей принять на казенное содержание. Генерал же в ответ на запрос, признался, что лишь помогал бедной жепнице, «когда она жаловалась на жестокие поступки мужа и на оставление ее без всякого содержания». Трудно в составленных в лучших бюрократических традициях прошениях и отписках выявить истину. Да и социальное положение спорщиков явно не равное, по-

¹ Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Ч. 1. СПб., 1891. С. 11–12; Из записок И.П. Липранди // Русский архив. 1870. № 2. Стлб. 334–335.

сколько уже в 1821 г. это дело «было предапо забвению»¹. Правда, видимо, Софье Копстаптиповне Коповаловой или удалось получить развод, или подполковник от огорчения скопчался, так как в поздних формулярных списках генерал-лейтенанта Юшкова она значилась женою и писалась как вдова Коповалова, у них родилось потом четверо детей².

Похожая судьба была и у супруги генерала Г.Г. Энгельгардта Акулины Степановны, урожденной Гладковой. По свидетельству А.Ф. Лапжеропа, Энгельгардт – «отец 8 чел. детей, прижитых им от жены одного солдата; он имел слабость жепиться па пей, после того как 10 лет содержал»³.

Печто подобное случилось с генералом И.В. Сабанеевым. Во время комапдования корпусом генералу пригляпулась жена лекаря корпусного госпиталя Шиповского, звали ее Пульхерия Яковлевпа (урожденная Борецкая, дочь священника из г. Бендеры). По словам В.Ф. Раевского, после 12 лет брака он «отобрал ее у озпачепного лекаря», переведа его в одип из дальних госпиталей. Позже он жепился па Борецкой, но при этом «первый муж Шиповский не брал развода с пею»; все это было сделапо «в парупение не только правственных, духовных и граждапских законов, но даже некогого рода в пасилии и в презрепии религии»⁴.

Вот что воспоминала Н.А. Тучкова-Огарева про своего родственника генерала С.А. Тучкова: «Известный магпат и богач Зорич так полюбил Сергея Алексеевича Тучкова, что хотел выдать за пего свою единственшую дочь и давал ей придапое двенадцать тысяч душ с условием, чтобы Сергей Алексеевич жил всегда при нем; по тот па это пе согласился. “Моя свобода не имеет цепи”, – говорил он. Впоследствии дочь Зорича, о которой идет речь, была выдана без такого богатого приданого, кажется, за офицера Григория Барапова; у пее родилась дочь Варвара, которая получила от матери большое имепие и осталась при отце; мать же ее Наталия Иваповпа Барапова, была увезепа Сереегем Алексеевичем Тучковым, который жепился па пей при жизни Барапова»⁵.

¹ РГВИА. Ф. 395. Оп. 126. З отд. 1820 г. Д. 161. Л. 10–18.

² Там же. Оп. 27/423. 1 отд. 3 стол. 1836 г. Д. 273. Л. 8–12; Оп. 30. 1 отд. 3 стол. 1839 г. Д. 436. Л. 6–13.

³ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1908. № 8. С. 176.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 58; *Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1983. С. 178–179. Укажем, что этот брак не был признан церковью (Архив князя Воронцова. Кн. 39. С. 409–410).

⁵ *Тучкова-Огарева Н.А.* Воспоминания. С. 21.

Такие поступки гепералов (видимо, не редкие) были угрозой для карьеры, репутации, офицерской чести и могли скомпрометировать любое лицо в глазах строгого начальства. Можно привести в пример геперала В.А. Гессе, трижды жепатого. В 1815 г., паходясь во Фрапции, он вступил в брак, имея жепу в России (второй брак с Копстапцией Лаврептьевпой Соспицкой). Чтобы получить разрешение на повую жепитьбу, ему пришлось исключить из своего формулярного списка запись об уже имеющемся браке. 11 поября 1817 г. по приказу М.Б. Барклая де Толли он был пазпачеп состоять по армии и предап церковному суду по обвинепию в двоежепстве. Поскольку Гессе был лютеранипом, его вторая супруга католичкой, а венчал их в 1805 г. православный священник, то церковный суд признал этот брак пезакопным и освободил подсудимого от наказания. Но военный суд, заседавший в 1820–1821 гг., счел эти доводы неубедительными, усмотрел в проступке геперала нарушение правил офицерской чести и постановил лишить его чина и исключить из службы. По высочайшему приказу от 27 декабря 1821 г. Гессе был отставлен «за закопопротивные поступки», правда, уже в 1822 г. вновь припят па службу и пазпачеп комапдиром 2-й бригады 27-й пехотной дивизии. Видимо, гепералу просто дали возможность дослужить и получить пенсию, так как 12 поября 1824 г. он окончательно вышел в отставку с мундиром и пенсионном полного жалования¹.

Упоминая о геперальских жепках, невозможно не вспомнить и А.С. Пушкина. Приведем цитату из VII главы его романа в стихах «Евгений Онегин»:

В той кучке, виднись? впереди...
Там, где еще в мундирах двое...
Вот отошел... вот боком стал... –
«Кто? толстый этот генерал?»

Этот «важный геперал» в романе остался безымянным и был пазвап «князем N»². А.С. Пушкин описал сцену па «ярмапке пвест» в Москве, когда мать Татьяны Лариной, обращает внимание дочери па ее будущего мужа. Но почему поэт решил выдать Татьяну (по его словам: «мой верный идеал») за старого и заслуженного геперала?

¹ РГВИА. Ф. 395. Оп. 10/340. Д. 123; Оп. 29/435. Д. 736.

² Д.Г. Панфилов в свое время вывел смелую гипотезу, что в образе «князя N» Пушкин вывел светлейшего князя и геперала от кавалерии Д.В. Голицына. См.: *Панфилов Д.Г.* За кого А.С. Пушкин «выдал» замуж свою Татьяну // *Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы VI Голицынских чтений* 23–24 января 1999 года. С. 59–66.

Вполпе бапальное для того времени решение любовного копфликта в пользу целюбимого, по достойного уважения в глазах общества мужчины.

Литературоведы не раз отмечали, что Пушкин всегда очень реалистичен в деталях. Он славился тщательным отбором биографических деталей для своих героев, в его творчестве в той или иной степени всегда отражалось прошлое. Достаточно разобрать сюжет пушкинской повести «Метель», считается, что в основу поэт положил историю первого брака генерала И.В. Сабанеева (рассказавшую им самим), который в какой-то мере стал прототипом полковника Бурмина.

Несмотря на то что Пушкину было свойственно мыслить апалогиями, отличительной чертой многих его творений являлось родство главных героев с поэтом, а многие сюжеты оказывались связанными с конкретными биографическими обстоятельствами из его жизни или его друзей и приятелей. Сам Пушкин имел достаточно большой круг знакомых в генеральских семьях, а также опыт общения с жепщицами из лучших домов. Для читателей, хорошо осведомленных с деталями пушкинской биографии, не является секретом, что Александр Сергеевич имел в обществе репутацию покорителя дамских сердец. Но мало кто обращал внимание на определенную закономерность его увлечений жепщицами из круга жеп генералов 1812 года. Сам он откровенно завидовал всем воевавшим во время наполеоновских войн и очень жалел, что по возрасту не смог участвовать в тех грандиозных военных событиях, составивших целую эпоху. В своей поэзии он отдал даже генеральским жепам, кружившим головы многим своим современникам, в том числе и ему. Можно сказать, что поэт растворил юношеские впечатления в сюжетных линиях своих произведений и в интимных домашних подробностях. В его главном романе, без сомнения, скрещиваются частные судьбы конкретных лиц с историей Татьяны и Онегина.

Для примера достаточно пересмотреть допжуанский список Пушкина¹. При расшифровке списка адресатов его любви там можно обнаружить и дочерей (и даже впучек) генералов 1812 года М.И. Кутузова, Н.Н. Раевского, а также жеп генералов, известных великосветских львиц: Давыдова (урожденная герцогиня де Граммон)², Елизавета Воронцова (урожденная графиня Брапицкая),

¹ См.: *Грубер П.К.* Донжуанский список А.С. Пушкина. Пг., 1923.

² Она вышла замуж в 1804 г. в Митаве за будущего генерала А.Л. Давыдова. По словам сына поэта-партизана В.Л. Давыдова: «Эта женщина весьма хоро-

Аграффа Закревская (урожденная графиня Толстая, по пушкинскому выражению, «Клеопатра Певы»)¹, Ольга Нарышкина (урожденная графиня Потоцкая). Эти дамы, несколько не считавшиеся с требованиями морали и светскими условностями, особо и не скрывали своих многочисленных флиртов и давали обильную пищу для злословия и сплетен. Не говоря уже об А.П. Керн (урожденная Полторацкая), которой он посвятил самое известное лирическое стихотворение «Я помню чудное мгновенье»² (для поэта она была не только «гением чистой красоты», но и «вавилонской блудницей», по его же выражению). Можно вспомнить и другой предмет сердечного увлечения поэта – Е.Г. Альбрехт (из старинного молдавского рода бояр Башота, жена К. Капта, затем А.Н. Бологовского, потом генерала А.И. Альбрехта, командира д.-гв. Уланского полка). Ее биография наполнена любовной чехардой, интрижками со многими скандальными подробностями. Имея ревнивый деспотичный характер, она не позволяла своим мужьям смотреть на других женщин, сама при этом вела свободный образ жизни. В 1821 г. она в Кишиневе познакомилась с Пушкиным и сразу же увлекла влюбчивого поэта. Поэт говорил о ней, что она «женщина историческая и пылкой страсти»³. Но он не смог долго выдержать ее ревливую опеку и быстро пошел себе новое увлечение. Как полагают литературоведы,

шенькая, ветреная и кокетливая, как истая француженка, искала в шуме развлечений средств не умереть со скуки... За то, она в Каменке была магнитом, привлекающим к себе всех железных деятелей Александровского времени. От главнокомандующих до корнетов, все жило и ликовало в селе Каменке, но, главное, у ног прелестной Аглаи» (*Давыдов В.Д.* Денис Васильевич Давыдов, партизан и поэт // *Русская старина.* 1872. № 3. С. 624). Так же, как и Д.В. Давыдов, несколько стихов ей посвятил А.С. Пушкин («К Аглае», 1821, «Иной мелкою Аглаю», 1822, ндр.), а ее мужа А.Л. Давыдова поэт назвал в романе «Евгений Онегин» «рогоносцем величавым» (См. также: *Архив Раевских.* Т. 1. С. 42–43; *Сборник биографий кавалергардов.* Т. 2. С. 460–462).

¹ Пушкин посвятил ей стихотворения: «Портрет», «Наперсник», «Счастливы, кто избран совершенно», «Когда твои молодые лета», в восьмой главе «Евгения Онегина» современники узнавали ее в образе Нины Вронской, поскольку влюбленный поэт Евгений Баратынский вывел ее в поэме «Бал» как свою героиню под именем княгини Нины.

² Пушкин даже предлагал в 1825 г. А.П. Керн не только бросить мужа, но и бежать к нему в Михайловское, не боясь огласки и скандала (См.: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т.Х. Л., 1979. С. 814).

³ См.: Из дневника и воспоминаний И.П. Липранди // *Русский архив.* 1866. № 10. Стлб. 1422–1423.

многие из зашифрованных пушкинских подружек в допжуапском списке также выведены в его произведениях и скрыты под чужими именами.

Титулованный генералитет

В 1824 г. А.П. Ермолов в письме к графу М.С. Воронцову, сравнивая его положение в обществе со своим, написал: «На твоей стороне преимущества происхождения, имени, озамеповавшего важными заслугами предков, средств, доставляющих связи и способы утверждать их, и даже множество приверженцев. Мне отказаны все сии выгоды!!!»¹. Безусловно, в тот период, как становится ясно из процитированного письма, существовала разница между привилегированной группой дворянства и выходцами из низов благородного сословия. И важной составной частью в иерархической структуре империи являлись дворянские титулы – часто карьера опиралась на длинную родословную и значимую титулатуру. Генералы 1812 года – это люди, заслужившие «патент на бессмертие». В плеяде известных и малоизвестных героев той эпохи, бесспорно, входили и военачальники, имевшие или впоследствии получившие дворянские титулы. Как писалось в Жалованной грамоте дворянству 1785 г.: «Обыкла Россия исстари видеть службы, верность, усердие... Сему свидетельства подлинны паходятся в древнейших поколениях родов пашего... подданного российского дворянства»².

С XVIII в. Табель о рангах является кругольным камнем всей государственной службы. Несмотря на явный перевес уже в это время бюрократического пачала над аристократическим, рассмотрим подробнее титулы применительно к российской императорской армии того времени. Если говорить о нашей теме, то из 531 генерала титул в конце жизни имели 144, в галерее Д. Доу отсутствуют портреты 44 чел., фактически каждый третий из титулованных не попал в официально утвержденную когорту победителей великого Наполеона. Причины этого – самые разнообразные. Мной был составлен список титулованных генералов (см. табл. 9), который показывает, что свыше четверти генералов в конце жизненного пути оказались причисленными к титулованной элите. В целом итог в 144 чел. (27 %) – весьма внушительный³.

¹ Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. С. 86.

² Жалованная грамота благородному российскому дворянству, с принадлежащими к оной узаконениями с 1785 по апрель месяц 1817 года. С. 2.

³ Для сравнения приведем данные, имеющиеся в литературе. На начало XVIII в. только седьмую часть офицеров-выходцев из феодальной аристократии составляли титулованные особы, а по отношению ко всему офицер-

Титулы – это то, что уже гепералы имели или стремились получить за заслуги. Вызывает интерес и конечный расклад по титулам: 23 баропа; 61 граф (с 1812 г. 24 чел. получили титул); 48 князей (получили титул 9 чел.), из них восьми придавался титул светлейших князей; 1 маркиз; 4 герцога; 5 припцев; 1 великий князь; 1 король Бельгии. Имешо анализ биографических сведений титулованного гепералитета па фоне драматических событий того грозного времени позволяет по-повому увидеть многие процессы в рядах высшего командного эшелона российской армии и пересмотреть некоторые оцепки, сложившиеся в нашей отечественной литературе.

Высокий процент титулованного дворянства среди гепералитета вполне понятен и объясним. Для всех крупных европейских стран был характерен союз короны и земельной аристократии. И Россия не являлась исключением. Для дворянского общества принцип родовойности и наследственной знатности продолжал иметь большое значение. Аристократия во все времена монархического правления являлась авангардом и цементирующей основой дворянства, пати и государства, хранительницей вековых родовых традиций, моральных ценностей и культурного наследия. По сути, она составляла основу правящей элиты и офицерского корпуса. Сам по себе титул как предикат или почетная приставка к фамилии оставался свидетельством породы и заслуг предков. Приоритет древности рода, выраженный в титулах, являлся категорией моральной, не подкрепленной отдельными юридическими нормами и прямо не несущей никаких других привилегий, кроме как положенных любому дворянину. «Сын знатного вельможи или богатейшего откупщика, – писал С.С. Уваров в середине XIX в., – вступая па поприще государственной службы, не имеет в законах опой никакого другого преимущества, кроме преимущества настоящего усердия, и оно может быть у него благородно оспариваемо сыном бедного и неизвестного заслугами отца»¹. Титул был весьма значим лишь для мнения общества, отсюда и вытекали

скому корпусу их удельный вес был еще ниже – 3,4 % (См.: Рабинович М.Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 142). Среди офицеров русской армии в 1812 г. титулованных дворян стало еще меньше – 1,9 % (См.: Целорунго Д. Капитан N // Родина. 1992. № 6. 7. С. 10). В 1825 г. среди сенаторов они составляли 29,7 %, среди губернаторов – 2,7 %, всего среди чиновников правящей бюрократии – 5,9 % (См.: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. С. 45, 52, 55).

¹ Цит. по: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 45.

косвенные возможности для его обладателя. В то же время на посетителя древней или известной фамилии незримо накладывался немалый груз моральных обязательств за соответствие высокому титульному кодексу.

Кроме того, сказывалась фамильная гордость и сопричастность своего знатного рода к истории. Важнейшими усвоенными с детства понятиями становились честь и ответственность перед памятью предков и последующими поколениями. Благодаря этому человек с юности ощущал лично себя важным звеном в историческом процессе, поэтому юноша старался достичь определенных вершин в имперской иерархии, не опозорить свое родовое имя. 1812 год в значительной степени консолидировал правящий класс Российской империи. По мнению английского историка Д. Ливена, вся русская элита «охотно отождествляла себя с династическим государством, чья история в определенной степени была историей их семей»¹. Вообще тогда очень многое зависело от того, что человек впитал с молоком матери, как и кем воспитывался, с кем общался и был знаком, да и что видел в жизни.

Как писал Н.М. Карамзин: «Природа дает ум и сердце, по воспитание образует их. Дворянин, благодетельствованный судьбою, вырастает от самой колыбели уважать себя, любить Отечество и государя за выгоды своего рождения, племяниться знатностью – уделом его предков, и наградою личных будущих заслуг его»². Налицо были и другие факторы для титулованных педорослей. Отличное образование европейского уровня (как правило, лучшее по сравнению с основной массой мелкопоместного дворянства), социальные и родственные связи в бюрократических государственных структурах, широкие возможности, вытекавшие из общения в «высшем свете» и близости ко Двору. Все это создавало благоприятные условия для успешной карьеры. В начале XIX в. еще не успело потускнеть величие аристократии.

Если приводить данные об образовательном уровне, то необходимо сказать, что 29 генералов с титулами (почти каждый пятый) получили в молодости воспитание в отечественных учебных заведениях: 6 – в Сухопутном шляхетском корпусе, 9 – в Артиллерийском и инженерном корпусе, 2 – в Гродненском кадетском, 9 находились в пажевской службе, двое учились в Дерптском университете, один в

¹ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 397.

² Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России... С. 106.

Московском¹. Кроме того, Ф.В. Остеп-Сакеп и К.Ф. Клодт фоп Юргепсбург записались в частных учебных заведениях в Эстляндии. Многие проходили обучение за границей. Братья Д.М. и Б.М. Голицыны учились в Страсбургском университете и Парижской военной школе, М.А. Милорадович 9 лет учился за границей в Кенигсбергском, Геттингенском университетах, а также во Франции (Страсбург, Мец, Париж), И.И. Дибич в Берлинском кадетском корпусе, К. Фуль в штутгартской гимназии, О.Ф. Долоп в лицее Св. Варвары в Париже, Ф.О. Пауллуччи в Коллегии иезуитов, К.О. Поццо ди Борго в Пизанском университете, Е.Ф. Капкрип в Гессенском и Магдебургском университетах, Э.Ф. Сеп-При в Гейдельбергском университете, П.К. Сухтелен в Гроингенском университете, Ф.К. Тетепборп в Йенском и Геттингенском университетах, в последнем слушали курс лекций и братья Е.К. и К.К. Сиверсы. Вероятнее всего, многие ипострапные владельцы титулов до поступления на русскую службу оказались обогащенными плодами европейского систематического образования. Но сведения об этом оказались не внесеными в их формулярные списки. В целом же большинство современников отмечало, что европейцы, приписываемые в ряды пашей армии, как правило, имели более высокий образовательный ценз, чем их русские товарищи по оружию.

Большинство же российских «побелей» в юности получили домашнее воспитание под руководством ипоземных учителей. Но об их образовании в целом невозможно судить односторонне. Качество преподавания зависело во многом от средств родителей и компетентности учителей. По мнению современных исследователей оно уступало систематическому курсу гимназий². Правда, многие молодые генералы в конце XVIII в. пополняли свои знания и учились хорошим манерам в модных частных пансионах, так же открытых ипострапными преподавателями. Значительно труднее приходилось пробивавшимся паверх выходцам из бедных и непатных семей. Так, знаменитый

¹ См.: *Безотосный В.М.* Боевые генералы 1812–1815 гг. – воспитанники отечественных учебных заведений // *Бомбардир*. 1995. № 1. С. 27–29.

² См.: *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. С. 131; *Мироненко С.В.* Указ. соч. С. 39. Так, Н.И. Греч давал следующую характеристику домашнему обучению немецкой дворянской молодежи в Прибалтике: «Дети, обучаясь строго наукам математическим, физическим и историческим, из новых языков знали только немецкий, да и тому учились более по навыку. Русский язык узнавали они в военной службе, но без правил, без надлежащего произношения и правописания. Французский понимали только глазами, но не ухом» (*Греч Н.И.* Записки о моей жизни. С. 44).

«вихорь»-атамап М.И. Платов, имевший благодаря своей фепоме-пальной популярности на Бритапских островах престижный диплом доктора прав Оксфордского университета, в юности освоил лишь азы грамоты, по, как отмечал желчпый А.П. Ермолов, оп «говорил со зпаками запипапия, а писал без опых», а все потому, что «его школой было поле, уипверситетом – войпа».

Важпейшим критерием иерархии для всего дворянства тогда яв-лялся чип, упрочешый градациями Табели о рангах. Быстрому слу-жебному росту мпогим выходцам из элиты способствовало первопа-чальное прохождение службы в гвардии и дальпейший переход в ар-мейские полки с преимуществом в два чипа, поскольку для мпогих пе было карьерпой перспективы в Петербурге. Так, из общего числа взятых пами титуловапных генералов 68 пачипали службу в гвар-дейских полках (34 преображенца, 10 семеповцев, 10 измайловцев, 12 коппогвардейцев, 2 кавалергарда). Трое получили пачальпую во-еппую подготовку в гатчинских войсках, еще трое в казачьих полках, одип на флоте. В армейских частях пачипали служить лишь 29 чел. (чаще всего в полках, где родственники занимали комапдные долж-пости). С граждапской службы на военпую попали 4 чел., 36 переш-ли из ипостраппых армий.

Карьере и приобретению цепного комапдного опыта способство-вало и длительное пахождение на адьютантских должпостях при высших военачальпиках. Для примера можно рассмотреть судь-бы М.И. Голенищева-Кутузова, М.Б. Барклая де Толли, П.М. Волкопского, А.П. Тормасова, А.В. Розепа, К.А. Крейца, бра-тьев Алексея и Андрея Горчаковых, Е.И. и П.И. Меллер-Закомельских, А.А. Закревского, С.С. Голицыпа, Н.Д. Кудашева, И.А. Ливена и мпо-гих других. В обер-офицерских чипах они значительное время пахо-дились в качестве адьютантов у известных русских генералов и успешно продвинулись по служебпой лестнице. Такие же, а может быть, и большие возможности для продвижения по службе давало и получение в офицерских чипах придворного звания флигель-адью-танта. А.И. Чернышев, А.Ф. Мишо, А.Х. Бенкендорф, В.К. Брапиц-кий, С.С. Потоцкий, Л. Вольцогеп, С.Г. и Н.Г. Волкопские, П.В. Голе-пищев-Кутузов, И.Ф. Паскевич, В.С. Трубецкой, В.П. Оболепский и другие использовали придворпую службу как трамплип в своей во-ипской карьере.

Особо следует выделить период правления Павла I, воистипу пе-реломпый момепт для русской армии и генеральских судеб, когда личпые качества скорого на глевпые вспышки капризного императо-ра ощутил на себе весь офицерский корпус. Мпогие тогда оказались отчисленными со службы, другие ушли сами, стремясь избежать всех

плацпарадных прелестей павловского режима: папудреппых париков, прусской шагистики, дворцовой марсомании. Для тех, кто покинул воинские ряды, карьера затормозилась. Для остававшихся в строю и закалявших волю в суровых горнилах павловских пововведений, из-за оттока командных кадров, создавались благоприятные условия для служебного продвижения. В этот короткий отрезок мирного времени происходило быстрое и массовое чипопроизводство, плодами которого в полной степени воспользовались не только «служажки», любители муштры и парадомании, но и многие боевые офицеры успели получить по нескольку чипов за фрунтовые отличия.

Александр I лишь подправил песообразности павловской военной системы и фактически оставил ее в силе. Но практической школой боевого опыта для войск стала эпоха наполеоновских войн, которая давала возможность многим проявить свои воинские дарования. Можно указать на группу офицерской молодежи, сделавшей феноменально быструю карьеру в 1812–1815 гг.: А.И. Чернышев, А.А. Закревский, И.И. Дибич, К.Ф. Толь, С.Г. Волкопский, В.В. Левашев, М.М. Платов, П.П. Сухтелен. Правда, необходимо выделить группу придворных генералов и специалистов, заслуги которых на полях сражений оказались более чем скромными: А.А. Аракчеев, К.О. Поццо ди Борго, К.Л. Фуль, П.А. Шувалов, Е.Ф. Канкрин. Большинство же не пряталось в тылу, о чем краспоречно свидетельствует факт гибели 7 генералов с титулами: в 1812 г. – П.И. Багратион, А.И. Кутайсов, В.В. Вяземский, Б.В. Голицын; в 1813 г. – И.В. Магтейфель, Н.Д. Кудашев; в 1814 г. – Э.Ф. Сеп-При. Об этом же говорят и многочисленные рапления среди русских военачальников. Справедливости ради отметим курьезный момент – участие двух генералов в кампании 1812 г. на стороне Наполеона (А.Г. Жомини и И.А. Тилемапа), перешедших на русскую службу лишь в 1813 г.

Важную роль в карьере наших героев играли материальные возможности и связанное с этим имущественное положение. Но в формулярных списках того времени соответствующая графа о материальном положении очень часто не заполнялась. Так, из 146 титулованных генералов сведения о владении крепостными удалось обнаружить в разных источниках лишь у 66 чел. Хотя даже эти данные нельзя считать вполне достоверными, приведем их итог. 10 чел., по записям, не имели за собой крестьян, у четверых были незаселенные (пожалованные за службу) земли или недвижимост в городе (дома), у 8 есть запись о владении их родителей крепостными, пятеро являлись владельцами менее 100 душ, еще пятеро – от 100 до 200 душ, 12 – от 200 до 500 душ, 3 – более 500 душ, 20 чел. владело 1000

крепостных крестьян. Основываясь на этих данных, можно предположить наличие в среде титулованного генералитета трех основных групп: беспоместных, средпоместных дворян, третью, последнюю, условно назовем «магнаты».

Такие титулованные особы, как братья Голицыны, П.А. Шувалов, А.И. Кутайсов, Н.Г. Репнин, В.В. Орлов-Денисов, С.М. Каменский, П.А. Строганов, А.И. Остерман-Толстой, не без основания считались богатейшими людьми России. К ним можно отнести постоянных польских магнатов, владевших колоссальными имениями на Украине: В.К. Браницкий (за отцом 80 тыс. душ). С.С. Потоцкий (8000 душ), И.О. де Витт (2500 душ). Среди русских тоже были свои рекордсмены, могущие поспорить с польскими братьями по сословию. Так, в предыдущей главе уже фигурировал российский «Мопморанси» (владелец 15 тыс. крепостных) М.А. Дмитриев-Мамонов и другой, не менее знаменитый русский «Крез», М.С. Воронцов, наследник состояния в 24 тыс. душ¹. Упомянем и светлейшего князя Д.В. Голицына, мать которого Н.П. Голицына стала прообразом известной «Пиковой дамы»; ей фатально везло за карточным столом, и благодаря карточной игре ее богатство было преумножено, после ее смерти осталось 16 тыс. крепостных².

Наличие титула, как правило, предполагало соответствующие земельные владения и крепостных. Хотя встречались посетители древних фамилий с весьма скромным состоянием. Отец уже упомянутого князя В.В. Вяземского, отсчитывавший свою родословную от Рюриковичей, дослужился лишь до чина палаточного советника (7-й класс Табели о рангах) и оставил детям 75 душ крепостных³. За князем И.М. Вадбольским был записан только 171 крепостной. Потомки грузинских князей братья И.С. и Ф.С. Жеваховы унаследовали всего лишь 15 крепостных в Черниговской губернии. Многие выходцы из

¹ По его формулярному списку за ним значилось 24 тыс. душ крестьян и благоприобретенных в разных губерниях 27 тыс. дес. земли (См.: Архив князя Воронцова. Т. 35. С. VI). В 1812 г. после Бородинского сражения раненый М.С. Воронцов отправился в свое имение в с. Андреевское Владимирской губернии и принял там до 50 раненых генералов и офицеров, около 300 нижних чинов и 100 денщиков, живших за его счет. На это Щербинин заметил: «Никогда, может быть, богатое достояние человека не было употреблено с большею пользою с более возвышенною целью» (Из записок А.Я. Булгакова // Русский архив. 1900. № 7. С. 270; Архив князя Воронцова. Т. 36. С. 404).

² См.: Нарышкина Н. 1812 год, граф Ростопчин и его время. С. 521.

³ См.: 1812 год... Военные дневники... С. 185.

незнатных семей, заслужившие потом титул, обучались на медные нятаки и в молодости жили весьма бедно. Общеизвестно, что богатством не могло похвастаться большинство прибалтийских баронов и немецких дворян, смотревших на службу как на важнейший источник существования. Именно там они проявляли свои лучшие национальные качества: недантизм, аккуратность, дисциплинированность.

Материальные возможности возрастали при достижении генеральских чинов. Помимо жалования (минимальный годовой оклад генерал-майора – 1800 руб.), подъемных и столовых денег, генералитету также давались аренды в Прибалтике и западных губерниях. Некоторые старые генералы еще успели в конце XVIII в. получить поместья в собственность. В 1795 г. этими счастливицами оказались М.И. Голенищев-Кутузов, Л.Л. Беннигсен, И.И. Морков, а также отцы и родственники генералов 1812 года Я.Е. Сиверс, Н.В. Реннин, Ф.П. Денисов, П.П. Коновницын, П.А. Пален¹. При Павле I вместе с титулами были пожалованы земли с населенными крестьянами А.А. Аракчееву и И.П. Кутайсову.

Разница в материальном положении в начале и в конце карьеры у многих была весьма разительна. Некоторые за время службы накапливали значительные суммы, на которые затем покупали имение. Так, в формулярном списке И.К. О'Рурка на 1827 г. можно найти записи, что за ним числятся 1000 душ («благоприобретенных»), у его жены – 170 крепостных². Еще до получения графского титула барон Г.М. Армфельд лишь накануне войны 1812 года купил имение в 12 тыс. душ за 240 тыс. руб.³ Например, у И.Ф. Паскевича отец владел 500 душами в Полтавской губернии, генерал получил по наследству всего 140 крепостных, но при жизни имел 19 тыс. крестьян новоприобретенных, не считая майората в Царстве Польском⁴. Имевший тот же чин генерал-фельдмаршал М.Б. Барклай де Толли никогда не владел крепостными, правда, получал несколько раз аренды. По мнению Н.М. Лонгинова, в 1812 г. П.Х. Витгенштейн был «так беден, что без помощи императора ему нечем жить»⁵. А вот как писал про себя А.А. Закревский в 1811 г.: «Я имею 7 душ и 12 т. рублей ассигнациями, и более ничего». Правда, генерал Н.М. Каменский

¹ ОР РГБ.Ф. 53. Д. 6334. Л. 127–132.

² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 329–336.

³ Из писем Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1912. № 4. С. 483.

⁴ См.: *Щербатов*. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1888. С. 3.

⁵ Из писем Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1912. № 4. С. 517.

перед смертью ему «но духовной отказал 300 душ» (как любимому адъютанту), но С.М. Каменский (брат главнокомандующего) не признал завещание – «брат не имел права дарить родового имения»¹. Материальная ситуация для Закревского кардинально изменилась только после его женитьбы на единственной наследнице богатого состояния графине Аграфене Федоровне Толстой, принесшей приданое в более чем 4 тыс. крепостных душ. О них, учитывая сложившуюся репутацию этой пары, один из современников написал достаточно нелестно: «...расчетливый же муж молодой богатой жены, любивший гораздо более женины деньги, нежели ее самое и супружескую честь, не убивался ее развратом, которого она не заботилась и скрывать»².

Стоит заметить, что не весь круг генералов до 1812 г. имел титул с рождения. Одни наследовали их по родственной линии (В.В. Орлов-Денисов, А.И. Остерман-Толстой, Н.Г. Реннин), другие возводились за служебные отличия (А.А. Аракчеев, И.И. Морков, М.И. Голенищев-Кутузов), некоторые в связи с получением титулов отцами (А.И. Гудович, С.М. Каменский, А.И. Кутайсов, И.А. Мусин-Пушкин, братья Меллер-Закомельские, Палены, Сиверсы) или даже матерями (И.Х. Ливен).

В течение 1812 г. пожалования титулами были немногочисленны. 6 сентября в графское и баронское достоинство Великого княжества Финляндского Александр I возвел соответственно барона Ф.Ф. Штейнгеля и П.К. Сухтелена (и его сына П.П. Сухтелена). Затем титул светлейшего князя получил М.И. Кутузов, вскоре наименованный Смоленским. Чуть позже М.И. Платову (и его сыну М.М. Платову) пожаловали долгожданный графский титул. В 1813 г. в графское достоинство были возведены М.А. Милорадович, М.Б. Барклай де Толли (в 1814 г. в княжеский сан), барон Л.Л. Беннигсен. Кроме того, в 1814 г. сардинский король пожаловал в графы А.Ф. Мишо (в 1839 г. получил приставку де Боретур). Следующие получения графских титулов также во многом были обусловлены заслугами высших генералов в эпоху 1812 года: А.П. Тормасов (1816), П.П. Коновницын (1819), барон Ф.В. Остен-Сакен (1821). В 1819 г. графом стал А.Д. Гурьев в связи с

¹ Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 196–197, 214. Правда, за А.А. Закревским по ревизской сказке, заверенной его отцом 28 сентября 1811 г., числились 13 мужских душ (Государственный архив Тверской области. Ф. 312. Оп. 6. Д. 240. Л. 520).

² Записки графа Федора Петровича Толстого. М., 2001. С. 167.

получением титула отцом. В 1822 г. отец и сын Сухтелены получили титул графов Великого княжества Финляндского.

При коронации Николая I в 1826 г. в графское достоинство были возведены А.И. Чернышев, Д.Д. Курута, К.О. Поццо ди Борго. В последующем почти ежегодно жаловались графские титулы генералам «двенадцатого года»: И.Ф. Паскевичу (с титулом графа Эриванского), барону И.И. Дибичу с наименованием «Забалканский», баронам К.Ф. Толю и К.И. Оннерману, Е.Ф. Канкрину, И.В. Васильчикову, П.В. Голенищеву-Кутузову, А.Х. Бенкендорфу, П.К. Эссену, В.В. Левашеву, А.П. Никитину, Ф.В. Ридегеру. К этому списку необходимо прибавить получение графского титула Великого княжества Финляндского А.А. Закревским.

В это же царствование получили княжеские титулы И.Ф. Паскевич (светлейший князь Варшавский), Ф.В. Остен-Сакен, И.В. Васильчиков, А.И. Чернышев, М.С. Воронцов. Двое последних впоследствии стали именоваться светлейшими князьями, как и два наследственных князя – Д.В. Голицын и П.М. Волконский. Сан светлейшего князя от прусского короля в 1834 г. получил П.Х. Витгенштейн, кроме того, И.А. Ливен в 1826 г. по случаю возведения в светлейшие его матери.

С 1812 по 1825 г. два княжеских и девять из одиннадцати графских пожалований пришлись на боевой генералитет. При Николае I из 31 новоиспеченного графа и 14 князей генералами являлись 16 и 9 чел. соответственно¹. В целом в титульном отношении заслуги генералитета, воевавшего с Наполеоном, больше оценил Николай I, хотя при нем один генерал – князь С.Г. Волконский – был лишен прав дворянства за участие в восстании декабристов. Александр I награждал титулами высший эшелон генералитета. Из 7 главнокомандующих эпохи 1812 года без титула остался лишь П.В. Чичагов, на которого обществом была возложена вина за уход Наполеона из России. Не считая погибшего П.И. Багратиона (в России до 1917 г. посмертно не награждали), остальные получили или повысили свой титульный статус. Из 55 генералов корпусного уровня титула не имели лишь 15 чел.

В России не существовало четкого порядка возведения в графский или княжеский титул. Правда, ряд авторов утверждали, что подобные пожалования давались лицам уже имевшим орден Св. Андрея

¹ Титулы при Николае I получили и участники войны, имевшие тогда офицерские чины: А.Ф. Орлов, П.Д. Киселев, Л.А. Перовский, Ф.Ф. Берг, П.А. Клейнмихель, П.Х. Граббе, М.Н. Муравьев, барон Д.Е. Остен-Сакен.

Первозванного¹. Но это суждение не совсем верное. Например, П.П. Коновницын, Ф.Ф. Штейнгель, Д.Д. Курута, К.И. Оннерман не имели этого ордена, но получили титул. Другие (М.И. Платов, М.А. Милорадович, А.Х. Бенкендорф, П.К. Эссен) сначала получили титул, а потом были награждены этим орденом.

В первой половине XIX в. титул жаловался военачальникам, носившим, как правило, чин не ниже генерал-лейтенанта. В некоторых случаях он давался для того, чтобы избежать новышения в чине какого-либо генерала или получения им очередного более высокого ордена. И это делалось не только с целью исключить недовольство в среде коллег. Например, Л.Л. Беннигсен, обладатель высшего военного ордена Св. Георгия 1-го класса, стал графом, но так и не получил чин генерал-фельдмаршала, поскольку именно этого не хотел допустить Александр I. При Николае I А.И. Чернышев, фактически являвшийся после императора вторым лицом в государстве, прошел все ступени титулования до светлейшего князя, но так и не удостоился звания генерал-фельдмаршала.

Помимо выдающихся «деяний» генералов самым важным фактором для получения титула играла близость того или иного лица к Высочайшему Двору. Не случайно, что из общей массы титулованных генералов 1812 года 39 чел. имели придворное звание генерал-адъютантов, что свидетельствовало о доверии царя и определяло близость к государю-императору, причем 15 из них прежде надели генерал-адъютантский мундир, а лишь потом получили или новысили свой титул. Существенное значение могли иметь служебные отличия, личные симпатии императора, а также реакция российского монарха на события, просьбы его близких родственников и разного рода дипломатические и политические соображения.

«Титуляризация» генералитета складывалась из двух взаимонаправленных моментов.

1) Выходцы из служивого дворянства, начиная благодаря трудам и талантам в среду высшей военной бюрократии, старались соответствовать своему положению и упрочить его в глазах общества, поэтому они хорошо понимали важность и необходимость получения титула, который являлся подтверждением их заслуг.

2) В служебной сфере аристократия своим существованием подавала пример всему дворянскому сословию.

¹ См.: Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние их с русскими. СПб., 1886. С. 200; Рожков А. Титулованная Россия // Пева. 1992. № 3. С. 286; Шепелев Л. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М.; СПб., 2004. С. 68.

Возможность получения титула создавала мощные стимулы для служебного рвения. Самый наглядный пример – карьера донского войскового атамана М.И. Платова, имевшего мечту стать графом, о чем он не стеснялся намекать высшим военачальникам, и осуществившего ее¹. По словам Ж. де Местра, в 1812 г. в России «система чинов создает новую аристократию, которая уравнивает родовое дворянство и дает дорогу новым людям...»².

В свою очередь, российские монархи традиционно определяли для себя основной областью профессиональных занятий военное дело. Не являлись исключением и сыновья Павла I, смотревшие на армию, как на главное и любимое детище. Воспитанные в «гатчинском» духе, они не читали себя наиболее компетентными во фрунтовой службе и на парадах. Хуже дело обстояло с практикой применения знаний, полученных на плацах, во время военных действий. Этот недостаток мог компенсировать тезис: «Великие мужи могут совершать великие подвиги только при великих государях». Известные в Европе имена боевых генералов должны были стать мощной поддержкой репутации русских императоров, тем более что Россия стала играть важную роль на континенте. Поэтому российские самодержцы стремились иметь в ближайшем окружении титулованных особ с генеральскими эполетами, осыпанных славой и «намятью двенадцатого года». Причем для Николая I этот фактор оказался более важным, чем для Александра I, въехавшего в 1814 г. на белом коне во главе союзных войск в Париж и считавшегося «Агамемноном» европейских монархов.

Брат победителя Наполеона взошел на престол с большими осложнениями, когда в строю почти не осталось генералов 1812 года старшего поколения. Многие уже не могли служить, кто-то просто не пришел к двору. Поэтому Николай I старался привлечь последний эшелон – молодежь, получившую в 1812–1815 гг. генеральские эполеты. Вернее, тех, кому удалось вписаться в николаевскую эпоху, где очень многое оказалось подчинено внешним эффектам. Император бывал мелочен и придирчив, «за какие-нибудь фронтовые ошибки не щадил в таких случаях ни заслуг, ни лет»³. Назовем

¹ А.П. Ермолов вспоминал, что П.А. Багратион (а затем и сам Ермолов) «изыскивал способ возбуждать его (Платова. – В.Б.) к предприимчивости и деятельности чрезвычайной, проведая непреодолимое его желание быть графом» (Записки А.П. Ермолова. С. 179). М.Б. Барклай де Толли также знал об этом и обещал ему графский титул (См.: Военный сборник. 1906. № 1. С. 205).

² *Де Местр Ж.* Указ. соч. С. 217.

³ См.: *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. С. 107.

фигуры, наиболее характерные и определявшие жизнь в военной сфере того времени: А.И. Чернышев, И.И. Дибич, И.Ф. Паскевич, И.В. Васильчиков, К.Ф. Толь, А.Х. Бенкендорф, П.В. Голенищев-Кутузов, М.С. Воронцов, А.П. Никитин, В.В. Левашов, Ф.В. Ридигер, П.К. Эссен, А.А. Закревский¹. Именно эта груда генералов (а вслед за ними генерация молодых офицеров эпохи 1812 года), заложив основу своей блестящей карьеры в наполеоновских войнах, в «николаевской России» получила титулы и заняла высшие должности в армии и государстве.

Но еще при Александре I в генеральской среде возникли настроения против процесса титуляризации. Самым известным противником «преимуществ породе принадлежащих» стал «гроза Кавказа» генерал А.П. Ермолов. Он демонстративно проявлял свою нелюбовь к аристократии и уклонялся от получения титула². Так, ожидая Высочайшую награду за успешное посольство в Персию, он написал А.А. Закревскому в 1818 г.: «Если... дать мне графское достоинство, я ручаюсь, что жизни рады не будут, ибо нодам ранорт, в котором изъясню причины, почему не желаю иметь его. Довольно для вас Милорадовичей и Тормасовых, которые от подобных пустяков без памяти...»³, и даже грозился подать в отставку. Отражением этого сюжета стало четверостишие В.А. Жуковского, не боявшегося сказать слова «в похвалу онального» Ермолова:

За ним, пред ним нет пышных титл,
Не громок он средь гордой знати;
Но за него усердный глас молитв
Непобедимой русской рати⁴.

Заметим, что некоторые представители столбового дворянства (Н.Н. Раевский, А.Д. Балашев, Нарышкины) также ревентивно отказывались от титулов, считая, что их редки занимали исключительное положение в предшествовавшие царствования, в силу чего и их фамилии по своей известности не нуждались ни в каких дополни-

¹ Друг Закревского Денис Давыдов так оценивал его «трудовую» карьеру в своем письме: «Ты не из того класса, который в колыбели валяется на розовых листах и в зрелые годы не сходит с атласного дивана, а из наших братьев, перешедших на диван (и то кожаный, и по милости Царя и верной службы) с пуга соломой» (Сб. ИРИО.Т. 73, С. 508).

² См.: Давыдов М.А. «Оппозиция Его Величества»... С. 30–31.

³ Сб. ИРИО.Т.73, С. 269.

⁴ Хлопов В.В. Вечер с А.П. Ермоловым // Русская старина. 1874. Т. X. С. 199.

тельных аристократических отличиях. А.Ф. Ланжерон вспоминал, что М.И. Кутузов за командование армией в войне против турок «был сделан графом, что, впрочем, не особенно ему льстило»¹. Да и в начале 1812 г. с получением титула князя у Кутузова дело обстояло не совсем просто. По свидетельству Н.М. Лонгинова: «Ему предложили на выбор: получить княжеский титул или его сунругу сделать кавалерственной дамой. Он предпочел первое, говоря, что не жена его вела войну и заключила мир...»². Но такое негативное отношение к титулам являлось скорее исключением, чем правилом. Например, дядя генерала П.Н. Раевского А.П. Самойлов, не зная еще, что тот уже отказался от получения титула (взамен выразил желание видеть дочь фрейлиной), писал в ноябре 1813 г. племяннику: «Как вы ныне первый фамилии Раевских и можно сказать, что вы дали ей блеск большой, я желал бы, чтобы вы и дети ваши получили графское достоинство. Конечно это пустой вздор в глазах человека разномыслящего, но публика есть всегда публика, а мы живем в ней»³.

Укажем и на А.И. Чернышева, который лишь в 1826 г. был пожалован графским титулом. Но в данном случае важно отметить народокальный факт, как он задолго до этой даты шел впереди процесса будущей титуляризации. В 1809–1812 гг., часто находясь в Париже (в качестве флигель-адъютанта для доставки писем между Наполеоном и Александром I, почему его называли «вечным ночтальоном»), он всю занимался разведывательной деятельностью, в частности, ему была передана связь с основным агентом в Военном министерстве – М. Мишелем. Но Мишеля схватила полиция, его судили и приговорили к гильотине, после судебного процесса сохранилось большое количество документов. Их просматривал в парижских архивах В.П. Земцов и лично мне подтвердил очень интересный факт (за что ему огромное спасибо) – в этих документах французы, значительно опережая события, именовали русского полковника графом (каковым он тогда не являлся). Возможно, французские власти просто заблуждались (или ошибались), возможно, русское руководство Чернышева специально для лучшего внедрения своего офицера в великосветские салоны Парижа решило временно именовать его графом, но, скорее всего, это была личная и сознательная инициа-

¹ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1910. № 10. С. 220.

² Из писем Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1912. № 4. С. 491.

³ Архив Раевских. Т. 1. С. 206–207.

тива русского разведчика, имевшего большое желание быть титулованной особой хотя бы за границей.

С усилением бюрократических начал в царствование Николая I процесс раздачи титулов стал набирать обороты. Титулы присваивались за конкретную службу или отличия: за блестящие военные кампании (И.Ф. Паскевич, И.И. Дибич); за профессионализм в инженерном деле (К.И. Оннерман) и на экономическом поприще (Е.Ф. Канкрин); за придворную и штабную службу (П.М. Волконский, П.В. Голенищев-Кутузов, И.В. Васильчиков); за административную деятельность (А.А. Закревский, Д.В. Голицын, В.В. Левашев, П.К. Эссен); за военное управление (А.И. Чернышев, Ф.В. Остен-Сакен, К.Ф. Толь, М.С. Воронцов); за дипломатическую (К.О. Поццо ди Борго), охранительную (А.Х. Бенкендорф) и беспрерывную военную службу (Ф.В. Ридигер, А.П. Никитин). Такова условная классификация рода деятельности, где каждый из названных лиц лучшим образом проявил себя. При получении титула, конечно же, учитывался весь спектр заслуг и как бы задним числом боевая деятельность в 1812–1815 гг. Например, «капитанский сын» А.П. Никитин получил графский титул по рескрипту 19 сентября 1847 г. за 50-летнее служение, «ознаменованное достохвальными подвигами прошедших войн...»¹.

В целом картина титуляризации генералов «двенадцатого года» выглядела следующим образом. С 1812 г. 35 генералов получили или повысили титульный статус. Из них 23 чел. прежде не имели титулов. В этой группе шестеро затем повысили свое титульное положение, а рекордсменом стал А.И. Чернышев (граф, князь, светлейший князь). Остальные 12 генералов, имевшие титулы, с 1812 г. повысили свой аристократический статус, из них только двое (И.А. Ливен, Ф.В. Остен-Сакен) дважды получали титулы и проходили путь от барона до князя.

Ожесточенные генеральские распри 1812 г. имели резко выраженную национальную окраску. Это заставляет проанализировать данные о национальной принадлежности военачальников с титулами. Но точное определение национальности носителей знаменитых фамилий вызывает большие затруднения. Нами упоминалось, что в формулярных списках первой половины XIX в. отсутствовала графа о национальной принадлежности, поскольку официально большое значение придавалось социальному положению и вероисповеданию. Занятные соответствующие делопроизводственные графы гене-

¹ Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Т. 5. СПб., 1849. С. 8.

ральских формуляров дают возможность лишь приблизительно определить вероисповедание и национальность. Особенно это характерно для иностранцев, нерешивших на русскую службу. Сведения о них часто содержат минимальную информацию, хотя встречается весьма экзотический текст, дающий простор для исследовательских фантазий.

Если в целом рассматривать титулованный генералитет 1812 года, то без особого труда можно заметить на высших армейских нотах потомков русских древнейших княжеских родов: Рюриковичей (князья Оболенские, Одоевские, Горчаковы, Реннины, Долгоруковы, Вяземские, Шаховские, Щербатовы, Волконские, Львовы, Вадбольские, Мышецкие, Козловские, Хилковы, Лобановы-Ростовские, графы Дмитриевы-Мамоновы, всего 17 чел.), Гедеминовичей (князья Голицыны, Трубецкие, Хованские – 6 чел.), представителей старинных служивых боярских фамилий (Толстые, Голенищевы-Кутузовы, Мусины-Пушкины, Васильчиковы, Коновницыны и др.)¹.

К ним можно прибавить и выходцев из обрусевшей татарской знати: потомка хана Кучума князя Сибирского и князей Урусовых и Кудашевых. Особо выделить здесь возможно лишь крымско-татарского князя К.М. Балатукова.

В то же время особо следует отметить мнение С.Е. Трубецкого. Этот автор известных мемуаров утверждал: «Нет в мире аристократии с более смешанной кровью, чем русская»². Действительно, в этом можно убедиться без труда, анализируя старинные родословные. Эта «смешанность крови» играла важную роль в восприятии мира даже усредненным русским дворянином и создавала атмосферу имперского патриотизма. Ведь многие дворяне с нолным нравом вели отсчет своего происхождения от выходцев из иноземцев: татары Золотой Орды, «немцы», «из нрусов», «из литвин». Приведем пример с А.П. Ермоловым; назначенный в 1817 г. послом в Персию, он выдавал себя за потомка Чингисхана, покоровшего в свое время и эту страну. Он сознательно обыгрывал свои азиатские корни. В действительности его предок Арслан-мурза Ермола в 1506 г. выехал из Орды на службу великому князю Московскому.

Значительное место занимала и «новая» петербургская аристократия, представители фамилий, «нонавших в случай», как выражались в XVIII в.: Шуваловы, Воронцовы, Остерманы, Кутайсовы,

¹ См. подробнее: *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990.

² *Трубецкой С.Е.* Минувшее. Париж, 1989. С.133.

Аракчеевы, Каменские, Гудовичи, Морковы, Денисовы, Левашевы, Меллер-Закомельские, Ливены, Палены и Сиверсы.

Особо необходимо отметить и одновременческие роды. Большое представительство имели носители грузинских царских и княжеских фамилий: Багратиды, Яшвили, Джавахишвили, Гуриэли (8 чел.). Из многочисленных дворян южнославянских народов, с начала XVIII в. с оружием в руках служивших России, титулы имели только И.М. Дука, П.И. Ивелич и М.А. Милорадович, причем последнего смело можно считать русским, сербом лишь по фамилии. К ним же необходимо присоединить дворянина греческого происхождения Л.Д. Куруту, близкого по вере армянского князя В.Г. Мадатова, а также православных П.К. Эссена и И.О. де Витта (фамилия голландского происхождения). Всего же российских дворян и их единоверцев в рядах титулованного генералитета было 75 чел. – чуть больше половины от общего числа. Остальные были лютеранами и католиками.

Среди носителей иностранных фамилий самое большое место занимали немецкие роды. На основе исторически сложившегося обособления их условно можно разделить на германскую и прибалтийскую группы, хотя некоторые представители германских родов (Мантейфели, Дризены, Витгенштейны, Левенштерны), как курляндские, лифляндские и эстляндские дворяне, служили в российской армии с XVIII в. и с большим основанием могли приравниваться к «остзейцам». В то же время сыновья Меллер-Закомельского, дослужившегося из вольноопределяющихся до генеральского чина, отнесены на основании записей формулярных списков к российским родам, так же как и потомок графов Остерманов по женской линии – А.И. Остерман-Толстой. Многочисленность германских родов (23 чел., больше, чем остзейцев) объясняется политическими и династическими причинами. 9 чел. из этой группы – принцы и герцоги, родственники императорского дома, их имена значились в Готском альманахе, посвященном генеалогии европейской аристократии. Большая часть остальных германцев, кроме уже упомянутых (Л.Л. Беннигсен, И.И. Дибич, К.Ф. Канкрин, К.И. Оннерман), с ранних лет находились на русской службе. Непосредственно до и в течение 1812–1815 гг. в ряды генералитета были привлечены лишь 6 титулованных дворян-германцев (Ф.Ф. Винцингероде, К. Фуль, Л. Вольцоген, Ф. Тетенборн, И. Тилеман, Л. Вальмоден-Гимборн) без учета немецких владетельных князей.

Следующие по численности группы иностранцев – французская и итальянская. Несмотря на большую эмиграцию французов в Россию, вызванную бурными потрясениями в Европе, необходимо

отметить, что нобилитет, бежавший из очага революции (5 чел.), в количественном отношении занимал более скромное место, чем германцы, уступал даже итальянцам (7 чел.). Причем среди всех французов (в том числе и нетитулованных) в рядах российского генералитета было большое количество протестантов, поскольку их нередко еще до революции переселились в Швейцарию, Германию или Польшу, уже оттуда они наонадали в Россию.

Польская знать была представлена всего несколькими фамилиями (4 чел.), чьи отцы в конце XVIII в. остались верными России. Это также вполне объяснимо, поскольку подавляющее большинство польской аристократии воевало в рядах наполеоновской армии. Минимальное количество насчитывали голландские дворянские роды (4 чел.). Остальные национальные группы (шведы, датчане, швейцарцы, ирландцы) насчитывали по одному человеку, что в какой-то степени объективно отражало роль и значение этих стран в европейских событиях того времени.

В целом титулованный генералитет отражал весь спектр национальных, династических и политических особенностей Российской империи, ее международных связей. Но нельзя не заметить и одну особенность в титулованной среде военачальников – почти половина из них носила иностранные фамилии. Такого явления никогда не было ни до, ни после 1812 года. Но Россия оставалась одной из немногих стран, которые могли дать прибежище антинаполеоновским элементам, поэтому было неразумно отвергать их услуги.

Социально-политические и психологические особенности генералитета

Дать социально-политическую характеристику всему генералитету – задача достаточно сложная. Если возможно определить национальные интересы России того времени, то индивидуальные качества генералов трудно привести к общему знаменателю, так же как и узнать совмещение с государственными нуждами и интересами личные устремления тех или иных военачальников.

Генералы представляли собой высшую военно-бюрократическую элиту российской империи и дворянского общества. В силу постоянного общения между собой они, безусловно, имели сходные черты бытового и профессионального сознания, примерно одинаковый культурный багаж. Конечно, возможно, многие из генералов даже не были знакомы со всеми своими коллегами по сообществу, так как на такой огромной территории трудно было контактировать друг с другом. Безусловно, корпус высших военачальников России

состоял из разных по характеру и возрасту людей, можно сказать, присутствовали поколения «отцов и детей», между которыми не исключались конфликты в силу личностных особенностей и опыта, полученного образования, культурного капитала и мировоззрения. Но можно только утверждать, что у них всех в то время существовала общая морально-нравственная база. Все офицеры рассматривали себя как «слуг государевых», в первую очередь своего монарха, олицетворявшего само государство. Личная преданность императору и верность присяге являлись моральной основой армейской жизни.

На сегодняшний день трудно выяснить модель служебных, родственных или дружеских взаимосвязей, но социологические контуры российского генералитета очерчиваются очень рельефно. Генеральская «общность» была объединена воинскими традициями и предрассудками, особенностями общения, мировоззрением и схожей шкалой дворянских ценностей. Идеология же дворянства обычно рассматривалась в литературе в политическом, юридическом, экономическом аспектах – отношение к монархии как к неизбежной власти, к дворянству как крайне важной и своеобразной прослойке (посреднику) между верховной властью и народом, к воинской службе как прямой обязанности каждого дворянина (служба на любом поприще), к крепостному праву как прочно сложившейся системе отношений дворянина к крестьянам, основанной на патернализме (аналогично контролю отца над детьми в патриархальной семье), и т. д. Историко-культурная проблематика рассматривалась в трудах историков реже. Но в данном случае важно понять, какие идеалы существовали тогда у воинской элиты? Как генералитет был связан с общественными институтами и высшим обществом (аристократией)? И как этот верхушечный слой влиял в целом на армию и политику российской империи? Именно генеральский слой в первую очередь имел высокую степень воздействия на офицерство и солдатские массы, а позиция высших военачальников учитывалась при разработке планов и принятии стратегических решений.

В целом корпус российских генералов полностью вписывался в существующий сценарий власти, базировавшийся на ценностях православия, самодержавия и народности. Хотя эта триединая задача еще тогда не была четко сформулирована, доминирующей формой сознания являлся монархизм. В 1812 г. еще не существовало конфликта между обществом и государством, которое можно было наблюдать в нашей истории после 1825 г. Наоборот, в «эпоху бед, годину славы» все дворянство консолидировалось на основе патриотического отношения к Родине и безоговорочно поддерживало антинаполеоновский внешнеполитический курс, действовало в од-

ном направлении, можно сказать, в унисон с правительственными структурами в деле борьбы с Великой армией. Следовательно, и в рядах генералитета не было раздвоения, поскольку генералы являлись и дворянами, и одновременно важнейшей составной частью государственного управления, они действовали в одном русле с государственными и общественными запросами. Российское соперничество с наполеоновской Францией тогда оказалось возможным облечь в национальные формы, фокусируясь на вопросе национальной самобытности. Для того периода также были характерны взаимодействие и тесное переплетение имперской и национальной идеи, поскольку войны эпохи 1812 года обостряли чувство государственной и собственной национальной принадлежности её участников. Так возник своего рода государственный национализм эпохи 1812 года.

В период наполеоновских войн в странах еще отсутствовала формализованная военная доктрина в ее современном понимании. Однако в неофициальном плане концепция войны (как комплекс идей, господствующий в умах русских генералов) уже родилась¹, она оказалась связанной с наступательной тактикой и стратегией, выработанными опытом победных войн с турками, пруссами и шведами в XVIII в. Собственно вся система учебы и воспитания русского офицерского корпуса строилась на идеях решительного и быстрого наступления вглубь территории противника и разгрома врага. Тогда подобный способ ведения войны обозначался как стратегия «сокрушения». В противовес ему применялась стратегия «истощения» или «измора», когда командование избегало генерального сражения, а путем маневрирования, затягивания военных действий и нанесения лишь отдельных ударов по слабым частям противника на флангах изматывало войска неприятеля.

Именно на примерах громких побед «времен Очакова и покоренья Крыма» (эпоха Екатерины Великой) и на воспоминаниях о них воспитывалось поколение романтиков, возмужавших уже в начале XIX в. В период наполеоновских войн именно на этих принципах происходила настоящая профессионализация военной элиты России. Определенными маяками в юности для каждого дворянина служили примеры из жизни «екатерининских орлов». Безусловно, воплощением идеала для всякого русского военнослужащего, а особенно военачальника с начала XIX в. в первую очередь являлся А.В. Суворов и его воинская карьера. Следует полностью согласиться с характеристикой А.А. Керсновского этой центральной харизма-

¹ На эту мысль меня подтолкнули рассуждения Доменика Ливена. См.: *Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 196–197.*

тической фигуры «золотого века» русского военного искусства¹ или с К. Клаузевицем, назвавшим Суворова «военным гением»². Примеры из жизни и службы Суворова, рожденные его поведением мифы (тогда их называли «анекдоты»), его теоретическое наследие и труд «Наука побеждать» были распространены в офицерских кругах и слышались в военной среде от простых солдат до генералов. Позднее Денис Давыдов писал в очерке «Встреча с великим Суворовым»: «А тыи всего военного, русского, родного военного, не был ли тогда Суворов?.. Не он ли был предметом восхищений и благословений, заочно и лично, всех и каждого?»³. Сам же знаменитый полководец восхищался благородством военачальника Петра I князя М.М. Голицына. Когда тот на вопрос о награде за выигранное сражение он спросил императора простить разжалованного военачальника А.И. Реннина, царь его спросил: «Знаешь ли ты, что он твой злейший враг?». «Знаю, – был ответ, – и прошу ради пользы отечества, ибо Реннин военное дело знает, а хороших генералов мало». По этому поводу герой итальянского и швейцарского походов записал: «К[нязь] М.М. Голицын... победа, вынул ему милость. Здесь достоинство!»⁴.

Суворовскими учениками считали себя все, кто служил под его знаменами. Всякий же, кто был отмечен похвалой великого полководца, получал своего рода индульгенцию на будущее. Вот, что, например, написал А.П. Ермолов об участии П.И. Багратиона в кампании 1799 г. в Швейцарии: «Война жестокая требовала людей храбрых и решительных; тяжкая трудами, требовала людей, исполненных твердой воли: Суворов остановил на нем свое внимание, проник, употребил, отличил, возвысил»⁵. Именно после этого молодой генерал получил уже международное признание, недаром в 1801 г. прибывший мальчиком в Россию Евгений Вюртембергский, когда его представляли будущему главнокомандующему 2-й

¹ См.: Керсновский А.А. Философия войны. М., 2010. С. 13.

² Как считал сам К. Клаузевиц: «Это слово по широте своего смысла и по придаваемому ему толкованию применяется в весьма различном значении и что во многих случаях нелегко выразить на словах сущность гения... то да будет нам позволено остановиться на значении этого понятия, принятом при обычном словоупотреблении, и под термином гения понимать чрезвычайно повышенную духовную способность к известного рода деятельности» (Клаузевиц К. О войне. Т. 1. С. 36).

³ Давыдов Д. Военные записки. С. 41.

⁴ Суворов А.В. Письма. С. 76, 229, 527–528.

⁵ Записки Алексея Петровича Ермолова. С. 71.

Западной армии, радостно воскликнул: «Это знаменитый князь Багратион?»¹

Без всякого сомнения, в разряд героев, являвшихся примером для подражания и авторитетом в военной сфере, наряду и все так называемые екатерининские орлы. Последним живым представителем этой полководческой плеяды в российской императорской армии можно назвать М.И. Кутузова, хотя, по сути, его нельзя считать суворовским учеником, поскольку он изобретал совсем иные (в целом противоположные Суворову) подходы к воинскому мастерству, его полководческий почерк не имел аналогов в России. [Когда некоторые историки говорят о «кутузовской школе» и об учениках Кутузова, то я всегда задаю только один вопрос – назовите фамилии его учеников и последователей в России. Даже если таковые называются (но только, чтобы ответить на вопрос), то при ближайшем рассмотрении оказывается, что на роль учеников они никак не подходят.]

Парадокс эпохи заключался в том, что знаменитый Суворов олицетворял в России стратегию «сокрушения», но в 1812 г., да и позже с оговорками, в 1813–1814 гг., на практике победила примененная стратегия «измора», связанная с именами М.Б. Барклая де Толли и М.И. Кутузова. Без учета этой точки зрения останутся непонятными генеральские ссоры в 1812 г., столкновения и борьба личностей за выбор способа действий, да и сами разногласия в подходах к ведению войны.

Сильным раздражителем для всякого военного человека оставалась личность Наполеона. Пример его феерической карьеры от младшего офицера до императора, безусловно, воздействовал на умы современников и туманил головы, его феноминальные победы бросали вызов общественному мнению. В данном случае уместно привести мнение Суворова, относящееся к 1796 г., о нервных шагах молодого генерала Н. Бонапарта как полководца в Италии: «О, как шагает этот юный Бонапарт! Он герой, он чудо-богатырь, он колдун! Он побеждает и природу и людей; он обошел Альпы, как будто их и не было вовсе... а войско свое затаил в левом рукаве своего мундира... О, как он шагает! Лишь только вступил на путь военачальства, как уж он разрубил Гордеев узел тактики. Не заботясь о числе, он везде нападает на неприятеля и разбивает его начисто. Ему введомо неодолимая сила натиска – более не надобно. Сопротивники его будут унорствовать в вялой тактике, подчиненной нерьям кабинетным; а у него во-

¹ Из записок герцога Евгения Вюртембергского // Русская старина. 1894. № 11. С. 157.

енный совет в голове». Далее пророчески прозвучали заключительные оценки нашего великого полководца: «Пока генерал Бонапарт будет сохранять присутствие духа, он будет победителем, великие таланты военные достались ему в удел. Но ежели, на несчастье свое, бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли, – он погибнет»¹.

Как военный гений Наполеон противостоял и конкурировал с Суворовым, но для русского офицерского корпуса образ французского полководца не являлся идеалом, а рассматривался в плоскости самого грозного и опасного противника. По словам артиллерийского офицера И.Т. Раджицкого: «...гению подражали, а врага ненавидели»². Вдохновляющим примером по-прежнему оставался Суворов. А.А. Керсновский, рассмотревший такие категории, как ум и воля военного человека, писал про исследуемую нами эпоху: «Суворов явил нечеловеческую силу воли под Измаилом, сверхчеловеческую в Муттенской долине. Кто сможет по достоинству оценить волю Барклая, шедшего против течения и спасшего страну помимо ее стремлений? Кутузов, пожертвавший Москвой, выявил большую силу духа, чем Наполеон, принявший Лейпцигскую битву. А Котляревский под Асландузом?»³.

Русская полководческая школа исходила из преемственности в военном искусстве и необходимости использования национального воинского опыта. На протяжении двух веков с момента своего создания регулярная российская армия как самая важная опора государства развивалась на основе традиций защиты Родины. Традиции и воинские ритуалы как важнейшие элементы «военной культуры» и как основа воспитания войск всегда бережно сохранялись и постоянно подпитывались боевой практикой. Посредством традиций оформлялось и закреплялось социокультурное пространство, которое занимала армия, возникало духовное единство всех армейских организаций. Но воспитанные на победных традициях победного века Великой Екатерины русские высшие офицеры болезненно переносили поражения от французов 1805–1807 гг., что породило желание взять реванш и отомстить за позор Аустерлица и Фридланда. Достаточно вспомнить текст самого знаменитого в России марша д.-гв. Преображенского полка, написанного С.Н. Мариним в 1805 г., кото-

¹ *Суворов А.В.* Письма. С. 312.

² Походные записки артиллериста. С 1812 по 1816 год артиллерист подполковника И... Р... Ч. 1. С. 14.

³ *Керсновский А.А.* Философия войны. С. 105–106.

рый удивительно характеризуют ту эпоху. Сначала в тексте идут строки:

Пойдем, братцы, за границу
Бить отечества врагов.
Вспомним матушку-царицу,
Вспомним, век ее каков!

Потом следует упоминания о победах Суворова и Румянцева, и звучит уверенность в будущей победе, в неизбежном покорении столицы Франции:

За французом мы дорогу
И к Парижу будем знать,
Зададим ему тревогу,
Когда столицу будем брать¹.

Правда, действительность оказалось несколько иной, взятие Парижа было отложено на девять лет, но именно под этот марш российская гвардия в 1814 г. входила во французскую столицу. Но в 1812 г., в начале кампании, отсюда происходила неизбежность столкновения мнений между сторонниками отхода вглубь страны и приверженцами наступательной тактики. Когда в 1812 г. главнокомандующим назначили Кутузова, в обществе не было сомнений в том, что он переломит ситуацию и армия начнет наступление. Вот что писал по этому поводу статс-секретарь Н.М. Лонгинов в августе 1812 г.: «Никто не сомневался в том, что Кутузов остановит этот Немецкий образ действий, придуманный Пруссакими и неренятый Австрийцами, основанный на осторожности и военной вынравке и совершенно чуждый нашим войскам»².

В России на рубеже веков в военном искусстве первоначально предпочтение отдавали внешней стороне прусской модели, о чем наглядно свидетельствовали все царствование Павла I и начало правления Александра I. Затем поражения 1805 и 1807 гг. выдвинули на авансцену генералов-практиков и заставили правительственные круги активно проводить реформы, многие элементы которых являлись прямыми заимствованиями из военного дела французов³.

¹ Марин С.Н. Полное собрание сочинений. Летописи. Т. 10. С. 183–184.

² Из писем Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1912. № 4. С. 496.

³ См.: Баиов А.К. История русского военного искусства. Т. 2. С. 154.

После окончания наполеоновских войн начался период, характеризовавшийся новым витком прусского и французского влияния на жизнь нашей армии. С этой точки зрения останется только безусловно согласиться с более поздним мнением А.А. Керсновского: «Величественное здание русской национальной военной доктрины стоит с 1800 г. незаконченным. Туда нам давно надлежало бы перейти с тех чужих задворков, где мы ютимся уже в продолжение нескольких поколений. Суворов из своей могилы приказывает всем нам его закончить, приказывает вспомнить, что мы русские и что с нами Бог»¹.

Необходимо понимать, что весь жизненный уклад русского офицерства начала XIX в. зиждился на монархизме, который воспринимался как воплощение строгости правил субординации, как неукоснительное соблюдение дисциплины и исполнение приказов старших военачальников. Воля российского императора пронизывала политическое и служебное армейское бытие, окружающая действительность являлась выражением интересов государства и самого венценосца. Все проявления власти, повседневная жизнь страны и жизнь его главы сливалось в единое и нераздельное целое. Собственно существование самой империи воплощалось в личности императора, поэтому господствовало чувство преданности монархическому началу, не допускавшее никаких слов порицания или критики в адрес самодержавной власти. Это было характерно даже в период проведения Гильзитской политики в 1807–1809 гг., политики крайне непопулярной в дворянских кругах. Это породило скрытую оппозиционность к правительству, которое властями порицалось только на словах, но не на деле. Но в целом молодой император шел на большой риск, сближаясь с Наполеоном. Правда, уже война с Австрией 1809 г. позволила понять представителям российской элиты, что Россией избран иной вектор развития, направленный против гегемонии наполеоновской Франции. После 1810 г. всему дворянскому обществу и русскому офицерству стало понятно, что война с Наполеоном – это вопрос ближайшего будущего.

Поскольку социальной опорой самодержавия в то время было дворянство, владевшее «креностной собственностью», то и генералы в основном являлись помещиками. Они оправдывали существование креностного нрава со всеми вытекающими отсюда последствиями, как бы нам не хотелось иного. Россия была креностническим государством, и высшая бюрократия, к которой принадлежал генерали-

¹ Керсновский А.А. *Философия войны*. С. 28.

тет, также была крепостнической как по содержанию своей деятельности, так и по своей деловой квалификации.

Психологический склад генералитета основывался на стремлении к карьерному росту и на осознании своего воинского профессионализма. Он выражался как через русскую, так и европейскую культуру. Дворянская культурная парадигма подразумевала ориентацию или на православную этику, или на западноевропейские духовные ценности. Можно даже провести определенный водораздел и зафиксировать противопоставление и столкновение интересов двух культурно-национальных укладов внутри одной общности, носивших не абсолютный, а рабочий характер. В силу доминирующей роли речи среди психологических факторов в поведении генералов (русских природных подданных, многие из которых знали французский и немецкий языки) конфликты в высшей воинской среде оказались замаскированными под национальную окраску, но имели иные, а именно узкопрофессиональные причины. Национальный аспект в межгенеральских распрях вышел на первый план лишь на короткий период в начале кампании 1812 года под Смоленском. Нужно сказать, что конфликты или конкуренция среди генералитета – это неизбежное зло (и в то же время большой плюс) в любой армии мира.

Социально-психологический паспорт генералитета при многих различиях составлявших его этнических и конфессиональных групп имел вытекавшую из сословного состояния и господствующей идеологии главную общую черту – неприятие личности Наполеона Бонапарта как продолжателя идей Французской революции. Культ Н. Бонапарта был очень слаб в общественных кругах России, в отличие от многих стран Европы. Для российских генералов в целом было характерно имперское мышление и сознание. В умах большинства русских дворян господствовала идея честного служения Российской империи; все, что делалось императором Александром I или правительственными органами, должно было получать и получало полное одобрение общественных кругов.

В динамичной ситуации эпохи 1812 года без труда можно заметить колебания группового настроения российских генералов. В силу расхождения надежд и действительности, помимо взрыва русского патриотизма и обострения религиозных чувств среди православных, на передний план вышли недовольство и возмущение оборонительной тактикой сторонников отступления вглубь страны, носивших иностранные фамилии. В этом состояла суть столкновения национальных и европейских идеалов поведения человека на войне и восприятия действительности. И этот мощный фактор заставил Александра I облечь высшей военной властью человека с при-

родной русской фамилией, пользующегося доверием в дворянском обществе.

Кроме того, у дворянства имелся соответствующий комплекс понятий о чести (*point d'honneur*), личной и корпоративной, о службе (идея служения Отечеству). Существовали «правила», по которым жили дворяне-офицеры в армии, о чем в свое время неплохо написал историк М.А. Давыдов¹. Но именно честь определяла моральный облик как каждого дворянина, так российского генерала (в особенности). Это было продиктовано происхождением, воспитанием, долговременной службой (можно сказать привычкой) и достигнутым общественным положением. Высокие моральные качества вырабатывались с юности посредством одной из трех господствовавших в России религий (православие, католицизм, лютеранство), а генеральский статус твердо подкреплялся уже сложившимися в дворянском обществе духовно-этическими принципами, такими как долг, честь, верность престолу и присяге. Неслучайно Н.М. Карамзин написал: «Честь должна быть главною наградою! Римляне с дубовыми венками завоевали мир»². В то же время можно определенно сказать, что большинство генералов выступали за незыблемость существующих порядков, поскольку многие из них имели крепостных. Если и были среди них те, кто в той или иной степени критически оценивал крепостничество, то их голос был почти не слышен.

1812 год и заграничные походы русской армии стали определенным водоразделом, можно выделить три стадии в истории генералитета при Александре I: первый – с 1801 по 1805 г.; второй начался поражением при Аустерлице в 1805 г. и закончился в 1815 г.; третий пришелся на последнее десятилетие его царствования. Если до 1815 г. происходили значительные изменения в генеральской среде, особенно динамично с 1812 по 1815 г., то после темпы чиновного производства оказались замедленными. Но весь этот период происходила постоянная модернизация генералитета, в России постепенно возник новый слой военно-управленческой элиты, мировоззрение и действия которой вливалась в интеллектуальную ткань исторического периода, именуемого на Западе эпохой наполеоновских войн, а в русской историографии получившего название эпохи 1812 года.

Политика Александра I по отношению к генералитету подразумевала целесообразность осмысленного и разумного сочетания разных возрастных категорий, но ставка со временем стала делаться на мо-

¹ См.: Давыдов М.А. «Оппозиция Его Величества»: Дворянство и реформы в начале XIX века.

² Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России... С. 104.

лодежь, на поколение 30-летних генералов с хорошим образованием и широким кругозором. Наиболее удачно карьера в тот момент складывалась у штабной и гвардейской молодежи, с представителями которой российский монарх постоянно контактировал, очень многих знал лично. Французскому генералитету, уставшему от постоянных войн, увенчанному в период Империи лаврами, получившему многочисленные почести, Россия противопоставила русскую офицерскую молодежь, полную молодецкого задора и лихости, а также имевшую сильные карьерные устремления. В условиях войны и сложной международной ситуации Александр I широко практиковал принцип награждения чинами за отличия на поле брани в ущерб ранее сложившейся и укоренившейся практике чиновного производства по старшинству. Особо показательным в этом отношении оказался 1813 г.

Можно по-разному оценивать генералитет александровского царствования – с большим или меньшим количеством плюсов и минусов, но остается самая главная характеристика: это было поколение триумфаторов, победившее Наполеона. Такое тяжелое испытание и последующая мировая слава выдают не всегда и не всем военачальникам. Волею судеб они оказались вознесенными на пьедестал воинской доблести, их вклад в окончательную победу над Наполеоном стал достоянием истории. Такой здравый и категоричный вывод был сделан не мною, а предшествующей когортой историков, задолго до написания этих строк.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 5

Происхождение, вероисповедание и национальность генералитета

№ п/п	Ф.И.О	Происхождение	Вероисповедание	Национальность	Губерния
1.	Агалин А.К.	д	п	р	Ярославская
2.	Агте Е.А.	об-оф	л	прибалт	Эстляндская
3.	Ададуров В.В.	д	п	р	С.-Петербургская
4.	Аклучеев И.М.	д	п	р	Вологодская
5.	Алалыкин А.А.	д	п	р	Костромская
6.	Алексеев И.И.	д	п	р	Московская
7.	Алексополь А.А.	д	п	грек	
8.	Альбрехт А.И.	д	?	г	С.-Петербургская
9.	Андреевский С.С.	д	п	р	Тверская
10.	Ансно А.Е.	д	?	?	
11.	Аракчеев А.А.	д	п	р	Тверская
12.	Аракчеев Анд. А.	д	п	р	Тверская
13.	Аргамаков И.А.	д	п	р	Костромская
14.	Аргамаков И.В.	д	п	р	Рязанская
15.	Армфельдт Г.М.	д	л	швед	
16.	Арсеньев М.А.	д	п	р	Тульская
17.	Арсеньев Н.М.	д	п	р	Тульская
18.	Ахлестышев М.Ф.	д	п	р	Тульская
19.	Багговут К.Ф.	д	л	прибалт	Эстляндская
20.	Багратион П.И.	д	п	грузин	
21.	Багратион Р.И.	д	п	грузин	
22.	Баклановский М.А.	д	п		
23.	Балабин П.И.	д	п		
24.	Балабин С.Ф.	свящ	п	р	В/Д
25.	Балатуков К.М.	д	п	крымский татарин	Н/Р

№ п/п	Ф.И.О	Пропе- хожде- ние	Веро- испове- дание	Нацио- нальность	Губерния
26.	Балашов А.Д.	д	п	р	Тульская
27.	Балк М.Д.	д	п	?	
28.	Балла А.И.	л	п	грек	
29.	Бардаков П.Г.	д	п	р	Костромская
30.	Барклай-де Толли М.Б.	д	л	прибалт	Лифляндская
31.	Бартоломей А.И.	д	л	прибалт	Лифляндская
32.	Баумгартен И.Е.	д	л	прибалт	Эстляндская
33.	Бахметев А.И.	д	п	р	Пензенская
34.	Бахметев Н.И.	д	п	р	Курская
35.	Башкилов А.А.	д	п	р	
36.	Бегичев И.М.	д	п	р	Рязанская
37.	Безобразов Л.А.	д	п	р	Пензенская
38.	Безобразов Н.А.	д	п	р	
39.	Безродный В.К.	д	п	р	
40.	Белоградский Г.Г.	д	п	крымский татарин	Н/Р
41.	Бельгард А.А.	д	к	француз	
42.	Бенардос П.Е.	д	п	грек	
43.	Бенкенорф А.Х.	д	л	прибалт	Лифляндская
44.	Бенкендорф К.Х.	д	л	прибалт	Эстляндская
45.	Беннигсен А.Л.	д	л	Г	
46.	Беннигсен Л.Л.	д	л	Г	
47.	Берг Б.М.	д	л	прибалт	Лифляндская
48.	Берг Г.М.	д	л	прибалт	Лифляндская
49.	Бердяев А.Н.	д	п	р	
50.	Бибинов А.А.	д	п	р	
51.	Бистром А.И.	д	л	прибалт	Эстляндская
52.	Бистром К.И.	д	л	прибалт	Эстляндская
53.	Богдановский А.В.	д	п	укр. ст.	Малороссийская
54.	Богуславский А.А.	д	п	укр. ст.	Полтавская
55.	Бороздин М.М.	д	п	р	Псковская
56.	Бороздин Н.М.	д	п	р	Псковская
57.	Браницкий В.К.	д	к	поляк	
58.	Брежинский С.И.	д	?	укр. ст.?	Малороссийская
59.	Бриземан фон Неттиг И.И.	д	л	прибалт	Лифляндская
60.	Будберг К.В.	д	л	прибалт	Лифляндская

№ п/п	Ф.И.О	Пронс- хожде- ние	Веро- испове- дание	Нацио- нальность	Губерния
61.	Булатов М.Л.	д	п	р	Рязанская
62.	Булыгин Д.А.	д	п	р	
63.	Бухгольц О.И.	д	л	прибалт	Эстляндская
64.	Вадбольский И.М.	д	п	р	
65.	Вадковский Я.Е.	д	п	р	Московская
66.	Вальмоден-Гим- борн Л.Г.	д	л	г	
67.	Васильчиков Д.В.	д	п	р	Псковская
68.	Васильчиков И.В.	д	п	р	Псковская
69.	Васильчиков Н.В.	д	п	р	С.-Петербург- ская
70.	Велизарьев И.С.	д	п	серб	Полтавская
71.	Великополь- ский А.П.	д	п	р	Псковская
72.	Вельяминов И.А.	д	п	р	Тульская
73.	Венансон О.П.	д	к	итал	
74.	Веселитский Г.П.	д	п	серб	
75.	Винцингеро- де Ф.Ф.	д	л	г	
76.	Вистицкий М.С.	д	п	р	Смоленская
77.	Вистицкий С.С.	д	п	р	Смоленская
78.	Витгенштейн П.Х.	д	л	г	
79.	де Витт И.О.	д	п	?	
80.	Власов М.Г.	об-оф	п	р	В/Д
81.	Властов Е.И.	грече- ский уроже- нец	п	грек	
82.	Влодек М.Ф.	д	к	поляк	Виленская
83.	Воейков А.В.	д	п	р	Орловская
84.	Воннов А.Л.	д	п	р	Московская
85.	Волков М.М.	д	п	р	
86.	Волконский Д.М.	д	п	р	Тульская
87.	Волконский Н.Г.	д	п	р	
88.	Волконский П.М.	д	п	р	
89.	Волконский С.Г.	д	п	р	
90.	Вольф (Люденгаузен) И.Л.	д	л	прибалт	Курляндская

№ п/п	Ф.И.О	Пронс- хожде- ние	Веро- испове- дание	Нацио- нальность	Губерния
91.	Вольцоген Л.И.	д	л	г	
92.	Воронцов М.С.	д	п	р	
93.	Всеволожский А.М.	д	п	р	Владимирская
94.	Второв О.М.	д	п	р	Курская
95.	Вунч Н.В.	д	п	серб	
96.	Вюртембергский А.	д	л	г	
97.	Вюртембергский Е.	д	л	г	
98.	Вюртембергский П.	д	л	г	
99.	Вяземский В.В.	д	п	р	
100.	Галате де Жепола И.А.	д	к	итал.	
101.	Гамен А.Ю.	д	л	?	Смоленская
102.	Гампер Е.Е.	д	л	прибалт	Курляндская
103.	Гангблов С.Г.	д	п	грузин	
104.	Гарноульт И.И.	д	л	г	
105.	Гарпе В.И.	свящ	л	прибалт	Эстляндская
106.	Гартинг М.Н.	д	л	голландец	
107.	Гейденрейх И.Г.	д	л	прибалт	
108.	Гекель Е.Ф.	д	л	г	
109.	Гельфрейх Б.Б.	д	л	прибалт	Эстляндская
110.	Геригросс Р.Ф.	д	л	прибалт	Лифляндская
111.	Герц(э)дорф К.М.	д	л	датчанин	
112.	Гессе В.А.	вольно- опр.	л	прибалт	Лифляндская
113.	Гине Я.Е.	д	л	прибалт	Лифляндская
114.	Гладков И.В.	д	п	р	Пензенская
115.	Глебов А.С.	д	п	р	Черниговская
116.	Гове А.П.	д	?	француз?	
117.	Гогель Ф.Г.	д	л?	француз	
118.	Голеннищев-Куту- зов М.И.	д	п	р	Псковская
119.	Голеннищев-Куту- зов П.В.	д	п	р	Новгородская
120.	Голицын Б.А.	д	п	р	Владимирская
121.	Голицын Б.В.	д	п	р	Московская
122.	Голицын Д.В.	д	п	р	Московская
123.	Голицын С.С.	д	п	р	
124.	Головин Е.А.	д	п	р	Смоленская

№ п/п	Ф.И.О	Прон- хожде- ние	Веро- испове- дание	Нацио- нальность	Губерния
125.	Гольштейн-Ольденбургский Г.П.	д	л	г	
126.	Гольштейн-Ольденбургский П.	д	л	г	
127.	Горбунцов Е.С.	об-оф	п	р	
128.	Горчаков А.И.	д	п	р	Московская
129.	Греков А.Е.	шт-оф	п	р	В/Д
130.	Греков Б.А.	старш. детей	п	р	В/Д
131.	Греков Д.Е.	шт-оф	п	р	В/Д
132.	Греков П.М.	старш. детей	п	р	В/Д
133.	Греков С.Е.	шт-оф	п	р	В/Д
134.	Греков Т.Д.	д	п	р	В/Д
135.	Грессер А.И.	д	л	прибалт	Лифляндская
136.	Гудович А.И.	д	п	р	
137.	Гудович П.В.	д	п	р	
138.	Гурьев А.Д.	д	п	р	
139.	Гурьев А.И.	д	п	р	Калужская
140.	Гуршилов И.С.	д	п	грузин	
141.	Давыдов А.Л.	д	п	р	
142.	Давыдов Д.В.	д	п	р	
143.	Давыдов Е.В.	д	п	р	Тульская
144.	Давыдов Н.В.	д	п	р	Тульская
145.	Давыдов П.Л.	д	п	р	
146.	де Дамас М.И.	д	к	француз	
147.	Дедюлин Я.И.	д	п	р	Ярославская
148.	Делагард А.О.	д	л	француз	
149.	Делянов Д.А.	д	п	армянин	Московская
150.	Денисов В.Т.	шт-оф	п	р	В/Д
151.	Денисьев Л.А.	д	п	р	
152.	Денисьев П.В.	д	п	р	Курская
153.	Депрерадович Н.И.	д	п	серб	Екатеринослав- ская
154.	Дехтерев Н.В.	д	п	р	Воронежская
155.	Дибич И.И.	д	л	г	
156.	Дмитриев-Мамонов М.А.	д	п	г	

№ п/п	Ф.И.О	Пронесение	Вероисповедание	Национальность	Губерния
157.	Довре Ф.Ф.	д	л	г	
158.	Долгоруков С.Н.	д	п	р	
159.	Долон О.Ф.	л	к	француз	
160.	Дорохов И.С.	д	п	р	
161.	Дохтуров Д.С.	д	п	р	Тульская
162.	Древич Ф.И.	д	л	г	Витебская
163.	Дризен Ф.В.	д	л	г	Курляндская
164.	Дука И.М.	д	п	серб	
165.	Дурново И.Н.	д	п	р	
166.	Дятков С.В.	д	п	р	Тамбовская
167.	Дячкин Г.А.	шт-оф	п	р	В/Д
168.	Емельянов Н.Ф.	д	п	р	
169.	Ермолов А.П.	д	п	р	Орловская
170.	Ершов И.З.	д	п	р	Орловская
171.	Ефимович А.А.	д	п	р	Киевская
172.	Ешпн В.В.	д	п	р	
173.	Жандр А.А.	д	?	?	
174.	Жевахов И.С.	Д	п	грузин	Черниговская
175.	Жевахов С.Э.	д	п	грузин	Черниговская
176.	Жевахов Ф.С.	д	п	грузин	Черниговская
177.	Желтухин П.Ф.	д	п	р	Казанская
178.	Желтухин С.Ф.	д	п	р	Казанская
179.	Жемчужников А.С.	д	п	р	
180.	Жеребцов А.А.	д	п	р	С.-Петербургская
181.	Жомини А.Г.	д	к	швейцарец	
182.	Загряжский П.П.	д	п	р	
183.	Закревский А.А.	д	п	р	Тверская
184.	Запольский А.В.	д	п	р	
185.	Засс А.П.	д	л	прибалт	Лифляндская
186.	Засс Анд. Андр.	д	л	прибалт	Курляндская
187.	Засс Анд. Павл.	д	л	прибалт	Лифляндская
188.	Захаржевский Я.В.	д	п	укр. ст.	Полтавская
189.	Збневский Т.И.	д	к	поляк	
190.	Зварыкин Ф.В.	д	п	р	Костромская
191.	Иванов И.Д.	д	п	р	Тверская
192.	Иванов П.А.	д	п	р	С.-Петербургская

№ п/п	Ф.И.О	Пронс- хожде- ние	Веро- испове- дание	Нацно- нальность	Губерния
193.	Ивашев П.Н.	д	п	р	Казанская
194.	Ивелич П.И.	д	п	серб	
195.	Игельстром А.А.	д	л	прибалт	Эстляндская
196.	Игнатьев Г.А.	д	п	р	С.-Петербург- ская
197.	Игнатьев Д.Л.	д	п	р	Тульская
198.	Измайлов Л.Д.	д	п	р	Рязанская
199.	Иловайский А.В.	д	п	р	В/Д
200.	Иловайский В.Д.	д	п	р	В/Д
201.	Иловайский Г.Д.	д	п	р	В/Д
202.	Иловайский И.Д.	д	п	р	В/Д
203.	Иловайский Н.В.	д	п	р	В/Д
204.	Иловайский О.В.	д	п	р	В/Д
205.	Инзов И.Н.	д	п	р	
206.	Кабдуков В.И.	д	п	р	Костромская
207.	Кабдуков П.И.	д	п	р	Костромская
208.	Казачковский К.Ф.	д	п	р	
209.	Кайсаров П.С.	д	п	р	Саратовская
210.	Каменев С.А.	д	п	р	Курская
211.	Каменский С.М.	д	п	р	Орловская
212.	Канкрин Е.Ф.	д	л	г	
213.	Капустин И.Ф.	об-оф	п	р	Рязанская
214.	Капцевич П.М.	д	п	р	Белорусская
215.	Каратаев В.И.	шт-оф	п	р	Черниговская
216.	Карбоньер Л.Л.	д	к	француз	
217.	Карпенко М.И.	д	п	укр. ст.	Малороссийская
218.	Карпов А.А.	шт-оф	п	р	В/Д
219.	Карпов С.Т.	д	п	р	Рязанская
220.	Карцев И.П.	д	п	р	Псковская
221.	Кафтырев Я.В.	д	п	р	Ярославская
222.	Каховский П.Д.	д	п	р	Смоленская
223.	Керн Е.Ф.	д	л	англичашин	
224.	Кикин П.А.	д	п	р	
225.	Кишенский Н.Ф.	д	п	р	Пензенская
226.	Клейнмихель А.А.	свящ	л	прибалт	Лифляндская
227.	Клодт фон Юргенс- бург К.Ф.	д	л	прибалт	Эстляндская

№ п/п	Ф.И.О	Пропс- хожде- ние	Веро- испове- дание	Нацио- нальность	Губерния
228.	Книшпер Ф.Е.	д	л	прибалт	Лифляндская
229.	Кнорринг К.Б.	д	л	прибалт	Лифляндская
230.	Кнорринг О.Ф.	д	л	прибалт	Эстляндская
231.	Княжнин А.Я.	д	п	р	Псковская
232.	Княжнин Б.Я.	д	п	р	Псковская
233.	Козен П.А.	шт-оф	л	прибалт	Лифляндская
234.	Козлянинов И.Т.	д	п	р	Новгородская
235.	Коїленскій И.С.	д	п	р	Слободско- украинская
236.	Кологривов А.С.	д	п	р	Орловская
237.	Колюбакин П.М.	д	п	р	Калужская
238.	Коновницын П.П.	д	п	р	С.-Петербург- ская
239.	Константи́н Павлович	д	п	р	
240.	Корнилов П.Я.	д	п	р	Псковская
241.	Корф Ф.К.	д	л	приб	Курляндская
242.	Костенецкий В.Г.	д	п	укр. ст.	Черниговская
243.	Кошелев П.И.	д	п	р	Орловская
244.	Краснов И.К.	казак	п	р	В/Д
245.	Красовский А.И.	д	п	укр. ст.	Слободско- украинская
246.	Крейц К.А.	д	к	поляк	Курляндская
247.	Кретов Н.В.	д	п	р	
248.	Криштафович Е.К.	д	п	р	Смоленская
249.	Крыжанов- ский М.К.	д	п	укр. ст.	Полтавская
250.	Кудашев Н.Д.	д	п	р	
251.	Кульнев И.П.	д	п	р	Псковская
252.	Кульнев Я.П.	д	п	р	Калужская
253.	Курута Д.Д.	д	п	грек	
254.	Кутайсов А.И.	д	п	р	С.-Петербург- ская
255.	Кутейников Д.Е.	шт-оф	п	р	В/Д
256.	Кутузов А.П.	д	п	р	Новгородская
257.	Лавров Н.И.	д	п	р	Калужская
258.	Ладыженский Н.Ф.	д	п	р	Московская
259.	де Ламберт К.О.	д	к	француз	

№	Ф.И.О	Прон- хожде- ние	Веро- испове- дание	Нацио- нальность	Губерния
260.	Ланжерон А.Ф.	д	к	француз	
261.	Ланской П.С.	д	п	р	Новгородская
262.	Ланской С.Н.	д	п	р	Костромская
263.	Лаптев В.Д.	д	п	р	
264.	Ласкин А.А.	купец	п	р	Архангельская
265.	Лебедев Н.П.	д	п	р	Смоленская
266.	Левашев В.В.	д	п	р	
267.	Левенштерн К.Ф.	д	л	г	
268.	Левиз оф Ме- нар Ф.Ф.	д	л	приб	Лифляндская
269.	Левин Д.А.	д	п	Р	Орловская
270.	Левитский М.И.	д	?	?	Могилевская
271.	Леонтьев И.С.	д	п	р	
272.	Ливен И.А.	д	л	прибалт	Лифляндская
273.	Лидерс Н.И.	д	л	г	
274.	Линдфорс Ф.А.	д	л	прибалт	Лифляндская
275.	Лингард А.И.	д	л	прибалт	Лифляндская
276.	Лисаневич Г.И.	д	к	поляк	Полоцкая
277.	Лихачев П.Г.	д	п	р	Исковская
278.	Лобанов-Ростов- ский Д.И.	д	п	р	
279.	Лопухин П.А.	д	п	р	Московская
280.	Лошкарев П.С.	д	п	грузин	
281.	Луков Ф.А.	из солдат- ских детей	п	р	Московская
282.	Луковкин Г.А.	д	п	р	В/Д
283.	Львов Д.С.	д	п	р	Калужская
284.	Львов М.Л.	д	п	р	Калужская
285.	Лятин Д.В.	д	п	р	С.-Петербург- ская
286.	Ляпунов Д.П.	д	п	р	Рязанская
287.	Мадатов В.Г.	д	п	армянин	
288.	Макаров П.С.	д	п	р	Костромская
289.	Мантейфель И.В.	д	л	г	
290.	Манфредни О.И.	д	к	итал	

№ п/п	Ф.И.О	Пронс- хожде- ние	Веро- испове- дание	Нацио- нальность	Губерния
291.	Марков А.И.	д	п	р	Полтавская
292.	Марков Е.И.	д	п	р	Вологодская
293.	Мартынов А.Д.	из старш. детей	п	р	В/Д
294.	Маслов А.Т.	д	п	р	Псковская
295.	Мацнев М.Н.	д	п	р	Орловская
296.	Мезенцев В.П.	д	п	р	
297.	Мезенцев М.И.	д	п	р	Смоленская
298.	Мекленбург- ский К.А.	Д	л	г	
299.	Мелиссино А.П.	д	п	р	
300.	Меллер-Закомель- ский Е.И.	д	л	сл. немцев	Белорусская
301.	Меллер-Закомель- ский П.И.	д	л	сл. немцев	Белорусская
302.	Мерлин П.И.	д	п	р	Тамбовская
303.	де Местр К.К.	д	к	француз	
304.	Мещеринов В.Д.	д	п	р	Орловская
305.	Миллер И.И.	вольно- опр. шт-оф	л	сл. немцев	Тульская
306.	Милорадович М.А.	д	п	серб.	Полтавская
307.	Мишо А.Ф.	сын архи- тектора	к	итал	
308.	Монахтин Ф.Ф.	д	п	р	
309.	Мордвинов В.М.	д	п	р	Псковская
310.	Мордвинов Д.М.	д	п	р	Витебская
311.	Морков И.И.	д	п	р	Московская
312.	Мосолов Ф.И.	Д	п	р	
313.	Муравьев Н.Н.	д	п	р	Лифлянская
314.	Муромцев И.С.	д	п	р	Рязанская
315.	Мусин-Пушкин И.А.	д	п	р	Ярославская
316.	Мусин-Пуш- кин И.К.	д	п	р	Курская
317.	Мусин-Пуш- кин И.К.	д	п	р	Ярославская
318.	Мухин С.А.	об-оф	п	р	Полтавская

№ п/п	Ф.И.О	Пронс- хожде- ние	Веро- испове- дание	Нацио- нальность	Губерния
319.	Мышецкий Е.Д.	д	п	р	Исковская
320.	Мякиннин П.Д.	д	п	р	Новгородская
321.	Набоков И.А.	д	п	р	Новгородская
322.	Назминов Ф.В.	д	п	р	Тамбовская
323.	Нанний Ф.П.	купец (шт-оф)	к	итал	
324.	Нарышкин Л.А.	д	п	р	
325.	Наумов М.Ф.	д (об-оф)	п	р	
326.	Неверовский Д.П.	д	п	укр. ст.	Киевская
327.	Нейдгардт П.И.	д	л	г	
328.	Никитин А.П.	об-оф	п	р	С.-Петербург- ская
329.	Новак И.И.	?	?	?	
330.	Оболенский В.П.	д	п	р	
331.	Обрезков Н.В.	д	п	р	
332.	Одоевский И.С.	д	п	р	
333.	Ожаровский А.П.	д	к	поляк	
334.	Окулов М.М.	д	п	р	
335.	Оленин Е.И.	д	п	р	Смоленская
336.	Олсуфьев З.Д.	д	п	Р	Тверская
337.	Олсуфьев П.Д.	д	п	р	Тверская
338.	Ольдекоп К.Ф.	д	л	прибалт	Лифляндская
339.	Ошперман К.И.	из мещан	л	г	
340.	Орлов М.Ф.	Д	п	р	
341.	Орлов-Денисов В.В.	д	п	р	В/Д
342.	О Рурк И.К.	д	к	ирландец	
343.	Остен-Сакен Ф.В.	д	л	прибалт	Курляндская
344.	Остерман-Тол- стой А.И.	д	п	р	
345.	Падейский Ф.Ф.	д	п	р	Воронежская
346.	Пален М.И.	д	л	прибалт	Эстляндская
347.	Пален Павел Петр.	д	л	прибалт	Курляндская
348.	Пален Петр Петр.	д	л	прибалт	Эстляндская
349.	Палицын И.И.	д	п	р	Смоленская
350.	Панцербинтер К.К.	д	л	прибалт	Лифляндская

№ п/п	Ф.И.О	Пропе- хожде- ние	Веро- испове- дание	Нацио- нальность	Губерния
351.	Панчулидзе И.Д.	д	п	грузин	Саратовская
352.	Панчулидзе С.Д.	д	п	грузин	Саратовская
353.	Паскевич И.Ф.	д	п	укр. ст.	Полтавская
354.	Пассек П.П.	д	п	р	Смоленская
355.	Паттон А.Я.	об-оф	к	австриец	
356.	Паулуччи делле Ронколе Ф.О.	д	к	итал	
357.	Пейкер А.Э.	д	л	прибалт	Лифляндская
358.	Петровский М.А.	д	п	укр. ст.	Киевская
359.	Пиллар Е.М.	д	л	прибалт	Эстляндская
360.	Пирогов И.И.	д	п	р	Казанская
361.	Писарев А.А.	д	п	р	Новгородская
362.	Платов М.И.	из старш. детей	п	р	В/Д
363.	Платов М.М.	д	п	р	В/Д
364.	Платцов П.П.	д	п	р	
365.	Полетаев И.И.	д	п	р	
366.	Полторацкий К.М.	свящ	п	укр. ст.	Черниговская
367.	Полукетов Б.В.	д	п	р	Московская
368.	Полю И.Л.	д	л	прибалт	Лифляндская
369.	Понсет М.И.	д	л	г	
370.	Посников Ф.Н.	д	п	р	Новгородская
371.	Потапов А.Н.	д	п	р	Псковская
372.	Потемкин Я.А.	д	п	р	Тамбовская
373.	Потоцкий С.С.	д	к	поляк	
374.	Потулов П.В.	д	п	р	Тамбовская
375.	Поццо ди Бор- го К.А.	д	к	итал	
376.	Протасов А.А.	д	п	р	Рязанская
377.	Пышницкий Д.И.	д	п	р	Смоленская
378.	Радт С.Л.	д	л	швейца- рец	
379.	Раевский Н.Н.	д	п	р	
380.	Рахманов В.С.	д	п	р	Курская
381.	Резвой Д.П.	«Из СПб. граж- дан»	п	р	С.-Петербург- ская

№ п/п	Ф.И.О	Пронс- хожде- ние	Веро- испове- дание	Нацио- нальность	Губерния
382.	Рейхель А.А.	д	л	р	
383.	Ренни Р.Е.	д	л	прибалт	Лифляндская.
384.	Репнин Н.Г.	д	п	р	
385.	Репнинский С.Я.	д	п	р	
386.	Репнинский Ст.Я.	д	п	р	
387.	Ререн И.Б.	д	л	прибалт	Лифляндская
388.	Ридигер Ф.В.	д	л	прибалт	Курляндская
389.	Ридингер А.К.	д	л	прибалт	Эстляндская
390.	Рихтер Б.Х.	д	л	прибалт	Лифляндская
391.	Роднонов М.И.	д	п	р	В/Д
392.	Розен А.В.	д	?	прибалт	Эстляндская
393.	Розен Г.В.	д	?	прибалт	Эстляндская
394.	Розен И.К.	д	л	прибалт	Лифляндская
395.	Розен Ф.Ф.	д	л	прибалт	Лифляндская
396.	Росси И.П.	д	к	итал	
397.	Росточин Ф.В.	д	п	р	
398.	Рот Л.О.	д	к	француз	
399.	Рудзевич А.Я.	д	п	крымский татарин	Н/Р
400.	Рыков В.Д.	д	п	р	Саратовская
401.	Рылеев А.Н.	д	п	р	Казанская
402.	Рылеев М.Н.	д	п	р	Костромская
403.	Сабанеев И.В.	д	п	р	Ярославская
404.	Саблуков Н.А.	д	п	р	
405.	Савонин Е.Я.	уроже- нец Фло- ренции	к	итал	
406.	Сазонов И.Т.	д	п	р	Тамбовская
407.	Сазонов Ф.В.	д	п	р	Рязанская
408.	Саксен-Веймар- ский К.А.	д	л	г	
409.	Саксен-Кобург- ский Л.	д	л	г	
410.	Саксен-Крбург- ский Э.	д	л	г	
411.	Сандерс Ф.И.	д	л	прибалт	Лифляндская

№ п/п	Ф.И.О	Пронс- хожде- ние	Веро- испове- дание	Нацио- нальность	Губерния
412.	Санги А.Ф.	д	к	итал	
413.	Свечин Н.М.	д	п	р	Тверская
414.	Селявин Н.И.	д	п	р	Московская
415.	Сен-При Э.Ф.	д	к	француз	
416.	Сеславин А.Н.	д	п	р	Тверская
417.	Сибирский А.В.	д	п	р	
418.	Сиверс Е.К.	д	л	прибалт	Лифляндская
419.	Сиверс И.Х.	д	л	прибалт	Лифляндская
420.	Сиверс К.К.	д	л	прибалт	Лифляндская
421.	Сипягин Н.М.	д	п	р	Костромская
422.	Скалон А.А.	д	л	г	
423.	Соковнин Б.С.	д	п	р	Орловская
424.	Соколовский О.К.	д	к	поляк	Могилевская
425.	Ставицкий М.Ф.	д	п	укр. ст.	Полтавская
426.	Ставраков С.Х.	д	п	грек	Полтавская
427.	Сталь Е.Ф.	д	л	прибалт	Эстляндская
428.	Сталь К.Г.	д	л	прибалт	Лифляндская
429.	Строганов П.А.	д	п	Р	
430.	Сулима Н.С.	д	п	укр. ст.	Малороссийская
431.	Сутгоф Н.И.	купец	л	финн?	
432.	Сухарев А.Д.	д	п	р	
433.	Сухозанет И.О.	д	п	р	Витебская
434.	Сухтелен П.К.	шт-оф	л	голландец	
435.	Сухтелен П.П.	об-оф	л	голландец	
436.	Сысоев В.А.	шт-оф	п	р	В/Д
437.	Талызин А.И.	д	п	р	Московская
438.	Талызин С.А.	д	п	р	
439.	Талызин Ф.И.	д	п	р	Московская
440.	Тейль фон Сера- скеркен Ф.В.	д	л	голландец	
441.	Теслев А.П.	сын титу- лярного совет- ника	л	сл. немцев	
442.	Тетенборн Ф.К.	д	л	г	
443.	Тильман И.А.	д	л	г	

№ п/п	Ф.И.О	Происхождение	Вероисповедание	Национальность	Губерния
444.	Титов Н.Ф.	д	п	р	
445.	Толстой П.А.	д	п	р	Орловская
446.	Толь К.Ф.	д	л	прибалт	Эстляндская
447.	Тормасов А.П.	д	п	р	
448.	Трескин М.Л.	д	п	р	Тамбовская
449.	Трощинский И.Е.	д	п	укр. ст.	Полтавская
450.	Трубецкой В.С.	д	п	р	
451.	Трузсон Х.И.	д	к?	г	
452.	Турчанинов А.П.	д	п	р	Могилевская.
453.	Турчанинов П.П.	д	п	р	Могилевская
454.	Тучков А.А.	д	п	р	Московская
455.	Тучков Н.А.	д	п	р	Московская
456.	Тучков П.А.	д	п	р	Московская
457.	Тучков С.А.	д	п	р	Московская
458.	Тыртов Я.И.	д	п	р	
459.	Уваров Ф.П.	д	п	р	Тульская
460.	Удом Е.Е.	д	л	прибалт	Лифляндская
461.	Удом И.Ф.	д	л	прибалт	Лифляндская
462.	Уланов Г.П.	об-оф	п	р	
463.	Уманец А.С.	д	п	укр. ст.	Черниговская
464.	Урусов А.П.	д	п	р	
465.	Урусов Н.Ю.	д	п	р	
466.	Ушаков И.М.	д	п	р	Курская
467.	Ушаков П.Н.	д	п	р	Ярославская
468.	Ушаков С.Н.	д	п	р	Ярославская
469.	Феньш А.С.	д	л	англичанин	
470.	Ферстер Е.Х.	д	л	г	
471.	Филиппстальский Э.К.	д	л	г	
472.	Филисов П.А.	д	п	р	Ярославская
473.	Фок А.Б.	вольно-опр.	л	сл. немцев	С.-Петербургская
474.	Фок Б.Б.	д	л	сл. немцев	С.-Петербургская
475.	Фуль К.Л.	д	л	г	
476.	Ханыков В.В.	д	п	р	Калужская

№ п/п	Ф.И.О	Пронс- хожде- ние	Веро- испове- дание	Нацио- нальность	Губерния
477.	Хилков С.А.	д	п	р	Тульская
478.	Хованский Н.Н.	д	п	р	
479.	Хомяков А.А.	д	п	р	Московская
480.	Храповицкий М.Е.	д	п	р	Смоленская
481.	Хруцов И.А.	д	п	р	
482.	Цвилленев А.И.	д	п	р	Смоленская
483.	Цыбульский И.Д.	д	п	р	Смоленская
484.	Чаликов А.С.	д	п	грузин	
485.	Чаплищ Е.И.	д	к	поляк	
486.	Чарныи И.И.	д	п	укр. ст.	Полтавская
487.	Чернозубов И.Ф.	шт-оф	п	р	В/Д
488.	Чернышев А.И.	д	п	р	
489.	Чичагов П.В.	д	п	р	
490.	Чичерин В.Н.	д	п	р	Тамбовская
491.	Чичерин Н.А.	д	п	р	Тульская
492.	Чичерин П.А.	д	п	р	Тульская
493.	Чоглоков П.Н.	д	п	р	С.-Петербург- ская
494.	Шаховской И.Д.	д	п	р	
495.	Шевич И.Г.	д	п	серб	
496.	Шеле Г.Х.	вольно- опр.	л	швед	
497.	Шемшуков Я.М.	д	п	р	Орловская
498.	Шеншин В.Н.	д	п	р	Орловская
499.	Шепелев В.Ф.	д	п	р	Калужская
500.	Шепелев Д.Д.	д	п	р	
501.	Шнишкин Н.А.	д	п	р	Рязанская
502.	Шнишков А.С.	д	п	р	Московская
503.	Шкапский М.А.	об-оф	п	р	Московская
504.	Шостаков Г.А.	д	п	укр. ст.	Черниговская
505.	Шперберг И.Я.	д	л	прибалт	Лифляндская
506.	Шрейдер И.И.	д	л	прибалт	Лифляндская
507.	Шрейтерфельд К.И.	д	л	прибалт	Лифляндская
508.	Штаден Е.Е.	д	л	прибалт	Лифляндская
509.	Штейнгель Ф.Ф.	д	л	прибалт	Эстляндская
510.	Шувалов П.А.	д	п	р	
511.	Шульгин А.С.	д	п	р	

№ п/п	Ф.И.О	Происхождение	Вероисповедание	Национальность	Губерния
512.	Шуханов Д.В.	д	п	молдаванши	
513.	Щербатов А.Г.	д	п	р	Московская
514.	Щербатов А.Ф.	д	п	р	
515.	Щербатов Н.Г.	д	п	р	Московская
516.	Эйлер А.Х.	д	л	сл. немцев	
517.	Эммануэль Г.А.	д	п	серб	
518.	Эмме И.Ф.	д	л	прибалт	Лифляндская
519.	Энгельгардт Г.Г.	д	л	прибалт	Курляндская
520.	Энгельман П.И.	д	л	г	
521.	Эртель Ф.Ф.	д	л	г	
522.	Эссен И.Н.	д	л	прибалт	Лифляндская.
523.	Эссен П.К.	д	п	приб	Лифляндская
524.	Юзефович Д.М.	д	п	укр. ст.	Полтавская
525.	Юрковский А.А.	д	п	серб	
526.	Юрлов И.И.	д	п	р	Нижегородская
527.	Юшков А.И.	д	п	р	
528.	Ягодин А.А.	шт-оф	п	р	В/Д
529.	Яфимович И.Л.	д	п	р	Смоленская
530.	Яшвилъ В.М.	д	п	грузин	
531.	Яшвилъ Л.М.	д	п	грузин	

Список сокращений

В/Д – Войско Донское

вольноопр. – вольноопределяющийся

г – германец

д – дворянин

«Из СПб. граждан» – из с.-петербургских граждан

из стар. детей – из старинских детей

итал – итальянец

к – католик

л – лютеранин

Н/Р – Новороссия

об-оф – обер-офицер

п – православный

прибалт – из прибалтийских немцев

р – русский

свясц – священник

сл. немцев – из служивых немцев

укр. ст. – украинская старшина

шт-оф – штаб-офицер

Таблица 6

Генеральские семьи

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
1.	Агалин А.К.		100 д.	Варвара Григорьевна		нет	
2.	Агте Е.А.	Кол. ас	239 д.	кн. Екатерина Сергеевна Баратаева		1	
3.	Ададунов В.В.	г. с., сенатор	4500 д.				
4.	Аклечев И.М.						
5.	Алалыкин А.А.	полк.	1000 д. за матерью	(Анна Ивановна Лаврова?)			
6.	Алексеев И.И.		20 д.	Наталя Филипповна Вигель (1775– 1847), дочь ген.-лейт.		2	
7.	Алексополь Ф.П.		п				
8.	Альбрехт А.И.	полк.	п	1) кн. Екатерина Григорьевна Башота (молдавский боярский род) (ок. 1790– ?), в первом браке за К. Кантом, затем за А.Н. Бологовским 2) Мария Антоновна Ланге (ум. 1830)		нет	
9.	Андреевский С.С.	ген.-майор	за отцом 300 д.	Елизавета Алексеевна Пашкова (?–1860), дочь бригадира	п	4	
10.	Ансю А.Е.	кол. ас.	нет	Елизавета Степановна Медвецкая, дочь надв. сов.		4	
11.	Аракчеев А.А	майор	4000 д.	Наталя Федоровна Хомутова (1783– 1842), дочь ген.-майора			1
12.	Аракчеев Анд. А.	майор	п	ж		1	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
13.	Аргаматов И.А.	майор	400 д. за отцом	х			
14.	Аргаматов И.В.	майор	89 д.	Елизавета Ивановна Лутовнинова (1762–1823), дочь бригадира	п		
15.	Армфельт Г.М.		1200 д.	Гедвига Понтусовна (Хедвиг Ульрика) Делагарди (1761–1832)		7	2
16.	Арсеньев М.А.		100 д.	Екатерина Семеновна (Степановна) Горленко (1774–1855)		1	
17.	Арсеньев Н.М.		50 д.	Юлия Максимовна Клугина, дочь подполковника.		3	
18.	Ахлестышев М.Ф.	полк.	50 д.	Мария Петровна Савина	100 д.	нет	
19.	Багговут К.Ф.		нет	Елизавета Яковлевна Фок (ум. 1830), дочь полк.		нет	
20.	Багратион П.И.		п	гр. Екатерина Павловна Скавронская (1783–1857), фрейлина, дочь т. с. и посла в Неаполе	п	2	
21.	Багратион Р.И.			Анна Ивановна, дочь надвор. сов.		3	
22.	Бакланов- ский М.А.		90 д.	1) Анна Федоровна Морозова, дочь подполковника? 2) Евдокия (Авдотья) Ивановна Жукова (1769–1831), дочь майора		1	
23.	Балабин П.И.	ген.-майор	238 д.	Варвара Осиповна (Паулина) Парис (1780–1845)		5	1

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
24.	Балабин С.Ф.	протопоп	70 д.	Домнита Васильевна, дочь священно- служителя		4	
25.	Балатуков К.М.	с. с.	20000 дес.	дочь кап. Катырша (Катырина) бея Ширинского – Шах Султан Ханым		3	
26.	Балашов А.Д.	т. с.	937 д	1) Наталья Антипатровна Коновницы- на (?–1806) 2) Елена (Елизавета) Петровна Бекетова (1779–1823), дочь полк.	2) 2 завода на Урале и 19000 д.	1) 2 2) 3	
27.	Балк М.Д.		п	вдовец		нет	
28.	Балла А.И.		нет	Сусанна (Ульяна) Ивановна Стасинос, дочь македонского дворянина г. Сало- ники		3	
29.	Бардаков П.Г.		475 д.	х			
30.	Барклай-де Толли М.Б.	пор.	нет	Елена Ивановна фон Смиттен (1770– 1828)		1	
31.	Бартоломей А.И.	кол. сов.	115 д. за отцом	Гр. Александра Николаевна Дивьер (1787–1834)		5	
32.	Баумгартен И.Е.	пор.	нет	Вера Андреевна Косиновская, дочь первостатейного купца из г. Петербурга		10	
33.	Бахметев А.П.	кап.	480 д.	1) разведенная гр. Виктория Станисла- вовна Шуазель-Гуфье, урожд. гр. Потоцкая (1780–1826) 2) кн. Наталья Готфридовна Четвер- тинская (1816–?)		1) 1 2) 1	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне-брач-ные
34.	Бахметев Н.Н.	кап.		Екатерина Александровна Нарышкина (1791–1821), дочь бригадира	нет		
35.	Башилов А.А.	д. с. с.	750 д.	Варвара Яковлевна Вульф, дочь ген.-майора	п	2	
36.	Бегичев И.М.	ген.-пор.	30 д. с тремя братьями	Екатерина Николаевна Вындомская (1774–1840)		2	
37.	Безобразов Л.А.	подпоручик	250 д.	Аграфена Александровна Анненкова (род. 1788)		1	
38.	Безобразов Н.А.		нет	1) Юлия Александровна Конопка (1786–1834) (развод 1810), 2) ?		4	
39.	Безродный В.К.		нет	Анастасия Андреевна		5	
40.	Белоградский Г.Г.		нет	Мария Петровна Собакина, дочь майора		нет	
41.	Бельгард А.А.	бригадный генерал Франции	нет	Наталья Карловна Свенсон (1789–1862), дочь с. с.		5	
42.	Бенардос П.Е.		нет	Александра Михайловна Воробьева, дочь отставного комиссионера VII класса		5	
43.	Бенкенорф А.Х.	ген. от инф.	нет	Елизавета Андреевна Донец-Захаржевская (1788–1828), вдова полк. Бибикова		3	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
44.	Бенкендорф К.Х.	ген. от инф.	нет	Гр. Наталья Максимовна Алопеус (1796–1823), дочь д. с. с.		7	
45.	Беннигсен А.Л.	ген. от кав.	п	Виктория Станиславовна Шамборская		3	
46.	Беннигсен Л.Л.	полк.	1000 д.	1) Фредерика фон Штейнберг 2) Елизаветта Мейер 3) Амалия фон Шнихелы 4) Мария (Екатерина) Фаддеевна Бутовт-Андржейкович (1775–1758)		7	
47.	Берг Б.М.	ген.-аншеф		Анна Ивановна Дункер, дочь придворного архитектора		7	
48.	Берг Г.М.	ген.-аншеф	нет	гр. Гедвига Доротея Сиверс (1764–1830)		8	
49.	Бердяев А.Н.	ген.-пор.	За отцом 678 д.	Надежда Александровна Скрипицына		1	
50.	Бибииков А.А.	ген.-аншеф	п	Анна Васильевна Ханыкова (1772–1826)		3	
51.	Бистром А.И.	ген.-майор	п	х			
52.	Бистром К.И.	ген.-майор	нет	бар. Шарлотта (Констанция) Антонов-на Тизенгаузен (1792–1823), дочь генерала		нет	

Продолжение таблицы 6

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
53.	Богдановский А.В.	бунчуковый товарищ	нет	вдовец		1	
54.	Богуславский А.А.	войсковой товарищ	нет	х			
55.	Бороздин М.М.	ген.-пор.	200 д.	1) гр. Жанна Аделанда Гилллен дю Монте (Монтау), урожд. Фраде Д'Орли (1767 1799) 2) Екатерина Александровна Шемяки- на (1787–1828), дочь надв. сов., фрейлина	2) 500 д.	1) 2 2) 2	
56.	Бороздин Н.М.	ген.-пор.	п	Елизаветта Александровна Жеребцова (1788–1841), дочь д. т. с. (развод в 1826 г.)		6	
57.	Браницкий В.К.	ген.-аншеф	80000 д. за отцом	гр. Роза Станиславовна Потоцкая (1780–1862), дочь генерала		7	
58.	Брежинский С.П.	майор	За отцом 196 д.	х			
59.	Бриземан фон Неттиг И.И.		3 гака	ж		1	
60.	Будберг К.В.	бригадир	нет	Каролина Ивановна Беренс фон Раутенфельд (1779 1839), дочь ген.-пор.		2	
61.	Булатов М.Л.		п	Мария Богдановна Нилус (1780 1822), дочь ген. от арт.		3	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Внебрачные
62.	Булыгин Д.А.		п	Варвара Андреевна Булыгина (1766–1834)		2	
63.	Бухгольц О.И.			Надежда Ивановна			
64.	Вадбольский И.М.	полк.	171 д.	бар. Вера Григорьевна Энгельгардт (?–1836), дочь ген.-лейт.		2	
65.	Вадковский Я.Е.	полк.	п	Елизавета Петровна Елагина (?–1835)		1	
66.	Вальмоден-Гимборн Л.Г.	фельдмаршал Ганновера	нет	гр. Зое фон Грюнн (?–1883)		нет	
67.	Васильчиков Д.В.	бригадир	1170 д.	гр. Аделаида Петровна Апраксина (1785–1851), дочь ген.-пор.	3500 д., куренной, овчарный и конный заводы	4	
68.	Васильчиков И.В.	бригадир	4000 д. за отцом	1) гр. Вера Петровна Протасова (1780–1814), фрейлина, дочь ген.-пор. 2) Татьяна Васильевна Пашкова (1795–1875), дочь обер-егермейстера		1) 2 2) 7	
69.	Васильчиков П.В.	бригадир	За отцом 4000 д.	гр. Елизавета Максимовна Пребстинг, вдова ген.-майора Гана		2	
70.	Велезарьев И.С.		нет	Изабель, вдова австр. службы пор. Гейма		1	
71.	Великопольский А.П.		нет	х			
72.	Вельяминов И.А.		100 д.	х			

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Именные жены	Дети в законном браке	Внебрачные
73.	Венансон О.П.		нет	х			
74.	Веселитский Г.П.	д. с. с.	800 д.	Мария Сергеевна Авдеева (Андреева), дочь комиссионера 9 кл.	34 д.	5	
75.	Винцингероде Ф.Ф.	полк. Гессен- кассельской службы	нет	гр. Елена Андреевна Ростворовская (ум. 1829)		5	
76.	Вистицкий М.С.	ротмистр	47 д. и 4000 дес.	х			
77.	Вистицкий С.С.	ротмистр	п				
78.	Витгенштейн П.Х.	ген.-пор.	1000 д.	Антуанетта (Антония-Сесилия) Станиславовна Снарская (1779–1855), дочь маршала Полоцкого наместничества	500 д.	9	
79.	Витт И.О. де	ген.-пор.	2500 д.	1) кн. Иозефа Любомирская (в первом браке Валевская) (1778–1875) 2) гр. Текла-Каролина Адамовна Ржевуская (в первом браке Собань- ская) (1794–1885) 3) гр. Надежда Федоровна Апраксина (в первом браке Петрищева) (1788– 1855), дочь бригадира		нет	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
80.	Власов М.Г.	обер-офицер	п	Марфа Ивановна, казачья дочь		2	
81.	Властов Е.И.		53 д.	Анна Антоновна Костритская (Коринская), польская дворянка		1	
82.	Влодек М.Ф.		п	гр. Александра Дмитриевна Толстая (1788–1847), дочь т. с., фрейлина		1	
83.	Воейков А.В.	кап.	80 д.	Вера Николаевна Львова (1792–1873)	п	3	
84.	Воинов А.Л.		нет	Жанетта Ивановна Михельсон, дочь полк.		нет	
85.	Волков М.М.		нет	х			
86.	Волконский Д.М.		п	гр. Наталья Алексеевна Мусина-Пушкина (1784–1829), дочь д. т. с.	п	2	
87.	Волконский Н.Г.	ген.от кав.	п	кн. Зинаида Александровна Белосельская-Белозерская (1792–1863), фрейлина	п	1	
88.	Волконский П.М.	бригадир	5449 д.	кн. Софья Григорьевна Волконская (1785–1866), дочь ген. от кав., фрейлина		3	
89.	Волконский С.Г.	ген.от кав.	нет	Мария Николаевна Раевская (1895–1863), дочь ген. от кав.		4	
90.	Вольф (Люденгаузен) И.П.		нет	бар. Биронша Вильгельмовна Бутлер		1	
91.	Вольцоген Л.И.		нет	ж		2	
92.	Воронцов М.С.	ген.-аншеф	За отцом 24 000 д.	гр. Елизавета Ксаверьевна Браницкая (1792–1880), дочь коронного гетмана, фрейлина	9400 д.	4	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имя	Жены	Имя жены	Дети в законном браке	Внебрачные
93.	Всеволожский А.М.		192 д.	1) Бартолици, итальянская дворянка 2) Ангела (Акель) Станиславовна, дочь польского дворянина		1) 4	
94.	Второв О.М.		За отцом 5 д.	х			
95.	Вуич Н.В.		нет	Мария Ильинична Каторжи (?–1826), дочь ген.-майора		6	
96.	Вюртембергский А.		п	герц. Антуанетта Саксен-Кобург-Заафельдская (1779–1824)		5	
97.	Вюртембергский Е.	ген. от кав.	нет	1) принц. Матильда Вальдек-Пирмонтская (1801–1825) 2) принц. Елена Гогенлоэ-Ланденбургская (1807–1880)		1) 3 2) 4	
98.	Вюртембергский П.		нет	1) принц. Шарлотта Саксен-Гильдбургская (1787–1847) 2) Фауста Анжела де Крё		1) 4 2) 1	
99.	Вяземский В.В.		75 д.	Екатерина Григорьевна Зенич, дочь директора таможни Очакова		3	
100.	Галате де Жепола И.А.		нет	Анна Ивановна Чернева, дочь кол. асс.		2	
101.	Гамен А.Ю.	лейб-медик Екатерины II	нет	1) ? 2) ? 3) Мария Христиановна Геринг (1783–1832)	дом	3) 5	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
102.	Гампер Е.Е.		нет	Х			
103.	Гангелов С.Г.	майор	у отца 40 д.	кн. Екатерина Спиридоновна Манвело- ва (1773–1853), дочь майора	193 д.	6	
104.	Гарноульт И.И.	офицер	нет	вдов		нет	
105.	Гарпе В.И.	пастор	за отцом 20 д.	Мария Осиповна (Генриетта) Кулябко (в первом замужестве фон Бреверн) (1779–1853), дочь полк.		3	
106.	Гартинг М.Н.		нет	гр. Амалия (Амалия-Доротея) Матвеев- на Ламсдорф (1797–18340, дочь ген. от инф.		1	
107.	Гейденрейх И.Г.		нет	Вера Осиповна Амперова		нет	
108.	Гекель Е.Ф.		нет	х			
109.	Гельфрейх Б.Б.	майор	п	Шарлотта Васильевна фон Штерн- гельм (1802–1872), дочь с. с.		11	
110.	Гернгросс Р.Ф.	майор	нет	Анна Федоровна фон Братке, дочь ген.-майора		2	
111.	Герц(з)дорф К.М.		нет	Анна Лукьяновна Кацерева (Трансди- това) (1774–1839), из греческого дворянского рода Валахии		4	
112.	Гессе В.А.		нет	Елизавета Альбертовна Констанция Лаврентьевна Сосницкая ?		5	
113.	Гине Я.Е.	майор	нет	х			

п/п №	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
114.	Гладков И.В.		75 д.	Мария Сергеевна Мартынова (1773–1846)	300 д.	3	
115.	Глебов А.С.		нет	х			
116.	Гове А.П.		30 д.	дочь кап. Окульского			
117.	Гогель Ф.Г.	д. с. с.	нет	1) Мария Александровна Юний, дочь д. с. с 2) гр. Каролина Антоновна Моллио (по левому браку Олизар)		1) 2 2) 4	
118.	Голенищев-Куту- зов М.И.	ген.-пор.	2000 д. (в 1793 г.)	Екатерина Ильинична Бибикина (1754–1840), дочь ген.-аншефа	п	6	
119.	Голенищев-Куту- зов П.В.	кап.	п	Екатерина Петровна Неклюдова (1781–1832), дочь сенатора		6	
120.	Голицын Б.А.	ген.-майор	12000 д.	1) ? 2) кн. Анна Александровна Грузинская (в первом браке Делицина) (1763– 1842)		8	
121.	Голицын Б.В.	ген.-майор	п	х			2
122.	Голицын Д.В.	бригадир	13 816 д.	Татьяна Васильевна Васильчикова (1782–1841), дочь бригадира, фрейлина	п	5	
123.	Голицын С.С.	ген. от инф.	п	Наталья Степановна Апраксина (1796–1890), фрейлина		нет	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
124.	Головин Е.А.		70 д. за отцом	Елизавета Павловна Фонвизина (1792–?), дочь д. т. с. и директора Московского университета	п	3	
125.	Гольштейн-Ольденбургский Г.П.			великая кн. Екатерина Павловна	1 млн руб. приданного и 300 тыс. руб. ежегодно	1	
126.	Гольштейн-Ольденбургский П.			1) принц. Аделаида Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Гоймская (?–1820) 2) принц. Ида Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Гоймская (ум. 1827) 3) принц. Сесиль (1807–1844), дочь бывшего короля Швеции Густава IV		1) 2 2) 1 3) 3	
127.	Горбунцов Е.С.		нет	Елепа Леонтьевна		нет	
128.	Горчаков А.И.	ген.-пор.	920 д.	х			
129.	Греков А.Е.	полк.	134 д.	Марфа Максимовна, дочь полк.		3	
130.	Греков Б.А.		84 д.	Арина Васильевна, дочь майора			
131.	Греков Д.Е.	полк.	143 д.	Екатерина Максимовна, старшинская дочь		1	
132.	Греков П.М.			Анна Матвеевна Высоцкая, шляхетская дочь			
133.	Греков С.Е.	полк.	161 д.	Мария Алексеевна Иловайская, дочь ген. от кав.		1	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Именные жены	Дети в законном браке	Внебрачные
134.	Греков Т.Д.	ген.-майор	942 д.	1) Екатерина Петровна Иловойская, дочь полковника 2) Мария Матвеевна Платова (1789-?), дочь ген. от кав.		2) 1	
135.	Грессер А.И.	пор.	80 д.	1) Луиза Петровна Сухтелен (1780–1802), дочь генерала 2) кн. Анна Михайловна Волконская (1776–1827), дочь бригадира, фрейлина	2) п	1) 2 2) 1	
136.	Гудович А.И.	ген.-фельд.	за отцом 20 000 д.	1) Екатерина Николаевна Правдич-Залесская (1780–1848), вдова генерала И.В. Мантейфеля 2) Елизавета Дмитриевна Данзас, урожд. Закревская (1815–1866), дочь ген.-майора		1) 1	
137.	Гудович Н.В.	т. с.	п	Варвара Григорьевна (Николаевна) Горленко (1780–?)		1	
138.	Гурьев А.Д.		за отцом 4000 д.	гр. Авдотья (Евдокия) Петровна Толстая (1795–1865), дочь ген. от инф.		4	
139.	Гурьев А.И.		19 д. за отцом	х			
140.	Гуриелов И.С.	ген.-майор	п	Амалия Ивановна, племянница митрополита Сестранкевича-Богуща		1	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Именные жены	Дети в законном браке	Внебрачные
141.	Давыдов А.Л.	ген.-майор	за родителями 14 000 д.	герц. Аглая Антоновна де Граммон (1787–1842), дочь французского эмигранта		3	
142.	Давыдов Д.В.	бригадир	имение с братьями	Софья Пиколаевна Чиркова (1795–1880), дочь ген.-майора	п	5	
143.	Давыдов Е.В.	кап.	200 д.	ж		1	
144.	Давыдов Н.В.	кап	300 д.	х			
145.	Давыдов П.Л.	ген.-майор	за родителями 14 000 д.	1) гр. Наталья Владимировна Орлова (1782–1819) 2) Варвара Николаевна Лихарева (1803–1876)		1) 4 2) 2	
146.	Дамас М.И. де		нет	х			
147.	Дедюлин Я.И.	майор	800 д. за матерью	Мария Васильевна Маркова (в первом браке Волкова) (1780–1854)		1	
148.	Делагард А.О.		нет	х			
149.	Делянов Д.А.		50 д.	Мария Е(А)кимовна Лазарева (1784–1868), дочь с.-петербургского дворянина		3	
150.	Денисов В.Т.	ген.-майор	73 д.	Елизавета Марковна Родионова, дочь ген.-майора М.И. Родионова		нет	
151.	Денисьев Л.А.			х			
152.	Денисьев П.В.		п	х			
153.	Депрерадович Н.И.	ген.-майор	250 д.	Наталья Павловна Алединская (1778–1862), дочь кол. сов.		4	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Внебрачные
154.	Дехтерев Н.В.		п	1) ? 2) Александра Федоровна Шегарова, дочь кол. сов.		нет	
155.	Дибич И.И.	ген.-майор	328 д.	бар. Анна Егоровна фон Торнау (1798–1830), дочь с. с., фрейлина		нет	
156.	Дмитриев-Мамонов М.А.	ген.-лейт.	15 000 д.	х			
157.	Довре Ф.Ф.		п	Ульяна Карловна Зальберарм		4	
158.	Долгоруков С.Н.		322 д.	гр. Екатерина Алексеевна Васильева (1781–1860), дочь д. т. с., министра финансов, фрейлина		2	
159.	Долон О.Ф.		нет	Анна Алексеевна Мартынова (Мартынова), дочь помещицы	п	1	
160.	Дорохов И.С.	майор	п	1) Анастасия Александровна Шарапова, дочь штаб-офицера 2) Авдотья Яковлевна Протасова (1788–1849)		4	
161.	Дохтуров Д.С.		200 д.	кн. Мария Петровна Оболенская (1771–1852), дочь надв. сов.	п	4	
162.	Древич Ф.И.	ген.-майор	50 д.	ж			
163.	Дризен Ф.В.	т. с.	3000 дес. в Оренбургской губ.	1) ? 2) Розалия Федоровна		1) 5 2) 7	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
164.	Дука И.М.		нет	Елизавета Никаноровна Переверзева (1776–1841), дочь майора, вдова ген.-майора Е.П. Ильинского		2	
165.	Дурново И.Н.	ген. от инф.	1000 д.	х			
166.	Дятков С.В.		20 д.	х			
167.	Дячкин Г.А.	ген.-майор	246 д.	Екатерина Акимовна Карпова, дочь генерала		1	
168.	Емельянов Н.Ф.		23 д. за отцом	х			
169.	Ермолов А.П.	д. с. с.	150 д.	х			7
170.	Ершов И.З.	майор	1700 д.	Авдотья (Евдокия) Семеновна Жигулина, дочь т. с.		2	
171.	Ефимович А.А.		п	Анна Ивановна Шредер, дочь с. с.		1	
172.	Ешин В.В.		нет	х			
173.	Жандр А.А.		300 д.	Дарья Ивановна Альбрехт (1784 – после 1831), дочь полк.			
174.	Жевахов И.С.		148 д. и дом в Одессе	х			
175.	Жевахов С.Э.		за отцом 54 д., за матерью 118 д.	х			

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Внебрачные
176.	Жевахов Ф.С.		п				
177.	Желтухин П.Ф.	т. с.	1000 д. за отцом	вдовец		1	
178.	Желтухин С.Ф.	т. с.	п	кн. Екатерина Дмитриевна Тенишева (1790–1827)		1	
179.	Жемчужников А.С.	вице-адм.	25 д.	Анна Ивановна фон Типольд, дочь майора		9	
180.	Жеребцов А.А.	д. т. с.	11300 д. с матерью	1) кн. Александра Петровна Лопухина (1790–1859), фрейлина 2) Анна Алексеевна Еропкина (1758–1825), дочь д. т. с.		1) 1	
181.	Жомини А.Г.		нет	бар. Аделаида-Шарлотта фон Застров (1790–?), дочь прусского посла		4	
182.	Загряжский П.П.		200 д. за отцом	бар. Елизавета Карловна Врангель (?–1849), дочь ген. от инф.		2	
183.	Закревский А.А.	пор.	п	гр. Аграфена Федоровна Толстая (1800–1879), дочь т. с. и сенатора, фрейлина	4000 д.	1	
184.	Запольский А.В.		80 д.	Наталя Петровна Прокудина, дочь кол. сов.		2	
185.	Засс А.П.	ген.-лейт.		х			
186.	Засс Анд. Андр.		3 гака за отцом	х			

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
187.	Засс Анд. Павл.	бригадир		гр. Елизавета Игельстром Александра Федоровна Юркевичева (Юновская)		1) 2	
188.	Захаржевский Я.В.		нет	х			
189.	Збиевский Т.И.			Анна Григорьевна Лисаневич, дочь ген.-лейт.		1	
190.	Зварыкин Ф.В.	кап.	нет	1) Елизавета Яковлевна, дворянка 2) Генриетта Васильевна Комгейнф (Конгенет), дочь прусского полк.		1) 1 2) 3	
191.	Иванов И.Д.		нет	Жозефина Федоровна Кoble, дочь ротмистра		нет	
192.	Иванов П.А.		18 д.	Софья Степановна, дворянка		2	
193.	Ивашев П.Н.		2000 д.	Вера Александровна Толстая (ум. 1837), дочь симбирского губерна- тора	2700 д.	5	
194.	Ивелич П.И.		45 д.	Татьяна Ивановна Нерпина, дочь купца 1-й гильдии, коммерции советника		4	
195.	Игельстром А.Е.	камергер	250 д.	гр. Юлиана Романовна Дугласова		14	
196.	Игнатъев Г.А.		С братьями 100 д.	1) Софья Борисовна Елчанинова 2) бар. Екатерина Ивановна Витте, дочь с. с.		1) 5	
197.	Игнатъев Д.Л.		200 д.	Надежда Ивановна Барышниковна, смоленская помещица	п	5	
198.	Измайлов Л.Д.	полк.	11000 д.	вдовец		1	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Внебрачные
199.	Иловайский А.В.	полк.	п	Евдокия Дмитриевна		4	
200.	Иловайский В.Д.	ген. от кав.	248 д.	1) Евдокия Васильевна Веригина 2) Александра Павловна Фролова (Янович?)		1	
201.	Иловайский Г.Д.	ген. от кав.	223 д.	1) ? 2) Марфа Аркадьевна Исаева		11	
202.	Иловайский И.Д.	ген. от кав.	254 д.	Анастасия Федоровна Денисова, дочь ген. от кав.		7	
203.	Иловайский Н.В.	полк.	550 д.	Екатерина Павловна Кирсанова, дочь полк.		1	
204.	Иловайский О.В.	полк.	557 д.	Евдокия Дмитриевна Грекова, дочь ген.-майора		4	
205.	Инзов И.И.			х			
206.	Каблуков В.И.		За отцом 600 д.	гр. Татьяна Петровна Завадовская (1802–1884), дочь статс-секретаря Екатерины II		4	
207.	Каблуков П.И.		За отцом 600 д.	х			
208.	Казачковский К.Ф.		п	х ?		1	
209.	Кайсаров П.С.		526 д.	Варвара Яковлевна Ланская (1796–1875), дочь полк.	500 д.	2	
210.	Каменев С.А.		117 д.	Х			

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
211.	Каменский С.М.	ген.-фельд.	6000 д.	1) Мария Ивановна Я[Е]фимович, дочь уездного предводителя дворянства 2) вдова Екатерина Федоровна Курило- ва, урожд. Левшина		1) 2 2) 10	
212.	Канкрин Е.Ф.	д. с. с.	нет	Екатерина Захаровна Муравьева (1795–1849), дочь д. с. с.			
213.	Капустин И.Ф.		нет				
214.	Капцевич П.М.	кол. ас.	200 д.	кн. Мария Петровна Прозоровская (ум. 1816)		2	
215.	Каратаев В.И.		25 д.	Варвара Алексеевна			
216.	Карбоньер Л.Л.			Александра Полибина			
217.	Карпенко М.И.		п	Ольга Павловна Щепочкина (1796 1822), дочь пор.		4	
218.	Карпов А.А.	полк.	нет	Марфа Васильевна Иловайская, дочь полк.		8	
219.	Карпов С.Т.			ж		1	
220.	Карцев И.П.		45 д.	ж		1	
221.	Кафтырев Я.В.		40 д.	Ольга Ивановна Свндерская, дочь майора		3	
222.	Каховский П.Д.	прокурор	100 д.	Екатерина Петровна		4	
223.	Керн Е.Ф.	полк.	нет	1) Северинова, дочь помещика 2) Анна Петровна Полторацкая (1800–1879), дочь надв. сов.		1) 1 2) 3	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имя	Жены	Имя жены	Дети в законном браке	Внебрачные
224.	Кикин П.А.	майор		Мария Ардалионовна Торсукова (1787-1828), дочь бригадира и обергофмейстера	п	2	
225.	Кишенский Н.Ф.	ген.-майор	п	1) Екатерина Александровна Салтыкова, дочь вице-губернатора 2) Варвара Николаевна Арапова (1799-1857), дочь секунд-майора	1) 1500 д.	2) 3	
226.	Клейнмихель А.А.	пастор		Анна Францевна Ришар (1769-1863)		1	
227.	Клодт фон Юргенсбург К.Ф.	пор.	нет	Елизавета Яковлевна Фрейгольд (1778-1825), дочь с. с.		10	
228.	Книппер Ф.Е.		нет	1) ? 2) Екатерина Петровна Альбрехт, дочь кол. сов.		1) 1 2) 3	
229.	Кнорринг К.Б.	ген.от инф.	нет	Александра Дмитриевна Нарышкина (?-1862)	п	6	
230.	Кнорринг О.Ф.		п	бар. Фредерика Каролина Карловна Левенвольде (1778-1835), дочь майора		1	
231.	Княжнин А.Я.		70 д.	Варвара Александровна Караулова (1774-1842), поэтесса	п	2	
232.	Княжнин Б.Я.		400 д. с братьями	х			
233.	Козен П.А.	майор		дочь тит. сов. Дарья (Доротея Барабара) Ивановна фон Шоттен (1790-1870)		нет	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
234.	Козлянинов И.Т.	вице-адм.	80 д. с братом	Анна Ионисимовна (Ионовна)		3	
235.	Койленский И.С.	кол. ас.	за отцом с 4 братья- ми 150 д.	х			
236.	Кологривов А.С.		70 д.	Екатерина Александровна Челышева (1778–1857), дочь ген.-лейт.	70 д.	7	
237.	Колюбакин П.М.		п	дочь польского кастеляна М. Сущинского		2	
238.	Коновницын П.П.	ген.-пор.	536 д.	Анна Ивановна Римская-Корсакова (1769–1843), дочь пор.	600 д.	5	
239.	Константин Павлович			1) принц. Анна Федоровна (Саксен-Кобургская) (1781–1860) 2) гр. Иоанна (Жанетта) Антоновна Грудзинская (1795–1831)		нет	1
240.	Корнилов П.Я.	кап.	70 д.	Мария Федоровна Аристова (1786–1825), дочь кол. сов.		8	
241.	Корф Ф.К.	т. с.	87 д.	Екатерина Григорьевна Шидловская, дочь д. с. с.	п	1	
242.	Костенцкий В.Г.		350 д.	х			
243.	Кошелев П.И.		30 д.	х			
244.	Краснов И.К.	казак	140 д.	Пелагея Артамоновна		1	
245.	Красовский А.И.		185 д. за отцом	Дарья Андреевна Глазунова (1805–1859), дочь помещика	п	6	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имя	Жены	Имя жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
246.	Крейц К.А.	ротмистр	50 д.	бар. Каролина-Генриетта Петровна (1786–1857) Оффенберг, дочь курляндского гауптмана		10	
247.	Кретов Н.В.	ген.-пор.	нет	Варвара Михайловна Леонтьева (Арсеньева) (ум. 1806), дочь ген.-лейт.			
248.	Криштафович Е.К.		за отцом 75 д.	1) Анна Ивановна Шульгина, дочь ген.-майора 2) гр. Филиппина Францовна Шенк цу Кафель (в первом браке Цвеленева), дочь вюртембергского графа		2	
249.	Крыжановский М.К.			Марья Алексеевна Перовская (1791–1872), внебрачная дочь д. т. с. А.К. Разумовского		нет	
250.	Кудашев Н.Д.		п	Екатерина Михайловна Кутузова (1787–1826), дочь ген.-фельд., фрейлина		1	
251.	Кульнев И.П.	майор	25 д. за отцом	1) Дарья Алексеевна Валуева (ум. 1810) 2) Олимпиада Сергеевна Каменцова (ум. 1874), дочь офицера	2) именье	1) 2 2) 3	
252.	Кульнев Я.П.	майор	25 д. за отцом	х			
253.	Курута Д.Д.			х			
254.	Кутайсов А.И.		п	х			

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
255.	Кутейников Д.Е.	старшина	351 д.	Мария Васильевна Машлыкина (ум. 1844), дочь штаб-офицера		нет	
256.	Кутузов А.П.	бригадир	60 д.	Екатерина Алексеевна (Федоровна) Лебедева, дочь д. с. с.		3	
257.	Лавров Н.И.	ген.-майор	200 д. с братьями	Варвара Матвеевна Муромцева (1773–1820), дочь ген.-лейт.		4	
258.	Ладыжен- ский Н.Ф.		100 д, за отцом 1000 д.	Елизавета Антоновна Тарновская (1800–1863), дочь поветового маршала		6	
259.	де Ламберт К.О.	ген.-майор	нет	Юлия (Ульяна) Михайловна Деева (ум. 1873), дочь полк.		5	
260.	Ланжерон А.Ф.		нет	1) вдова майора Наталья Петровна Кашинцова (Кашиницына) (урожд. кн. Трубецкая) 2) Елизавета (Луиза) Адольфовна Бриммер (Брюмер) (1799–1873), дочь полк.		1) 2	1
261.	Ланской П.С.		370 д.	Александра Михайловна Ханыкова (1793–1842)		2	
262.	Ланской С.Н.	ген.-майор	п	х			
263.	Лаптев В.Д.		п	1) кн. Александра Васильевна Голицы- на (1767–1808) 2) кн. Наталья Александровна Бело- сельская-Белозерская (1788–1813 или 1815), дочь д. т. с.	1) п 2) п	2) 1	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имя	Жены	Имя жены	Дети в законном браке	Внебрачные
264.	Ласкин А.А.		10 д.	Мария Федоровна Шипова, дочь кол. асс.	55 д.	1	
265.	Лебедев Н.П.		70 д.	вдовец		3	
266.	Левашев В.В.	Д. т. с.	п	1) Екатерина Петровна Мятлева (1800–1821), дочь камергера 2) Евдокия Васильевна Пашкова (1796–1868), дочь обер-гофмаршала	1) п 2) п	1 3	
267.	Левенштерн К.Ф.			вдовец		4	
268.	Левиз оф Менар Ф.Ф.	ген.-майор	нет	бар. Иоганна Вильгельмовна Поссе (1779–1831)		12	
269.	Левин Д.А.		600 д. за отцом	Анна Дмитриевна Львова, дочь подполковника.		Нет	
270.	Левицкий М.И.		Дом	Варвара Прокофьевна Пражевская (1786–1837)		5	
271.	Леонтьев И.С.	ген.-пор.	300 д.	гр. Любовь Николаевна Зубова (1802–1894), дочь обер-шталмейстера		1	
272.	Ливен И.А.	ген.-майор	п	Мария Романовна фон Анреп (1797–1839), дочь ген.-лейт.		5	
273.	Лидерс Н.И.	кол. сов.	нет	Софья Ивановна Фасколева (Фридерика София Фаскиль) (? 1822)		6	
274.	Линдфорс Ф.А.		нет	Анна Ивановна Каразина (Каризна)		5	
275.	Лип(б)гард А.И.		нет	Васса Петровна Микульская, дочь майора		5	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Внебрачные
276.	Лисаневич Г.И.		38 д.	Марфа Максимовна, дочь купеческая		5	
277.	Лихачев П.Г.		20 д.	Наталья Ивановна Ладыженская (? – после 1842), дочь надв. сов.		нет	
278.	Лобанов-Ростовский Д.И.	ротмистр	п	х			4
279.	Лопухин П.А.	т. с.	п	Мария Ивановна Текутьева (1786–1855), дочь надв. сов.			
280.	Ло(а)шкарев П.С.	т. с.	80 д.	Августа Тимофеевна Завитовская, дворянка		1	
281.	Луков Ф.А.	солдат	нет	Мария Максимовна		нет	
282.	Луковкин Г.А.	ген.-майор	1612 д.	Дарья Васильевна, дочь полк. Карпина		11	
283.	Львов Д.С.	с. с.	п	ж		1	
284.	Львов М.Л.	прокурор	п	Анна Егоровна Замятина (1765–1826)		2	
285.	Лялин Д.В.	пор.	7 д. у отца	х			
286.	Ляпунов Д.П.	кап.	200 д.	Вдова купчиха Елизавета Ивановна Сутугина		5	1
287.	Мадатов В.Г.		Нет	Софья Александровна Саблукова (по др. сведениям, Муханова) (1787–1875), дочь сенатора, фрейлина			
288.	Макаров П.С.		70 д. за матерью	х			
289.	Мантейфель И.В.	майор	За отцом 500 д.	Екатерина Николаевна Правдич-Залеская (1780–1848)		2	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
290.	Манфреди О.И.		нет	Лабат де Виванс			
291.	Марков А.И.		86 д.	Раиса Михайловна Ладыженская (? – после 1857), дочь ген.-майора		5	
292.	Марков Е.И.		70 д.	х			
293.	Мартынов А.Д.	ген.-майор	536 д.	1) 2) Малькова (Манькова) Евгения Васи- льевна, дочь подполковника	2) 515 д.	1) 1 2) 4	
294.	Маслов А.Т.		Нет	Амалия Григорьевна Каранеус (Каренсус)		4	
295.	Мацнев М.Н.	прокурор	100 д. за отцом	Эмерика Абрамовна (Адамовна) Адамович (Абрамович), дочь польского помещика		2	
296.	Мезенцев В.П.	ген.-пор.	755 д. за матерью	гр. Вера Николаевна Зубова (1800 - 1862), дочь обер-шталмейстера (внучка А.В. Суворова)		6	
297.	Мезенцев М.И.		п	Мария Александровна Загряжская, дочь майора		6	
298.	Мекленбург- ский К.А.		нет				
299.	Мелиссино А.П.	ген.от арт	1000 д.	кн. Александра (Роксандра) Михайлов- на Кантакузен (ум. 1828), дочь д. с. с.		нет	
300.	Меллер-Закомель- ский Е.И.	ген.- фельдцейх- мейстер	-	х			

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
301.	Меллер-Закомель- ский П.И.	ген.- фельдцейх- мейстер.		бар. Софья Петровна Кнутсен (1774– 1851), дочь бригадира		8	
302.	Мерлин П.И.	пор.	26 д.	Мария Александровна Киреевская (ум. 1846), дочь пор.		5	
303.	Местр К.К. де	президент Савойского сената	дом в С.- Петер- бурге и 3000 дес.	Софья Ивановна Загряжская (1778– 1851), фрейлина, дочь ген.-лейт.	п	4	1
304.	Мещеринов В.Д.		20 д.	Елена Павловна Щепочкина (1797– 1877), дочь пор.	300 д., бумажный завод		
305.	Миллер И.И.		нет	х			
306.	Милорадович М.А.	ген.-пор.	3000 д.	х			
307.	Мишо А.Ф.		нет	х			
308.	Монахтин Ф.Ф.			х			
309.	Мордвинов В.М.		330 д.	Наталя Николаевна Бутурлина		4	
310.	Мордвинов Д.М.		365 д.	х			
311.	Морков И.И.		1005 д.	1) гр. Наталья Антоновна Миних (1775–?), дочь ротмистра 2) ? актриса Луиза Полина Гюсс		1) 7	3

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
312.	Мосолов Ф.И.		П	Ольга Николаевна Бороздина (1807–1871), фрейлина, дочь ген.-лейт. (развод)			
313.	Муравьев Н.Н.	ген.-пор.	1300 д.	Александра Михайловна Мордвинова (1769–1809), дочь генерала		6	
314.	Муромцев Н.С.		80 д.	Анна Матвеевна Бибикова (1768–1840)		1	
315.	Мусин-Пуш-кин И.А.	т. с.	8000 д. за отцом	кн. Мария Александровна Урусова (1801–1853), фрейлина		4	
316.	Мусин-Пуш-кин И.К.		21 д.	Мария Федоровна Щац (Щиц) (ум. 1833), дочь с. с.		4	
317.	Мусин-Пуш-кин П.К.		36 д.	Анна Петровна (Христофоровна) Штерич, дочь с. с.		8	
318.	Мухин С.А.		нет	Ирина (Екатерина) Христофоровна Ватман, вдова полк. Головатова		5	
319.	Мышецкий Е.Д.	ген.-майор	385 д.	Елизавета Ивановна (Дмитриевна) Крекшина (1785–1843)	71 д.	6	
320.	Мякинин Н.Д.			х			
321.	Набоков И.А.	ген. от инф.	нет	Екатерина Ивановна Пуштина (1791–1866), дочь ген.-лейт.		5	
322.	Назимов Ф.В.		с братом 80 д.	х			
323.	Наний Ф.П.		нет				

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Внебрачные
324.	Нарышкин Л.А.	обер-камергер	нет	гр. Ольга Станиславовна Потоцкая (1802–1861), фрейлина, дочь ген.-аншефа	3700 д. и 2 млн. золотых приданного	1	
325.	Наумов М.Ф.			Анжелин(к)а Игнатъевна, дочь камергера польского двора		8	
326.	Неверовский Д.П.		30 д. за отцом	Елизавета Алексеевна (Александровна) Мусина-Пушкина, дочь адм.		1	
327.	Нейдгардт П.И.	д. с. с.		х			
328.	Никитин А.П.	кап.		Елена Сергеевна Яковлева (1790–1817), дочь полк., внучка крупнейшего предпринимателя		1	
329.	Повак И.И.						
330.	Оболенский В.П.		п	гр. Екатерина Алексеевна Мусина-Пушкина (1786–1875), фрейлина, дочь д. т. с.	п	7	
331.	Обрезков Н.В.	кап.	п	х			
332.	Одоевский И.С.	полк.	за отцом 1750 д.	кн. Прасковья Александровна Одоевская (1770–1820)		2	
333.	Ожаровский А.П.	великий коронный гетман	с братом 250 д. и у матери 1000 д.	1) гр. Мария Павловна Скавронская (1782–1857), фрейлина, дочь т. с., в первом браке жена Павла П. Палена 2) гр. Софья Адамовна Старжинская (Скарженская) (1800–1855)	1) п 2) п	нет	
334.	Окулов М.М.	майор	п	Анна Карловна Берг	п	3	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
335.	Оленин Е.И.	майор	п	Варвара Петровна Хитрово (1772–1839), дочь сенатора	п	1	1
336.	Олсуфьев З.Д.	д. с. с.	70 д.	Анжелика (Ангелика) Воиновна По-нинская (1788–1868), дочь стольника		5	
337.	Олсуфьев Н.Д.	д. с. с.	нет	х			
338.	Ольдекоп К.Ф.			Агнесса Осиповна Рейман (Гейман)		6	
339.	Ошперман К.И.	т. с.	369 д.	Каролина Ивановна Кельхен (1776–1841), дочь лейб-медика и д. с. с.		3	
340.	Орлов М.Ф.	ген.-аншеф	1300 д. и хрусталь-ный завод	Екатерина Николаевна Раевская (1797–1885), дочь ген. от кав., фрейли-на		2	
341.	Орлов-Дени-сов В.В.	ген. от кав.	4207 д.	гр. Мария Алексеевна Васильева (1781–1829), фрейлина, дочь д. т. с., министра финансов		9	
342.	О'Рурк И.К.	ген.-майор	1000 д.	Эмилия Францевна (Филициановна) Пилявская, дочь помещика	170 д.	7	
343.	Остен-Сакен Ф.В.	кап.		х			1
344.	Остерман-Тол-стой А.И.	ген.-пор.	6576 д.	кн. Елизавета Алексеевна Голицына (1779–1859), фрейлина	п	нет	3
345.	Падейский Ф.Ф.		нет	Авдотья (Августа) Осиповна Ясинская, дочь польского хорунжия		9	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
346.	Пален М.И.	полк.	за отцом 35 д.	1) Елизавета Ивановна фон Эссен (1797–1820) 2) Екатерина Фридриховна (Федоров- на) Арвеллиус (1800 1869)		1) 1 2) 4	
347.	Пален Павел Петр.	ген.-аншеф	за отцом 500 д.	1) гр. Мария Павловна Скавронская (1782–1857), фрейлина, дочь т. с. 2) Аграфена Ив. Лермонтова (урожд. Озерова) (178? –1810) 3)Екатерина Васильевна Орлова (179?–1853), дочь ген. от кав., донского атамана	1) п 3) п	1) 1 3) 5	
348.	Пален Петр Петр.	ген.-аншеф	1552 д.	х			
349.	Палицын И.И.		12 д.	х			
350.	Панцербитер К.К.		у отца 21 д.	Ульяна Карловна Киль, дочь надв. сов.		2	
351.	Панчулидзе И.Д.		нет	Мария Андреевна Баратынская (1781–1845)		3	
352.	Панчулидзе С.Д.		10 д. за отцом	Александра Ивановна Ступишина (1784–1841), дочь ген.-лейт. и пензен- ского губернатора		3	
353.	Паскевич И.Ф.	кол. сов	19378 д.	Елизавета Алексеевна Грибоедова (1795–1856), дочь кол. сов.		4	
354.	Пассек П.П.	ген.-аншеф	270 д.	Наталья Ивановна Оленина, дочь ген.-майора		2	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Внебрачные
355.	Паттон А.Я.		нет	Мария Александровна		Нет	
356.	Паулуччи делье Ронколе Ф.О.	камергер	нет	1) гр. Вильгельмина-Франциска фон Коскуль (1778–1824) 2) Клавдия Фоминична Кoble (1801–1874), дочь ген.-майора 3) бар. Мария де Курсель (Куршель)		2) 5	
357.	Пейкер А.Э.	переводчик городского суда в Дерпте	п	Елизавета Сергеевна Овсова (1777–1838), дочь полк.		7	
358.	Петровский М.А.		46 д.	Надежда Николаевна Дурново (1778–1839), дочь ген. от инф.	дом в Москве. 226 д.	3	
359.	Пиллар Е.М.	майор		Антонина Федоровна (Иоганна Агнета) Гессе (1779–1847)		5	
360.	Пирогов И.И.		13 д.	х			
361.	Писарев А.А.		300 д.	Аграфена (Агреппина) Михайловна Дурасова (ум. 1877), дочь ген.-лейт.		5	
362.	Платов М.И.	полк.	2687 д., 65 214 дес., 1665 лошадей, 826 голов скота, 2798 овец	1) Надежда Степановна Ефремова (1757–1783), дочь войскового атамана 2) Марфа Дмитриевна Мартынова (по первому мужу Кирсанова) (1860–1812), дочь ген.-майора		1 6	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
363.	Платов М.М.	ген. от кав.	нет	х			
364.	Платцов П.П.		нет				
365.	Полетаев И.И.		3 д.	Гонората Андреевна, полька		1	
366.	Полторацкий К.М.	д. с. с.	2000 д. за матерью	кн. Софья Борисовна Голицына (урожд. Потемкина?) (1795–1871)		1	
367.	Полуектов Б.В.	бригадир	3500 д.	кн. Любовь Федоровна Гагарина (1793–?), дочь ген.-майора		5	
368.	Поль И.Л.		п	Соломея (Виктория) Яковлевна Сошицкая (Дошицкая, Савицкая) (1785 – после 1841), дочь ротмистра		5	
369.	Понсет М.И.		нет	Фредерика Голфруа, его родственница из Гамбурга		6	
370.	Посников Ф.П.		За отцом 150 д.	Вера Андреевна Баташева, дочь кол. ас. и предпринимателя	п	5	
371.	Потапов А.Н.	т. с.	450 д.	Х			
372.	Потемкин Я.А.	ген.-майор	п	1) Варвара Ивановна Сафонова (1786–1810) 2) Варвара Дмитриевна Бахметева (1799–1825) 3) Ольга Федоровна Брискорн (1809– 1856), фрейлина, дочь т. с., сенатора		2) 3	
373.	Потоцкий С.С.	ген. от инф.	8000 д.	1) ? 2) кн. Екатерина Ксаверьевна Сангуш- ко (урожд. гр. Браницкая) (1781–1820), дочь коронного гетмана		4	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне-брач-ные
374.	Потулов П.В.		За отцом 50 д.	х			
375.	Поццо ди Бор-го К.А.		нет	х			
376.	Протасов А.А.	надв. сов.	19 д.	Мария Николаевна Любонникова, дочь с. с.		3	
377.	Пышницкий Д.И.		15 д.	вдовец		нет	
378.	Радт С.Л.		нет	Эстер Ивановна Мамод (Мокод)		2	
379.	Раевский Н.Н.		2700 д., дом в Москве и дача	Софья Алексеевна Константинова (1769–1844), дочь библиотекаря Екатерины II, внучка М.В. Ломоносова	400 д.	6	
380.	Рахманов В.С.		300 д.	ж	100 д.		
381.	Резвой Д.П.		п	Надежда Васильевна Бастион (урожд. Налетова) (1780–1845), дочь майора		2	
382.	Рейхель А.А.		нет	Дарья Николаевна Рычкова, дочь кол. ас.		2	
383.	Ренни Р.Е.		нет	Мария Ивановна Бек (1781–1816), дочь т. с., доктора медицины		3	
384.	Репнин Н.Г.	ген. от кав.	1680 д.	гр. Варвара Алексеевна Разумовская (1776–1864), дочь д. т. с., фрейлина	16 000 д. и г. Яготин	7	
385.	Репнинский С.Я.	ген.-пор.		х			
386.	Репнинский Ст. Я.	ген.-пор.		Виктория Антоновна Юрковская (Юрговская) (1799–1823), дочь польского стольника		1	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
387.	Ререн И.Б.	тит. сов.	нет	Елизавета Федоровна Гессе, дочь полк.		5	
388.	Ридигер Ф.В.	кол. сов.		бар. Луиза Карловна фон Фиркс (1811–1894), фрейлина		нет	
389.	Ридингер А.К.	т. с.	нет	1) Анна Дмитриевна Бехтеева 2) Елена Матвеевна Пеккен (?–1865), дочь д. с. с., доктора медицины		1) 6 2) 3	
390.	Рихтер Б.Х.	т. с., сенатор		Елизавета Ивановна Герман (1788– 1846), дочь ген. от инф.		8	
391.	Родионов М.И.	ген.-майор	нет	Прасковья Ивановна Янова, дочь полк.		8	
392.	Розен А.В.	ген.-пор.	п	гр. Альбертина Грабовская (1784– 1856), дочь прусского майора		5	
393.	Розен Г.В.	ген.-пор.	100 д.	гр. Елизавета Дмитриевна Зубова (1790–1862), фрейлина, дочь ген.- майора		6	
394.	Розен И.К.			Анна В... Ур. Ври...		нет	
395.	Розен Ф.Ф.	майор	нет	Елизавета Федоровна фон Швебе (Швебс) (1772–1841), дочь д. с. с.		2	
396.	Росси И.П.	полк.	п	Маргарита Ефимовна Клевизаль (1779–1851), дочь полевого советника г. Виндавы	п	2	
397.	Ростопчин Ф.В.	майор	400 д.	гр. Екатерина Петровна Протасова (1775–1859), дочь ген.-пор., фрейлина		8	
398.	Рот Л.О.		нет	х			

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
399.	Рудзевич А.Я,	с. с.	нет	Мария (Марфа) Евстафьевна Нотара (1775–1856), дочь с. с.		11	
400.	Рыков В.Д.		45 д.	х			
401.	Рылеев А.Н.		350 д. за отцом	1) урожд. Осокина 2) ?		1) 4 2) 1	
402.	Рылеев М.П.		6 д. и 3000 дес.	Мария Ивановна Говорова, дочь ген.-майора		7	
403.	Сабанеев И.В.	майор	70 д.	1) ? 2) Пульхерия Яковлевна Борецкая (по первому браку Шиповская), дочь священника из г.Бендеры		нет	
404.	Саблуков Н.А.	д. т. с.	500 д. за отцом	Юлианна Эдуардовна Ангерштейн (Ангерштейн) (1772–1846), дочь английского банкира			
405.	Савоини Е.Я.		дом	Людвиг (Людмила) Даниловна Дункель (ум. после 1850), дочь ино- стрального негоцианта		2	
406.	Сазонов И.Т.	полк.	190 д.	вдов		4	
407.	Сазонов Ф.В.	надв. сов.	240 д.	Авдотья (Евдокия) Ивановна Петри- щева, дочь майора, рязанская помещица	п	3	
408.	Саксен-Веймар- ский К.А.		нет	принц. Луиза Гессен-Дармштадская (1757–1830)			

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имя	Жены	Имя жены	Дети в законном браке	Внебрачные
409.	Саксен-Кобургский Л.		нет	1) англ. принц. Шарлотта, дочь принца-регента 2) Каролина Бауер, актриса 3) франц. принц. Луиза Орлеанская		3) 4	
410.	Саксен-Кобургский Э.		нет	принц. Луиза Полина Шарлотта Саксен-Готская (1800–1831)		2	
411.	Сандерс Ф.И.			1) Марья Алексеевна Шептицкая 2) кн. Маргарита (Мария) Игнатьевна Яблоновская (урожд. Зептуга, мещанка г. Киева)		2	
412.	Санти А.Ф.		п	Елизавета Васильевна Лачинова (1763–18?), дочь бригадира		1	
413.	Свечин Н.М.		300 д. за матерью	Екатерина Васильевна Энгельгардт (1797–1818), дочь д. т. с.		1	
414.	Селявин Н.И.			х			
415.	Сен-При Э.Ф.	военный министр Франции	с братьями 769 д.	х			
416.	Сеславин А.Н.	надв. сов.	100 д.	х			
417.	Сибирский А.В.	ген.от инф.	п	Жозефина Осиповна де Нешпеди (Ташковская?) (1792–1848), дочь польского полк.		3	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
418.	Сиверс Е.К.	надв. сов.	350 д.	1) Шарлотта Доротея Тизенгаузен (1782–1808) 2) бар. Эмилия Павловна Крюденер (1793–1863), дочь майора		1) 1 2) 5	
419.	Сиверс И.Х.	полк.	150 д.	Мария Христина Марковна Сиверс (1777–1843), лифляндская дворянка		5	
420.	Сиверс К.К.	надв. сов.	за отцом 600 д.	Елена Ивановна Дунина (1789–1866), дочь ген. от кав.	558 д.	5	
421.	Сипягин Н.М.	вице-адм.	600 д.	1) Мария Всеволодовна Всеволожская (1800–1819), дочь действительного камергера 2) Елизавета Сергеевна Кушникова (1800–1828), дочь сенатора, д. т. с.	1) п 2) п	1) 2 2) 2	
422.	Скалон А.А.	ген.-пор.	нет	Каролина Христофоровна Кесслер (ум. 1818), дочь бригадира и омского коменданта		7	
423.	Соковнин Б.С.		250 д. за отцом	Клавдия Ивановна Огронович (в первом браке Долинская), дочь пор.		14	
424.	Соколовский О.К.		нет	вдова полк. Варвара Ивановна Гауземберг		4	
425.	Ставицкий М.Ф.	кап.	189 д. за отцом	Серафима Степановна Зеленцова		4	
426.	Ставраков С.Х.	пор.	п	х			

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имя	Жены	Имя жены	Дети в законном браке	Внебрачные
427.	Сталь Е.Ф.	бригадир	нет	х			
428.	Сталь К.Г.		с братом 1035 д.	вдовец		5	
429.	Строганов П.А.	д. т. с.	45 875 д.	кн. Софья Владимировна Голицына (1775–1845), дочь бригадира, фрейлина		5	
430.	Сулима Н.С.		нет	Елена Яковлевна Репнинская (?–1867), дочь ген.-пор.		10	
431.	Сутгоф Н.И.		нет	Анастасия Васильевна Михайлова (?–1855), дворянка		2	
432.	Сухарев А.Д.		248 д.	Агафоклея Марковна Полторацкая (1776–1840), дочь д. с. с.		1	
433.	Сухожанет И.О.		100 д. с братьями	1) Рейна Ивановна Гедымин-Бязозор (Годымин-Велозор) (1789–1823) 2) кн. Екатерина Александровна Белосельская-Белозерская (1804–1861), дочь д. т. с.	2) 3200 д. и 2 завода	1) 2 2) 2	
434.	Сухтелен П.К.		1030 д.	Эмиренция-Вильгельмина (Вильгельмина Марковна) (1756–1801) Гартинг		4	
435.	Сухтелен П.П.	инж.-ген.	нет	гр. Варвара Дмитриевна Зубова (1799–?), дочь ген.-майора	п	1	
436.	Сысоев В.А.	полк.	176 д. и 7000 дес.	Евдокия Васильевна Иловайская, дочь полк.		3	
437.	Талызин А.И.		п	Августина Мару (Евгения Францевна), французская подданная			

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Внебрачные
438.	Талызин С.А.	т. с.	4000 д	1) Магдалина Петровская, полька 2) Анна Александровна Витушинская, полька 3) кн. Мария Васильевна Голицына (1762–1853), дочь кап.	3) п	1) 1 2) 1 3) 2	
439.	Талызин Ф.И.		480 д.	Юлия Петровна Корнет, французская уроженка		1	
440.	Тейль фон Сераскеркен Ф.В.		нет	х			
441.	Теслев А.П.	тит. сов.		Иоганна Мария Гельсингиус (Гельсингирс) (1808–1878), дочь надв. сов.		6	
442.	Тетенборн Ф.К.		нет	Тереза Александра Тетенборн			
443.	Тильман И.А.		нет	Вильгельмина фон Карпенгер (1772–1842)		11	
444.	Титов Н.Ф.		п				
445.	Толстой П.А.		1000 д.	вдова ген.-майора кн. Мария Алексеевна Голицына (урожд. Толстая) (1772–1826), дочь ген.-майора, фрейлина	п	9	
446.	Толь К.Ф.	пор.	13, 5 гаков и 250 д.	Ольга (Каролина) Густавна Штрадман (1796–?), дочь ген.-аншефа		10	
447.	Тормасов А.П.	лейтенант	1200 д.	Луиза Филипповна фон Гейкинг (?–1808), вдова подполковника Диринга		1	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
448.	Трескин М.Л.		23 д.	х			
449.	Трощинский И.Е.		п	х			
450.	Трубецкой В.С.		3180 д.	1) принц. Екатерина Петровна (Вильгельмина) Бирон (1781–1839) (развод) 2) Софья Андреевна Вейс (1796–1848), дочь падв. сов.		2) 10	
451.	Трузсон Х.И.		нет	Мария Тереза Фекла Трузсон (1754–1824)		2	
452.	Турчанинов А.П.	ген.-пор.	1600 д. за отцом	Елизавета Андреевна Кеостака (1819–?), дочь д. т. с.		4	
453.	Турчанинов П.П.	ген.-пор.	нет	Мария Ивановна Дурова, дворянка	п	2	
454.	Тучков А.А.	ген.-пор.	75 д.	Мargarита Михайловна Нарышкина (1781–1852), дочь подполковника		1	
455.	Тучков Н.А.	ген.-пор.	50 д., за матерью 900 д.	х			
456.	Тучков П.А.	ген.-пор.	270 д.	Александра Петровна Неклюдова (1798–1869), дочь т. с.		5	
457.	Тучков С.А.	ген.-пор.	за матерью и братом 875 д.	Наталья Ивановна Баранова, урожд. Зорич		нет	
458.	Тыртов Я.И.		50 д.	х			

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
459.	Уваров Ф.П.	бригадир	п	кн. Мария Федоровна Любомирская (по первому мужу гр. Потоцкая, по второму гр. Зубова) (1773–1810)	п	нет	
460.	Удом Е.Е.		нет	Теофила Антоновна Юрковская		2	
461.	Удом И.Ф.			Акинина		4	
462.	Уланов Г.П.		нет	х			
463.	Уманец А.С.	сотник	п	х			
464.	Урусов А.П.		п	Мария Семеновна Пустошкина, дочь вице-адм.		2	
465.	Урусов Н.Ю.		300 д.	Ирина Никитична Хитрово (1784– 1854), дочь бригадира		3	
466.	Ушаков И.М.	с. с.	2111 д.	кн. Надежда Дмитриевна Прозоровская (1781–?), дочь д. с. с.		8	
467.	Ушаков П.Н.	д. с. с.	п	Софья Гавриловна Родзянко (1803– 1877), дочь надвор. сов.		3	
468.	Ушаков С.П.	д. с. с.	94 д. за отцом	х			
469.	Феньш А.С.		нет	Софья (Сюзанна) Френсис Ле Грис		7	
470.	Ферстер Е.Х.		нет	Луиза Ивановна Шнейдер (1756 1828), дочь кол. ас.		нет	
471.	Филиппсталь- ский Э.К.		нет	1) кн. Луиза Шварцбург- Рудольштадт- ская 2) Каролина		1) 3 2) 2	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
472.	Филисов П.А.		30 д. за отцом	1) ? 2) Марья Степановна		1) 1 2) 10	
473.	Фок А.Б.	садовый мастер	нет	Анна Ивановна Лидерс (1769–1840), дочь кол. сов.		5	
474.	Фок Б.Б.	садовый мастер	нет	Екатерина Ивановна Лидерс, дочь кол. сов.		4	
475.	Фуль К.Л.	ген.-лейт.	нет	ж		1	
476.	Ханыков В.В.		100 д.	х			
477.	Хилков С.А.		100 д. с братьями	Елизавета Семеновна (Симоновна) Обрезкова (урожд. Волчкова), вдова т. с.		нет	
478.	Хованский Н.Н.		300 д.	Вильгельмина Ивановна Липгарт (1781–1839)		нет	
479.	Хомяков А.А.		нет	Анна Ивановна Ритерн, дочь австрий- ского кап.		3	
480.	Храповицкий М.Е.	пор.	п	1) Софья Алексеевна Деденева (1786 1833), дочь полковника 2) кн. Анастасия Сергеевна Щербатова (1812–1889), фрейлина, дочь д. т. с.	2) п	нет	
481.	Хрущов И.А.		100 д.	Прасковья Дмитриевна Черткова (1791 – после 1824), дочь д. с. с.		нет	
482.	Цвилленев А.И.		п	гр. Филиппина Францевна Шенк цу Кастель, дочь вюртембергского графа			
483.	Цыбульский И.Д.		п	Елизавета Васильевна Елисова, дочь обер-офицера		5	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имя	Жены	Имя жены	Дети в законном браке	Вне-брач-ные
484.	Чаликов А.С.		нет	Розалия Григорьевна Даревская, дочь польского полк.		5	
485.	Чаплиц Е.И.		п	х			
486.	Чарныш И.И.		60 д.	Софья Станиславовна Пруминская (Пружинская), дочь польского генерала		нет	
487.	Чернозубов И.Ф.	полк.	194 д.	Марфа Акимовна, дочь обер-офицера		3	
488.	Чернышев А.И.	ген.-пор.	1122 д.	1) Теофила Игнатьевна Моравская (1791–1828), дочь ген.-майора и камергера (3-й брак) (развод) 2) кн. Елизавета Александровна Белосельская-Белозерская (1803–1824), дочь д. т. с. 3) гр. Елизавета Николаевна Зотова (1808–1872), дочь д. с. с.	2) п 3) 1140 д.	3) 4	
489.	Чичагов П.В.	адмирал	3800 д. за отцом	Елизавета Карловна Проби (ум. 1811), дочь английского кап.		3	
490.	Чичерин В.Н.	ген.-аншеф	п	Екатерина Александровна Салтыкова (ок. 1770–1813), дочь конференц-секретаря		3	
491.	Чичерин Н.А.	бригадир	10 д.				
492.	Чичерин П.А.	бригадир	200 д.	кн. Александра Алексеевна Куракина (1798–1819) (по первому мужу Салтыкова), фрейлина	п	6	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имя	Жены	Имя жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
493.	Чоглоков П.Н.	майор	п	Мария Андреевна Лачинова (1779–1846), дочь майора		1	
494.	Шаховской И.Д.	д. т. с.	550 д.	гр. Софья Алексеевна Мусина-Пушкина (1790–1878), дочь д. т. с.	1220 д.	4	
495.	Шевич И.Г.	ген.-майор		1) ? 2) Мария Христофоровна Бенкендорф (1784–1841), фрейлина, дочь ген. от инф.		1)-5	1
496.	Шеле Г.Х.			Анна Ивановна Говениус		7	
497.	Шемшуков Я.М.		150 д.	ж		2	
498.	Шеншин В.Н.	генерал	нет	Варвара Петровна Неклюдова (1794–1827), дочь т. с.		3	
499.	Шепелев В.Ф.		471 д.	х			
500.	Шепелев Д.Д.	кол. ас.	п	Дарья Ивановна Баташева (1793–1818), дочь владельца заводов	12 528 д., 10 заводов, 149 тыс. дес.	8	
501.	Шишкин Н.А.		24 д. за отцом	Варвара Васильевна Шарова, дочь кап.		3 детей	
502.	Шишков А.С.	пор.	250 д.	1) Дарья Алексеевна Шельтинг (1756–1825), дочь адмирала 2) вдова Юлия Осиповна Лобаржевская (урожд. Нарбут) (1779–1849)		нет	
503.	Шкапский М.А.			х			

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Внебрачные
504.	Шостаков Г.А.	пор.	дом в Батурине	помещица-вдова Прасковья Федоровна, дочь кол. ас.		3	
505.	Шперберг И.Я.		нет	1) Елена Петровна Родзянко (1787–1830), дочь подполковника 2) ?	1) 180 д.	нет	
506.	Шрейдер П.П.		нет	Анна Ивановна Лакант (Лаконте), дочь кап.		10	
507.	Шрейтер-фельд К.И.	пор.	6 гаков за матерью	1) ? 2) фон Гейкинг		2	
508.	Штаден Е.Е.		500 д.	Екатерина Ивановна Брозина, дочь с. с.		9	
509.	Штейнгель Ф.Ф.	пор.	200 д.	бар. Наталья Николаевна Энгельгардт (1777–1829), дочь ген.-лейт.		2	
510.	Шувалов П.А.	сенатор	3500 д.	кн. Варвара Петровна Шаховская (1796–1870), дочь ген.-лейт.	уральские заводы, рудники и промыслы	2	
511.	Шульгин А.С.		нет	Надежда Петровна Кусовникова, дочь надв. сов.		5	
512.	Шуханов Д.В.		нет	Авдотья		5	
513.	Щербатов А.Г.	майор	300 д.	1) кн. Екатерина Андреевна Вяземская (1789–1810) 2) Софья Степановна Апраксина (1798–1885), дочь ген. от кав.		2) 6	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Вне- брач- ные
514.	Щербатов А.Ф.	ген.-пор.	п	кн. Варвара Петровна Оболенская (1774–1843), дочь надв. сов.		5	
515.	Щербатов П.Г.	майор	п	1) ? 2) Розалия Федоровна		5 7	
516.	Эйлер А.Х.	ген. от арт.	нет	Елизавета Николаевна Гебенер (1785–1844), дочь ген.-майора		5	
517.	Эммануэль Г.А.		6000 дес. в Кавказ. обл.	Мария Васильевна (Виламовна) Кнобель (ум. 1835), дочь ген.-майора		10	
518.	Эмме И.Ф.	т. с.	3,5 гака И 140 д.	1) Катарина Генриэта Беренс фон Раутенфельд (1775–1828) 2) вдова Доротея Вильгельмина Эккерт, урожд. Шварц 3) кн. Мария Гавриловна Мамина		11	
519.	Энгельгардт Г.Г.	полк.	п	Акулина Степановна Гладкова		7	
520.	Энгельман П.И.		нет	х			
521.	Эргель Ф.Ф.	пор.	500 д.	1) ? 2) дочь прусского капитана фон Гуга (Гуга)		1	
522.	Эссен И.Н.	майор	нет	Мария Андреевна (Маргарита Ефросинья) Штакельберг (1760–1841), вдова майора Говена, дочь помещика		1	
523.	Эссен П.К.	кап.	200 д.	Екатерина Михайловна (Николаевна) Львова (ум. 1829)		2	

№ п/п	Ф.И.О	Отец	Имение	Жены	Имение жены	Дети в законном браке	Внебрачные
524.	Юзефович Д.М.		96 д.	Мария Вильгельмовна фон Дерфельден (род.1793), дочь ген.-аншефа		нет	
525.	Юрковский А.А.		нет	вдовец		5	
526.	Юрлов И.И.			ж		1	
527.	Юшков А.И.		542 д. и за отцом 1316 д.	вдова подполковница Софья Константиновна Коновалова, дочь греческого купца Балачана из г. Бухареста		4	
528.	Ягодин А.А.		п	ж		3	
529.	Яфимович И.Л.		208 д.	х			
530.	Яшвиль В.М.		п	Варвара Александровна Сухово-Кобылина (1782–1822)	п	5	
531.	Яшвиль Л.М.		нет	х			

Список сокращений

бар. – барон, баронесса
 вице-адм. – вице-адмирал
 ген. – генерал
 ген.-аншеф – генерал-аншеф
 ген. от арт. – генерал от артиллерии
 ген. от инф. – генерал от инфантерии
 ген. от кав. – генерал от кавалерии
 ген.-лейт. – генерал-лейтенант
 ген.-майор – генерал-майор
 ген.-пор. – генерал-поручик
 ген.-фельд. – генерал-фельдмаршал

герц. – герцог, герцогиня
 гр. – граф, графиня
 д. – души (крепостные)
 д. с. с. – действительный статский советник
 д. т. с. – действительный тайный советник
 ж – женат
 инж.-ген. – инженер-генерал
 кап. – капитан
 кн. – князь, княжна, княгиня

кол. ас. – коллежский асессор
 кол. сов. – коллежский советник
 надв. сов. – надворный советник
 п – поместье
 полк. – полковник
 пор. – поручик
 принц. – принцесса
 с. с. – статский советник
 т. с. – тайный советник
 тит. сов. – титулярный советник
 урожд. – урожденная
 х – холост

Таблица 7

Служба генералов

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
1.	Агалин А.К.		1789	+	1807	3	48	
2.	Агте Е.А.		1792	+	1814	2	35	4/1810
3.	Ададуров В.В.		1781	+	1798		47	
4.	Аклучеев И.М.		1771	+	1799	2	54	
5.	Алалыкин А.А.		1781	+	1814	1	43	
6.	Алексеев И.И.		1789	+	1807 1815	3	40	3/1807
7.	Алексополь А.А.	КЧЕ	1775		1807	2	54	4/1804
8.	Альбрехт А.И.		1803	+	1814 1826	2	24	4/1812
9.	Андреевский С.С.		1799	+	1813	2	30	4/1807
10.	Анисио А.Е.	2Кк	1794		1810	3	36	4/1810 3/1810
11.	Аракчеев А.А.	2Кк	1787	+	1797 1798 1807	2	43	
12.	Аракчеев Анд. А.	2Кк	1790	+	1799	1	40	
13.	Аргамаков И.А.	1Кк	1793		1813	3	37	
14.	Аргамаков И.В.		1775	+	1815	3	49	4/1808

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
15.	Армфельдт Г.М.	в/уч-ще в Карлскроне	1811		1812 из иностр. Сл.	1	55	
16.	Арсеньев М.А.		1781	+	1812		33	
17.	Арсеньев П.М.	1Кк	1785		1799	3	48	4/1807
18.	Ахлестышев М.Ф.		1791	+		2	34	4/1813
19.	Багговут К.Ф.		1779		1799 1807	4	51	3/1807
20.	Багратион П.И.		1783		1799 1805 1809	9	43	2/1805
21.	Багратион Р.И.		1790	+	1813 1829	4	34	4/1810 3/1814
22.	Баклановский М.А.		1772	+	1800	4	52	4/1804
23.	Балабин П.И.		1794	+	1813 1832	4	36	4/1807
24.	Балабин С.Ф.		1778		1815	6	49	4/1807 3/1814
25.	Балатуков К.М.	КЧЕ	1786		1813	1	39	4/1812
26.	Балашов А.Д.	Паж	1775	+	1799 1809 1823		42	
27.	Балк М.Д.		1776		1807 1814	5	48	4/1807

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
28.	Балла А.И.	КЧЕ	1778		1800	4	48	4/1804
29.	Бардаков П.Г.		1771	+	1797 1799	2	56	4/1790 3/1794
30.	Барклай-де Толли М.Б.		1767		1799 1807 1809 1814	6	55	4/1794 3/1807 2/1812 1/1813
31.	Бартоломей А.И.		1798	+	1813 1826	2	28	4/1821
32.	Баумгартен И.Е.		1791		1814	3	30	
33.	Бахметьев А.Н.	МУ	1777	+	1800 1812 1823	3	38	3/1809
34.	Бахметьев Н.Н.		1789	+	1798	1	40	
35.	Башилов А.А.	Паж	1798	+	1810	2	35	4/1812
36.	Бегичев И.М.		1772		1799	3	56	3/1813
37.	Безобразов Л.А.		1782	+	1813		37	
38.	Безобразов Н.А.		1777	+	1800	3	42	4/1789
39.	Безродный В.К.		1803		1803		44	
40.	Белоградский Г.Г.	ШКк	1790		1814 1829 1845	4	40	
41.	Бельгард А.А.		1793		1808	2	38	4/1808

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
42.	Бенардос П.Е.	КЧЕ	1781		1807		49	3/1813
43.	Бенкенорф А.Х.	ЧП	1798	+	1812 1821 1829	3	31	4/1811 3/1813
44.	Бенкендорф К.Х.	ЧП	1812		1814 1827		29	4/1813 3/1814
45.	Беннигсен А.Л.		1796		1815	3	36	4/1813
46.	Беннигсен Л.Л.		1773		1794 1798 1802	5	67	3/1794 2/1806 1/1814
47.	Берг Б.М.		1774		1807 1826	5	48	4/1807 3/1813
48.	Берг Г.М.		1774		1798 1812 1823	3	47	3/1813
49.	Бердяев А.Н.		1784	+	1811	2	34	4/1805
50.	Бибиков А.А.		1774	+	Т. с 1798	1	47	4/1789 3/1812
51.	Бистром А.И.		1782	+	1813 1826	3	38	4/1812 3/1814

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
52.	Бистром К.И.		1784	+	1812 1824 1831	2	42	4/1806 3/1812 2/1831
53.	Богдановский А.В.	1Кк	1798		1814	1	32	4/1811
54.	Богуславский А.А.	2Кк	1789		1815 1829	4	41	4/1811
55.	Бороздин М.М.	2Кк	1773	+	1797 1799	3	45	3/1812
56.	Бороздин Н.М.		1782	+	1807 1813 1826	2	35	4/1807 3/1812
57.	Браницкий В.К.		1782	+	1814	1	30	4/?
58.	Брежинский С.П.	1Кк	1797		1815	3	32	4/1814
59.	Бриземан фон Нет- тиг И.И.		1771		1799 1800	2	50	
60.	Будберг К.В.		1785	+	1813 1826	3	37	4/1812
61.	Булатов М.Л.		1776	+	1799 1823	5	52	3/1810
62.	Булыгин Д.А.		1769	+	1799	2	55	4/1802
63.	Бухгольц О.И.		1784		1808	3	42	
64.	Вадбольский И.М.		1790	+	1813 1827	3	32	4/1807 3/1814

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
65.	Вадковский Я.Е.		1790	+	1808	1	43	3/1808
66.	Вальмоден-Гимборн Л.Г.		1813		1813	3	43	3/1813
67.	Васильчиков Д.В.		1785	+	1812 1858	1	34	4/1812 3/1813
68.	Васильчиков И.В.		1775	+	1801 1812 1823	1	36	3/1812 2/1814
69.	Васильчиков Н.В.		1784	+	1813	3	31	4/1807 3/1812
70.	Велезарьев И.С.		1784		1814	4	41	4/1812
71.	Великопольский А.П.		1777	+	1803	2	42	
72.	Вельяминов И.А.	Паж	1796	+	1807 1814 1828	3	41	4/1805
73.	Венансон О.П.		1798		1814	3	35	
74.	Веселитский Г.П.	2Кк	1790		1813 1826	3	38	4/1809 3/1813
75.	Винцингероде Ф.Ф.	Кадетский корпус в Касселе	1797	+	1802 1812 1813	3	42	3/1805 2/1813
76.	Вистицкий М.С.		1776	+	1800	3	44	4/1811

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
77.	Вистицкий С.С.		1775	+	1804		48	
78.	Витгенштейн П.Х.		1781	+	1799 1807 1812 1826	6	44	4/1794 3/1805 2/1812
79.	де Витт И.О.		1792	+	1812 1818 1829	1	31	3/1813 2/1831
80.	Власов М.Г.		1777		1815 1831 1843	3	45	4/1812 3/1813
81.	Властов Е.И.	КЧЕ	1790		1812 1815	4	43	3/1808
82.	Влодек М.Ф.		1800	+	1815 1826 1843	2	32	4/1811
83.	Воейков А.В.	МУ	1793	+	1812	4	34	
84.	Вонюв А.Л.		1780	+	1799 1810 1823	3	42	4/1794 3/1810
85.	Волков М.М.		1781	+	1813	1	36	4/1812
86.	Волконский Д.М.		1774	+	1798 1800	5	43	4/1789 3/1813

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
87.	Волконский Н.Г.		1792	+	1813	1	31	
88.	Волконский П.М.		1776	+	1801 1813 1817 1843	1	36	3/1805
89.	Волконский С.Г.	ЧП	1796	+	1813	2	24	4/1813
90.	Вольф(Люденгаузен)И.Л.		1798		1815	2	29	4/1812
91.	Вольцоген Л.И.	Военная академия в Штутгарте	1807		1813		38	
92.	Воронцов М.С.		1786	+	1810 1813 1829 1856	4	30	3/1810 2/1814
93.	Всеволожский А.М.		1780		1807	6	49	
94.	Второв О.М.		1786		1814	3	41	
95.	Вуич Н.В.		1777		1812 1824	4	47	4/1807 3/1812
96.	Вюртембергский А.		1800		1800 1800	3	41	3/1812 2/1813

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
97.	Вюртембергский Е.	Ун-т в Эрлангене	1797		1799 1812 1814	2	24	3/1812 2/1813
98.	Вюртембергский П.	Военная академия в Штутгарте и ун-т в Тюбингене	1813		1813 1814		27	
99.	Вяземский В.В.	МУ, Горный корпус	1786	+	1803	4	37	
100.	Галате де Жепола И.А.		1799		1813	3	51	4/1807
101.	Гамен А.Ю.	1Кк	1789		1811 1826	3	39	3/1812
102.	Гампер Е.Е.		1766		1800	3	62	4/1795
103.	Гангелов С.Г.		1771		1799	3	55	4/1813
104.	Гарноульт И.И.		1768		1807	4	54	
105.	Гарпе В.И.		1781	+	1812	5	50	3/1812
106.	Гартинг М.Н.		1803		1815	2	27	4/1813
107.	Гейденрейх И.Г.		1789	+	1813	3	43	4/1812
108.	Гекель Е.Ф.		1795		1811 1826	3	49	
109.	Гельфрейх Б.Б.		1790	+	1810 1814	2	43	4/1807 3/1812

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
110.	Гернгросс Р.Ф.		1777	+	1813	5	37	4/1809
111.	Герц(э)дорф К.М.		1788		1800	5	51	4/1792
112.	Гессе В.А.		1776		1813	3	48	
113.	Гинне Я.Е.	1Кк	1787		1813	5	43	3/1813
114.	Гладков И.В.	Кадетская рота л.-гв. Измайловского полка	1774	+	1800 1821	4	46	4/1826
115.	Глебов А.С.		1791		1812	4	42	4/1805 3/1813
116.	Гове А.П.		1770		1813	3	48	
117.	Гогель Ф.Г.		1785	+	1812 1824	2	37	4/1807 3/1814
118.	Голенищев-Кутузов М.И.	1Кк	1759		1781 1791 1798 1812	7	65	4/1774 3/1791 2/1791 1/1812
119.	Голенищев-Кутузов П.В.	Паж	1794	+	1800 1813 1826	1	40	3/1807
120.	Голицын Б.А.		1779	+	1796 1798	2	46	4/1794

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
121.	Голицын Б.В.	Ун-ты в Париже и Страсбурге	1774	+	1798 1799	1	43	4/1794 3/1812
122.	Голицын Д.В.	Ун-ты в Париже и Страсбурге	1774	+	1798 1800 1814	3	41	4/1794 3/1807
123.	Голицын С.С.		1785	+	1813	2	29	4/1807
124.	Головин Е.А.	МУ	1797	+	1814 1826 1839	2	30	4/1810 3/1831
125.	Гольштейн-Ольденбургский Г.П.	Лейпцигский ун-т	1808		1808 1809		28	
126.	Гольштейн-Ольденбургский П.	Лейпцигский ун-т	1808		1808 1811		29	3/1812
127.	Горбунцов Е.С.		1783	+	1800	2	45	4/1809
128.	Горчаков А.И.		1787	+	1798 1800 1819	2	33	4/1790
129.	Греков А.Е.		1773		1815	2	52	
130.	Греков Б.А.		1770		1800	2	60	
131.	Греков Д.Е.		1761		1798	5	64	4/1791
132.	Греков П.М.		1784		1812	5	43	4/1794 3/1811

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
133.	Греков С.Е.		1786		1813	2	44	4/1813
134.	Греков Т.Д.		1788		1813	3	38	4/1807
135.	Грессер А.И.		1778	+	1812 1821	2	40	4/1809
136.	Гудович А.И.		1783	+	1812	2	31	
137.	Гудович Н.В.		1783	+	1798 1799	1	64	
138.	Гурьев А.Д.		1814		1814		26	4/1813
139.	Гурьев А.И.		1784	+	1813	2	35	4/1814
140.	Гурнелов И.С.		1780		1803	2	42	4/1806
141.	Давыдов А.Л.		1785	†	1815	2	39	4/1813
142.	Давыдов Д.В.		1801	†	1815 1831	3	28	4/1812
143.	Давыдов Е.В.		1791	+	1813	1	37	3/1813
144.	Давыдов Н.В.		1779	+	1813	1	39	
145.	Давыдов П.Л.		1797	+	1814		35	4/1812
146.	де Дамас М.И.	2Кк	1800	+	1813	1	27	3/1814
147.	Дедюлин Я.И.		1787	+	1810		40	
148.	Делагард А.О.		1801	+	1814	2	32	4/1809
149.	Делянов Д.А.		1773		1813	3	49	4/1816
150.	Денисов В.Т.		1788		1799	3	41	4/1794

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
151.	Денисьев Л.А.		1773	+	1807	3	40	4/1807 3/1809
152.	Денисьев П.В.		1785	+	1814	3	46	4/1816
153.	Депрерадович Н.И.		1777	+	1803 1813 1826	4	45	4/1804 3/1806
154.	Дехтерев Н.В.		1784	+	1810	5	37	3/1807
155.	Дибич И.И.	Кадетский корпус в Берлине	1801	+	1812 1813 1826 1829	2	27	4/1807 3/1812 2/1829 1/1829
156.	Дмитриев-Мамонов М.А.	Иезуитский пансион	1813		1813		22	
157.	Довре Ф.Ф.	Инженерная Академия в Дрездене	1795		1811 1813 1826	1	46	3/1812
158.	Долгоруков С.Н.		1773	+	1797 1799	1	43	3/1812
159.	Долон О.Ф.		1798		1815	1	38	4/1813
160.	Дорохов И.С.	2Кк	1787	+	1803 1812	4	50	3/1807

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
161.	Дохтуров Д.С.	Паж	1781	+	1797 1799 1810	3	51	3/1805
162.	Древич Ф.И.		1776	+	1813	3	45	
163.	Дризен Ф.В.		1797	+	1813 1826 1845	2	30	4/1812
164.	Лука И.М.		1776	+	1807 1813 1826	5	52	3/1807
165.	Дурново И.Н.		1786	+	1815	2	28	4/1812
166.	Дятков С.В.		1771	+	1807	2	53	
167.	Дячкин Г.А.		1773		1813	4	57	
168.	Емельянов Н.Ф.		1779		1813	4	54	4/1814
169.	Ермолов А.П.	МУ	1787	+	1808 1812 1818	3	40	4/1794 2/1814
170.	Ершов И.З.	ЧП	1786	+	1813 1826	2	35	4/1812
171.	Ефимович А.А.		1789	+	1814	3	39	4/1807
172.	Ешин В.В.		1789		1813	4	39	4/1817

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
173.	Жандр А.А.		1797	+	1813 1826	2	32	
174.	Жевахов И.С.		1775		1813	3	50	4/1807
175.	Жевахов С.Э.		1779	+	1813	5	44	4/1807
176.	Жевахов Ф.С.		1766	+	1801	2	60	
177.	Желтухин П.Ф.		1796	+	1812 1827	3	35	3/1812
178.	Желтухин С.Ф.		1784	+	1810 1824	3	36	4/1821
179.	Жемчужников А.С.	1Кк	1785		1813	2	48	3/1814
180.	Жеребцов А.А.		1782	+	1815		31	4/1812
181.	Жомини А.Г.	Школа коммерции	1813		1813	5	33	
182.	Загряжский П.П.		1796	+	1813 1826	2	31	4/1807
183.	Закревский А.А.	ШКк	1802	+	1813 1821 1829	4	29	4/1810
184.	Запольский А.В.		1781	+	1804	3	44	3/1807
185.	Засс А.П.		1793	+	1813	4	27	4/1810
186.	Засс Анд. Андр.		1787	+	1813 1826	3	42	4/1812

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
187.	Засс Анд. Павл.		1768	+	1797 1806	3	59	4/1794 3/1810
188.	Захаржевский Я.В.	ШКк	1799		1815 1828 1843	1	32	4/1813
189.	Збиевский Т.И.		1793		1810	3	45	4/1805 3/1810
190.	Зварыкин Ф.В.	1Кк	1785		1814	5	47	4/1816
191.	Иванов И.Д.		1779		1813 1826	5	50	3/1813
192.	Иванов П.А.		1781	+	1813		46	
193.	Ивашев П.Н.		1775	+	1798	2	46	4/1794
194.	Ивелич П.И.		1788		1808	3	40	4/1808
195.	Игельстром А.А.	Паж	1791	+	1799	1	42	
196.	Игнатьев Г.А.	2Кк	1785		1808	4	44	4/1808
197.	Игнатьев Д.Л.		1795	+	1814	2	41	4/1812
198.	Измайлов Л.Д.		1770	+	1798 1814	2	48	
199.	Иловайский А.В.		1776		1798 1821	3	45	3/1812
200.	Иловайский В.Д.	2Кк	1792		1812 1826	2	24	4/1809 3/1813

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
201.	Иловайский Г.Д.		1787		1813	3	36	4/1812
202.	Иловайский И.Д.		1772		1799	5	46	3/1812
203.	Иловайский Н.В.		1779		1799 1813	6	43	3/1807
204.	Иловайский О.В.		1790		1813	5	37	4/107
205.	Инзов И.Н.		1785		1804 1814 1828	7	44	4/1806 3/1813
206.	Каблуков В.И.		1791		1814 1826	2	31	4/1813
207.	Каблуков П.И.		1791		1813 1826	2	30	3/1831
208.	Казачковский К.Ф.		1774		1807 1813	4	53	4/1804 3/1812
209.	Кайсаров П.С.		1797		1813 1826 1833	2	29	4/1811 3/1813
210.	Каменев С.А.		1774		1799	2	53	4/1802
211.	Каменский С.М.		1774		1798 1806 1810	3	41	4/1794 3/1810

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
212.	Канкрин Е.Ф.	Ун-ты в Гессене и Магдебурге	1812		1812 1815 1828		38	
213.	Капустин И.Ф.		1776	+	1814	4	53	4/1809
214.	Капцевич П.М.	2Кк	1792	+	1797 1799	1	40	
215.	Каратаев В.И.		1774		1813	4	50	4/1804
216.	Карбоньер Л.Л. --		1777	+	1810 1826 1834	1	42	
217.	Карпенко М.И.	Киево-Могилянская академия	1781		1812 1840	6	37	4/1809 3/1813
218.	Карпов А.А.		1778		1809 1814	4	50	4/1807 3/1812
219.	Карпов С.Т.		1771		1800		56	
220.	Карцев И.П.	МКк	1787	+	1814 1818	1	43	4 (за 18 мор. кампаний)
221.	Кафтырев Я.В.		1785		1814	4	43	4/1809
222.	Каховский П.Д.		1781	+	1803	6	44	3/1807

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
223.	Керн Е.Ф.		1777		1813 1829	5	47	4/1814
224.	Кишин П.А.	ЧШ, МУ	1777	+	1812	1	37	3/1812
225.	Кишенский Н.Ф.		1775	+	1800	2	37	
226.	Клейнмихель А.А.		1775		1799 1811	1	55	
227.	Клодт фон Юргенсбург К.Ф.	Вышгородское уч-ще в Ревеле	1780		1814	2	47	4/1809
228.	Книппер Ф.Е.		1782	+	1813	5	45	4/1810
229.	Кнорринг К.Б.		1787	+	1812	2	38	4/1806
230.	Кнорринг О.Ф.		1769		1799	5	53	4/1794
231.	Княжнин А.Я.	Кадетская рота л.-гв. Измайловского полка	1784	+	1812 1826	2	41	4/1807
232.	Княжнин Б.Я.		1786	+	1813 1826 1843	1	35	4/1807
233.	Козен П.А.	2Кк	1796	+	1813 1826 1845	2	36	4/1812 3/1813
234.	Козлянинов И.Т.		1786	+	1813	2	31	4/1822

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
235.	Койленский И.С.		1795	+	1813	1	34	4/1812
236.	Кологривов А.С.	Паж	1802	+	1813	2	36	4/1813
237.	Колюбакин П.М.		1775	+	1800	2	49	
238.	Коновницын П.П.	2Кк	1774	+	1797 1808 1817	3	48	4/1794 3/1808 2/1812
239.	Константин Павлович		1795	+		3	33	3/1806 2/1813
240.	Корнилов П.Я.		1779	+	1810 1818	4	42	4/1810 3/1814
241.	Корф Ф.К.		1787	+	1800 1812	2	39	4/1794 3/1807
242.	Костенецкий В.Г.	2Кк	1786	+	1808 1826	3	44	4/1805 3/1812
243.	Кошелев П.И.		1774	+	1802	1	48	
244.	Краснов И.К.		1773		1799	3	60	4/1795
245.	Красовский А.И.		1795		1814 1826 1841	3	31	4/1810 3/1813
246.	Крейц К.А.		1801		1812 1824 1831	1	35	4/1812 2/1831

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
247.	Кретов Н.В.		1785	+	1801 1813		39	4/1807 3/1812
248.	Криштафович Е.К.		1776	†	1813 1826	5	43	4/1805
249.	Крыжановский М.К.		1792	+	1813 1826	1	35	4/1812
250.	Кудашев Н.Д.		1801	+	1812	3	28	4/1809 3/1812
251.	Кульнев И.П.	1Кк	1785		1799		47	
252.	Кульнев Я.П.	1Кк	1785		1808	4	49	3/1808
253.	Курута Д.Д.	КЧЕ	1787	†	1812 1816 1828	3	43	3/1831
254.	Кутайсов А.И.		1793	†	1806	2	28	3/1807
255.	Кутейников Д.Е.		1778		1809	4	46	4/1807 3/1809
256.	Кутузов А.П.	Кадетская рота л.-гв. Измайловского полка	1791	+	1813	2	35	4/1807
257.	Лавров Н.И.		1777	+	1799 1811	4	51	4/1791 3/1812
258.	Ладыженский Н.Ф.		1790	†	1813 1845	3	36	4/1807

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
259.	де Ламберт К.О.		1793		1799 1812 1823	4	39	4/1794 3/1806
260.	Ланжерон А.Ф.		1790		1797 1798 1811	5	49	4/1789 3/1810 2/1813
261.	Ланской П.С.		1768	+	1801		55	
262.	Ланской С.Н.		1783	+	1810 1813	3	38	4/1805 3/1810
263.	Лаптев В.Д.		1776	+	1806 1813	4	54	4/1805 3/1812
264.	Ласкин А.А.		1790	+	1807	5	43	
265.	Лебедев Н.П.		1756		1797 1799	5	62	4
266.	Левашев В.В.		1801	+	1812 1826 1833	2	29	4/1812
267.	Левенштерн К.Ф.	2Кк	1788		1806 1818 1829	2	41	3/1812
268.	Левиз оф Менар Ф.Ф.		1772		1799 1807	7	45	4/1794

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
269.	Левин Д.А.		1778	+	1813	2	35	4/1812
270.	Левицкий М.И.		1781		1803 1821 1829	4	51	4/1907
271.	Леонтьев И.С.	паж	1799	+	1812	2	30	4/1812
272.	Ливен И.А.		1789	+	1800 1813	2	37	3/1807
273.	Лидерс П.И.		1778	+	1800	4	50	4/1816
274.	Линдфорс Ф.А.		1777	+	1805	2	52	4/1807
275.	Липгард А.И.		1783	+	1812	2	41	4/1816
276.	Лисаневич Г.И.		1771		1807 1814	6	56	4/1802 3/1811
277.	Лихачев П.Г.		1772		1798	4	54	4/1807 3/1808
278.	Лобанов-Ростовский Д.И.		1772	+	1796 1798 1807	3	54	4/1791 3/1791
279.	Лопухин П.А.			+	1799		45	
280.	Лошкарёв П.С.		1781	+	1814	4	36	4/1812
281.	Луков Ф.А.		1775		1813	5	51	4/1809 3/1813
282.	Луковкин Г.А.		1780		1813	3	44	4/1811 3/1813

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
283.	Львов Д.С.		1773	+	1815		47	
284.	Львов М.Л.	МКк	1773		1803	2	55	4/1790
285.	Лялин Д.В.	МКк	1786		1813	2	40	4/1812 3/1814
286.	Ляпунов Д.П.		1784	+	1812	2	37	4/1805 3/1812
287.	Мадатов В.Г.		1797	+	1814 1826	1	30	4/1811 3/1813
288.	Макаров П.С.		1780	+	1813	2	44	4/1810 3/1813
289.	Мантейфель И.В.	Ун-т в Лейпциге	1783	+	1807	4	41	4/1805 3/1807
290.	Манфреди О.И.	Воен. школа в Вене	1804		1813	1	34	4/1807 3/1814
291.	Марков А.И.	2Кк	1800		1814	2	31	4/1807
292.	Марков Е.И.		1770		1798 1807	7	43	4/1790 3/1807 2/1811
293.	Мартынов А.Д.		1770		1797 1798	3	54	4/1795
294.	Маслов А.Т.		1781	+	1813	5	42	4/1807

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
295.	Мацнев М.Н.	Паж	1802	+	1814	2	27	
296.	Мезенцев В.П.		1782	+	1812	2	31	4/1809
297.	Мезенцев М.И.		1785	+	1813 1826	2	42	4/1807
298.	Мекленбургский К.А.		1798	+	1800 1812	2	30	3/1807
299.	Мелиссино А.П.		1777	+	1801	2	46	4/1791
300.	Меллер-Закомельский Е.И.		1781	+	1801 1813	3	46	4/1789
301.	Меллер-Закомельский П.И.	2Кк	1769		1795 1802 1814	5	57	4/1789
302.	Мерлин П.И.		1779		1812	5	43	4/1807 3/1812
303.	де Местр К.К.		1800		1813	4	49	
304.	Мещеринов В.Д.		1787	+	1810	2	37	4/1827
305.	Миллер И.И.	2Кк	1794	+	1799	3	36	
306.	Милорадович М.А.	Ун-ты в Меце, Страсбурге и Кенигсберге	1780	+	1798 1805 1809	4	41	3/1805 2/1812

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
307.	Мишо А.Ф.		1805		1813 1826 1841	4	41	4/1810 3/1813
308.	Монахтин Ф.Ф.	1Кк	1795		1812	1	35	
309.	Мордвинов В.М.		1784	+	1809	1	37	4/1807
310.	Мордвинов Д.М.		1781	+	1813		39	4/1812
311.	Морков И.И. ---	1Кк, Паж	1769	+	1792 1798	4	59	4/1789 3/1791 2/1792
312.	Мосолов Ф.И.		1775	+	1813	1	41	4/1826
313.	Муравьев Н.Н.	Ун-т Страсбурга	1774	+	1815	1	44	
314.	Муромцев Н.С.		1771		1797 1814	1	51	
315.	Мусин-Пушкин И.А.		1812		1815		29	4/1812
316.	Мусин-Пушкин И.К.		1785	+	1813	2	29	
317.	Мусин-Пушкин П.К.	Паж	1787		1799 1800	4	47	4/1816
318.	Мухин С.А.		1779		1805 1826	2	41	4/1816
319.	Мышецкий Е.Д.		1782		1800		49	

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
320.	Мякинин Н.Д.		1802	+	1814		25	4/1813
321.	Набоков И.А.	Паж	1806	+	1813 1826 1835	1	25	4/1831 3/1831
322.	Пазимов Ф.В.		1777	+	1803	5	48	4/1816
323.	Наний Ф.П.		1788		1813	3	43	4/1810
324.	Нарышкин Л.А.		1803	+	1814 1844	2	27	4/1813
325.	Наумов М.Ф.		1772		1813	3	55	4/1807
326.	Неверовский Д.П.		1786	+	1804 1812	2	41	4/1807 3/1813
327.	Нейдгардт П.И.		1786	+	1813	3	33	3/1813
328.	Никитин А.П.	2Кк	1796		1812 1826 1833	3	35	3/1813
329.	Новак И.И.		1791		1808	2	42	4/1811
330.	Оболенский В.П.		1783	+	1813	2	32	4/?
331.	Обрезков Н.В.		?		1798	1	48	
332.	Одоевский И.С.		1776	+	1799	2	43	
333.	Ожаровский А.П.		1796	+	1807 1813 1826	2	36	4/1805 3/1807

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
334.	Окулов М.М.		1784	+	1803		44	
335.	Оленин Е.И.		1778	+	1808	3	38	4/1805
336.	Олсуфьев З.Д.		1775	+	1798 1807	4	39	3/1812
337.	Олсуфьев П.Д.	Кадетская рота л.-гв. Измайловского полка	1781	+	1812	2	37	4/1807
338.	Ольдекоп К.Ф.		1783	+	1812 1821	2	35	4/1812
339.	Опперман К.И.		1783		1799 1811 1823	2	46	4/1790 3/1813
340.	Орлов М.Ф.	ЧП	1805	+	1814	2	24	4/1812
341.	Орлов-Денисов В.В.		1787	+	1807 1812 1826	2	34	4/1807
342.	О Рурк И.К.		1776	+	1810 1813 1841	5	40	4/1806 3/1810
343.	Остен-Сакен Ф.В.		1766		1797 1799 1814 1826	5	60	4/1792 3/1813

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
344.	Остерман-Толстой А.И.		1774	+	1798 1806 1817	2	40	4/1790 3/1806 2/1813
345.	Падёйский Ф.Ф.		1769		1810	6	61	4/1802 3/1807
346.	Пален М.И.		1784	+	1813 1830 1843	2	33	4/1809 3/1813
347.	Пален Павел Петр.		1782	+	1800 1815 1826	3	37	4/1807 3/1810
348.	Пален Петр Петр.		1790	+	1800 1812 1827	2	35	4/1806 3/1807 2/1814
349.	Палицын И.И.		1775	+	1807	4	48	4
350.	Панцерби́тер К.К.	1Кк	1775		1807	4	54	4/1812
351.	Панчулидзе́в И.Д.		1774	+	1807 1813	5	54	4/1811 3/1812
352.	Панчулидзе́в С.Д.		1785		1807	5	45	4/1805 3/1812
353.	Паскевич И.Ф.	Паж	1800	+	1810 1813 1826 1829	1	30	4/1810 3/1811 2/1827 1/1829

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
354.	Пассек П.П.		1782	+	1799	3	33	
355.	Паттон А.Я.		1774	+	1813	1	51	
356.	Паулуччи делье Ронколе Ф.О.	Коллегия иезуитов	1807		1808 1810 1823	2	33	4/1808 3/1812
357.	Пейкер А.Э.	ЧП	1790	+	1813 1826		36	4/1821
358.	Петровский М.А.	Киевская Духовная академия, МУ	1790		1804		48	
359.	Пиллар Е.М.		1780		1812	5	45	4/1807 3/1813
360.	Пирогов И.И.	2Кк	1791		1815 1829	2	36	4/1816
361.	Писарев А.А.	1Кк	1796	+	1813 1840	1	32	4/1813 3/1814
362.	Платов М.И.		1766		1793 1801 1809	7	59	4/1789 3/1790 2/1808
363.	Платов М.М.		1808		1814		19	4/1813
364.	Платцов П.П.		1784		1815	4	42	4/1810
365.	Полетаев И.И.		1770		1798	2	53	4/1802

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
366.	Полторацкий К.М.		1784	+	1813 1834	3	30	4/1812
367.	Полуектов Б.В.	МУ	1791	+	1813 1826 1843	2	33	4/1813 3/1831
368.	Поль И.Л.		1781	+	1813	2	46	4/1808 3/1812
369.	Понсет М.И.	Фрейбургский ун-т в Дрездене	1806	+	1813 1828	3	34	4/1811
370.	Посников Ф.Н.	Паж	1798	+	1813	2	29	4/1808
371.	Потапов А.Н.		1782	+	1813 1826 1834	2	30	4/1807
372.	Потемкин Я.А.	1 Кк, Паж	1799	+	1812 1824	3	31	4/1807 3/1813
373.	Потоцкий С.С.		1793	+	1813	3	26	4/1813
374.	Потулов П.В.		1775	+	1803	1	45	4/1793
375.	Поццо ди Борго К.А.	Коллегия в Аяччо, ун-т в Страсбурге	1806		1813	1	48	4/1815
376.	Протасов А.А.		1795	+	1813	2	32	4/1812

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
377.	Пышницкий Д.И.		1776		1812 1815	4	48	4/1807 3/1813
378.	Радт С.Л.		1788		1798 1800	2	47	
379.	Раевский Н.Н.		1774	+	1801 1808 1813	6	41	4/1792 3/1813 2/1814
380.	Рахманов В.С.	1Кк	1785		1803 1816	5	48	4/1794 3/1812
381.	Резвой Д.П.		1781	+	1799	5	50	4/1794 3/1810
382.	Рейхель А.А.		1788		1814	3	45	4/1811
383.	Ренни Р.Е.	Гимназия в Риге	1776		1812	3	44	4/1812 3/1813
384.	Репнин Н.Г.	1Кк	1792	+	1806 1814 1828	2	34	4/1805 3/1812
385.	Репнинский С.Я.		1782	+	1800	2	37	3/1810
386.	Репнинский Ст.Я.		1774	+	1807 1824 1845	4	39	4/1807 3/1812
387.	Рерн И.Б.	2Кк	1792		1813	2	37	4/1807

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
388.	Ридигер Ф.В.		1799	+	1813 1820 1831	3	29	4/1809 3/1812
389.	Ридингер А.К.	1Кк, Паж	1801	+	1814	2	30	3/1814
390.	Рихтер Б.Х.		1797	+	1813 1826	3	30	4/1812
391.	Родионов М.И.		1782		1812	2	44	4/1812 3/1813
392.	Розен А.В.		1787	+	1812	3	33	4/1805
393.	Розен Г.В.		1789	+	1809 1813 1826	3	30	4/1807 3/1812 2/1831
394.	Розен И.К.		1769		1797 1799	7	60	4/1794
395.	Розен Ф.Ф.		1777	+	1814 1833	4	45	4/1811
396.	Росси И.П.	2Кк	1780		1807	2	47	4/1807
397.	Ростопчин Ф.В.	Паж	1775	+	1796 1798 1812	2	49	
398.	Рот Л.О.		1797	+	1813 1814 1828	5	32	4/1811 3/1812 2/1829

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
399.	Рудзевич А.Я.,	КЧЕ	1786	+	1811 1813 1826	3	36	4/1811 3/1813 2/1814
400.	Рыков В.Д.		1776	+	1813	2	58	4/1811
401.	Рылеев А.Н.		1794	+	1813	1	34	4/1828
402.	Рылеев М.Н.		1785	+	1812 1826	2	41	4/1819
403.	Сабанеев И.В.	МУ	1787	+	1809 1811 1823	6	40	4/1809 3/1809
404.	Сабдуков Н.А.		1790	+	1801		36	
405.	Савонни Е.Я.		1784		1812 1825 1833	2	36	4/1811 3/1814
406.	Сазонов И.Т.		1770		1803 1812		57	4/1802
407.	Сазонов Ф.В.	1Кк, Паж	1802	+	1814	2	32	
408.	Саксен-Веймарский К.А.		1803		1803 1813	2	55	
409.	Саксен-Кобургский Л.		1799		1803 1814		22	4/1813
410.	Саксен-Кобургский Э.		1796		1801	3	28	4/1813

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
411.	Сандерс Ф.И.		1765		1810 1830	5	57	4/1795
412.	Санти А.Ф.		1762	†	1797	2	55	
413.	Свечин П.М.	Тверской благородный пансион	1791	†	1813 1826	1	40	4/1813
414.	Селявин Н.И.		1790		1813 1826	3	38	4/1823
415.	Сен-При Э.Ф.	Ун-т в Гейдельберге	1793	+	1810 1812	4	36	4/1805 3/1810 2/1814
416.	Сеславин А.Н.	2Кк	1798	+	1813	3	32	4/1812
417.	Сибирский А.В.		1779	+	1809 1824	2	33	3/1812
418.	Сиверс Е.К.	Паж, ун-ты в Дерпте и Геттингене	1798	†	1813 1825		34	
419.	Сиверс И.Х.	2Кк	1793	+	1799 1826	1	38	4/1818
420.	Сиверс К.К.	2Кк	1789		1803 1813	3	40	3/1812
421.	Сипягин Н.М.	Мк	1800	+	1813 1826	2	29	3/1814

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
422.	Скалон А.А.		1775	+	1800		45	4/1811
423.	Соковнин Б.С.		1791	+	1813	2	32	4/1813
424.	Соколовский О.К.		1786		1813	7	49	4/1809
425.	Ставицкий М.Ф.	2Кк	1791		1812 1826	2	34	4/1807
426.	Ставраков С.Х.		1789		1812	6	48	4/1809
427.	Сталь Е.Ф.		1785	+	1813	2	35	4/1812
428.	Сталь К.Г.		1785	+	1814 1833 1843	2	34	4/1807
429.	Строганов П.А.	Страсбургский ун-т	1779	+	1807 1812	4	38	3/1808 2/1814
430.	Сулима Н.С.	1Кк	1792	+	1812 1827	1	35	3/1812
431.	Сутгоф Н.И.		1786		1815	2	47	4/1810
432.	Сухарев А.Д.		1775	+	1801	1	41	4/1813
433.	Сухозанет И.О.	2Кк	1803	+	1813 1826 1834	1	24	4/1812 3/1829
434.	Сухтелен П.К.	Гронингенский ун-т	1783		1789 1797 1799	4	61	4/1789

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
435.	Сухтелен П.П.		1802	+	1814 1826	4	24	4/1813 3/1828
436.	Сысоев В.А.		1786		1812 1828	4	38	4/1807 3/1811
437.	Талызин А.И.		1777	+	1806	1	35	4/1805
438.	Талызин С.А.	Военная школа в Штутгарте	1775	+	1797	3	47	4/1791
439.	Талызин Ф.И.		1775	+	1799 1820	1	39	3/1814
440.	Тейль фон Сераскеркен Ф.В.		1803		1813	3	41	
441.	Теслев А.П.		1793		1814 1826 1841	2	31	4/1813
442.	Тетенборн Ф.К.	Геттингенский и Йенский ун-ты	1812		1813	6	33	4/1812 3/1813
443.	Тильман И.А.		1813		1813	8	47	3/1813
444.	Титов Н.Ф.		1773	+	1798	2	54	4/1816
445.	Толстой П.А.		1775	+	1797 1799 1814	4	42	4/1794 3/1795

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
446.	Толь К.Ф.	1Кк	1796		1812 1813 1826	3	35	4/1812 2/1829
447.	Тормасов А.П.	Паж	1772		1791 1798 1801	4	60	3/1791 2/1812
448.	Трескин М.Л.		1783	+	1813	3	47	4/1812 3/1813
449.	Трощинский И.Е.		1801	+	1813 1826	2	30	4/1807
450.	Трубецкой В.С.		1780	+	1807 1813 1826	3	36	4/1807
451.	Трузсон Х.И.		1782		1798 1806	2	70	4/1788 3/1797
452.	Турчанинов А.П.		1795	+	1813 1828	3	33	4/1809
453.	Турчанинов П.П.		1789	+	1810 1824	3	34	4/1807 3/1813
454.	Тучков А.А.		1788		1808	2	35	4/1807
455.	Тучков Н.А.		1773		1797 1799	4	47	4/1795 3/1807
456.	Тучков П.А.		1785	+	1800	1	37	4/1819

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
457.	Тучков С.А.		1773		1798 1829	5	45	4/1794
458.	Тыртов Я.И.		1767	+	1797 1799	2	59	
459.	Уваров Ф.П.		1775	+	1798 1800 1813	3	43	3/1805 2/1810
460.	Удом Е.Е.		1771		1811 1824	5	52	4/1794
461.	Удом И.Ф.		1782	+	1812	4	44	4/1807
462.	Уланов Г.П.		1772		1802	3	59	4
463.	Уманец А.С.	1Кк	1782		1811 1824	4	50	
464.	Урусов А.П.		1779	+	1805	1	54	
465.	Урусов Н.Ю.		1778	+	1799	3	45	
466.	Ушаков И.М.		1784	+	1814	2	33	4/1812
467.	Ушаков П.Н.	ЧП	1779	+	1813 1826 1841	2	33	4/1812 3/1829
468.	Ушаков С.П.		1790	+	1812	2	36	4/1812 3/1812
469.	Феньин А.С.		1785		1796 1798 1800	3	64	4/1788

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
470.	Ферстер Е.Х.		1786	+	1809 1821	1	56	4
471.	Филиппстальский Э.К.		1808		1813 1826 1836		41	4/1813
472.	Филисов П.А.		1785	+	1809	5	43	4/1807
473.	Фок А.Б.		1780		1799 1813	4	49	4/1790 3/1807
474.	Фок Б.Б.		1775		1799 1812	3	52	
475.	Фуль К.Л.	Гимназия в Штутгарте	1806		1806 1809	3	55	
476.	Ханыков В.В.	1Кк	1785	+	1797	1	54	
477.	Хилков С.А.	ЧП, 1Кк	1801	+	1814 1826	3	27	4/1807
478.	Хованский Н.Н.		1780	+	1810 1814 1828	3	35	4/1807 3/1813
479.	Хомяков А.А.	1Кк	1785		1814	3	48	
480.	Храповицкий М.Е.	1Кк, Паж	1799	+	1812 1824 1831	3	28	4/1805
481.	Хрущов И.А.		1778	+	1807	6	38	4/1814

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
482.	Цвилленев А.И.		1784	+	1810 1815	4	43	4/1809 3/1812
483.	Пыбульский И.Д.		1789	+	1800	1	41	4/1812
484.	Чаликов А.С.		1774	+	1807	5	58	4/1807 3/1814
485.	Чаплиц Е.И.		1783		1801 1812	5	52	23/1805 23/1813
486.	Чарныш И.И.		1776		1805	5	56	4/1807
487.	Чернозубов И.Ф.		1777	+	1813	3	49	4/1813
488.	Чернышев А.И.	Паж, ЧП	1802	+	1812 1814 1827	3	27	4/1807 3/1813
489.	Чичагов П.В.	Немецкая школа Св. Петра в Петербурге	1779	+	1799 1802 1807	2	45	4/1790
490.	Чичерин В.Н.		1761	+	1798 1806	4	58	4/1790 3/1794
491.	Чичерин Н.А.		1782	+	1807	2	39	4/1807
492.	Чичерин П.А.		1785	+	1812 1826 1834	2	34	4/1807 3/1812
493.	Чоголоков П.П.	1Кк	1790		1808 1813	5	40	4/1794 3/1812

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
494.	Шаховской И.Д.		1786	+	1804 1814 1826	2	35	4/1794 3/1813 2/1831
495.	Шевич И.Г.		1770	+	1800 1813	4	58	4/1810 3/1812
496.	Шеле Г.Х.		1774	+	1814	2	53	4/1808
497.	Шемшуков Я.М.		1792	+	1798		40	
498.	Шеншин В.Н.		1796	+	1813 1826	3	28	3/1813
499.	Шепелев В.Ф.		1775	+	1798 1800	1	45	
500.	Шепелев Д.Д.		1782	+	1807 1813	5	46	4/1794 3/1807
501.	Шишкин Н.А.		1784	+	1807	2	45	4
502.	Шишков А.С.	МК	1769		1798 1799 1824	1	58	
503.	Шкапский М.А.		1769		1811	8	58	4/1803 3/1812
504.	Шостаков Г.А.		1775		1813	3	56	4/1811 3/1814
505.	Шнерберг И.Я.	ШКк	1790	+	1814	5	42	4/1807
506.	Шрейдер П.П.		1780	+	1812	1	42	4/1810

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
507.	Шрейтерфельд К.И.	2Кк	1779		1811	2	51	4/1802
508.	Штаден Е.Е.		1784		1813 1826 1841	1	38	4/1812 3/1813
509.	Штейнгель Ф.Ф.		1776		1798 1807 1819	3	50	3/1807
510.	Шувалов П.А.		1786	+	1801 1809	4	36	4/1794
511.	Шульгин А.С.	2Кк	1795	+	1814	3	37	4/1807
512.	Шуханов Д.В.		1755		1813	5	68	4/1787
513.	Щербатов А.Г.		1781	+	1800 1813 1823	2	36	4/1806 3/1812 2/1814
514.	Щербатов А.Ф.		1776	+	1799	1	40	3/1813
515.	Щербатов Н.Г.		1785	+	1813	1	35	4/1813
516.	Эйлер А.Х.	ЧП	1790	+	1812 1826 1834	3	39	4
517.	Эммануэль Г.А.	Училище в г. Вершице (Банат)	1797	+	1812 1814 1828	2	37	4/1812 3/1813

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
518.	Эмме И.Ф.	1Кк	1782	+	1798 1812	2	50	4/1807 3/1814
519.	Энгельгардт Г.Г.		1776	+	1800 1816	4	53	4/1807
520.	Энгельман П.И.		1782		1814	6	50	
521.	Эртель Ф.Ф.	Кадетский корпус в Пруссии	1785	+	1798 1811 1823	2	44	3/1812
522.	Эссен И.П.		1772	+	1797 1799	5	54	4/1894
523.	Эссен П.К.		1777	+	1798 1800 1819	3	40	3/1807
524.	Юзефович Д.М.		1788	+	1812	2	35	4/1807 3/1813
525.	Юрковский А.А.		1772		1807	4	57	4/1790 3/1807
526.	Юрлов И.И.		1773		1813	4	48	4/1809
527.	Юшков А.И.		1792	+	1813 1826	1	32	4/1824
528.	Ягодин А.А.		1788	+	1814	3	38	
529.	Яфимович И.Л.		1800	+	1815	2	31	

№ п/п	Ф.И.О	Учебные заведения	Год вступления на службу	Служба в гвардии	Получение генеральских чинов	Участие в войнах и походах	Возраст (на 1812 г.)	орден св. Георгия (класс ордена / год награждения)
530.	Яшвиль В.М.	2Кк	1782	+	1800	2	48	
531.	Яшвиль Л.М.	2Кк	1786	+	1808 1812 1819	4	40	4/1794 3/1808

Список сокращений

в/уч-ще – военное училище

2Кк – Второй кадетский корпус

КЧЕ – Корпус чужестранных единоверцев

Паж – Пажеский корпус

1Кк – Первый кадетский корпус

МУ – Московский университет

МКк – Морской кадетский корпус

ун-т – университет

уч-ще – училище

ЧП – частный пансион

ШКк – Шкловский кадетский корпус

Таблица 8

Боевой путь генералов

[illegible]

№ п/п	Ф.И.О	Русско- турецкие войны	1788–1790	1794	1796	1799	1805	1806–1807	1806–1812	1808–1809
21.	Багратион Р.И.				+			+	+	
22.	Баклановский М.А.	+	+	+	+					
23.	Балабин П.И.				+	+	+	+		+
24.	Балабин С.Ф.	+		+	+			+	+	
25.	Балатуков К.М.				+					
26.	Балашов А.Д.									
27.	Балк М.Д.	+		+			+	+		
28.	Балла А.И.	+		+					+	
29.	Бардаков П.Г.	+		+						
30.	Барклай-де Толли М.Б.	+	+	+				+		+
31.	Бартоломей А.И.							+		+
32.	Баумгартен И.Е.					+	+			+
33.	Бахметев А.Н.		+							
34.	Бахметев Н.Н.		+							
35.	Башилов А.А.								+	
36.	Бегичев И.М.	+		+					+	
37.	Безобразов Л.А.									
38.	Безобразов Н.А.		+		+		+			
39.	Безродный В.К.									
40.	Белоградский Г.Г.	+		+				+		+
41.	Бельгард А.А.			+						+
42.	Бенардос П.Е.	+		+				+		

№ п/п	Ф.И.О	Русско- турецкие войны	1788-1790	1794	1796	1799	1805	1806	1807	1806	1812	1808	1809
43.	Бенкендорф А.Х.							+		+			
44.	Бенкендорф К.Х.												
45.	Беннигсен А.Л.				+	+		+					
46.	Беннигсен Л.Л.	+		+	+			+					
47.	Берг Б.М.	+				+	+	+				+	
48.	Берг Г.М.		+	+			+						
49.	Бердяев А.Н.						+			+			
50.	Бибииков А.А.		+										
51.	Бистром А.И.			+				+				+	
52.	Бистром К.И.		+					+					
53.	Богдановский А.В.									+			
54.	Богуславский А.А.	+		+			+			+			
55.	Бороздин М.М.	+	+			+							
56.	Бороздин Н.М.							+				+	
57.	Браницкий В.К.									+			
58.	Брежинский С.П.						+	+				+	
59.	Бриземан фон Неттиг И.И.	+		+									
60.	Будберг К.В.					+		+					
61.	Булатов М.Л.	+		+				+		+		+	
62.	Булыгин Д.А.	+						+					
63.	Бухгольц О.И.	+					+	+					

№ п/п	Ф.И.О	Русско- турецкие войны	1788–1790	1794	1796	1799	1805	1806–1807	1806–1812	1808–1809
64.	Вадбольский И.М.						+	+		
65.	Вадковский Я.Е.									+
66.	Вальмоден-Гимборн Л.Г.									
67.	Васильчиков Д.В.							+		
68.	Васильчиков И.В.							+		
69.	Васильчиков Н.В.						+	+	+	
70.	Велезарьев И.С.	+					+	+	+	
71.	Великопольский А.П.	+	+							
72.	Вельяминов И.А.					+	+			+
73.	Венансон О.П.					+	+		+	
74.	Веселитский Г.П.		+	+					+	
75.	Винцингероде Ф.Ф.					+	+			
76.	Вистицкий М.С.	+								
77.	Вистицкий С.С.			+		+				
78.	Витгенштейн П.Х.			+	+		+	+	+	+
79.	Витт де И.О.						+			
80.	Власов М.Г.			+				+	+	
81.	Властов Е.И.		+	+				+		+
82.	Влодек М.Ф.						+		+	
83.	Воейков А.В.					+		+	+	+
84.	Воинов А.Л.			+		+			+	
85.	Волков М.М.							+		

№ п/п	Ф.И.О	Русско- турецкие войны	1788–1790	1794	1796	1799	1805	1806 1807	1806–1812	1808 1809
86.	Волконский Д.М.	+	+			+		+	+	
87.	Волконский Н.Г.								+	
88.	Волконский П.М.						+			
89.	Волконский С.Г.							+	+	
90.	Вольф (Люденгаузен) И.Л.					+		+		
91.	Вольцоген Л.И.									
92.	Воронцов М.С.						+	+	+	
93.	Всеволожский А.М.	+		+			+	+		
94.	Второв О.М.		+	+					+	
95.	Вуич Н.В.	+		+				+		+
96.	Вюртембергский А.									
97.	Вюртембергский Е.							+	+	
98.	Вюртембергский П.							+		
99.	Вяземский В.В.			+			+	+	+	
100.	Галате де Жепола И.А.					+	+		+	
101.	Гамен А.Ю.		+			+	+			
102.	Гампер Е.Е.	+		+					+	
103.	Гангсблов С.Г.	+		+					+	
104.	Гарноульдт И.И.	+	+					+		+
105.	Гарпе В.И.		+	+			+		+	+
106.	Гартинг М.Н.						+			+

№ п/п	Ф.И.О	Русско- турецкие войны	1788–1790	1794	1796	1799	1805	1806–1807	1806–1812	1808–1809
107.	Гейденрейх И.Г.							+		+
108.	Гекель Е.Ф.						+	+		+
109.	Гельфрейх Б.Б.						+			+
110.	Гернгросс Р.Ф.			+		+		+	+	+
111.	Герц(з)дорф К.М.	+		+		+	+	+		
112.	Гессе В.А.		+	+						+
113.	Гине Я.Е.	+		+			+	+	+	
114.	Гладков И.В.		+	+		+	+			
115.	Глебов А.С.			+		+	+		+	
116.	Гове А.П.						+	+		+
117.	Гогель Ф.Г.						+	+		
118.	Голенищев-Кутузов М.И.	+		+			+		+	
119.	Голенищев-Кутузов П.В.								+	
120.	Голицын Б.А.		+	+						
121.	Голицын Б.В.			+						
122.	Голицын Д.В.			+				+		+
123.	Голицын С.С.						+	+		
124.	Головин Е.А.						+		+	
125.	Гольштейн-Ольденбургский Г.П.									
126.	Гольштейн-Ольденбургский П.									
127.	Горбунцов Е.С.		+							+
128.	Горчаков А.И.					+				

№ п/п	Ф.И.О	Русско- турецкие войны	1788 1790	1794	1796	1799	1805	1806 1807	1806 1812	1808 1809
129.	Греков А.Е.	+						+		
130.	Греков Б.А.	+		+						
131.	Греков Д.Е.	+		+						
132.	Греков П.М.	+		+		+			+	
133.	Греков С.Е.	+								
134.	Греков Т.Д.	+		+				+		
135.	Грессер А.И.	+		+						
136.	Гудович А.И.						+			+
137.	Гудович Н.В.					+				
138.	Гурьев А.Д.									
139.	Гурьев А.И.		+	+					+	
140.	Гуриелов И.С.	+		+						
141.	Давыдов А.Л.						+			+
142.	Давыдов Д.В.							+	+	+
143.	Давыдов Е.В.						+			
144.	Давыдов Н.В.						+			
145.	Давыдов П.Л.									
146.	Дамас де М.И.						+			
147.	Дедюлин Я.И.									
148.	Делагард А.О.							+		+
149.	Десянов Д.А.			+				+		+

№ п/п	Ф.И.О	Русско- турецкие войны	1788–1790	1794	1796	1799	1805	1806–1807	1806–1812	1808–1809
150.	Денисов В.Т.			+				+		
151.	Денисьев Л.А.		+	+			+	+		
152.	Денисьев П.В.			+			+	+		
153.	Депрерадович Н.И.	+		+						
154.	Дехтерев Н.В.			+		+	+	+		+
155.	Дибич И.И.						+	+		
156.	Дмитриев-Мамонов М.А.									
157.	Довре Ф.Ф.							+		
158.	Долгоруков С.Н.		+							
159.	Долон О.Ф.								+	
160.	Дорохов И.С.	+		+			+	+		
161.	Дохтуров Д.С.		+				+	+		
162.	Древич Ф.И.	+		+						+
163.	Дризен Ф.В.						+	+		
164.	Дука И.М.	+		+			+	+		
165.	Дурново И.Н.							+	+	
166.	Дятков С.В.	+						+		
167.	Дячкин Г.А.		+	+					+	
168.	Емельянов Н.Ф.		+			+	+		+	
169.	Ермолов А.П.			+			+	+		
170.	Ершов И.З.					+		+		
171.	Ефимович А.А.	+						+		+

[illegible]

№ п/п	Ф.И.О	Русско- турецкие войны	1788–1790	1794	1796	1799	1805	1806–1807	1806–1812	1808–1809
193.	Ивашев П.И.	+		+						
194.	Ивелич П.И.	+						+		+
195.	Игельстром А.А.			+						
196.	Игнатьев Г.А.	+				+	+	+		
197.	Игнатьев Д.Л.							+		+
198.	Измайлов Л.Д.		+	+						
199.	Иловайский А.В.	+		+						
200.	Иловайский В.Д.							+	+	
201.	Иловайский Г.Д.	+						+		
202.	Иловайский И.Д.	+						+		
203.	Иловайский Н.В.	+		+	+			+	+	
204.	Иловайский О.В.	+		+	+			+	+	
205.	Инзов И.Н.	+		+		+	+	+	+	
206.	Кабдуков В.И.						+	+		
207.	Кабдуков П.И.						+	+		
208.	Казачковский К.Ф.	+						+		+
209.	Кайсаров П.С.						+		+	
210.	Каменев С.А.	+		+						
211.	Каменский С.М.	+		+			+		+	
212.	Канкрин Е.Ф.									
213.	Капустин И.Ф.	+		+		+		+		
214.	Капцевич П.М.									

[illegible]

№ п/п	Ф.И.О	Русско- турецкие войны	1788- 1790	1794	1796	1799	1805	1806 1807	1806–1812	1808–1809
236.	Кологривов А.С.						+	+		
237.	Колюбакин П.М.						+		+	
238.	Коновницын П.П.		+	+						+
239.	Константин Павлович					+	+	+		
240.	Корнилов П.Я.		+	+		+			+	
241.	Корф Ф.К.			+				+		
242.	Костенцкий В.Г.	+					+	+		
243.	Кошелев П.И.	+								
244.	Краснов И.К.	+		+						
245.	Красовский А.И.						+	+	+	
246.	Крейц К.А.							+		
247.	Кретов Н.В.			+		+		+		
248.	Криштафович Е.К.	+		+			+		+	
249.	Крыжановский М.К.							+		
250.	Кудашев Н.Д.						+	+		+
251.	Кульнев И.П.									
252.	Кульнев Я.П.	+		+				+	+	+
253.	Курута Д.Д.		+				+	+		
254.	Кутайсов А.И.							+		
255.	Кутейников Д.Е.	+		+				+		+
256.	Кутузов А.П.						+	+		
257.	Лавров Н.И.	+		+		+		+		

№ п/п	Ф.И.О	Русско- турецкие войны	1788–1790	1794	1796	1799	1805	1806–1807	1806–1812	1808–1809
258.	Ладыженский Н.Ф.						+	+	+	
259.	Ламберг де К.О.			+	+	+		+		
260.	Ланжерон А.Ф.									
261.	Ланской П.С.									
262.	Ланской С.Н.						+	+		+
263.	Лаптев В.Д.	+					+	+		
264.	Ласкин А.А.			+	+		+		+	
265.	Лебедев Н.П.	+								
266.	Левашев В.В.						+	+		
267.	Левениггерн К.Ф.		+					+		
268.	Левиз оф Менар Ф.Ф.		+	+			+	+	+	
269.	Левин Д.А.						+	+		
270.	Левицкий М.И.	+		+			+	+		
271.	Леонтьев И.С.						+	+		
272.	Ливен И.А.							+	+	
273.	Лидерс Н.И.	+		+			+		+	
274.	Линдфорс Ф.А.	+		+						
275.	Лингард А.И.			+					+	
276.	Лисаневич Г.И.	+		+			+	+	+	
277.	Лихачев П.Г.	+	+				+		+	
278.	Лобанов-Ростовский Д.И.	+		+						

№ п/п	Ф.И.О	Русско- турецкие войны	1788–1790	1794	1796	1799	1805	1806–1807	1806–1812	1808–1809
279.	Лопухин П.А.									
280.	Лошкарев П.С.			+		+	+	+		
281.	Луков Ф.А.			+		+		+		+
282.	Луковкин Г.А.	+							+	
283.	Львов Д.С.									
284.	Львов М.Л.	+	+							
285.	Лялин Д.В.		+							+
286.	Ляпунов Д.П.						+	+		
287.	Мадатов В.Г.								+	
288.	Макаров П.С.	+							+	
289.	Мантейфель И.В.			+			+	+	+	
290.	Манфредт О.И.								+	
291.	Марков А.И.						+	+		
292.	Марков Е.И.	+		+	+	+	+	+	+	
293.	Мартинов А.Д.	+								
294.	Маслов А.Т.		+	+		+		+		+
295.	Мацнев М.Н.						+	+		
296.	Мезенцев В.П.						+			+
297.	Мезенцев М.И.						+	+		
298.	Мекленбургский К.А.						+		+	
299.	Мелиссино А.П.	+								
300.	Меллер-Закомельский Е.И.	+					+			

[illegible]

[illegible]

№ п/п	Ф.И.О	Русско- турецкие войны	1788–1790	1794	1796	1799	1805	1806–1807	1806–1812	1808–1809
344.	Остерман-Толстой А.И.									
345.	Падейский Ф.Ф.	+		+			+	+	+	
346.	Пален М.И.							+		+
347.	Пален Павел Петр.			+	+				+	
348.	Пален Петр Петр.				+			+		
349.	Палицын И.И.	+					+		+	
350.	Панцербитер К.К.		+				+	+		+
351.	Панчулидзе И.Д.	+	+		+		+		+	
352.	Панчулидзе С.Д.	+		+		+	+	+		
353.	Паскевич И.Ф.								+	
354.	Пассек П.П.			+		+		+		
355.	Паттон А.Я.									+
356.	Паулуччи делле Ронколе Ф.О.								+	+
357.	Пейкер А.Э.									
358.	Петровский М.А.									
359.	Пиллар Е.М.		+			+	+	+	+	
360.	Пирогов И.И.		+					+		
361.	Писарев А.А.							+		
362.	Платов М.И.	+			+			+		+
363.	Платов М.М.									
364.	Платцов П.П.	+		+			+	+		

№ п/п	Ф.И.О	Русско- турецкие войны	1788–1790	1794	1796	1799	1805	1806–1807	1806–1812	1808–1809
365.	Полетаев И.И.	+		+						
366.	Полторацкий К.М.						+	+	+	
367.	Полуектов Б.В.						+			+
368.	Поль И.Л.			+					+	
369.	Понсет М.И.							+	+	+
370.	Посников Ф.Н.						+	+		
371.	Потапов А.Н.					+		+		
372.	Потемкин Я.А.					+		+		+
373.	Потоцкий С.С.						+	+		+
374.	Потулов П.В.			+	+					
375.	Поццо ди Борго К.А.					+				
376.	Протасов А.А.						+	+		
377.	Пышницкий Д.И.	+		+		+				+
378.	Радт С.Л.	+	+							
379.	Раевский Н.Н.	+		+	+			+	+	+
380.	Рахманов В.С.	+		+		+		+		+
381.	Резвой Д.П.	+		+		+		+	+	
382.	Рейхель А.А.	+		+					+	
383.	Ренни Р.Е.			+		+		+		
384.	Репнин П.Г.					+	+			
385.	Репнинский С.Я.						+		+	
386.	Репнинский Ст. Я.			+			+	+	+	

Продолжение таблицы 8

[illegible]

№ п/п	Ф.И.О	Русско- турецкие войны	1788–1790	1794	1796	1799	1805	1806–1807	1806–1812	1808–1809
408.	*Саксен-Веймарский К.А.									
409.	Саксен-Кобургский Л.									
410.	*Саксен-Кобургский Э.									
411.	Сандерс Ф.И.	+		+					+	
412.	Санги А.Ф.	+								
413.	Свечин Н.М.									+
414.	Селявин Н.И.					+	+			+
415.	Сен-При Э.Ф.					+	+	+	+	
416.	Сеславин А.Н.						+	+	+	
417.	Сибирский А.В.						+			+
418.	Сиверс Е.К.									
419.	Сиверс И.Х.					+			+	
420.	Сиверс К.К.			+					+	
421.	Сипягин Н.М.						+	+		
422.	Скалон А.А.									
423.	Соковнин Б.С.						+	+		
424.	Соколовский О.К.	+		+		+	+	+	+	
425.	Ставицкий М.Ф.		+					+		
426.	Ставраков С.Х.		+			+	+	+	+	+
427.	Сталь Е.Ф.						+	+		
428.	Сталь К.Г.					+		+		
429.	Строганов П.А.						+	+	+	+

№ п/п	Ф.И.О	Русско- турецкие войны	1788–1790	1794	1796	1799	1805	1806–1807	1806–1812	1808–1809
430.	Сулима Н.С.						+			
431.	Сутгоф Н.И.		+						+	
432.	Сухарев А.Д.		+							
433.	Сухожанет И.О.							+		
434.	Сухтелен П.К.		+	+			+			+
435.	Сухтелен П.П.						+	+	+	+
436.	Сысоев В.А.		+	+			+		+	
437.	Талызин А.И.						+			
438.	Талызин С.А.	+	+	+						
439.	Талызин Ф.И.									
440.	Тейль фон Сераскеркен Ф.В.									
441.	Теслев А.П.							+		+
442.	Тетенборн Ф.К.									
443.	Тильман И.А.									
444.	Титов Н.Ф.	+							+	
445.	Толстой П.А.			+		+	+	+		
446.	Толь К.Ф.					+	+		+	
447.	Тормасов А.П.	+		+					+	
448.	Трескин М.Л.					+	+		+	
449.	Трощинский И.Е.						+	+		
450.	Трубецкой В.С.						+	+	+	

№ п/п	Ф.И.О	Русско- турецкие войны	1788–1790	1794	1796	1799	1805	1806–1807	1806–1812	1808–1809
451.	Трузсон Х.И.	+			+					
452.	Турчанинов А.П.						+	+		+
453.	Турчанинов П.П.					+		+	+	
454.	Тучков А.А.							+		+
455.	Тучков Н.А.		+	+				+		+
456.	Тучков П.А.									+
457.	Тучков С.А.		+	+	+				+	
458.	Тыртов Я.И.				+	+				
459.	Уваров Ф.П.						+	+	+	
460.	Удом Е.Е.	+		+			+	+	+	
461.	Удом И.Ф.	+	+	+			+			
462.	Уланов Г.П.	+				+	+			
463.	Уманец А.С.	+		+				+	+	
464.	Урусов А.П.		+							
465.	Урусов Н.Ю.		+				+	+		
466.	Ушаков И.М.							+	+	
467.	Ушаков П.Н.						+	+		
468.	Ушаков С.Н.						+	+		
469.	Феньш А.С.	+	+	+						
470.	Ферстер Е.Х.								+	
471.	Филиппстальский Э.К.									+
472.	Филисов П.А.	+		+		+		+		+

№ п/п	Ф.И.О	Русско- турецкие войны	1788 1790	1794	1796	1799	1805	1806 1807	1806 1812	1808 1809
473.	Фок А.Б.	+	+	+				+		
474.	Фок Б.Б.	+	+	+						
475.	Фуль К.Л.									
476.	Ханыков В.В.		+							
477.	Хилков С.А.					+	+	+		
478.	Хованский Н.Н.					+	+	+		
479.	Хомяков А.А.			+			+	+		
480.	Храповицкий М.Е.					+	+	+		
481.	Хрущов И.А.			+		+	+	+	+	
482.	Цвилленев А.И.		+	+		+			+	
483.	Цыбульский И.Д.									
484.	Чаликов А.С.	+		+		+	+	+		
485.	Чаплиц Е.И.	+		+	+		+	+		
486.	Чарныш И.И.	+		+				+		
487.	Чернозубов И.Ф.	+		+				+		
488.	Чернышев А.И.						+	+		
489.	Чичагов П.В.		+			+				
490.	Чичерин В.Н.		+	+						
491.	Чичерин Н.А.						+	+		
492.	Чичерин П.А.						+	+		
493.	Чоглоков П.Н.		+	+			+	+		+

№ п/п	Ф.И.О	Русско- турецкие войны	1788–1790	1794	1796	1799	1805	1806–1807	1806–1812	1808–1809
494.	Шаховской И.Д.			+				+		
495.	Певич И.Г.	+							+	
496.	Шеле Г.Х.		+							+
497.	Шемшуков Я.М.									
498.	Шеншин В.Н.						+	+	+	
499.	Шепелев В.Ф.					+				
500.	Шепелев Д.Д.			+	+	+	+	+		+
501.	Шинкин Н.А.			+				+		
502.	Шинков А.С.		+							
503.	Шкапский М.А.	+		+		+	+	+	+	
504.	Шостаков Г.А.	+		+						
505.	Шперберг И.Я.			+	+	+	+	+		
506.	Шрейдер П.П.							+		
507.	Шрейтерфельд К.И.					+			+	
508.	Штаден Е.Е.						+			
509.	Штейнгель Ф.Ф.		+					+		+
510.	Шувалов П.А.			+		+		+		+
511.	Шульгин А.С.					+	+	+		
512.	Шуханов Д.В.	+		+					+	
513.	Щербатов А.Г.							+	+	
514.	Щербатов А.Ф.				+					
515.	Щербатов Н.Г.							+		

№ п/п	Ф.И.О	Русско- турецкие войны	1788–1790	1794	1796	1799	1805	1806–1807	1806–1812	1808–1809
516.	Эйлер А.Х.		+				+	+		
517.	Эммануэль Г.А.							+		
518.	Эмме И.Ф.		+			+				
519.	Энгельгардт Г.Г.		+				+	+	+	
520.	Энгельман П.И.	+		+		+	+	+		+
521.	Эртель Ф.Ф.		+						+	
522.	Эссен И.Н.		+	+		+	+		+	
523.	Эссен П.К.					+		+	+	
524.	Юзефович Д.М.						+	+		
525.	Юрковский А.А.	+					+	+		
526.	Юрлов И.И.	+	+	+				+		
527.	Юшков А.И.							+		
528.	Ягодин А.А.				+			+		+
529.	Яфимович И.Л.						+		+	
530.	Яшвиль В.М.	+		+						
531.	Яшвиль Л.М.	+		+			+	+		

Титулованный генералитет

№	Ф.И.О.	Титул	Национальность
1.	Аракчеев А.А.	барон (1797), граф (1799)	русский
2.	Армфельдт Г.М.	барон, граф (1812)	швед
3.	Багратион П.И.	князь	грузин
4.	Багратион Р.И.	князь	грузин
5.	Балатуков К.М.	князь	крымский татарин
6.	Барклай де Толли М.Б.	граф (1813), князь (1814)	прибалт
7.	Бенкендорф А.Х.	граф (1832)	прибалт
8.	Бенningсен Л.Л.	барон, граф (1813)	германец
9.	Бенningсен А.Л.	барон, граф (1813)	германец
10.	Браницкий В.К.	граф	поляк
11.	Будберг К.В.	барон	прибалт
12.	Вадбольский И.М.	князь	русский
13.	Вальмоден-Гимборн Л.Г.	граф	германец
14.	Васильчиков И.В.	граф (1831), князь (1839)	русский
15.	Венансон О.П.	граф	итальянец
16.	Винцингероде Ф.Ф.	барон	германец
17.	Витгенштейн П.Х.	граф, светл. князь (1834)	германец
18.	Витт де И.О.	граф	русский
19.	Волконский Д.М.	князь	русский
20.	Волконский Н.Г.	князь	русский
21.	Волконский П.М.	князь	русский
22.	Волконский С.Г.	князь	русский
23.	Вольцоген Л.И.	барон	германец
24.	Вольф (Люденгаузен) И.Л.	барон	прибалт
25.	Воронцов М.С.	граф, князь (1845), светл. князь (1852)	русский
26.	Вюртембергский А.	герцог	германец
27.	Вюртембергский Е.	принц	германец
28.	Вюртембергский П.	принц	германец
29.	Вяземский В.В.	князь	русский
30.	Галате де Женола И.А.	граф	итальянец
31.	Герц(з)дорф К.М.	барон	датчанин

Продолжение таблицы 9

№	Ф.И.О.	Титул	Национальность
32.	Голенищев-Кутузов М.И.	граф (1811), светл. князь (1812)	русский
33.	Голенищев-Кутузов П.В.	граф (1832)	русский
34.	Голицын Б.А.	князь	русский
35.	Голицын Б.В.	князь	русский
36.	Голицын Д.В.	князь, светл. князь (1841)	русский
37.	Голицын С.С.	князь	русский
38.	Гольштейн-Ольденбург- ский Г.	принц	германец
39.	Гольштейн-Ольденбург- ский П.	герцог	германец
40.	Горчаков А.И.	князь	русский
41.	Гудович А.И.	граф (1797)	русский
42.	Гудович П.В.	граф (1809)	русский
43.	Гурьев А.Д.	граф (1819)	русский
44.	Гурцелов И.С.	князь	грузин
45.	де Дамас М.И.	барон	француз
46.	Дибич И.И.	барон, граф (1827)	германец
47.	Дмитриев-Мамонов М.А.	граф	русский
48.	Долгоруков С.П.	князь	русский
49.	Долон О.Ф.	граф	француз
50.	Дризен Ф.В.	барон	германец
51.	Дука И.М.	барон	серб
52.	Жевахов И.С.	князь	грузин
53.	Жевахов С.Э.	князь	грузин
54.	Жевахов Ф.С.	князь	грузин
55.	Жомини А.Г.	барон (1808)	швейцарец
56.	Закревский А.А.	граф (1830)	русский
57.	Ивелич П.И.	граф	серб
58.	Игельстром А.А.	граф	прибалт
59.	Каменский С.М.	граф (1797)	русский
60.	Канкрин Е.Ф.	граф (1829)	германец
61.	Клодт фон Юргенсбург К.Ф.	барон	прибалт
62.	Коновницын П.П.	граф (1819)	русский
63.	Константин Павлович	великий князь	русский
64.	Корф Ф.К.	барон	прибалт
65.	Крейц К.А.	барон, граф (1839)	поляк

№	Ф.И.О.	Титул	Национальность
66.	Кудашев Н.Д.	князь	русский
67.	Курута Д.Д.	граф (1826)	грек
68.	Кутайсов А.И.	барон (1797), граф (1799)	русский
69.	де Ламберт К.О.	граф	француз
70.	Ланжерон А.Ф.	граф	француз
71.	Левашев В.В.	граф (1833)	русский
72.	Левенштерн К.Ф.	барон	германец
73.	Ливен И.А.	барон, граф (1799), светл. князь (1826)	прибалт
74.	Лобанов-Ростовский Д.И.	князь	русский
75.	Львов Д.С.	князь	русский
76.	Мадатов В.Г.	князь	армянин
77.	Мантейфель И.В.	граф	германец
78.	Мекленбургский К.А.	принц	германец
79.	Меллер-Закомельский Е.И.	барон (1789)	русский
80.	Меллер-Закомельский П.И.	барон (1789)	русский
81.	Местр де К.К.	граф	итальянец
82.	Милорадович М.А.	граф (1813)	серб
83.	Мишо А.Ф.	граф (1814)	итальянец
84.	Морков И.И.	граф (1796)	русский
85.	Мусин-Пушкин И.А.	граф (1797)	русский
86.	Мышецкий Е.Д.	князь	русский
87.	Пикитин А.П.	граф (1847)	русский
88.	Оболенский В.П.	князь	русский
89.	Одоевский И.С.	князь	русский
90.	Ожаровский А.П.	граф	поляк
91.	Опперман К.И.	граф (1829)	германец
92.	Орлов-Денисов В.В.	граф (1801)	русский
93.	О'Рурк И.К.	граф	ирландец
94.	Остен-Сакен Ф.В.	барон, граф (1821), князь (1832)	прибалт
95.	Остерман-Толстой А.И.	граф (1796)	русский
96.	Пален Павел Петр.	барон, граф (1799)	прибалт
97.	Пален Петр Петр.	барон, граф (1799)	прибалт
98.	Пален М.И.	барон	прибалт
99.	Паскевич И.Ф.	граф (1828), светл. князь (1831)	русский
100.	Пауллуччи делле Ронколе Ф.О.	маркиз	итальянец

№	Ф.И.О.	Титул	Национальность
101.	Платов М.И.	граф (1812)	русский
102.	Платов М.М.	граф (1812)	русский
103.	Потоцкий С.С.	граф	поляк
104.	Поццо ди Борго К.А.	граф (1826)	итальянец
105.	Репнин (Волконский) Н.Г.	князь	русский
106.	Ридигер Ф.В.	граф (1847)	прибалт
107.	Розен А.В.	барон	прибалт
108.	Розен Г.В.	барон	прибалт
109.	Розен И.К.	барон	прибалт
110.	Розен Ф.Ф.	барон	прибалт
111.	Саксен-Веймарский К.А.	герцог	германец
112.	Саксен-Кобургский Л.Г.	принц, король (1831)	германец
113.	Саксен-Кобургский Э.	герцог	германец
114.	Сант А.Ф.	граф	итальянец
115.	Сен-При Э.Ф.	граф	француз
116.	Сибирский А.В.	князь	русский
117.	Сиверс Е.К.	граф (1798)	прибалт
118.	Сиверс К.К.	граф (1798)	прибалт
119.	Строганов П.А.	граф	русский
120.	Сухтелен П.К.	барон (1812), граф (1822)	голландец
121.	Сухтелен П.П.	барон (1812), граф (1822)	голландец
122.	Тейль ван Сераскеркен Ф.В.	барон	голландец
123.	Тетенборн Ф.К.	барон	германец
124.	Тильман И.А.	барон	германец
125.	Толстой П.А.	граф	русский
126.	Толь К.Ф.	барон, граф (1829)	прибалт
127.	Тормасов А.П.	граф (1816)	русский
128.	Трубецкой В.С.	князь	русский
129.	Урусов А.П.	князь	русский
130.	Урусов Н.Ю.	князь	русский
131.	Филиппштадтский Э.К.	принц	германец
132.	Фуль К.Л.	барон	германец
133.	Хилков С.А.	князь	русский
134.	Хованский П.П.	князь	русский

№	Ф.И.О.	Титул	Национальность
135.	Чернышев А.И.	граф (1826), князь (1841), светл. князь (1849)	русский
136.	Шаховской И.Л.	князь	русский
137.	Штейнгель Ф.Ф.	барон, граф (1812)	прибалт
138.	Шувалов П.А.	граф	русский
139.	Щербатов А.Ф.	князь	русский
140.	Щербатов А.Г.	князь	русский
141.	Щербатов Н.Г.	князь	русский
142.	Эссен П.К.	граф (1833)	прибалт
143.	Яшвилъ В.М.	князь	грузин
144.	Яшвилъ Л.М.	князь	грузин

Сокращения

Прибалт – из прибалтийских немцев

Германец – из немцев Германии

Таблица 10

Архивные источники нерсональных данных

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
1.	Агалин А.К.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–3; Д. 7058. Ч. 1. Л. 256–260.
2.	Агте (Ахте) Е.А. 1-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2477. Л. 8–9; Ф. 395. Оп. 6. Д. 13; Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 85. Д. 52; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 3–4.
3.	Ададуров В.В.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 153а. Св. 19. Д. 31. Л. 12–14.
4.	Аклечеев И.М.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 136. Д. 2016.
5.	Алалыкин А.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1. Л. 19–20.
6.	Алексеев И.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 751–756; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 5–7.
7.	Алексополь Ф.П.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 149. Д. 193; Ф. 489. Оп. 1. Д. 1. Л. 22–23; Д. 1907. Л. 223–224.
8.	Альбрехт А.И	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 1002–1007.
9.	Андреевский С.С.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2994. Л. 348–349; Ф. 395. Оп. 173/143. 4 отд. 1814 г. Св. 13. Д. 31. Л. 5–6.
10.	Ансно А.Е.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 784–789; Ф. 395. Оп. 77. 1824 г.
11.	Аракчеев А.А	
12.	Аракчеев Анд. А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 46–49.
13.	Аргамаков И.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 784–787.
14.	Аргамаков И.В.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 226. 5 отд. Д. 1515; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 8–10.
15.	Армфельт Г.М.	
16.	Арсеньев М.А. 1-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 625–626; Д. 2994. Л. 345–346.
17.	Арсеньев Н.М. 2-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 236–239; Ф. 395. Оп. 122. 1816 г. 3 отд. Д. 1463. Л. 5–5.
18.	Ахлестышев М.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 963–967.
19.	Багговут К.Ф	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1712. Л. 2–3; Д. 1713. Л. 47–48; Д. 1907. Л. 2–3; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 70 об. – 71; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 11–12.
20.	Багратион П.И..	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1907. Л. 2–3; Д. 7062. Л. 64–70; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 13–16.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
21.	Багратион Р.И	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3022. Ч. 1. Л. 144–145; Д. 7058. Ч. 2. Л. 670–673; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 18–20.
22.	Баклановский М.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1612. Л. 9–10; Ф. 395. Оп. 324. 5 отд. 1819 г. Д. 360.
23.	Балабин П.И.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 57. Д. 310. Л. 110–111; Ф. 395. Оп. 81. 2 отд. 1826 г. Д. 1252; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 37. Д. 4. Л. 4–5.
24.	Балабин С.Ф	РГВИА. Ф. 103. Оп. 208г. Св. 3. Д. 10. Ч. 2. Л. 39; Оп. 208а. Св. 37. Д. 4. Л. 4–5; Ф. 489. Оп. 1. Д. 3274. Ч. 1; Д. 3022. Ч. 1. Л. 144–145; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 241. Л. 133.
25.	Балатуков К.М.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 955–959; Ф. 395. Оп. 15/370. Д. 3; Ф. 29. Оп. 153г. Св. 24. Д. 33.
26.	Балашов А.Д.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 385–388.
27.	Балк М.Д.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 702–705; Ф. 395. Оп. 62. 2 отд. 1817 г. Д. 371; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 21–23.
28.	Балла А.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1907. Л. 205; Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 89. Д. 295. Л. 79; Ф. 395. Оп. 172/142. 4 отд. Св. 60. 1812 г. Д. 197. Л. 4–5.
29.	Бардаков П.Г.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2189. Л. 1–3, 40–41; Д. 2190. Л. 2–3, 39–40.
30.	Барклай де Тол- ли М.Б.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1907. Л. 94–95; Д. 7062. Л. 51–58; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 24–26.
31.	Бартоломей А.И	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 932–935.
32.	Баумгар- тен И.Е.(А.)	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 706. Л. 4–5; Д. 7058. Ч. 3. Л. 1015–1019; Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 99. Д. 864. Ч. 1; Ф. 395. Оп. 23. 1 отд. 3 ст. 1834 г. Д. 1032. Л. 1–4; Оп. 27/423. 1 отд. 3 ст. 1836 г. Д. 217; Оп. 152. 3 отд. 1846 г. Д. 503. Л. 1–18.
33.	Бахметев А.Н.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 473–479.
34.	Бахметев Н.Н.	
35.	Башинлов А.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 910; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 27–28.
36.	Бегичев И.М.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 5/154. Св. 55. Д. 160. Л. 102, 112–113.
37.	Безобразов Л.А.	ГАПО.Ф. 5. Оп. 1. Д. 404. Л. 18–19.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
38.	Безобразов Н.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 217–218; Д. 7060. Л. 437–440; Ф. 29. Оп. 153а. Св. 572. Д. 696. Л. 1–2.
39.	Безродный В.К.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 183–184; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 4–5; Ф. 395. Оп. 66. 2 отд. 1819 г. Д. 836. Л. 7–8.
40.	Белоградский Г.Г.	РГВИА. Ф. 589. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1027–1029; Ф. 395. Оп. 142/425. 1836 г. 3 отд. Д. 29. Л. 3 4.
41.	Бельгард А.А.	РГВИА. Ф. 489. Д. 4060. Л. 5–6; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 45. Д. 2.
42.	Бенардос П.Е.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 191. Л. 2–3; РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 585. Л. 12.
43.	Бенкендорф А.Х.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 448–456; Д. 7060. Л. 448 455.
44.	Бенкендорф К.Х.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1046 1050; АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 296.
45.	Беннингсен А.Л.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2310. Л. 27–28.
46.	Беннингсен Л.Л.	РГВИА. Ф. 589. Оп. 1. Д. 489. Д. 7062. Л. 126–133; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 29–32.
47.	Берг Б.М. 2-й (Берх)	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7055. Л. 71–73; Д. 7058. Ч. 1. Л. 240–242; Д. 7060. Л. 403–408.
48.	Берг Г.М. 1-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 459–462; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 7–8; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 54 об. – 55.
49.	Бердяев А.П.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 154. Св. 127. Д. 33. Л. 7–10; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 33–34.
50.	Бибииков А.А.	РГВИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 66. Л. 4–6, 38–39; Ф. 474. Оп. 1. Д. 1252. Л. 187.
51.	Бистром А.И. 2-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 539–543; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 34–35.
52.	Бистром К.И. 1-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 501–503; Д. 1637. Л. 1–2; ; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 244 об. – 245; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 35–37.
53.	Богдановский А.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 986–987; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 38–39.
54.	Богуславский А.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1063 1064; Д. 3798. Л. 2–3.
55.	Бороздин М.М. 1-й	РГВИА. Ф. 395. Оп. 4/304. 1 отд. 1 ст. Д. 104. Л. 5–9.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
56.	Бороздин Н.М. 2-й	РГВИА. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2147. Л. 1–2; Д. 7062. Л. 659–572; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 44–45; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 40–43.
57.	Браницкий В.Г. (К.)	РГВИА. Ф. 589. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1013–1014.
58.	Брежинский С.П.	РГВИА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 297. Л. 129–130; Ф. 489. Оп. 1. Д. 1769. Л. 12–14; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 40–41.
59.	Бриземан фон Неттинг И.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1378. Л. 87–88; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 72 об. – 73.
60.	Будберг К.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2116. Л. 2–3; Д. 7058. Ч. 2. Л. 748–750; Д. 7062. Л. 748–750; Ф. 395. Оп. 124. 3 отд. 1818 г. Д. 377; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 44–45.
61.	Булатов М.Л.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 24–31; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 266. Л. 58–81.
62.	Булыгин Д.А.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 136/389. Л. 184.
63.	Бухголец О.И.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 5; Ф. 395. Оп. 66. 2 отд. 1819 г. Д. 2135. Л. 1–2.
64.	Вадбольский И.М.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2294; Д. 2295; Д. 7058. Ч. 2. Л. 666–669; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 46–48.
65.	Вадковский Я.Е.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–3, 35–36, 67–68; ОПИ ГИМ Ф. 272. Оп. 1. Д. 6.
66.	Вальмоден-Гимборн Л.Г.Т.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 1252. Л. 165.
67.	Васильчиков Д.В. 2-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 611–613; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 48–50.
68.	Васильчиков И.(Л.) В. 1-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 486–489.
69.	Васильчиков Н.В. 3-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2433. Л. 2–3; Д. 7058. Ч. 2. Л. 660–661; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 51–52.
70.	Велизарьев И.С.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1709. Л. 3–4.
71.	Великопольский А.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2189. Л. 9–10, 47–48; Д. 7058. Ч. 1. Л. 369–372; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 53–54.
72.	Вельяминов И.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2. Л. 67–68, 109–110; Д. 7062. Л. 747–748.
73.	Венансон О.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7053. Л. 2–3.
74.	Веселитский Г.П	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Л. 7058. Ч. 2. Л. 678–679; Д. 7060. Л. 375–376; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 55–56 об.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
75.	Винцингероде Ф.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 242–245.
76.	Вистицкий М.С. 2-й	РГВИА. Ф. 395. Оп. 4/304. 1816 г. 1 отд. 1 стол. Д. 84. Л. 7–8; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7055. Л. 67–68; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 58–60.
77.	Вистицкий С.С.	
78.	Витгенштейн П.Х.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2770. Л. 7–8; Д. 7060. Л. 7–10; Д. 7062. Л. 221–224; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 61–64.
79.	Витт И.О.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 433–436; Д. 7062. Л. 814–818; Д. 7073. Л. 103–110; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 65–68.
80.	Власов М.Г.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 871–887; Д. 3020. Л. 90–91; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 52. Д. 1. Л. 3–16.
81.	Властов Е.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 706–714; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 69–72.
82.	Влодек М.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 790–791; Д. 2994. Л. 347–348; Ф. 395. Оп. 22. 1отд. 2ст. 1832 г. Д. 811.
83.	Воейков А.В.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 57. Д. 299. Л. 7–9, 14–16; Оп. 153а. Св. 12. Д. 1253. Л. 1–2 об.; Ф. 216. Оп. 1. Д. 1–8; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 73–74.
84.	Воинов А.Л.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 398–407.
85.	Волков М.М.	РГВИА. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2171. Л. 6–7; Д. 7058. Ч. 2. Л. 769–770; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 75
86.	Волконский Д.М. 1-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1907. Л. 456; Д. 7062. Л. 325–332.
87.	Волконский Н.Г. 3-й	АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 730.
88.	Волконский П.М. 2-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7055. Л. 1–2; Д. 7062. Л. 365–366.
89.	Волконский С.Г. 4-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 757–760, 851–856; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 37. Д. 4. Л. 5–6; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 76–78.
90.	Вольф (Людингаузен) И.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1020–1024; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 43; Ф. 395. Оп. 75. 2 отд. 1822 г. Д. 410. Л. 4–9.
91.	Вольцоген Л.Ю.А.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7055. Л. 90–91.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
92.	Воронцов М.С.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1 Д. 99. Л. 25–26; Ф. 489. Оп. 1. Д. 1. Л. 228–229; Д. 7062. Л. 78–79, 525–530; ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2527.
93.	Всеволожский А.М.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2269. Л. 93–94; Ф. 395. Оп. 172. Св. 72. Д. 366; Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 72. Д. 60.
94.	Второв О.М.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 99. Д. 880. Л. 104–109; Ф. 489. Оп. 1. Д. 1021. Л. 1–3.
95.	Вунч П.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1902. Л. 37–38; Д. 1907. Л. 15–16; Д. 7058. Ч. 1. Л. 495–500; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 79–81.
96.	Вюртембергский А.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 137–141; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 57–58.
97.	Вюртембергский Е.	РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2225.
98.	Вюртембергский П.	
99.	Вяземский В.В.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 172/142. 4 отд. 1813 г. Св. 63. Д. 123; Ф. 489. Оп. 1. Д. 1707. Л. 61; Д. 1709. Л. 2–3; ОПИ ГИМ. Ф. 257.
100.	Галатте де Жепола (Г.)И.Н.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7046. Л. 46–47; Ф. 14414. Оп. 2. Д. 64. Л. 76–77; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 83.
101.	Гамен А.Ю.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 404–407; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 84–87.
102.	Гампер Е.Е.	ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 88–92.
103.	Гангблов (Гангблншвили) С.Г.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1702. Л. 2–5; Д. 1907. Л. 62–63; Д. 7058. Ч. 3. Л. 1419–1423; Ф. 395. Оп. 81. 1826 г. Отд. 2. Д. 588. Л. 3; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 93–95.
104.	Гарнаульт И.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 264–265; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 53; Ф. 395. Оп. 8/324. Д. 1.
105.	Гарпе В.И.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 74–75; Ф. 489. Оп. 1. Д. 528. Л. 3–4; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 96–97.
106.	Гартинг М.Н.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1061–1062; Д. 7060. Л. 425–428.
107.	Генденрейх И.Г.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 664–665; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 55. Л. 9/48. Л. 43–43 об.; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 104–110.
108.	Гебель Е.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7055. Л. 74–75; Д. 7058. Ч. 1. Л. 399–400; Ф. 95. Оп. 128. Д. 202.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
109.	Гельфрейх Б.Б. 1-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 626–683; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 111–113.
110.	Гернгросс Р.(Л.)Ф.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 16–17; Ф. 489. Оп. 1. Д. 2441; Ф. 395. Оп. 64/135. 2 отд. 1817 г. Д. 630. Л. 3–6 об.; Ф. 29. Оп. 4/154. Т. 1. Св. 133. Д. 23.
111.	Герцдорф (Герцдорф) К.М	РГВИА. Ф. 395. Оп. 77. 1824 г. Д. 239. Л. 1–2; Оп. 88. 1833 г. Д. 501. Л. 2–4 об.; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 108 об. – 109; Ф. 589. Оп. 1. Д. 1012; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 114–115.
112.	Гессе В.А. 2-й	РГВИА. Ф. 589. Оп. 1. Д. 1190. Л. 2–3; Д. 7058. Ч. 2. Л. 771–775; Ф. 193. Оп. 296а. Св. 5. Д. 50. Л. 263–267; Ф. 395. Оп. 10/340. Д. 123; Оп. 29/435. Д. 736.
113.	Гинс Я.Е.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 14–15.
114.	Гладков И.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2770. Л. 9–10; Д. 7058. Ч. 1. Л. 109–110.
115.	Глебов А.С..	РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 1794. Л. 313–314; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 253–254; Ф. 395. Оп. 226. 5 отд. 1816 г. Д. 1581. Л. 1–6; Оп. 6/312. 1 отд. 1 ст. 1817 г. Д. 5; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 116–119.
116.	Гове А.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 643–647.
117.	Гогель Ф.Г.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1664. Л. 1–2, 129–130; Д. 7058. Ч. 1. Л. 477–478; Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 9; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 120.
118.	Голенщев-Кутузов Смоленский М.И.	
119.	Голенщев-Кутузов П.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 558–561.
120.	Голицын Б.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2928.
121.	Голицын Б.В.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/150. Ч. 3–5; ОР РГБ. Ф. 64. Картон 83. Д. 3.
122.	Голицын Д.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 253–254; Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 25–26.
123.	Голицын С.С.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–6.
124.	Головин Е.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 898–900
125.	Гольштейн-Ольденбургский Г.П.	
126.	Гольштейн-Ольденбургский П.	

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
127.	Горбунцов Е.С.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 72. Д. 56; Ф. 489. Оп. 1. Д. 130. Л. 2–3, 95–96.
128.	Горчаков А.И. 2-й	РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 6. Д. 17006. Л. 36–43; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 323–326.
129.	Греков А.Е.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 1008.–1010; Д. 3022. Ч. 1. Л. 101–102.
130.	Греков Б.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3022. Л. 25–26.
131.	Греков Д.Е.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3022. Л. 257–258; ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 236. Л. 4.
132.	Греков П.М.	ОПИ ГИМ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 241. Л. 12–12 об., 44–44 об.; РГВИА. Ф. 395. Оп. 6. Д. 163.
133.	Греков С.Е.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3022. Л. 27–28; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 241. Л. 15, 41.
134.	Греков Т.Д. 18-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 901–904; Д. 3022. Ч. 2. Л. 385–386; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 122–124.
135.	Грессер А.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1252. Л. 13–14; Д. 7058. Ч. 1. Л. 461–463; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 125–126.
136.	Гудович А.И.	ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 127.–128; РГВИА. Ф. 395. Оп. 22. Д. 1006. Л. 4–5; Ф. 395. Оп. 22. Д. 1006. Л. 4–5..
137.	Гудович Н.В.	
138.	Гурьев А.Д.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1039–1040; АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 1057.
139.	Гурьев А.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 942–943; Д. 7060. Л. 339–340; Д. 2665. Л. 39; Д. 2667. Л. 13.
140.	Гурьелов (Гурнэлп, Гурьялов) И.С.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 279. Л. 6–7; Д. 1252. Л. 5–6; Д. 7058. Ч. 1. Л. 164–167.
141.	Давыдов А.Л.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 741–742; Ф. 395. Оп. 6/312. 1 отд. 2 ст. 1817 г. Д. 868; Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 94. Д. 739. Л. 1–30; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 129–130.
142.	Давыдов Д.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 968–971.
143.	Давыдов Е.В. 2-й	РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 37. Д. 4. Л. 9–10; Ф. 395. Оп. 12/354. 1 отд. Д. 12. Л. 1; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 250. Л. 14–15.
144.	Давыдов Н.В.(Ф). 1-й	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 102. Д. 913. Ч. 2. Л. 143–148; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 39. Д. 3. Л. 7–8; Ф. 489. Оп. 1. Д. 2441. Л. 1–2; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 129–130.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
145.	Давыдов П.Л.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 7/319. 1 отд. 1818 г. Д. 11; Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 94. Д. 739. Л. 1–30.
146.	Дамас М.И.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 173/143. 1815 г. 4 отд. Св. 14. Д. 56. Л. 8–9; Ф. 489. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–8, 74–75.
147.	Ледюлин Я.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5, 120–121.
148.	Делагард А.О.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 217. Д. 14.
149.	Делянов (Делякьян) Д.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 779–783; Ф. 395. Оп. 22. Д. 1189. Л. 3–4; ОПИ ГИМ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 862. Л. 122–127.
150.	Денисов В.Т.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3022. Л. 58–59; Д. 7058. Ч. 1. Л. 64–69; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 131–133.
151.	Денисьев Л.А. 1-й	
152.	Денисьев П.В. 2-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 920–921.
153.	Депрерадович Н.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 546–549; Д. 2996. Л. 3–4; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 37. Д. 4. Л. 2–3; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 134–136.
154.	Дехтерев Н.В. 2-й	РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 37. Д. 4. Л. 2–3; Св. 38. Д. 8. Л. 2–3; Ф. 489. Оп. 1. Д. 2307. Л. 2–3; Д. 7058. Ч. 3. Л. 1446–1453.
155.	Дибич-Забалканский И.И.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 28–29; Ф. 489. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–8; Д. 7058. Ч. 1. Л. 41–45; Д. 7060. Л. 33–38; Д. 7062. Л. 623–625; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 137–139.
156.	Дмитриев-Мамонов М.А.	РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 52. Д. 5. Л. 2–3; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 649–650; Ф. 396. Оп. 2. Д. 450; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 269.
157.	Довре Ф.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7055. Л. 58–59; Д. 7062. Л. 618–620.
158.	Долгоруков С.Н. 2-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 291–298; АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Л. 1204. Л. 1–2.
159.	Долон О.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1011–1012.
160.	Дорохов И.С.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2315.
161.	Дохтуров Д.С.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 72–73; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 140–141; Ф. 400. Оп. 1. Д. 1. Л. 51–54.
162.	Древич Ф.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2618.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
163.	Дризен Ф.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–17; Д. 7058. Ч. 2. Л. 512–515; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 269. Л. 42–48.
164.	Дука И.М.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2699. Л. 9–10; Д. 7062. Л. 582–585; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 142–144.
165.	Дурново И.Н.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–6; Д. 7058. Ч. 2. Л. 922–925; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 145.
166.	Дятков С.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 245–249. ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 146–147.
167.	Дячкин Г.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3381. Л. 39–40; Д. 7058. Ч. 2. Л. 584–585.
168.	Емельянов Н.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 823–826.
169.	Ермолов А.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 271–272; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 148–149.
170.	Ершов И.З.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 721–723.
171.	Ефимович А.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 945–946.
172.	Еппин В.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 831–832; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 150–153.
173.	Жандр А.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2994. Л. 348–349.
174.	Жевахов (Джава-хипшвилл) И.С. 1-й	РГВИА. Ф. 395. Оп. 6/312. 1 отд. 1817 г. Д. 95. Л. 7–9; Оп. 149. 3 отд. 1843 г. Д. 538; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 154–155.
175.	Жевахов (Джава-хипшвилл) С.Э. 2-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2310. Л. 2–3; Д. 2312. Л. 2–3.
176.	Жевахов (Джава-хипшвилл) Ф.С.	
177.	Желтухин П.Ф. 2-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1115. Л. 4–5; Д. 7058. Ч. 1. Л. 509–511; Д. 7060. Л. 334–337.
178.	Желтухин С.Ф. 1-й	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 2–3; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 365–366.
179.	Жемчужников А.С.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 652–653; Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 49–50; ОПИ ГИМ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 557. Л. 12.
180.	Жеребцов А.А.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 64/315. 2 отд. 1817 г. Д. 1239; Оп. 6/312. 1 отд. 1 ст. 1817 г. Д. 775; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 473–476.
181.	Жомини А.Г.В.	АВПРИ.Ф. 340. Оп. 802а (А.Г. Жомини). Д. 52. 54; РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 38–39; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 556–557.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
182.	Загряжский П.П.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 41–42; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 582–583, 843–850.
183.	Закревский А.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 843–850; Ф. 29. Оп. 153а. Св. 11. Д. 1434. Л. 1–3; РГИА. Ф. 660. Оп. 1; Ф. 1341. Оп. 13. Д. 1465; ОПИ ГИМ. Ф. 239.
184.	Запольский А.В.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 172/ 142. 4 отд. 1813 г. Св. 62. Д. 100; Ф. 489. Оп. 1. Д. 1155. Л. 1–2, 62–63.
185.	Засс Ал. Павл.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 776–778; Ф. 395. Оп. 30. Д. 826; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 102; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 156–158.
186.	Засс Андр. Андр 1-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 719–720; Ф. 395. Оп. 85. Д. 697.
187.	Засс Анд. Павл.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 60. 2 отд. 1816 г. Д. 6096; Оп. 30. Д. 826; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 776–778; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 102; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 156–158.
188.	Захаржевский Я.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1051–1052; Д. 7060. Л. 616–619.
189.	Збневский Т.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 489. Ч. 1. Л. 362–464.
190.	Зварыкин Ф.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1612. Л. 12–13; Д. 7058. Ч. 2. Л. 905–907.
191.	Иванов И.Д.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 586–589.
192.	Иванов П.А. 2-й	РГВИА. Ф. 395. Оп. 8/324. 1 отд. 1 ст. 1819 г. Д. 10; Оп. 12/354. 1 отд. 1823 г. Д. 1; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 700–703.
193.	Ивашев П.Н.	ГАРФ. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 41; Ф. 1740. Оп. 1. Д. 7; СПб ФИРИ РАН. Ф. 167. Оп. 1. Д. 1, 5.
194.	Ивеліч П.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1622. Л. 5–6; Ф. 395. Оп. 60. 2 отд. 1816 г. Д. 6425; Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 86. Д. 99. Л. 1–10; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 159–160.
195.	Игельстром А.Е.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 6/312. 1 отд. 1 ст. 1817 г. Д. 593; Оп. 27/423. 1 отд. 3 ст. 1836 г. Д. 346. Л. 2–3; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 420–421; Ф. 407. Оп. 1. Д. 259. Л. 12 об. – 13.
196.	Игнатъев Г.А. 1-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7024. Л. 73–74; Д. 7058. Ч. 1. Л. 280–281.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
197.	Игнатьев Д.Л. 2-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 936; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 271. Л. 4–9.
198.	Измайлов Л.Д.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2419. Л. 69–70.
199.	Иловайский А.В. 3-й	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 96; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 241. Л. 75, 129, 134.
200.	Иловайский В.Д. 12-й	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 4–7; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 522–533; Д. 7238а. Л. 1–9; Д. 3018. Л. 610–611; Д. 7238а. Л. 1–9; Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 4–7.
201.	Иловайский Г.Д. 9-й	РГВИА. Ф. 395. Оп. 132. 3 отд. 1826 г. Д. 279. Л. 10–14; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 558– 565; Д. 3022. Ч. 1. Л. 178–179; Ф. 474. Оп. 1. Д. 96. Л. 156–157.
202.	Иловайский И.Д. 4-й	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 33 об.; Ф. 489. Оп. 1. Д. 3022. Л. 178–179; Д. 7058. Ч. 1. Л. 123–130; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 162–165.
203.	Иловайский Н.В. 5-й	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 96. Л. 129; Ф. 489. Оп. 1. Д. 3022. Л. 23–24; Ф. 395. Оп. 124. 3 отд. 1818 г. Д. 274. Л. 16–26.
204.	Иловайский О.В. 10-й	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 96. Л. 129; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 812–820; Д. 3022. Ч. 2. Л. 373–374; Ф. 395. Оп. 124. 3 отд. 1818 г. Д. 274. Л. 16–26; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 271. Л. 14–17; Д. 241. Л. 13–13 об.
205.	Инзов И.Н.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 735–746.
206.	Каблуков В.И. 2-й	РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 37. Д. 4. Л. 3–4; Ф. 489. Оп. 1. Д. 2996. Л. 4–5; Ф. 395. Оп. 83. 2 отд. 1828 г. Д. 70.
207.	Каблуков П.И. 1-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1. Л. 372–373; Д. 7058. Ч. 2. Л. 723–724; Ф. 395. Оп. 62. 1817 г. 2 отд. Д. 408.
208.	Казачковский К.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1907. Л. 360 об.; Д. 7062. Л. 531–536; Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 37–39; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 170–176.
209.	Кайсаров П.С.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 3–4; Ф. 489. Оп. 1. Д. 2. Л. 116–117, 203–204; Д. 7058. Ч. 2. Л. 641–642; Д. 7060. Л. 292–295.
210.	Каменев С.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1416– 1418; Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 64.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
211.	Каменский С.М. 1-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1252. Л. 87–88; Д. 1907. Л. 76–77; Д. 7062. Л. 190–191; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 272.
212.	Канкрин Е.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 758–763.
213.	Капустин И.Ф.	РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Д. 43, 44.
214.	Капцевич П.М.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 26–27; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 288–291.
215.	Каратаев В.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2171. Л. 5–6.
216.	Карбошьер д'Арсит де Гроняк Л.Б.	
217.	Карпенко М.И.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 12–13; Ф. 489. Оп. 1. Д. 1638. Л. 85.
218.	Карпов А. (Е.) А. (Е.)	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 647–652; Д. 3022. Л. 103–104; Д. 3028. Л. 13–14; Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 81–83.
219.	Карпов С.Т.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1309; Ф. 26. Оп. 1/126. Д. 602.
220.	Карцев И.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1408– 1411.
221.	Кафтырев Я.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1574. Л. 3–4; Ф. 103. Оп. 208а. Д. 43.
222.	Каховский П.Д.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 175–176; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 272.
223.	Керн Е.Ф.	РГВИА. Ф. 589. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 565–569; Ф. 395. Оп. 130. Д. 242.
224.	Кишин П. (В.) А.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 117. Д. 13.
225.	Кишенский Н.Ф.	ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 404; Ф. 6. Оп. 1. Д. 1485.
226.	Клейнмихель А.А.	РГВИА. Ф. 589. Д. 7062. Л. 578–579.
227.	Клодт фон Юрген- сбург К.Ф. 2-й	РГВИА. Ф. 14414. Оп. 2. Д. 64. Л. 78–79; Ф. 589. Оп. 1. Д. 7055. Л. 92–93; Д. 7058. Ч. 2. Л. 908 909, 916–919; Д. 7060. Л. 492–493.
228.	Книпер Ф.Е.(А.)	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1907. Л. 203 об.; Д. 7058. Ч. 2. Л. 753–756; Д. 7060. Л. 373–374.
229.	Кнорринг К.Б.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 1468– 1471; Ч. 3. Л. 1468–1471; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 70; Ф. 395. Оп. 4/394. Д. 46; Оп. 6/312. Д. 224, 337.
230.	Кнорринг О.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2190. Л. 41–42; Д. 2191. Л. 4–5.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
231.	Княжнин А.Я. 1-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 493–494; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 166–169; АВШРИ.Ф. 159. Оп. 464. Д. 1714. Л. 1–5.
232.	Княжнин Б.Я. 2-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 838.– 840; Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 70–71.
233.	Козен П.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 674–677; Д. 7060. Л. 524–526; Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 15–16.
234.	Козлянинов И.Т.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2072. Л. 3–4; Д. 2074. Л. 4–5; Д. 7058. Ч. 2. Л. 710–712.
235.	Койленский И.С.	РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 51. Д. 3. Л. 11–12; Св. 115. Д. 5. Л. 293; Св. 126. Д. 9. Л. 405; Ф. 395. Оп. 6. Д. 163.
236.	Кологривов А.С.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 40–41; Ф. 489. Оп. 1. Д. 1872. Л. 22; Ф. 395. Оп. 4/154. Св. 147. Д. 185. Л. 4–5, 7–8.
237.	Колюбакин П.М.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 230. Д. 84.
238.	Коновницын П.П.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 45–46; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 259–264; Ф. 395. Оп. 129. Л. 186. Л. 4.
239.	Константин Павлович	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2994. Л. 342–343; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 177–178.
240.	Корнилов П.Я.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 799; Ф. 73. Д. 1; Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 75–80; ОПИ ГИМ. Ф. 90 (Корниловых).
241.	Корф Ф.К.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 56–59; Д. 7062. Л. 480–485; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 179–181.
242.	Костенецкий В.Г.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 287–301; Д. 7060. Л. 133–142; Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 23–24.
243.	Кошелев П.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 141–144; Ф. 395. Оп. 10/340. 1821 г. 1 отд. Д. 34. Л. 1–2.
244.	Краснов И.К.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3022. Л. 13–16; Д. 3480. Л. 1–2; Ф. 29. Оп. 1/153в. Д. 113; Оп. 5/154. Св. 63. Д. 1002. Л. 76–80; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 241. Л. 21.
245.	Красовский А.И.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 58–59; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 928–931.
246.	Крейц К.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 428–437; Ф. 395. Оп. 10/340. Д. 3; ОПИ ГИМ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 862. Л. 61–99.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
247.	Кретов Н.В..	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 565–568; Ф. 395. Оп. 141. 3 отд. 1835 г. Д. 571. Л. 4 об. – 6 об.; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 182–183.
248.	Криштафович Е.К.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1155. Л. 3–4; Д. 2477. Л. 5–6; Д. 7058. Ч. 2. Л. 827–830.
249.	Крыжанов-ский М.К.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2148. Л. 12–13; Д. 7058. Ч. 2. Л. 656–57.
250.	Кудашев Н.Д.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1 Д. 2994. Л. 351–352.;
251.	Кульнев И.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 75–77.
252.	Кульнев Я.П.	РГВИА. Ф. 489. Д. 7060. Л. 478–481; Д. 7062. Л. 95–98; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 184–186.
253.	Курута Д.Д.	РГВИА. Ф. 474. Д. 97. Л. 53–54; Ф. 489. Д. 7055. Л. 80–81; Д. 7062. Л. 786–788; РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 10961. Л. 2–7 об.
254.	Кутайсов А.И.	
255.	Кутейников Д.Е.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–3; Д. 7058. Ч. 1. Л. 332–335; Ф. 474. Оп. 1. Д. 97. Л. 34–35.
256.	Кутузов А.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2072. Л. 3–4; Д. 2074. Л. 5–6; Д. 7058. Ч. 3. Л. 1474–1475.
257.	Лавров Н.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1622. Л. 2–3, 58–59; Д. 1907. Л. 41–42.
258.	Ладыженский Н.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1. Л. 18–19; Д. 598. Л. 3–4; Д. 7058. Ч. 3. Л. 1037–1038.
259.	Ламберт К.О.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 467–468; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 187–190.
260.	Ланжерон А.Ф.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 94. Л. 3–4; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 209–220.
261.	Ланской П.С.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 121–122.
262.	Ланской С.Н.	
263.	Лаптев В.Д. 1-й	РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 130. Д. 13. Л. 405–410; Ф. 489. Д. 7062. Л. 764–767; Ф. 29. Оп. 154. Д. 239. Л. 25–26.
264.	Ласкин А.А.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 15/370. 1 отд. 1826 г. Д. 14; Оп. 16/377. 1 отд. 1827 г. Д. 24; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 233–235; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 130. Д. 13. Л. 405–410.
265.	Лебедев Н.П.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 105. Д. 1021. Л. 95–96; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7288а. Л. 1–2.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
266.	Левашев В.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 633–634.
267.	Левенштерн К.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Д. 7062. Л. 800–813; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 124 об. – 125.
268.	Левиз оф Мена- нар Ф.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2191. Л. 2–3, 38–39.
269.	Левин Д.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–6; Д. 7058. Ч. 2. Л. 788–789.
270.	Левницкий М.И.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 149. 3 отд. 1843 г. Д. 361; Ф. 489. Оп. 1. Д. 1818. Л. 1–2; Д. 7058. Ч. 1. Л. 160–161; Д. 7060. Л. 461–462.
271.	Леонтьев И.С.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1. Л. 126–127; Д. 7058. Ч. 2. Л. 635–638; Д. 2994. Л. 346–347; Ф. 474. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–2.
272.	Ливен И.А.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 119. Д. 10. Л. 118–119; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 131 об. – 132.
273.	Лидерс Н.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 94–95; Ф. 395. Оп. 306/137. Св. 78. Д. 64; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 131 об. – 132.
274.	Линдфорс Ф.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 257. Л. 2–3.
275.	Лип(б)гарт А.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1393–1396; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 233 об. – 234.
276.	Лисаневич Г.И. 1-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 112–129; Д. 7062. Л. 653–673; Д. 2269. Л. 91–92; Д. 3516. Л. 2–5.
277.	Лихачев П.Г.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 6/312. Д. 135; Оп. 172. Д. 273; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 44.
278.	Лобанов-Ростов- ский Д.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062.
279.	Лопухин П.А.	РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 507.
280.	Ло(а)шкарев П.С.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 23. 1 отд. 2 ст. 1834 г. Д. 252; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1045–1046; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 273.
281.	Луков Ф.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 824. Л. 10–11, 81–82; Д. 1574. Л. 2–3; Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 72. Д. 47; Ф. 395. Оп. 71. Д. 672; Оп. 172. Св. 68. Д. 103.
282.	Луковкин Г.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 693–699; Д. 3022. Ч. 1. Л. 119–120; Д. 3516. Л. 2–5; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 241. Л. 11–11 об.
283.	Львов Д.С.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 4. Д. 376; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 33; Д. 51а.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
284.	Львов М.Л.	
285.	Лятин Д.В.	РГВИА. Ф. 474. Д. 1252. Л. 169, 184.
286.	Ляпунов Д.П.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 14/349. 1 отд. 1822 г. Д. 17; Ф. 489. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2; Д. 7058. Ч. 3. Л. 1466–1467.
287.	Мадатов В. (Р.) Г.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 865–870.
288.	Макаров П.С.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2081. Л. 1–2, 125–126.
289.	Мантейфель И.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2770. Л. 7–8; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 129 об. – 130.
290.	Манфреди О.И.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 153г. Св. 1; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 3; Ф. 35. Оп. 3. Св. 106. Д. 257.
291.	Марков А.И.	РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 51. Д. 19. Л. 2–4; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 978–981.
292.	Марков Е.И. 1-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1907. Л. 28–29; Д. 7062. Л. 363–368.
293.	Мартынов А.Д.	РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Л. 1846. Л. 4–7.
294.	Маслов А.Т.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 544–546.
295.	Мащев М.Н.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 982–983.
296.	Мезенцев В.П. 1-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1. Л. 113–114; Д. 706. Л. 3–4; Д. 7058. Ч. 1. Л. 538–445; Ф. 474. Оп. 1. Д. 94. Л. 2–3.
297.	Мезенцев М.И. 2-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 732–735.
298.	Мекленбург-Шверинский К.А.Х.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1. Л. 218–219; Д. 1198.
299.	Меллсисно А.П.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 1252. Л. 169–170, 183.
300.	Меллер-Закомельский Е.И.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 117. Д. 29. Л. 141–142.
301.	Меллер-Закомельский П.И.	РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 3. Д. 4487.
302.	Мерлин П.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 614–622; Д. 7060. Л. 689–683.
303.	Местр К.К.	РГВИА. Ф. 489. Д. 7060. Л. 598–599; Ф. 395. Оп. 122. 3 отд. 1816 г. Д. 4. Л. 6–7.
304.	Мещеряков В.Д.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 348–351; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 2310. Л. 1–9.
305.	Миллер И.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1671. Л. 2–3, 42–43; Д. 1907. Л. 78–90; Ф. 400. Оп. 17. Д. 3447; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 97 об. – 98.
306.	Милорадович М.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 5–6; Д. 7062. Л. 178–189; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 190–194.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
307.	Мишо А.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 821–822.
308.	Монахтин Ф.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 493; Д. 2059.
309.	Мордвинов В.М. 2-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1387–1388.
310.	Мордвинов Д.М. 1-й	РГВИА. Ф. 395. Оп. 15/370. 1 отд. 1826 г. Д. 65; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 639–640.
311.	Морков И.И.	
312.	Мосолов Ф.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 763–768; Д. 7060. Л. 415–421.
313.	Муравьев Н.Н.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1221–1222; Д. 7060. Л. 383–384.
314.	Муромцев Н.С.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 23. 1 отд. 2 ст. 1834 г. Д. 209.
315.	Мусин-Пушкин И.А.	РГВИА. Ф. 589. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1053–1056; Ф. 395. Оп. 66. 2 отд. 1819 г. Д. 1376.
316.	Мусин-Пушкин И.К. 2-й	РГВИА. Ф. 395. Оп. 66. 2 отд. 1819 г. Д. 911. Л. 5–9; Оп. 226. 5 отд. 1816 г. Д. 2053; Ф. 489. Оп. 1. Д. 2072. Л. 3–4; Д. 2073. Л. 4–5.
317.	Мусин-Пушкин И.К. 1-й	РГВИА. Ф. 395. Оп. 60. 2 отд. 1816 г. Д. 5755; Оп. 23. 1 отд. 1 ст. 1834 г. Д. 323; Ф. 489. Д. 7062. Л. 820–825; Д. 2310. Л. 17–18.
318.	Мухин С.А. 1-й	РГВИА. Ф. 589. Оп. 1. Д. 7055. Л. 69–70; Д. 7058. Ч. 1. Л. 206–207; Д. 7060. Л. 422–424.
319.	Мышецкий Е.Д.	
320.	Мякинин Н.Д.	РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 51. Д. 3. Л. 8–9; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 51–52.
321.	Пабоков И.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2. Л. 176–177; Д. 7058. Ч. 2. Л. 738–739.
322.	Пазимов Ф.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 408. Л. 2–3; Д. 1612. Л. 10–11.
323.	Наний Ф.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2269. Л. 51–52; Ф. 395. Оп. 6/312. 1 отд. 1 ст. 1817 г. Д. 655. Л. 8–10.
324.	Нарышкин Л.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1. Л. 128–129; Д. 7058. Ч. 3. Л. 1495–1501.
325.	Наумов М.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 590–592.
326.	Неверовский Д.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1185. Л. 4–5; Д. 2477. Л. 2–3; Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 58. Д. 450; ОИИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 234. Л. 1–2; Д. 238. Л. 195–196.
327.	Нейгардт П.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7055. Л. 86–87; Д. 7058. Ч. 2. Л. 658–659, 1332–1333.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
328.	Никитин А.П. 1-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 4060. Л. 6-7; Д. 7058. Ч. 2. Л. 623-624.
329.	Новак И.И.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 167. Д. 2.
330.	Оболенский В.П.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 11/349. 1 отд. 1 ст. 1822 г. Д. 3; Оп. 18/378. 1 отд. 1 ст. 1829 г. Д. 8; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 888-893; Д. 7060. Л. 385-390.
331.	Обресков Н.В.	
332.	Одоевский И.С.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2770. Л. 3-4.
333.	Ожаровский А.П.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 39. 1 отд. 4 ст. 1847 г. Д. 743. Л. 7-14; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 574-575; Д. 2994. Л. 2-3.
334.	Окулов М.М.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 1252. Л. 170,182; Ф. 394. Оп. 1. Д. 1209. Л. 37.
335.	Оленин Е.И.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 6/312. 1 отд. 1 ст. 1817 г. Д. 63. Л. 7-14; Оп. 226. 5 отд. 1816 г. Д. 1787.
336.	Олсуфьев З.Д.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 371-376.
337.	Олсуфьев Н.Д.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1 Д. 99. Л. 17-18; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1472-1473; Д. 2994. Л. 345-346.
338.	Ольдекоп К.Ф.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 31 32; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 457-460.
339.	Опперман К.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 435 440; Д. 7024. Л. 44-45; Ф. 827. Оп. 8. Д. 216. Л. 141-150.
340.	Орлов М.Ф. 1-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1025-1026.
341.	Орлов-Денисов В.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 580-607; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 27-28.
342.	Орурк И.К.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 329 336; Д. 7062. Л. 542-545; Д. 2310. Л. 21-22.
343.	Остен-Сакен Ф.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 220-232; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 53-56; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 13 об. - 14.
344.	Остерман-Толстой А.И.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 53 56.
345.	Падейский Ф.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 360 361; Д. 7060. Л. 391-392; Д. 379. Л. 2-3.
346.	Пален М.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2997. Л. 2-3.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
347.	Пален Пав.П	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 47–48; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 696–701; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 85 об. – 86.
348.	Пален Петр П.	РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 39278; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 14–15; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 449–458; ОПИ ГИМ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 862. Л. 53–60; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 101 об. – 102; АВПРИ.Ф. 159. Оп. 464. Д. 2534.
349.	Палицын И.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1836. Л. 3–4; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 197–198.
350.	Панцербигер К.К.	РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 365; Ф. 489. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–2; Д. 7058. Ч. 3. Л. 1057–1060.
351.	Панчулидзе И.Д. 1-й	ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 199–201.
352.	Панчулидзе С.Д. 2-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2310. Л. 19–20; Д. 2419. Л. 12–13; Ф. 29. Оп. 153г. Св. 98. Д. 850. Л. 6–8; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 12–15.
353.	Паскевич И.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 65–77; Д. 7062. Л. 640–643; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 38–39.
354.	Пассек П.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1176; Ф. 395. Оп. 226. 5 отд. 1817 г. Д. 2736.
355.	Паттон А.Я.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 113. Д. 3. Л. 5–6, 29–30.
356.	Паулуччи делле Ронколе Ф.О.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 39–40; Д. 7062. Л. 408–412.
357.	Пейкер А.Э.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–4, 68–69; Д. 2081. Л. 6 об. – 7; Д. 7058. Ч. 2. Л. 751–752.
358.	Петровский М.А.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 13/902. Д. 167. Л. 4–7.
359.	Пиллар Е.М.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 57–58.
360.	Пирогов И.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1066–1068.
361.	Писарев А.А.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 86. Д. 130. Л. 57–58; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 10–11; Ф. 489. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–5; Д. 7048. Ч. 2. Л. 654–655.
362.	Платов М.И.	
363.	Платов М.М.	
364.	Платцов П.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1758. Л. 1–2, Д. 1760. Л. 1–2, Д. 1761. Л. 1–2, 63–67.
365.	Поletaев И.И.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Т. 1. Св. 58. Д. 449. Л. 2–7.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
366.	Полторацкий К.М.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–6; Д. 7058. Ч. 2. Л. 662–663; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 30–31.
367.	Полуектов Б.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–22; Д. 7058. Ч. 2. Л. 708–709; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 23–24.
368.	Поль (Поль) И.Л.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 554–557; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 207 об. – 208; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 202–203.
369.	Понсет М.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7055. Л. 84–85; Д. 7058. Ч. 2. Л. 841–842; Ф. 14414. Оп. 2. Д. 64. Л. 74–75.
370.	Посников Ф.Н.	РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 40. Д. 9; Ф. 395. Оп. 80. 2 отд. 1825 г. Д. 13; Ф. 489. Оп. 1. Д. 2. Л. 69–70.
371.	Потапов А.Н.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 728–731; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 45–46.
372.	Потемкин Я.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 467–472; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 19–20.
373.	Потоцкий С.С.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 835–837; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 36–37; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 204–205.
374.	Потулов П.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2171, 2585, 2586; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 401.
375.	Поццо дн Бор-го К.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 787–788; АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 2748. Л. 1–8.
376.	Протасов А.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2994.
377.	Пышницкий Д.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 715–720; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 1–2.
378.	Радт С.Л.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 389–392.
379.	Раевский Н.Н.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 237–241; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 206–207.
380.	Рахманов В.С.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 49–50; Д. 101. Л. 65–66; Ф. 489. Оп. 1. Д. 1373. Л. 5–6.
381.	Резвой Д.П.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 105. Д. 1017. Л. 25–26; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 212–213.
382.	Рейхель А.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 46; Ф. 395. Оп. 62. 2 отд. 1817 г. Д. 90. Л. 17.
383.	Ренни Р.Е.	РГВИА. Ф. 14414. Оп. 2. Д. 64. Л. 80–81; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7046. Л. 36–37, 231–232; Д. 7048. Л. 25–26, 282–283; Д. 7055. Л. 78–79; Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 10–11.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
384.	Решнин Н.Г	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 689–692; АВПРИ.Ф. 159. Оп. 464. Д. 2854.
385.	Решнинский С.Я. 1-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 96–97.
386.	Решнинский С.Я. 2-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 96–98, 250–253.
387.	Ререн И.Б	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Л. 1069. Л. 2–3, 110–111; Д. 1071; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 208–209.
388.	Ридингер Ф.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058.
389.	Ридингер А.К	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 547– 553, 910–911.
390.	Рихтер Б.Х.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 736–737; Д. 1637. Л. 3–4.
391.	Роднонов М.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3602. Л. 50–51; Д. 7058. Ч. 2. Л. 674–678; Д. 3022. Ч. 1. Л. 160– 161.
392.	Розен А.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 479–482; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 22 об. – 228.
393.	Розен Г.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–9; Д. 7062. Л. 550–555.
394.	Розен И.К.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1521. Л. 2–3; Д. 7062. Л. 281–287.
395.	Розен Ф.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 912–915; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99.
396.	Росси (Россий) И.П.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 89. Д. 299. Л. 130–131; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 210–211.
397.	Ростопчин Ф.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 59–60, 135–136.
398.	Рот Л.О.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 731–734.
399.	Рудзевич А.Я.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 609–617; Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 17–18.
400.	Рыков В.Д.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2433. Л. 3–4; Д. 7058. Ч. 2. Л. 947–954; Д. 7060. Л. 288–291, 846–849.
401.	Рылеев А.Н.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 18/383. 1 отд. 1 ст. 1829 г. Д. 23; Оп. 147. 3 отд. 1841 г. Д. 466; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 933–834; Д. 2312. Л. 3–4.
402.	Рылеев М.Н.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2312. Л. 3–4; Д. 7058. Ч. 1. Л. 422–424; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 214–215.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
403.	Сабанеев И.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 347–348; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 216–218.
404.	Сабдуков Н.А.	
405.	Савонин Е.Я.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 449. Л. 2–3; Д. 7058. Ч. 1. Л. 425–426; Ч. 2. Л. 516–517.
406.	Сазонов И.Т.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 469–472; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 219–220.
407.	Сазонов Ф.В.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 226. Д. 1703.
408.	Саксен-Веймарский К.А.	
409.	Саксен-Кобургский Л.Г.	
410.	Саксен-Кобургский Э.	
411.	Сандерс Ф.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1907. Л. 205; Д. 7058. Ч. 1. Л. 352–357; Д. 7060. Л. 393–398; Ф. 395. Оп. 23/410. Д. 289, 364.
412.	Сантн А.Ф.	
413.	Свечин И.М.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 24–25; Ф. 489. Оп. 1. Д. 1. Л. 133–134; Д. 7058. Ч. 2. Л. 715–718.
414.	Селявин Н.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7055. Л. 88–89; Д. 7058. Ч. 2. Л. 936; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 221–222.
415.	Сен-При Э.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2. Л. 67–68; Д. 1669. Л. 2–3.
416.	Сеславин А.Н.	ОПИ ГИМ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 862. Л. 100–121.
417.	Сибирский А.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 328–330; Ф. 395. Оп. 60. 2 отд. 1816 г. Д. 6312. Л. 4.
418.	Сиверс Е.К.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 534–538; Ф. 827. Оп. 8. Д. 216. Л. 3–8; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 223–224.
419.	Сиверс И.Х.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 23–24; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 19–28.
420.	Сиверс К.К.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 520–523; Ф. 395. Оп. 18/383. 1 отд. 1829 г. Д. 9. Л. 8–9; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 126 об. 127.
421.	Синягин Н.М.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 22–23; Ф. 489. Оп. 1. Д. 2. Л. 78–79; Д. 7058. Ч. 2. Л. 862–864.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
422.	Скалон А.А.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 172/142. 4 отд. Св. 60. 1812 г. Д. 197. Л. 6–7; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 128 об. – 129; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 225.
423.	Соковнин Б.С.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1464–1465; Д. 2994. Л. 346–347; Ф. 395. Оп. 27/423. 1836 г. 1 отд. 3 стол. Д. 440. Л. 14–15; Оп. 87. 2 отд. 1832 г. Д. 417.
424.	Соколовский О.К.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 761–762.
425.	Ставиц(с)кий М.Ф.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 27–29; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 483–492.
426.	Ставраков С.Х.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 595–598; Д. 7060. Л. 483–486.
427.	Сталь (Шталь) Е.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2312. Л. 4–5; Д. 7058. Л. 894–897; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 126–128; АВПРИ.Ф. 159. Оп. 464. Д. 3121.
428.	Сталь (Стааль) К.Г.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2147. Л. 3–4; Д. 7058. Ч. 2. Л. 894–897; Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 20–21; Ф. 395. Оп. 8/324. Л. 124.
429.	Строганов П.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1115. Л. 1–2; Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 9–10; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 229–232.
430.	Сулима Н.С.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 960–962; Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 5–6; Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 144. Д. 148. Л. 7–9; ОПИ ГИМ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 557. Л. 9.
431.	Сутгоф (Сутгов) Н.И.	РГВИА. Ф. 589. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 972–975.
432.	Сухарев А.Д.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1502–1505; Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 105. Д. 1021. Л. 95–96, 104–105.
433.	Сухожанет 1-й И.О.(А.)	РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 51. Д. 3. Л. 8–9; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 683–689; Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 7–8; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 233–235.
434.	Сухтелен П.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 976–977; Д. 7024. Л. 15–16.
435.	Сухтелен П.К.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 113–115; Д. 7024. Л. 15–16.
436.	Сысоев 3-й В.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3428; Д. 7024. Л. 15–16; Д. 7058. Ч. 2. Л. 602–608; Д. 3018. Л. 138–139; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 241. Л. 10.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
437.	Талызин А.И.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 64/315. 2 отд. 1817 г. Д. 1170.
438.	Талызин С.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1902. Л. 13–14.
439.	Талызин Ф.И.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 16/374. 1 отд. 1827 г. Д. 2; Оп. 140/ 413. 3 отд. 1834 г. Д. 9596; Оп. 11/349. 1 отд. 1822 г. Д. 19. Л. 4–6; Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 1–2; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 311–320.
440.	Тейт ван Сера-скеркен Ф.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7046. Л. 42–44, 234–235; Д. 7048. Л. 29–30, 286–287; Д. 7055. Л. 82–83; Д. 7058. Ч. 2. Л. 676–677; АВПРИ.Ф. 159. Оп. 464. Д. 3015.
441.	Теслев 2-й А.П.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 34–35; Ф. 589. Оп. 1. Д. 7046. Л. 42–44, 234–235; Д. 7048. Л. 29–30, 286–287; Д. 7055. Л. 94–95; Д. 7058. Ч. 2. Л. 705–707; Д. 7060. Л. 399–402.
442.	Тетенборн Ф.К.	
443.	Тильман И.А.	РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 5. Д. 51.
444.	Титов Н.Ф.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 1252. Л. 173 об., 182.
445.	Толстой П.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1. Л. 117–118; Д. 7062. Л. 255–258; АВПРИ.Ф. 159. Оп. 464. Д. 3250.
446.	Толь К.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 644–646; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 236–238.
447.	Тормасов А.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 115–118; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 239–241.
448.	Трескин М.Л.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–3; Ф. 395. Оп. 227. 5 отд. 1818 г. Д. 832.
449.	Трощинский И.Е.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 803–807; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 242–243.
450.	Трубецкой В.С.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 581.
451.	Трузсон (Труссон) Х.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1313; Д. 7024. Л. 34–35.
452.	Турчанинов А.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 743–744; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 246.
453.	Турчанинов П.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 381–388; Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 36–37.
454.	Тучков А.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7024. Л. 55–56; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 248–249.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
455.	Тучков Н.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1574. Л. 1–2; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 244–245.
456.	Тучков П.А.	РГВИА. Ф. 589. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 189, 272.
457.	Тучков С.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 90–93.
458.	Тыртов Я.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1607. Л. 2–3.
459.	Уваров Ф.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 233–235; Д. 2996. Л. 2–3; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 37. Д. 4. Л. 1–2; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 250–252.
460.	Удом Е.Е.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 81. 2 отд. 1826 г. Д. 1206. Л. 3–6; Ф. 489. Оп. 1. Д. 1825. Л. 2–3; Д. 7058. Ч. 1. Л. 394–395.
461.	Удом И.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2076; 2077; Д. 7058. Ч. 1. Л. 506–508; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 253–254.
462.	Уланов Г.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 153–154.
463.	Уманец А.С.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 413–415.
464.	Урусов А.П.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 71. Д. 10. Л. 111–119.
465.	Урусов Н.Ю.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 145–148; Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 41–42.
466.	Ушаков И.М.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1404–1407; Ф. 395. Оп. 27. Д. 758.
467.	Ушаков П.Н.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2072. Л. 4–5; Д. 7058. Ч. 2. Л. 801–802.
468.	Ушаков С.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2428.
469.	Феньш А.С.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 1–2; Д. 7062. Л. 142–145.
470.	Ферстер Е.Х.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7024. Л. 49–50; Д. 7058. Ч. 1. Л. 336–341.
471.	Филлипстальский Э.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 704.
472.	Филисов П.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 324–327; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 255–256; Д. 279. Л. 7.
473.	Фок А.Б. 2-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 490–495; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 74 об. – 75; Ф. 395. Оп. 14/366. 1 отд. 1825 г. Д. 16. Л. 12–14; Оп. 8/324. 1 отд. 1 ст. 1819 г. Св. 89. Д. 122. Л. 8–13.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
474.	Фок Б.Б. 1-й	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 4060. Л. 2–3; Д. 7062. Л. 832–833; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 76 об. – 77; Ф. 395. Оп. 25. 1 отд. 3 ст. 1835 г. Д. 370; Оп. 172. 4 отд. Св. 63. 1813 г. Д. 189; Оп. 2/416. Д. 3704.
475.	Фуль К.Л.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 393–394; АВПРИ.Ф. 159. Оп. 464. Д. 3475.
476.	Ханыков В.В.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 43–44; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 277–280; АВПРИ.Ф. 159. Оп. 464. Д. 3493.
477.	Хилков С.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 997.–1001.
478.	Хованский Н.Н.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 749–750; Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 44–45.
479.	Хомяков А.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2433. Л. 3–4; Д. 7058. Ч. 2. Л. 990–994.
480.	Храповицкий М.Е.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2072. Л. 2–3; Д. 7058. Ч. 1. Л. 504–505; Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 45–46; Ф. 409. Оп. 2. Д. 41993.
481.	Хруцов И.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 229–232; Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 46–47; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 257–259.
482.	Цвиллинев А.И.	
483.	Цыбульский И.Д.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 78–79.
484.	Чаликов (Шалн-кошвили) А.С.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 266–269; Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 48; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 274–276.
485.	Чаплиц Е.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 496–510; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 260–270.
486.	Чарныш (Черныш) И.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 185–188; Ф. 395. Оп. 20/391. 1 отд. 3 ст. 1831 г. Д. 168. Л. 1–2.
487.	Чернозубов И.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 579–581 об.; Д. 3022. Ч. 1. Л. 85–86; Д. 3658; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 277.
488.	Чернышев А.И.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 50–52; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 675–686.
489.	Чичагов П.В.	
490.	Чичерин В.Н.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2585, 2586.
491.	Чичерин Н.А.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 139/407. 3 отд. 1833 г. Д. 307.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
492.	Чигчерин П.А.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 53–54; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 599–601.
493.	Чоголоков П.Н.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 709. Л. 1–2; Д. 7062. Л. 634–639.
494.	Шаховской И.Л.	РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 57–58; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 621–622; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 281. Л. 1–22.
495.	Шевич И.Г.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 7/319. Д. 70; Оп. 8/324. Д. 94; Оп. 172. Д. 261.
496.	Шеле Г.Х. (К.)	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 284–285.
497.	Шемшуков Я.М.	
498.	Шеншин В.Н.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 59. Л. 2–3; Д. 61. Л. 2–3; Д. 7058. Ч. 2. Л. 799–800; Ф. 395. Оп. 82. 2 отд. 1827 г. Д. 51.
499.	Шепелев В.Ф.	РГВИА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 330. Л. 576–578; Ф. 489. Оп. 1. Д. 2544. Л. 8–9, 44–45.
500.	Шепелев Д.Д.	
501.	Шнишкин Н.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2310. Л. 20–21
502.	Шнишков А.С.	
503.	Шапский М.А.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 132. Д. 24.
504.	Шостаков Г.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 794–798; Ф. 395. Оп. 276. Д. 321; Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 59–60; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 279–281.
505.	Шперберг И.Я.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1031–1037; Д. 2310. Л. 33–34; Д. 2994. Л. 350–351.
506.	Шрейдер П.П.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 461–466; Ф. 474. Оп. 1. Д. 101. Л. 62–64; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 261.
507.	Шрейтерфельд К.И.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7024. Л. 45–46; Д. 7058. Ч. 1. Л. 394–395; Ф. 827. Оп. 8. Д. 73. Л. 281–282; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 164 об. – 165.
508.	Штаден Е.Е.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 593–594.
509.	Штейнгель Ф.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7055. Л. 56–57; Д. 7060. Л. 11–14; Д. 7062. Л. 360–362.
510.	Шувалов П.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 377–381.
511.	Шульгин А.С.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 995–996; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 282–283.
512.	Шуханов Д.В.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2307. Л. 4–5.
513.	Щербатов А.Ф.	

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
514.	Щербатов 1-й А.Г.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 514–516; Ф. 395. Оп. 25/416. Д. 764.
515.	Щербатов 2-й Н.Г.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 808–811; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 284–285.
516.	Эйлер А.Х.	РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 51. Д. 3. Л. 6–7; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 609–610; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 281. Л. 61–64.
517.	Эммануэль Г.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 721–730.
518.	Эмме И.Ф.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 27/423. 1 отд. 3 ст. 1836 г. Д. 439; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 517–519; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 54 об. – 55.
519.	Энгельгардт Г.Г.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 6/312. 1 отд. 1 ст. 1817 г. Д. 182; Оп. 226. 5 отд. 1817 г. Д. 2664; Ф. 489. Оп. 1. Д. 1593. Л. 11–12; Д. 865. Л. 2–3; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 105 об. – 106.
520.	Энгельман П.И.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 89. Д. 295. Л. 100–101; Св. 117. Д. 25. Л. 96–105; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7055. Л. 96–99.
521.	Эртель Ф.Ф.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 413–424.
522.	Эссен И.Н.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1618. Л. 1–2; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 13 об. – 14.
523.	Эссен П.К.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 64. 2 отд. 1817 г. Д. 580; Ф. 489. Оп. 1. Д. 1069. Л. 104–109; Д. 1071. Л. 2–5; Д. 7062. Л. 300–305; Ф. 407. Оп. 1. Д. 126. Л. 34 об. – 35.
524.	Юзефович Д.М.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1071. Л. 2–5; Д. 7058. Ч. 2. Л. 627–632.
525.	Юрковский А.А.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 131. 3 отд. 1825 г. Д. 270. Л. 25–26; Ф. 489. Оп. 1. Д. 1907. Л. 237; Д. 7058. Ч. 1. Л. 408–409; Д. 7060. Л. 296–297.
526.	Юрлов И.И.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 126. Д. 154. Оп. 62. Д. 60; Ф. 489. Оп. 1. Д. 2520, 2522, 2356.
527.	Юшков А.И.	РГВИА. Ф. 395. Оп. 27/423. 1 отд. 3 ст. 1836 г. Д. 273. Л. 8–13; Оп. 30. 1 отд. 3 ст. 1839 г. Д. 436. Л. 6–13; Ф. 489. Оп. 1. Д. 1. Л. 24–25; Д. 7058. Ч. 2. Л. 713–714.
528.	Ягодин А.А.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3020. Ч. 1; Ф. 29. Оп. 153г. Св. 24. Д. 32. Л. 21.
529.	Яфимович И.Л.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 3. Л. 1069– 1070.

№ п.п.	Ф.И.О.	Архивные источники
530.	Яшвилъ (Яшвилли) В.М.	
531.	Яшвилъ (Яшвилли) Л.М.	РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 463–466.

Список сокращений

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

ГАПО – Государственный архив Пензенской области

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

СПб ФИРИ РАН – Исторический архив С.-Петербургского филиала Института российской истории Российской академии наук

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи).
Ф. 159.

Автобиографическая записка государственного секретаря
Василия Романовича Марченко // Воспоминания современников
эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина». М., 2011.

Автобиографические заметки графа Аракчеева // Русский архив.
1866.

Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на
Гюлистан: Из истории российской политики на Кавказе во второй
половине XVIII – первой четверти XIX в. М., 2014.

Аглаилов С.П. Отечественная война 1812 года: Исторические ма-
териалы лейб-гвардии Семеновского полка. Полтава, 1912.

Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1966.

Александров Г. Черты из жизни генерал-лейтенанта Сергея
Алексеевича Тучкова // Русский архив. 1874. № 5.

Анекдоты, черты из жизни графа Милорадовича. Киев, 1881.

Анисимов Е. Генерал Багратион: Жизнь и война. М., 2009.

А.П. Ермолов в ополчении // Русская старина. 1893. № 12

А.П. Ермолов к Ник. Гер. Устрялову // Русская старина. 1872.
№ 9.

Архив графов Канкриных – Ламберт – Сухтелен. Тамбов, 1910.

Архив князя Воронцова. Т. 8. М., 1876; Т. 23. М., 1882; Т. 35. М.,
1889; Т. 36. М., 1890; Т. 37. М., 1891; Т. 39. М., 1893.

Архив князя М.И. Кутузова-Голенищева-Смоленского // Русская
старина. 1872. № 3.

Архив Раевских. Т. 1. СПб., 1908.

Аурова Н.Н. Ангальт и Ф.-М. Клиггер: Проблемы воспитания в
Первом кадетском корпусе в конце XVIII – первой четверти
XIX в. // Первый кадетский корпус во дворце Меншикова: К 275-ле-
тию основания. СПб., 2007.

Баиов А.К. Военное дело в эпоху императора Павла I // История
русской армии и флота. Т. III. М., 1911.

Баиов А.К. История русского военного искусства. Т. 2. М., 2008.

Балаязин В.Н. Фельдмаршал М.Б. Барклай-де-Толли. М., 1990.

Бантыш-Каменский Д.М. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 3–4. М., 1990.

Барклай де Толли М.Б. Изображение военных действий 1812 года. М., 2013.

Безотосный В.М. Боевые генералы 1812–1815 гг. – воспитанники отечественных учебных заведений // Бомбардир. 1995. № 1.

Безотосный В.М. Ведомость кому каки деревни и в каком числе душ Всемилоштивейшии пожалованы августа 18 1795 года // Родина. 1994. № 12.

Безотосный В.М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году: Малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. М., 1999.

Безотосный В.М. Материалы П.А. Чуйкевича // События Отечественной войны 1812 года на территории Калужской губернии. Малоярославец, 1995.

Безотосный В.М.М.И. Платов в отечественной истории. Проблемы изучения биографии // Краеведческие записки. Сб. научных трудов. Музей истории донского казачества. Вып. 6. Новочеркасск, 2004.

Безотосный В.М. Наполеоновские войны. М., 2010.

Безотосный В.М. Национальный состав российского генералитета 1812 года // Вопросы истории. 1999. № 7.

Безотосный В.М. Неизвестная биография А.П. Ермолова // Российский архив. 1996. Вып. VII.

Безотосный В.М. О пожаловании чина генерал-фельдмаршала // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. XIII. М., 2015.

Безотосный В.М. Приказы по 1-й Западной армии // Российский архив. 1996. Вып. VII.

Безотосный В.М. Российский титулованный генералитет в 1812–1815 годах // От Москвы до Парижа (1812–1814 гг.). Малоярославец, 1998.

Безотосный В.М. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014.

Безотосный В.М. Россия и Европа в эпоху 1812 года: Стратегия или геополитика. М., 2012.

Бенкендорф А.Х. Воспоминания. М., 2012.

Беннигсен Л.Л. Письма о войне 1812 г. Киев, 1912.

Биографии штаб и обер-офицеров гренадерского графа Аракчеева полка, положивших жизнь свою, защищая Государя и Отечество в сражениях 1812, 1813 и 1814 годов. СПб., 1816.

Богданов Л.П. Русская армия в 1812 году: Организация, управление, вооружение. М., 1979.

Богданович М.И. История войны 1813 года за независимость Германии, но достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1863.

Богданович М. История Отечественной войны 1812 года но достоверным источникам. Т. 1, 3. СПб., 1859.

Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. Т.1. СПб., 1869.

Богоявленский С.К. Император Александр I и великая княжна Екатерина Павловна // Три века: Россия от Смуты до нашего времени. Т.V. М., 1994.

Божерянов И.И. Великая княгиня Екатерина Павловна четвертая дочь императора Павла I, герцогиня Ольденбургская, королева Виртембергская. СПб., 1888.

Бондаренко А. Милорадович. М., 2008.

Бородино: Документальная хроника. М., 2004.

Бородино: Русское поле. Русские нолки. Русские офицеры. М., 2010.

Братья Булгаковы. Перениска. Т. 1–2. М., 2010.

Бродский Г.Е. «Служил примером отличной храбрости...» (нолузабытый генерал-майор М.С. Вистицкий: его труды и дни) // Бородино и освободительные ноходы русской армии 1813–1814 годов. Бородино, 2015.

Булацель И. Забытый герой Отечественной войны, генерал-майор князь Иван Стенанович Гурьялов // Вестник общества ревнителей истории. Вын.1. СПб., 1914.

Булгаков А.Я. Восноминания о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федора Васильевича Ростончина // Старина и новизна. 1904. Кн. 7.

Булгаков А.Я. Современные заниски и восноминания мои // Московский журнал. 2010. № 4, 6.

Булгарин Ф. Восноминания. М., 2001.

Бумаги князя Иллариона Васильевича Васильчикова // Русский архив. 1875. № 5, 8.

Бумаги князя С.Ф. Голицына // Русский архив. 1876. № 5.

Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные И.И. Щукиным. Ч. I. М., 1897; Ч. V. М., 1900; Ч. VI. М., 1901; Ч. VII. М., 1903; Ч. VIII. М., 1904; Ч. IX. М., 1905.

Бутовский И. Фельдмаршал князь Кутузов при конце и в начале своего боевого нонрища. Первая война императора Александра I с Нанолеоном. СПб., 1858.

Быт и нравы русской армии носле 1812 года (По нисьям генерала Фези из Польши и Кавказа). СПб., 1912.

Вальке Л.Э. Ретроспектива российско-шведских военных взаимоотношений с 1771 по 1809 г. // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XVII. М., 2015.

Валькович А.М. Полевое управление русской армии в 1812 года // Вопросы истории. 1982. № 11.

Вандаль А. Наполеон и Александр I: Франко-русский союз во времена Первой империи. Т. II. СПб., 1911.

Васильев И.Н. Несколько громких ударов по хвосту тигра. М., 2001.

Васильев И.Н. Несостоявшийся реванш: Россия и Франция 1806–1807 гг. Т. 1–3. М., 2010.

Великий князь Константин Павлович в сомнениях и отрицаниях современных ему порядков (Из переписки его с Н.М. Синягиным) // Русская старина. 1900. № 4.

Вересаев В. Спутники Пушкина. Т. 1. М., 1993.

Вестник Европы. 1813. № 15.

Вильсон Р.Т. Дневник и письма 1812–1813. СПб., 1995.

Вильсон Р.Т. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. М., 2008.

Виноградов В.Н. «Странная» русско-турецкая война (1806–1812) и Бухарестский мир // Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997.

Власенко А.Г. «Штабные все дела...» Барклай де Толли и пост начальника Генерального штаба 1-й Западной армии в начале Отечественной войны 1812 года // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2012.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. II. М., 1961; Т. IV. М., 1965; Т. VII. М., 1970.

Вовси Э., Кузьмин А. Французские генералы – участники похода на Россию 1812 года. М., 2012.

Вовси Э. Наполеоновская военная элита и новое имперское дворянство, 1808–1814 годы // Новая и новейшая история. 2016. № 4.

Война 1813 года. Материалы ВУА.Т. 1–3. Пг., 1914–1917.

Волкова Н. «Принц – человек долга и чести...» // Тверская старина. 2014–2015. № 35.

Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.

Волконский С.Г. Заниски. Иркутск, 1991.

Воронов П. Кто управлял русскими войсками в июне 1812 г., после перенравы армии Наполеона через Неман // Русская старина. 1912. № 7.

Воспоминания А.Г. Хомутовой о Москве в 1812 году // Русский архив. 1891. № 11.

Воспоминания А.Х. Бенкендорфа. Зимняя кампания 1806–1807 // Император. 2007. № 11.

Воспоминания В.Н. Воейковой // Старина и новизна. 1904. Кн. 7.

Воспоминания графа К.В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 8.

Воспоминания Дениса Вас. Давыдова о цесаревиче Константине Павловиче // Голос минувшего. 1917. № 5–6.

Воспоминания и письма М.И. Муравьева-Аностола // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982.

Воспоминания князя А.А. Шаховского // Русский архив. 1886. № 11.

Воспоминания Каролины Карловны Эшлиман // Русский архив. 1913. № 3.

Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцева // Русский архив. 1890. № 1–3.

Воспоминания Николая Игнатьевича Шенига // Русский архив. 1880. № 2.

Воспоминания Н.Н. Муравьева // Русский архив. 1886. № 1.

Вяземский П.А. Воспоминания о 1812 году // Русский архив. 1869. № 1.

Вяземский П.А. По новоду записок графа Зенфта // Русский архив. 1876. № 4.

Вяземский П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988.

Гайдуллин М. Галерея остзейских героев эпохи наполеоновских войн. Таллин, 2013.

Галушко Т.К. Пушкин и братья Раевские // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XIII. Л., 1989.

ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф. 5.

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 109, 1714, 1740.

Гейсман П.А. Исторический очерк возникновения и развития в России генерального штаба до конца царствования императора Александра I включительно // Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1. СПб., 1902.

Генерал Багратион. Сб. документов и материалов. М., 1945.

Геништа В.И., Борисевич А.Т. История 30-го драгунского Ингерманландского полка. Ч. 1. СПб., 1904.

Геннади Т.П. Четверостишие Жуковского Ермолову // Русская старина. 1874. Т. X.

Герца А. Суворов-солдат. СПб., 1900.

Глинка С.Н. Записки о Москве и заграничных происшествиях от исхода 1812 года и до половины 1813. СПб., 1837.

Глинка С.Н. Заниски. М., 2004.

Глинка С.Н. Заниски о 1812 г. СПб., 1836.

Глинка С.Н. Прибавление к русской истории. Заниски и замечания о происшествиях 1812, 1813, 1814, 1815 годов. Ч. 1. М., 1818.

Глиноецкий Н. Исторический очерк развития чинов и системы чиновнопроизводства. // Военный сборник. 1887. № 4.

Глиноецкий Н. Краткий биографический очерк генерал от артиллерии Ермолова // Военный сборник. 1861. № 5.

Голицына Н.П. Моя судьба – это я. М., 2010.

Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля. СПб., 1851.

Гордин Я. Ермолов. М., 2012.

Государственная канцелярия (1802–1902). СПб., 1902.

Государственный архив Тверской области. Ф. 312.

Грановский Т.Н. Исторические характеристики. М., 2013.

Граф Аракчеев накануне войны 1812 г. // Русская старина. 1874. Т. X.

Греч Н.И. Заниски о моей жизни. М., 1990.

Губер П.К. Дон-Жуанский снисок Пушкина. П., 1923.

Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Фельдмаршал Кутузов. М., 1995.

Давыдов В.Д. Денис Васильевич Давыдов, партизан и поэт // Русская старина. 1872. № 3.

Давыдов Д. Военные записки. М., 1940.

Давыдов Д.В. Материалы для истории современных войн. Т. 1. СПб., 1895.

Давыдов М.А. «Оппозиция Его Величества»: Дворянство и реформы в начале XIX века. М., 1994.

Давыдов М.А. Современники глазами А.П. Ермолова // Число и мысль. Вып. 9. М., 1986.

Дашкова Е.Р. Заниски. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987.

Двенадцатый год: Воспоминания князя А.А. Шаховского // Русский архив. 1886. № 11.

Двенадцатый год. Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего 3-ю Западную Армию генерала от кавалерии А.П. Тормасова. СПб., 1912.

Де Местр Ж. Петербургские нисыма: 1803–1817. СПб., 1995.

Дегоев В., Стамова И. Приз победителя: Международное соперничество на Кавказе в первой трети XIX века. М., 2013.

Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.

Де-Романо А.Л. Черкасск и Войско Донское в 1812 г. Новочеркасск, 1898.

Дибич И.И. Мысли о солдате в различных по званию его отношениях, рассматриваемых в воинском и нравственном виде... Ч. 1. СПб., 1802.

Дирин П. История лейб-гвардии Семеновского полка. Т. 1–2. СПб., 1883.

Дневник генерал-адъютанта графа Петра Петровича Коновницына (с 10 июня 1813 по 29 сентября 1815 г.) // *Коновницын А.И.* Подвиги славных предков в родину Отечественной войны. СПб., 1912.

Дневник полкового священника 41-го егерского полка Евфимия Левитского. М., 2015.

Дневник статс-секретаря Григория Ивановича Вилламова // Русская старина. 1912. № 4, 7, 9, 11.

Дней прошлых гордые следы. Перениска Марии Аноллоновны Волковой. 1812–1813 годы. М., 2012.

Документы штаба М.И. Кутузова: 1805–1806. Вильнюс, 1951.

Долгоруков П.В. Петербургские очерки: Pamфлеты эмигранта 1860–1867. М., 1992.

Донесения и нисьма А.П. Ермолова // Русская старина. 1872. № 11.

Донские казаки в 1812 году. Ростов-на-Дону, 1954.

Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Ростов-на-Дону, 2012.

Дружинин П.А. Неизвестные нисьма русских писателей князю А.Б. Куракину. М., 2002.

Дубровин Н. Граф Н.М. Каменский 2-й. Турецкая война 1806–1812 гг. // Военный сборник. 1865. № 5, 7.

Дубровин Н. Князь П.И. Багратион. Турецкая война 1806–1812 гг. // Военный сборник. 1865. № 1.

Дубровин Н. Отечественная война в нисьмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882.

Дубровин Н. Нисьма главных деятелей в царствование Александра I. СПб., 1883.

Дубровин Н. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1900. № 9; 1901. № 12.

Дурново П.Д. Дневник 1812 г. // 1812 год... Военные дневники. М., 1990.

Дюра-Ласаль Л. О звании генерала или о воспитании, образовании, познаниях и достоинствах нужных главнокомандующим и прочим офицерам для командования армиями. СПб., 1855.

Егерева Т. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX в. М., 2014.

Елизавета и Александр: Хропика по письмам императрицы Елизаветы Алексеевны. 1792–1826. М., 2013.

Ермолов А.П. Характеристика полководцев 1812 г. // Родина. 1994. № 1.

Жалованная грамота благородному российскому дворянству, с принадлежащими к оной узаконениями с 1785 по апрель месяц 1817 года. СПб., 1817.

Жерве А.П. Алексей Петрович Ермолов и его кибипные жепы на Кавказе, 1816–1827 гг. // Русская старина. 1884. № 9.

Жихарев С.П. Записки современника. Л., 1955.

Жюдииков А. «Наука побеждать»: Тактика русской армии в эпоху наполеоновских войн. СПб.; М., 2016.

Жучков К.Б. «Надо важных государственных узаконений не парусать» // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. XI. М., 2013.

Жучков К.Б. Новое свидетельство о М.И. Кутузове в 1812 г. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. X. М., 2012.

Жучков К.Б. Строевое обучение русской кавалерии накануне 1812 г. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. XI. М., 2013.

Заблоский-Десятковский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 1–4. СПб., 1882.

Заграничные походы Российской армии 1813–1815 годы. Энциклопедия. Т. 1. М., 2011.

Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX столетий. М., 1973.

Заметки и дневники Л.В. Дубельта // Российский архив. Т. VI. М., 1995.

Замечания А.С. Шишкова на проект манифеста о причинах и начале войны 1812 года // *Харкевич В.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 2. Вильна, 1903.

Замечания графа Ф.В. Ростопчина на книгу г-на Стройловского // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1860. Т. 2.

Замечание на войну 1812 года генерала Ладыгина // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. XIII. М., 2015.

Записка о партизанах, представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875. № 9.

Записка о состоянии русского войска в 1825 году (Из бумаг графа А.Х. Бенкендорфа) // Русский архив. 1904. № 9.

Записка, поданная князем А.Б. Куракиным императору Александру Павловичу после Аустерлицкого сражения // Русский архив. 1869.

Записки Александра Михайловича Тургенева. 1772- 1863 // Русская старина. 1885. № 10.

Записки Алексея Петровича Ермолова. М., 1863.

Записки А.И. Михайловского-Данилевского: 1829 год // Русская старина. 1893. № 7.

Записки А.И. Михайловского-Данилевского: 1812 год // Исторический вестник. 1890. № 10.

Записки А.П. Ермолова 1798- 1826. М., 1991.

Записки генерала В.И. Левашова // Русская старина. 1900. № 9, 11, 12; 1901. № 1, 2, 4.

Записки генерала Каховского о походе во Францию в 1814 году // Русская старина. 1914. № 3.

Записки генерала М.С. Воронцова // 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Баграмяна. М., 1992.

Записки графа Е.Ф. Комаровского. М., 1990.

Записки графа Лаптева. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1907. № 5, 6, 7, 9; 1908. № 5, 6, 7, 8, 10; 1909. № 6, 7, 8, 9; 1910. № 7, 9, 10; 1911. № 8.

Записки графа Л.Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. СПб., 1900.

Записки графа Федора Петровича Толстого. М., 2001.

Записки графа Ф.П. Толстого, товарища президента Императорской Академии художеств // Русская старина. 1873. № 1.

Записки донского атамана Денисова. СПб., 2000.

Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848. // Русская старина. 1874. № 2, 8.

Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Т. 1–2. Берлин, 1870.

Записки Николая Николаевича Муравьева // Русский архив. 1885. № 9, 10, 12.

Записки о войне 1812 года князя А.Б. Голицына // Военный сборник. 1910. № 12.

Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя. Ч. 1–2. СПб., 1834.

Записки партизана Дениса Давыдова: Воспоминания о польской войне 1831 года // Русская старина. 1872. № 7.

Записки Сергея Алексеевича Тучкова 1766- 1808. М., 2011.

- Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Ч. 1–3. М., 1891–1892.
- Записки Щербицина // Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. I. Вильна, 1900.
- Захаров Г. Русско-шведская война 1808–1809 гг. М., 1940.
- Захарова И.Е. Герой войны 1812 г. К.Ф. Казачковский и потомок Н.Г. Чернышевского // История и историческая память. Вып. 6. Саратов, 2012. С. 217.
- Зиновьев Д. Набат по случаю войны с французами. Казань, 1807.
- Ибрагимбеги Х.М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века. М., 1969.
- Иванов Е.П. Генерал Петр Петрович Коповицкий. Псков, 2002.
- Ивченко Л.Л.А.И. Остерман-Толстой // Герои 1812 года. М., 1987.
- Ивченко Л.Л. Князь Петр Иванович Багратион. М., 2010.
- Ивченко Л.Л. Кутузов. М., 2012.
- Ивченко Л.Л. «Молитесь вы за нас, а мы, кажется, не струсим...» // Российский архив. 1996. Т. VII.
- Ивченко Л.Л. От Бородине к Парижу. М., 2017.
- Из архива А.М. Римского-Корсакова // Русская старина. 1898. № 6.
- Из бумаг канцелярии генерал-фельдмаршала графа Каменского за 1806 год // Военный сборник. 1907. № 4.
- Из воспоминаний Михайловского-Данилевского: 1824 год // Русская старина. 1900. № 10. С. 204.
- Из воспоминаний Михайловского-Данилевского: 1817 год // Русская старина. 1897. № 7–8.
- Из воспоминаний принца Евгения Виртембергского // Междуцарствование 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926.
- Из дневника Берггарди: Беседы с прицем Евгением Виртембергским // Русская старина. 1893. № 6.
- Из дневника графини Фосс, обер-гофмейстерины прусского двора // Русский архив. 1885. № 4.
- Из дневника и воспоминаний И.П. Липранди // Русский архив. 1866. № 10.
- Из дневника П.Г. Дивова // Русская старина. 1903. № 7.
- Из дневника светского офицера // Русский архив. 1870.
- Из записной книжки графа П.П. Сухтелена // Русский архив. 1976. № 3.
- Из записной книжки Коленкура // Русский архив. 1908. № 4–5.
- Из записок А.Я. Булгакова // Русский архив. 1900. № 7.
- Из записок генерал-адъютанта Красовского // Русский вестник. 1880. № 8.

Из записок генерал-майора П.П. Ковальского // Русский вестник. 1871. № 1.

Из записок герцога Евгения Виртембергского // Русская старина. 1894. № 11.

Из записок графа Гогендорпа // Русский архив. 1888. № 3.

Из записок графа Лапжеропа // Русский архив. 1895. № 10.

Из записок И.П. Липради // Русский архив. 1870.

Из записок Петра Ивановича Фаленберга // Русский архив. 1877. № 10.

Из записок старого офицера (К. Мартепса) // Русская старина. 1902. № 1–2.

Из записок фельдмаршала Сакепа // Русский архив. 1900. № 2.

Из записок Ф.Я. Мирковича // Русский архив. 1890. № 3.

Из памятных записок Павла Христофоровича Граббе. М., 1873.

Из писем П.М. Лопгипова к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1912. № 4–5.

Из рассказов старого лейб-гусара // Русский архив. 1887. № 10.

Из семейных воспоминаний К.Д. Искюля // Военная быль. 1969. № 99.

Император Александр Павлович в действующей армии в начале Отечественной войны, и возвращение его через Москву в Петербург // Русская старина. 1912. № 6.

Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Т. 1. СПб., 1845; Т. 2. СПб., 1845; Т. 4. СПб., 1847; Т. 5. СПб., 1849.

Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы. Т. 2. М., 2017.

Институт русского языка и литературы (ИРЛИ). Ф. 265.

Иоаннисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и междупа-родные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958.

Иокиш А. Генерал-лейтенант Моисей Иванович Карпенко // Военный сборник. 1872. № 1.

Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе графини Софии Шуазель-Гуфье, урожденной графини Фитценгауз, бывшей фрейлины при Российском дворе. М., 2007.

Искюль С.Н. Война и мир в России 1812 года. СПб., 2015.

К биографии графа Л.Л. Беннигсена // Военный сборник. 1905. № 4–12.

Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. СПб., 2011.

Казачий словарь-справочник. Т. II. М., 1992.

Кандаурова Т.Н. Начальник Южных военных поселений граф Иван Осипович Витт // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы

IV Голицыпских чтепий 18–19 япваря 1997 г. Ч. II. Большие Вяземы, 1997.

Каууп Отечественпой войны 1812 года: Письма припцев Георга Гольштейп-Ольдепбургского и Евгепия Вюртембергского И.И. Сабипу. 1809–1812 гг. // Исторический архив. 2005. № 3.

Капустина Т.А. Александр I и Заграницпые походы русской армии // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. М., 1999.

Карамзин М.И. Записка о древпей и повой России в ее политическом и гражданском отпощениях. М., 1991.

Карпович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. М., 1992.

Карпович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886.

Карпович П. Цесаревич Копстапип Павлович. 1779 1831 // Русская старина. 1877. № 9.

Картипа Фрапции 1823 года, представленная Александру Павловичу графом Ф.В. Ростопчиным // Русский архив. 1872. № 5. Стлб. 974.

Катип-Ярцев М.Ю. Балтийско-пемецкое дворяпство на российской службе. Конец XVIII – пачало XX в. Автореферат дис. ... канд. ист. паук. М., 2000.

Керп А.П. Воспомипания. Дневники. Переписка. М., 1989.

Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 1. М., 1992.

Керсновский А.А. Философия войны. М., 2010.

Кибовский А.В. Прогулки по Эрмитажу. Загадки Военпой галереи Зимпего Дворца // Цейхгауз. 2001. № 1/13.

Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912.

Кизеветтер А.А. Исторические силуэты. Ростов-па-Дону, 1997.

Кипяпина И.С. Избраппые труды по истории России XIX века. М., 2015.

Киселев С. Три жизни Екатерины Павловны: великой княгини Ромаповой (Сапкт-Петербург); «Тверской полубогипи» – припцессы Ольдепбургской (Тверь); королевы Вюртембергской (Штутгарт) // Тверская старина. 2014 2015. № 35.

Клаузевиц К. О войне. Т. 1. М., 1932.

Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937.

Книга Устав воинский о должпости генералов, фелт маршалов, и всего генералитета и протчих чипов, которые при войске падлежит быть, и о ипых воинских делах, и повелениях, что каждому чипить должно. М., 2016.

Князь М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский. 1745 1813. Письма к его дочери Е.М. Тизенгаузен, во втором замужестве Хитрово // Русская старина. 1874. Т. X.

Ковалевский Е. Граф Блудов и его время (Царствование императора Александра I-го). СПб., 1866.

Койленский И. Змия и муравей. СПб., 1812.

Колюбакин Б.М. Избрание Кутузова главнокомандующим над всеми армиями, приезд его и первые дни его деятельности // Русская старина. 1912. № 7.

Колюбакин Б. Прейсиш-Эйлауская операция. СПб., 1911.

Константинов Л.П., Подушков Д.Л., Ступкин Е.И. Вышневолоцкий уезд Тверской губернии в Отечественную войну 1812 года. Вышний Волочок, 2012.

Копия с письма главнокомандующего Финляндской армией графа Буксгевдена к военному министру Аракчееву от 13 сентября 1809 г. // Русская старина. 1907. № 6.

Копия с собственноручного письма Александра к генералу Беннгиссену // Исторический вестник. 1917. Т. 148.

Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855. М., 1906.

Крейе Э.Э. Политика Меттерниха: Германия в противоборстве с Наполеоном 1799–1814. М., 2002.

Крестовский В. Ямбургский полк в Финляндской войне 1808 года // Военный сборник. 1872. № 10.

Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998.

Кучерская М. Константин Павлович. М., 2005.

Лажечников И.И. Походные записки русского офицера. М., 2013.

Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990.

Ланжерон А.Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II // Русская старина. 1895. № 4.

Латкин В.Н. Учебник русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) М., 2004.

Левенштерн В.И. Записки // Русская старина. 1900. № 11; 1901. № 1.

Лесин В.И. Бунтари и воины. Ростов-на-Дону, 1997.

Леттов-Форбек О. История войны 1806 и 1807 гг. Т. 4. Варшава, 1898.

Ливен Д. Аристократия в Европе, 1815–1914. СПб., 2000.

Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007.

Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012.

Листовки Отечественной войны 1812 года. Сб. документов. М., 1962.

Липранди И. Исторические замечания // Русский архив. 1866. № 7.

Литературное наследство. Т. 91. М., 1982.

Личные письма генерала Н.Н. Раевского // 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. М., 1992.

Лица: Биографический альманах. М.-СПб., 1995.

Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.

Лотман Ю. Тарутинский период Отечественной войны 1812 года и развитие русской общественной мысли // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 139. Труды по русской и славянской филологии. VI. Тарту, 1963.

Лукашевич А.М. Александр Вюртембергский: Планы военных действий против герцогства Варшавского, административная и боевая деятельность в 1812 г. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2016.

Лукашевич А.М. Багратион и Толь: Два взгляда на операционное планирование печального периода войны 1812 года и Бородинское сражение // «Сей день пребудет вечным памятником...» Бородино 1812–2012. Можайск, 2013.

Лукашевич А.М.И.И. Дибич-Забалканский: военно-топографическая и боевая деятельность на белорусских землях в 1810–1812 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. XIV. М., 2016.

Лукирский А.Н.И.И. Миллер 3-й – участник Итальянского и Швейцарского похода 1799 года и войны начала XIX века // Суворовские чтения: Ноябрь 2000. СПб., 2001.

Лямина Е.Э., Эдельман О.В. Дневник императрицы Елизаветы Алексеевны // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба». СПб., 2005.

Ляпишев Г.В. Георгиевский кавалер Осип Игнатьевич Мапфреды // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2005.

Ляпишев Г.В. Письма Андрея Аракчеева к брату – графу Алексею Аракчееву // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. IV. М., 2005.

М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. I–V. М., 1950–1956.

Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.

Маевский С.И. Мой век, или история генерала Маевского // Аракчеев. Свидетельства современников. М., 2000.

Майков П.М. Герцог Ришелье в России // Русская старина. 1897. № 7.

Малышкин С.А. Московское ополчение в Бородинском сражении: Новые документы и факты // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2014.

Мамышев В.Н. Генерал-адъютант генерал-лейтенант Константин Христофорович Беккепдорф. СПб., 1858.

Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999.

Марин С.Н. Полное собрание сочинений. Летописи. Т. 10. М., 1948.

Мартенс Ф.Ф. Александр I и Наполеон: Последние годы их дружбы и союза // Вестник Европы. 1905. № 4.

Макавеев А. Воспоминание о генерал-адъютанте Николае Мартеньяповиче Сипягине // Военный сборник. 1860. № 10.

Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной (1766–1821). М., 1911.

Меттерних Т. Строгачевы: История рода. СПб., 2016.

Мещеряков А.О.Ф.В. Росточин: У основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

Милов Л.В. Общее и особенное русского феодализма (Постановка проблемы) // История СССР. 1989. № 2.

Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства. Т. II. СПб., 1901.

Милорадович Г.А. Список лиц свиты Их Величеств с царствования императора Петра I. Дополнение и перемены к изданиям 1886 и 1891 г. по 6-е декабря 1895 года. Чернигов, 1895.

Милютин Д.А. Воспоминания. М., 1997.

Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011.

Мирянюк Д.А. Джорж Каппинг и тайное допоселение из Тильзита (22 июля 1807 года) по материалам британских исследователей // Эйлау 1807 года и Восточная Пруссия в эпоху наполеоновских войн. Калининград, 2016.

Мироненко С.В. Александр I и декабристы. Россия в первой четверти XIX века: Выбор пути. М., 2017.

Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. М., 1989.

Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. М., 1990.

Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары 1814–1815. СПб., 2001.

Михайловский-Данилевский А.И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. СПб., 1846.

Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. IV. СПб., 1839.

Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. СПб., 1844.

Михайловский-Данилевский А.И. Описание Финляндской войны на суше и на море в 1808 и 1809 годах. СПб., 1841.

Мой век, или история генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8–9.

Монахов А.Л.М.И. Голенищев-Кутузов и окружение Александра I в конце 1805 – первой половине 1806 года (К вопросу об «опале» полководца) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историкография. Т. XIV. М., 2016.

Морозов Н. Бои у Гутштадта и Гейльсберга: Май 1807 года // Военный сборник. 1907. № 5.

Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений // Офицерский корпус Русской армии. М., 2000.

Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. М., 1995.

Муравьев А.Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986.

Назаров Д.А. Наполеоновские войны: Первые две войны императора Александра I с Францией // История русской армии и флота. Т. III. М., 1911.

Надь-Луттенбергер И. Шедевр или грубая подделка? План Вейротера // Российская империя и монархия Габсбургов в наполеоновских войнах: Взгляд из Венгрии. СПб., 2014.

На земле Рязанской. М., 1968.

Назарян Е.А. Георгиевский кавалер, участник Отечественной войны 1812 года Б.С. Соковнин // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2017.

Назарян Е.А. Русские пленные в 1814 г. // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы. М., 2014.

Назарян Е.А. Судьбы русских военнопленных 1812 года. Обнинск, 2012.

Накропин В.В.А.П. Ермолов в должности начальника артиллерии всех действующих армий // Доклады Академии военных наук: Военная история. 2004. № 12.

Нарышкина Н. 1812 год, граф Ростопчин и его время. СПб., 2016.

Наставление господам пехотным офицерам в день сражения // Военный сборник. 1902. № 7.

Научно-исторический архив С.-Петербургского Института истории РАН. Кол. 238. Оп. 1. Д. 575.

Нечаев С. Барклай-де-Толли. М., 2011.

- Нечкина М.В.А.С.* Грибоедов и декабристы. М., 1947.
- Никитенко А.В.* Записки и дневник. Т. 1. М., 2005.
- Николаева Е.Е.* Генерал Н.С. Сулима – участник освободительных походов русской армии 1813–1814 гг. // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы. М., 2014.
- Николай Михайлович, вел. кн.* Генерал-адъютанты императора Александра I. СПб., 1908.
- Николай Михайлович, вел. кн.* Генерал-адъютанты императора Александра I. СПб., 1913.
- Николай Михайлович, вел. кн.* Граф Павел Александрович Строганов. Историческое исследование эпохи Александра I. Т. 1–3. СПб., 1903.
- Николай Михайлович, вел. кн.* Дипломатические сношения России и Франции по допесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812. Т. III. СПб., 1905; Т. IV. СПб., 1908.
- Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования. Т. 2. СПб., 1912.
- Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 2. СПб., 1909.
- Николай Михайлович, вел. кн.* Князя Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования: Биографические очерки. СПб., 1901.
- Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910.
- Николай Михайлович, вел. кн.* Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. I. СПб., 1905; Т. III. СПб., 1907; Т. IV. СПб., 1908; Т. V. СПб., 1909.
- Оксман Г.В.* Марш-мапсвр М.И. Кутузова в кампанию 1805 г. // Полководец Кутузов. Сб. статей. М., 1955.
- Олейников Д.И.* Бепкепдорф. М., 2009.
- Омельянович.* Плап Пфуля // Военный сборник. 1898. № 2.
- Опись дел архива Государственпного совета. Т. 1. СПб., 1908.
- ОПИ ГИМ (Отдел письменных источников Государственпного исторического музея). Ф. 60, 129, 137, 150, 160, 230, 257, 272, 397, 400.
- Опыт паставлений, касающихся до экзерции и мапсвров кавалерийского полка. СПб., 1805.
- ОР ГПБ (Отдел рукописей Государственпной публичпной библиотеки). Ф. 178.
- ОР РГБ (Отдел рукописей Российской Государственпной библиотеки). Ф. 41, 53, 64, 178.
- Орлов Н.А.* Низложение Наполеона в 1814 г. // История русской армии и флота. Т. IV. М., 1911.

Отечественная война и русское общество. Т. 3. М., 1912.

Отечественная война 1812 года. Биографический словарь. М., 2011.

Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004.

Отечественная война и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия. Т. 1–3. М., 2012.

Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. IV. СПб., 1903; V. СПб., 1904; Т. IX. СПб., 1908; Т. X. СПб., 1908; Т. XI. СПб., 1909; Т. XII. СПб., 1909; Т. XIII. СПб., 1910; Т. XVI. СПб., 1911; Т. XVII. СПб., 1911; Т. XVIII. СПб., 1911; Т. XIX. СПб., 1912; Т. XX. СПб., 1912; Т. XXI. СПб., 1914.

Очерк повествования о Новороссийском крае из оригинальных источников почерпнутый. Тверь, 1857.

Ощепков А.Р. Ксавье де Местр о русском национальном характере // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1.

Панфилов Д.Г. За кого А.С. Пушкин «выдал» замуж свою Татьяну // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы VI Голицыпских чтений 23–24 января 1999 года. Большие Вяземы, 1999.

Первенцы императорской российской гвардии // Русская старина. 1883. № 12.

Переписка русских генералов с императором Александром I // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. М., 2002.

Петерс Т.П. Письма об участии князя Б.В. Голицына в Отечественной войне 1812 г. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. II. М., 2003.

Петров А.Н. Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 2–3. СПб., 1887.

Писарев А.А. Военные письма и замечания. Ч. 1–2. М., 1817.

Писарев А.А. Подробное известие о лейб-гвардии Семёновском полку. СПб., 1811.

Письма А.А. Закревского к братьям К.Я. и А.Я. Булгаковым // Российский архив. Т. ММII. М., 2003.

Письма А.П. Ермолова к Петру Андреевичу Кикину 1817–1832 // Русская старина. 1872. № 11.

Письма Беннигсена императору Александру в Отечественную войну // Военный сборник. 1904. № 2.

Письма генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли 1812–1815 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. XI. М., 2013.

Письма графа Э.Ф. Сеп-При А.А. Закревскому // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. XIII. М., 2015.

Письма графа Ф.В. Ростопчина к А.Ф. Брокеру из Петербурга и из чужих краев. 1815–1819 // Русский архив. 1868. № 12.

Письма Д.С. Дохтурова к его супруге // Русский архив. 1874. № 5.

Письма императрицы Марии Федоровны к императору Александру I // Русский архив. 1911. № 1.

Письма И.П. Оденталю к А.Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах // Русская старина. 1912. № 4, 6, 8; 1913. № 1.

Письма полковника К.А. Бискупского // Наполеон: Альмапах за 2008 г.

Письма с дороги от князя А.Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне // Русский архив. 1868. Кп. 1.

Письма графа Ф.В. Ростопчина императору Александру Павловичу // Русский архив. 1892. № 8.

Письмо графа Ф.В. Ростопчина к великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1876. № 3.

Плугин Л. О браках русских офицеров // Военный сборник. 1862. № 5.

Повествование о царствовании императора Александра I, для него одного писанное // Русская старина. 1899. № 10.

Погодин М. Алексей Петрович Ермолов // Русский вестник. 1863. № 8.

Подмазо А.А. К вопросу о едином главнокомандующем в 1812 году // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2002.

Подмазо А.А. Образы героев Отечественной войны 1812 года: Военная галерея Зимнего дворца. М., 2013.

Подмазо А.А. «Преступление и наказание». Дело генерала Лошакова (к 200-летию Аустерлицкого сражения) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. IV. М., 2005.

Подмазо А.А. Списки генералов по старшинству, как источники // Отечественная война 1812 года и российская провинция: События. Люди. Факты. Малоярославец, 2003.

Полевой Н.А. Русские полководцы. СПб., 2006.

Поливанов М.Д. Дело генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1911. Кп. 2.

ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи). Собр. 1-е. Т. V. № 3006; Т. XXVI. № 19926; Т. XXVII. № 20405, 20406; Т. XXIX. № 22256; Т. XXX. № 21783; Т. XXXII. № 25628; Т. XXXIII. № 26021; Т. XXXVII. № 28208.

Помещичья Россия по запискам современников. М., 1911.

Попов А.И. Геперальские потери Великой армии в России в 1812 г. // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 года: Проблемы изучения. Персопапии. Памятники. Малоярославец, 1998.

Попов А.И. Дело при Кобрине. М., 2013.

Попов А.И. Первое Полоцкое сражение. М., 2010.

Попов А.И. Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры // Русская старина. 1897. № 7.

Попов А.И. Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. № 7.

Попов А.И. От Малоярославца до Березины // Русская старина. 1877. № 9.

Попов А.И. От Смоленска до приезда Кутузова в армию // Русская старина. 1893. № 12.

Попов А.И. Славянская зоря в 1812 году // Русская старина. 1892. № 12.

Попов А.И. Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский архив. 1892. № 2–4.

Попов П.Х. Герои Допа. Новочеркасск, 1911.

Потапов А.Н. «Железный» хозяин Гусь-Железного // Московский журнал. 2010. № 6.

Потрашков С.В. Генерал от кавалерии А.П. Тормасов в Отечественной войне 1812 года // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. М., 2001.

Похвиснев М.Н. Алексей Петрович Ермолов // Русская старина. 1872. № 11.

Походные записки артиллериста. С 1812 по 1816 год артиллерии подполковника И... Р... Ч. 1, 3. М., 1835.

Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971.

Предтеченский А.В. Отражение войн 1812–1814 гг. // Исторические записки. Т. 31. М., 1950.

Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957.

Пресняков А.Е. Александр I. Пб., 1924.

Приложения к запискам А.П. Ермолова. Ч. 1. М., 1865.

Принц Евгений Вюртембергский и его записки // Военный сборник. 1864. № 8.

Пронштейн А.П. Земля Дюпская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961.

Проскурин Б.М. Об армейских болезнях в начале XIX века // 1812 год. Люди и события великой эпохи. М., 2010.

Пряхин Ю.Д. Греки в истории России XVIII–XIX веков. СПб., 2008.

Пугачев В.В. Денис Давыдов и декабристы // Труды музея истории и реконструкции Москвы. Вып. VIII. М., 1963.

Пузанов В.В. История 5-го Донского войскового атамана Власова полка. Саратов, 1913.

Пунарев А.Г. Лев Измайлов // Русская старина. 1872. Т. 6.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. X. Л., 1979.

Пуцин П.С.: Дневник 1812–1814 годов; *Чичерин А.В.*: Дневник 1812–1813 годов. М., 2012.

Пыляев М.И. Замечательные чудачи и оригиналы. М., 1990.

Пытин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Пг., 1918.

Пытин А.Н. Русское масонство XVIII и первой четверти XIX в. Пг., 1916.

Рабинович М.Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973.

Раевский А.Ф. Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. М., 2013.

Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1983.

Рассказы князя П.М. Волконского // Русская старина. 1876. № 6.

Рассказы об Отечественной войне Николая Евстафьевича Митаревского // Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. М., 2008.

РГВИА (Российский Государственный военно-исторический архив). Ф. ВУА, 1, 25, 26, 29, 73, 103, 137, 193, 216, 239, 394, 395, 396, 400, 409, 472, 474, 489, 827, 970.

РГИА (Российский Государственный исторический архив). Ф. 660, 1162, 1341, 1349, 1409.

Репнин М.И. Князь Репнин в истории Отечества. М., 2009.

Рожков А. Титулованная Россия // Нева. 1992. № 3.

Романович-Славянский А. Дворянство в России от начала XVIII до отмены крепостного права. СПб., 1870.

Российские мемуары эпохи наполеоновских войн. М., 2013.

Россия под надзором: Отчеты III отделения 1827–1869. М., 2006.

Ростопчинские письма 1793–1813 // Русский архив. 1887. № 2.

Ростопчин Ф.В. Ох, французы. М., 1992.

Ростопчин Ф.В. Письма к своей супруге в 1812 г. // Русский архив. 1901. № 8.

Русские мемуары. М., 1988.

Рэй М.П. Александр I. М., 2013.

Рэй М.П. Страшная трагедия: Новый взгляд на 1812 год. М., 2015.

Санкт-Петербургские ведомости. № 104 от декабря 29 1805 года.

Сапожников А.И. Атаман Платов и Войско Донское в мемуарах британского офицера (Из коллекции россики Российской национальной библиотеки) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. IV. М., 2005.

Сапожников А.И. Войско Донское в наполеоновских войнах: Кампании 1805–1807 гг. М.; СПб., 2008.

Сапожников А.И. Граф Матвей Иванович Платов. Опыт научной биографии. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.

Сардак Л.Л. Меллер Иван Иванович – родоначальник баропов Всероссийской империи Меллеров-Закомельских // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. Вып. 6. СПб., 2011.

Сафонов М. Гибель русского Баярда // Родина. 2011. № 7.

Сборник биографий кавалергардов. Т. 2. СПб., 1904; Т. 3. СПб., 1906.

Сборник Императорского Русского исторического общества (Сб. ИРИО). Т. 73. СПб., 1790; Т. 78. СПб., 1891; Т. 83. СПб., 1893; Т. 88. СПб., 1891.

Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 1. СПб., 1876; Вып. 2. СПб., 1889; Вып. 3. СПб., 1890; Вып. 4. СПб., 1891; Вып. 10. СПб., 1898; Вып. 11. СПб., 1902; Вып. 14. Ч. 1–2. СПб., 1913.

Свидания французских генералов с русскими во вторую половину кампании 1812 года (Историческая справка) // *Военский К.* Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. М., 2011.

Сдвижков Д.А. «Орлеанская дева» русской армии: Принц Евгений Вюртембергский в наполеоновских войнах // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. XII. М., 2014.

Семевский. Граф Михаил Андреевич Милорадович (Материалы для его биографии) // Военный сборник. 1869. № 10.

Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888.

Семевский В.И. пожалования населенных имений в царствование Екатерины II. Очерк из истории частной земельной собственности в России. СПб., 1906.

Сидорова М.В., Безотосный В.М. Записка К.Ф. Толя в 1831 г. // Российский архив. 1995. Т. VI.

Сидорова М., Григорьева Л. Портреты из Моршанска // Родина. 2012. № 7.

- Симанский П.* Перед войной 1812 года. СПб., 1906.
- Симанский П.* Перед войной 1812 г. (Характеристика французских и русских генералов) // Военный сборник. 1906. № 1, 2.
- Синельников Ф.М.* Жизнь фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова. СПб., 2007.
- Сироткин В.Г.* Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966.
- Славутинский С.Т.* Генерал Измайлов и его дворня // Древняя и новая Россия. 1876. № 9–12.
- Смирнов А.А.* Боевой устав артиллерии 1812 года // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. М., 2002.
- Смирнов А.А.* Генерал Александр Кутайсов. М., 2002
- Смирнов А.А.* «Я – Солдат»: Хропика жизни Александра Ивановича Остермана-Толстого [19.01(30.01).1772–30.01(11.02).1857]. М., 2017.
- СПб ФИРИ РАН (Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН). Ф. 167. Оп. 1. Д. 1, 5.
- Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816.
- Соколов О.В.* Пала Фуля (по первоисточнику) // 1812 год. Люди и события великой эпохи. М., 2013.
- Соколовская Т.* Материалы по истории масонства в прежней русской армии // Русская старина. 1907. № 6.
- Соловьев С.* Император Александр Первый. Политика – дипломатия. СПб., 1877.
- Соллогуб В.* Биография генерала Котляревского. СПб., 1901.
- Социальная трансформация и межэтнические отношения на Правобережной Украине: 19 – начало 20 в. М., 2005.
- Сочинения и переводы С. Тучкова. Ч. 1–4. СПб., 1816–1817.
- Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Ч. 2. М., 1860.
- Список генералам, с означением имен, знаков отличия и старшинства в чинах [по 19 июня 1825 года]. СПб., 1825.
- Список генералитету по старшинству [по 19 июня 1803 года]. СПб., 1803.
- Список ... [по 18 января 1808 года]. СПб., 1808.
- Список ... [по 24 июня 1812 года]. СПб., 1812.
- Список ... [по 30 августа 1814 года]. СПб., 1814.
- Список ... [по 7 августа 1820 года]. СПб., 1820.
- Столетие военного министерства. Императорская Главная квартира. История государевой свиты. Царствование Александра I. Т. II. Кн. 2. СПб., 1904.

Столетие военного министерства. Исторический очерк развития военного управления в России. Т. 1. СПб., 1902.

Столетие военного министерства. Т. III. Отд. 4. СПб., 1907.

Столетие военного министерства. Т. XI. Ч. IV. СПб., 1911.

Столетие военного министерства. Т. XIII. Кп. III. СПб., 1906.

Субтельный О. Украина: история. Киев, 1994.

Суворов А.В. Письма. М., 1986.

Сухтелен П.П. Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швецией в 1808 и 1809 гг. СПб., 1832.

Сухтелен П.П. Краткое жизнеописание генерал-адъютанта К.Х. Бенкендорфа // Военный журнал. 1830. №1.

Тайны царского двора (из записок фрейлины). М., 1997.

Такала И.Р., Соломещ И.М. «Неизвестная война»? Два века российской историографии русско-шведской войны 1808–1809 гг. // Российская история. 2009. № 3.

Талберг Ф. Барклай де Толли и Балтийский край. Рига, 2003.

Тарасов Е.И. Донской атаман Платов (1751–1818): Его жизнь и подвиги. СПб., 1902.

Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938.

Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. М., 1996.

Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980.

Тихонов И.С. Документы о русских генералах // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. II. М., 2003.

Тихонов И.С. Император Александр I не нарушил старшинства в чине... // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. XII. М., 2014.

Тихонов И.С. Письма героев Отечественной войны 1812 г. // Эпоха 1812 года: Исследование. Источники. Историография. Т. IV. М., 2005.

Тихонов И., Эдельман О. «Щет Давыдовым», или уравнивание с шестью неизвестными // Родина. 2012. № 6.

Толстой В.С. Характеристики русских генералов на Кавказе // Российский архив. 1996. Т. VII.

Томсинов В. Аракчеев. М., 2003.

Тотфалушин В.П.М.Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года. Саратов. 1991.

Трачевский А. Новая история. Т. II. СПб., 1908.

Троицкий Н.А. 1812: Великий год России. М., 1988.

Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты. М., 2002.

Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974.

Трубецкой А. Александр I. М., 2003.

Трубецкой С.Е. Мипувшее. Париж, 1989.

Труды императорского Русского Воеппо-исторического общества. Т. VI. Кп. 2. СПб., 1912.

Тульчинский штаб при двух генералах: Письма П.Д. Киселева А.Я. Рудзевичу 1817–1823. Воропеж, 1998.

Тумил Е. Русские воипы в Битве пародов. Лейпциг, 2013.

Турусов В.П. Развитие дивизионной системы в русской армии пачала XIX в. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. VII. М., 2008.

Туссен И. Поццо ди Борго: Другой корсиканец. СПб., 2013.

Тучков С.А. Воеппый словарь, заключающий паименования или термины, в Российском сухопутном войске употребляемые... Ч. 1–4. М., 1818.

Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания. М., 1959.

1812 год... Воеппые дневники. М., 1990.

Тысяча восемьсот двенадцатый год в записках графа Ф.В. Ростопчина // Отечественная война 1812 года в воспоминаниях современников. М., 2008.

1812 год. Войска генерала П.Х. Витгенштейна в боях на Санкт-петербургском направлении: Документы и воспоминания. Бородино, 2012.

1812 год в Прибалтийском крае. Рига, 2012.

1812–1814. Секретная переписка генерала П.И. Баграциона. М., 1992.

Ульянов А.И. Очаг вольподумства // Отступление Великой армии Наполеона из России. Малоярославец, 2000.

Ульянов И.Э. Регулярная пехота. 1801–1855. М., 1996.

Учреждение для управления Большой действующей армией. СПб., 1812.

Файсова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999.

Файбисович В. «Мипистр наслаждений» // Родина. 2010. № 3.

Федоров В.А. Рец. на кп.: *Экштут С.А.* В поиске исторической альтерпативы. Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М., 1994. // Вопросы истории. 1996. № 4.

Фельдмаршал князь Сакеп // Русский архив. 1900. № 1.

Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. М., 1995.

Фельдмаршал Кутузов. Сб. документов. М., 1947.

Феофанов А.М. Образовательный уровень российского генералитета 1812 года // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. 2013. Вып. 4.

Фоменко И.Ю.И.В. Сабапеев и М.С. Воронцов (По материалам РГАДА) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2016.

Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Т. 1–2. Иркутск, 1979–1982.

Фрейман Ф. Пажи за 185 лет. Фридрихсгам, 1897.

Хабибуллин В.Н. Генерал Николай Михайлович Каменский. Калининград, 2009.

Худушина И.Ф. Царь. Бог. Россия: Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX в.). М., 1995.

Хлопов В.В. Вечер с А.П. Ермоловым // Русская старина. 1874. Т. X.

Хропка российской императорской гвардии. СПб., 1799.

Целорунго Д.Г. Военная карьера офицеров русской армии 1812 года – выходцев из различных регионов России и стран зарубежья // 185 лет Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1997.

Целорунго Д.Г. Офицерский корпус русской армии эпохи 1812 года по формулярным спискам. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

Целорунго Д.Г. Офицеры и солдаты российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года: Социальные портреты и служба. Бородино, 2017.

Целорунго Д.Г. Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения. М., 2002.

Целорунго Д. Капитан N // Родина. 1992. № 6–7.

Цесаревич Константин Павлович // Русская старина. 1905. № 5.

Цоффка В.В. Заметки об Есфири князя Б.В. Голицына // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы VI Голицынских чтений 23–24 января 1999 года. Большие Вяземы, 1999.

Цоффка В.В. Иоганн-Каспар Риебек (1754–1786) в восприятии князя Б.В. Голицына (1769–1813) // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы III Голицынских чтений 20–21 января 1996 года. Большие Вяземы, 1996.

Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М., 1999.

[Чернышев А.И.] Проект правил о порядке службы дежурных флигель-адъютантов при Его Величестве во время войны // Военный сборник. 1902. № 4.

Чичагов П.В. Записки. М., 2002.

Чтения ОИДР (Общества истории и древностей российских). 1861. Кн. III.

Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строгапов: История необычного союза. М., 2010.

Шедивы Я. Меттерпих против Наполеона. М., 1991.

Шепелев Л. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М.: СПб., 2004.

Шесть писем императора Александра I к княгине Зинаиде Александровне Волконской // Сб. ИРИО. Т. 3. СПб., 1868.

Шильдер Н.К. Две характеристики русских генералов в XVIII и XIX в. // Русская старина. 1890. № 1.

Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. I–VI. СПб., 1904.

Шильдер Н. Светлейший князь Александр Иванович Чернышев // Военный сборник. 1902. № 2.

Шиман. Александр Первый. М., 1908.

Шницлер И. Ростопчин и Кутузов: Россия в 1812 гг. СПб., 1912.

Шуберт Ф.Ф. Дневник 1813 г. // 1812–1814. Секретная переписка генерала Багратиона. М., 1992.

Шумигорский Е.С. Тысяча восьмисотый год // Русская старина. 1913. № 1, 2.

Щебальский П.А.С. Шишков, его союзники и противники // Русский вестник. 1870. № 11.

Щербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1888.

Щербатов А.Г. Мои воспоминания. СПб., 2006.

Эйдельман И. Записки Беппигсепа // Встреча с книгой. М., 1979.

Экитут С. Кавалерственная дама // Родина. 2014. № 12.

Экитут С.А. В поиске исторической альтернативы. Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М., 1994.

Экитут С.А. Пять сражений генерала Раевского // Родина. 2016. № 9.

Экитут С. Служил примером отличной храбрости: Генеральские награды за Бородину // Родина. 2012. № 6.

Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1868.

Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1997.

Эпоха Наполеона: Русский взгляд. М., 2015. Кн. 2.

Юлин В. Адмирал Павел Чичагов: Отечества верный сын. История жизни и судьбы. М., 2018.

Яковкина Н.И. Русское дворянство первой половины XIX века. СПб., 2002.

Ячменухин К.М. «В исполнение сего высочайшего нам поручения...» // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. II. М., 2003.

Almanach Impérial bissextile M. DCCC. XII. [Paris, 1812].

Bezotosnyi V. L'organisation de l'armée russe (1810–1812) // Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. T. 12. Paris, 2012.

Mémoires posthumes du feld-maréchal comte de Stedingk. T. II. Paris, 1845; T. III. Paris, 1847.

Ratchinski A. Napoléon et Alexandre Ier: La guerre des idées. Paris, 2002.

Six G. Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la Révolution et de l'Empire (1792–1814). T. 1–2. Paris, 1934.

Xavier de Maistre. Nouvelles. Deuxième partie: Les nouvelles russes. Genève, 1984.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

Авдулин А.Н.	Апраксин С.П.
Агаллин А.К.	Апраксина (Васильчикова) А.П.
Агалина В.Г.	Апраксина (Голицына) Н.С.
Аглономов С.П.	Апраксина (Петрищева, Витт) Н.Ф.
Агте (Ахте) Е.А.	Апраксина (Щербатова) С.С.
Ададуров В.В.	Апраксины
Адамович И.С.	Апрелев Ф.И.
Адамович (Мацнева) ¹ Э.А.	Аракчеев А.А.
Айропетов О.Р.	Аракчеев Андр. А.
Акиннина (Удом)	Аракчеев П.А.
Аклечеев И.М.	Аракчеевы
Алалыкин А.А.	Арапова (Кишненская) В.Н.
Алединская (Депрерадович) Н.П.	Арбузов Е.Ф.
Александр I	Арвеллус (Пален) Е.Ф.
Александров Г.	Аргамаков И.А.
Алексеев А.С.	Аргамаков И.В.
Алексеев И.И.	Ареншильдт В.Д.
Алексополь Ф.П.	Аристова (Корнилова) М.Ф.
Алексопулос Ф.П.	Аргамаковы
Алопеус М.А.	Армфельт Г.М.М.
Алопеус (Бенкендорф) Н.М.	Арсерьев А.А.
Альбрехт (Жандр) Д.И.	Арсеньев М.А.
Альбрехт (Книппер) Е.П.	Арсеньева (Кретова) В.М.
Альбрехт А.И.	Арсеньевы
Альбрехт Е.Г.	Арслан-мурза Ермола
Амалия Баденская	Аурова Н.Н.
Амперова (Генденрейх) В.О.	Ахлестышев М.Ф.
Ангерштейн (Саблукова) Ю.Э.	
Андреева (Веселитская) М.С.	Баговут К.Ф.
Андреевский С.С.	Багратион М.К.
Аненков Н.П.	Багратион П.И.
Анисимов Е.В.	Багратион Р.И.
Анна Иоанновна	Багратионы
Анна Федоровна	Балязин В.Н.
Анреп (Ливен) М.Р.	Баюв А.К.
Ансно А.Е.	Баклановский М.А.

¹ Первой у дам указана фамилия в девичестве, в скобках — в замужестве.

Балабин П.И.
 Балабин С.Ф.
 Балабина Д.В.
 Балатуков К.М.
 Балачан (Коновалова, Юшкова)
 С.К.
 Балашов А.Д.
 Балк М.Д.
 Балла А.И.
 Бальмен де К.А.
 Бантыш-Каменский Д.М.
 Баранова (Санги) М.Н.
 Баратаева (Агте) Е.С.
 Баратынская (Панчулдзева) М.А.
 Бардаков П.Г.
 Барклай де Толли В.
 Барклай де Толли И.Б.
 Барклай де Толли М.Б.
 Барклай де Толли Р.-Г.
 Барклай де Толли И.С.
 Барклай де Толли Э.И.
 Бартолици (Всеволожская)
 Бартоломей А.И.
 Барышников (Игнатьева) Н.И.
 Баскаков
 Баташев И.
 Баташева (Постникова) В.А.
 Баташева (Шепелева) Д.И.
 Баташевы
 Бауер (Саксен-Кобургская) К.
 Баумгартен И.Е.
 Бахметев А.Н.
 Бахметева (Потемкина) В.Д.
 Бахметевы
 Бахметьев Н.Н.
 Башнилов А.А.
 Башнилова В.Я.
 Башота (Альбрехт, Кант, Бологов-
 ская) Е.Г.
 Башуцкий П.Я.
 Бегичев И.М.
 Безобразов Л.А.
 Безобразов П.А.
 Безотосный В.М.
 Безродный В.К.
 Бек (Ренни) М.И.
 Бекетова (Балашова) Е.И.

Белогородский Г.Г.
 Белосельская-Белозерская (Сухоза-
 нет) Е.А.
 Белосельская-Белозерская (Черны-
 шева) Е.А.
 Белосельская-Белозерская (Волкон-
 ская) З.А.
 Белосельская-Белозерская (Лапте-
 ва) П.А.
 Белоусов С.В.
 Бельгард А.А.
 Бенардос А.А.
 Бенкендорф А.Х.
 Бенкендорф К.Х.
 Бенкендорф (Шевич) М.Х.
 Бенкендорфы
 Беннигсен А.Л.
 Беннигсен Л.Л.
 Беннигсены
 Берг (Окулова) А.К.
 Берг Б.М.
 Берг Г.М.
 Берг Ф.Ф.
 Бергер И.Я.
 Бердяев А.Н.
 Бершгарди Т.
 Беренс фон Раутенфельд (Эмме)
 К.Г.
 Бернадот Ж.
 Бестужев-Рюмин М.П.
 Бехлшй Ф.М.
 Бибииков А.А.
 Бибиикова (Кутузова) Е.И.
 Бибиикова (Муромцева) А.М.
 Бибииковы
 Бипрон (Трубецкая) Е.П.
 Бискупский К.А.
 Бистром А.И.
 Бистром К.И.
 Бистромы
 Блок А.
 Блудов Д.Н.
 Блюхер Г.Л.
 Богданов Л.П.
 Богданович М.И.
 Богдановский А.В.
 Богоявленский С.К.

Богуславский А.А.
 Божерянов И.Н.
 Бокова В.М.
 Бологовский А.Н.
 Бондаренко А.
 Борецкая (Шшиоская, Сабанеева)
 П.Я.
 Борисевич А.Т.
 Бороздин М.М.
 Бороздин Н.М.
 Бороздина (Мосолова) О.Н.
 Бороздины
 Браницкая (Воронцова) Е.К.
 Браницкая (Сангушко, Потоцкая)
 Е.К.
 Браницкие
 Браницкий В.К.
 Браницкий В.Г.
 Братке (Гернгросс) А.Ф.
 Бреверн (Гарпе) Г.
 Бреверн Л.С.
 Брежинский С.П.
 Бриземан фон Неттинг И.И.
 Брискорн (Потемкина) О.Ф.
 Бродский Г.Е.
 Брозин В.И.
 Брозина (Штаден) Е.И.
 Брокер А.Ф.
 Брюмер (Ланжерон) Е.А.
 Будберг А.Я.
 Будберг К.В.
 Буксгевден Ф.Ф.
 Булатов М.Л.
 Булацель П.
 Булгаков А.Я.
 Булгаков К.Я.
 Булгарин Ф.
 Булыгин Д.А.
 Бутлер (Вольф) Б.В.
 Бутовский И.
 Бутовт-Андрейкович (Беншигсен)
 М.Ф.
 Бутурлина (Мордвинова) П.П.
 Бутурлины
 Бухгольц О.И.
 Бюлов Ф.В.

Вадбольский И.М.
 Вадковский Я.Е.
 Вайнович
 Валуева (Кульнева) Д.А.
 Вальдек-Пирмонтская (Вюртем-
 бергская) М.
 Вальке Л.Э.
 Валькович А.М.
 Вальмоден-Гимборн Л.Г.Т.
 Вандаль А.
 Васильев И.Н.
 Васильева (Долгорукова) Е.А.
 Васильева (Орлова-Денисова) М.А.
 Васильевы
 Васильчиков А.С.
 Васильчиков Д.В.
 Васильчиков И.В.
 Васильчиков Н.В.
 Васильчикова (Голицына) Т.В.
 Васильчиковы
 Ватман (Мухина) И.Х.
 Вейротер Ф.
 Вейс А.
 Вейс (Трубецкая) С.А.
 Велизарьев И.С.
 Великопольский А.П.
 Веллингтон А.У.
 Вельяминов И.А.
 Вельяминовы
 Венансон О.П.
 Веневитинов Д.В.
 Вердеревский Н.И.
 Вересаев В.
 Веригина (Иловайская) Е.В.
 Вермелен фон Е.В.
 Веселитский Г.П.
 Вигель (Алексеева) Н.Ф.
 Вигель Ф.Ф.
 Вилламов Г.И.
 Вильде И.И.
 Вильмот К.
 Вильмот М.
 Вильсон Р.Т.
 Вимпфен Г.Ф.
 Виноградов В.Н.
 Винцингероде Ф.Ф.
 Вистицкие

Вистицкий М.С.
 Вистицкий С.С.
 Витгенштейн П.Х.
 Витгенштейны
 Витт де И.О.
 Витте (Игнатьева) Е.И.
 Витушинская (Талызина) А.А.
 Власенко А.Г.
 Власов М.Г.
 Власова М.И.
 Властов Е.И.
 Влодек М.Ф.
 Вовси Э.
 Воейков А.В.
 Воейкова В.Н.
 Воинов А.Л.
 Волков М.М.
 Волков С.В.
 Волкова М.А.
 Волкова (Дедюлина) М.В.
 Волкова Н.
 Волконская (Грессер) А.М.
 Волконская (Прозоровская) Е.М.
 Волконская З.А.
 Волконская С.Г.
 Волконские
 Волконский Г.С.
 Волконский Д.М.
 Волконский М.Н.
 Волконский Н.Г.
 Волконский П.М.
 Волконский С.Г.
 Волхонский М.А.
 Волчкова (Обрезкова, Хилкова) Е.С.
 Вольтер Ф.М.А.
 Вольф (Людигаузен) И.П.
 Вольцоген Л.Ю.А.Ф.
 Воробьева (Бенардос) А.М.
 Воронов П.
 Воронцов М.С.
 Воронцов С.Р.
 Воронцовы
 Врангель (Загряжская) Е.К.
 Врде К.Ф.
 Всеволожская (Синягина) М.В.
 Второв О.М.
 Вунч Н.В.

Вунч Э.
 Вындомская (Бегичева) Е.Н.
 Высоцкая (Грекова) А.М.
 Вюртембергская А.
 Вюртембергский А.
 Вюртембергский А.Ф.
 Вюртембергский Е.
 Вюртембергский II.
 Вяземская (Щербатова) Е.А.
 Вяземские
 Вяземский В.В.
 Вяземский П.А.
 Вязмитинов С.К.
 Гавердовский Я.П.
 Гагарин А.Н.
 Гагарин П.Г.
 Гагарины
 Гагарина (Полуектова) Л.Ф.
 Гайнуллин М.
 Галатее де Жепола И.Н.
 Галушко Т.К.
 Гамалей М.М.
 Гамен А.Ю.
 Гампер Е.Е.
 Гангеблов (Гангеблишвили) С.Г.
 Гарнаульц И.И.
 Геншта В.И.
 Гарпе В.И.
 Гартинг (Сухтелен) Э.В.
 Гартинг М.Н.
 Гауземберг (Соколовская) В.И.
 Гебенер (Эйлер) Е.Н.
 Гедымин-Белозор (Сухазанет) Р.И.
 Генденрейх И.Г.
 Гейкинг (Диринг, Тормасова) Л.Ф.
 Гейкинг (Штрейтерфельд)
 Гейм (Велезарьева) И.
 Гейсман П.А.
 Геккель Е.Ф.
 Гельсингус (Теслев) И.М.
 Гельфрейх Б.Б.
 Геннади Т.Н.
 Герард Л.И.
 Геринг (Гамен) М.Х.
 Герман (Рихтер) Е.И.
 Гернгросс Р.Ф.

Геруа А.
 Герцдорф (Герздорф) К.М.
 Герцен А.И.
 Гессе (Пиллар) А.Ф.
 Гессе Е.А.
 Гессе (Ререн) Е.Ф.
 Гессе И.К.
 Гессе (Сосницкая) К.Л.
 Гессен-Филиппстальский Э.К.
 Гика И.К.
 Гинее Я.Е.
 Гинкель
 Гладков И.В.
 Гладкова (Энгельгардт) А.С.
 Глазенап К.И.
 Глазунова (Красовская) Д.А.
 Глебов А.С.
 Глинка С.Н.
 Глиноцкий П.
 Гнейзенау А.В.
 Гове А.П.
 Говениус (Шеле) А.И.
 Говорова (Рылеева) М.И.
 Гогель Ф.Г.
 Гогендорп Т.
 Гогенлоз-Ланденбургская (Вюртем-
 бергская) Е.
 Годфруа (Понсет) Ф.
 Голенищев-Кутузов П.В.
 Голенищев-Кутузов-Смолен-
 ский М.И.
 Голенищевы-Кутузовы
 Голицын Б.А.
 Голицын Б.В.
 Голицын Б.М.
 Голицын Д.М.
 Голицын М.М.
 Голицын Н.Б.
 Голицын С.С.
 Голицын С.Ф.
 Голицына А.Б.
 Голицына (Лаптева) А.В.
 Голицына (Остерман-Толстая) Е.А.
 Голицына (Талызина) М.В.
 Голицына (Строганова) С.В.
 Голицына Н.П.
 Голицыны
 Головин Е.А.
 Головины
 Гольштейн-Ольденбургский Г.П.
 Гольштейн-Ольденбургский П.
 Горбунцова Е.Л.
 Горбунцов Е.С.
 Горголий И.С.
 Гордин Я.
 Горленко (Арсеньева) Е.С.
 Горленко (Гудович) В.Г.
 Горленко М.А.
 Горчаков А.И.
 Горчаков Андр. И.
 Горчаковы
 Граббе П.Х.
 Грабовская (Розен) А.
 Грабовские
 Граммон де (Давыдова) А.А.
 Грановский Т.Н.
 Грейг А.С.
 Грейг С.К.
 Греков А.Е.
 Греков Б.А.
 Греков Д.Е.
 Греков П.М.
 Греков С.Е.
 Греков Т.Д.
 Греков А.В.
 Грекова (Иловойская) Е.Д.
 Грекова Е.М.
 Грекова М.М.
 Грековы
 Грессер А.И.
 Греч Н.И.
 Грибоедов А.С.
 Грибоедова (Паскевич) Е.А.
 Грузинская И.А.
 Грузинская (Делицына, Голицына)
 А.А.
 Грюнн (Вальмоден-Гимборн) З.
 Губер П.К.
 Гуг (Эртель)
 Гудович А.И.
 Гудович И.В.
 Гудович Н.В.
 Гудовичи
 Гуляев Ю.Н.

Гурьев А.Д.
Гурьев А.И.
Гурьев Д.А.
Гурьевы
Гурьелов (Гурнэли, Гурьялов) И.С.
Гюсс (Моркова) Л.П.

Даву Л.Н.
Давыдов
Давыдов А.Л.
Давыдов В.Д.
Давыдов Д.В.
Давыдов Е.В.
Давыдов М.А.
Давыдов Н.В.
Давыдов П.Л.
Давыдовы
Дамас де М.И.
Даревская (Чаликова) Р.Г.
Дашкова Е.Р.
Дашков А.А.
Дегоев В.В.
Деденева (Храповицкая) С.А.
Дедюлин Я.И.
Деева (Ламберт де) Ю.М.
Делагард А.О.
Делагарди (Армфельт) Г.П. (Х.У.)
Дельвинг А.А.
Делянов (Делакьян) Д.А.
Денисов А.К.
Денисов В.Т.
Денисов Ф.И.
Денисова (Иловайская) А.Ф.
Денисовы
Денисьев Л.А.
Денисьев П.В.
Денисьевы
Депрерадович Л.И.
Депрерадович Н.И.
Деренталь фон А.-С.
Державин Г.Р.
Дернберг К.Ф.
Де-Романо А.Л.
Дерфельден фон (Юзефович) М.В.
Дехтерев Н.В.
Дибич-Забалканский И.И.
Дибичи

Дивов П.Г.
Дивьер (Бартоломей) А.Н.
Дирин П.
Дмитриев М.А.
Дмитриев-Мамонов А.М.
Дмитриев-Мамонов М.А.
Дмитриевы-Мамоновы
Довре Ф.Ф.
Долгорукие
Долгорукий П.П.
Долгоруков П.В.
Долгоруков С.Н.
Долинский
Долон О.Ф.
Домерг А.
Донауров М.И.
Донец-Захаржевская (Бибикова,
Бенкендорф) Е.А.
Дорохов И.С.
Доу Дж.
Дохтуров Д.С.
Дошницкая (Поль) С.Я.
Древиц фон И.Г.
Древич Ф.И.
Дризен Ф.В.
Дризены
Дружинин П.А.
Дубельт Л.В.
Дубровин П.
Дугласова (Игельстром) Ю.Р.
Дука И.М.
Дунина (Сиверс) Е.И.
Дункер (Берг) А.И.
Дурасова (Писарева) А.М.
Дурново (Петровская) Н.Н.
Дурново И.Н.
Дурново Н.Д.
Дурова (Турчанинова) М.И.
Дюра-Ласаль Л.
Дятков С.В.
Дячкин Г.А.

Егерев Т.
Екатерина II
Екатерина III
Екатерина Павловна
Елагина (Вадковская) Е.И.

Елизавета Алексеевна
Елисова (Цыбульская) Е.В.
Елчанинова (Игнатьева) С.Б.
Емельянов П.Ф.
Ермолов Александр П.
Ермолов А.П.
Еропкина (Жеребцова) А.А.
Ершов И.З.
Ефимович А.А.
Ефимовичи
Ефремова (Платова) Н.С.
Ешин В.В.

Жандр А.А.
Жанлис С.
Жевахов (Джавахишвили) И.С.
Жевахов (Джавахишвили) С.Э.
Жевахов С.Ю.
Жевахов (Джавахишвили) Ф.С.
Жеваховы (Джавахишвили)
Желтухин П.Ф.
Желтухин С.Ф.
Желтухины
Жемчужников А.С.
Жерар
Жерве А.П.
Жеребцов А.А.
Жеребцова (Бороздина) Е.А.
Жеребцовы
Жигулина (Ершова) А.С.
Жилинский К.К.
Жиркевич И.С.
Жихарев С.П.
Жмодиков А.
Жомини А.Г.В.
Жукова (Баклановская) А.И.
Жуковский В.А.
Жучков К.Б.

Заблоцкий-Десятовский А.П.
Завадовская (Каблукова) Т.П.
Завадовский П.В.
Завитовская (Лошкарева) А.Т.
Загряжская (де Местр)
Загряжская (Мезенцева)
Загряжский В.И.
Загряжский П.П.

Зайончковский П.А.
Зайцов А.А.
Закревская (Гудович) Е.Д.
Закревский А.А.
Зальберарм (Довре) У.К.
Замяткина (Львова) А.Е.
Запольский А.В.
Засс Ал. Павл.
Засс Анд. Андр.
Засс Анд. П.
Застров (Жомини) А.Ш.
Захаржевский Я.В.
Захаров Г.
Захарова И.Е.
Збневский Т.И.
Зварыкин Ф.В.
Зварыкина Е.Я.
Зеленцова (Ставицкая) С.С.
Земцов В.Н.
Зенитч (Вяземская) Е.Г.
Зептуга (Яблоновская, Сандере)
М.И.
Зинovieв Д.
Злотницкая
Зорич (Баранова, Тучкова) Н.И.
Зорич С.Г.
Зотова (Чернышева) Е.Н.
Зубов В.А.
Зубов П.А.
Зубова (Леонтьева) Л.Н.
Зубова (Мезенцева) В.Н.
Зубова (Розен) Е.Д.
Зубова (Сухтелен) В.Д.
Зубовы

Ибрагимбеги Х.М.
Иванов Е.П.
Иванов И.Д.
Иванов П.А.
Иванова С.С.
Ивашев П.Н.
Ивелич М.К.
Ивелич П.И.
Ивченко Л.Л.
Игельстром А.Е.
Игельстром А.А.
Игельстром (Засс) Е.

Игнатъев Г.А.
Игнатъев Д.Л.
Игошин К.Г.
Измайлов Л.Д.
Измайлов М.Л.
Икскуль К.Д.
Иловайская (Грекова) Е.П.
Иловайская (Грекова) М.А.
Иловайская (Карпова) М.В.
Иловайская (Сысоева) Е.В.
Иловайская Е.Д.
Иловайские
Иловайский А.В.
Иловайский В.Д.
Иловайский Г.Д.
Иловайский И.Д.
Иловайский Н.В.
Иловайский О.В.
Иловайский П.Д.
Инзов И.Н.
Иоаннисян А.Р.
Иокши А.
Исаев И.И.
Исаева (Иловайская) М.А.
Искуль С.Н.

Йорк Г.Д.Л.

Каблуков В.И.
Каблуков П.И.
Каблуковы
Казачковский К.Ф.
Кайсаров П.С.
Каменев С.А.
Каменские
Каменский М.Ф.
Каменский Н.Ф.
Каменский С.М.
Каменцова (Кульнева) О.С.
Канкрин Е.Ф.
Каннабих И.Я.
Каннинг Дж.
Кант К.
Кантакузен (Мелиссино) А.М.
Капустин И.Ф.
Капустина Т.А.
Капцевич П.М.

Каразина (Линдфорс) А.И.
Карамзин Н.М.
Каранеус (Маслова) А.Г.
Каратаев В.И.
Каратаева В.А.
Карбоньер д'Арсит де Гроньяк Л.-Б.
Каркулова (Княжнина) В.А.
Карл (эрц-герцог)
Карл Баварский
Карл-Юхан
Карнович Е.П.
Карнович П.
Карленко М.И.
Карпов А.А.
Карпов С.Т.
Карпова (Дячкина) Е.А.
Карцев И.П.
Катин-Ярцев М.Ю.
Каторжн (Вунч) М.И.
Кафтырев Я.В.
Каховский М.И.
Каховский П.Д.
Кацерева (Герцдорф) А.Л.
Кацyreва М.Д.
Кельхен (Опперман) К.И.
Кеостака (Турчанинова) Е.А.
Керн А.П.
Керн Е.Ф.
Керсновский А.А.
Кесслер (Скалон) К.Х.
Кибовский А.В.
Кизиветтер А.А.
Кикин П.А.
Киняпина Н.С.
Киреевская (Мерлина) М.А.
Кирсанова (Иловайская) Е.П.
Киселев П.Д.
Киселев С.
Кишиневский Н.Ф.
Клаузевиц К.
Клевизаль (Росси) М.Е.
Клейнмихель А.А.
Клейнмихель П.А.
Клодт фон Юргенсбург К.Ф.
Клугина (Арсеньева) Ю.М.
Ключевский В.О.
Книппер Ф.Е.

Кнобель (Эммануэль) М.В.
 Кнорринг Б.Ф.
 Кнорринг К.Б.
 Кнорринг О.Ф.
 Кнутсен (Меллер-Закомельская)
 С.П.
 Княжин А.А.
 Княжин Б.А.
 Княжинны
 Кoble (Иванова) Ж.Ф.
 Кoble (Паулуччи) К.Ф.
 Ковалевский Е.
 Ковальский Н.П.
 Козен П.А.
 Козловские
 Козловский П.Т.
 Козлянинов И.Т.
 Козлянинова А.И.
 Козодавлев О.П.
 Коиленский И.С.
 Коленкур А.
 Колзаков П.А.
 Кологривов А.С.
 Кологривовы
 Колюбакин Б.М.
 Колюбакин П.М.
 Комаровский Е.Ф.
 Комгейнф (Зварыкина) Г.В.
 Комнено Х.М.
 Кондаурова Т.Н.
 Коновалов О.П.
 Коновницын П.П.
 Коновницына (Баташова) П.А.
 Кононович С.А.
 Конопка (Безобразова) Ю.А.
 Константин Павлович
 Константинов Л.Н.
 Константинова (Раевская) С.А.
 Коринская (Властова)
 Корнет (Талызина) Ю.П.
 Корнель П.
 Корнилов П.А.
 Корф С.А.
 Корф Ф.К.
 Косиновская (Баумгартен) В.А.
 Косиновский А.
 Коскуль (Паулуччи)
 Костиневский В.Г.
 Костылев М.А.
 Котлубуцкий Н.О.
 Котляревский П.С.
 Кочубей В.П.
 Кошелев П.И.
 Краснов И.К.
 Краснова П.А.
 Красовский А.И.
 Крейзе Э.Э.
 Крейц К.А.
 Крестовский В.
 Кретов Н.В.
 Криднер (Криденер) К.А.
 Криштафович Е.К.
 Кроссар Ж.Б.Л.
 Кроун Р.В.
 Крыжановский М.К.
 Крылов В.М.
 Крылов И.А.
 Крюденер (Сиверс) Э.П.
 Кудашева Е.М.
 Кудашев Н.Д.
 Кузьмин А.
 Кульнев И.П.
 Кульнев Я.П.
 Кульневы
 Куракин А.Б.
 Куракина (Салтыкова, Чичерена)
 А.А.
 Курсель де (Паулуччи) М.
 Курута Д.Д.
 Кусовникова (Шульгина) П.П.
 Кутайсов А.И.
 Кутайсов И.П.
 Кутайсовы
 Кутейников Д.Е.
 Кутузов А.П.
 Кутузов М.И.
 Кутузова (Кудашева) Е.М.
 Кутузова Д.
 Кутузовы
 Кучерская М.
 Кучум
 Кушелев Г.Г.
 Кушниккова (Синягина) Е.С.

Лавров Н.И.	Лесток А.В.
Лаврова (Алалыкина) А.И.	Леттов-Форбек О.
Лагарп Ф.С.	Ливен Д.
Ладомирский В.П.	Ливен И.А.
Ладыгин Н.И.	Ливен Х.А.
Ладыженская (Лихачева) Н.И.	Ливены
Ладыженская (Маркова) Р.М.	Лидерс
Ладыженские	Лидерс (Фок) А.И.
Ладыженский П.Ф.	Лидерс (Фок) Е.И.
Лажечников И.И.	Лидерс Н.И.
Лазарева (Деянова) М.Е.	Линденер Ф.И.
Лакант (Шрейдер) А.И.	Линдфорс Ф.А.
Лакнер А.Б.	Линнев И.Л.
Ламб И.В.	Липгарт А.И.
Ламберт де К.О.	Лип(б)гарт А.И.
Ламсдорф (Гартинг) А.М.	Липгарт (Хованская) В.И.
Ланг (Альбрехт) М.А.	Липранди И.П.
Ланжерон А.Ф.	Лисаневич (Збневская) А.Г.
Ланская (Кайсарова) В.Я.	Лисаневич Г.И.
Ланская В.И.	Лихарева (Давыдова) В.Н.
Ланские	Лихачев П.Г.
Ланской А.Д.	Лихачев Я.И.
Ланской П.С.	Лихачевы
Ланской С.Н.	Лобанов-Ростовский Д.И.
Лаптев В.Д.	Лобановы-Ростовские
Ласкин А.А.	Ловейко Н.А.
Латкин В.Н.	Лонгинов Н.М.
Лачинова (Чоглокова) М.А.	Лонгрю де
Ла(о)шкарев П.С.	Лопухин П.А.
Лашкаревы	Лопухин П.В.
Лебедев Н.П.	Лопухина (Жеребцова) А.П.
Лебедева (Кутузова) Е.А.	Лопухина Е.Н.
Левашев В.В.	Лорер Н.И.
Левенвольде (Кнорринг) К.К.	Лористон Ж.А.Б.А.
Левенштерн В.И.	Лотман Ю.М.
Левенштерн К.Ф.	Лошаков И.А.
Левенштерны	Луиза Гессен-Дармштадская (Саксен-Веймарская)
Левиз оф Менар Ф.Ф.	Луиза Орлеанская (Саксен-Кобургская)
Левин Д.А.	Луиза Прусская
Левитский Е.	Луиза Шварцбург-Рудольштадтская (Филлипстальская)
Левицкий М.И.	Лукашевич А.И.
Левина (Курилова, Каменская) Е.Ф.	Лукирский А.Н.
Леонтьев И.С.	Луков Ф.А.
Лесин В.И.	Лукова М.М.
Лесков Н.С.	
Лесли Д.Е.	

Луковкин Г.А.	Мартынова (Долон) А.А.
Луковкина Д.В.	Мартынова (Кирсанова, Платова) М.Д.
Луннель (Савонни) Л.Д.	Мартыновы
Лутовинова (Аргамакова) Е.И.	Маару (Талызина) А.
Львов Д.С.	Марченко В.Р.
Львов М.Л.	Марченко В.С.
Львова (Воейкова) В.Н.	Маслов А.Т.
Львова (Эссен) Е.М.	Массена А.
Львовы	Мацнев М.Н.
Любомирская (Валевская, Витт) И.	Машлыкина (Кутейникова) М.В.
Любомирская (Потоцкая, Зубова, Уварова)	Медвецкая (Ансю) Е.С.
Любомирские	Мезенцев В.П.
Лялин Д.В.	Мезенцев М.И.
Лямина Е.Э.	Мезенцевы
Ляпшев Г.В.	Мейендорф К.Е.
Ляпунов Д.П.	Мейер (Беннингсен) Е.
Маврокордато С.	Мекленбург-Шверинский (Меклен- бургский) К.А.Х.
Мадариага И.	Мелиссино А.П.
Мадатов В.Г.	Мелиссино П.И.
Маевский С.И.	Меллер И.И.
Майков П.М.	Меллер-Закомельские
Макавеев А.	Меллер-Закомельский Е.И.
Макаров П.С.	Меллер-Закомельский П.И.
Макк фон Лейберих К.	Мельников-Печерский П.И.
Малышкин С.А.	Меньшиков А.С.
Малькова (Мартынова) Е.В.	Мерикур де Т.
Мальтиц Л.Ф.	Меркулов П.К.
Мамина (Эмме) М.Г.	Мерлин П.И.
Мамод (Радт) Э.И.	Местр де Ж.
Мамышев В.Н.	Местр де К.К.
Манвелова (Гангеблова) Е.С.	Меттерних К.
Мантейфели	Меттерних Т.
Мантейфель И.В.	Мещеринов В.Д.
Манфредт О.И.	Мещеряков А.О.
Марин С.Н.	Микульская (Липгард) В.П.
Мария Луиза	Миллер И.И.
Мария Федоровна	Милов Л.В.
Марков А.И.	Милорадович А.С.
Марков Е.И.	Милорадович Г.А.
Марковы	Милорадович М.А.
Мартенс К.	Милорадович М.И.
Мартенс Ф.Ф.	Милорадович С.М.
Мартынов А.Д.	Милютин Д.А.
Мартынов П.П.	Милютин П.Ф.
Мартынова (Гладкова) М.С.	Минаков А.Ю.

Минних (Моркова) Н.А.
 Минних Б.Х.
 Миранюк Д.А.
 Миркович Ф.Я.
 Мироненко С.В.
 Митаревский Н.Е.
 Михайл Павлович
 Михайлова (Суттоф) А.В.
 Михайловский-Данилевский А.И.
 Михельсон (Воинова) Ж.И.
 Михельсон И.И.
 Мичурин В.
 Мишель М.
 Мишо де Боретур А.Ф.
 Моллио (Олизар, Гогель) К.А.
 Монахов А.Л.
 Мо(а)нахтин Ф.Ф.
 Монтау (Бороздина)
 Моравская (Чернышева) Т.И.
 Мордвинов В.М.
 Мордвинов Д.М.
 Мордвинов И.Н.
 Мордвинова (Муравьева) А.М.
 Мордвиновы
 Морков И.И.
 Морковы
 Моро Ж.В.
 Морозов П.
 Морозова (Баклановская) А.Ф.
 Мосолов Ф.И.
 Муравьев А.Н.
 Муравьев М.Н.
 Муравьев П.Е.
 Муравьев Н.Н.
 Муравьева (Канкринна) Е.З.
 Муравьева О.С.
 Муравьев-Аностол М.И.
 Муравьев-Карский П.П.
 Муромцев М.М.
 Муромцев Н.С.
 Муромцева (Лаврова) В.М.
 Мусин-Пушкин И.А.
 Мусин-Пушкин И.К.
 Мусин-Пушкин П.К.
 Мусина-Пушкина (Волконская)
 Н.А.

Мусина-Пушкина (Неверовская)
 Е.А.
 Мусина-Пушкина (Оболенская)
 Е.А.
 Мусина-Пушкина (Шаховская) С.А.
 Мусины-Пушкины
 Муханов В.М.
 Мухин С.А.
 Мышецкие
 Мышецкий И.С.
 Мюрат И.
 Мякишин Н.Д.
 Мятлева (Левашева) Е.П.

Набоков И.А.
 Надь-Луттенбергер И.
 Назаров Д.А.
 Назарян Е.А.
 Назимов Ф.В.
 Накропин В.В.
 Налетова (Бастинон, Резвая) Н.В.
 Нанний Ф.П.
 Наполеон Бонапарт
 Нарбут (Лобаржевская, Шинкова)
 Ю.О.
 Нарышкин Г.И.
 Нарышкин Л.А.
 Нарышкина (Кнорринг) А.Д.
 Нарышкина М.А.
 Нарышкина (Тучкова) М.М.
 Нарышкина Н.Ф.
 Нарышкины
 Наумов М.Ф.
 Наумова А.И.
 Неверовский Д.П.
 Ней М.
 Нейгардт (Нейгарт) П.И.
 Неклюдова (Голенищева-Кутузова)
 Е.П.
 Неклюдова (Тучкова) А.П.
 Неклюдова (Шеншина) В.П.
 Неклюдовы
 Нерпина (Ивелич) Т.И.
 Нессельроде К.В.
 Нечаев С.
 Нечкина М.В.
 Никитенко А.В.

Никитин А.П.
Николаева Е.Е.
Николай Михайлович
Николай Павлович
Нилус (Булатова) М.Б.
Новак И.И.
Новицкий
Норов В.С.
Потара (Рудзевич) М.Е.

Оболенская (Дохтурова) М.П.
Оболенская (Щербатова) В.П.
Оболенские
Оболенский А.П.
Оболенский В.П.
Обресков Н.В.
Овсова (Пейкер) Е.С.
Огранович (Соковнина) К.И.
Оденталь И.П.
Одоевская П.А.
Одоевские
Одоевский И.С.
Ожаровский А.И.
Озеров В.А.
Озерова (Лермонтова, Пален) А.И.
Оксман Г.В.
Окулов М.М.
Окульская (Гове)
Олейников Д.И.
Оленин Е.И.
Оленина (Пасек) Н.И.
Оливье М.
Олсуфьев З.Д.
Олсуфьев Н.Д.
Олсуфьевы
Ольдекоп К.Ф.
Ольденбургские
Омельянович
Опперман К.И.
Орбеллиани Д.З.
Орехова О.М.
Орлов А.Ф.
Орлов В.В.
Орлов В.П.
Орлов Г.Г.
Орлов М.Ф.
Орлов Н.А.

Орлов Ф.Ф.
Орлова (Пален) Е.В.
Орлова (Буксгевден) Н.А.
Орлова (Давыдова) П.В.
Орловы
Орлов-Денисов В.В.
О'Рурк И.К.
Осокина (Рылеева)
Остен-Сакен Ф.В.
Остерман-Толстой А.И.
Остерманы
Офферберг (Крейц) К.Г.
Охотников А.Я.
Ощепков А.

Павел I
Падейский Ф.Ф.
Пален М.И.
Пален П.А.
Пален Пав. П.
Пален Петр П.
Палены
Палицын В.И.
Палицын И.И.
Пальмфельд
Панфилов Д.Г.
Пандербитер К.К.
Пандербитер У.К.
Панчулидзе И.Д.
Панчулидзе С.Д.
Панчулидзева М.С.
Панчулидзевы
Пари (Балабина) В.О.
Паскевич И.Ф.
Пасек П.П.
Паттон А.Я.
Паттон М.А.
Паудуччи Ф.О.
Пашкова (Андреевская) Е.А.
Пашкова (Левашева) Е.В.
Пашкова (Васильчикова) Т.В.
Пашковы
Пейкер А.Э.
Переверзева (Ильинская, Дука) Е.П.
Перовская (Крыжановская) М.А.
Перовский Л.А.
Черский

Петерс Т.П.
 Петр I
 Петр III
 Петрищева (Сазонова) А.И.
 Петров А.Н.
 Петровская (Талызина) М.
 Петровский М.А.
 Пиллар Е.М.
 Пилявская (О'Рурк) Э.Ф.
 Пире де Ронивиньен И.М.Г.
 Пирогов А.А.
 Пирогов И.И.
 Писарев А.А.
 Платова (Грекова) М.М.
 Платов М.И.
 Платов М.М.
 Платовы
 Платцов Н.П.
 Плугин Л.
 Поведская И.Н.
 Погодин М.
 Подмазо А.А.
 Подушков Д.Л.
 Полевой Н.А.
 Полетаева Г.А.
 Полетаев И.И.
 Полибина (Карбоньер) А.
 Поливанов М.Д.
 Поливанов Ю.И.
 Полторацкая (Сухарева) А.М.
 Полторацкая (Керн) А.П.
 Полторацкий К.М.
 Полукетов Б.В.
 Поль (Полль) И.Л.
 Понсет М.И.
 Пон-де Руа (Понт-ле-Руа) Ф.Н.
 Понинская (Олсуфьева) А.В.
 Понятовский Ю.
 Попандоуло
 Попов А.И.
 Попов А.Н.
 Посніков Ф.Н.
 Поссе (Левиз оф Менар) И.В.
 Потапов А.Н.
 Потапов Л.И.
 Потемкина (Голицына, Полторац-
 кая) С.Б.

Потемкин Г.А.
 Потемкин Я.А.
 Потемкины
 Потоцкая (Шуазель-Гуфье, Бахмев-
 тева) В.С.
 Потоцкая (Нарышкина) О.С.
 Потоцкая (Браницкая) Р.С.
 Потоцкие
 Потоцкий С.С.
 Потоцкий С.Ф.
 Потрашков С.В.
 Потулов П.В.
 Похвиснев М.Н.
 Поццо ди Борго К.А.
 Правдич-Залесская (Мантейфель,
 Гудович) Е.Н.
 Пражевская (Левинская) В.П.
 Пребстинг (Ганн, Васильчикова)
 Е.М.
 Предтеченский А.В.
 Прендель В.А.
 Прерадович Р.С.
 Пресняков А.Е.
 Пржибышевский И.Я.
 Пробин (Чичагова) Е.К.
 Прозоровская (Капцевич) М.П.
 Прозоровская (Ушакова) Н.Д.
 Прозоровский А.А.
 Прокудина (Запольская) Н.П.
 Пруминская (Чарныш) С.С.
 Пронштейн А.П.
 Проскурин Б.М.
 Протасов А.А.
 Протасова (Дорохова) А.Я.
 Протасова (Васильчикова) В.П.
 Протасова (Ростопчина) Е.П.
 Протасовы
 Прыгин Ю.Д.
 Пугачев В.В.
 Пугачев Е.
 Пузанов В.В.
 Пупарев А.Г.
 Пустошкина (Урусова) М.С.
 Пушкін А.С.
 Пушкин В.Л.
 Пущина (Набокова) Е.И.
 Пуштин П.П.

Пушин П.С.
Пыляев М.И.
Пыпин А.Н.
Пышницкий Д.И.

Рабинович М.Д.
Радожницкий И.Т.
Радт С.Л.
Раевская (Орлова) Е.П.
Раевская (Волконская) М.Н.
Раевская С.А.
Раевский А.Н.
Раевский А.Ф.
Раевский В.Ф.
Раевский Н.Н.
Разумовская (Гудович) П.К.
Разумовский А.К.
Разумовский П.К.
Расин Ж.
Рахманов В.С.
Рахманов Ф.М.
Рачинский А.М.
Рединдер
Резвой (Резвый) Д.П.
Разумовская (Репнина) В.А.
Рейман (Ольдекоп) А.О.
Рейхель А.А.
Ренни Р.Е.
Репнин А.И.
Репнин Н.В.
Репнин Н.Г.
Репнин Н.И.
Репнин М.И.
Репнинская (Сулима) Е.Я.
Репнинские
Репнинский С.Я.
Репнинский Ст. Я.
Репнины
Рерн И.Б.
Ржевусская (Собаньская, Витт) Т.-
К.А.
Рибас О.М.
Ринго А.
Ридингер Ф.В.
Ридингер А.Д.
Ридингер А.К.
Ридингер Е.М.

Риебек И.К.
Римская-Корсакова (Коновнищина)
А.И.
Римский-Корсаков А.М.
Римский-Корсаков И.Н.
Ритерн (Хомякова) А.И.
Рихтер Б.Х.
Ришар (Клейнмихель) А.Ф.
Ришелье Э.О.
Роджерсон
Родзянко (Шперберг) Е.П.
Родзянко (Ушакова) С.Г.
Родионова (Денисова) Е.М.
Родионов М.И.
Рожков А.
Розен А.В.
Розен Г.В.
Розен И.К.
Розен Ф.Ф.
Розены
Романович-Славятинский А.
Романовы
Ромм Ж.
Росси (Россий) И.П.
Ростворовская (Винцингероде) Е.А.
Ростоцкий Ф.В.
Рот Л.О.
Ротгоф Г.И.
Ртищев Н.Ф.
Руденшельд М.
Рудзевич А.Я.
Румянцев Н.П.
Русанов И.И.
Рыков В.Д.
Рылеев А.Н.
Рылеев М.Н.
Рычкова (Рейхель) Д.Н.
Рэй М.П.
Сабанев И.В.
Сабир И.И.
Сабдуков Н.А.
Сабдукова (Мадатова) С.А.
Саварн Р.
Савонин Е.Я.
Сазонов И.Т.
Сазонов Ф.В.

Саксен-Веймарский К.А.
 Саксен-Кобург-Готская Ю.Г.
 Саксен-Кобург-Зафельдская (Вюртембергская) А.
 Саксен-Кобургский Л.Г.
 Саксен-Кобургский Э.А.
 Саксен-Кобургские
 Салтыкова (Кишкенская) Е.А.
 Салтыкова (Чичерина) Е.А.
 Салтыков И.П.
 Салтыков Н.И.
 Салтыковы
 Самойлов А.Н.
 Сандерс М.А.
 Сандерс Ф.И.
 Сантс А.Ф.
 Сапожников А.И.
 Сафонов М.
 Сафонова (Потемкина) В.И.
 Свечин А.С.
 Свечин Н.М.
 Свечины
 Сви́дерская (Кафтырева) О.И.
 Святополк-Четвертинская Ж.А.
 Сдвижков Д.А.
 Седморацкий А.К.
 Селявин Н.И.
 Семевский В.И.
 Семевский М.И.
 Сен-При Э.Ф.
 Сеславин А.Н.
 Сестранкевич-Богущ (Гурцелова) А.И.
 Сибирский А.В.
 Сиверс (Берг) Г.Д.
 Сиверс Е.К.
 Сиверс И.Х.
 Сиверс К.К.
 Сиверс М.М.
 Сиверс Я.Е.
 Сиверсы
 Сидорова М.В.
 Симанский П.
 Синельников Ф.М.
 Синицын Ф.Д.
 Сипягин Н.М.
 Сироткин В.Г.
 Скавронская (Багратион) Е.П.
 Скавронская (Пален, Ожаровская) М.П.
 Скалон А.А.
 Скрипичина (Бердяева) Н.А.
 Славутинский С.Т.
 Смирнов А.А.
 Смиттен (Баркла́й де Толли) Е.И.
 Смиттен М.Э.
 Снарская (Витгенштейн) А.С.
 Собаккина (Белоградская) М.П.
 Соглаев В.Т.
 Соковнин Б.С.
 Соколов О.В.
 Соколовская Т.
 Соколовский О.К.
 Соллогуб В.
 Соловьев С.
 Соломенц И.М.
 Сомов
 Сорокин А.Д.
 Сосницкая (Гессе) К.Л.
 Сперанский М.М.
 Ставиц(с)кий М.Ф.
 Ставраков С.Х.
 Сталь (Шталь) Е.Ф.
 Сталь (Стааль) К.Г.
 Стамова И.
 Старжинская (Ожаровская) С.А.
 Стасинос (Балла) С.И.
 Стедшик К.Л.Б.Х.
 Строганов П.А.
 Строгановы
 Стройновский В.
 Ступишина (Панчулидзева) А.И.
 Ступкин Е.И.
 Субтельный О.
 Суворов А.А.
 Суворов А.В.
 Сулима Н.С.
 Суровцева А.Т.
 Сутгоф Н.И.
 Сутугина (Ляпунова) Е.И.
 Сухарев А.Д.
 Сухово-Кобылина (Яшвилъ) В.А.
 Сухозанет И.О.
 Сухотин А.Н.

Сухтелен (Грессер) Л.П.	Тотфалушин В.П.
Сухтелен П.К.	Трачевский А.
Сухтелен П.П.	Трескин М.И.
Сухтелены	Третьяков И.И.
Сушинский М.	Троицкий Н.А.
Сысоев В.А.	Троицкий С.М.
	Трошинский И.Е.
Такала И.Р.	Трубецкая (Кашинцова, Ланжерон)
Талберг Ф.	Н.П.
Талызин А.И.	Трубецкой А.
Талызин П.А.	Трубецкой В.С.
Талызин С.А.	Трубецкой С.Е.
Талызин Ф.И.	Трузсон (Труссон) Х.И.
Танич М.	Тумин Е.
Тарасов Е.И.	Тургенев А.М.
Тарле Е.В.	Турусов В.П.
Тарновская (Ладыженская) Е.А.	Турчанинов А.П.
Тартаковский А.Г.	Турчанинов И.П.
Татищев А.И.	Турчаниновы
Татищев Н.А.	Туссен И.
Тауэцини Ф.Б.Э.	Тутолмин Д.Ф.
Ташковская (Сибирская) Ж.О.	Тучков А.А.
Тейль ван Сераскеркен Ф.В.	Тучков Н.А.
Тенишева (Желтухина) Е.Д.	Тучков П.А.
Теслев А.П.	Тучков С.А.
Тетенборн Ф.К.	Тучкова-Огарева Н.А.
Тизенгаузен (Бистром) Ш.А.	Тучковы
Тизенгаузен (Сиверс) Ш.	
Тилеман (Тильман) И.А.	Уваров С.С.
Типольде (Жемчужникова) А.И.	Уваров Ф.П.
Титов Н.Ф.	Удом Е.Е.
Тиханов И.С.	Удом И.Ф.
Толстая (Влодек) А.Д.	Уланиус К.К.
Толстая (Гурьева) А.П.	Уланов Г.П.
Толстая (Закревская) А.Ф.	Ульянов А.И.
Толстая (Ивашева) В.А.	Ульянов И.Э.
Толстая (Голицына, Толстая) М.А.	Уманец А.С.
Толстой В.С.	Урусова (Мусина-Пушкина) М.А.
Толстой Л.Н.	Урусов А.П.
Толстой Н.А.	Урусов Н.Ю.
Толстой П.А.	Урусовы
Толстой Ф.П.	Устрялов Н.Г.
Толь К.Ф.	Ушаков И.М.
Томсинов В.	Ушаков Н.А.
Тормасов А.П.	Ушаков П.Н.
Торнау (Дибич) А.Е.	Ушаков С.Н.
Торсукова (Киккина) М.А.	Ушаковы

Фанзова И.В.
 Файбисович В.М.
 Фаленберг П.И.
 Фасколева (Лидерс) С.И.
 Федоров В.А.
 Фези К.К.
 Феньш А.С.
 Феофанов А.М.
 Фердинанд (эрц-герцог)
 Ферстер Е.Х.
 Филлпеску
 Филлпстальский (Гессен-Филлп-
 стальский) Э.
 Филлисова М.С.
 Филлисов П.А.
 Фиркс (Ридигер) Л.К.
 Фландр С.
 Фок А.Б.
 Фок Б.Б.
 Фок (Багговут) Е.Я.
 Фоки
 Фоменко И.Ю.
 Фонвизин М.А.
 Фонвизина (Головина) Е.П.
 Фосс
 Франц I
 Фреден
 Фрейгольд (Клодт фон Юрген-
 сбург) Е.Я.
 Фрейман Ф.
 Френсис Ле Грис (Феньш) С.
 Фридрих II
 Фридрих-Вильгельм III
 Фролова (Иловайская) А.П.
 Фүль К.Л.А.

Хабибуллин В.И.
 Ханыкова (Бибикова) А.В.
 Ханыкова (Ланская) А.М.
 Ханыков В.В.
 Харкевич В.
 Хилков С.А.
 Хилковы
 Хитрово (Оленина) В.П.
 Хитрово (Тизенгаузен) Е.М.
 Хитрово (Урусова) И.Н.

Хитрово Н.З.
 Хитрово Н.Ф.
 Хлопов В.В.
 Хованские
 Хованский Н.Н.
 Хомутов С.Г.
 Хомутова А.Г.
 Хомутова (Аракчеева) Н.Ф.
 Хомяков А.А.
 Хорват фон Куртич И.
 Храповицкий И.И.
 Храповицкий М.Е.
 Хрущов И.А.
 Худушина И.Ф.

Цвиллинев А.И.
 Целорунго Д.Г.
 Цицианов И.Д.
 Цорн П.И.
 Цоффка В.В.
 Цукато Г.Г.
 Цыбульский И.Д.

Чаликов (Шаликопвили) А.С.
 Чаликовы
 Чандлер Д.
 Чаплиц Е.И.
 Чарныш (Черныш) И.И.
 Чарторыйский А.
 Чарторыйский К.
 Челышева (Кологривова) Е.А.
 Чернева (Галате де Жепола) А.И.
 Чернозубов И.Ф.
 Чернозубова М.А.
 Чернышев А.И.
 Чернышев З.Г.
 Чернышевский Н.Г.
 Чертова (Хрушева) П.Д.
 Четвертинская (Бахметева) Н.Г.
 Чингизхан
 Чиркова (Давыдова) С.Н.
 Чичагов П.В.
 Чичерин А.В.
 Чичерин В.Н.
 Чичерин Н.А.
 Чичерин П.А.
 Чичеринны

Чоглоков П.Н.
Чудинов А.В.
Чуйкевич П.А.
Чулков Н.П.

Шапг де Ростиньяк К.Г.
Шарапова (Дорохова) А.А.
Шарлотта Английская (Саксен-Кобургская)
Шарнгорст Г.И.Д.
Шарова (Шинкина) В.В.
Шаховская (Шувалова) В.П.
Шаховские
Шаховской А.А.
Шаховской И.Л.
Шварц (Эккерт, Эмме) Д.В.
Шварценберг К.Ф.
Швебе (Розен) Е.
Шевич И.
Шевич И.Г.
Шевляков С.К.
Шегарова (Дехтерева) А.Ф.
Шедны Я.
Шеле Г.Х.
Шельтинг (Шинкова) Д.А.
Шемшуков Я.М.
Шемакина (Бороздина) Е.А.
Шеннг Н.И.
Шенк цу Кастель (Цвеленева, Криштафович) Ф.Ф.
Шеншин В.Н.
Шепелев В.Ф.
Шепелев Д.Д.
Шепелев Л.
Шепелевы
Шешуков Н.И.
Шидловская (Корф) Е.Г.
Шильдер Н.К.
Шинман
Шипова (Ласкина) М.Ф.
Шинкин Н.А.
Шинков А.С.
Шкапский М.А.
Шлеттер
Шнейдер (Ферстер) Л.И.
Шнихельн (Беннигсен) А.
Шницлер И.

Шостаков Г.А.
Шостаков Д.В.
Шостакова П.Ф.
Шотен Д.И.
Шперберг И.Я.
Шредер (Ефимович) А.И.
Шрейдер П.П.
Шрейтерфельд К.И.
Штаден Е.Е.
Штакельберг (Говен, Эссен) М.А.
Штейн А.
Штейн Г.Ф.К.
Штейнберг (Беннигсен) Ф.
Штейнгель Ф.Ф.
Штерич (Мусина-Пушкина) А.П.
Штернгельм (Гельфрейх) Ш.В.
Штрадман (Толь) О.Г.
Штрик Ф.Б.
Шуэль-Гуфье С.
Шуберт Ф.Ф.
Шувалов П.А.
Шуваловы
Шульгин А.С.
Шульгина (Криштафович) А.И.
Шумигорский Е.С.
Шумская (Шинкина) А.
Шуханов Д.В.
Шуханова А.

Щебальский П.
Щепачкина (Карпенко)
Щепочкина (Мещеринова) Е.И.
Щербатов
Щербатов А.Ф.
Щербатов А.Г.
Щербатов Н.Г.
Щербатова (Каменская) А.П.
Щербатова (Храповицкая) А.С.
Щербатова Р.Ф.
Щербатовы
Щербинин А.А.
Щиц (Мусина-Пушкина) М.Ф.
Щукин П.И.

Эдельман О.В.
Эйдельман Н.
Эдлинг Р.С.

Эйлер А.Х.
Экштут С.А.
Эммануэль (Мануилович) Г.А.
Эмме И.Ф.
Энгельгардт (Вадбольская) В.Г.
Энгельгардт Г.Г.
Энгельгардт (Свечина) Е.В.
Энгельгардт Л.Н.
Энгельгардт (Штейнгель) Н.Н.
Энгельгардт П.М.
Энгельман П.И.
Эртель Ф.Ф.
Эссен А.А.
Эссен (Пален) Е.И.
Эссен И.Н.
Эссен К.
Эссен П.К.
Эшлиман К.К.

Юзефович Д.М.
Юзин В.
Юний (Гогель) М.А.
Юрговская (Репнинская)
Юркевичева (Засс) А.Ф.
Юрковская (Удом) Т.А.
Юрковский А.А.
Юрлов И.И.
Юсуф-Паша
Юшков А.И.

Ягодин А.А.
Яковкина Н.И.
Яковлева (Никитина) Е.С.
Янова (Родионова) П.И.
Яновский А.Д.
Ясинская (Падейская) А.О.
Яфимович И.Л.
Яфимович (Каменская) М.И.
Ячменник К.М.
Яшвили
Яшвиль (Яшвили) В.М.
Яшвиль (Яшвили) Л.М.

Bezotosnyi V.
Ratchinski A.
Six G
Stedingk

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....

Часть 1. Генералитет в системе управления Российской империи

Наброски для создания грунтового портрета.....
Генеральские кадры императора Александра I: списки
генералитета по старшинству.....
Пирамида генеральских чинов.....
Генерал-адъютанты императора.....
Александр I и армия в начале его царствования.....

Часть 2. Россия в войнах начала XIX столетия и борьба генеральских честолюбий

Кампания против наполеоновской Франции 1805 г.....
Кампания против наполеоновской Франции 1806–1807 гг.....
«Малые войны» России в наполеоновский период.....
Предвоенные реформы в армии.....
Процесс обновления генералитета.....

Часть 3. «Година бед – година славы»

1812-й год – начало количественного роста генералитета.....
Император и система военного управления в 1812 году.....
Расстановка командных кадров в 1812 году.....
Заранее заданный сценарий: Жертвы во имя воцеления
замысла.....
Главный «виновник» всех бед и «русская» партия.....
Генеральский заговор или легитимная военная оппозиция?.....
Кутузов: «Избрание, сверх воинских дарований».....
Бородино – «равен был неравный спор»; Битва генералов.....
Интриги Тарутинского лагеря: «нелюмение в полководцах
наших».....
Легендарный «вихорь»-атаман и его «брат» Вильсон.....
Под занавес кампании: генеральские обиды.....
Кутузов и теория «золотого моста».....
Заграничные походы. Генералитет под главенством
«кротчайшего» монарха».....
Генералитет в послевоенной мирной России.....

Часть 4. Генералы-победители. Контент-анализ участников Отечественной войны 1812 года

Происхождение, национальность и вероисповедание генералов.	
Отечественной войны 1812 года	
Генералы-иностранцы на службе русского царя.	
Специфика российского генералитета	
Национальный аспект в генеральских спорах 1812 года	
«Как хорошо быть генералом». Образование и воспитание генералов Материальное обеспечение генералов	
«За богом молитва, а за царем служба не пропадет».	
Генеральская карьера	
«Береги честь смолоду». Репутация «героев былых времен»	
Генеральские «болезни»	
Генеральские семьи: «Дворяне - все родня друг другу»	
Титулованный генералитет.	
Социально-политические и психологические особенности генералитета.	

Приложения

Таблица 5	
Таблица 6	
Таблица 7	
Таблица 8	
Таблица 9	
Таблица 10	

Список использованных источников и литературы

Именной указатель